ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-я.

ОКТЯБРЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. Шарлемань

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго. Могилевская, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 10-ая. — ОКТЯБРЬ, 1869.

I. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. **Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть четвер тая.—Книга одинадцатая.—VII-XVII.—Книга двѣнадцатая.—I-VII. (Переводъ с рукописи) . . . .

II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — Глава третья.— VI Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году.— VII. Финансовыя затрудне нія. — Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго. — Переговоры съ Булгаков вымъ.—Письмо къ Екатеринѣ.—Отвѣтъ ея.—Король приступаетъ къ конфедера ціи.—Бѣгство патріотовъ.—Впечатлѣніе событій.—VIII. Господство конфедера ціи.—Униженіе короля.—Злоупотребленія Конфедераціи.—Тайныя сношенія дер жавъ о раздѣлѣ Польши.—Прусская Нота.—Тревога Конфедераціи.—IX. Сноше нія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши.—Делегація въ Петербургѣ.— Тревога Конфедераціи.—**Н. И. Костомарова** . . . .

III. — МАВРИТАНСКІЙ КОРОЛЬ. (Изъ Гейне). Стихотвореніе.—**А. Я-ва**. . . . .

IV. — СЕСТРА РОЗА.—Повѣсть.—(Переводъ съ рукописи).—**Андре Лео**. . . . .

V. — ФЛОРЕНЦІЯ И ЕЯ СТАРЫЕ МАСТЕРА.— Статья вторая и послѣдняя. — **Д. [illegible] Каченовскаго** . . . .

VI. — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И КВАКЕРЫ. — **А. П.** . . . .

VII. — МЕМУАРЫ ИЗЪ ПРОШЕДШИХЪ ВРЕМЕНЪ.—**М. М.** . . . .

VIII. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ.— Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.—**А. П-въ**. . . . .

IX. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.— ШЕКСПИРОВСКАЯ КРИТИКА ВЪ ГЕР МАНІИ.—**Н. Стороженко**. . . . .

X. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ — Почтовое дѣло и почтовыя ревизіи.— Новыя усло вія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 г. — Наши экономическія дѣла.— Спекуляція. — Биржа. — Банки. — Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ.— Выпускъ ассигнацій.—Кризисъ.—Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати.— Новый съѣздъ петербургскаго духовенства.—Прекращеніе безпорядковъ въ кир гизскихъ степяхъ.—Виды въ будущемъ . . . .

XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Русскіе публицисты и братья славяне. — Фаль шивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ.—Янъ Гусъ и Богемія.— Праздно ваніе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ.—Палацкій.—Москва и рѣчь М. [illegible] Погодина.—Выборы въ богемскій сеймъ.— Политика Австріи.— Пруссія.—Пет ція Шлезвига.—Рѣчи и военные маневры Вильгельма I.—Франція, Принцъ На полеонъ и Кератри.—Годовщина испанской революціи.—Куба и Сѣверо-Амери канскіе Штаты.—Италія. . . . .

XII. — МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.—**Бар. Н. Корфа**. . . . .

XIII. — ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.—**К. К. Арсеньева**. . . . .

XIV. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.— Сентябрь.— Свобода рѣчи, терпимость и на[illegible] законы о печати. — О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ [illegible] англійскаго.—Исторія русской литературы (для учащихъ) составилъ А. Кирпи[illegible] никовъ. — Роландъ. Древняя французская поэма. Вольный, переводъ Б. Ал[illegible] зова.—Стихотворенія, басни и пѣсни. Соч. А. А. Звонарева.—Духовныя стих творенія Ѳедора Николаевича Глинки. — **А. С.** . . . .

XV. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

[illegible]В. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногороднихъ подписчиковъ на [illegible]писки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія пе[illegible] и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА VII *).

МИЛЛІОНЪ ДЕНЕГЪ И НОВЫЙ МУНДИРЪ.

По возвращеніи на виллу, Роландъ былъ немедленно позванъ къ отцу. Зонненкампъ, увидя его входящимъ въ комнату, воскликнулъ:

— Сынъ мой! Дорогой мой сынъ! Все для тебя!... Твоя будущность наконецъ обезпечена! Возлюбленный мой, все для тебя!

Онъ съ необычайной силой приподнялъ юношу на воздухъ, какъ маленькаго ребенка.

— Роландъ, совершилось! Никогда не забывай настоящей минуты: она принесла съ собой осуществленіе главной цѣли моей жизни, преисполненной бѣдствій, неудачъ и опасностей. Сынъ мой, отнынѣ тебя зовутъ: Роландъ фонъ-Лихтенбургъ.

И онъ опустилъ Роланда на полъ. Мальчикъ весь дрожалъ и взглядъ его невольно искалъ зеркала.

— Да, со смѣхомъ сказалъ отецъ: — смотри, каковъ бываетъ молодой баронъ. Ахъ, дитя, ты только позже поймешь все значеніе выпавшаго на твою долю блага, а теперь, пусть происшедшее между нами останется въ тайнѣ. Ни я, ни ты, мы не должны высказывать передъ свѣтомъ нашей радости. Я при-

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь, 473; іюль, 5; авг. 447; сент. 447 стр. и слѣд.

творюсь равнодушнымъ, а ты всего болѣе остерегайся капитана Дорнэ. Какъ вы скоро вернулись! Гдѣ васъ нашелъ мой посланный?

Роландъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ о посланномъ и тутъ только услышалъ, что отецъ ночью отправилъ къ нимъ въ Маттенгеймъ ѣздового съ предписаніемъ немедленно вернуться на виллу. Зонненкампъ разсказалъ ему еще, что сынъ совѣтницы, произведенный въ прапорщики, съ нѣсколькими товарищами пріѣхалъ къ матери на дачу и явится къ Роланду вмѣстѣ съ нимъ обѣдать.

— Но гдѣ же капитанъ Дорнэ? спросилъ Зонненкампъ.

Роландъ сказалъ, что онъ остался у фрейленъ Милькъ. Зонненкампъ усмѣхнулся и сталъ внушать сыну, чтобъ онъ не измѣнялъ своего обращенія съ Эрихомъ, которому онъ во всякомъ случаѣ обязанъ благодарностью за всѣ его заботы и попеченія. Но болѣе всего Зонненкампъ напиралъ на необходимость быть скромнымъ и не высказывать своей радости.

— Ты тоже, прибавилъ онъ, долженъ привыкнуть къ тому, чтобъ не показывать передъ другими, какъ высоко цѣнишь свое возвышеніе въ свѣтѣ. А теперь иди къ матери. Нѣтъ... погоди! Ты долженъ получить отъ меня еще нѣчто, что̀ сдѣлаетъ тебя сильнымъ, гордымъ и дастъ тебѣ увѣренность въ самомъ себѣ. Постой тутъ и ты увидишь, какъ глубоко и искренно я тебя уважаю. Ты въ моихъ глазахъ уже совершенно взрослый человѣкъ.

И поискавъ въ карманѣ, онъ вынулъ ключъ и приблизился къ вдѣланному въ стѣну несгараемому шкапу. Онъ прижалъ пружину и обѣ половинки шкапа мгновенно распахнулись.

— Смотри, сказалъ онъ, все это будетъ принадлежать тебѣ— тебѣ и твоей сестрѣ. Приди сюда и дай свои руки—вотъ такъ.

Зонненкампъ вынулъ изъ шкапа объемистый пакетъ и продолжалъ:

— Держи крѣпче, здѣсь заключается милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Знаешь ли ты, что̀ такое одинъ милліонъ фунтовъ? Онъ равняется шести милліонамъ талеровъ: вотъ они здѣсь всѣ въ бумагахъ, а у меня въ шкапу еще кромѣ того остаются кое-какія крохи. Что, у тебя рябитъ въ глазахъ? Ну, это ужъ лишнее, тебѣ только слѣдуетъ знать, что̀ ты держишь въ рукахъ. Съ этимъ ты можешь управлять всѣмъ міромъ. Ну, дай назадъ. Смотри, вотъ гдѣ лежитъ этотъ пакетъ. Рядомъ съ нимъ находятся другія бумаги, а внизу золото въ монетахъ, — я очень люблю его въ этомъ видѣ,—и золото въ слиткахъ. Я не вѣченъ. Я и то по временамъ чувствую головокруженіе, пред-

вѣстникъ того вихря, который долженъ подхватить меня и унести съ лица земли. Вотъ тутъ на верху лежитъ моя духовная: ты со дня моей смерти становишься совершеннолѣтнимъ. Ну, дай же мнѣ руку, мой взрослый сынъ. А какъ ты себя чувствуешь послѣ того какъ подержалъ милліонъ? Не правда ли, это сообщаетъ силу? Не робѣй-же, я вполнѣ тебѣ довѣряю. Только ты, да я, одни все знаемъ. Иди же, иди, сынъ мой. Будь гордъ въ самомъ себѣ и скроменъ передъ свѣтомъ. Ты богаче всѣхъ дворянъ въ странѣ, можетъ быть богаче самого герцога. Такъ, такъ... эта минута дѣлаетъ меня несказанно счастливымъ. Если я умру, ты уже знаешь—все знаешь. Ну, иди. Только прежде дай мнѣ еще разъ тебя поцаловать. Вотъ такъ, теперь ступай.

Роландъ не могъ произнести ни слова. Онъ долго стоялъ за дверьми, смотря на руки, которыя за минуту передъ тѣмъ держали милліонъ. Ему внезапно пришло на умъ все, что̀ онъ въ теченіе своей жизни слышалъ о радостяхъ, какія доставляетъ богатство, и о печаляхъ, которыя оно будто бы нерѣдко причиняетъ. Но самъ онъ въ эту минуту ничего не ощущалъ, кромѣ счастья и гордаго сознанія собственной силы. Ему очень хотѣлось всѣмъ этимъ подѣлиться съ Эрихомъ, но онъ не смѣлъ. Отецъ довѣрился ему и онъ не хотѣлъ измѣнять данному слову.

Роландъ пошелъ къ матери и засталъ ее въ большой залѣ. Церера, одѣтая въ роскошное платье, расхаживала взадъ и впередъ по комнатѣ, охорашиваясь и стараясь придать себѣ какъ можно болѣе важный видъ. Она встрѣтила сына легкимъ наклоненіемъ головы, долго на него смотрѣла, потомъ сказала:

— Знаешь ли ты, какъ мнѣ слѣдуетъ теперь кланяться? Ты болѣе не долженъ говорить просто: здравствуйте мама̀, а здравствуйте, фрау мама̀... Добраго утра, баронесса... Вы слишкомъ милостивы, баронесса... Не соблаговолите ли вы, баронесса... Какъ вы прелестны, баронесса... ха, ха, ха!

Роландъ вздрогнулъ: ему показалось, что мать его внезапно сошла съ ума. Минуту спустя, Церера остановилась передъ зеркаломъ и сказала:

— Твой отецъ правъ, говоря, что всѣ мы только сегодня родились. Ну, приди же, поцалуй твою мать, баронессу.

Она крѣпко обняла сына и прибавила, что желала бы полюбоваться, какъ ее теперь будутъ честить злые языки, которые, узнавъ о ея возвышеніи, должны просто всѣ съ ума сойти.

— Но гдѣ же Манна? спросилъ Роландъ.

— Манна глупая дѣвочка, которую монастырь въ конецъ испортилъ. Она заперлась въ свою комнату и никого къ себѣ не пускаетъ. Попробуй ты поговорить съ ней: можетъ быть, тебѣ

и удастся вразумить ее. Мы всѣ теперь должны быть очень умны, ловки и осторожны. Профессорша постоянно говорила мнѣ, что я умна и теперь я хочу на дѣлѣ оправдать ея слова. Толстая баронесса фонъ-Эндлихъ и гордая какъ павлинъ графиня Вольфсгартенъ... а что, вѣдь и мы со временемъ можемъ сдѣлаться графами... обѣ онѣ, я полагаю, что называется, лопнутъ съ досады. Поди, дитя мое, къ твоей сестрѣ, и постарайся привести ее сюда. Мы съ ней вмѣстѣ одѣнемся, какъ можно роскошнѣе, и будемъ радоваться нашему счастью. А ты завтра съ отцомъ и барономъ Пранкеномъ поѣдешь въ столицу.

Роландъ отправился въ комнату Манны, постучался къ ней въ дверь и позвалъ ее. Она, послѣ долгаго молчанія, ему наконецъ отвѣчала просьбой еще немного оставить ее одну и обѣщалась сама придти къ нему черезъ часъ.

Возвращаясь къ себѣ, Роландъ наткнулся на Пранкена. Послѣдній горячо его обнялъ, назвалъ братомъ и осыпая поздравленіями довелъ его до самой комнаты, куда онъ шелъ. Тамъ лежалъ приготовленный для Роланда мундиръ. Пранкенъ уговаривалъ мальчика немедленно его надѣть, но тотъ отказался, сказавъ, что хочетъ прежде сдать свой экзаменъ.

— Экзаменъ! со смѣхомъ повторилъ Пранкенъ. Ба! онъ страшенъ только для бѣдныхъ мѣщанскихъ юношей. Вы же, мой молодой другъ, теперь баронъ и экзаменъ для васъ пустая форма.

Роландъ не заставилъ себя долго просить и вскорѣ переодѣлся съ помощью Пранкена. Мундиръ сидѣлъ на немъ какъ вылитый, прекрасно обрисовывая его стройный и въ тоже время крѣпкій станъ. У него были широкія плечи и вся фигура, несмотря на гибкость, изобличала силу.

— Я, собственно говоря, сказалъ онъ, желалъ бы быть морякомъ, но у насъ нѣтъ флота.

Роландъ вторично, въ сопровожденіи Пранкена, пошелъ къ Маннѣ и закричалъ ей сквозь закрытую дверь, чтобъ она пришла взглянуть на него въ его новомъ мундирѣ. Но онъ не получилъ никакого отвѣта.

Тогда они отправились къ отцу, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ къ матери. Церера не могла налюбоваться сыномъ. Роландъ едва владѣлъ собой. Онъ вышелъ въ паркъ, показывая свой новый мундиръ деревьямъ, облакамъ и цвѣтамъ, но тѣ смотрѣли на него молча, ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчая на его восторгъ. Онъ пошелъ къ слугамъ и тамъ наконецъ былъ осыпанъ поздравленіями.

Роландъ стоялъ у входа въ паркъ, держась рукой за шпагу,

а кастелянъ, въ качествѣ отставного солдата, отдалъ ему честь по-военному. Къ нимъ подошелъ Эрихъ. Онъ въ первую минуту не узналъ своего воспитанника и когда тотъ заговорилъ, сильно вздрогнулъ. Щеки Роланда пылали и онъ воскликнулъ:

— Ахъ, Эрихъ, еслибъ я могъ тебѣ все сказать! Я точно сталъ другимъ человѣкомъ, точно попалъ въ какой-то заколдованный кругъ. Скажи мнѣ, сплю я, или бодрствую, вижу все это во снѣ, или на яву? Ахъ, Эрихъ, я больше не могу говорить!

Они вмѣстѣ пошли въ свою комнату. Роландъ все добивался у Эриха, также ли тотъ былъ доволенъ, какъ онъ, когда въ первый разъ надѣлъ мундиръ.

Эрихъ не зналъ, что ему отвѣчать, и мысленно старался припомнить свои тогдашнія ощущенія, но у него гораздо живѣе осталось въ памяти то чувство, съ которымъ онъ въ послѣдній разъ снялъ свой мундиръ. Вдругъ ему пришли на умъ слова доктора Рихарда, который утверждалъ, будто Роландъ никогда не радовался новому платью. Теперь мальчикъ стоялъ передъ нимъ въ восторгѣ отъ своего пестраго мундира. Всѣ его идеалы какъ будто мгновенно померкли, или вѣрнѣе, сосредоточились на этомъ военномъ сюртукѣ. Эрихъ грустно смотрѣлъ на Роланда. Онъ ему уже говорилъ, что два лучшіе момента въ жизни солдата тѣ, когда онъ въ первый разъ надѣваетъ и въ послѣдній разъ снимаетъ свой мундиръ, но теперь онъ не рѣшался ему это еще разъ повторить. Есть вещи, которыя всякій, чтобъ имъ повѣрить и ихъ себѣ усвоить, непремѣнно долженъ самъ испытать. Эриху казалось, что онъ внезапно очутился посреди какого-то страшнаго хаоса.

Вскорѣ явился Іозефъ: Зонненкампъ немедленно требовалъ къ себѣ Эриха.

У молодого человѣка сильно кружилась голова, онъ чувствовалъ, какъ изъ-подъ ногъ его исчезала почва и онъ, шатаясь, точно во снѣ, прошелъ черезъ дворъ и поднялся по лѣстницѣ, которая вела въ комнату Зонненкампа. Въ передней онъ остановился перевести духъ и собраться съ силами. Онъ полагалъ, что для него настала рѣшительная минута.

ГЛАВА VIII.

НЕВЫСКАЗАННАЯ ТАЙНА.

Эрихъ вошелъ къ Зонненкампу, едва осмѣливаясь на него смотрѣть. Онъ боялся каждаго слова, которое тотъ могъ ему сказать, считая оскверненнымъ каждый предметъ, котораго дерзнула бы коснуться его мысль. Но взглянувъ на него, Эрихъ пришелъ въ изумленіе отъ перемѣны, происшедшей въ Зонненкампѣ. Могучая фигура и горделивая осанка этого человѣка исчезли, какъ бы по волшебству, уступивъ мѣсто необычайной скромности, кротости, почти дѣтскому смиренію. Онъ самымъ равнодушнымъ тономъ объявилъ Эриху, что герцогъ соизволилъ пожаловать ему дворянство и призывалъ его къ себѣ съ тѣмъ, чтобъ собственноручно передать ему дипломъ на новое званіе.

Эрихъ все еще съ трудомъ переводилъ духъ и не могъ говорить.

— Вы удивлены? спросилъ Зонненкампъ. Я знаю, еврейскій банкиръ отказался отъ этой чести, но.... господа евреи вообще лукавый народъ.... впрочемъ всякій дѣйствуетъ по своему разумѣнію. Знаю я также и то, что нѣкто докторъ Фрицъ, гостившій у филантропа Вейдемана, сообщилъ вамъ не совсѣмъ-то лестныя вещи о человѣкѣ, на котораго я имѣю несчастіе походить. Не правда ли, вѣдь я угадалъ? Я это вижу по вашему лицу. Надѣюсь, что вы.... нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, любезный другъ! Вы можете смѣло меня поздравить и вмѣстѣ со мной радоваться за нашего Роланда.

У Эриха отлегло отъ сердца. Все это, безъ сомнѣнія, была ошибка: иначе откуда бы взялось у этого человѣка столько самоувѣренности? Кто за себя боится, тотъ не можетъ быть такъ спокоенъ.

Зонненкампъ продолжалъ:

— Но вы останетесь нашимъ другомъ, не правда ли? Я надѣюсь, что ни вы, ни ваша благородная матушка не захотите насъ покинуть.

Онъ подалъ ему руку. Коснувшись ея, Эрихъ снова вздрогнулъ. Неужели и кольцо на большомъ пальцѣ тоже ошибка? Зонненкампъ вѣроятно смутно догадывался о томъ, что̀ происходило въ душѣ молодого человѣка, и быстро отдернулъ руку, какъ будто она нечаянно попала въ лапу дикаго звѣря. Но онъ мгновенно оправился и спокойно замѣтилъ:

— Я знаю, вы противникъ новаго дворянства.

— Болѣе того, началъ Эрихъ, я хотѣлъ бы еще сказать....

— Вы меня извините, рѣзко перебилъ его Зонненкампъ, если я въ эту минуту откажусь васъ слушать.

Затѣмъ онъ, быстро измѣнивъ тонъ, выразилъ надежду, что Эрихъ не откажетъ ему еще въ одной и послѣдней просьбѣ, а именно возьметъ на себя научить Роланда съ достоинствомъ держать себя въ своемъ новомъ званіи.

— Какъ хорошо было бы, еслибъ вы теперь же получили обѣщанную вамъ каѳедру! Я до пріѣзда нашего въ столицу, а можетъ быть и послѣ, помѣстилъ бы Роланда на одной квартирѣ съ вами. Вы по прежнему остались бы его наставникомъ и другомъ и все бы такъ хорошо устроилось!

Тутъ Зонненкампъ весьма развязно заговорилъ о необходимости посвятить Роланда во всѣ тайны такъ-называемой веселой жизни свѣтской молодежи. Онъ полагалъ, что это единственный способъ предохранить юношу отъ излишествъ, въ которыя онъ въ противномъ случаѣ легко можетъ впасть.

Эрихъ слушалъ молча. Онъ шелъ сюда съ намѣреніемъ предостеречь Зонненкампа, остановить его на опасномъ пути, но было уже слишкомъ поздно. Къ тому же самъ Зонненкампъ признаніемъ, что его нерѣдко смѣшивали съ Банфильдомъ, какъ бы поспѣшилъ предупредить всѣ дальнѣйшіе толки объ этомъ предметѣ. Чувствуя однако необходимость что-нибудь сказать, Эрихъ освѣдомился о маіорѣ. Зонненкампъ съ самодовольнымъ видомъ объявилъ, что постройка замка подходитъ уже къ концу и онъ намѣревается немедленно по возвращеніи своемъ изъ столицы устроить по этому случаю праздникъ. Маіоръ отправился сдѣлать необходимыя для этого распоряженія.

— А вы уже видѣлись съ вашей матушкой? въ заключеніе спросилъ Зонненкампъ.

— Нѣтъ еще.

— Я съ сожалѣніемъ узналъ, что она не совсѣмъ здорова и потому отказывается принять участіе въ нашей радости.

Эрихъ поспѣшилъ къ матери. Онъ еще никогда не видѣлъ ее больной, а теперь засталъ ее въ изнеможеніи лежащую на диванѣ. Она выразила удовольствіе, что онъ такъ скоро повиновался призыву, заключавшемуся въ ея письмѣ. Эрихъ не понималъ, о какомъ письмѣ она ему говорила, но оказалось, что профессорша вручила посланному въ Маттенгеймъ отъ Зонненкампа также и отъ себя записку, немедленно призывавшую сына домой.

Профессорша находилась въ лихорадочномъ состояніи и выражала опасенія, чтобъ ее не посѣтила серьёзная болѣзнь. Ей

все казалось, что домъ ея, качаясь, несется по волнамъ и съ неимовѣрной быстротой стремится въ морскую даль. Она должна была постоянно бороться съ дремотой, которая овладѣвала ею, лишь только она закрывала глаза. Ей стоило только на минуту забыться и передъ ней возникали страшные сны.

Приподнявшись немного, она сказала сыну:

— Но съ твоимъ возвращеніемъ все снова пойдетъ хорошо. Мнѣ было здѣсь такъ страшно одной!

Эрихъ, видя тревожное состояніе матери, счелъ невозможнымъ говорить съ ней теперь о томъ, что́ онъ слышалъ отъ Вейдемана.

— Ахъ, снова начала профессорша, какъ бы я желала, чтобъ тебѣ не пришлось испытать того же, что́ я теперь испытываю. Чѣмъ дольше я живу на свѣтѣ, тѣмъ непонятнѣе и загадочнѣе кажется мнѣ въ немъ многое. Вы, мужчины, несравненно счастливѣе: вы имѣете въ виду общее и потому гораздо менѣе страдаете отъ частностей.

Профессорша быстрымъ, тревожнымъ взглядомъ окинула сына. Ей очень хотѣлось подѣлиться съ нимъ страшной тайной, которая тяжелымъ камнемъ лежала у нея на сердцѣ, но она не имѣла духу смутить его покой и снова все скрыла въ себѣ.

Эрихъ между тѣмъ принялся описывать дѣятельность, кипѣвшую въ Маттенгеймѣ, и радость, какую ему доставляло видимое расположеніе къ нему Вейдемана. Разсказъ его точно внесъ лучъ свѣта въ комнату больной, которая замѣтно оживилась.

— Да, сказала она, люди въ тревогѣ легко забываютъ, что на свѣтѣ есть также много и прекраснаго.

Но вскорѣ она снова впала въ уныніе и съ тоской начала жаловаться на судьбу, которая возлагала такую тяжелую борьбу на дѣвушку, подобную Маннѣ. Едва успѣла она произнести имя молодой дѣвушки, какъ отъ нея явился посланный съ просьбой, чтобъ профессорша немедленно къ ней пришла.

Эрихъ хотѣлъ отвѣчать, что мать его больна и проситъ фрейленъ Манну, не будетъ ли она такъ добра сама пожаловать въ виноградный домикъ. Но профессорша остановила его:

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она: ей нужна моя помощь, я должна быть и буду здорова. Напротивъ, я очень рада, что долгъ предписываетъ мнѣ побороть это тяжелое, болѣзненное состояніе.

Она немедленно встала и отвѣчала посланному:

— Скажите, что я сейчасъ буду.

Затѣмъ она быстро одѣлась и въ сопровожденіи сына отправилась на виллу.

ГЛАВА IX.

ДЕВИЗЪ ГЕРОЯ РОЛАНДА.

У дверей Манны профессорша назвала себя по имени и они немедленно передъ ней растворились. Стоя на порогѣ, блѣдная и дрожащая, молодая дѣвушка съ утомленнымъ видомъ протянула ей руку.

— Я долго боролась одна, медленно проговорила Манна, но не нахожу выхода изъ своего положенія. Наконецъ я рѣшилась вамъ довѣриться.

И она разсказала, какъ, будучи маленькой дѣвочкой и потомъ уже взрослой дѣвушкой, она была страстно привязана къ отцу и нерѣдко горевала, видя дурное обращеніе съ нимъ матери. Но разъ какъ-то—она до сихъ поръ не знаетъ, что подало къ тому поводъ,—Церера въ припадкѣ гнѣва сказала ей въ присутствіи мужа:

— Знай же, кто твой отецъ, онъ....

— Прошу васъ, сама себя перебила Манна, не смотрите на меня и позвольте мнѣ вамъ это шепнуть на ухо.

И наклонясь къ профессоршѣ, она едва слышно произнесла страшное слово.

Профессорша сидѣла, сложивъ руки на колѣнахъ и опустивъ глаза въ землю. Въ комнатѣ царствовала невозмутимая тишина, точно весь свѣтъ мгновенно умеръ и обѣ сидящія здѣсь женщины тоже внезапно лишились жизни.

Немного спустя Манна продолжала свой разсказъ. Сначала она не поняла всего значенія словъ матери, но смыслъ ихъ мало-по-малу сдѣлался ей ясенъ. Тогда она рѣшилась идти въ монастырь. Ей пришла на память Ифигенія и она задумала, подобно ей, добровольнымъ принесеніемъ себя въ жертву искупить вину своихъ близкихъ.

— Въ сердцѣ моемъ, прибавила Манна, какъ будто что-то внезапно порвалось. Я смотрѣла на себя какъ на жертву, обреченную на смерть, и спѣшила съ собой покончить. Я боялась, чтобъ мнѣ не измѣнило мужество, и хотѣла поскорѣй себя связать.

Затѣмъ снова настало молчаніе, котораго профессорша ни словомъ не нарушила. Но у Манны вскорѣ вырвалось новое восклицаніе горя. Она не понимала, какъ могъ рѣшиться ея отецъ.... а сама она неужели дѣйствительно обречена быть знатной, равной по званію невѣстой Пранкена? Она хотя и видѣла въ немъ

человѣка свѣтскаго, тѣмъ не менѣе уважала его за искренность и благородство его религіозныхъ убѣжденій, но....

Вдругъ Манна съ громкимъ плачемъ бросилась профессоршѣ на шею:

— Нѣтъ, это невозможно! восклицала она: Я не могу быть его женой! Ахъ, какъ я слаба! Вы мнѣ предсказывали тяжелую борьбу, но этого я никакъ не ожидала и не подозрѣвала!

— Чего? спросила профессорша.

Манна, закрывъ лицо руками, вторично бросилась ей на шею и горько заплакала.

Профессорша убѣждала ее вполнѣ открыться ей, но Манна долго молчала, потомъ съ внезапной рѣшимостью сказала:

— Нѣтъ, это принадлежитъ мнѣ одной и со мной вмѣстѣ ляжетъ въ могилу.

Профессорша старалась, какъ могла, ее утѣшить. Она спросила у Манны, говорила ли та когда-нибудь обо всемъ этомъ съ своимъ духовникомъ на исповѣди. Молодая дѣвушка отвѣчала отрицательно, потомъ, бросившись на колѣни передъ профессоршей, умоляла ее никому не передавать того, что́ она ей разсказала о своемъ отцѣ. Но когда профессорша замѣтила, что все это́ ей уже давно было извѣстно, но что она считала обязанностью всякаго честнаго человѣка не гнушаться людей, которые искали загладить свое печальное прошлое, Манна, какъ ужаленная, отъ нея отскочила.

Съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, она воскликнула:

— Кто еще это знаетъ? Кто? Скажите мнѣ скорѣй!

— Зачѣмъ, дитя мое? Къ чему терзаешь ты твое бѣдное сердце и ищешь все болѣе и болѣе растравлять его раны?

— Моя молитва, моя жертва отвергнуты! Я сама и всѣ мы покинуты, забыты Богомъ!... Нѣтъ, я свободна! Небо не хочетъ, не принимаетъ моей жертвы. То, что я хотѣла ею искупить, должно жить во мнѣ одной, въ моемъ бѣдномъ, растерзанномъ сердцѣ. Я свободна... свободна!

— Твоя улыбка, твои сло́ва наводятъ на меня ужасъ, сказала профессорша, пристально смотря на Манну.

— Ахъ, воскликнула та, внезапно измѣнившимся голосомъ: я только разъ попробовала заговорить съ братомъ о рабствѣ и была поражена его отвѣтомъ. Существа, подобно намъ принятыя въ лоно религіи, сказалъ онъ, намъ равны. Онъ правъ: чей умъ просвѣтленъ знаніемъ Бога, тотъ свободное дитя Божіе. Вы себѣ не можете представить, какое чувство невыразимой тоски охватило мое сердце, когда я, стоя въ церкви, въ первый разъ подумала, какъ это мы можемъ молиться, зная,

что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, за церковной оградой, находятся люди, томящіеся въ рабствѣ. Чтò такое послѣ этого наша молитва и благоговѣніе, какъ не самая гнусная ложь? Я съ этой минуты вступила на опасную дорогу, по которой меня съ невообразимой силой влекло все далѣе и далѣе. Какъ можетъ, спрашивала я себя, служитель церкви принимать насъ въ ея лоно, когда нашъ отецъ....

Голосъ Манны порвался и она рукой указала въ даль.

Профессорша всячески старалась ее успокоить.

— Дитя мое, сказала она ей, не говори дерзкихъ рѣчей противъ религіи, не бросай камней въ тѣхъ, которые, живя на свѣтѣ, подчиняются его грѣховности. Идея религіи прекрасна, чиста и возвышенна, хотя ее часто ложно понимаютъ, или, небрежно къ ней относясь, допускаютъ другихъ ее осквернять.

Профессорша устремила всѣ силы своего ума на то, чтобъ не допустить въ Маннѣ угаснуть религіозному настроенію духа. Она съ жаромъ говорила ей о тѣхъ людяхъ, которые, посвятивъ себя служенію высокой идеѣ, неутомимо трудятся и дѣйствуютъ въ избранной ими сферѣ, не унывая отъ того, что имъ не удается превратить землю въ жилище мира и любви.

Манна съ изумленіемъ смотрѣла на профессоршу. Губы ея шевелились, но не произносили ни слова. Въ умѣ ея вертѣлся вопросъ: Развѣ вы не гугенотка? но она не рѣшалась высказать его въ слухъ. Передъ ней впервые исчезло различіе между вѣроисповѣданіями, которое прежде такъ рѣзко бросалось ей въ глаза. Она только видѣла передъ собой крòткое, любящее, преисполненное стремленій къ добру сердце и почувствовала непреодолимое влеченіе къ этой доброй и благородной женщинѣ. Манна бросилась къ профессоршѣ на шею и, горячо обнимая ее, цѣловала ей щеки, лобъ и губы. Она просила ее положить ей на голову руки, чтобъ утишить въ ней наплывъ горькихъ, безотрадныхъ мыслей.

Обѣ женщины сидѣли прижавшись одна къ другой. Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

То былъ Зонненкампъ, который требовалъ, чтобъ ему отворили.

— Ты должна его впустить, сказала профессорша.

Манна встала и отодвинула задвижку у дверей.

Зонненкампъ вошелъ.

— Мнѣ очень пріятно видѣть васъ опять здоровой, громко сказалъ онъ профессоршѣ.

Онъ и не подозрѣвалъ, какими глазами смотрѣли на него обѣ женщины.

— Благодарю васъ, прибавилъ онъ, сопровождая свои слова движеніемъ, которое выражало его желаніе остаться съ дочерью наединѣ.

Манна поняла это и не смѣя выразить весь охватившій ее страхъ, однако рѣшилась просить отца, чтобъ онъ не удалялъ профессоршу. Онъ могъ, не стѣсняясь, говорить въ ея присутствіи, такъ какъ у ней, его дочери, не было отъ нея никакихъ тайнъ.

Зонненкампъ невольно вздрогнулъ.

«Возможно ли?... Нѣтъ, быть не можетъ, чтобъ собственная дочь рѣшилась его выдать.»

Онъ еще разъ повторилъ, что хочетъ говорить съ Манной наединѣ.

Профессорша ласково кивнула ей головой и вышла.

У Манны подкосились ноги и она принуждена была сѣсть.

Зонненкампъ прежде всего выразилъ надежду, что она уже давно успѣла забыть ядовитыя рѣчи противъ него матери, и посылалъ ее къ ней затѣмъ, чтобъ изъ ея собственныхъ устъ услышать опроверженіе того, что у нея вырвалось въ минуту раздраженія и гнѣва.

Манна молча кивнула головой, а Зонненкампъ послѣ этого заговорилъ о ея помолвкѣ съ Пранкеномъ, при чемъ самодовольно замѣтилъ, что никогда ни въ чемъ не намѣренъ стѣснять желаній своихъ дѣтей. Манна въ отвѣтъ умоляла его пока не касаться этого вопроса.

— Хорошо, сказалъ онъ, ты намъ объявишь твое окончательное рѣшеніе послѣ нашего возвращенія изъ столицы, а до тѣхъ поръ обѣщайся мнѣ быть съ нимъ любезной и ласковой.

На это Манна охотно согласилась. Зонненкампъ самодовольно улыбнулся. Онъ намѣревался поддерживать въ Пранкенѣ надежду до тѣхъ поръ, пока все не будетъ окончено и ему ничего болѣе не останется опасаться.

— Ты у меня выросла на свободѣ, сказалъ онъ дочери и весело засмѣялся, а теперь, когда сдѣлалась баронессой, по прежнему будешь располагать собой по произволу. Только прошу тебя, обожди еще немного съ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Я во всемъ хочу дѣйствовать честно.

Ему собственно слѣдовало бы сказать, что онъ вовсе не считаетъ за грѣхъ обмануть Пранкена, но онъ вмѣсто того только выразилъ мнѣніе, что лучше будетъ дать согласіе, или произнести отказъ уже послѣ того, какъ они успѣютъ нѣсколько свыкнуться съ своимъ новымъ положеніемъ.

Немного спустя, онъ, обласкавъ дочь, дружески съ нею разстался.

Къ обѣду на виллу пріѣхалъ молодой прапорщикъ съ товарищами. Всѣ они дружелюбно отнеслись къ Роланду, который вмѣстѣ съ ними устроилъ прогулку верхомъ.

По желанію Пранкена, они въ тотъ же вечеръ отправились въ столицу.

Когда Роландъ прощался съ матерью Эриха, она вручила ему листъ бумаги, на которомъ было написано слѣдующее:

«На шлемѣ героя Роланда въ былое время красовался и долженъ еще по сю пору стоять девизъ: Никакое оружіе въ мірѣ не лишитъ меня дѣвственной чистоты».

ГЛАВА X.

ОПЯТЬ ВЪ ПОДЗЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Въ нижнемъ этажѣ за людскимъ столомъ было нѣсколько пустыхъ мѣстъ и въ томъ числѣ главное, которое обыкновенно занималъ Бертрамъ. Не доставало тутъ также и Іозефа съ Лутцомъ: они оба уѣхали съ старымъ и молодымъ бариномъ въ столицу.

Мужчины и женщины, сидѣвшіе за столомъ, тихо перешептывались; наконецъ главный садовникъ во всеуслышаніе объявилъ, что все это уже перестало быть тайной. Онъ еще во время посѣщенія виллы герцогомъ предвидѣлъ настоящее событіе. Садовникъ говорилъ съ какой-то стыдливой снисходительностью, точно совѣстясь расточать свое краснорѣчіе передъ людьми, которые не могли его понять. Одинъ Іозефъ умѣлъ цѣнить его по достоинству.

Никто изъ слугъ не любилъ ученаго и чванливаго главнаго садовника и рѣчь его была оставлена безъ отвѣта. Толстая кухарка, очень рѣдко садившаяся съ другими за столъ, подъ предлогомъ будто никогда ничего не ѣстъ, на этотъ разъ осмѣлилась занять мѣсто Бертрама. Она сказала, что всю свою жизнь, до поступленія въ домъ Зонненкампа, служила только у знатныхъ господъ и выразила свое удовольствіе, что теперь опять къ тому же пришла. Первое слово такимъ образомъ было сказано и у всѣхъ точно свалилась съ души тяжесть. Языки мгновенно развязались и разговоръ не замедлилъ оживиться. Второй кучеръ, подергивая себя за длинный жилетъ, внимательно осматривалъ его отвороты.

Мнѣ сюда также насадятъ пуговицъ съ гербами, сказалъ онъ наконецъ. Кареты у насъ вѣроятно будутъ вновь покрыты

лакомъ, а на козлахъ простая буква «З» замѣнится гербомъ. Теперь кучеръ барона фонъ-Эндлиха перестанетъ меня дразнить тѣмъ, что буква «З» ему будто бы всегда напоминаетъ вопросительный знакъ, что̀ по его мнѣнію, вовсе не мудрено, такъ какъ никому не извѣстно, кто такой господинъ Зонненкампъ.

Одинъ изъ конюховъ тоже не мало радовался тому, что попоны на лошадяхъ украсятся пятиугольной короной, которая будетъ всѣмъ бросаться въ глаза.

Смотрительница за бѣльемъ жаловалась, что ей предстоитъ съизнова мѣтить все бѣлье, а хранительница серебра радовалась, что у нея въ буфетѣ появятся новыя ложки и вилки. Старыя безъ сомнѣнія будутъ передѣланы для того, чтобъ на нихъ можно было вырѣзать новое имя съ гербами.

— Собаки конечно тоже получатъ новые ошейники, произнесъ чей-то пискливый голосъ.

Всѣ засмѣялись, а молодой парень, приставленный смотрѣть за собаками, самодовольно ухмылялся, довольный тѣмъ, что ему удалось сказать нѣчто столь забавное.

Старая Урсула, которая по обыкновенію сидѣла на скамьѣ и держала тарелку на колѣняхъ, сказала, обращаясь ко второй кухаркѣ:

— Ну, теперь у насъ скоро появится и госпожа Лутцъ. Баринъ не станетъ больше запрещать своимъ слугамъ жениться.

— Ужъ не далъ ли онъ тебѣ на это позволеніе?

— Я, слава Богу, ужъ болѣе не нуждаюсь въ такого рода позволеніи. Но онъ теперь навсегда здѣсь останется. Намъ нечего бояться, что онъ уѣдетъ, и вы всѣ можете спокойно жениться.

Садовникъ, прозванный бѣлкой, назидательнымъ тономъ замѣтилъ:

— Я не намѣренъ никого осуждать, но хочу только сказать, что будь я богатъ, я ни за что не сталъ бы домогаться дворянства. По моему гораздо пріятнѣе быть богатѣйшимъ мѣщаниномъ во всей прирейнской странѣ, нежели новѣйшимъ изъ дворянъ. Съ деньгами всякій достаточно знатенъ.

Слова бѣлки были встрѣчены насмѣшками; одинъ только главный садовникъ съ снисходительнымъ одобреніемъ кивнулъ ему головой, точно хотѣлъ сказать: ну, братецъ, я не ожидалъ отъ тебя подобной прыти.

Затѣмъ рѣчь зашла о ливреяхъ для слугъ и возникъ споръ о томъ, получитъ ли Зонненкампъ новое названіе или только прибавитъ къ своему старому имени частицу «фонъ». Кромѣ того всѣхъ сильно интересовала помолвка Пранкена съ Манной.

Толстая кухарка припомнила, какъ при вступленіи Эриха въ домъ, Урсула предсказывала, что онъ будетъ женихомъ хозяйской дочери. А теперь оказывалось, что она помолвлена за другого и свадьба ея съ нимъ будетъ съиграна немедленно послѣ полученія дворянства. Урсула сдѣлала гримасу, обвела всѣхъ насмѣшливымъ взглядомъ и прижавъ ложку къ губамъ, многозначительно закивала головой.

— А я, сказала она, все еще продолжаю думать, что наша барышня не выйдетъ за рыжебородаго барона. Вспомните мое слово.

Смотрительница за бѣльемъ по секрету сказала толстой кухаркѣ, что камердинеръ Іозефъ въ теченіи всей прошлой зимы сильно ухаживалъ за дочерью содержателя гостинницы «Викторіи».

Толки въ нижнемъ этажѣ виллы еще долго продолжались въ томъ же тонѣ, пока голосъ сверху не отдалъ приказанія закладывать экипажъ. Барыня, несмотря на поздній вечеръ, собиралась куда-то ѣхать.

Куда? Никто не зналъ.

ГЛАВА XI.

ПЕРВАЯ НОЧЬ БАРОНЕССЫ.

— Да, ему хорошо, онъ уѣхалъ... онъ на каждомъ шагу будетъ находить новыя развлеченія; а я осталась здѣсь одна. Что̀ мнѣ теперь дѣлать?

Такъ жаловалась Церера, проводивъ Зонненкампа, Пранкена и Роланда въ столицу. Она въ тревогѣ, съ лихорадочной поспѣшностью переходила изъ одной комнаты въ другую и все приставала къ фрейленъ Пэрини, чтобъ та ее научила, что̀ ей дѣлать. Фрейленъ Пэрини уговаривала ее успокоиться и наконецъ посовѣтовала Церерѣ сѣсть въ уголокъ дивана и заняться вязаньемъ.

— Отлично! внезапно воскликнула Церера, теперь я знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Я ему приготовлю неожиданное удовольствіе, а именно во время его отсутствія я сдѣлаю подушку съ нашимъ гербомъ. Ахъ, знаете, я видѣла въ церкви скамьи для моленья съ вышитыми гербами: мы и такую сдѣлаемъ, — не правда-ли.

— Да, согласилась фрейленъ Пэрини, и кромѣ того вышьемъ еще одну вещь.

— Какъ, вы имѣете еще что-то въ виду? спросила Церера.

— Да, это вполнѣ согласно съ вашимъ благочестіемъ, да къ тому же вы и сами объ этомъ не разъ думали, но только теперь забыли.

— Что? Что такое я забыла?

— Вы хотѣли, какъ только получите дворянство, немедленно приступить къ вышиванью покрова на престолъ въ церковь.

— Ахъ, да, да! Какая у меня дурная память, я все забываю. Пожалуйста, оставайтесь всегда при мнѣ и продолжайте мнѣ все напоминать. Нѣтъ ли у васъ крупной канвы? Мы бы сейчасъ принялись за дѣло.

У фрейленъ Пэрини всегда были въ запасѣ шелкъ, шерсть, золотыя и серебряныя нитки, канва и узоры. Церера дѣйствительно сдѣлала нѣсколько стежковъ, потомъ сказала:

— У меня сегодня такъ дрожатъ руки! Но я тѣмъ не менѣе все-таки начала покровъ и мы съ сегодняшняго дня будемъ постоянно надъ нимъ работать. Вѣдь вы мнѣ не откажетесь помочь, не правда-ли?

Фрейленъ Пэрини отвѣчала утвердительно. Она съ самаго начала знала, что ей одной придется вышивать покровъ, но за то Церера дѣйствительно немного успокоилась.

— Не послать-ли намъ за патеромъ, сказала она немного спустя или не съѣздить ли намъ къ нему?

— Какъ вамъ угодно.

— Впрочемъ, нѣтъ, останемтесь лучше однѣ. Гдѣ Манна? Пусть она придетъ сюда, къ своей матери.

Церера позвонила и послала за дочерью. Та отвѣчала извиненіемъ: она очень устала и уже легла въ постель.

— А гдѣ профессорша? Я полагаю, ея обязанностью было бы придти меня поздравить.

— Она была у фрейленъ Манны, а теперь отправилась къ себѣ.

— Какъ, она была въ домѣ и ушла, не повидавшись со мной! почти взвизгнула Церера. Пусть она сейчасъ, сію минуту сюда явится! Пошлите за ней. Я мать и всѣ почести должны быть возданы сначала мнѣ, а потомъ уже моей дочери. Пошлите же за ней, говорю я вамъ. Я требую, чтобъ она немедленно ко мнѣ пришла.

Фрейленъ Пэрини принуждена была согласиться, а пока убѣждала Цереру держать себя въ присутствіи бывшей статсъ-дамы какъ можно съ бо́льшимъ достоинствомъ. Профессорша не долж-

на думать, что онѣ могутъ только у нея научиться, какъ себя держать въ своемъ новомъ положеніи.

— Постарайтесь успокоиться, баронесса.

— Баронесса! Надѣюсь, что и профессорша станетъ меня также называть?

— Конечно, ей слишкомъ хорошо знакомы всѣ свѣтскія приличія.

Церера снова тревожно заходила по комнатѣ. Она по временамъ останавливалась передъ большимъ зеркаломъ и приложивъ лѣвую руку къ сердцу, а правую опустивъ внизъ, кому-то низко и почтительно кланялась. У зеркала съ обѣихъ сторонъ висѣли небольшія люстры, на четыре свѣчи каждая, и Церера нерѣдко о нихъ стукалась головой.

— Онъ мнѣ обѣщалъ, сказала она, пятиугольную корону: не правда-ли, она ко мнѣ пристанетъ?

Церера отвѣсила передъ зеркаломъ еще новый поклонъ и лицо ея озарилось радостной улыбкой.

Фрейленъ Пэрини, заслышавъ шаги профессорши, вышла къ ней на встрѣчу съ просьбой какъ можно осторожнѣе и мягче обращаться съ Церерой, а въ особенности почаще называть ее баронессой..

— Зачѣмъ вы мнѣ велѣли сказать, что она больна, и тѣмъ самымъ заставили меня придти ночью?

— Извините, но есть больные, которые не лежатъ въ постели.

Профессорша поняла.

Церера встрѣтила ее, все еще стоя у зеркала. Она, не оборачиваясь, воскликнула:

— Добро пожаловать, дорогая профессорша! Я очень рада васъ видѣть. Это, право, премило... прелюбезно съ вашей стороны! За то и я по прежнему останусь къ вамъ расположена.

Тутъ она повернулась и подала вновь пришедшей руку.

Профессорша не поздравила ее и не назвала баронессой.

Церера выразила желаніе узнать, что могъ дѣлать въ столицѣ ея мужъ... нѣтъ, супругъ, поспѣшила она поправиться.

— Неправда-ли, прибавила она, мнѣ теперь слѣдуетъ называть его супругомъ?

Она думала, что мужъ ея, по примѣру средневѣковыхъ рыцарей, долженъ будетъ при многочисленномъ стеченіи народа пройти чрезъ церемонію трехъ ударовъ меча.

Профессорша возразила, что теперь болѣе ничего подобнаго не дѣлается, а вмѣсто того вручаютъ новому дворянину дипломъ, написанный на пергаменѣ.

— На пергаменѣ? повторила Церера. Что̀ такое пергаменъ?

— Это особеннымъ образомъ выдѣланная кожа.

— А, понимаю... Что же, дипломъ этотъ написанъ чернилами, какъ и все другое?

Она долго сидѣла молча, то закрывая, то открывая глаза, потомъ, вдругъ обратясь къ профессоршѣ, попросила ее выбрать себѣ одно изъ ея самыхъ роскошныхъ платьевъ.

Профессорша въ негодованіи приподнялась съ мѣста, но мгновенно опомнилась и спокойно поблагодаривъ госпожу Зонненкампъ за ея дружелюбіе, замѣтила, что она болѣе не носитъ такихъ роскошныхъ платьевъ.

— Госпожа Зонненкампъ тоже ихъ болѣе не носитъ, сказала Церера и съ неудовольствіемъ нѣсколько разъ повторила: Госпожа Зонненкампъ! Госпожа Зонненкампъ!

Она хотѣла внушить профессоршѣ, что ее теперь слѣдуетъ называть не иначе, какъ баронессой.

— А случалось ли вамъ уже когда-нибудь видѣть, чтобъ возводили въ дворянѐ американца? спросила она вдругъ, немного спустя.

Профессорша отвѣчала отрицательно.

Рѣчь зашла о новомъ имени Зонненкампа, который долженъ былъ отнынѣ называться Лихтенбургомъ, по имени вновь выстроеннаго имъ за̀мка.

— Наконецъ-то я догадалась, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать! воскликнула Церера. Теперь же, сію минуту отправлюсь я въ за̀мокъ — *нашъ* за̀мокъ! Послѣ этого я буду хорошо спать. Вы обѣ должны со мной ѣхать.

Она позвонила и велѣла немедленно закладывать экипажъ. Профессорша и фрейленъ Пэрини въ страхѣ и недоумѣніи переглянулись. Что̀ изъ всего этого будетъ? Онѣ боялись, чтобы Церера во время поѣздки окончательно не сошла съ ума.

У профессорши еще хватило смѣлости посовѣтовать Церерѣ, отложить посѣщеніе за̀мка до слѣдующаго утра. Ночная поѣздка, прибавила она, должна была обратить на себя всеобщее вниманіе.

— Почему? А скажите, есть о нашемъ за̀мкѣ какое-нибудь преданіе? спросила Церера.

Преданіе существовало, но профессорша остереглась его теперь разсказывать. Затѣмъ она болѣе не противилась ѣхать въ надеждѣ, что прогулка на свѣжемъ ночномъ воздухѣ наконецъ успокоитъ Цереру.

Три женщины вскорѣ отправились въ путь. Профессорша

распорядилась, чтобъ съ ними кромѣ кучера поѣхали еще двое слугъ, одинъ на козлахъ, другой на запяткахъ. Она желала на всякій случай имѣть помощь, которая впрочемъ оказалась не нужной. Церера, лишь только очутилась въ экипажѣ, мгновенно успокоилась и принялась разсказывать о собственномъ дѣтствѣ.

Она была дочь моряка, капитана, который, управляя однимъ изъ кораблей Зонненкампа, совершилъ съ нимъ нѣсколько опасныхъ, — очень опасныхъ путешествій. Она рано осталась сиротой. Зонненкампъ взялъ ее, по смерти родителей, на свое исключительное попеченіе и взростилъ ее въ уединеніи, подъ присмотромъ одного стараго слуги и служанки.

— Онъ меня ничему, рѣшительно ничему не хотѣлъ учить, жаловалась Церера. Онъ постоянно мнѣ говорилъ: тебѣ лучше всего остаться такою, какъ ты есть. Мнѣ еще не было пятнадцати лѣтъ, когда онъ на мнѣ женился.

Она заплакала, потомъ вдругъ, какъ ребенокъ, захлопавъ въ ладоши, воскликнула:

— Все это такъ похоже на сказку! Мнѣ кажется, что существо, которое тогда цѣлые дни проводило въ мечтахъ, лежа въ койкѣ, было совсѣмъ другое, чѣмъ та женщина, которая теперь... Но тѣмъ не менѣе все это хорошо, очень хорошо, — не правда ли? спросила она, подавая руки профессоршѣ и фрейленъ Пэрини.

— А какъ вы думаете, продолжала она съ таинственнымъ видомъ обращаясь къ профессоршѣ, мы теперь уже навѣрное будемъ дворянами?

— Разъ что декретъ заготовленъ, дѣло можно считать оконченнымъ, но пока онъ еще не вышелъ, лучше быть осторожнѣе. Мало ли какія обстоятельства могутъ встрѣтиться въ послѣднюю минуту.

— Какія обстоятельства? Что̀ вы хотите этимъ сказать? Вы что-нибудь знаете? Говорите скорѣй.

Профессоршѣ сдѣлалось страшно. Теперь только ей вполнѣ стало понятно тревожное, болѣзненное состояніе духа Цереры. Да, это была именно та женщина, которая могла рѣшиться наказать мужа тѣмъ, что открыла дочери прошлое ея отца.

Церера просила, требовала, чтобъ ей сказали, какія еще могутъ встрѣтиться препятствія ея возвышенію въ свѣтѣ. Профессорша отвѣчала, что она говорила вообще, не имѣя въ виду ничего особеннаго, и тѣмъ наконецъ успокоила несчастную женщину. Несмотря на ночную темноту, фрейленъ Пэрини замѣтила, какихъ усилій стоила профессоршѣ эта ложь, а между тѣмъ послѣдняя считала себя вправѣ къ ней прибѣгнуть, видя

себя въ положеніи доктора, который не осмѣливается говорить правды страждущему лихорадкой больному.

Церера откинулась на мягкія подушки экипажа и вскорѣ заснула, какъ ребенокъ, который до того наплакался и накапризничался, что совсѣмъ выбился изъ силъ. Фрейленъ Пэрини убѣдительно просила профессоршу назвать Цереру при ея пробужденіи баронессой. Затѣмъ она приказала кучеру ѣхать обратно домой.

Цереру едва могли добудиться и почти на рукахъ отнесли въ постель. Она ласково поблагодарила обѣихъ женщинъ и счастливая улыбка озарила ея лицо, когда профессорша наконецъ сказала:

— Доброй ночи, баронесса.

ГЛАВА XII.

ОПУСТѢЛОЕ ГНѢЗДО И ДОМЪ СОЕДИНЕНІЯ.

Птица съ веселыми пѣснями неутомимо строитъ себѣ гнѣздо, выводитъ птенцовъ, кормитъ ихъ, роститъ и лелѣетъ; претерпѣваетъ ради нихъ лишенія и все свое счастіе полагаетъ въ ихъ благосостояніи. Но наступаетъ день, когда птенцы, сознавъ свои силы, разлетаются въ разныя стороны, а гнѣздо остается пустымъ и холоднымъ.

Подобныя мысли вертѣлись въ головѣ Эриха, когда онъ, стоя передъ постелью Роланда, со страхомъ и тоской думалъ о дорогомъ для него юношѣ. Онъ вышелъ изъ дому и пошелъ бродить по окрестностямъ. Онъ чувствовалъ потребность броситься въ объятія друга, излить передъ нимъ свою печаль и преклонить ему на плечо свою усталую голову.

Онъ хотѣлъ идти къ доктору, къ Клодвигу, опять къ Вейдеману, но остановился при мысли, что никто изъ нихъ не въ силахъ отвратить неизбѣжнаго. Къ тому же ему внезапно пришло на умъ, что онъ можетъ черезъ нѣсколько часовъ быть здѣсь нуженъ; — нѣтъ, онъ не долженъ оставлять ни своей матери, ни дома,—не долженъ думать о себѣ.

Онъ бродилъ какъ тѣнь, нигдѣ не находя покоя. Мимо него промчалась карета, онъ быстро спрятался за изгородь, но успѣлъ узнать свою мать, Цереру и фрейленъ Пэрини. Куда спѣшатъ онѣ? Или все это только игра его разстроеннаго воображенія? Онъ долго стоялъ на мѣстѣ. Карета вернулась назадъ, а вслѣдъ за ней и онъ, не спѣша, послѣдовалъ домой.

Эрихъ опустился на скамью, которая стояла противъ виноградняго домика и сидѣлъ тамъ, пока въ окнахъ не потухли огни. Затѣмъ онъ отправился на виллу.

Проходя мимо окна Манны, гдѣ было темно, ему показалось, что онъ ее увидѣлъ. Имъ овладѣло страстное желаніе ее позвать, но онъ не осмѣлился этого сдѣлать. Какое право имѣлъ онъ нарушать ея печальныя думы?

Вдругъ въ окнѣ мелькнула бѣлая рука, онъ ускорилъ шагъ и быстро прошелъ мимо.

Долго еще ходилъ онъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Ему было такъ странно не видѣть и не слышать Роланда, съ которымъ онъ привыкъ бесѣдовать каждый вечеръ.

Эрихъ хотѣлъ-было искать въ чтеніи забвенія отъ тяготившихъ его мыслей, но рука его, протянутая за книгой, вмѣсто того, чтобъ взять ее, сдѣлала отрицательное движеніе. Профессоръ Эйнзидель былъ правъ: умъ его вышелъ изъ области чистой идеи и теперь онъ не могъ разомъ опять ей отдаться. Онъ вполнѣ посвятилъ себя одному юному существу, и теперь, когда оно было у него внезапно отнято, онъ чувствовалъ себя, какъ потерянный. Но внутренній голосъ говорилъ ему въ утѣшеніе: «еслибъ ты вполнѣ не отдалъ себя Роланду, онъ не былъ бы такъ хорошо вооруженъ какъ теперь и не могъ бы съ успѣхомъ противостоять опасностямъ и соблазнамъ, какіе его ожидаютъ впереди. Думаетъ ли онъ теперь обо мнѣ, такъ какъ я о немъ, стремится ли ко мнѣ съ такой тоской, какъ я къ нему? спрашивалъ себя Эрихъ и тутъ же самъ себѣ отвѣчалъ: въ настоящую минуту, конечно нѣтъ, такъ какъ его должна вполнѣ поглотить перспектива новой жизни. Но придетъ время, когда онъ ко мнѣ обратится и въ ожиданіи этого я долженъ быть всегда на готовѣ.

Затѣмъ Эрихъ старался угадать, что̀ ожидаетъ впереди его самого. Но усилія его были тщетны и онъ наконецъ нашелъ успокоеніе въ мысли, что завтрашній день самъ собой укажетъ, что̀ ему надо дѣлать.

Тутъ впервые Эрихъ вспомнилъ, что со своей стороны владѣлъ частицей беззаконно-пріобрѣтеннаго имущества. Онъ мгновенно рѣшился отъ нея отказаться, но былъ въ недоумѣніи, кому ее возвратить. Несмотря на это, онъ внезапно почувствовалъ себя спокойнѣе, на душѣ у него стало легче и онъ вслухъ произнесъ:

— Ты снова бѣденъ, снова не имѣешь ничего, но за то сохранилъ себя чистымъ.

Какъ многое пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ онъ

въ этомъ домѣ, и вотъ не далѣе какъ завтра, много, много черезъ нѣсколько дней онъ его покинетъ и все это останется однимъ воспоминаніемъ.

А затѣмъ?

Чтò бы ни случилось, онъ чувствовалъ себя на все готовымъ.

Но въ эту минуту Эрихъ чувствовалъ себя одинокимъ, покинутымъ, точно ограбленнымъ. Душа его рвалась къ другому, дорогому для него существу, отъ котораго онъ жаждалъ услышать слова надежды и любви. Чтò, еслибъ Белла могла меня теперь видѣть? подумалъ онъ и вздрогнулъ. Щеки его покрылись яркимъ румянцемъ и онъ мысленно произнесъ: Нѣтъ, Манна, ты одна... Но ты этого никогда не узнаешь: такъ будетъ лучше и для тебя, и для меня... А почему бы мнѣ и не назвать тебя своей и не раздѣлить съ тобой бремени твоего ужаснаго богатства? Богатство! Я слишкомъ гордъ и оно не могло бы мнѣ служить препятствіемъ.... Но нѣтъ, нѣтъ, пусть это лучше умретъ въ зародышѣ и никогда не будетъ мною высказано.

Онъ крѣпко прижалъ руку ко рту. Наконецъ глаза его закрылись и онъ, засыпая, почти вслухъ произнесъ:

— Доброй ночи, Роландъ.

На слѣдующее утро его первой мыслью снова былъ Роландъ. Въ воздухѣ гудѣли церковные колокола. Эрихъ вышелъ изъ дому. Онъ хотѣлъ идти къ матери, но не смѣлъ. Слова, слышанныя имъ отъ Вейдемана, постоянно звучали въ его ушахъ и поддерживали въ немъ вчерашнюю тревогу. Онъ взглянулъ на небо и воскликнулъ:—Солнце, что ты принесешь намъ сегодня?

Но странно! Посреди всей этой тоски и этихъ сомнѣній, въ немъ внезапно возникло какое-то неопредѣленное чувство радостнаго ожиданія, точно онъ стоялъ на порогѣ счастія, которое, онъ самъ не зналъ, откуда должно было явиться.

Колокола продолжали гудѣть. Да, въ мірѣ дѣйствительно существуетъ нѣчто, чтò говоритъ сердцу каждаго и всѣхъ одинаково къ себѣ призываетъ. Почему бы и мнѣ, вмѣстѣ съ другими, не откликнуться на этотъ зовъ? подумалъ Эрихъ.

Онъ направился къ церкви и на пути вспомнилъ слова добраго Кнопфа: Наша жизнь не есть простая прогулка на свободѣ.

Эрихъ вошелъ въ церковь и былъ встрѣченъ звуками органа. Кнопфъ правъ, думалось ему: здѣсь стоятъ священные сосуды, свѣтильники, скамьи и спокойно ожидаютъ всякаго, кто пожелаетъ сюда придти. Кто знаетъ, чтò происходитъ въ душѣ его

сосѣда? Но тѣмъ не менѣе здѣсь мѣсто общаго соединенія, гдѣ каждый обрѣтаетъ другихъ и самого себя.

Эрихъ тихонько опустился на скамью за колонной.

Немного спустя, взоръ его упалъ на Манну, колѣнопреклоненную передъ алтаремъ.

— Такъ точно, мелькнуло у него въ умѣ, она скоро будетъ стоять рядомъ съ Пранкеномъ, когда надъ ними станутъ совершать брачный обрядъ.

Эриху показалось, что его вдругъ кто-то сзади ударилъ. Онъ въ испугѣ обернулся, но тамъ никого не было. Онъ хотѣлъ уйти изъ церкви, но остался на мѣстѣ, испытывая пріятное впечатлѣніе отъ окружавшихъ его мира и тишины. Затѣмъ мысли Эриха смѣшались и онъ самъ не зналъ, о чемъ думалъ. Вдругъ органъ умолкъ, мимо него прошла Манна, шелестъ ея шелковаго платья коснулся его уха, а онъ все оставался неподвижно на мѣстѣ. Наконецъ свѣчи на алтарѣ были погашены и тогда только онъ вышелъ изъ церкви.

— Ахъ, вы тоже были въ церкви? услышалъ онъ сзади себя женскій голосъ.

Эрихъ въ изумленіи оглянулся и увидѣлъ передъ собой фрейленъ Милькъ. Онъ дружески протянулъ ей руку и замѣтилъ, что до сихъ поръ не считалъ ее католичкой.

— И вы не ошибались, возразила она. Но бываютъ минуты, въ которыя я не могу молиться одна. Меня тянетъ въ храмъ, посвященный Высшему Существу, въ общество людей, которые подобно мнѣ ищутъ утѣшенія у источника Вѣчнаго Свѣта, хотя и называютъ его иначе, чѣмъ я. Слова моей молитвы другія, но я тѣмъ не менѣе молюсь вмѣстѣ съ моими ближними.

Она ласково и пытливо смотрѣла Эриху въ глаза, точно хотѣла сказать: ты тоже не могъ оставаться одинъ. Но Эрихъ молчалъ и она освѣдомилась о его матери, а потомъ поручила ему передать ей, что не идетъ къ ней изъ боязни ее потревожить. Сама же она въ случаѣ, если профессорша пожелаетъ ее видѣть, постоянно дома.

— Вы тоже, капитанъ, прибавила она, приходите къ намъ почаще. Мы не многое можемъ вамъ предложить, но за то вы у насъ всегда найдете спокойствіе. Къ тому же вы не должны съ нами нисколько стѣсняться. Вы можете приходить и уходить по произволу и если не захотите, такъ даже и не здоровайтесь съ нами, однимъ словомъ, будьте совершенно какъ у себя дома.

Она спросила у Эриха, скучаетъ ли онъ по Роландѣ, и онъ ей первой высказалъ томившую его тоску.

— Роландъ сдѣлался мнѣ дороже моего покойнаго брата! воскликнулъ онъ.

Въ ту самую минуту, какъ онъ произносилъ эти слова, мимо нихъ прошла Манна, возвращавшаяся отъ патера. Она учтиво поклонилась обоимъ и крѣпче прижала къ груди свой молитвенникъ.

— Я бы ничего не имѣла противъ ея поступленія въ монастырь, еслибъ могла надѣяться, что она тамъ будетъ счастлива, сказала фрейленъ Милькъ. Но она никогда не будетъ счастливой монахиней.

— Еще бы, шутливо замѣтилъ Эрихъ, ей предстоитъ быть баронессой фонъ-Пранкенъ.

— Баронессой фонъ-Пранкенъ? Никогда.

— И вы можете говорить это такъ утвердительно?

— Да, потому что баронъ фонъ-Пранкенъ женится на молодой вдовѣ, дочери барона фонъ-Эндлиха.

— Я васъ не понимаю.

— При случаѣ вспомните мои слова, капитанъ. Я кое-что смыслю въ людяхъ. Баронъ Пранкенъ никогда не обращался ко мнѣ ни съ чѣмъ, кромѣ двухъ словъ: гдѣ маіоръ? Я на это вовсе не сѣтую, но тѣмъ не менѣе хорошо его знаю.

Лицо Эриха внезапно озарилось радостью. Онъ собственно говоря не имѣлъ никакого повода полагаться на догадки фрейленъ Милькъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ вѣрилъ ей. Онъ вспомнилъ чувство радостнаго ожиданія, на мгновеніе посѣтившее его утромъ. Тогда онъ не зналъ, чему его приписать, но теперь все стало ему ясно.

Эрихъ проводилъ фрейленъ Милькъ до ея жилища. Маіора не было дома. Онъ отправился въ зàмокъ, гдѣ хлопоталъ надъ приготовленіями къ предстоящему торжеству по случаю открытія зàмка.

Эрихъ вернулся на виллу и пошелъ къ матери.

ГЛАВА XIII.

ДРУЖЕСКАЯ РУКА ПОДАЕТЪ ПИТЬ.

— Чтò, и вы тоже задумчивы и печальны? сказалъ докторъ Эриху, встрѣчая его на порогѣ. Я засталъ здѣсь цѣлую колонію пораженныхъ страхомъ людей. Но что же во всемъ этомъ страшнаго? Господинъ Зонненкампъ вѣроятно закажетъ себѣ новое платье и новый экипажъ и этимъ, я полагаю, все ограничится.

Я еще помню то время, когда люди средняго класса не смѣли ѣздить четверней, а если ужъ непремѣнно этого хотѣли, то лошади ихъ должны были имѣть пеньковыя постромки. Ну, что же, теперь господинъ Зонненкампъ заведетъ у себя кожаныя постромки. Я вовсе не вижу, чего тутъ печалиться? А между тѣмъ госпожа Церера больна, Манна больна, профессорша больна, капитанъ тоже сильно смахиваетъ на больного. Во всемъ этомъ лазаретѣ только и есть здоровыхъ, что фрейленъ Пэрини, да тетушка. Всѣхъ васъ, какъ я вижу, надо посадить на успокоительное питье.

Докторъ принесъ съ собой совершенно новую атмосферу. Его бодрое, веселое настроеніе духа повѣяло здѣсь подобно горному, пропитанному благоуханіемъ вѣтру, который, проникая въ долину, разгоняетъ накопившіяся въ ней дурныя испаренія. Ни профессорша, ни Эрихъ не могли объяснить причины своихъ опасеній. Докторъ посовѣтовалъ Эриху принять участіе въ разработкѣ новыхъ рудниковъ, а свою ученость на время спрятать, какъ ненужное украшеніе.

Въ Маттенгеймѣ были вновь открыты слои бураго желѣзняка, которые семейство Вейдемана собиралось разработывать. Къ доктору пріѣзжалъ его зять и разсказывалъ ему, какое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ произвелъ Эрихъ во время пребыванія своего въ Маттенгеймѣ.

Немного спустя Эрихъ съ докторомъ отправились на виллу. На дворѣ ихъ встрѣтилъ слуга съ телеграммой. Зонненкампъ просилъ Эриха сообщить его женѣ, что онъ въ эту самую минуту отправляется къ герцогу на аудіенцію.

Докторъ взялъ на свою отвѣтственность удержать это извѣстіе отъ Цереры, которая и безъ того находилась въ возбужденномъ состояніи, близко граничащимъ съ помѣшательствомъ. Онъ прописалъ ей усыпительное средство и надѣялся, что она теперь спала.

Къ обѣду въ этотъ день явились только Манна, Эрихъ и фрейленъ Пэрини. Послѣднюю послѣ перваго кушанья вызвали изъ-за стола къ Церерѣ. Она ушла и болѣе не возвращалась.

Манна и Эрихъ остались одни.

— Вы сегодня тоже были въ церкви? спросила она.

— Да.

— Я должна просить у васъ извиненія: я была къ вамъ несправедлива.

— Вы — ко мнѣ?

— Да, я васъ считала невѣрующимъ.

— Я дѣйствительно таковъ съ точки зрѣнія вѣрующихъ въ строгомъ смыслѣ.

Манна замолчала и положила обратно на тарелку кусокъ кушанья, который подносила ко рту. Ни она, ни Эрихъ въ теченіи нѣкотораго времени не проронили ни слова. Оба искали предметъ для разговора, на которомъ бы ихъ мнѣнія могли сойтись.

— У васъ былъ младшій братъ? Я слышала, какъ вы сегодня утромъ о немъ говорили, рѣшилась наконецъ сказать Манна и вся вспыхнула.

— Да, онъ былъ однихъ лѣтъ съ Роландомъ. И сегодня особенно мнѣ невыразимо грустно, что я не могъ быть для него тѣмъ, чѣмъ я былъ для нашего Роланда.

— Вы не только были, но есть и всегда будете для него другомъ. Мнѣ Роландъ передалъ ваши слова на счетъ дружбы, которыя глубоко врѣзались мнѣ въ память: Друзья, сказали вы ему однажды, которые могутъ одинъ другого покинуть, никогда не были друзьями.

— Совершенно справедливо. Но что такое мысль и память тамъ, гдѣ мы лишены возможности жить подъ одной кровлей и ѣсть за однимъ столомъ съ другомъ. Я зналъ, что мнѣ предстоитъ разлука съ Роландомъ, я самъ видѣлъ ея необходимость, но теперь только впервые почувствовалъ всю ея горечь. Я въ теченіи столькаго времени жилъ исключительно для Роланда, посвящалъ ему всѣ свои мысли, устремлялъ на него все мое вниманіе, такъ что теперь, когда у меня его внезапно отняли, я чувствую себя совсѣмъ разбитымъ. Главная цѣль моего существованія должна теперь измѣниться, но пока я ощущаю страшную пустоту въ сердцѣ, а міръ вокругъ меня кажется такимъ холоднымъ и непривѣтливымъ.

Эрихъ на мгновеніе остановился, а Манна тихо проговорила:

— Мнѣ это вполнѣ понятно.

— У меня есть другъ, поэтъ,—продолжалъ Эрихъ,—необыкновенный, своеобразный человѣкъ, который все очень горячо принимаетъ къ сердцу. Его призваніе составляетъ для него все: онъ живетъ исключительно имъ и для него. Вотъ этотъ самый другъ мнѣ однажды горько жаловался на пустоту, какую ощущаетъ всякій разъ, когда, окончивъ какой-нибудь трудъ, выпускаетъ его въ свѣтъ. Онъ въ теченіи долгаго времени сосредоточивалъ всѣ свои мысли и чувствованія на созданіяхъ собственной фантазіи, а тутъ послѣднія вдругъ его покидаютъ, переплываютъ моря, расходятся по всему міру. Мысль его еще по

привычкѣ продолжаетъ стремиться къ нимъ, но уже сознаетъ себя безсильной что-либо дѣлать для ихъ усовершенствованія. Подумайте же, если образы нашей фантазіи, покидая насъ, причиняютъ намъ столько страданія, какъ больнѣе еще должно быть намъ при разлукѣ съ живымъ существомъ, съ человѣкомъ, съ которымъ мы такъ сказать срослись душой.

Манна смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза. Крупныя слезы висѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ, между тѣмъ какъ глаза Эриха тоже подернулись влагой. Она сложила руки на столѣ и устремила на своего собесѣдника пристальный взоръ.

Эрихъ почувствовалъ на себѣ ея взглядъ и въ смущеніи сказалъ:

— Простите меня за эгоизмъ, съ какимъ я вамъ такъ много говорю о себѣ. Я вовсе не желаю васъ огорчать и теперь спѣшу предложить вамъ утѣшеніе, которымъ уже старался успокоить самого себя. Мы не имѣемъ права давать нашей душѣ какое-нибудь одно исключительное направленіе; намъ не слѣдуетъ позволять одному предмету насъ до такой степени поглощать, чтобъ упускать изъ виду весь остальной міръ. На свѣтѣ существуетъ еще много вещей, къ которымъ мы обязаны пробуждать и поддерживать въ себѣ интересъ. Но теперь, въ первую минуту горя, когда рана, нанесенная разлукой, еще дымится, — теперь мы ничего не въ состояніи дѣлать, какъ только терпѣливо выжидать, пока утихаетъ боль, собираться съ мыслями и взвѣшивать силы, какія намъ даны для выполненія нашей доли обязанностей въ мірѣ, въ которыхъ мы необходимо должны находить и частицу радости... Моя мать, самъ себя перебилъ Эрихъ, часто вспоминаетъ объ одномъ пасторѣ, который однажды сказалъ, обращаясь къ своей паствѣ: дѣти, я вамъ говорю проповѣди не потому только, что это вамъ полезно, но и потому, что самъ ощущаю въ томъ потребность.

Легкая улыбка скользнула по лицу Манны. Эрихъ тоже улыбнулся и продолжалъ:

— Да, мы не должны отдаваться одному отдѣльному, преходящему существу, или исключительно посвящать себя какому-нибудь одному предмету, но обязаны служить Вѣчному Духу во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ угодно призвать насъ въ другой міръ, къ другимъ обязанностямъ. Куда? За чѣмъ? Неизвѣстно. Мы переживаемъ смерть одного отдѣльнаго, дорогого для насъ положенія, для того чтобъ вступить въ вѣчность и занять мѣсто посреди великаго общаго соединенія міровъ.

— Вы никогда болѣе не должны называть себя невѣрую-

щимъ, внезапно воскликнула Манна, — нѣтъ, вы не имѣете на это права!

— Многіе, продолжалъ Эрихъ, считаютъ меня за отсталого, другіе за лѣниваго и черезъ-чуръ уступчиваго человѣка, потому, что я вѣрю въ Бога, или иначе, въ Силу, мудро управляющую событіями. А между тѣмъ меня въ существованіи этой силы убѣждаетъ историческій ходъ всего человѣчества, а равно и отдѣльная жизнь каждаго человѣка.

Лицо Манны покрылось яркимъ румянцемъ. Она протянула руку, точно намѣреваясь подать ее Эриху, потомъ опомнилась и быстро схвативъ стоявшую на пути бутылку, сказала:

— Мы съ вами такъ заговорились, что я совсѣмъ забыла свою обязанность. Не правда ли, какая я дурная хозяйка!

Она налила ему вина. Онъ поднесъ стаканъ ко рту и пока изъ него пилъ, глаза его покоились на Маннѣ. Она замѣтила это и быстро потупилась.

— Но мнѣ надо вамъ сдѣлать еще одно признаніе, сказала она, немного спустя, и остановилась перевести духъ, потомъ продолжала:

— Когда вы выражали вашу грусть по поводу того, что болѣе ничего не можете сдѣлать для Роланда, мнѣ стало еще яснѣе, какое счастливое вѣрованіе я утратила.

Она закрыла глаза, потомъ снова ихъ открыла и прибавила:

— Я одно время вѣрила, что человѣкъ можетъ молиться за другого, отсутствующаго, кто бы, и гдѣ бы онъ ни былъ. Я вѣрила, что мы можемъ приносить себя въ жертву за другихъ и искупать чужіе грѣхи, а теперь... теперь я перестала вѣрить.

Эрихъ молчалъ. Онъ понималъ, какихъ усилій стоило Маннѣ это признаніе. Оба сидѣли не говоря ни слова и избѣгая смотрѣть одинъ на другого. Эрихъ дрожалъ. Ему стало ясно, что Манна его любитъ: кому кромѣ любимаго человѣка рѣшилась бы она сказать то, чтò сейчасъ сказала ему? Сердце его дрогнуло отъ радости и въ тоже время сжалось отъ невыразимой тоски. Эта дѣвушка его любитъ, а онъ ее — ее, дочь подобнаго отца!

Къ счастію въ столовую вошелъ слуга и объявилъ Эриху, что профессорша проситъ его придти къ ней въ виноградный домикъ.

— Я пойду съ вами, мгновенно оправясь сказала Манна. Она пошла въ свою комнату за шляпой.

Эрихъ стоялъ, устремивъ взоръ на обѣденный столъ. Тарелки, стаканы и бутылки вертѣлись и прыгали у него передъ глазами. Минуту спустя вернулась Манна. Лицо ея было весе-

лѣе обыкновеннаго. Она снова превратилась въ молодую дѣвушку съ свѣжимъ голосомъ и быстрыми граціозными движеніями, и легкимъ наклоненіемъ головы пригласила Эриха слѣдовать за собой. Въ прихожей ихъ остановилъ слуга, который вручилъ Маннѣ довольно объемистый пакетъ.

— Ахъ, это шелковое платье отъ гернгутеровъ! сказала она. Видите ли, капитанъ, эти люди не принадлежатъ къ нашей церкви, но многое отъ нея заимствуютъ. Или вы тоже принадлежите къ числу ненавистниковъ гернгутерскаго братства?

— Ненавистникъ не есть настоящее для меня слово, возразилъ Эрихъ, но я нахожу много противорѣчій въ ихъ поступкахъ. Они проповѣдуютъ простоту, лишенія, презрѣніе къ роскоши и всякаго рода наслажденіямъ, а въ тоже время ведутъ дѣятельную торговлю шелковымъ товаромъ и гаваннскими сигарами. Они устроиваютъ свое благосостояніе на грѣховныхъ наклонностяхъ другихъ людей и въ этомъ вполнѣ уподобляются монаху нищенскаго ордена, который говоритъ: я не хочу трудиться и добывать деньги, но другіе должны это дѣлать для того, чтобъ доставить мнѣ возможность обращаться къ нимъ за подаяніемъ.

— Унесите прочь пакетъ, сказала Манна слугѣ.

И она медленно и молча послѣдовала за Эрихомъ.

ГЛАВА XIV.

СИВИЛЛИНЫ КНИГИ.

Дорòгой Манна сказала:

— Знаете ли вы, что я первое время послѣ моего возвращенія домой чувствовала къ вамъ непреодолимое отвращеніе?

— О да, мнѣ это хорошо извѣстно.

— Но отчего же вы ничего не дѣлали, чтобъ уничтожить во мнѣ это чувство?

Эрихъ молчалъ и Манна повторила вопросъ.

— Или вы такъ равнодушны къ тому, что̀ о васъ думаютъ другіе? прибавила она.

— Нѣтъ, но я былъ посторонній человѣкъ въ вашемъ домѣ и не имѣлъ права требовать, чтобъ вы имѣли обо мнѣ то или другое мнѣніе.

— Вы очень горды.

— Я отъ этого не отпираюсь.

— Но развѣ вы не знаете, что гордость порокъ?

— Да, когда она дерзко заявляетъ свои требованія на поклоненіе и стремится унижать другихъ. Но мою гордость я берегу исключительно про себя и говорю вмѣстѣ съ Сенъ-Симономъ: смотря на себя, я бываю смиренъ, смотря на другихъ, становлюсь гордъ.

— Вы для меня слишкомъ умны, поддразнила его Манна.

— Вотъ этого вамъ не слѣдовало бы говорить, потому что это пустая фраза. Нѣтъ человѣка слишкомъ умнаго въ отношеніи къ другому, который можетъ о себѣ сказать: я въ своемъ родѣ тоже что-нибудь да значу. Подобныя фразы странно и непріятно слышать отъ васъ. Мое уваженіе къ вамъ главнымъ образомъ покоится именно на томъ, что я до сихъ поръ никогда не слышалъ отъ васъ ни одной пустой фразы. Въ томъ, что вы говорили, если не всегда присутствовала логическая правда, то тѣмъ не менѣе чувствовалась истина въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась вамъ.

— Благодарю васъ, сказала Манна, касаясь пальцами его руки. Потомъ опомнясь, она въ замѣшательствѣ еще разъ повторила:

— Благодарю васъ.

— Не знаю право, куда вдругъ дѣвалась моя печаль, сказалъ Эрихъ. Мнѣ кажется, что цѣлый годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня было такъ тяжело на душѣ. Мы съ вами имѣемъ счастіе сходиться въ нашихъ взглядахъ на высшіе предметы, а размышленіе о нихъ до того поглощаетъ человѣка, что онъ утрачиваетъ всякій смыслъ на счетъ времени и мѣста, гдѣ находится.

— Ахъ да, подтвердила Манна. Сегодня посреди всѣхъ моихъ тревогъ и волненій меня не покидало предчувствіе сильной радости. Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло. Вы до сихъ поръ были другомъ и учителемъ Роланда: не хотите ли замѣнить его мною? Скажите, согласны вы на это?

Она протянула ему руку. Глаза ихъ встрѣтились, а лица озарились радостной улыбкой.

— Ахъ, я вижу вашу матушку! внезапно воскликнула Манна. Она ускорила шагъ, и подойдя къ профессоршѣ, горячо ее обняла.

Мать Эриха съ изумленіемъ на нее поглядѣла. Неужели это та самая дѣвушка, у постели которой она стояла вчера, согрѣвая ея холодныя руки и стараясь успокоить ея взволнованныя мысли? Юность, какъ видно, представляетъ вѣчно неразгаданную тайну.

Манна сидѣла, закрывъ глаза рукой, потомъ отдернувъ ее, воскликнула:

— Ахъ, еслибъ я была птицей, которая летаетъ тамъ въ вышинѣ!

Профессорша не возражала:

— Я точно все это вижу въ первый разъ, продолжала Манна, указывая на разстилавшійся передъ нею ландшафтъ. Вонъ тамъ течетъ Рейнъ, здѣсь возвышаются горы, дома, а въ нихъ живутъ люди. Вонъ летитъ птица... ея отечество Азія, но она прилетѣла сюда, къ вамъ... У меня на душѣ такъ грустно и въ тоже время радостно и чей-то голосъ мнѣ постоянно твердитъ: тебѣ весело, не противься этому новому ощущенію. Ахъ, я нахожусь въ такомъ грѣховномъ состояніи!

— Нѣтъ, дитя, мое, ты просто еще молода, а у юности, какъ говорится, смѣхъ и слезы въ одномъ мѣшкѣ. Ты напротивъ должна радоваться тому, что въ тебѣ еще сохранилось такъ много свѣжести. Обстоятельства на время охладили твой юношескій пылъ, а теперь онъ рвется наружу. У юности есть свои права, которыя она рано или поздно заявляетъ. Мы, женщины, склонны все слишкомъ горячо принимать къ сердцу, а между тѣмъ міръ вовсе не такъ черенъ, какимъ мы себѣ часто его воображаемъ. У меня тоже отлегло отъ сердца съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь побывалъ докторъ. Человѣкъ легко привыкаетъ на все смотрѣть съ мрачной точки зрѣнія. Въ такомъ случаѣ для него весьма полезно услышать дружескій голосъ, который скажетъ ему: смотри, свѣтъ вовсе не такъ черенъ, какъ ты его себѣ рисуешь. Добро и зло въ немъ перемѣшаны и вовсе не имѣютъ логической послѣдовательности. Это нерѣдко говаривалъ и мой покойный мужъ.

Манна разсѣянно слушала профессоршу и когда та замолчала, шутливо проговорила:

— Въ настоящую минуту насъ производятъ въ дворяне, но, странно, я рѣшительно ничего при этомъ не ощущаю. А между тѣмъ такое важное событіе, казалось бы, непремѣнно должно бы было имѣть на насъ вліяніе.

Во всемъ, что говорила Манна, проглядывало непривычное ей веселое настроеніе духа.

— Скажите пожалуйста, обратилась она къ профессоршѣ, что вы чувствовали въ тотъ день, когда сложили съ себя дворянское достоинство?

— Я не чувствовала ни малѣйшаго горя, отвѣчала та, но мнѣ было больно слушать увѣренія моихъ подругъ въ томъ, что онѣ не измѣнятся въ отношеніи ко мнѣ, но навсегда останутся мнѣ вѣрными друзьями. Изъ этихъ увѣреній я напротивъ заключила, что между нами все покончено. Къ тому же, толкуя о

своей любви ко мнѣ, онѣ постоянно употребляли прошедшее время, точно я уже болѣе не была въ живыхъ. И дѣйствительно, я тогда для многихъ умерла. Въ свѣтскомъ обществѣ тотъ, кто лишается дворянства, все равно, что нисходитъ въ царство тѣней.

Профессорша и Манна еще долго разговаривали въ этомъ тонѣ. Онѣ, казалось, на время забыли всѣ свои тревоги, опасенія и заботы.

Эрихъ, оставивъ Манну наединѣ съ матерью, все время что онѣ разговаривали, стоялъ у окна, наблюдая какъ обваливались съ отцвѣтающей розы ея прозрачные лепестки. Они падали медленно, безъ шуму, точно ихъ срывала невидимая рука безплотнаго духа. Устремивъ взоръ на разсѣянные по полу блѣднорозовые листки, молодой человѣкъ впалъ въ глубокую задумчивость. Мать, Роландъ и Манна, ужасное прошлое Зонненкампа составляли предметъ его тревожныхъ думъ. Событія послѣднихъ дней вертѣлись передъ нимъ въ страшномъ хаосѣ и весь міръ казался ему какимъ-то страннымъ, измѣнившимся. Еслибъ кто-нибудь пришелъ къ нему на помощь и разъяснилъ ему все, что поражало его своей необычайностью!

Эрихъ чувствовалъ, какъ щеки его горѣли, а самъ онъ дрожалъ точно въ лихорадкѣ.

«Ты любишь эту дѣвушку, думалъ онъ, и любимъ ею, дочерью этого человѣка».

Но что̀ такое дочь?

Каждый человѣкъ отвѣчаетъ только за самого себя.

Въ первомъ этажѣ домика помѣщалась библіотека его покойнаго отца, и Эрихъ отправился туда.

Ему казалось, что въ рукописяхъ отца онъ непремѣнно найдетъ слова, которыя сообщатъ ему самообладаніе, столь необходимое ему въ его теперешнемъ положеніи. Онъ надѣялся, что духъ отца явится къ нему на помощь и освѣтитъ лучемъ истины хаосъ горя и радости, въ которомъ онъ теперь бродилъ. Перебирая бумаги одну за другой, онъ остановился на связкѣ съ надписью: «Сивиллины книги».

— Вотъ именно что мнѣ надо! воскликнулъ онъ, пробѣжавъ глазами одинъ изъ листковъ.

Эрихъ стоялъ спиной къ открытому окну и слышалъ, какъ его мать убѣждала Манну оставаться вѣрной своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Профессорша говорила, что если она не признаетъ формы, въ какихъ выражается религія Манны, то она тѣмъ не менѣе исповѣдуетъ одинакое съ нею поклоненіе Св. Духу, который одинъ сообщаетъ человѣку способность переносить горе и вкушать радости.

— Матушка! внезапно воскликнулъ Эрихъ.

Обѣ женщины вздрогнули отъ неожиданности.

— Матушка, я несу тебѣ нѣчто, служащее какъ бы продолженіемъ твоей мысли.

Онъ вышелъ въ садъ и показывая рукопись отца, выразилъ желаніе прочесть ее вслухъ.

— Ахъ, да, пожалуйста! воскликнула Манна. Какъ вы добры, что вздумали придти подѣлиться съ нами мыслями вашего отца! Мнѣ такъ хотѣлось бы его знать! Не думаете ли вы, что онъ въ эту минуту на насъ смотритъ?

Эрихъ, не зная что̀ ей отвѣчать, взглянулъ на мать.

— Врядъ ли онъ можетъ смотрѣть на насъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Чтобъ смотрѣть, надо имѣть глаза, а наше понятіе о духѣ весьма неопредѣленно и мы не знаемъ, какой у него видъ. Но мнѣ извѣстно только одно, а именно, что нѣтъ дня или часа, въ который бы я не ощущала близость около себя моего покойнаго мужа. Онъ сопровождалъ меня сюда, въ этотъ домъ и, я убѣждена, останется со мной неразлучно до послѣдней минуты моей жизни. Но дай сюда листокъ, Эрихъ.

— У него странное заглавіе, замѣтилъ молодой человѣкъ, и онъ толкуетъ о трехъ вещахъ, которыхъ ни я, да, я полагаю, и никто другой не можетъ назвать настоящимъ именемъ.

— Пожалуйста читайте, попросила Манна.

Эрихъ началъ:

«Двѣ вещи въ мірѣ остаются неизмѣнными, тогда какъ сердце человѣческое постоянно колеблется между силой и слабостью, между добромъ и зломъ, — это природа и живущій въ насъ идеалъ. Церковь также представляетъ вѣрное убѣжище для идеала, хотя она не есть одна и таже для всѣхъ людей.

«Ты скажешь, природа намъ ни въ чемъ не помогаетъ. Что̀ можетъ она для человѣка, изнемогающаго подъ бременемъ тоски, которая овладѣваетъ имъ при мысли о господствующихъ въ мірѣ злѣ и лжи? Дѣйствительно, природа нѣма; она только намеками даетъ себя понимать и чувствовать; она какъ эхо повторяетъ то, что̀ мы сами въ ней вызываемъ. Церковь, напротивъ, въ минуты личной скорби предлагаетъ людямъ утѣшеніе и кромѣ того возбуждаетъ въ нихъ стремленіе обобщать свои интересы. Въ этомъ и заключается высокое ученіе Того, кто претерпѣлъ страданіе за всѣхъ. Мы слагаемъ съ себя бремя нашихъ печалей при мысли о томъ, что̀ величайшее Сердце въ себѣ носило.

«А третье? спросишь ты.

«Третье — это то, что мы называемъ искусствомъ, но что

можетъ быть также названо любовью или подвигомъ. Подъ искусствомъ я подразумѣваю также и науку. Все, что человѣческій духъ въ себѣ выработываетъ такого, что̀ служитъ проявленіемъ его жизненныхъ силъ, воли и стремленій, все то, облекаясь въ краски или мраморъ, въ слово или въ звукъ, заставляетъ насъ предчувствовать,—нѣтъ, вѣрить въ будущую полноту и совершенство нашего бытія.

«Да, таковы подвиги генія, которые онъ совершаетъ въ минуты вдохновенія.

«Искусство не уничтожаетъ страданій, не излечиваетъ ранъ, но приноситъ утѣшеніе тѣмъ, что наглядно и словесно доказываетъ существованіе лучшей, болѣе полной и чистой жизни. Искусство есть отраженіе присущихъ человѣку силы, ума, чувства и стремленія къ счастью. Оно не протягиваетъ руку помощи, не излечиваетъ ранъ, но служитъ человѣчеству точкой соединенія, на которой оно воздвигаетъ зданіе успокоительныхъ для него вѣрованій».

Эрихъ остановился.

— Здѣсь сдѣлана замѣтка, сказалъ онъ и прочелъ:

«Я зналъ одну женщину, которая во время траура не хотѣла ни слушать музыки, ни сама заниматься ею. Она этимъ ясно доказала, чѣмъ было для нея искусство».

Настала минута молчанія.

Немного спустя Эрихъ продолжалъ:

«Въ тяжелыя минуты моей жизни я находилъ утѣшеніе въ созерцаніи древнихъ статуй, посреди которыхъ мнѣ свободнѣе дышалось, и я буквально оживалъ. Другіе находятъ забвеніе печалей въ музыкѣ, — мнѣ скульптура всегда доставляла болѣе полное утѣшеніе. И это не потому, чтобъ я наслаждался созерцаніемъ застывшаго въ камнѣ и мраморѣ великаго прошлаго, но потому, что во мнѣ мгновенно умирало всякое личное горе при видѣ безграничнаго спокойствія, которое, не имѣя со мной ничего общаго, тѣмъ не менѣе отражалось на мнѣ.

«Я чувствовалъ на себѣ дыханіе вѣчности, мнѣ въ душу вливалось спокойствіе, мой взоръ услаждался и я утопалъ въ безконечномъ блаженствѣ. Слушая музыку, я все-таки еще могъ предаваться своимъ мечтамъ,—здѣсь это становилось невозможнымъ.

«Ахъ, еслибъ я могъ описать міръ, куда я тогда уносился и гдѣ я viталъ въ сопровожденіи божественныхъ ликовъ»....

Эрихъ внезапно остановился.

— Продолжайте, сказала Манна.

— Мнѣ нечего продолжать, здѣсь конецъ рукописи. Къ со-

жалѣнію, мой покойный отецъ оставилъ послѣ себя все только одни отрывки.

— Это не отрывокъ, а совершенно законченное цѣлое, возразила Манна: никто не могъ бы къ этому ни слова болѣе прибавить. Ахъ, прошу васъ... пожалуйста, подарите мнѣ этотъ листокъ.

Эрихъ посмотрѣлъ на мать, которая объявила, что она до сихъ поръ ни строки изъ того, что̀ писалъ ея мужъ, не отдавала въ чужія руки.

— Но ты, дитя мое, получишь желаемое, прибавила она, а Эрихъ перепишетъ для насъ эти строки.

Она передала рукопись Маннѣ, которая прижала ее къ груди.

— Ахъ! воскликнула она, я до сихъ поръ и не подозрѣвала, чтобъ въ мірѣ существовало нѣчто подобное.

Въ лицѣ у нея не было ни кровинки. Она попросила у профессорши позволенія войти въ домъ, говоря, что очень устала и хочетъ отдохнуть.

Профессорша пошла вмѣстѣ съ ней. Манна легла на диванъ въ комнатѣ со спущенными занавѣсками. Она не выпускала изъ рукъ подаренную ей рукопись и вскорѣ заснула.

Эрихъ, сидя съ матерью, сказалъ ей, что первымъ его дѣломъ теперь, когда онъ освободился отъ всѣхъ другихъ обязанностей, будетъ заняться приведеніемъ въ порядокъ рукописей отца. Онъ намѣревался издать ихъ въ свѣтъ, въ томъ предположеніи, что многіе найдутъ въ оставленныхъ покойнымъ профессоромъ отрывкахъ нѣчто цѣлое, говорящее ихъ уму и сердцу.

Въ виду этого новаго дѣла, Эрихъ внезапно почувствовалъ себя снова свободнымъ отъ тревогъ, свѣжимъ и бодрымъ. Онъ надѣялся, что собственныя познанія и воспоминаніе о томъ, что̀ отецъ при жизни ему словесно сообщилъ о своихъ мысляхъ и взглядахъ, дадутъ ему возможность многое самому пополнить въ отрывочныхъ рукописяхъ покойнаго.

Эрихъ вернулся въ библіотеку и погрузился въ чтеніе. Вдругъ въ комнату вошла Манна.

— Вы здѣсь! воскликнула она. Я пришла сюда взглянуть на книги, на которыхъ такъ часто останавливались глаза вашего отца. Теперь мнѣ пора домой. Сегодняшній день мнѣ много, очень много принесъ.

— Могу я васъ проводить?

Манна утвердительно кивнула головой.

Они черезъ лугъ направились къ виллѣ.

ГЛАВА XV.

ВСЕ ВЪ ОГНѢ.

Эрихъ и Манна шли рядомъ, задерживая шаги и стараясь скрыть одинъ отъ другого свое волненіе. Манна, чувствуя на себѣ взоръ Эриха, смотрѣла въ сторону, точно любуясь далекимъ ландшафтомъ. Эрихъ, съ своей стороны, всякій разъ, когда она поднимала на него глаза, отворачивался въ противоположную сторону.

— Вы очень счастливы, что можете такимъ образомъ жить мыслями вашего отца, тихо проговорила Манна.

Эрихъ не имѣлъ духу ей отвѣчать. Его сердце болѣзненно заныло при мысли, что̀ станется съ этой дѣвушкой, когда она узнаетъ страшную тайну про своего отца. Онъ и не подозрѣвалъ, что слова ея были у нея вырваны именно сознаніемъ своего горестнаго положенія.

— Я не могу вполнѣ наслѣдовать мыслямъ моего отца, сказалъ онъ наконецъ. Каждый человѣкъ долженъ до всего дойти собственнымъ опытомъ.

Они продолжали идти, но обоимъ хотѣлось бы остановиться и броситься въ объятія одинъ другого.

— Теперь отецъ съ Роландомъ вѣроятно уже ѣдутъ домой, замѣтила Манна.

— И съ ними баронъ фонъ-Пранкенъ, едва не сорвалось у Эриха съ языка, но онъ во время удержался.

Маннѣ внезапно пришло на мысль, что онъ можетъ замѣтить ея нежеланіе произносить имя Пранкена и она поспѣшила сказать:

— Правда это, что вы одно время были очень дружны съ барономъ Пранкеномъ?

— Мы были съ нимъ товарищами, но никогда друзьями.

Опять настало молчаніе. Между ними было много невысказаннаго, что̀ съ неудержимой силой рвалось наружу, но ни тотъ, ни другая, повидимому, не знали съ чего имъ начать.

Въ воздухѣ пронесся звукъ вечерняго колокола. Манна взглянула на Эриха: онъ оставался съ покрытой головой. Она вздрогнула. Какая бездна раздѣляла ихъ! Все, даже самая церковь стояла между ними.

Манна носила вокругъ таліи, скрытый подъ платьемъ, тонкій снурокъ. Ей дала его одна монахиня для того, чтобъ онъ ей постоянно напоминалъ о томъ времени, когда она открыто

передъ всѣмъ міромъ опояшется веревкой. Маннѣ вдругъ показалось, что этотъ снурокъ самъ собой стянулъ ей талію и потомъ снова ослабъ. Она схватилась рукой за дерево и остановилась, тяжело переводя духъ.

— Что съ вами? спросилъ Эрихъ.

— Ахъ, ничего и все. Благодарю васъ, что вы у насъ остаетесь. Смотрите, вонъ тамъ, наверху.... надъ башней зàмка летитъ пара ястребовъ.... ахъ, еслибъ и люди могли такъ летать и паря на высотѣ, забывать все, что ихъ тревожило здѣсь, внизу. Что такое была до сихъ поръ моя жизнь? Одинъ постоянный трудъ надъ смертной оболочкой. Я хотѣла стать выше міра и страстей, хотѣла посвятить себя молитвѣ за другого.... за другого! Ахъ, я чувствую, что болѣе этого не могу.... нѣтъ, никакъ не могу.

Она провела рукой по лбу. Слова точно безсознательно срывались у нея съ языка. Минуту спустя, она пошла далѣе, въ глубинѣ души желая вѣчно тутъ стоять.

Дѣвушка, неподалеку косившая траву, завидѣвъ Манну, закричала, что отецъ ея выздоровѣлъ и завтра вмѣстѣ съ ней будетъ убирать сѣно.

— Ахъ, какъ бы я желала быть этой поселянкой! воскликнула Манна.

— Извините, возразилъ Эрихъ, если я осмѣлюсь выразить удивленіе, что слышу подобныя рѣчи отъ васъ.

— Что же тутъ удивительнаго?

— Вы сегодня высказали такую ясность ума, что я рѣшительно не понимаю, какъ можете вы выражать такого рода пустыя желанія. Что вы хотите этимъ сказать: желала бы я быть другою? Будь вы другая, вы уже не были бы ею. Затѣмъ, еслибъ вы въ новомъ положеніи сохранили сознаніе вашего прежняго *я*, вы опять-таки не были бы другою. Такого рода фразы не только противорѣчатъ здравому смыслу, но еще на мой взглядъ грѣшатъ противъ религіи.

Манна остановилась, а Эрихъ продолжалъ:

— Мы должны быть тѣмъ, чѣмъ насъ создала высшая воля, которую мы осмѣливаемся называть Богомъ. И въ томъ, что мы есть, обязаны мы находить наше счастье, будь мы бѣдны или богаты, прекрасны или дурны собой.

— Хорошо, я никогда болѣе не стану выражать мыслей, въ которыхъ не вполнѣ даю себѣ отчетъ, сказала Манна и подала Эриху руку. Она дрожала.

Подъ тѣнистыми сводами деревъ уже настали сумерки. Молодые люди шли молча.

— Ахъ, я вижу матушку! воскликнула Манна. У ней вырвался глубокій вздохъ и она остановилась, точно не желая явиться на глаза матери въ обществѣ Эриха. Но прежде она часто съ нимъ ходила и гуляла и никто не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго.

— Я здѣсь съ вами прощусь, едва слышно проговорила Манна. Ахъ, что это былъ за день, который я сегодня прожила!

— Подобно тому, началъ Эрихъ, какъ солнце заходитъ и снова встаетъ, оставаясь все тѣмъ же и въ хорошую и въ дурную погоду, такъ точно и я всегда буду вамъ вѣрнымъ другомъ и глазъ мой, пока я живъ, неусыпно станетъ слѣдить за вашей судьбой.

— Я знаю! воскликнула Манна. О, Господи, я это знаю!

Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Прошу тебя, уйди отсюда, внезапно проговорила она.

Эрихъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ прочь отъ нея и обернулся. Манна упала на колѣни подъ высокой елью. Лицо ея было облито блескомъ заходящаго солнца и она простирала руки къ небу. Еще минута, она встала и бросилась къ нему, онъ къ ней и они очутились въ объятіяхъ другъ друга.

— Да, да, сюда, ко мнѣ! восклицала она. И небо и земля все слилось въ одно.

Дыханіе ихъ смѣшалось, уста сомкнулись съ устами: они отнынѣ и на вѣки составляли одно.

— Ты мой! мой! Мой отецъ, моя надежда, мой свѣтъ и моя радость! Ахъ, Эрихъ, никогда, никогда больше не покидай меня!

— Я, тебя покинуть?!

— Нѣтъ, ты не можешь, неправда-ли? Небо проститъ насъ.... нѣтъ, благословитъ.... Ни я, ни ты, мы не могли иначе. Смотри, Эрихъ, какъ все вокругъ насъ пылаетъ. Деревья, трава, Рейнъ, горы, самое небо, — все горитъ, какъ въ огнѣ. Ахъ, Эрихъ, а когда этому огню суждено будетъ угаснуть, я охотно умру въ твоихъ объятіяхъ. Возьми меня, убей, дѣлай со мной что хочешь.

— Погоди, дай мнѣ на тебя взглянуть. Такъ вотъ ты какая, сказалъ Эрихъ. Ты и не подозрѣваешь, какую жестокую борьбу я изъ-за тебя вынесъ. Но наконецъ ты моя, моя, а я твой! О, скажи, скажи это еще разъ!

И они разсказали другъ другу о своей взаимной борьбѣ и о томъ, какъ каждый изъ нихъ вопреки самому себѣ былъ побѣжденъ прелестью и чистотой души другого. Прежняя сдержан-

ность Манны совсѣмъ изчезла и она излила передъ Эрихомъ всю свою душу.

Они стояли держась за руки и смотря одинъ другому въ глаза.

— О, Манна! воскликнулъ Эрихъ:—мое единственное желаніе теперь, чтобъ ты могла подобно мнѣ насладиться дивнымъ блескомъ твоихъ глазъ.

— А ты твоихъ, возразила Манна. Всякій, кто тебя видитъ и знаетъ, неизбѣжно долженъ тебя полюбить. Представь же себѣ, что̀ должна чувствовать я, которая тебя вижу и знаю, какъ никто.

Они снова, закрывъ глаза, бросились въ объятія одинъ другого. Надъ ними въ деревьяхъ раздавался легкій шелестъ листьевъ отъ носившагося въ воздухѣ легкаго вѣтерка.

Эрихъ сѣлъ съ Манной на ту самую скамейку, на которой однажды сидѣлъ съ Беллой. При воспоминаніи о томъ времени онъ содрогнулся отъ ужаса. Съ проницательностью любви Манна замѣтила облако, мгновенно пробѣжавшее по лицу Эриха, и сказала:

— Такъ и ты тоже жестоко боролся, пока наконецъ принужденъ былъ уступить охватившему тебя чувству и сказать: такъ должно быть?

— Ахъ, не будемъ болѣе объ этомъ говорить. Борьба, заботы и печаль не замедлятъ явиться въ свое время. Но теперь для насъ настала минута торжества, въ которую мы переживаемъ брачный союзъ нашихъ душъ. Пусть же ничто насъ не смущаетъ, пусть наше счастье будетъ полно и безгранично. Я знаю, что ты моя, а я твой: теперь никто и ничто не можетъ этого измѣнить.

И они снова обнялись.

— О, Эрихъ! воскликнула Манна: я могла бы теперь на рукахъ перенести тебя черезъ высокія горы.

Эрихъ замѣтилъ, что въ ней было много природной силы и страстности, которыя ясно обличали въ ней дочь дикаго, необузданнаго Зонненкампа.

Кто видѣлъ утромъ спокойную, кроткую, смиренную дѣвушку, тотъ и подозрѣвать не могъ, что она не далѣе какъ вечеромъ превратится въ такую пылкую, страстную женщину. Смотря на нее, Эрихъ чувствовалъ какъ и ему сообщалась новая бодрость и энергія духа.

— Ахъ, да, сказала она, точно читая въ его душѣ, ты находишь меня очень дикимъ и необузданнымъ ребенкомъ. Ты правъ, но я даю тебѣ слово скоро укротиться. Положись на меня.

— Ахъ, я вижу матушку! воскликнула Манна. У
...я глубокій вздохъ и она остановилась, точно
...ться на глаза матери въ обществѣ Эриха. Но
...то съ нимъ ходила и гуляла и никто не находил...
...его предосудительнаго.

— Я здѣсь съ вами прощусь, едва слышно
...анна. Ахъ, что это былъ за день, который я сегод...
...ла!

— Подобно тому, началъ Эрихъ, какъ солнце
...нова встаетъ, оставаясь все тѣмъ же и въ хорошую
...ую погоду, такъ точно и я всегда буду вамъ вѣрны...
...глазъ мой, пока я живъ, неусыпно станетъ слѣд...
...шей судьбой.

— Я знаю! воскликнула Манна. О, Господи, я э...

Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Прошу тебя, уйди отсюда, внезапно проговор...

Эрихъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ прочь отъ н...
нулся. Манна упала на колѣни подъ высокой ель...
было облито блескомъ заходящаго солнца и она про...
къ небу. Еще минута, она встала и бросилась къ
ней и они очутились въ объятіяхъ другъ друга.

— Да, да, сюда, ко мнѣ! восклицала она. И
все слилось въ одно.

Дыханіе ихъ смѣшалось, уста сомкнулись съ
отнынѣ и на вѣки составляли одно.

— Ты мой! мой! Мой отецъ, моя надежда,
моя радость! Ахъ, Эрихъ, никогда, никогда бол...
дай меня!

— Я тебя покинуть?!

— Нѣтъ, ты не можешь, неправда-ли?
насъ... нѣтъ, благословитъ.... Ни я, ни ты, мы
Смотри, Эрихъ, какъ все вокругъ насъ пылаетъ.
Рейнъ, горы, самое небо, — все горитъ, какъ...
Эрихъ, а когда этому огню суждено будетъ уг...
умру въ твоихъ объятіяхъ. Возьми меня, убе...
что хочешь.

— Погоди, дай мнѣ на тебя взглянуть.
кая, сказалъ Эрихъ. Ты и не подозрѣваешь,
борьбу я изъ-за тебя вынесъ. Но наконецъ
твой! О, скажи, скажи это еще...

И они разсказали другъ дру...
томъ, какъ каждый изъ нихъ
день прелестью и чистото...

...точно во снѣ. Но погоди
...екунду заснуть. Ахъ, какъ

...голову ему на грудь, по-

...лый вѣкъ блаженства. Те-
...забыла, исключая того, что

...монахини, а я... я тоже

...не такъ, какъ ты пола-
...ся отъ того, что люди на-
...но посвятить себя служе-

...лнить этого теперь, когда

...перь не одинъ. Я—ты и я

...торила Манна.... А теперь
...па, вставая. Пусть пока
...аютъ о томъ, что между

...озднѣе вечеромъ въ саду?
...завтра. Мнѣ необходимо
...съ мыслями. Итакъ, до

...овый платочекъ и повязала

...ецъ разстались.

...XVI.

...тесь!

...камьѣ. Настала ночь; въ окнѣ
...представлялъ себѣ, какъ она
...діей. Ему даже казалось, будто
...на арфѣ, но онъ ошибался, по-
...летать до него на такомъ разстоя-
...ваго сердца принималъ за явленіе
...частіе, какое Эрихъ въ эту минуту

Она сидѣла около него и нѣжно гладила ему руку. Вдругъ она лукаво взглянула на Эриха и сказала:

— Ахъ, милый Эрихъ, ты себѣ и представить не можешь, какой я еще глупый ребенокъ, а ты такъ ужасно уменъ и ученъ! Скажи мнѣ по совѣсти, совсѣмъ искренно, — теперь тебѣ нечего бояться: я тебѣ принадлежу и ты можешь мнѣ безъ боязни все говорить, — скажи же, ты дѣйствительно меня считаешь достойной тебя? Я въ сравненіи съ тобой такъ ничтожна и мало образована.

— Ничтожна и мало образована? Ты равняешься лучшему мужчинѣ по самоотверженію и чистотѣ твоихъ стремленій къ свѣту истины, а все остальное ровно ничего не значитъ. Знаніе, красота и богатство не даютъ любви.

— И я намѣрена многому у тебя научиться, сказала Манна, цѣлуя ему руки. Ахъ, продолжай, пожалуйста, говорить! Говори, не стѣсняясь, все что хочешь. Ты себѣ представить не можешь, какая музыка для меня заключается въ твоихъ словахъ. А знаешь ли ты, что я уже два раза слышала твое пѣніе? Разъ въ большомъ собраніи на музыкальномъ торжествѣ, а другой въ лодкѣ на Рейнѣ.

— А ты знаешь ли, что я тебя видѣлъ въ сумерки въ монастырѣ?

— Знаю и вотъ ка̀къ ты тогда на меня смотрѣлъ.

И она старалась передразнить его взглядъ.

— А когда мы съ музыкальнаго праздника снова вернулись въ монастырь, болѣе дюжины дѣвочекъ оказались въ тебя влюбленными. Я же тебя тогда ужасно боялась. И сама не знаю, что̀ я нашла въ тебѣ такаго страшнаго. Но что скажутъ обо всемъ этомъ въ монастырѣ? Онѣ тамъ сочтутъ меня за обманщицу, за лицемѣрку.... Ахъ, Эрихъ, какъ многимъ жертвую я ради тебя, но не бойся, я дѣлаю это охотно. О, какъ Роландъ будетъ радъ!

— Но твои родители?

— Мои родители! повторила она. Мои родители!

Голосъ ея внезапно порвался, а лицо покрылось смертельной блѣдностью. Она въ ужасѣ прижалась къ Эриху. Онъ положилъ ей на голову руку и игралъ ея черными локонами. Другую его руку она крѣпко прижимала къ губамъ. Они отъ избытка чувствъ не могли говорить, да въ этомъ и не было надобности. А между тѣмъ у обоихъ вертѣлся на языкѣ вопросъ: Извѣстно ли уже тебѣ?

— Отчего ты вздрогнулъ? вдругъ спросила Манна.

— Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобъ ты не была богата!

— И я тоже, проговорила она, точно во снѣ. Но погоди минутку... такъ... дай мнѣ на одну секунду заснуть. Ахъ, какъ прекрасно бьется твое сердце!

Она съ минуту сидѣла, склонивъ голову ему на грудь, потомъ сказала:

— Я въ этотъ мигъ прожила цѣлый вѣкъ блаженства. Теперь я снова бодра и сильна, я все забыла, исключая того, что пока мы дышимъ, я твоя, а ты мой.

— Ты собиралась постричься въ монахини, а я... я тоже намѣревался удалиться отъ міра.

— Развѣ ты не гугенотъ?

— Я хотѣлъ покинуть міръ, но не такъ, какъ ты полагаешь, моя Манна. Я желалъ отречься отъ того, что люди называютъ свѣтомъ, чтобы исключительно посвятить себя служенію чистой идеи.

— А развѣ ты не можешь исполнить этого теперь, когда я твоя?

— Нѣтъ. Но это все равно? Я теперь не одинъ. Я—ты и я вмѣстѣ.

— И я тоже, ты и я вмѣстѣ, повторила Манна.... А теперь мнѣ надо къ матушкѣ, прибавила она, вставая. Пусть пока никто, ни моя мать, ни твоя не знаютъ о томъ, что между нами произошло.

— Не увижу ли я тебя еще попозднѣе вечеромъ въ саду?

— Нѣтъ, лучше отложимъ это до завтра. Мнѣ необходимо прежде придти въ себя и собраться съ мыслями. Итакъ, до завтрашняго утра!

Она сняла съ себя голубой шелковый платочекъ и повязала ему вокругъ шеи.

Они еще разъ обнялись и наконецъ разстались.

ГЛАВА XVI.

РАДУЙТЕСЬ!

Эрихъ еще долго сидѣлъ на скамьѣ. Настала ночь; въ окнѣ его матери появился огонь и онъ представлялъ себѣ, какъ она теперь сидитъ съ тетушкой Клавдіей. Ему даже казалось, будто онъ слышитъ игру послѣдней на арфѣ, но онъ ошибался, потому что звуки не могли долетать до него на такомъ разстояніи. Онъ музыку собственнаго сердца принималъ за явленіе внѣшняго міра. Но все счастіе, какое Эрихъ въ эту минуту

испытывалъ, не могло заглушить въ немъ тревожнаго вопроса. Какъ перенесетъ Манна открытіе ужасной тайны? А самъ ты, думалъ онъ потомъ, неужели рѣшишься воспользоваться такимъ образомъ пріобрѣтеннымъ богатствомъ? Какъ приметъ все это Зонненкампъ? Что̀ станетъ дѣлать Пранкенъ? Свѣтъ, безъ сомнѣнія, не замедлитъ осыпать его, Эриха, упреками. Онъ скажетъ, что учитель съ помощью матери, во время отсутствія хозяина дома, ловко устроилъ свои дѣла. Но пусть свѣтъ говоритъ что хочетъ! Любовь все побѣждаетъ!

Онъ увидѣлъ свѣтъ въ комнатѣ Манны, слышалъ, какъ она затворила свое окно и тогда только рѣшился покинуть скамью, на которой недавно вмѣстѣ съ ней сидѣлъ.

Онъ пошелъ на конюшню и приказалъ осѣдлать себѣ лошадь.

Конюхъ отвѣчалъ, что дома не осталось ни одной лошади, исключая вороного коня самого Зонненкампа.

— Въ такомъ случаѣ, осѣдлай его.

— Я не смѣю, баринъ никому не позволяетъ на немъ ѣздить.

— Дѣлай то, что тебѣ приказываютъ.

Вороной конь вскорѣ былъ выведенъ на дворъ. Онъ нетерпѣливо крутилъ головой, взмахивалъ гривой, пыхтѣлъ и далеко не дружелюбно поглядывалъ на Эриха.

— Отлично! воскликнулъ молодой человѣкъ и мигомъ вскочивъ на коня, какъ стрѣла помчался вдоль по дорогѣ.

Куда направить ему свой бѣгъ? Вдаль.... въ безконечное пространство. Онъ чувствовалъ себя такимъ легкимъ и свободнымъ, какъ будто у него были крылья и онъ могъ облетѣть весь свѣтъ.

Онъ, самъ того не замѣчая, очутился на горѣ, гдѣ была расположена деревня, въ которой жилъ ловчій. Все, что онъ на этомъ пути пережилъ и передумалъ, мгновенно воскресло у него въ памяти. Онъ безсознательно оглянулся, точно отыскивая около себя Роланда!

Роландъ! Какъ странно! Эриху казалось, будто прошли годы съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ Роландомъ. Время, когда онъ занимался воспитаніемъ богатаго юноши, было для него теперь не болѣе, какъ отдаленнымъ воспоминаніемъ.

Эрихъ зоркимъ взглядомъ окидывалъ поля и виноградныя горы, точно спрашивая ихъ: Что̀ будетъ, если мнѣ вдругъ придется назвать васъ моими?... Часть міра моя собственная! Деревья, луга, поля, виноградники, все это вертѣлось и прыгало у него передъ глазами.

Онъ въѣхалъ въ деревню.

Тамъ все было тихо. Эрихъ, самъ не зная зачѣмъ, остановился передъ жилищемъ ловчаго. Радуйтесь, радуйтесь! распѣвалъ на окнѣ черный дроздъ и по обыкновенію обрывался на второмъ тактѣ мелодіи, которая продолжала звучать въ ушахъ Эриха еще долго послѣ того, какъ домъ Клауса остался позади него. Онъ слышалъ ее въ шумѣ деревьевъ и въ стукѣ о камни лошадиныхъ подковъ.

Изъ деревни Эрихъ поѣхалъ на вершину того холма, гдѣ имѣлъ длинный разговоръ съ бывшимъ учителемъ Роланда. Онъ вспомнилъ свой недавній вопросъ Кнопфу, что́ сталъ бы тотъ дѣлать, еслибъ внезапно очутился обладателемъ милліоновъ.

При этомъ воспоминаніи Эриху показалось, что ему на плечи свалилась непомѣрная тяжесть, и онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, я никогда, никогда не буду владѣть милліонами!

Но тутъ же ему тѣснились въ голову планы Вейдемана и воображеніе рисовало сотни поселянъ, которые жили на своихъ десятинахъ свободные и счастливые, вслѣдствіе благосостоянія, устроеннаго для нихъ стараніями одного.

— Какъ это было бы хорошо! Но это ужасное богатство!.. Нѣтъ, нѣтъ, никогда! воскликнулъ Эрихъ, такъ громко, что вороной конь обернулъ голову взглянуть на своего ѣздока.

Затѣмъ Эрихъ сталъ медленно спускаться съ горы. Онъ вскорѣ очутился въ виду стекляннаго купола оранжерей на виллѣ и тогда опять повернулъ въ сторону. Ему хотѣлось къ людямъ, и онъ поѣхалъ къ маіору.

Завидѣвъ огонекъ, сверкавшій изъ окна скромнаго домика маіора, Эрихъ обрадовался, какъ заблудившійся странникъ, который внезапно напалъ на слѣдъ человѣческаго жилища.

Маіоръ, услышавъ конскій топотъ, выглянулъ въ окно. Онъ узналъ вороную лошадь Зонненкампа и воскликнулъ:

— Какъ, это уже вы, баронъ фонъ-Лихтенбургъ?

— Пока меня еще зовутъ Эрихомъ Дорнэ, возразилъ всадникъ. Онъ сошелъ съ лошади, привязалъ ее къ садовому забору и вошелъ въ домъ, гдѣ былъ ласково встрѣченъ маіоромъ и фрейленъ Милькъ.

— Что́ случилось? Ничего дурного? спросилъ маіоръ.

Эрихъ его успокоилъ.

— Фрейленъ Милькъ, продолжалъ маіоръ, прошу васъ, не церемоньтесь и надѣньте ваши очки. Посмотрите на капитана: какой у него странный видъ. Вы должно быть въ лихорадкѣ, у васъ такія красныя губы.

Эрихъ молчалъ, не смѣя отвѣтить, что онѣ горѣли у него отъ поцѣлуевъ.

Маіоръ открылъ шкафъ, вынулъ оттуда порошокъ, и высыпалъ его въ стаканъ, до половины наполненный водой. Вернувшись къ Эриху, онъ пощупалъ его лобъ и сказалъ:

— Теперь вы можете пить.

Онъ высыпалъ въ стаканъ другой порошекъ, вода вспѣнилась и зашипѣла. Эрихъ, прежде чѣмъ ему позволено было произнести слово, принужденъ былъ выпить приготовленный для него напитокъ. А пока онъ пилъ, маіоръ приговаривалъ, что ничто такъ не успокоиваетъ какъ содовый порошекъ.

Фрейленъ Милькъ, замѣтивъ, что Эрихъ имѣлъ нѣчто сообщить маіору, хотѣла выйти, но молодой человѣкъ остановилъ ее:

— Нѣтъ, сказалъ онъ, вы тоже выслушайте то, что я намѣренъ объявить моему другу, маіору. Я помолвленъ.

— Съ Манной, прибавила фрейленъ Милькъ.

Эрихъ съ изумленіемъ, почти со страхомъ на нее взглянулъ, а маіоръ воскликнулъ:

— Благодареніе Богу, что она живетъ въ нашъ вѣкъ! Въ былое время ее изгнали бы, или сожгли, какъ колдунью. Она все знаетъ и видитъ такъ далеко, какъ никто. Представьте себѣ, мы съ ней сидѣли здѣсь не задолго до вашего пріѣзда и она вдругъ сказала: Сегодня вечеромъ произошла помолвка Эриха съ Манной. Я засмѣялся, а она замѣтила: Не смѣйтесь, а лучше давайте, приготовимъ бутылку вина: они оба сегодня къ намъ придутъ. Вотъ и бутылка, которую она приготовила, товарищъ. Но она только на половину пророкъ, такъ какъ вы, товарищъ, явились одни. Дай же мнѣ тебя обнять, другъ моего сердца!

И онъ, громко чмокнувъ, поцѣловалъ его.

— У тебя нѣтъ больше отца, продолжалъ онъ: я его замѣню при вѣнчаньѣ. Дай мнѣ руку. Говорите послѣ этого, что въ мірѣ не бываетъ чудесъ! Напротивъ, каждый день приноситъ новыя, вся разница въ томъ, что теперь мы умѣемъ себѣ ихъ объяснять, тогда какъ въ былое время никто не понималъ, какъ они совершались.

Фрейленъ Милькъ между тѣмъ откупорила бутылку и налила стаканы виномъ.

— Чокнемся, сынъ мой! воскликнулъ маіоръ, и выпьемъ іоганнисбергскаго за твое здоровье.

Они чокнулись, маіоръ залпомъ осушилъ свой стаканъ и еще разъ обнялъ Эриха.

— Ай да молодецъ, сказалъ онъ потомъ, какъ научился

цѣловаться! Ну поцѣлуй же и фрейленъ Милькъ тоже: я позволяю тебѣ. Фрейленъ Милькъ, прошу васъ не сопротивляться. Ну, иди же, иди сюда, говорю я тебѣ, и цалуй ее. У тебя послѣ матери нѣтъ лучшаго друга. Ты долженъ узнать всю цѣну ей, ты этого заслуживаешь.

— Прошу васъ, маіоръ.... дрожащимъ голосомъ попробовала отговориться фрейленъ Милькъ.

— Полно, полно, успокоивалъ маіоръ: я теперь ничего болѣе о тебѣ не скажу, но ты непремѣнно должна его поцѣловать.

Наконецъ Эрихъ и фрейленъ Милькъ поцѣловались, при чемъ послѣдняя до ушей покраснѣла.

Послѣ этого они еще долго сидѣли втроемъ и мирно бесѣдовали. Маіоръ не могъ нарадоваться на то, что Пранкенъ обманулся въ своихъ разсчетахъ и не получитъ ни прелестной дѣвушки, ни ея милліоновъ. Но и эта его радость блѣднѣла передъ восторгомъ, какой онъ ощущалъ при мысли, что монастырь съ своей стороны тоже ничего не добился.

Эрихъ вернулся домой ужъ на исходѣ ночи, въ ушахъ его продолжала звучать пѣсня чернаго дрозда: Радуйтесь, радуйтесь!

Въ комнатѣ Манны не виднѣлось болѣе огня, но сама она все еще стояла у окна.

ГЛАВА XVII.

ЗМѢЯ ВЪ ЭДЕМѢ.

Манна стояла у окна и смотрѣла въ ночную темноту. Она опиралась горячими руками о холодный мраморъ подоконника и произносила вслухъ отрывистыя фразы. Восклицанія радости и печали, надежды и отчаянія, жалобы, громкія рыданія быстро смѣнялись одни другими, безпорядочно вырываясь изъ ея стѣсненной груди. Однѣ звѣзды, мерцая въ небѣ, смотрѣли на ея блѣдное, взволнованное лицо, и легкій вѣтеръ разносилъ въ пустое пространство поцалуи, которыми она продолжала осыпать своего невидимаго друга.

Манна взглянула вверхъ на звѣзды и подумала, что блескъ ни одной изъ нихъ не можетъ сравниться съ лучезарнымъ взглядомъ глазъ Эриха.

— Но зачѣмъ я снова одна? Зачѣмъ я должна теперь хоть секунду проводить вдали отъ него? спрашивала она у мрачной ночи.

Ею вдругъ овладѣло тоскливое чувство одиночества, какъ будто въ эту минуту никому въ цѣломъ мірѣ не было до нея никакого дѣла. Въ числѣ воспоминаній прошедшаго дня было одно, которое ее неотступно преслѣдовало. Она встрѣтила на желѣзной дорогѣ монахиню, которая съ опущенными глазами, ни на комъ и на чемъ не останавливая взгляда, переходила изъ одного монастыря въ другой, отъ одного одра болѣзни къ другому. Что̀ сталось бы съ ней, съ этой монахиней, подумала Манна, еслибъ ей внезапно послышался голосъ, который сказалъ бы ей: Ты моя, обрати ко мнѣ твой взоръ, скинь эту печальную одежду. Взгляни на меня и дай мнѣ взглянуть на тебя. Оглянись на міръ и людей и подари ихъ улыбкой сочувствія. Дай доступъ къ твоему сердцу радостямъ и горю, надеждамъ и сомнѣнію. Перестань на все смотрѣть равнодушнымъ окомъ, не позволяй одной, хотя и великой идеѣ исключительно тебя поглощать.

Маннѣ казалось, что она стоитъ на краю пропасти. Она съ ужасомъ озиралась вокругъ. Но передъ ней вдругъ какъ будто явился Эрихъ и охвативъ ее сильной рукой, унесъ съ собой въ міръ.... и въ какой міръ! Она провела рукой по лицу — рука была суха, горяча и точно не ея. Манна вошла въ глубину комнаты и бросилась на колѣни.

— Горе мнѣ! воскликнула она: я люблю!... Благодарю тебя, Боже, что ты мнѣ посла.ъ это новое испытаніе!... Испытаніе? — Нѣтъ, потому что тутъ и рѣчи быть не можетъ ни о борьбѣ ни о побѣдѣ. О ты, источникъ любви, котораго славятъ тысячи языковъ, прости меня и помоги мнѣ, ему и всѣмъ намъ! Очисти меня и сподоби меня жить въ немъ, а черезъ него во всемъ, что̀ есть честнаго, прекраснаго, святого. О Боже, я падаю передъ тобою въ прахъ и молю: если любовь моя грѣхъ, порази меня мгновенной смертью. О ты, чистый ангелъ, сестра, умершая въ стѣнахъ монастыря, часть моей собственной души, погибшая какъ весенній цвѣтъ, преждевременно падающій съ дерева.... прости: я, я должна подъ вѣтромъ и дождемъ, подъ громомъ и молніей рости и зрѣть на деревѣ жизни, и приносить міру плоды добрыхъ дѣлъ. О ты, мой Богъ и его тоже, хотя онъ и не молится тебѣ по церковнымъ обрядамъ, услышь меня! Каждое его слово, мысль и дѣйствіе, вся жизнь его есть не что иное, какъ самая чистая молитва.

Она встала, снова подошла къ окну и опять долго смотрѣла на звѣздное небо. Около полуночи что-то вылетѣло изъ окна Манны и упало въ садъ: это былъ снурокъ, который она носила вокругъ таліи вмѣсто веригъ....

Эрихъ, сидя въ своей комнатѣ, вдругъ заслышалъ легкій шорохъ. Онъ вскочилъ въ испугѣ, точно увидѣлъ привидѣніе, и быстро отворилъ дверь. Передъ нимъ стояла Манна. Они молча бросились въ объятія одинъ другого.

— Я пришла къ тебѣ, начала Манна, потому что не могу болѣе жить безъ тебя. Мысли мои ни на минуту не покидаютъ тебя. Ахъ, Эрихъ, я такъ счастлива и въ тоже время несчастна! Знаешь ли ты, что мой отецъ....

— Я все знаю.

— Знаешь и все-таки меня любишь?

Она упала передъ нимъ на колѣни и обвила руками его ноги. Онъ поднялъ ее, посадилъ рядомъ съ собой и они начали говорить о страшной тайнѣ.

— Разскажи мнѣ, какъ ты это перенесъ? спросила Манна.

— Подумаемъ лучше, какъ перенесетъ это Роландъ?

— А ты полагаешь, что онъ когда-нибудь узнаетъ?

— Непремѣнно. Кто можетъ сказать, какъ скоро свѣтъ...

— Свѣтъ! свѣтъ! воскликнула Манна. Свѣтъ добръ и прекрасенъ! Благодареніе высшему, непостижимому Существу, давшему мнѣ моего Эриха, въ которомъ для меня заключается весь міръ.

Затѣмъ Манна спокойно, съ рѣдкой ясностью ума, начала обсуживать все, что до сихъ поръ съ ней произошло. Но подъ конецъ она не выдержала и бросившись къ Эриху на грудь, со слезами воскликнула:

— Ахъ, какъ тяжело въ мои года все это знать, переживать и побѣждать.

Эрихъ старался ее утѣшать. Вскорѣ Манна вернулась къ себѣ.

Ни тотъ, ни другая не подозрѣвали, что за ними кто-то наблюдалъ и что этотъ кто-то все видѣлъ и зналъ.

На слѣдующее утро первыми словами Манны при ея пробужденіи было:

— Я невѣста! Его невѣста! Проснулся ли онъ, или еще спитъ?

Она открыла окно. Молодой скворецъ, который, несмотря на позднюю осеннюю пору, строилъ себѣ гнѣздо, нашелъ выброшенный Манною снурокъ, взялъ его въ клювъ и унесъ въ свое жилище. Внизу на дорожкѣ стоялъ Эрихъ. Манна, скрывшись за занавѣсъ, крикнула ему:

— Я сейчасъ къ тебѣ приду.

И, дѣйствительно, они, минуту спустя, стояли вмѣстѣ, вдыхая въ себя свѣжій утренній воздухъ и привѣтствуя другъ друга

объятіями и поцалуями. Они старались себя ободрить въ виду предстоящихъ имъ испытаній: въ этотъ самый день Зонненкампъ и Пранкенъ должны были вернуться изъ столицы.

Эрихъ и Манна рука объ руку направились въ виноградный домикъ и сѣли тамъ въ саду, въ ожиданіи пока проснется профессорша. Среди обуявшихъ ихъ тревогъ и радостей любви, они еще пытались угадать, какъ все совершилось наканунѣ въ столицѣ. Они не могли и подозрѣвать того, что̀ тамъ произошло.

Немного спустя, Эрихъ и Манна разстались. Онъ разсказалъ ей, что былъ у маіора, и теперь снова пошелъ къ нему просить его и фрейленъ Мильхъ, чтобъ они сохранили въ строгой тайнѣ его помолвку съ Манной. Послѣдняя отправилась домой одна.

На встрѣчу Эриха мчался экипажъ, изъ котораго его вдругъ кто-то окликнулъ. Карета остановилась и изъ нея вышла Белла,

— Какъ я рада, что мнѣ удалось васъ встрѣтить одного, сказала она. Мы такъ давно не говорили съ вами наединѣ. Впрочемъ, вы не должны принимать на свой счетъ мой сегодняшній визитъ. Но Клодвигъ вамъ кланяется и проситъ васъ пріѣхать къ нему въ Вольфсгартенъ. И онъ, и вы теперь находитесь въ совершенномъ одиночествѣ и я полагаю, вамъ пріятно будетъ провести у насъ первые дни разлуки съ вашимъ дорогимъ воспитанникомъ. Вы можете сейчасъ же въ моей каретѣ отправиться въ Вольфсгартенъ. Я же останусь здѣсь у моей будущей невѣстки. Гдѣ она, милое дитя?

Эрихъ проводилъ Беллу на виллу. Онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова. Къ счастью, къ нимъ на встрѣчу вышла фрейленъ Пэрини и онъ оставилъ съ ней Беллу, а самъ поспѣшилъ къ Маннѣ и, задыхаясь отъ волненія и поспѣшности, объявилъ ей о пріѣздѣ графини.

Манна боязливо, хотя и не безъ лукавства, спросила у него:

— Правда ли, что ты одно время былъ въ нее влюбленъ?

— И да, и нѣтъ. Но развѣ ты ревнива?

— Нѣтъ, потому что я увѣрена, ты еще никогда, никогда не любилъ! Ты не могъ любить никого кромѣ меня. Эрихъ, дай мнѣ руку и пойдемъ объявить ей и всему міру о нашей любви. Мы не должны ни одной минуты ни передъ кѣмъ скрываться или лгать. У меня хватитъ мужества сознаться въ моемъ счастьи передъ лицомъ всего свѣта. Никакія соображенія, никакой страхъ не должны насъ теперь ни на минуту разлучать. Пойдемъ, повторяю я, и объявимъ цѣлому міру, что отнынѣ мы съ тобой одно.

Эриху стоило не малаго труда убѣдить Манну въ необходимости дѣйствовать осторожно. Онъ требовалъ отъ нея покорности и повиновенія.

— Хорошо, сказала она со слезами на глазахъ, я тебя послушаюсь, но останусь здѣсь, въ своей комнатѣ, и рѣшительно никому не стану показываться.

Эрихъ всячески старался уговорить Манну выдти къ Беллѣ, но она стояла на своемъ и наконецъ сказала:

— Какъ можешь ты, такой честный и чистый, желать, чтобъ я хоть на минуту превратилась въ обманщицу?

Эрихъ просилъ Манну немедленно отпустить его въ Вольсфсгартенъ, гдѣ онъ намѣревался провести первые тревожные дни. Онъ ссылался при этомъ на тягостное положеніе въ подобныхъ обстоятельствахъ всякаго человѣка, занимающаго въ домѣ подчиненное мѣсто. Манна, лаская его, сказала:

— И ты, ты долженъ былъ служить,—ты, чья великая душа, напротивъ, призвана надъ всѣми властвовать! Ахъ, ты все это вынесъ! Впрочемъ, безъ этого мы бы никогда не встрѣтились. Хорошо, ради тебя я на все согласна: я хочу себя пересилить и пересилю. Пойдемъ.

И она пошла внизъ къ Беллѣ, которую привѣтствовала весьма любезно, но въ тоже время съ достоинствомъ.

Эрихъ вскорѣ удалился. Белла съ изумленіемъ поймала взглядъ, которымъ Манна его проводила. Послѣдняя между тѣмъ была въ большомъ волненіи. Она говорила много и съ большимъ одушевленіемъ, такъ что привела графиню въ совершенное недоумѣніе.

Вскорѣ явился маіоръ. Онъ пришелъ поздравить Манну и сдѣлалъ это столько же искренно, сколько не ловко.

— Извините, маіоръ, замѣтила Белла, поздравленія ваши могутъ быть приняты не раньше, какъ вечеромъ, когда вернется мой братъ.

Манна въ замѣшательствѣ отвернулась.

Графиня достаточно видѣла. Передъ ней мгновенно блеснула догадка: Манна любитъ Эриха. Но нѣтъ, это невозможно!

Белла хотѣла обнять и поцаловать Манну, но та со слезами просила ее оставить на сегодня какъ можно болѣе въ покоѣ.

Графиня гордо выпрямилась и бросила на молодую дѣвушку взглядъ, дѣлавшій поразительнымъ ея сходство съ Медузой. Но Манна спокойно его вынесла. Белла, не произнеся болѣе ни слова, вышла изъ комнаты и покинула виллу. Кто знаетъ, о чемъ она думала, что̀ затѣвала? Она сама врядъ ли могла дать себѣ въ томъ отчетъ, а на виллѣ рѣшительно никому до этого не было дѣла.

Послѣ ухода Беллы, маіоръ подошелъ къ Маннѣ и сказалъ ей:

— Честь и слава тебѣ, дитя! Ты храбро выдержала натискъ

врага.... Молодецъ! Ты во мнѣ всегда найдешь защитника и во фрейленъ Милькъ тоже.... Если тебѣ дома будетъ не въ терпежъ, приходи къ намъ.... Не бойся, ты никогда не останешься одна на свѣтѣ, безъ друзей.... Погоди, ты узнаешь, какая она добрая и умная, и будешь жалѣть, что когда-то дурно о ней думала.... Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не говори, а только знай, что ты въ насъ всегда найдешь защиту.... Ей всегда извѣстно, гдѣ люди нуждаются въ помощи или утѣшеніи.... Это она меня сюда послала, а сама пошла къ профессоршѣ. Я ничего не нахожу пожелать вамъ лучшаго, какъ то, чтобъ вамъ по истеченіи сорока девяти лѣтъ жилось другъ съ другомъ также хорошо, какъ теперь мнѣ съ ней.... Погоди, ты сама все это узнаешь.... Но не правда-ли, я ни въ чемъ не проговорился, ничего не разболталъ?....

Слушая безсвязную, но задушевную рѣчь маіора, Манна улыбнулась сквозь слезы.

Белла между тѣмъ въ волненіи ходила по парку.

Въ душѣ ея кипѣла ненависть и она искала предмета, на который могла бы излить свой гнѣвъ. Ее охватило непреодолимое желаніе что-нибудь сломать, уничтожить, кому-нибудь досадить или кого-нибудь оскорбить. Взоръ ея остановился на клумбахъ съ цвѣтами.... не разорить ли ихъ и не поломать ли всѣ эти тщательно взлелѣянныя растенія?...... Нѣтъ, это было бы слишкомъ по-дѣтски! Она искала какой-нибудь другой, болѣе достойной ея мести и не находила.

Она пыталась быть доброй и привѣтливой, но люди не признали ея стараній. Ея ненависть съ особенной силой обратилась на Эриха и профессоршу. Здѣсь, на виллѣ, во всемъ виднѣлись слѣды ихъ вліянія. Вся мѣстность принимала тонъ и характеръ, которые не она, а они ей сообщали. И кто же эти они? Самонадѣянный выскочка-учитель, торгующій высокими идеями, и мать его. А она, Белла, блестящая, остроумная графиня, слова и улыбка которой нѣкогда имѣли даръ счастливить людей, была внезапно отодвинута на второй планъ. Нѣтъ, нѣтъ, эти паразиты, наглецы должны быть во чтобы то ни стало раздавлены, уничтожены ею. Она напомнитъ имъ, кто они, кто она, и заставитъ ихъ признать свою власть.

Она искала средства, оружія, которое однимъ ударомъ могло бы уничтожить и Эриха, и профессоршу и тетушку Клавдію.

Белла въ безпокойствѣ ходила взадъ и впередъ по дорогѣ, пролегавшей между виллой и винограднымъ домикомъ. Наконецъ она рѣшилась войти къ профессоршѣ и застала у нея фрейленъ Милькъ.

— Нашла! мелькнуло у Беллы въ умѣ. Фрейленъ Милькъ

будетъ молотомъ, которымъ она постарается нанести удары другимъ.

При входѣ графини, фрейленъ Милькъ встала, учтиво поклонилась и хотѣла уйти.

— Останьтесь, пожалуйста, сказала профессорша. Вы конечно знаете графиню Вольфсгартенъ?

— Да, я имѣю эту честь.

Белла взглянула на невинный предметъ, который избрала для своей мести, и сказала:

— Ахъ да, теперь я помню. Она экономка маіора, если я не ошибаюсь.

— Фрейленъ Милькъ—моя хорошая знакомая, — мало того, мой другъ.

— Вашъ другъ? Это для меня новость. Во всякомъ случаѣ вы очень добры.

— Фрейленъ Милькъ—мой другъ и моя благородная помощница въ дѣлахъ благотворительности.

— Ахъ да, вы раздаете деньги господина Зонненкампа.

Трудно было опредѣлить, къ кому относилось это «вы»: къ обѣимъ женщинамъ, или къ одной фрейленъ Милькъ.

Белла видѣла легкую судорогу, пробѣжавшую по лицу профессорши и гордо откинувъ голову назадъ, мысленно повторила: «да, нашла»! Это профессорша оскорбила ее посредствомъ сына... Нѣтъ, она сама собственной своей личностью нанесла ей глубокое оскорбленіе, взявъ на себя первую роль, которая по праву принадлежитъ ей, Беллѣ.

— Эта раздача милостыни лѣнтяямъ и пьяницамъ должна прекратиться....

Профессорша быстро обратилась къ фрейленъ Милькъ съ просьбой оставить ее съ графиней наединѣ. Она до сихъ поръ никогда ее не цѣловала, но теперь горячо обняла, руководимая желаніемъ по возможности смягчить нанесенное ей оскорбленіе и доказать графинѣ, какъ высоко она чтила эту бѣдную, беззащитную женщину.

По уходѣ фрейленъ Милькъ Белла сказала:

— Не понимаю, какъ можете вы быть въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ этой женщиной. Вы этимъ самымъ уменьшаете себѣ цѣну въ глазахъ тѣхъ, которые до сихъ поръ оказывали вамъ расположеніе.

— Я полагаю, что моя дружба и мое уваженіе служатъ здѣсь въ глазахъ всѣхъ достаточнымъ ручательствомъ того, что люди, которымъ я ихъ оказываю, вполнѣ того заслуживаютъ.

— Конечно, конечно, пока вы здѣсь. Но вѣдь вы скоро отсюда уѣдете?

— Отсюда уѣду?

— Да. Ваши задачи здѣсь выполнены и....

Профессорша принуждена была сѣсть. Белла торжествовала. Она достигла желаемаго, сорвала съ этой женщины маску тщеславія, наружнаго спокойствія и мнимой добродѣтели. Мать Эриха стояла передъ ней обезоруженная и беззащитная.

— Ахъ, извините, продолжала графиня очень вѣжливымъ тономъ, я кажется преждевременно высказала намѣреніе господина Зонненкампа отпустить....

Самообладаніе, которое профессоршу до сихъ поръ никогда не покидало, теперь едва не измѣнило ей. Она многое видѣла на своемъ вѣку, многое пережила и испытала, но этого ей еще не приходилось видѣть. Ей казалось непонятнымъ, чтобъ человѣкъ, чисто изъ одной злобы, рѣшался оскорблять и терзать своихъ ближнихъ; чтобъ страданія другихъ могли служить для кого-нибудь источникомъ радости, казалось ей просто невѣроятнымъ. Подъ вліяніемъ этихъ горькихъ мыслей и ощущеній профессорша мгновенно утратила почти всякую способность защищаться и съ успѣхомъ отражать удары непріятеля.

Она бросила на Беллу взглядъ, который обезоружилъ бы всякаго, но не могъ смягчить графиню, чувствовавшую потребность на комъ-нибудь выместить терзанія собственнаго сердца. Эриха у нея не было подъ рукой, и потому она бросилась мучить его мать.

Белла послѣ этого еще долго продолжала говорить самыя любезныя и остроумныя вещи. Профессорша ее почти не слушала и едва замѣтила, когда она ушла.

Графиня, вполнѣ довольная собой, вернулась черезъ лугъ на виллу, сѣла въ экипажъ, который стоялъ еще запряженный на дворѣ, и уѣхала обратно въ Вольфсгартенъ. Она удовлетворила свои злобные инстинкты и теперь чувствовала себя снова свѣжей и бодрой.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

НОЧЬ ПРИГОТОВЛЕНІЙ.

Во время поѣздки въ столицу Зонненкампъ и Пранкенъ не могли надивиться веселости и бодрости духа Роланда. Онъ одинъ казался спокойнымъ и говорилъ безъ умолку, между тѣмъ какъ Зонненкампъ и Пранкенъ, оба находились подъ вліяніемъ какого-то неопредѣленнаго страха. Они повидимому были такъ дружески и довѣрчиво одинъ къ другому расположены, а на дѣлѣ каждый опасался, чтобы другой не вздумалъ ему измѣнить. У Зонненкампа постоянно вертѣлся въ головѣ вопросъ: «Знаетъ ли онъ?» А Пранкенъ со своей стороны думалъ: «извѣстно-ли ему, что я все знаю?» Но ни тотъ, ни другой не выражали своихъ опасеній. Да и къ чему бы это повело? А Пранкенъ къ тому же намѣревался, когда все выйдетъ наружу, прикинуться ничего не знавшимъ, ни въ чемъ неповиннымъ, обманутымъ, подобно всѣмъ другимъ, не исключая и самого герцога. Послѣдній даже возвелъ этого человѣка въ дворянское званіе, — какъ же было Пранкену ему не довѣрять?

Зонненкампъ находился въ какомъ-то тревожномъ состояніи, не зналъ что ему дѣлать и былъ очень доволенъ, когда Пранкенъ взялъ на себя все за него устроивать и рѣшать. Онъ болѣе не управлялъ своими поступками, но повиновался тому, что неизбѣжно должно было совершиться.

Онъ часто поглядывалъ на дверцы кареты и рука его невольно приподнималась какъ будто для того, чтобы отворить ихъ, выскочить и убѣжать. Какую смѣлую игру онъ велъ! Онъ досадовалъ на себя за тотъ страхъ, который ощущалъ теперь, когда все приходило къ концу. Онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить Пранкену одолѣвавшей его тревоги. Но молодой человѣкъ нашелъ это совершенно въ порядкѣ вещей, такъ какъ вступленіе въ дворянство вовсе не шутка. Обсуживая съ нимъ этотъ вопросъ, Зонненкампъ думалъ, что напалъ на причину своей непривычной робости и своего безпокойства. Эти гугеноты, говорилъ онъ, это семейство, съ своимъ все анали-

зирующимъ, пытливымъ умомъ, эти матушка, тетушка и сынокъ внесли въ его домъ какую-то разслабляющую, дотолѣ чуждую ему атмосферу. Хорошо, что теперь представляется удобный случай съ ними раздѣлаться, конечно учтивымъ образомъ. Они теперь становились ненужнымъ орудіемъ и ихъ слѣдовало, наградивъ, отпустить какъ ни на что болѣе не годныхъ работниковъ.

Подъ вліяніемъ этого желанія выместить на комъ-нибудь досаду, возбуждаемую въ немъ собственною слабостью, онъ умѣлъ возвратить себѣ самообладаніе. Онъ вовсе и не думалъ быть игрою случая, а самъ устроилъ все то, что теперь совершалось. Не онъ подчинялся волѣ другихъ, а другіе были въ его рукахъ маріонетками, которыхъ онъ заставлялъ по произволу плясать.

Что такое всѣ люди, какъ не куклы для того, кто умѣетъ ими управлять? Онъ съ усмѣшкой поглядѣлъ на Пранкена: и тотъ былъ не болѣе какъ кукла, во всемъ подчинявшаяся его волѣ. Зонненкампъ неслышно засвисталъ и вскорѣ совсѣмъ развеселился.

Они пріѣхали въ столицу поздно вечеромъ. Роландъ почти немедленно ушелъ спать, а Пранкенъ распростился, говоря, что ему еще необходимо сдѣлать одинъ визитъ.

— Не забывайте, что вы женихъ! со смѣхомъ закричалъ ему вслѣдъ Зонненкампъ.

Въ первый разъ подобная шутка непріятно подѣйствовала на Пранкена. Ему было больно, что онъ слышалъ ее отъ отца Манны и именно въ ту минуту, когда самъ, имѣя въ головѣ только серьезныя и нравственныя мысли, собирался идти къ декану капитула каноиковъ.

Жилище послѣдняго находилось въ саду, за соборомъ, въ тишинѣ и уединеніи, которыя не имѣли ничего общаго съ шумомъ и оживленіемъ другихъ частей столицы.

Пранкенъ позвонилъ и былъ не мало удивленъ, когда отворившій ему слуга назвалъ его по имени. Слуга этотъ оказался солдатомъ, нѣкогда служившимъ подъ начальствомъ Пранкена, и теперь получилъ отъ него приказаніе явиться къ нему на слѣдующее утро въ гостинницу Викторіи, съ извѣстіемъ, можетъ ли деканъ принять его около одиннадцати часовъ совершенно одного.

На возвратномъ пути Пранкенъ остановился передъ однимъ домомъ и съ улыбкой вспомнилъ предостереженіе своего зятя. Ему хорошо былъ знакомъ этотъ изящный, уединенный домикъ, который онъ нѣкогда самъ меблировалъ. Ему живо представилась устланная ковромъ лѣстница, обитыя бархатомъ перила,

серебристый звукъ колокольчика у дверей, прохладная прихожая, наполненная растеніями и цвѣтами, уютная зала съ мебелью и обоями изъ одинаковой шелковой матеріи съ желтыми гирляндами по зеленому полю.... Пранкенъ и тогда любилъ цвѣта, напоминавшія ему сельскую природу. Въ углу стоитъ алебастровый ангелъ и держитъ въ рукахъ ежедневно возобновляемый букетъ живыхъ цвѣтовъ, который впрочемъ иногда замѣняется кокетливой женской, а по временамъ и мужской шляпой. На дверяхъ портьеры... Кто за ними смѣется? Нѣтъ, лучше ему пройти мимо.

Пранкенъ немного спустя опять остановился передъ магазиномъ съ большими зеркальными окнами... Въ былое время онъ, отправляясь въ маленькій домикъ, всегда заходилъ въ этотъ магазинъ, покупалъ какую-нибудь бездѣлушку... тамъ теперь казалось много новыхъ вещей: онъ вошелъ съ цѣлью купить самую модную.

Стоявшій за прилавкомъ молодой торговецъ пытливо на него взглянулъ. Пранкенъ кивнулъ ему головой и сказалъ:

— Вы можете мнѣ все показать.

И передъ нимъ начали появляться одинъ за другимъ разные таинственные предметы торговли. Пранкенъ, все разсмотрѣвъ, сказалъ, что на этотъ разъ ничего съ собой не возьметъ, но не замедлитъ въ скоромъ времени опять придти. А пока онъ удовольствовался небольшой бездѣлушкой и вышелъ.

— Это только ради шутки, въ видѣ прощальнаго подарка, думалъ Пранкенъ. Онъ зайдетъ къ маленькой Нелли единственно затѣмъ, чтобы узнать, какъ о немъ теперь говорятъ его бывшіе товарищи. Ему досадно, что это еще можетъ его интересовать, но тѣмъ не менѣе ему хочется знать.

Онъ, самъ того не замѣчая, звонитъ. Передъ нимъ растворяется дверь, онъ идетъ вверхъ по лѣстницѣ къ хорошо знакомой комнатѣ и ищетъ у себя въ карманѣ ключъ, забывъ, что давно его не имѣетъ.

Ему отворяютъ. Служанка съ удивленіемъ на него смотритъ и говоритъ, что ея госпожи нѣтъ дома. Въ углу залы, освѣщенной лампой подъ краснымъ стекляннымъ колпакомъ, стоитъ, улыбаясь, алебастровый ангелъ. Пранкенъ приказываетъ себѣ подать другую лампу: онъ хочетъ ждать. Окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату, онъ видитъ, что столы, стулья, кушетки, все осталось въ прежнемъ видѣ.

Но воздухъ комнаты пропитанъ незнакомымъ ему запахомъ. Это должно быть модные духи.... какъ онъ на дачѣ отсталъ отъ свѣта!

На соборной башнѣ бьютъ часы: представленіе въ театрѣ скоро кончится. На столѣ лежатъ альбомы съ фотографическими карточками. Пранкенъ ищетъ въ нихъ свое изображеніе и не находитъ, но за то тамъ много другихъ ему незнакомыхъ лицъ. Онъ закрываетъ альбомы.

На столѣ лежитъ еще книга: извлеченіе изъ нѣмецкихъ поэтовъ, составленное женской рукой для женщинъ. Пранкенъ начинаетъ читать. Что за странные люди поэты! Онъ стоялъ передъ каминомъ, въ которомъ сверкали раскаленные уголья. Но ни этотъ каминъ, ни эти уголья не грѣли: они были не болѣе какъ изящная декорація.

На соборной башнѣ снова бютъ часы. Никто не является. Наконецъ Пранкенъ вынимаетъ свою карточку, кладетъ ее на букетъ, который держитъ въ рукѣ алебастровая фигура, и уходитъ. «Такъ лучше, думаетъ онъ, ты хорошій, честный малый и съ самаго начала хотѣлъ это сдѣлать... да!»

Онъ улыбнулся, думая о своей добродѣтели.

Уфъ! Надо-же иногда и посмѣяться и пошутить. Нравственность уже начинала его утомлять. Но Манна....

У Пранкена вдругъ защемило сердце.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ покачалъ головой и старался смѣхомъ заглушить въ себѣ это, какъ онъ мысленно его назвалъ, жеманное, преувеличенное чувство. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ отдѣлаться отъ внезапно охватившаго его страха, что въ эту самую минуту съ Манной происходило что-то необыкновенное. Онъ самъ не зналъ что̀, но твердо рѣшился все преодолѣть.

Онъ быстро пошелъ далѣе.

Военное казино̀ сіяло огнемъ, но Пранкенъ, миновавъ его, вернулся въ гостинницу. Онъ, вполнѣ довольный собою, отправился въ свою комнату, не заходя къ Зонненкампу. Ему еще хотѣлось почитать въ маленькой книжечкѣ, которая сильно пропиталась смолистымъ запахомъ лежавшей въ ней еловой вѣтки. Маленькія, пожелтѣвшія иглы уже успѣли всѣ обвалиться, но тѣмъ не менѣе хранились имъ какъ святыня. Однако на этотъ разъ Пранкенъ не могъ себя заставить прочесть почти ни одной строки: маленькая книжечка возбуждала въ немъ какую-то робость.

Между тѣмъ какъ Пранкенъ такимъ образомъ гулялъ по городу, Зонненкампу стало скучно оставаться одному. Ему хотѣлось забыться въ обществѣ постороннихъ людей и онъ послалъ за государственнымъ совѣтникомъ. Тотъ не замедлилъ явиться и Зонненкампъ прежде всего обратился къ нему съ вопросомъ, что значило желаніе герцога лично вручить ему дво-

рянскій дипломъ и почему онъ просто не прислалъ его на виллу.

Государственный совѣтникъ распространился въ льстивыхъ похвалахъ своему государю, которыми хотѣлъ прикрыть нѣкоторыя ироническія выходки, вырвавшіяся у него на счетъ послѣдняго. «Никто, говорилъ онъ, не можетъ вполнѣ понять государя, который хочетъ самовластно всѣмъ распоряжаться, а въ особенности тѣмъ, во чтò впрочемъ палаты никогда и не думали вмѣшиваться, а именно въ раздачи орденовъ и дворянскихъ дипломовъ». Зонненкампъ съ изумленіемъ услышалъ о томъ, какъ герцогъ все, что ни находилось въ странѣ, называлъ своимъ, безпрестанно употребляя слово *мое: мои* фабриканты, *мой* университетъ, *моя* масонская ложа, *мои* поселяне, *мои* сельскіе хозяева, *мои* государственные чины.... Герцогъ воодушевленъ наилучшими желаніями, клонящимися ко благу народа, но живетъ въ постоянномъ страхѣ демократовъ, коммунистовъ и либераловъ, которые въ его понятіи всѣ сливаются въ одно. Онъ убѣжденъ, что всякій, не раздѣляющій мнѣній правительства, изображаетъ собою ходячую баррикаду, съ которой ежеминутно слѣдуетъ ожидать выстрѣла. Онъ искренно желаетъ своимъ подданнымъ добра и часто повторяетъ фразу, которую ему однажды внушилъ одинъ изъ его камергеровъ: «Еслибъ я зналъ, говоритъ онъ въ минуты хорошаго расположенія духа, что я могу тѣмъ составить счастье людей, я немедленно отказался бы отъ престола.» Но такъ какъ онъ увѣренъ, что люди отъ этого не будутъ счастливѣе, то и остается спокойно на своемъ мѣстѣ. Онъ страстно любитъ театръ и неусыпно печется о благѣ столицы. Желая привлечь въ свою резиденцію какъ можно болѣе богатыхъ и вообще чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ людей, онъ рѣшился на важный шагъ, а именно упростилъ этикетъ своего двора. Иностранцы, которые прежде не имѣли доступа ко двору, теперь свободно могли къ нему съѣзжаться, бывъ представлены своими посланниками. Стоитъ только кому-нибудь много тратить денегъ и герцогъ непремѣнно обратитъ на него вниманіе. Но во всемъ этомъ онъ конечно руководствуется только желаніемъ блага «моимъ людямъ», какъ онъ называетъ всѣхъ столичныхъ обывателей, не исключая и непокорныхъ демократовъ, которыхъ онъ, хотя и часто на нихъ гнѣвается, все-таки считаетъ своими.

Герцогъ особенно заинтересовался Зонненкампомъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о намѣреніи послѣдняго выстроить себѣ для зимняго пребыванія въ столицѣ великолѣпный домъ, который долженъ былъ служить украшеніемъ дворцоваго парка, такъ

какъ для него предназначалось мѣсто въ концѣ главной аллеи, до сихъ поръ оканчивавшейся пустымъ пространствомъ. Герцогъ радовался тому, что его людямъ, вслѣдствіе этого новаго предпріятія богатаго американца, представится случай заработать много денегъ.

Зонненкампъ между прочимъ узналъ отъ государственнаго совѣтника, что былъ обязанъ успѣхомъ своего дѣла преимущественно Клодвигу, который въ своемъ отзывѣ о немъ помѣстилъ слѣдующую мысль: оставляя въ сторонѣ всякія разсужденія о томъ, полезно-ли и должно-ли вообще создавать новыхъ дворянъ, онъ выражалъ сомнѣнія на счетъ права отдѣльныхъ нѣмецкихъ государей раздавать своимъ подданнымъ дворянскіе дипломы. Герцогъ сильно разсердился на это замѣчаніе стараго дипломата, котораго всегда считалъ тайнымъ демократомъ, и частію изъ желанія досадить Клодвигу, поспѣшилъ привести къ концу дѣло Зонненкампа.

Затѣмъ государственный совѣтникъ постарался еще внушить Зонненкампу, что герцогъ не только на словахъ, но и въ дѣйствительности отличался большою скромностью. Онъ часто совершенно искренно говорилъ, что считаетъ себя самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и въ этихъ случаяхъ собесѣднику его всегда было очень трудно отвѣчать ему впопадъ. Противорѣчія, стремившіяся къ тому, чтобы, опровергнувъ мнѣніе герцога, возвысить его въ собственныхъ глазахъ, онъ принималъ за лесть и оскорблялся ею. Но если съ нимъ осмѣливались соглашаться, это тоже вовсе не приходилось ему по вкусу. Государственный совѣтникъ еще и еще повторялъ Зонненкампу, чтобъ онъ вообще какъ можно менѣе говорилъ. Онъ даже совѣтовалъ ему нѣсколько преувеличить робость, которую всякій долженъ былъ неизбѣжно ощущать въ присутствіи его высочества. Послѣднему пріятно было думать, что онъ внушаетъ уваженіе, и потому всегда съ удовольствіемъ замѣчалъ смущеніе тѣхъ, которые къ нему приближались.

Къ Зонненкампу вернулось снова все его самообладаніе. Послѣ ухода государственнаго совѣтника онъ позвонилъ и приказалъ принести себѣ газету, которую и прочелъ всю, съ первой до послѣдней строки, не исключая и объявленій. Ему такимъ образомъ удалось дать мыслямъ своимъ другое направленіе. Перечитывая вторично стоявшія во главѣ газеты оффиціальныя извѣстія, какъ-то: назначеніе къ должностямъ, производства и пожалованія орденами, которыя каждый годъ съ прекращеніемъ засѣданій орденской коммиссіи начинали изливаться обильной струею, онъ подумалъ, что завтра въ этомъ самомъ отдѣлѣ бу-

детъ стоять слѣдующее: «Его высочество изволилъ пожаловать Джемса Зонненкампа съ семействомъ потомственнымъ дворянствомъ, милостиво приказавъ ему отнынѣ называться барономъ фонъ-Лихтенбургъ». Газета профессора Крутіуса должна будетъ и у себя тоже напечатать это извѣстіе.

Зонненкампъ всталъ и, гордо закинувъ голову, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ между прочимъ вспомнилъ слова государственнаго совѣтника о томъ, какъ герцогъ любитъ извѣстнаго рода церемоніи и подумалъ, что ему можетъ быть придется съ поднятой къ верху рукой произнести присягу въ вѣрности престолу и отечеству. Для этого конечно надо будетъ снять перчатку. Зонненкампъ взглянулъ на свою руку. А что̀ если герцогъ спроситъ о желѣзномъ кольцѣ на большомъ пальцѣ?

— Ваше высочество,—вдругъ громко произнесъ Зонненкампъ, какъ будто уже находясь въ присутствіи герцога, — это кольцо составляло нѣкогда часть цѣпи и я его ношу съ восемнадцатаго года моей жизни.

«Но, подумалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, къ чему станетъ герцогъ меня объ этомъ спрашивать? Однако не лучше-ли на всякій случай снять кольцо? Рана безъ сомнѣнія теперь уже совсѣмъ зажила и не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ». Съ пылающимъ лицомъ опустилъ онъ руку въ воду и долго ее тамъ держалъ, но кольцо не снималось. Онъ позвонилъ; явился Лутцъ и получилъ приказаніе принести льду. Зонненкампъ до тѣхъ поръ держалъ въ немъ руку, пока она не окоченѣла. Наконецъ кольцо подалось, и съ трудомъ, но все-таки было снято. Зонненкампъ внимательно осматривалъ палецъ, отыскивая на немъ слѣды зубовъ.

Онъ досадовалъ на самого себя за то, что именно сегодня вздумалъ этимъ заниматься. Къ чему? Развѣ кто-нибудь знаетъ?..

Онъ вторично позвонилъ Лутца съ цѣлью спросить у него, на что̀ похожъ еще не совсѣмъ изгладившійся на его пальцѣ знакъ. Но когда тотъ явился, Зонненкампъ, изъ опасенія возбудить подозрѣніе, перемѣнилъ свое намѣреніе и давъ Лутцу какое-то приказаніе на счетъ слѣдующаго утра, отправился спать. Но сонъ долго не смыкалъ его глазъ. Онъ все чувствовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было кольцо, холодное прикосновеніе льда и не могъ успокоиться. Наконецъ онъ сжалъ руку въ кулакъ; непріятное ощущеніе исчезло и онъ заснулъ.

ГЛАВА II.

СКВОЗЬ ОГОНЬ.

На слѣдующее утро воробьи на крышѣ гостинницы Викторіи шумно щебетали, а извощики на площади еще громче разговаривали. У подъѣзда съ колоннами стоялъ великолѣпный съ стеклянным ъ передкомъ экипажъ Зонненкампа.

Маленькій, горбатый кучеръ въ этотъ день стоялъ на первомъ мѣстѣ и вслѣдствіе этого былъ еще какъ будто многорѣчивѣе обыкновеннаго. Онъ сообщалъ торговцамъ, что сегодня Зонненкампъ будетъ сдѣланъ графомъ, а можетъ быть и княземъ, такъ какъ у него денегъ больше чѣмъ у всякаго принца. Къ сожалѣнію, вскорѣ одинъ изъ постояльцевъ гостинницы Викторіи потребовалъ дрожки и маленькій горбатый кучеръ долженъ былъ съ нимъ ѣхать. Пожалѣвъ, что не увидитъ Зонненкампа въ минуту его отъѣзда во дворецъ, онъ поручилъ своимъ товарищамъ, когда графъ будетъ садиться въ экипажъ, прокричать въ честь его громкое ура.

Но Зонненкампъ долго не выходилъ изъ гостинницы. Одѣтый весь въ черное, въ бѣломъ галстукѣ и съ орденомъ на груди, онъ быстро шагалъ взадъ и впередъ по большой залѣ. Рядомъ съ нимъ ходилъ государственный совѣтникъ и говорилъ, что вполнѣ понимаетъ возбужденное состояніе господина Зонненкампа, но въ тоже время утѣшалъ его надеждой, что не далѣе какъ къ полудню все будетъ кончено. Зонненкампъ то и дѣло кусалъ себѣ губу и часто мѣнялся въ лицѣ.

— Здоровы ли вы? спросилъ у него государственный совѣтникъ.

Зонненкампъ отвѣчалъ утвердительно. Не могъ же онъ признаться, что у него болитъ палецъ, съ котораго онъ снялъ желѣзное кольцо. Когда онъ не смотрѣлъ на руку, ему постоянно казалось, будто большой палецъ на ней страшно раздувается; пульзація въ немъ была такъ сильна, точно по немъ кто ударялъ раскаленнымъ молотомъ.

Онъ часто взглядывалъ на руку и всякій разъ съ облегченіемъ видѣлъ, что ощущеніе было мнимое.

Пришелъ Лутцъ. Зонненкампъ, отведя его въ сторону, узналъ, что профессоръ Крутіусъ къ сожалѣнію не можетъ его навѣстить, такъ какъ занимается приготовленіемъ къ выходу въ свѣтъ вечерняго листка.

— А принесъ ли ты мнѣ утреннюю газету?

— Нѣтъ, она выйдетъ только въ одиннадцать часовъ.

— Отчего же ты не подождалъ? До одиннадцати часовъ всего нѣсколько минутъ.

— Я думалъ, что могу вамъ понадобиться передъ вашимъ отъѣздомъ во дворецъ.

— Хорошо, дай мнѣ мой плащъ.

Іозефъ уже держалъ его на готовѣ. Зонненкампъ простился съ Роландомъ и Пранкеномъ, которые ѣхали кататься съ товарищами, и просилъ ихъ вернуться въ гостинницу непремѣнно къ двѣнадцати часамъ.

Зонненкампъ въ послѣдній разъ въ качествѣ члена средняго сословія сходилъ съ лѣстницы, на которую надѣялся опять подняться барономъ. Государственный совѣтникъ шелъ за нимъ.

Когда Зонненкампъ садился въ карету, извощики хотѣли, согласно наставленіямъ своего горбатаго товарища, прокричать ему ура, но у нихъ не хватило смѣлости. Они только толпой окружили экипажъ и сняли шляпы.

Зонненкампъ очень любезно отвѣчалъ на ихъ поклонъ.

Государственный совѣтникъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и приказалъ кучеру остановиться во дворцѣ у главнаго подъѣзда.

Пранкенъ тоже вскорѣ ушелъ изъ гостинницы. Роландъ остался одинъ въ ожиданіи, пока за нимъ, по окончаніи парада, не заѣдетъ прапорщикъ. Пранкенъ уходя сказалъ ему, что встрѣтится съ нимъ за обѣдомъ, который Зонненкампъ приказалъ приготовить на четыре особы: для себя, для своего сына, зятя и государственнаго совѣтника.

Зонненкампъ между тѣмъ ѣхалъ по улицамъ столицы. Пѣшеходы останавливались и съ любопытствомъ на него смотрѣли. Многіе изъ нихъ были ему знакомы и раскланивались съ нимъ. Но и изъ числа незнакомыхъ нѣкоторые тоже снимали передъ нимъ шляпы, принимая его за какого-нибудь иностраннаго герцога.

Лошади бѣжали какъ-то особенно живо и бодро, точно знали, какая честь ожидала ихъ господина. Зонненкампъ откинулся на мягкія подушки экипажа и игралъ съ висѣвшимъ у него на груди орденомъ. Прикосновеніе къ этому знаку отличія какъ будто сообщало ему спокойствіе. И дѣйствительно, чего ему бояться этой второй ступени къ величію? Онъ такъ тихо и легко поднялся на первую, что и впереди не долженъ былъ ожидать ничего дурного.

Путь его лежалъ мимо большого дома со множествомъ оконъ. Это была редакція и типографія профессора Крутіуса. Передъ

домомъ стояли толпы людей. Почти всѣ читали газеты и когда мимо нихъ промчался роскошный экипажъ, они какъ-то особенно посмотрѣли ему въ слѣдъ. Зонненкампъ тоже было-хотѣлъ пріобрѣсти себѣ листокъ и даже протянулъ руку къ шнурку, чтобы приказать Бертраму остановиться, но потомъ раздумалъ и опять откинулся въ уголъ кареты.

Зачѣмъ это? Что за странное желаніе поскорѣе прочесть сегодняшній листокъ? Ахъ, думалось ему, насколько лучше жить въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни газетъ!

Такія мысли волновали Зонненкампа на его пути въ герцогскій дворецъ.

Вдругъ Зонненкампъ почувствовалъ сильный толчекъ и карета внезанно остановилась. Изъ-за угла шелъ съ громкой музыкой баталіонъ солдатъ. Экипажъ припужденъ былъ ждать и кучеру не малаго труда стоило сдерживать лошадей.

Солдаты прошли. Зонненкампъ взглянулъ на часы. Онъ боялся опоздать. Дѣйствительно, какъ неловко было бы при первомъ же посѣщеніи заставить герцога себя ждать. Ему пришлось бы извиняться....

При мысли, что онъ какъ слуга долженъ дрожать за каждую лишнюю минуту, проведенную въ дорогѣ, Зонненкампъ едва удержался, чтобъ не приказать кучеру ѣхать обратно: онъ готовъ былъ отъ всего отказаться.

Но вслѣдъ затѣмъ ему опять стало досадно на себя за то, что онъ въ это утро такъ легко всѣмъ раздражался. Онъ опустилъ въ каретѣ окно, снялъ съ головы шляпу и вдыхая въ себя свѣжій воздухъ, мало-по-малу успокоился.

Бертрамъ съ особенной ловкостью подкатилъ къ главному подъѣзду дворца. Часовые приготовились-было отдать честь, но увидѣвъ вышедшаго изъ экипажа мужчину въ черномъ одѣяніи и всего только съ однимъ орденомъ на груди, поспѣшили опустить ружья.

Іозефъ сопровождалъ Зонненкампа въ обширную переднюю, съ лѣпными украшеніями. У лѣстницы стояли два бѣлые, отличной работы волка, которые, какъ показалось Зонненкампу, весьма дружелюбно на него поглядывали. Все вокругъ сіяло бѣлизной и было буквально залито свѣтомъ. Зонненкампъ мигнулъ Іозефу, чтобы онъ не забылъ снабдить подаркомъ стоявшихъ здѣсь двухъ придворныхъ лакеевъ. Онъ нарочно для раздачи во дворцѣ, не считая, вручилъ Іозефу горсть золота, вполнѣ довѣряя его честности и разсудительности.

Швейцаръ съ булавой, въ пестрой ливреѣ и большой шляпѣ съ загнутыми полями, спросилъ, о комъ слѣдуетъ ему доложить.

Зонненкампъ и Іозефъ въ смущеніи переглянулись. Іозефъ скромно предоставилъ своему барину говорить за себя, а тотъ не зналъ, какъ ему себя назвать, барономъ фонъ-Лихтенбургомъ, или просто Зонненкампомъ.

Зачѣмъ этимъ лакеямъ знать его прежнее имя? Оно и ему самому противно, точно изношенный башмакъ. Зонненкампъ не могъ понять, какъ это онъ, такъ долго, не стыдясь, носилъ его передъ глазами цѣлаго свѣта? Наконецъ онъ съ явною робостью произнесъ:

— Его высочество приказалъ мнѣ явиться.

Ему сильно не хотѣлось употребить при Іозефѣ слова приказалъ, но съ другой стороны онъ желалъ показаться въ глазахъ придворныхъ лакеевъ человѣкомъ, знающимъ придворные нравы.

Одинъ изъ лакеевъ прижалъ пуговку электрическаго звонка. На лѣстницѣ немедленно появился весь одѣтый въ черное камердинеръ и сказалъ, что барона уже въ теченіи двухъ минутъ, какъ ожидаютъ: пусть онъ поторопится. Зонненкампу показалось, что ему внезапно явился съ неба грозный вѣстникъ, объявить объ ожидавшей его какой-нибудь страшной бѣдѣ.

У него задрожали ноги и онъ невѣрными шагами сталъ подниматься по лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ. Дорогой однако у него хватило присутствія духа надѣть перчатку и онъ мысленно не переставалъ себѣ твердить:

— Чего ты волнуешься? Полно, успокойся!

На верху лѣстницы между тѣмъ появился еще другой, сѣдой камердинеръ, въ короткихъ черныхъ панталонахъ и въ высокихъ штиблетахъ.

— Не торопитесь, господинъ Зонненкампъ, сказалъ онъ, его высочество еще не вернулся съ парада.

Зонненкампу сильно хотѣлось сбросить съ лѣстницы перваго камердинера, который такъ сильно его напугалъ. Онъ пожалѣлъ о своемъ приказаніи Іозефу дать каждому изъ придворныхъ слугъ по золотой монетѣ. Вся его надежда была на то, что Іозефъ плутъ не хуже другихъ и оставитъ деньги у себя, а проклятый лакей такимъ образомъ ничего не получитъ.

Сѣдой камердинеръ старался занять Зонненкампа разговоромъ. Онъ вмѣстѣ съ принцемъ Леонгардомъ ѣздилъ въ Америку, которая показалась ему страною въ высшей степени непріятною, отъ того, что въ ней нѣтъ ни знати, ни орденовъ. А теперь онъ то и дѣло благодарилъ Бога за свое благополучное возвращеніе на родину.

Зонненкампъ не зналъ, какъ ему держать себя въ отношеніи

слуги и наконецъ счелъ за лучшее слушать его молча. Онъ только по временамъ кивалъ ему головой, думая про себя: «какіе у нихъ при дворѣ странные нравы! Здѣсь люди точно не ходятъ, а скользятъ какъ тѣни и все преисполнено таинственности. Каждую минуту того и жди, что вотъ-вотъ совершится что-нибудь необыкновенное, не имѣющее ничего общаго съ жизнью остальныхъ людей».

Сѣдой камердинеръ попросилъ Зонненкампа сѣсть.

Зонненкампъ опустился на ближайшій къ нему стулъ и снялъ съ правой руки перчатку для того, чтобъ быть готовымъ на случай присяги. Затѣмъ онъ далъ сѣдому камердинеру нѣсколько золотыхъ монетъ.

Тотъ, наученный опытомъ, поспѣшилъ отойти въ сторону, зная, въ какомъ лихорадочномъ волненіи находятся тѣ, которые въ первый разъ являются ко двору.

Зонненкампъ сидѣлъ неподвижно, но пульсъ его бился съ необыкновенной быстротой. Наконецъ онъ попросилъ стаканъ воды.

Сѣдой камердинеръ передалъ его желаніе другому, другой третьему и требованіе воды обошло такимъ образомъ цѣлый рядъ слугъ.

На старинныхъ часахъ, украшавшихъ каминъ, пробило четверть.

Зонненкампъ повѣрилъ свои часы и нашелъ, что они очень отставали. Онъ далъ себѣ слово впередъ всегда ставить ихъ по дворцовымъ.

Зонненкампъ былъ одинъ и не подозрѣвалъ, что изъ-за матоваго стекла двери на него съ зловѣщимъ выраженіемъ смотрѣли въ упоръ два черные глаза.

Наконецъ явился стаканъ воды, а вмѣстѣ съ нимъ и приглашеніе Зонненкампу идти къ герцогу. У него мгновенно пропала охота пить.

Онъ вошелъ въ большую комнату, сквозь высокія окна которой лились цѣлые потоки свѣта. Вдругъ его точно невидимой силой отбросило назадъ. Передъ нимъ висѣла гравюра работы Альфреда Ретеля, изображавшая сильнаго и рослаго человѣка съ оружіемъ въ рукахъ, бѣгущаго по степи. Кустарники на пути его сгибаются отъ вѣтра, а надъ головой его паритъ ангелъ и держитъ въ рукахъ обнаженный мечъ.

Зонненкампъ протеръ себѣ глаза.

Зачѣмъ эта картина здѣсь?

Или ему рисуетъ ее только собственное воображеніе?

Онъ не имѣлъ времени собраться съ мыслями, какъ въ ком-

нату вошелъ, неслышно шагая по мягкому ковру, человѣкъ въ военномъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо. Это былъ герцогъ. Онъ остановился и слегка кивнулъ головой, а затѣмъ извинился передъ Зонненкампомъ, что заставилъ его ждать.

Зонненкампъ низко поклонился, но не могъ произнести ни слова.

ГЛАВА III.

КРОВАВАЯ ЖИЛА.

— Вашъ сынъ еще при васъ?

— Да, ваше высочество.

— Онъ все еще намѣренъ поступить въ военную службу?

— Больше чѣмъ когда-нибудь.

— Мнѣ очень нравится вашъ красавецъ сынъ, и я позабочусь о томъ, чтобы его не испортили дамы: онѣ не прочь играть съ нимъ какъ съ пажемъ Керубино. Онъ уже подалъ просьбу?

— Нѣтъ еще, ваше высочество. Я хотѣлъ, чтобъ онъ сначала получилъ имя, которымъ вашему высочеству милостиво угодно было его наградить.

— Хорошо, отвѣчалъ герцогъ.

На его письменномъ столѣ виднѣлись двѣ пуговки отъ телеграфическихъ звонковъ, одна бѣлая, а другая черная. Онъ прижалъ бѣлую и на зовъ его явился сѣдой камердинеръ. Герцогъ сказалъ:

— Я желаю, чтобы въ передней никого не было.

Слуга удалился. Зонненкампъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на герцога, а тотъ продолжалъ:

— Заготовленіе вашего дворянскаго диплома надѣлало мнѣ не мало хлопотъ. У васъ много враговъ—впрочемъ, это въ порядкѣ вещей.

Въ глазахъ у Зонненкампа рябило, какъ будто кто передъ нимъ быстро вертѣлъ сверкающее лезвее кинжала. Вдругъ взоръ его снова упалъ на картину, которая въ дѣйствительности висѣла позади герцога, а ничуть не была игрой его фантазіи. Зачѣмъ ей висѣть у герцога въ кабинетѣ?

— Вы благородный человѣкъ, снова началъ герцогъ; вы сами себя создали и я васъ за то уважаю. Такіе люди заслуживаютъ высшихъ почестей и я очень радъ, что могу съ своей стороны содѣйствовать вашему возвышенію въ свѣтѣ. Это въ моей власти.

Зонненкампъ хотѣлъ сказать, что ему извѣстно замѣчаніе графа Вольфсгартена, но что самъ онъ никогда не сомнѣвался во всемогуществѣ герцога; однако онъ счелъ за лучшее промолчать. Къ чему вступать въ объясненія, которыя только могутъ продлить свиданіе съ герцогомъ? Ктому же онъ хорошо помнилъ совѣтъ государственнаго совѣтника, вообще держать себя какъ можно скромнѣе.

Герцогъ еще разъ припомнилъ всѣ прекрасные поступки Зонненкампа, который слушалъ его похвалу молча, съ опущеннымъ взоромъ и съ тяжестью на сердцѣ. Зачѣмъ герцогъ все это ему теперь говоритъ? Не лучше ли было бы отложить это до болѣе удобнаго случая, на придворномъ вечерѣ или на охотѣ? Зонненкампъ былъ того мнѣнія, что всѣ при дворѣ смотрѣли на формальности, сопровождающія выдачу дворянскаго диплома, какъ на чистые пустяки. Его не мало удивляло, что герцогъ и теперь, съ глазу на глазъ съ нимъ, считалъ нужнымъ быть такимъ серьезнымъ и торжественнымъ. Или это составляетъ часть его обязанностей?

Герцогъ дѣйствительно походилъ на человѣка, который хочетъ до конца выполнить свой долгъ, какъ бы онъ ему ни былъ непріятенъ. Ему казалось нужнымъ побудить Зонненкампа къ дальнѣйшему добру. Онъ въ эту минуту считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ жреца, который, въ уединеніи храма, неизвѣстно для міра, посвящаетъ вновь обращеннаго въ таинства религіи. Онъ самъ былъ сильно взволнованъ. Первый камердинеръ сказалъ правду, что герцогъ прежде времени вернулся во дворецъ, гдѣ и приготовлялся къ своему свиданію съ Зонненкампомъ.

По поводу возведенія въ дворянство барона фонъ-Эндлиха, герцогъ часто повторялъ рѣчь, неизвѣстно кѣмъ для него сочиненную, но отлично заученную. «Да, да, говорилъ онъ, въ мірѣ существуетъ прекрасный законъ, въ силу котораго все, что творится для потомства, не допускаетъ шутки. Остроумная выходка, порожденная извѣстнымъ, преходящимъ настроеніемъ духа, не можетъ и не должна быть увѣковѣчена ни въ камнѣ, ни въ металлѣ; въ противномъ случаѣ она со временемъ дѣлается неприличной. Роль шутки дѣйствовать минутно и потомъ исчезать. Изъ мимолетнаго вдохновенія никогда не слѣдуетъ воздвигать монумента».

Герцогъ не заходилъ далѣе въ своихъ намекахъ, но всѣ знали, на что̀ онъ мѣтилъ. Считая актъ возведенія во дворянство чѣмъ-то въ высшей степени серьезнымъ и монументальнымъ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, какъ въ публикѣ смотрѣли на имя, избранное имъ для барона фонъ-Эндлиха. Всѣ полагали, что то была съ

его стороны шутка и во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, герцогъ хотѣлъ придать своему свиданію съ Зонненкампомъ какъ можно болѣе торжественности.

Послѣдній терпѣливо, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушалъ, склонивъ голову. Герцогъ протягивалъ то ту, то другую руку, а иногда обѣ разомъ, говоря о томъ благодатномъ вліяніи, какое имѣютъ на міръ люди, хорошо вооруженные нравственными качествами и стремящіеся къ выполненію высшихъ задачъ. Зонненкампъ ежеминутно ожидалъ, что ему возложатъ на голову руки и благословятъ его. Хотя герцогъ былъ моложе его, онъ однако рѣшился скромно и со смиреніемъ это отъ него принять. Развѣ этотъ человѣкъ не обладалъ властью раздавать почести и не держалъ ли онъ теперь въ рукахъ его судьбу?

Въ эту минуту Зонненкампъ былъ въ высшей степени монархически настроенъ. Еслибъ отъ него потребовали, онъ формально и со всевозможною торжественностью отрекся бы отъ республики, конституціи и всякихъ законодательныхъ правъ.

Герцогъ между тѣмъ взялъ со стола голубой, шелковый футляръ, изъ котораго вынулъ свертокъ пергамена. Онъ съ легкимъ шелестомъ развернулъ его и передъ глазами Зонненкампа сверкнула большая печать.

Зонненкампъ снялъ съ правой руки перчатку. Теперь, думалъ онъ, настала минута присяги, а вслѣдъ затѣмъ онъ получитъ пергаменъ, который сдѣлаетъ изъ него новаго человѣка. Онъ былъ не прочь сдѣлаться инымъ и старался теперь возбудить въ себѣ искреннее волненіе. Но вдругъ, стоя посреди кабинета герцога, онъ увидѣлъ себя на кладбищѣ маленькой польской деревеньки, гдѣ находилась могила его матери. Онъ не слышалъ, что ему говорилъ герцогъ, держа въ рукахъ пергаменъ, но то безъ сомнѣнія были въ высшей степени трогательныя слова.

Однако, что это? Герцогъ кладетъ пергаменъ обратно на столъ и, садясь, говоритъ:

— Мнѣ очень пріятно видѣть, что вы такъ глубоко чувствуете важность настоящей минуты. Садитесь.

Зонненкампъ повиновался, а герцогъ продолжалъ:

— Мнѣ хочется еще немного съ вами поговорить. У васъ было много невольниковъ: вы продолжаете ими владѣть?

— Нѣтъ, ваше высочество.

— Что привлекло васъ въ Старый Свѣтъ: желаніе вернуться на родину или то, что вамъ при теперешнихъ обстоятельствахъ было тяжело оставаться въ прославленной республикѣ?

— Послѣднее, ваше высочество, но не безъ содѣйствія пер-

ваго. Въ Соединенныхъ Штатахъ возникаютъ смуты, которыя.... я это говорю только вашему высочеству.... не могутъ быть прекращены иначе, какъ учрежденіемъ въ Новомъ Свѣтѣ монархіи.

— Хорошо, мы объ этомъ въ другой разъ подробнѣе поговоримъ. Я охотно, очень охотно учусь. Наша обязанность выслушивать мнѣнія людей знающихъ. Чтó вы вообще думаете о невольничествѣ?

— Ваше высочество, это обширный вопросъ, который я долго изучалъ. Мое мнѣніе о немъ изложено у меня на бумагѣ.... Я буду имѣть честь....

— Нѣтъ, скажите мнѣ вкратцѣ вашу основную мысль.

— Ваше высочество, негры—люди низшаго разряда, это физіологически доказано. Тѣ, которые, увлекаясь пустой мечтой, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, стремятся уравнять права негровъ съ бѣлыми, сами того не подозрѣвая, подготовляютъ ихъ гибель.

— А можете ли вы.... началъ герцогъ и остановился: нѣтъ, продолжалъ онъ, я не то хотѣлъ сказать. Какого вы мнѣнія о человѣкѣ, который занимается торговлею этими людьми низшаго разряда?

Зонненкампъ невольно вскочилъ со стула, но мгновенно опомнился и снова сѣлъ.

— Ваше высочество, сказалъ онъ, существа, которыя не умѣютъ и никогда не научатся сами собою управлять, только и могутъ быть счастливы, находясь въ подчиненіи у другихъ людей. Такъ-называемое великодушіе, отрицающее личныя выгоды, не принимающее во вниманіе никакихъ матеріальныхъ разсчетовъ, будь это въ отношеніи собственности или положенія въ свѣтѣ,— это все равно что душа безъ тѣла. Мы можемъ себѣ нѣчто подобное представить, но напрасно стали бы мы этого искать, по крайней мѣрѣ въ томъ мірѣ, который имѣемъ передъ глазами.

— Хорошо..... очень хорошо. Вы, какъ я вижу, мыслитель. Я раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ того, что неграмъ лучше находиться во власти бѣлыхъ. Но скажите, развѣ не жестоко, отнимая дѣтей у матери и продавая ихъ отдѣльно, насильственно разрывать семейныя связи?

— Ваше высочество, отвѣчалъ Зонненкампъ съ большимъ самообладаніемъ, это случается очень рѣдко, почти никогда, уже потому одному, что, дѣлая невольниковъ неспособными къ работѣ, приносишь матеріальный ущербъ ихъ владѣльцамъ. А если-бъ это и случилось, то все же оно не должно возбуждать никакихъ сантиментальныхъ сожалѣній. Взгляните на звѣрей: дѣтеныши,

выростая, болѣе не знаютъ своихъ родителей; самки и самцы, выведя дѣтей, немедленно расходятся. Я не хочу сказать...

— Что это? внезапно воскликнулъ герцогъ.

Въ комнату вошелъ сѣдой камердинеръ.

— Зачѣмъ меня тревожатъ?

— Его превосходительство господинъ министръ умоляетъ ваше высочество немедленно это прочесть.

Герцогъ распечаталъ пакетъ и вынулъ оттуда печатный листъ, съ одной стороны котораго, какъ кровавая жила, проходила красная черта. Герцогъ читалъ и поминутно взглядывалъ на Зонненкампа. Бумага дрожала въ его рукѣ. Окончивъ, онъ положилъ листокъ на столъ и гнѣвно воскликнулъ:

— Проклятіе! какая дерзость!

Зонненкампъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на столъ. Двѣ телеграфическія пуговки, казалось ему, внезапно превратились въ два глаза, а зеленый столъ въ громадное баснословнаго вида чудовище, которое, качаясь и ныряя, плыло по волнамъ. Онъ сидѣлъ какъ въ кошемарѣ и всячески старался не утратить надъ собой самообладаніе. Герцогъ смотрѣлъ то на листокъ, то на Зонненкампа, потомъ всталъ и подавая послѣднему газету, сказалъ:

— На-те, читайте.... читайте!

Шелестъ бумаги, какъ острый ножъ рѣзалъ Зонненкампа по нервамъ.

Въ газетѣ стояло напечатанное большимъ шрифтомъ и отмѣченное краснымъ карандашемъ:

«Предлагается гербъ новому дворянину, бывшему торговцу и убійцѣ невольниковъ, Джемсу Генриху Зонненкампу, или что тоже, Банфильду изъ Луизіаны....

Зонненкампъ прочелъ только эти слова и взглянулъ на герцога. Лицо его искривилось страшной улыбкой.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказалъ герцогъ, и поклянитесь честью, что все это ложь. Дайте мнѣ вашу руку и мы вмѣстѣ постараемся уничтожить вашихъ дерзкихъ враговъ!

Зонненкампъ отскочилъ назадъ, точно въ него кто выстрѣлилъ. Что такое была вся его жизнь въ сравненіи съ этой минутой нестерпимой муки?

Онъ протянулъ руку сжатую въ кулакъ, какъ будто хотѣлъ сказать: я могу тебя сломить, какъ соломенку. Но рука его сама собой разжалась и онъ поднялъ къ верху указательный палецъ, собираясь произнести клятву.

Вдругъ передъ нимъ явился огромный негръ, который, злобно скрежеща зубами, устремилъ на него сверкающій взоръ.

Съ воплемъ, напоминавшимъ крикъ дикаго звѣря, Зонненкампъ упалъ на стулъ.

Фигура негра передъ нимъ тоже испустила пронзительный крикъ. Это былъ Адамъ, который внезапно ворвался въ комнату и въ неистовствѣ кричалъ:

— Герцогъ! Господинъ! это онъ, тотъ самый, который обманомъ увелъ меня въ неволю, а потомъ бросилъ въ воду! Пусть онъ тебѣ покажетъ свой палецъ; на немъ видны слѣды моихъ зубовъ. Отдай мнѣ его, герцогъ, прошу тебя, отдай! Я ему высосу кровь..... я задушу его! Отдай мнѣ его на одну минуту, а затѣмъ, если хочешь, убей меня самого...

И Адамъ, схвативъ Зонненкампа за руки, держалъ его такъ, какъ будто собирался разбить.

Зонненкампъ дѣлалъ непомѣрныя усилія, чтобы вырваться изъ рукъ негра. Ужасъ этой минуты былъ для него удвоенъ еще тѣмъ, что онъ, не только боролся, но и видѣлъ себя борющимся въ зеркалѣ. Тамъ отражались двѣ фигуры, одна его собственная, а другая похожая на дьявола....

Что это, дѣйствительность, или страшный сонъ?

Герцогъ коснулся пальцемъ одной изъ пуговокъ на письменномъ столѣ и въ комнату вдругъ явилось множество слугъ.

— Уведите прочь Адама, вы мнѣ за него отвѣчаете, сказалъ онъ однимъ. Затѣмъ, обращаясь къ другимъ, прибавилъ: а вы выведите вонъ изъ дворца этого человѣка.

Адама и Зонненкампа съ трудомъ розняли. Негръ былъ внѣ себя отъ бѣшенства и у рта его виднѣлась пѣна.

Герцогъ взялъ со стола пергаменъ, украшенный большой красной печатью, и отвернулся.

Зонненкампъ быстро вскочилъ и страшно ворочая глазами воскликнулъ:

— Чего ты отъ меня хочешь? и ты самъ кто такой? твои предки и братья продавали въ Америку своихъ подданныхъ и заставляли платить себѣ большія деньги за оторванныя ноги, руки, за потерянную жизнь. Вы торговали бѣлыми людьми и посылали ихъ за моря, а теперь, чего отъ меня хотите? Чѣмъ я хуже? я покупалъ моихъ невольниковъ и честно платилъ за нихъ деньги. А вы продавали вашихъ подданныхъ и требовали отъ оставшихся, чтобы они каждое воскресенье произносили въ церкви аминь, когда священникъ съ каѳедры молился о вашемъ благоденствіи. Но ты, можетъ быть, стыдишься такого родства? А я тебѣ говорю, что это были люди, которые заслуживали царствовать болѣе, нежели....

Онъ не былъ увѣренъ, слышалъ ли его герцогъ. Слуги бро-

сились на Зонненкампа и старались ему внушить, что во дворцѣ не говорятъ такъ громко.

Зонненкампъ упалъ, слуги его подняли и свели съ лѣстницы. Онъ озирался вокругъ, точно желая сказать: я никогда болѣе не увижу этихъ мѣстъ.

Внизу стоялъ экипажъ. Зонненкампъ бросился въ него, говоря Іозефу:

— Садись со мной въ карету.

Это было все, что̀ онъ сказалъ.

Когда онъ подъѣхалъ къ гостинницѣ, въ числѣ извощиковъ снова находился горбатый кучеръ. Онъ успѣлъ сообщить своимъ товарищамъ мужество, котораго у нихъ безъ него не хватало, и они всѣ хоромъ привѣтствовали Зонненкампа:

— Ура барону! Ура! Трижды ура!

Зонненкампъ задыхался. Шутятъ они надъ нимъ, что ли?

Онъ самъ не зналъ, какъ поднялся на лѣстницу, тяжело опустился въ кресло и устремилъ взоръ въ зеркало, ежеминутно ожидая въ немъ увидѣть страшный образъ негра.

Онъ долго сидѣлъ молча и неподвижно смотрѣлъ передъ собой.

ГЛАВА IV.

РАЗВИТЫЙ.

Зонненкампъ ощупывалъ ручки, спинку, сидѣнье кресла, точно хотѣлъ спросить: сдержитъ ли меня стулъ, на которомъ я сижу. Онъ схватился рукою за грудь; ему попался орденъ; онъ сдернулъ его и бросая отъ себя, воскликнулъ:

— Да, вотъ оно что! Я долженъ быть борцомъ въ обѣихъ частяхъ свѣта; я боролся въ Новомъ Свѣтѣ и теперь буду бороться въ Старомъ. Пусть будетъ такъ! Я смѣло выступаю въ бой и не позволю себя унизить. Мнѣ предстоитъ, или самого себя, или васъ презирать. Увидимъ, кто сильнѣе и кто болѣе заслуживаетъ презрѣнія!

Мысль, какъ теперь всѣ станутъ его ненавидѣть, внезапно возвратила ему самообладаніе.

— Отлично, воскликнулъ онъ, я вамъ съ избыткомъ плачу тѣмъ же.

«Но дѣти! дѣти!» заговорило въ немъ. Когда онъ началъ борьбу въ Америкѣ, дѣти ничего не знали. Онъ позвонилъ и когда явился слуга, спросилъ у него:

— Гдѣ Роландъ?

— Молодого барина нѣтъ дома. Онъ пріѣзжалъ въ двѣнадцать часовъ и не заставъ васъ, снова отправился съ товарищами.

— Ему бы слѣдовало подождать, сказалъ Зонненкампъ, а впрочемъ.... такъ лучше.

Онъ снова погрузился въ раздумье и понялъ, что толпы, видѣнныя имъ у редакціи, занимались чтеніемъ газеты, которую въ его присутствіи подали герцогу. Значитъ извощики въ насмѣшку кричали ему ура.

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Извощики стояли тѣсной кучей вокругъ горбатаго товарища, который читалъ имъ вслухъ листокъ. Они вѣроятно почувствовали на себѣ взглядъ Зонненкампа, потому что внезапно всѣ на него обернулись. А онъ, какъ бы пораженный сотнею пуль, отскочилъ отъ окна на средину комнаты. Тамъ онъ сѣлъ, положивъ руки на колѣни. Онъ заглянулъ въ пропасть; у него закружилась голова, но вмѣстѣ съ этимъ къ нему возвратилось его обычное мужество. Онъ зналъ, какъ о немъ теперь говорили во всемъ городѣ, начиная съ устланной коврами роскошной гостинной до выложенной плитами конюшни. «Не хотѣлъ бы я быть этимъ человѣкомъ, несмотря на всѣ его милліоны», слышалось ему на разные лады. Воображеніе Зонненкампа очень живо рисовало ему его настоящее положеніе.... а что еще завтра скажутъ газеты?

Зонненкампъ довольно долго сидѣлъ погрузившись въ размышленія, когда ему подали письмо съ большой печатью. Зонненкампъ испугался: можетъ быть, герцогъ раскаялся, соединится съ нимъ и твердо станетъ противъ мнѣнія свѣта? Долго смотрѣлъ онъ на большую печать; но это была печать редакціи газеты и въ тяжеломъ письмѣ заключалось много золотыхъ монетъ. Крутіусъ съ большой благодарностью возвращалъ ему то, что̀ получилъ при его вступленіи на виллу, и заявлялъ, что онъ отослалъ бы деньги и раньше, если бы не хотѣлъ возвратить ихъ съ процентами.

— Фу! какъ низко! воскликнулъ Зонненкампъ.

Долго онъ покачивалъ въ рукахъ золото, которое возвращено было ему назадъ точно изъ пренебреженія.—Такъ вотъ какъ! Всякій можетъ надъ тобой насмѣхаться и ты долженъ терпѣть, когда всякій показываетъ тебѣ состраданіе.

Съ нимъ былъ револьверъ; онъ вскочилъ, взялъ револьверъ, поднялъ его вверхъ, повернулъ его. «Да, такъ! Въ типографію и застрѣлить этого профессора Крутіуса, какъ бѣшеную собаку. Но здѣсь у нихъ это не проходитъ даромъ. И что же, ему надо потомъ застрѣлиться самому, или сидѣть въ тюрьмѣ и наконецъ быть казнену?»

— Нѣтъ! Мы сдѣлаемъ дѣло иначе, — успокоился онъ. Онъ положилъ револьверъ назадъ въ футляръ и позвонилъ. Пришелъ Іозефъ; онъ дрожалъ. Кто знаетъ, что сдѣлаетъ съ нимъ теперь этотъ людоѣдъ!

— Ахъ, господинъ, сказалъ Іозефъ, я останусь при васъ. Кучеръ Бертрамъ получилъ мѣсто здѣсь въ домѣ. Я не требую двойной или тройной платы,—хотя здѣсь говорятъ, что вы должны теперь давать такую плату.

— Хорошо. Кто былъ твой отецъ, онъ еще живъ?

— Да; мой отецъ служитъ въ анатомическомъ заведеніи, и когда получались въ анатоміи трупы самоубійцъ, то отецъ мой говаривалъ: «Да, да, если кто сдѣлаетъ эту ужаснѣйшую вещь, такъ его еще разрѣжутъ». Извините, господинъ, я также совершенно смущенъ. Но профессорша сказала мнѣ одинъ разъ, — «всякій сдѣлалъ въ своей жизни что-нибудь дурное, такъ поэтому всякій долженъ вѣрно помогать другому.»

Странная улыбка прошла по чертамъ Зонненкампа: этотъ негодяй разыгрывалъ изъ себя добродушнаго человѣка и прощалъ ему.

— Да? профессорша? сказалъ онъ. Вдругъ его мысли перенеслись на виллу, въ паркъ, въ оранжереи въ зеленомъ домѣ. Онъ хотѣлъ спросить Іозефа, не сказала ли профессорша еще чего-нибудь, ужъ не знаетъ ли объ немъ всего. Но онъ удержался отъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ и сказалъ только, чтобы Лутцъ отправилъ посыльныхъ.

— Сдѣлай и ты тоже; надо отыскать Роланда и тотчасъ привести его сюда. Надо также сыскать и господина фонъ-Пранкена, — произнесъ онъ еще вслѣдъ.

Роланда было трудно искать, а Пранкена совсѣмъ нельзя найти, потому что онъ былъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы и не вздумали искать свѣтскаго человѣка.

Взошелъ оберъ-келльнеръ и сказалъ, что обѣдъ готовъ, и спросилъ, когда надо подавать его. Зонненкампъ пристально посмотрѣлъ на спрашивавшаго. Этотъ человѣкъ знаетъ положительно, что въ это время не обѣдаютъ, но онъ пришелъ явно для того, чтобы шпіонничать; быть можетъ тамъ, внизу, многіе дожидались узнать, какъ теперь держитъ себя господинъ Зонненкампъ. Онъ гордо всталъ, взглянулъ съ пренебреженіемъ на оберъ-келльнера и объявилъ ему, что ему нечего спрашивать, что онъ скажетъ, когда пожелаетъ имѣть приказанное, и теперь велитъ, чтобы никто не входилъ къ нему безъ доклада.

Все удивительно перепутывалось вокругъ него: Іозефъ разсказывалъ о самоубійцахъ, которыхъ разрѣзываютъ въ анато-

мическомъ заведеніи. Зонненкампъ оглянулъ себя сверху до низу и затѣмъ открылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ высказать мысль, которая теперь пришла ему въ голову. Его разрѣзываютъ теперь не физически, а морально всѣ острые, злобно-радующіеся языки.

ГЛАВА V.

ИСПОВѢДЬ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Въ то самое время, какъ Зонненкампъ пріѣхалъ во дворецъ, Пранкенъ вступалъ въ деканатъ капитула; его на нѣсколько минутъ задержалъ проходившій отрядъ войска, ему пришлось раскланяться съ нѣсколькими запыленными товарищами, которые шли или ѣхали верхомъ. Онъ прошелъ въ тотъ кварталъ города, куда не проникаетъ никакая военная музыка; здѣсь все было такъ тихо, какъ будто затаило дыханіе; только въ церкви еще звучалъ органъ. Онъ вошелъ, и увидѣлъ, что деканъ, высокая, крѣпкая фигура, въ эту самую минуту возвращался въ ризницу. Пранкенъ присѣлъ на церковный стулъ, пока узналъ, что деканъ вернулся къ себѣ домой; тогда онъ вышелъ изъ церкви. Слуга стоялъ у открытыхъ дверей и сказалъ, что господинъ деканъ проситъ его войти на минуту сюда. Его повели вверхъ по лѣстницѣ, это была прекрасная большая лѣстница стараго монастыря, наверху одинъ молодой духовный, только-что вышедшій изъ двери, затворялъ ее совершенно тихо, почти благоговѣйно; этотъ молодой духовный сошелъ внизъ по лѣвой лѣстницѣ, когда Пранкенъ поднимался по правой.

Пранкенъ долженъ былъ прождать нѣсколько времени въ большой комнатѣ; на столѣ лежала открытая книга, это былъ Schematismus; онъ улыбнулся. Хорошо, у духовныхъ, какъ и у военныхъ, есть своя печатная роспись ранговъ. Это сравненіе придало ему новое мужество.

Вошелъ деканъ; онъ держалъ въ рукѣ книгу, между листами которой онъ вложилъ указательный палецъ. Онъ поклонился Пранкену кивнувъ книгой и просилъ его садиться; Пранкенъ сѣлъ на софѣ, а онъ помѣстился противъ него въ креслахъ съ колесами.

— Что вы приносите намъ, господинъ баронъ?

Пранкенъ съ своеобразной улыбкой отвѣчалъ, что не приноситъ ничего, а напротивъ, хочетъ взять нѣчто отсюда. Деканъ кивнулъ головой, взглянулъ еще разъ въ книгу, которую заложилъ пальцемъ, положилъ ее въ сторону и сказалъ:

— Я къ вашимъ услугамъ.

Пранкенъ сталъ объяснять, что онъ выбралъ декана въ особенности для своей исповѣди въ такомъ дѣлѣ, которое должнымъ образомъ можетъ понять и обсудить только человѣкъ дворянскаго происхожденія. Деканъ крѣпко держалъ подбородокъ лѣвой рукой и съ большой опредѣленностью отвѣчалъ, что послѣ посвященія и возрожденія нѣтъ больше никакого дворянства; у него нѣтъ никакой другой силы, какъ и у сына бѣднѣйшаго поденщика.

Пранкенъ подумалъ, что этимъ началомъ онъ сдѣлалъ ошибку; поэтому онъ съ особеннымъ удареніемъ сказалъ, что онъ, конечно, считаетъ духовное достоинство самымъ высшимъ, но что для него было важно, чтобы высокопочтенный господинъ зналъ житейскія отношенія, которыя онъ хочетъ ему изложить. Затѣмъ онъ вкратцѣ сказалъ о своемъ прошедшемъ; это была жизнь сына аристократическаго семейства,—до знакомства съ Зонненкампомъ. Здѣсь онъ говорилъ нѣсколько подробнѣе и признался, что сначала для него было шуткой, препровожденіемъ времени, представлять себѣ Манну, дочь милліонера, своей женой. Онъ разсказывалъ, какъ Манна неожиданно поступила въ монастырь, и съ большимъ чувствомъ засвидѣтельствовалъ, что Манна и пробудила его именно къ высшей жизни. Онъ подробно останавливался на рѣшеніи, которое онъ принялъ одну минуту — сдѣлаться духовнымъ; но теперь онъ думаетъ объ этомъ иначе, потому что у него еще слишкомъ много свѣтскихъ понятій, но онъ надѣется въ соединеніи съ Манной вести жизнь, посвященную высшимъ интересамъ.

Деканъ слушалъ разсказъ съ спокойнымъ вниманіемъ, иногда закрывалъ глаза, иногда быстро открывалъ ихъ.

Пранкенъ пріостановился и деканъ сказалъ:

— Это было, конечно, предисловіе. Я долженъ вамъ также сказать, что я знаю этого господина Зонненкампа и его дочь. Я былъ недавно у одного товарища моей профессіи, въ деревнѣ, въ которой вилла Эдемъ — вѣдь она такъ, кажется, называется? — принадлежитъ приходомъ; я видѣлъ дѣвушку; тогда шла рѣчь о томъ, что она должна сдѣлаться монахиней. Я видѣлъ также и паркъ, и домъ, все очень хорошо, очень заманчиво. Теперь, прошу васъ, продолжайте, говорите безъ дальнихъ околичностей, что̀ вы отъ меня желаете.

Пранкенъ живо возвратился къ предмету и разсказалъ, что онъ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтникомъ устроилъ то, что Зонненкампъ въ это самое время получаетъ дипломъ на дворянство.

Онъ снова пріостановился, но деканъ не спрашивалъ больше, а только смотрѣлъ на него вопросительно.

Пранкенъ, смотря на зеленую скатерть стола, сказалъ, что̀ онъ знаетъ о прошедшемъ Зонненкампа; до сихъ поръ онъ всегда думалъ, что для него это должно быть все-равно, но именно теперь—именно со вчерашняго дня, когда Зонненкампъ сравняется съ нимъ и его семействомъ, это не даетъ ему болѣе покоя.

— Я не понимаю васъ, сказалъ деканъ. Вы чувствуете тяжесть на совѣсти отъ того, что хотя знали, кто этотъ человѣкъ, но дѣйствовали съ тою цѣлью, чтобы доставить ему привилегированное отличіе — однимъ словомъ, что ему дается дворянское достоинство, такъ ли?

— Да и нѣтъ, отвѣчалъ Пранкенъ: — это мнѣ самому неясно. Я могъ бы сказать, что я невиненъ, потому что отъ меня не требуютъ никакого мнѣнія, и однакоже....

— Говорите же дальше; мнѣ кажется, вы попали на предметъ. Итакъ, однакоже...?

Пранкенъ подумалъ, что онъ похожъ на ученика на экзаменѣ; собравшись съ силами, онъ сказалъ:

— Надо благодарить небо, что оно послало къ намъ въ міръ живыя существа, которымъ мы можемъ и должны говорить даже то, въ чемъ не признаемся себѣ самимъ. Я долженъ все-таки признаться, что мои открытыя отношенія къ господину Зонненкампу быть можетъ значатъ больше, чѣмъ мнѣніе, данное на словахъ.

— Вѣрно! Совершенно вѣрно. Итакъ, вы пришли ко мнѣ, чтобы теперь въ послѣдній часъ услышать, что̀ вамъ дѣлать?

— По правдѣ сказать, нѣтъ. Я желалъ бы только, чтобы вы дали мнѣ что-нибудь, возложили на меня что-нибудь, чѣмъ бы я могъ избавиться отъ этого постояннаго страданія и страха открытія.

— Странный свѣтъ! возразилъ деканъ. Странный свѣтъ! Вамъ хотѣлось бы наслаждаться и грѣшить, но въ тоже самое время получать примиряющія благословенія.

Мысли Пранкена невольно обратились къ близкому отсюда дому Нелли.

Онъ усиленно отогналъ эти мысли.

Нѣсколько времени они оба молчали, затѣмъ деканъ спросилъ:

— Знаетъ этотъ господинъ Зонненкампъ, что вамъ извѣстно его прошедшее?

— О, нѣтъ, и онъ никогда не долженъ этого знать.

Опять наступила болѣе продолжительная пауза.

На близкомъ соборѣ пробило полдень, колокола зазвонили,

деканъ всталъ и тихо проговорилъ молитву; Пранкенъ всталъ и сдѣлалъ тоже.

Затѣмъ они оба сѣли. Ни одинъ изъ нихъ все еще не говорилъ ни слова.

Пранкену становилось досадно; онъ былъ почти золъ на себя, что сюда пришелъ; ему все-таки не могутъ помочь. Съ подавленнымъ гнѣвомъ онъ, наконецъ, сказалъ:

— Достопочтенный деканъ, я исповѣдалъ вамъ все, теперь прошу васъ, дайте мнѣ совѣтъ.

— Долженъ я дать вамъ совѣтъ, чтобы вы покинули господина Зонненкампа и свою невѣсту?

Пранкена передернуло.

Деканъ, вставши и ходя по комнатѣ, продолжалъ:

— Таковы они! Они желаютъ совѣта, эти дѣти свѣтскаго наслажденія, но только такого совѣта, который не возлагаетъ на нихъ никакого лишенія; они желаютъ совѣта только о томъ, какъ имъ сдѣлать то, что имъ хочется, но сдѣлать это съ облегченіемъ своей совѣсти. Вы хотите горчицы для сваренія тяжелаго кушанья, неправда ли? обратился онъ внезапно къ Пранкену.

Глаза его блестѣли.

— Достопочтенный деканъ, сказалъ съ трепетомъ Пранкенъ, если вы прикажете мнѣ покинуть господина Зонненкампа и Манну, то я обѣщаю вамъ сдѣлать это сейчасъ же. Подумайте только, что́ будетъ съ дѣвушкой, и неужели пріобрѣтенное такимъ образомъ не должно послужить къ высшему....

— Остановись! прервалъ его деканъ и протянулъ руку, какъ бы карающимъ образомъ; его брови нахмурились и губы сжались. Ты думаешь прельстить насъ этими милліонами? Ты самъ таковъ же, какъ другіе, и при всемъ наружномъ уваженіи къ намъ, думаешь про себя: эти духовные хотятъ только денегъ, только власти. Нѣтъ, мы не хотимъ вашихъ денегъ, такъ пріобрѣтенныхъ, такъ взятыхъ въ приданое, такъ наслѣдованныхъ.

Деканъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на небо, по которому шли мрачныя облака; онъ какъ будто совсѣмъ забылъ, что Пранкенъ здѣсь, и послѣдній наконецъ сказалъ:

— Желаете вы, достопочтенный деканъ, чтобы я теперь удалился?

Деканъ быстро обернулся и сказалъ, повелительно указывая лѣвой рукой:

— Садитесь, садитесь.

Пранкенъ повиновался.

— Я хочу вамъ сказать кое-что. То, что вы сдѣлали дво-

рянству,—потому что вы это сдѣлали, а не только допустили,—это—дѣло ваше и дворянства; для насъ ваши почетныя степени не имѣютъ значенія. Бюргеръ или дворянинъ, намъ все-равно. Но я вамъ скажу,—деканъ остановился и, оперши локоть на правую руку и держась лѣвой рукой за подбородокъ, онъ, казалось, выговаривалъ слова съ спокойнымъ размышленіемъ, — я вамъ скажу вотъ что: теперь вы должны быть вѣрны, вы не должны покидать этого человѣка и его дочери. Вы должны раздѣлить съ ними все, что, быть можетъ, судили имъ свѣтскія почести, вы должны считать себя скованнымъ съ ними и въ смиреніи благодарить, что вы можете еще направить себя и свое новое семейство къ благородной цѣли, къ чистымъ жертвамъ.

Пранкенъ вскочилъ, поцѣловалъ руку декана и воскликнулъ:

— Я хочу это сдѣлать, я обѣщаю. Взгляните на меня, вы должны видѣть, что я исполню то, что̀ вы на меня возложили.

— Такъ идите съ Богомъ, вамъ придется несть нѣчто болѣе тяжелое, чѣмъ вы думаете. Идите съ Богомъ.

Онъ положилъ ему руку на голову и Пранкенъ вышелъ. Онъ спустился съ лѣстницы полный смиренія и внизу братски пожалъ руку солдату.

Когда Пранкенъ ушелъ, солдатъ все еще смотрѣлъ на свою руку и искалъ потомъ на полу; онъ не могъ понять, что лихой господинъ фонъ-Пранкенъ не далъ ему золотой монеты. Нѣтъ,—это бы зазвенѣло; онъ навѣрно далъ ему бумажныя деньги, но на чистомъ каменномъ полу не оказывалось ничего.

Пранкенъ какъ будто угадалъ мысли солдата; онъ вернулся и дѣйствительно далъ солдату золотую монету, потомъ пошелъ дальше.

Онъ проходилъ мимо до̀ма Нелли, гдѣ онъ вчера—это казалось ему точно сномъ.... нѣтъ, этого быть не можетъ!—ждалъ цѣлый часъ. Онъ посмотрѣлъ прищурившись наверхъ; ему показалось, что изъ открытаго окна кто-то на него смотритъ; онъ опустилъ глаза въ землю и прошелъ мимо.

Онъ прошелъ на парадный плацъ, слышалъ парадную музыку, видѣлъ стоявшихъ кружка̀ми офицеровъ и—кто измѣритъ скрытые пути мысли?—онъ думалъ, что тамъ теперь отданъ пароль, и что у него есть тоже свой пароль, котораго никто не долженъ знать, кромѣ его и одного человѣка въ деканатѣ, человѣка, который такъ гремѣлъ противъ него.

Улыбка прошла по лицу Пранкена.

«Ты хорошо игралъ роль, но ты только игралъ роль, сказалъ онъ, вспоминая о деканѣ. Ты долженъ видѣть, что я буду хорошо играть свою, я знаю свою роль и съиграю вамъ немного».

Въ немъ снова поднялась гордость; онъ совсѣмъ не могъ понять, что онъ, Отто фонъ-Пранкенъ, былъ такъ стыдливо-смиренъ. Но хорошо все-таки, что онъ еще сохранилъ смиреніе.

Полу-покорнымъ, полу-самонадѣяннымъ онъ пришелъ къ отелю Викторіи и теперь онъ почувствовалъ настоящій голодъ, какъ бывало на маневрахъ. Въ такихъ душевныхъ движеніяхъ хорошо все-таки то, что они возбуждаютъ голодъ.

Пранкенъ радовался тонкому обѣду съ тестемъ барономъ.

Когда онъ подошелъ къ двери Зонненкампа и собирался постучать, онъ услышалъ изъ-за двери голосъ:

— Да гдѣ же господинъ фонъ-Пранкенъ?

— Здѣсь! закричалъ онъ и вошелъ.

ГЛАВА VI.

„ЧЕСТЬ ЛЕЖИТЪ НА ПОЛУ".

Орденъ Зонненкампа лежалъ у ногъ входившаго Пранкена; онъ прежде всего наклонился и поднялъ его. Іозефъ вышелъ изъ комнаты. Пранкенъ держалъ орденъ въ рукахъ такъ, какъ будто это была большая тяжесть. Зонненкампъ казалось ждалъ, что Пранкенъ начнетъ говорить, и когда этотъ сказалъ: «поздравляю васъ», онъ прервалъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ — не надо. Благодарю васъ, что вы еще разъ зашли ко мнѣ. Я очень, очень благодаренъ вамъ. Вы хотѣли мнѣ добра.

— Еще разъ? хотѣлъ добра? Я не понимаю.

Зонненкампъ пристально посмотрѣлъ на него; весь городъ, кучера на улицѣ знаютъ это, а этотъ человѣкъ не знаетъ? Не хочетъ ли онъ его обмануть?

— Читали вы газету? спросилъ Зонненкампъ.

— Газету? Нѣтъ. Что же тамъ такое?

Зонненкампъ подалъ ему листокъ.

— Здѣсь мой дипломъ на дворянство, — сказалъ онъ, отворотился и смотрѣлъ въ окно, пока Пранкенъ читалъ. Онъ не хотѣлъ оглядываться, не хотѣлъ видѣть выраженія лица этого человѣка.

Долго въ комнатѣ было беззвучно тихо, наконецъ Зонненкампъ почувствовалъ руку на своемъ плечѣ. Онъ быстро обернулся. Что теперь будетъ? Не хочетъ ли гордый юнкеръ бороться съ нимъ?

— Господинъ Зонненкампъ, — сказалъ Пранкенъ, — я дворянинъ...

— Я знаю, я знаю. Отнимите вашу руку отъ меня, вы загрязните ее.

— И я вашъ другъ, — продолжалъ спокойно Пранкенъ. Я не могу одобрить того, что̀ вы сдѣлали, чтобы вынудить такое извѣстіе.

— Говорите короче, я уже слышалъ сегодня достаточно проповѣдей.

— Господинъ Зонненкампъ, я иду противъ всего общественнаго мнѣнія, я уважаю васъ несмотря на все и я люблю вашу дочь. Я почти радъ, что жертвой могу доказать вамъ, что мое расположеніе...

— Господинъ фонъ-Пранкенъ, вы не знаете что̀ дѣлаете. Ваши друзья, ваше семейство...

— Я все знаю. Вотъ еще. Люди добродѣтельные должны оставить лежать камни, которые они хотятъ поднять противъ насъ. Кто только мигнетъ глазомъ, я того вызову.

— Я удивляюсь вашему мужеству, но я не могу принять его.

— Не можете принять? Вы не имѣете права отклонять меня. Я также вашъ сынъ какъ Роландъ, я принадлежу вамъ, и теперь должно оказаться, у кого есть настоящее благородство и мужество. Я удивляюсь вамъ. Но оставимъ это теперь. Роландъ еще не вернулся?

— Нѣтъ.

— Такъ онъ, значитъ, отправился съ прапорщикомъ на пирушку. Я привезу его.

Зонненкампъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на уѣзжающаго Пранкена; онъ не понималъ этого. Теперь онъ опять былъ одинъ. Онъ отправлялся мысленно съ своимъ посланнымъ по всему городу, мысли его искали Роланда; они не находили его, какъ не находили его и посланные, потому что, какъ справедливо полагалъ Пранкенъ, Роландъ отправился съ сыномъ совѣтника въ военное казино, гдѣ часть гарнизонныхъ офицеровъ послѣ трудныхъ маневровъ нынѣшняго утра заказала пирушку. Здѣсь много смѣялись и пили, чокались за здоровье молодого американца и Роландъ былъ однимъ изъ наиболѣе веселившихся. Потомъ пришелъ одинъ запоздавшій гость и середи шума воскликнулъ:

— Знаете вы это? Торговецъ неграми попался въ бумажное лассо.

— Что такое? спрашивали его.

Вновь прибывшій сталъ читать въ газетѣ:

«*Примѣрное предложеніе* о щитѣ и гербѣ для возведеннаго

въ дворянское достоинство торговца рабами и ихъ убійцы Джемса Генриха Зонненкампа, бывшаго Банфильда, изъ Луизіаны.

«Намъ, собственно говоря, могло бы быть пріятно констатировать единство юнкерства въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ; ихъ девизъ — жить работой другихъ; ты рожденъ ничего не дѣлать, говорятъ себѣ юнкеры какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Американцы кромѣ другихъ предразсудковъ имѣютъ еще и тотъ, что есть особенная честь быть дворяниномъ. Не потому, чтобы мы раздѣляли этотъ предразсудокъ, но чтобы разъяснить его еще больше, мы писали въ Америку, чтобы получить свѣдѣнія объ одномъ извѣстномъ господинѣ Зонненкампѣ. До сихъ поръ мы молчали, мы молчали бы дольше и всегда во вниманіе къ дѣтямъ этого изверга, которые не заслужили того, чтобы нести эту тяжкую вину. Мы вовсе не друзья дворянства, мы считаемъ это учрежденіе исторически завершеннымъ и вымирающимъ, но и дворяне — наши нѣмецкіе сограждане, часть нашего народа; мы, горожане, не считали бы нужнымъ изгонять человѣка изъ нашей среды, мы спокойно оставили бы его въ покоѣ, но теперь — мы готовы выставить свидѣтелей, что человѣкъ, называющій себя Зонненкампомъ и проживающій на виллѣ Эдемъ, былъ однимъ изъ самыхъ безжалостныхъ торговцевъ нѣвольниками и ихъ убійцей. Такъ продолжай, нѣмецкое барство, и возводи его въ дворянское достоинство, дай ему гербъ. Геральдисты нашей редакціи предлагаютъ ему въ гербъ...»

— Стойте! закричалъ прапорщикъ, потому что Роландъ упалъ безъ чувствъ со стула на полъ.

Его вынесли изъ комнаты, привели его въ чувство. Къ счастью подъѣхалъ экипажъ, изъ него вышелъ Пранкенъ. Роланда отнесли въ карету, и они отправились въ гостинницу.

Дрожа въ лихорадкѣ, згвернутый въ солдатскую шинель, Роландъ сидѣлъ въ углу кареты, нѣсколько разъ онъ открывалъ глаза, потомъ закрылъ ихъ.

Пранкенъ говорилъ ему, что онъ долженъ презирать весь свѣтъ; Роландъ молчалъ, только разъ онъ вздохнулъ и воскликнулъ изъ глубины груди:

— О, Эрихъ!

Они пріѣхали въ гостинницу. У дверей ждалъ Іозефъ. Въ первыхъ словахъ, сказанныхъ теперь, Роландъ просилъ оставить его одного. Онъ взошелъ по лѣстницѣ съ Іозефомъ.

— Вамъ надо идти къ своему отцу, — сказалъ Іозефъ.

Роландъ кивнулъ головой, но когда онъ взошелъ на верхъ, онъ поспѣшилъ въ свою комнату и заперъ дверь.

Іозефъ пошелъ къ Зонненкампу и сказалъ, что Роландъ возвратился.

— Пусть онъ придетъ ко мнѣ, — сказалъ Зонненкампъ.

— Онъ заперся въ своей комнатѣ.

— При немъ его пистолеты?

— Нѣтъ, они еще у меня.

Зонненкампъ пошелъ къ комнатѣ Роланда. Онъ постучалъ, никакого отвѣта. Онъ просилъ и умолялъ Роланда отвѣчать ему; Роландъ не отвѣчалъ ни однимъ звукомъ.

— Если ты не отопрешь сейчасъ же, я застрѣлюсь передъ твоей дверью! воскликнулъ Зонненкампъ, и Пранкенъ, стоявшій подлѣ него, сказалъ:

— Роландъ, Роландъ! неужели ты хочешь быть виновникомъ смерти своего отца?

— Отвори! отвори! упрашивалъ Зонненкампъ передъ дверью.

Задвижка открылась; Роландъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на своего отца. Этотъ протянулъ къ нему руки, но Роландъ остался недвижимъ, губы его были сжаты, глаза блуждали.

— Сынъ мой! воскликнулъ Зонненкампъ. Мой единственный сынъ! мой любимый сынъ! дитя мое! прости меня! прости меня!

Роландъ бросился къ отцу, схватилъ его руку и зарыдалъ на ней.

— О дитя мое, твои слезы на моей рукѣ! Эти слезы на этой рукѣ! Здѣсь, эта рана, этотъ шрамъ — смотри — слезы моего ребенка исцѣлятъ ее, только слезы моего ребенка!

Онъ бросился на грудь Роланда и воскликнулъ:

— Ты, мой сынъ, ты не будешь презирать своего отца.

Грудь его волновалась, когда онъ говорилъ, и Роландъ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ, что отецъ его плакалъ. Онъ обнялъ его и плакалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Молча и неподвижно сидѣли потомъ отецъ и сынъ другъ противъ друга, наконецъ Роландъ сказалъ:

— Отецъ, есть спасенье... единственное спасенье!

— Я готовъ, говори, мой сынъ.

— Я знаю это, отецъ — я знаю это! Тотъ Возвышеннѣйшій говорилъ юношѣ: Иди и отдай все, что имѣешь, и слѣдуй за мной. И Паркеръ сказалъ, что этотъ позоръ долженъ быть омытъ, и Веніаминъ Франклинъ сказалъ бы: ты свободенъ, не будь рабомъ самого себя! Брось все, отецъ, пусть мы будемъ бѣдны — бѣдны! Хочешь ты?

— Благодарю тебя, сынъ мой, — отвѣчалъ Зонненкампъ; ему

было легче, такъ какъ онъ видѣлъ, что сынъ облегчалъ его душу. У тебя твердое сердце, смѣлый умъ, у тебя есть большое мужество; господинъ Эрихъ хорошо училъ тебя... быть великимъ... мужественнымъ... я благодарю его... благодарю тебя... это хорошо... это справедливо... это самое лучшее!

— Такъ ты согласенъ, отецъ?

— Сынъ мой, я не буду призывать свидѣтелей... совсѣмъ нѣтъ... но я обѣщаю тебѣ, ты будешь согласенъ съ тѣмъ, что я сдѣлаю, но теперь въ эту минуту не надо ничего рѣшать.

— Нѣтъ, теперь... въ эту минуту... это высшій, это единственный моментъ! Это должно случиться теперь! Послѣ него смерть, ночь, осужденіе, разрушеніе, бѣдствіе. Ахъ, отецъ, ты долженъ быть силенъ! Я буду работать для тебя, для тебя, для матери, для Манны, для себя! И Эрихъ будетъ съ нами! Я не знаю, что будетъ, но будетъ... Теперь брось все!

— Сынъ мой, то, что̀ называется дурно-пріобрѣтеннымъ, я бросаю. Теперь ты не малолѣтній мой ребенокъ, теперь ты больше, теперь ты мой братъ, ты господинъ, ты судья надъ моими дѣлами, ты долженъ приказывать—все съ тобой, черезъ тебя, изъ твоего чистаго, твоего счастливаго сердца, изъ твоего несломленнаго... Да, твой другъ Эрихъ —нашъ другъ Эрихъ—также долженъ рѣшать; только не будемъ ничего рѣшать въ эту минуту.

Отецъ и сынъ опять сидѣли молча другъ противъ друга, наконецъ Роландъ сказалъ:

— Отецъ, поѣдемъ сегодня же домой.

— Нѣтъ, сегодня нѣтъ. Намъ обоимъ нужно сначала собрать силы.

Пранкенъ вышелъ въ сосѣднюю комнату; онъ прислалъ теперь Іозефа сказать, что время идти къ столу. Роландъ былъ въ ужасѣ, что ему надо теперь ѣсть; но Зонненкампъ клялся, что онъ не возьметъ въ ротъ ни кусочка, хотя онъ почти истощенъ, если только Роландъ не сядетъ за столъ и не съѣстъ хоть немного. Роландъ согласился. Приборъ для совѣтника стоялъ пустой; это показывало, чего будетъ недоставать впослѣдствіи за столомъ. Пранкенъ кивнулъ Іозефу, тотъ понялъ и быстро принялъ приборъ. Зонненкампъ высказалъ ожиданіе, что совѣтникъ возвратитъ теперь виллу; теперь узналъ и Роландъ, какъ веденъ былъ подкупъ, и какъ испорчены и себялюбивы люди. Зонненкампъ тотчасъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвело это на Роланда; выраженіе торжества показалось въ чертахъ его лица. Это хорошо! Роландъ долженъ узнать всю людскую пошлость, онъ долженъ увидѣть, что всѣ люди болѣе или менѣе низки, тогда

и то, что̀ сдѣлалъ его отецъ, мало-по-малу явится для него въ болѣе мягкомъ видѣ, съ болѣе блѣдными красками.

Поданы были изысканныя кушанья, но трое этихъ людей ѣли точно на похоронномъ обѣдѣ; въ сосѣдней комнатѣ лежалъ мертвый—мірская почесть сдѣлалась трупомъ. Ни одинъ изъ троихъ не говорилъ этого, и каждый однако чувствовалъ это, но они ѣли и пили, потому что тѣло нуждается въ питаніи, чтобы выносить новое душевное страданіе.

Отецъ и сынъ спали въ одной комнатѣ, они не говорили ни слова, ни одинъ не хотѣлъ прогнать спасительный сонъ у другого.

«Не поддавайся!» сказалъ наконецъ Зонненкампъ и заснулъ. Роландъ также заснулъ. Черезъ часъ онъ проснулся и безпокойно кидался на постели. Какъ черная стѣна стояла передъ нимъ ночь; онъ былъ какъ въ бреду.

Потерять умъ, сознаніе... да, потерять! Онъ внезапно изчезъ отъ тебя, ты не знаешь куда, не знаешь когда, знаешь только, что его нѣтъ, нѣтъ въ твоей власти. Но еслибъ только найти его! У тебя нѣтъ больше власти надъ твоими представленіями, онѣ приходятъ и уходятъ, соединяются и раздѣляются по произволу, но ты чувствуешь внутри себя, что это не останется такъ, это не можетъ такъ остаться; должно придти время, когда ты опять овладѣешь всѣмъ.

«Еслибъ только не была ночь! еслибъ только не была ночь!» стоналъ про себя Роландъ, когда онъ, проспавши едва часъ, проснулся съ такой путаницей въ мысляхъ. Въ первый разъ въ жизни онъ проснулся ночью съ душевной болью и весь міръ стоялъ передъ нимъ печальный, мрачный, непроницаемый.

«Еслибъ только не была ночь!» сказалъ онъ опять про себя, и ему вспомнилось, какъ однажды профессорша говорила: Ночью все бываетъ страшнѣе, приходитъ день и днемъ всѣ страданія, тѣлесныя и душевныя, уже не бываютъ такъ жестоки; человѣкъ видитъ предметы, солнечный свѣтъ освѣщаетъ ихъ и даетъ имъ жизнь.

«Опять будетъ день!» заключилъ Роландъ и среди своихъ блуждающихъ мыслей снова погрузился въ сонъ.

Рано утромъ они выѣхали съ Пранкеномъ на виллу.

ГЛАВА VII.

ОСКОРБЛЕННЫЯ ДУШИ.

Утро было свѣжее и морозное. На козлахъ кареты сидѣлъ уже не Бертрамъ; подлѣ Лутца сидѣлъ наемный кучеръ, котораго наскоро взяли; Роландъ, который зналъ лошадей, хотѣлъ занять мѣсто чужого, но Зонненкампъ сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Нѣтъ, дитя мое, не оставляй меня. Сядь ко мнѣ. Оставайся со мной.

Роландъ повиновался, сѣлъ къ отцу и Пранкену въ закрытую карету. Они проѣхали городъ молча; каждый думалъ: ворочусь ли я сюда, и какъ? Проѣхали мимо гулянья, гдѣ прошлое лѣто получили столько почета на офицерскомъ праздникѣ. Роландъ выглянулъ; на столахъ въ саду лежали пожелтѣвшія листья, все было пусто и одиноко. Вздохнувъ, съ закрытыми глазами Роландъ легъ въ уголъ кареты; молодая свѣжесть изчезла съ лица, измѣнившагося за ночь, оно поблѣднѣло какъ замерзшій цвѣтокъ.

Довольно долго они ѣхали не говоря ни слова. Но потомъ Роландъ услышалъ, какъ отецъ его забавлялся доказывая, что всѣ люди — пустые шарлатаны; иной, о комъ говорятъ съ уваженіемъ, кому низко кланяются, стоилъ бы развѣ только галеръ. Началось съ совѣтника, какъ онъ ловко умѣетъ брать взятки и однако устроивать такъ, какъ будто ничего не было, — и въ такомъ родѣ онъ продолжалъ дальше. Доброе имя всѣхъ людей разорвано было въ клочки.

Пранкенъ оставилъ Зонненкампа злиться и бѣсноваться, оставилъ его даже задѣть Клодвига. Все равно! Человѣку оскорбленному, а особенно такому, котораго мучитъ дѣйствительная вина, доставляетъ удовольствіе унижать до себя всѣхъ другихъ. Въ Роландѣ мелькнула догадка и холодъ охватилъ его сердце отъ этой догадки, — что онъ долженъ теперь думать, доискиваться и размышлять о томъ, чтобы узнать и имѣть передъ глазами дурныя стороны всѣхъ людей; потому что только такимъ образомъ можно устоять.

Понемногу и осторожно началъ Пранкенъ объяснять, что только одна твердая религіозная вѣра поддерживаетъ человѣка, и открыто возсталъ противъ тѣхъ, которые даже у ввѣреннаго имъ отнимаютъ высшую и единственную опору. Роландъ зналъ, что здѣсь говорилось объ Эрихѣ, но онъ не показалъ вида, что понялъ это. Пранкенъ пошелъ дальше. Онъ разсказалъ, что отецъ Эриха, котораго мать и сынъ разукрашиваютъ какъ полубога, былъ че-

ловѣкъ, который въ университетѣ не могъ получить слушателей и о которомъ всѣ ученые пожимали плечами.

Какъ облачные образы неслись передъ душой юноши мрачныя мысли, гонимыя одна другою. Одна въ особенности безпокойно бродила въ немъ: вчера почесть была всѣмъ, сегодня она ничто. Что же такое честь? Это соль въ каждомъ блюдѣ жизни, безъ нея существованіе безвкусно. Точно въ испугѣ Роландъ встрепенулся при этой мысли. Онъ живо увидѣлъ передъ собой облако, потому что Зонненкампъ быстро и безпрестанно курилъ, и изъ облаковъ онъ воскликнулъ веселымъ тономъ: люди во всей этой странѣ должны бы собственно благодарить его, потому что теперь всѣ они бѣлоснѣжные ангелы, имъ не достаетъ только по парѣ крыльевъ. Мужчины и женщины могли бы сказать: Боже, благодарю тебя, что я не таковъ, какъ этотъ Зонненкампъ. «Я великое счастье. Благодари меня, міръ!»

Пранкенъ засмѣялся; этотъ юморъ ему понравился и онъ сказалъ: черезъ годъ, когда къ этому привыкнутъ, ни одинъ человѣкъ не станетъ больше думать о нынѣшнемъ происшествіи; поэтому онъ настоятельно просилъ бы, чтобы не говорилось больше ни слова о продажѣ виллы и объ отъѣздѣ.

Зонненкампъ толкнулъ Пранкена въ бокъ, но онъ не могъ предположить, что это открытіе гораздо меньше удивило Роланда, хотя оно снова пробуждало въ немъ чувство неимѣнія родины,— потому что насмѣшливое восклицаніе отца, что весь міръ долженъ быть ему благодаренъ, подѣйствовало на душу Роланда гораздо больше. Въ сердцѣ юноши разложились всѣ элементы мышленія и ощущенія и никто не могъ предугадать, какое измѣненіе произошло въ этихъ элементахъ отъ новаго прибавленнаго вещества. Въ немъ снова пробудилось сознаніе, что онъ всю свою жизнь носитъ позоръ, который уже никогда не можетъ быть смытъ.

Туманъ разошелся, день сталъ ясенъ, солнце какъ будто грѣло, Зонненкампъ завернулся въ свой плащъ, ему было холодно. Онъ сидѣлъ въ каретѣ и смотрѣлъ на дорогу; онъ видѣлъ только тѣнь лошади съ одной стороны и эта тѣнь двигалась, ноги ея были то впереди, то позади. И все не такая ли же тѣнь? Не двигаетъ ли тобой и не влечетъ ли тебя такая же тѣнь?

Телѣга, ѣхавшая имъ на встрѣчу, подняла на дорогѣ пыль.

Зонненкампъ смотрѣлъ на нее. Когда смотришь на эту пыль, то кажется, что въ ней можно задохнуться; но если попасть въ нее, то отвернешься на минуту и дѣло вовсе не такъ дурно. Быть можетъ, все, что теперь случилось, есть просто такая же поднявшаяся пыль. Отворотись.

Онъ видѣлъ, какъ пастухъ пасъ овецъ на убранномъ полѣ, и

онъ спросилъ себя: лучше ли эта жизнь? Онъ хотѣлъ спать, бросилъ сигару и закрылъ глаза. Ему казалось, что экипажъ все катится внизъ. Онъ открывалъ глаза, карета была на ровной дорогѣ.

Онъ опять закрылъ глаза, потому что только такимъ образомъ онъ могъ оставаться самъ съ собой.

Онъ въ самомъ дѣлѣ уснулъ.

Роландъ смотрѣлъ молча на свѣтлый день. Ахъ, взглядъ на природу помогаетъ только радующемуся человѣку или такому, который начинаетъ избавляться отъ горя; для тяжко пораженнаго, для печальнаго она не приноситъ ничего, она почти оскорбляетъ его своей неизмѣнностью, своей безучастной жизнью.

Роландъ былъ до сихъ поръ въ сумеречномъ царствѣ двухъ возрастовъ, онъ вдругъ разстался съ юностью; его гордость превратилась въ стыдъ, но онъ достаточно созрѣлъ, чтобы скоро забыть себя лично и взглянуть на отца, который несчастливъ вдвойнѣ—за себя и потому, что онъ принесъ несчастье другимъ, своимъ ближайшимъ...

Зонненкампъ дремалъ, но въ своемъ полуснѣ онъ слышалъ въ звукахъ катившагося экипажа стукъ цѣпей скованнаго невольника.

Онъ вдругъ проснулся и оглянулся какъ безумный. Гдѣ онъ? Что случилось? Онъ завернулся опять въ плащъ и спряталъ свое лицо.

Пранкенъ наклонился къ Роланду и сказалъ ему тихо:

— Я знаю, какъ ты встревоженъ, но для тебя есть исцѣленіе, великое дѣло, возвышеннѣйшее дѣло.

— Какое это дѣло?

— Не говори такъ громко, не буди отца. Единственное средство для тебя... и великое средство... великое, возвышенное дѣло, если ты вступишь въ папское войско; это—единственное, что еще можно сдѣлать. Тамъ послѣдняя, высочайшая твердыня, которую еще надо защищать; если она упадетъ, тогда атеисты и коммунисты побѣдили. Я самъ былъ бы готовъ на это, если бы....

— Да, прервалъ его Роландъ, — это было бы дѣло! Мы отдадимъ все наше имущество въ руки святого отца и онъ одной буллой, однимъ отлученіемъ объявитъ уничтоженіе невольничества!

Зонненкампъ не могъ дольше представляться спящимъ.

— Именно такъ, мой милый! воскликнулъ онъ. Именно такъ; это долженъ сдѣлать папа. Но развѣ ты думаешь, что онъ теперь за деньги — еслибъ даже ихъ было въ десять разъ больше — сдѣлаетъ то, чего до сихъ поръ не сдѣлалъ самъ?

Мысль великая, господинъ фонъ-Пранкенъ, истинно великая и очень — очень умная.

Въ этой похвалѣ скрывалась горькая насмѣшка, потому что онъ думалъ: ты хочешь имѣть все наслѣдство, а сына моего послать на убой.

— Но, любезный, благородный, великодушный молодой другъ, — сказалъ онъ громко; — скажите по правдѣ, думаете ли вы, что папа сдѣлаетъ то, чего ожидаетъ Роландъ?

— Нѣтъ.

Они ѣхали опять молча. Вдали показалась вилла, на башнѣ красовался флагъ Союза подлѣ желто-зеленаго мѣстнаго флага.

Когда они проѣзжали мимо зеленаго домика, Роландъ просилъ, чтобы его выпустили здѣсь; желаніе его было исполнено.

Роландъ вошелъ въ садъ; тамъ позвалъ его звонкій голосъ:

— Желаемъ всѣмъ счастья! Желаемъ вамъ счастья, пожелайте и намъ, мы обручены.

Лина и архитекторъ шли отъ виллы черезъ лугъ, рука объ руку. Лина бросила своего жениха, подошла къ Роланду и сказала:

— Мы не хотѣли дожидаться освященія за̀мка, у насъ будетъ свой праздникъ. Ахъ, Роландъ, какъ все хорошо и счастливо на свѣтѣ! Но отчего вы не говорите? Почему у васъ такое печальное лицо?

Роландъ могъ только высвободиться рукой и поспѣшно прошелъ въ зеленый домикъ. Озадаченные женихъ и невѣста остались въ саду и Лина сказала:

— Ахъ, Альбертъ, здѣсь не хорошо. На виллѣ никто насъ не поздравилъ, Манна не выходитъ изъ комнаты, господина Дорнэ тамъ нѣтъ и Роландъ бѣжитъ отъ насъ. Уйдемъ совсѣмъ изъ этого дома. Извини меня, что я первая привела тебя сюда; я думала, что этимъ людямъ я прежде всего должна принести мое счастье. Пойдемъ въ твой за̀мокъ и тамъ пробудемъ цѣлый день, ты уединеннымъ рыцаремъ, а я жительницей за̀мка. Пойдемъ, я думала, что здѣсь сегодня тоже будетъ обрученіе; этого кажется не будетъ, здѣсь происходитъ что-то страшное.

Лина и ея женихъ пошли вмѣстѣ черезъ виноградники на гору къ за̀мку, но у домика маіора они были остановлены, потому что у садовой рѣшетки стоялъ маіоръ, растерянный.

Сегодня случилась вещь, какой еще никогда не случалось. Фрейленъ Милькъ заперлась; вѣроятно произошло что-нибудь совершенно особенное.

Маіоръ былъ совершенно счастливъ узнать объ обрученіи, а затѣмъ онъ сказалъ только:

— Ахъ, тамъ на виллѣ, тамъ могло бы быть тоже, но я боюсь... я боюсь, что мы еще увидимъ нѣчто ужасное.

Маіоръ непремѣнно хотѣлъ, чтобы женихъ и невѣста посидѣли въ его бесѣдкѣ, фрейленъ Милькъ скоро придетъ.

Но фрейленъ Милькъ въ первый разъ сидѣла одна въ своей комнатѣ въ тяжелой внутренней борьбѣ. Она была равнодушна къ цѣлому міру, и онъ имѣлъ для нея значеніе лишь настолько, что въ немъ можно было достать что-либо пріятное для маіора. Она находила край очень пріятнымъ, была очень благодарна его почвѣ, потому что маіоръ переваривалъ здѣсь зелень, которой онъ прежде не могъ переваривать; она была благодарна и Рейну: онъ приносилъ иногда хорошую рыбу; она не забывала и горъ, и какъ будто хотѣла сказать: совершенно такъ! пусть на васъ ростетъ хорошій виноградъ; маіоръ любитъ пить новое вино; ему не слѣдуетъ только пить много. Такъ фрейленъ Милькъ расположена была къ людямъ и животнымъ, къ водѣ и растеніямъ; ей было все равно, что о ней самой никто не думалъ. Она строго отклонила отъ себя всякія ближайшія знакомства; теперь она черезъ профессоршу вступила въ общество, и сегодня была такъ глубоко оскорблена. Она давно уже знала Беллу, хотя только издали; она давно уже ненавидѣла Беллу, хотя только издали, но что она узнала сегодня, это все-таки было для нея ново и глубоко ее опечаливало.

«О, — говорила она про себя, — о, графиня, вы очень добродѣтельны... въ высшей степени добродѣтельны... почтенно добродѣтельны и вмѣстѣ прекрасны, но я также была нѣкогда прекрасна и молода, и никто не осмѣливался подойти ко мнѣ съ дурнымъ словомъ; я ходила по улицамъ одна и за мной не шелъ слуга, я была сама своимъ слугой, своей опорой и помощью. О, графиня, вы стоите очень высоко по своему рангу, я не знаю, — не называютъ ли васъ превосходительствомъ! О, графиня, будьте осторожнѣе, есть еще другіе ранги, маіоръ покажетъ вамъ ихъ. Нѣтъ, не онъ, это смертельно оскорбило бы его, но господинъ Дорнэ, онъ долженъ это сдѣлать. Нѣтъ... никто... я сама это сдѣлаю».

И въ ту минуту, когда она снова ободрилась, маіоръ постучался во второй разъ и позвалъ ее:

— Фрейленъ Милькъ! Милая Роза, — прибавилъ онъ тихо; милая моя Роза... Розалія!

— Что такое? — услышалъ маіоръ изъ комнаты среди смѣха.

— Ахъ Богъ мой, вы опять смѣетесь, это хорошо. Здѣсь два хорошихъ человѣка, архитекторъ и Лина — мирового судьи, — они обручены и пришли къ намъ, чтобы мы порадовались вмѣстѣ съ ними. Идите же... идите же въ садъ и принесите съ собой бутылку и четыре стакана.

Фрейленъ Милькъ отперла дверь.

Маіоръ сказалъ:

— Могу я узнать, что съ вами случилось?

— Конечно, вы будете это знать. А теперь вы меня больше не спрашивайте. Такъ молодые люди обручены и пришли къ намъ? Мнѣ надо немного переодѣться, я сейчасъ приду.

— Да, да, прекрасно.

Все огорченіе фрейленъ Милькъ прошло, когда ей представилась обязанность еще обрадовать счастливыхъ людей; женихъ и невѣста забыли о зàмкѣ и засидѣлись въ бесѣдкѣ у фрейленъ Милькъ и у маіора.

Пришла газета; маіоръ просилъ извиненія, что будетъ читать при гостяхъ,—онъ получаетъ газету только тогда, когда ее уже прочтутъ бургомистръ, шульмейстеръ и цирюльникъ; но за то газета остается у него совсѣмъ, и такъ какъ онъ самъ уже ничѣмъ не участвуетъ въ дѣлахъ міра, то не бѣда, если нѣсколькими часами раньше или позже узнàетъ, что въ мірѣ дѣлается.

— Ахъ, тутъ сдѣлана большая черная черта, — воскликнула Лина.

— Это сдѣлалъ бургомистръ, — сказалъ маіоръ. Фрейленъ Милькъ, не прочтете ли вы мнѣ? Это должно быть что-нибудь особенное.

Фрейленъ Милькъ взяла газету, но взглянувъ въ нее, закрыла лицо рукой.

— Что такое? Прочтите, милая Лина.

Лина прочла язвительное предложеніе профессора Крутіуса; послѣ первыхъ строкъ она хотѣла было перестать читать, но маіоръ просилъ ее:

— Читайте же пожалуйста дальше! Читайте!

И она прочла до конца.

— О ты, всеблагой Строитель всѣхъ міровъ, какія странныя вещи есть въ Твоемъ мірозданіи! Ахъ, есть что-то страшное въ такой газетѣ, теперь всѣ люди это знаютъ.

Фрейленъ Милькъ уже открыла ротъ, и собиралась сказать, что то, чтò здѣсь написано, для нея вовсе не новость, но у нея достало самообладанія, вдвойнѣ труднаго для женщины, скрыть то, что она знала. Это было лучше; она сдѣлала это, чтобы избѣжать длиннаго объясненія съ маіоромъ, почему давно ему этого не сказала. Только тогда, когда маіоръ просилъ ее пойти къ профессоршѣ, которую должно было глубоко потрясти это извѣстіе, тогда только она сказала:

— Профессорша уже давно все знаетъ, и я тоже.

Въ своемъ смущеніи маіоръ даже не спросилъ, какъ это

могло быть; онъ только смотрѣлъ на нее удивленными глазами. Онъ конечно уже сказалъ ей много ласковаго и сердечнаго, но теперь онъ сказалъ высшее, чтò только могъ:

— Да, вы могли бы принадлежать къ нашему союзу, у васъ есть сила сохранять тайну.

Немного погодя, маіоръ продолжалъ:

— Смотрите, дѣти, тамъ внизу чудная, прекрасная вилла съ паркомъ, съ садами, и въ домѣ милліоны.... Ахъ, и Роландъ и Манна! Фрейленъ Милькъ, прошу васъ, не удерживайте меня, я долженъ пойти туда; ни одинъ человѣкъ не можетъ знать, чтò тамъ происходитъ; я долженъ помочь. Прошу васъ, фрейленъ Милькъ, не дѣлайте мнѣ возраженій.

— Я никакого не дѣлаю, напротивъ, я также думаю, что вамъ надо идти.

Еще прежде чѣмъ она сказала эти слова, явился посланный изъ виллы, чтобы маіоръ пришелъ туда.

Лина также хотѣла идти съ нимъ, она думала, что, быть можетъ, могла бы чѣмъ-нибудь помочь Маннѣ, но маіоръ сказалъ, что профессорша и тетушка Клавдія будутъ достаточной помощью, а Лина не должна теперь ничего терять изъ своего счастья.

Когда маіоръ уже собирался уходить, одинъ голосъ позвалъ его:

— Господинъ маіоръ, погодите немного, я иду къ вамъ.

Явился Кнопфъ, съ покраснѣвшимъ лицомъ и тяжело дыша.

— Вы ужъ знаете? спросилъ маіоръ.

— Да, конечно, потому я и пришелъ. Можетъ быть, я могу чѣмъ-нибудь помочь на виллѣ.

— Хорошо, я иду туда, пойдемте вмѣстѣ. Или нѣтъ, останьтесь тутъ, останьтесь съ фрейлейнъ. Я велю васъ позвать, какъ только вы будете нужны.

Такимъ образомъ маіоръ отправился подъ гору, и четверо оставшихся смотрѣли ему вслѣдъ съ сердечнымъ участіемъ.

Б. Ауербахъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787—1795.

VI *).

Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году [1]).

Рядомъ съ успѣхомъ конфедераціи двигалось впередъ съ побѣдою и русское войско. Вступленіе его въ предѣлы Рѣчи-Посполитой застало войска Іосифа Понятовскаго разсѣянно расположенными на квартирахъ около Браславля, Тульчина и Винницы. Польскій военачальникъ поспѣшилъ ихъ и быстро двинулся на Волынь къ мѣстечку Полонному, гдѣ у нихъ была крѣпость и складъ запасовъ. Очевидецъ Охоцкій говоритъ, что панический страхъ одолѣлъ обывателей, какъ только они услышали о приближеніи русскихъ. Польскій военачальникъ, не обладая выходящими изъ ряда военными способностями, хотѣлъ быть строгимъ дисциплинаторомъ въ службѣ, и дѣлался даже деспотомъ. Онъ запретилъ подъ смертною казнію въ своемъ обозѣ вести разговоръ о непріятелѣ, и когда ему осмѣливались доносить, что непріятель близко, онъ говорилъ: «я знаю самъ, что́ дѣлать». Это не мѣшало ему, однако, внѣ службы быть очень привѣтливымъ въ обращеніи и веселымъ хлѣбосоломъ,

*) См. выше: февр., 685; мар., 154; апр., 618; май 138; іюнь, 559; іюль, 89; авг., 548; сент., 17 и слѣд.

[1]) См. источники №№ 86, 98, 19, 59, 12, 101, 52, 28, 47, 120, 115.

какъ прилично было поляку. Каждый день, по окончаніи военныхъ экзерцицій, за завтракомъ, часовъ въ десять, было у него человѣкъ сто, а за обѣдомъ въ три часа человѣкъ по пятидесяти гостей офицеровъ, и тамъ щедрою рукою наливались кубки венгерскимъ, курился изобильно турецкій табакъ, нарочно привезенный изъ Молдавіи нѣсколькими фурами и проводилось время въ разговорахъ соблазнительнаго содержанія, которые очень любилъ предводитель. Одинъ Костюшко не бывалъ въ такихъ компаніяхъ; за то его хотя уважали, но не любили и насмѣхались надъ его манерами, которыя казались нелюбезными и странными. Въ обозъ безпрестанно приходили охотники, кто приводилъ съ собою пять, кто шесть, а кто и десять человѣкъ верховыхъ. По старопольскому обычаю въ ожиданіи непріятеля всѣ пировали, играли въ карты и кости, пѣли пѣсни. Около обоза толпились іудеи съ товарами, искушавшими военныхъ людей, но не смѣли входить въ обозъ; только надежда на большіе барыши заставляла ихъ иногда отваживаться на не совсѣмъ безопасное дѣло. При малѣйшемъ подозрѣніи на кого-нибудь изъ нихъ въ способности переносить вѣсти въ русскій лагерь, ихъ грозили вѣшать на первомъ деревѣ, и нѣкоторые испытали эту непріятность, попавшись съ воззваніями конфедераціи и съ нѣсколькими червонцами въ карманѣ, данными за распространеніе этихъ воззваній.

Нѣсколько отрядовъ, посланныхъ Понятовскимъ для собиранія вѣстей, человѣкъ въ 300 и 400, были по одиночкѣ истреблены русскими. Генералъ Кутузовъ и Дунинъ гнались за ними съ своими отрядами такъ сказать по пятамъ. Съ другой стороны отъ Кіева Леванидовъ гналъ отрядъ Костюшки, спѣшившаго присоединиться къ главному войску. Поляки, утомленные отступленіемъ, принуждены были остановиться у Любара на Случи. По дорогѣ къ Любару и въ самомъ Любарѣ они видѣли, одни за другими, брики и кареты пановъ, выѣзжавшихъ изъ своихъ имѣній за границу, въ Галицію, убѣгавшихъ отъ москалей, отъ которыхъ ожидали разоренія.

Здѣсь, неподалеку отъ тѣхъ роковыхъ мѣстъ, гдѣ за 132 года передъ тѣмъ подъ Чудновымъ произошло страшное пораженіе русскихъ войскъ, пораженіе, послѣ котораго поляки возвратили себѣ уже отпавшую отъ нихъ южную Русь, здѣсь же, повидимому, суждено было теперь русскимъ поправить ошибку своихъ предковъ, снять съ нихъ пятно и снова добыть оружіемъ утраченныя въ оное время южно-русскія земли. По составленному заранѣе плану, русскіе съ двухъ сторонъ должны были перейти за Случь, захватить Полонное, отрѣзать путь полякамъ въ Польшу

и истребить ихъ, притиснувъ къ западному берегу Случи. 14-го іюня, Кутузовъ и Дунинъ перешли Случь у Острополя и готовились напасть на поляковъ съ тыла, а Леванидовъ стоялъ у Мирополья, версты за 23 отъ поляковъ и долженъ былъ скорѣе захватить Полонное, отстоявшее отъ него верстъ за 15, прежде, чѣмъ поляки успѣютъ дойти туда. Но Костюшко искуснымъ движеніемъ къ Чарторіи, отстоявшей отъ Мирополья верстъ за 10, заставилъ Леванидова пріостановиться. Русскій генералъ боялся, чтобы на него не ударилъ съ тыла Костюшко, когда онъ самъ двинется къ Полонному, а тѣмъ временемъ Понятовскій со всѣмъ войскомъ 4 (15) іюня поспѣшилъ прямымъ путемъ къ Полонному, отстоявшему за 30 верстъ, прежде чѣмъ Кутузовъ и Дунинъ могли зайти ему въ тылъ. По слѣдамъ за ними гнались отряды бригадира Орлова и генерала Тормасова (2 полка казаковъ, 20 эскадроновъ легкой кавалеріи и два батальона егерей екатеринославскаго полка), напали на шедшій позади обозъ и отбили нѣсколько рядовъ возовъ съ запасами. Остальные въ страхѣ и безпорядкѣ бросились бѣжать, и привели въ безпорядокъ шедшую впереди ихъ колонну подъ начальствомъ графа Вьельгорскаго. Русскіе генералы, увидя это, послали своимъ въ подкрѣпленіе три батальона, подъ начальствомъ Лобанова. Поляки Вьельгорскаго отступили черезъ лѣсъ по худой дорогѣ, подъ проливнымъ дождемъ. Пришлось имъ, по выходѣ изъ лѣса, проходить черезъ лѣсную плотину, называемую Борушковскою. Плотина была дурная, мостъ черезъ прудъ еще хуже, — обвалился подъ поляками мостъ; много ихъ потонуло. Русскіе ударили на нихъ сзади и съ боковъ. Поляки бросили въ болотѣ семь орудій, пустились въ бродъ черезъ прудъ, вязли въ болотѣ; разбитые остатки колонны Вьельгорскаго едва спаслись бѣгствомъ. До 600 человѣкъ погибло, 375 человѣкъ достались плѣнными и должны были присягнуть конфедераціи. Русскіе взяли у поляковъ орудія и войсковую казну.

Это пораженіе отнимало у поляковъ духъ и возбудило въ ихъ войскѣ всеобщую неурядицу. Достигли они Полоннаго. Уже мѣсяцъ передъ тѣмъ генералъ Сѣраковскій строилъ тамъ укрѣпленія, а Понятовскій приказалъ свезти туда арсеналъ, муку и всякіе запасы изъ имѣній Щенснаго Потоцкаго. Прибывши въ Полонное, Понятовскій нашелъ укрѣпленія, сдѣланныя Сѣраковскимъ, недостаточными. Въ польскомъ войскѣ не стало дисциплины. Утомленные переходомъ жолнѣры, безъ соблюденія порядка бросились въ городъ отдыхать, роптали, кричали; такъ прошла ночь, а русскіе между тѣмъ спѣшили къ Полонному. Услышавъ, что врагъ приближается, поляки всполошились и

стали разбѣгаться, и въ такой суматохѣ загорѣлось мѣстечко. Съ большимъ трудомъ Костюшко угасилъ пожаръ, а Понятовскій приказалъ скорѣе всему войску собраться къ отступленію.

6 (17) іюня оставили поляки Полонное. Нельзя было забрать съ собою всѣхъ запасовъ, туда свезенныхъ: они принуждены были сжечь ихъ. Но русскіе, вошедши въ Полонное тотчасъ по уходѣ поляковъ, еще успѣли спасти изъ пламени до шести тысячъ кулей съ мукою. Сорокъ пять орудій досталось побѣдителямъ, не истратившимъ у Полоннаго ни капли крови.

Понятовскій съ своимъ войскомъ отправился къ Заславлю, гдѣ стоялъ Любомирскій съ своимъ отрядомъ. Коховскій послалъ за нимъ въ погоню генерала Маркова съ восемью тысячами. Марковъ догналъ поляковъ подъ деревнею Зеленцами, подлѣ Шепетовки. Понятовскій успѣлъ уже поставить свое войско въ боевой порядокъ, усиливъ его отрядомъ Любомирскаго и генераловъ Троцкина и Заіончка. Марковъ ударилъ прямо на средину польскаго войска, обратилъ въ бѣгство батальонъ Любомирскаго, а этотъ батальонъ опрокинулъ стоявшій за нимъ другой батальонъ Потоцкаго. Послѣ того Марковъ послалъ кавалерію (два полка гусаровъ и одинъ казаковъ) на лѣвое крыло польскаго войска; русскіе сломили первый рядъ польской конницы, но наткнулись на другой рядъ: предводитель его, генералъ Мокроновскій, отбилъ приступъ и русская конница отступила съ урономъ. Вслѣдъ затѣмъ Понятовскій поспѣшно отступилъ по направленію къ Заславлю. Уронъ, понесенный въ этой битвѣ русскими, далъ полякамъ право огласить битву подъ Зеленцами блистательною побѣдою надъ москалями. Въ литовскомъ войскѣ, въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ, по этому поводу пѣли «Te Deum», стрѣляли на радостяхъ изъ пушекъ. Вѣсти о побѣдѣ, переходя изъ устъ въ уста, принимали чудовищные размѣры. Въ Варшавѣ говорили, что польскія войска уже завоевали Кіевъ, а нѣкоторые въ порывахъ патріотической фантазіи ожидали даже, что скоро побѣдоносное польское войско возьметъ Петербургъ. Въ «Народовой газетѣ», органѣ партіи 3-го мая, потери русскихъ возвысились до 4,000 человѣкъ; по донесенію генерала Маркова онъ потерялъ не болѣе 730 человѣкъ. Въ то время, когда вдалекѣ отъ театра войны восхищались успѣхами польскаго войска, въ самомъ этомъ войскѣ отвага падала, распространялось уныніе. Съ самаго начала кампаніи каждый день обманывали войско, твердили, что не сегодня-завтра прибудетъ въ войско самъ король; но дни проходили; курьеры каждый день, иногда по два раза въ день, бѣгали изъ лагеря въ Варшаву, изъ Варшавы въ лагерь, содержаніе депешъ составляло тайну,

но всѣмъ стало ясно, что короля не дождаться, и съ каждымъ днемъ увеличивалось число такихъ, которые убѣждались, что кровь льется напрасно, что Польша не сладитъ съ Россіею и чѣмъ поляки будутъ упорнѣе, тѣмъ для нихъ дѣло кончится хуже.

Понятовскій выступилъ изъ Заславля въ Острогъ. Любомирскій, не ладившій съ Понятовскимъ, шелъ съ своимъ отрядомъ особою дорогою на Куневъ. 9 (20) іюня Коховскій занялъ Заславль. Пріѣхавшій съ нимъ гетманъ Браницкій устроилъ тамъ великолѣпный балъ, въ знакъ радости объ успѣхахъ въ дѣлѣ возвращенія старинной польской свободы. Но русскіе офицеры, которымъ втайнѣ претило въ конфедератахъ то, что они призывали на свое отечество и на своего короля чужія силы, подсмѣивались надъ нимъ и говорили: «пану Браницкому танцовать хочется. Если бы я былъ паномъ Браницкимъ, я бы отрекся и отъ баловъ и отъ танцовъ, ѣсть-пить бы омерзѣло.»

Изъ Острога Понятовскій послалъ къ Коховскому курьера съ письмомъ, и просилъ четырехнедѣльнаго перемирія. Это онъ сдѣлалъ по предписанію короля, который въ это время хотѣлъ объясниться съ Екатериною. Коховскій отвѣчалъ ему такимъ письмомъ: «Никто болѣе меня не желаетъ окончанія войны, но я не уполномоченъ пріостановить ее, и буду продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будетъ находиться какое бы то ни было войско, и какая бы то ни была партія, не желающая добровольно принять великодушныя мѣры ея величества моей государыни, соединившейся со всѣми истинными польскими патріотами съ цѣлью возвратить польской Рѣчи-Посполитой спокойствіе, нарушенное беззаконною конституціею 3-го мая. Отъ вашей княжеской свѣтлости и отъ состоящихъ подъ вашею командою зависитъ принять этотъ здравый совѣтъ, я же несказанно былъ бы радъ, если бы вашу княжескую свѣтлость могъ считать въ числѣ умѣющихъ уважать благодѣтельные замыслы моей государыни: или приступить къ конфедераціи, или положить оружіе—другихъ средствъ къ прекращенію кровопролитія нѣтъ. Я бы желалъ удержаться отъ дальнѣйшихъ маршей, но теперь предупреждаю вашу княжескую свѣтлость, что войска ея императорскаго величества будутъ слѣдовать далѣе тремя колоннами».

Вслѣдъ затѣмъ, исполняя данное слово, Коховскій двинулся къ Острогу 14 (25) іюня, и прибылъ туда вечеромъ въ тотъ же день. Русскій военачальникъ намѣревался занять поляковъ канонадою, а тѣмъ временемъ приказалъ генералу Дунину и Леванидову перейти рѣку Горынь и безпокоить ихъ съ другой сторо-

ны. Канонада прекратилась съ наступленіемъ ночи и возобновилась на другой день. Поляки сначала думали здѣсь защищаться, мѣсто было для нихъ хорошее: они заняли возвышенности, а внизу были болота; но рѣшившись на это, генералы не сообразили, что у нихъ мало пороха, оставалось не болѣе 18 зарядовъ на каждое орудіе, притомъ съ ихъ четырьмя двѣнадцати-фунтовыми и двадцатью восемью шести-фунтовыми пушками неудобно было мѣряться съ русской артиллеріей, гдѣ было, какъ говорятъ, до 120 орудій большого калибра. По извѣстію генерала Заіончека, у поляковъ могло быть пятьдесятъ двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, но предводитель не взялъ ихъ съ собою, по высокимъ соображеніямъ, не доступнымъ для простого смысла. Вдобавокъ ихъ страшило появленіе непріятельскихъ отрядовъ въ тылу. Итакъ, Понятовскій поспѣшно снялся и удалился.

Уже ропотъ польскаго войска доходилъ до высшей степени. Генералы успокоивали жолнѣрство и говорили: «вотъ дойдемъ до Дубно, тамъ найдемъ хорошее помѣщеніе, вкусную пищу, свѣжее войско, и самъ король придетъ къ намъ». Но ничего подобнаго не нашли поляки въ Дубно. Первая злость ихъ изливалась на Любомирскаго, владѣльца Дубно, который не приготовилъ никакихъ удобствъ для войска. Около самого Понятовскаго поднялись такіе толки: «за что мы воюемъ? Это война Потоцкихъ. На одной сторонѣ Щенсный Потоцкій, а на другой Игнатій Потоцкій, и мы за Игнатія терпимъ и умираемъ. Сопротивляться такой силѣ величайшая глупость, надобно покориться. Екатерина одолѣваетъ; уступимъ лучше ей, пусть будетъ такъ, какъ ей угодно». Понятовскій не въ силахъ былъ удержать негодованія. Теперь уже безсильны и невозможны были строгія мѣры, и неумѣстенъ оказался деспотическій тонъ по службѣ, какой принималъ на себя въ началѣ предводитель. Самъ онъ получалъ отъ короля тревожныя письма. Король, какъ сообщаетъ знавшій дѣло Булгаковъ, тайно приказывалъ Понятовскому избѣгать сраженій и не раздражать черезчуръ русскихъ. Приказаніе за приказаніемъ шло, чтобы онъ отступилъ во внутрь Польши. Понятовскій колебался и поступалъ такъ, что никому не угодилъ; недовольны имъ были рьяные патріоты за то, что онъ уходилъ, недовольны были русскіе и конфедераты, зачѣмъ онъ не приступаетъ къ конфедераціи и защищаетъ конституцію.

Въ краѣ, гдѣ происходила война, народъ оказывалъ полное сочувствіе къ русскимъ и смотрѣлъ на нихъ какъ на освободителей. Іосифъ Понятовскій доносилъ королю, какъ видно изъ писемъ самого короля, что украинскіе хлопы доставляли москалямъ свѣжіе припасы и очевидно показывали расположеніе къ

Москвѣ [1])! Костюшко жаловался, что въ этихъ русскихъ земляхъ нельзя было найти лазутчиковъ, чтобы вывѣдать о состояніи непріятельскаго войска, шедшаго посреди громады народа, принадлежавшаго польскому государству; напротивъ, непріятель могъ повсюду имѣть вѣрныхъ агентовъ. Костюшко въ этомъ случаѣ буквально повторилъ то, что говорили во время Хмельницкаго Николай Потоцкій и Адамъ Кисель. Бѣльзская гражданско-военная коммиссія отъ 16-го іюня доносила правительству, что хлопы готовы подняться, схизма грозитъ овладѣть краемъ, и просила не выводить изъ подвѣдомаго ей края войскъ, иначе русское посполъство въ одинъ день перерѣжетъ всѣхъ католиковъ. «Если,—писала она,—войско нужно въ битвѣ, то оно еще нужнѣе для внутренней безопасности и охраненія жизни и имуществъ шляхетства». Заіончекъ въ своихъ запискахъ жалѣетъ, что поляки тогда не опустошили русскаго края, подобно тому, какъ поступали когда-то ихъ предки.

Войсковая коммиссія составлена была, какъ говорили, изъ людей мало опытныхъ. Обмундированіе войска лежало на попеченіи главнаго коммиссаріата, подъ вѣдѣніемъ котораго находились полевые коммиссаріаты при трехъ корпусахъ. Недостатокъ одежды и обуви былъ чрезвычайный. Поляки шли всѣ оборванные, и самъ Костюшко принялъ какъ дорогой подарокъ отъ пана Лубенскаго пару сапоговъ. Свезенные въ разные пункты запасы доставались непріятелю. За порохомъ послали курьера въ Варшаву, прося прислать эту необходимость по почтѣ. Въ ожиданіи пороха по почтѣ поляки вышли изъ Дубно по направленію къ Владимиру. Любомирскій шелъ отдѣльно на Вербу. Соперники не хотѣли идти вмѣстѣ и подвергались черезъ это усиленію опасностей, особенно Любомирскій, котораго отрядъ былъ слабѣе. Эта черта, столь обычная въ польской исторіи, много разъ повторявшаяся къ ущербу націи, показывала, какъ крѣпко поляки держались обычаевъ отцовъ своихъ. Тогда одинъ изъ генераловъ, Рудницкій, оставилъ армію, перешелъ къ русскимъ, призналъ тарговицкую конфедерацію и назначенъ былъ генераломъ формировавшихся польскихъ войскъ конфедераціи. Его имя было повѣшено на висѣлицѣ, за невозможностью повѣсить его особу. Достойно замѣчанія извѣстіе «Народовой газеты», что Понятовскій хотѣлъ-было скрыть этотъ преступный поступокъ и публиковать, что Рудницкій погибъ въ битвѣ, какъ честный воинъ, но его преступленіе разнеслось уже достаточно. Изъ этого на-

---

[1]) Cała Ukraina żywi, tuczy moskalów i przez żywność świżą y przez oczywistą przychylność chłopów tamecznych do Moskwy.

ивнаго извѣстія можно сдѣлать заключеніе, какъ мало слѣдуетъ вѣрить подлиннымъ извѣстіямъ поляковъ вообще о своихъ дѣлахъ, когда они даже не запирались, что считали позволительнымъ публиковать невѣрныя извѣстія.

Коховскій опять послѣдовалъ за поляками, и $\frac{26 \text{ іюня}}{7 \text{ іюля}}$ дошелъ до Владимира. Поляки уходили за Бугъ, но Понятовскій ушелъ впередъ, а Любомирскій слѣдовалъ позади его своею дорогою. Говорятъ, что Понятовскій, ссорясь съ Любомирскимъ, не далъ ему знать о приближеніи русскихъ. Русскіе нагнали послѣдняго и онъ насилу убѣжалъ въ лѣсъ, потерявъ до двухъ-сотъ человѣкъ и оставивъ въ рукахъ непріятеля свою воинскую кассу (до 40,000 р.). Этимъ дѣломъ Любомирскій окончилъ свое поприще и уѣхалъ въ Варшаву.

Поляки перешли за Бугъ и намѣревались защищать линію этой рѣки, оставивъ такимъ образомъ за русскими всю южно-русскую землю, и ограничиваясь своею собственною польскою землею. Коховскій на этотъ разъ не спѣшилъ за ними и остановился во Владимирѣ, чтобы дать укрѣпиться провинціальной волынской конфедераціи, которая основалась въ Луцкѣ: ея маршаломъ былъ Пулавскій, братъ того, который во время барской конфедераціи такъ отличался непріязнію къ Россіи. Не ранѣе, какъ 3 (14) іюля н. ст. вышелъ Коховскій изъ Владимира, и 6 (17) іюля послѣ обѣда достигъ Буга, у Кладнева. Отряды подъ начальствомъ Тормасова и Леванидова отправлены были правѣе, одинъ къ Турчанамъ, другой къ Любомлю, чтобы перейти Бугъ въ разныхъ мѣстахъ и охватить польскую армію. Поляки стояли станомъ у Дубенки; чтобы воспрепятствовать русскимъ переходить Бугъ, они сожгли паромы и набросали въ воду острозубчатыхъ боронъ, для порчи лошадямъ ногъ. Потомъ они расположились по теченію Буга отъ австрійской границы при деревнѣ Волѣ до Влодавы: на протяженіи отъ Воли до Дубенки стоялъ Костюшко, отъ Дубенки до Свѣржова — Понятовскій, отъ Свѣржова до Влодавы — Вьельгорскій.

Русскіе нашли два парома, неуспѣвшіе сгорѣть, потому что были зажжены неудачно, и на нихъ переправили часть своего войска. Перешедшіе на другой берегъ подъ польскими выстрѣлами, построили понтоны и по нимъ все войско благополучно перебралось на лѣвый берегъ Буга.

Позиція Костюшки между деревнями Волею и Уханкою, примыкала правою стороною къ Волѣ, за которою была австрійская граница, а лѣвою къ утесистому берегу Буга. Впереди сдѣланы были баттареи. За его станомъ былъ лѣсъ. По сказаніямъ поляковъ, у него было всего 5,000, по извѣстію рус-

скихъ — 10,000. Послѣднее извѣстіе слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ, потому что вообще польскія донесенія того времени не отличаются вѣрностію, въ чемъ, какъ мы видѣли, поляки сами сознавались.

У Коховскаго было въ дѣлѣ 19,000. Расположивъ свое войско тремя частями, такъ, что они охватывали всю переднюю линію непріятельскаго войска, военачальникъ вывелъ впереди баттареи, открылъ сильный огонь и въ то же время отрядилъ разомъ на правое и на лѣвое крыло польской арміи отряды. На первомъ изъ нихъ отличился храбростію полковникъ Елисаветградскаго конно-егерскаго полка Пальмбахъ, на другой полковникъ Фанагорійскаго — Золотухинъ, и оба пали въ битвѣ. Потерявши своего полкового командира конные егеря смѣшались, потерпѣли потери и это впослѣдствіи подало поводъ полякамъ считать эту битву для себя побѣдою. Но минутная неудача русскихъ была скоро заглажена. Русскіе побрали на всѣхъ пунктахъ непріятельскія баттареи и, послѣ пяти-часовой битвы, разстроенное польское войско бѣжало въ лѣсъ въ безпорядкѣ. Костюшко, опомнившись верстъ за двадцать, увидалъ около себя изъ всей своей арміи только два батальона и одинъ егерскій полкъ, и думалъ, что остальные всѣ перебиты; но скоро они сошлись. По извѣстіямъ самого Костюшки, русскихъ убито до 4,000, а поляковъ до 900. Заіончекъ уменьшилъ число убитыхъ москалей до 2,000, а поляковъ до 98 солдатъ и 10 офицеровъ. Само собою разумѣется, если бы извѣстія поляковъ имѣли бы хотя тѣнь справедливости, сраженіе не окончилось бы ихъ бѣгствомъ въ лѣсъ.

Это было послѣднее сраженіе Коховскаго съ польскою арміею. Послѣдняя отступила къ Люблину. Коховскій слѣдовалъ за нею, уже безъ битвъ и вступилъ въ Люблинъ 14 (25) іюля, а Леванидова послалъ къ Бресту, для соединенія съ русскою арміею, дѣйствовавшею въ Литвѣ.

Въ Литвѣ успѣхи русскихъ были еще быстрѣе, чѣмъ въ Украинѣ. Генералы Долгорукій, Коссаковскій и Денисовъ достигли $\frac{\text{31 мая}}{\text{11 іюня}}$ безотпорно до Вильны. Въ городѣ былъ отрядъ охотниковъ, недавно поступившихъ; они не защищали города. Приверженцы конституціи 3-го мая бѣжали или въ Варшаву, или въ Пруссію. Было объявлено заранѣе дозволеніе тѣмъ, кто не хотѣлъ отрекаться отъ конституціи 3-го мая, оставить городъ. Двѣсти восемьдесятъ дворянъ, жившихъ въ Польшѣ, поспѣшили заявить о своей преданности и готовности покориться конфедераціи, которую началъ составлять Коссаковскій. Самъ Коссаковскій, будучи русскимъ генераломъ, былъ нареченъ польнымъ ли-

товскимъ гетманомъ. Маршаломъ конфедераціи былъ назначенъ старый князь Александръ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, а помощникомъ его ловчій велик. кн. Литовскаго Іосифъ Забѣлло; назначены совѣтники по воеводствамъ и повѣтамъ [1]). Не всѣ были на лицо и потому опредѣлено было замѣстить другими тѣхъ изъ нихъ, которые бы не могли явиться. Это обстоятельство даетъ вѣроятіе извѣстію, сообщаемому сторонниками конституціи 3-го мая, что сообщники Коссаковскихъ, кружокъ, составленный большею частію изъ ихъ родственниковъ и кліентовъ, написали въ своемъ актѣ имена такихъ особъ, какихъ не было тогда не только въ Вильнѣ, но даже и въ Литвѣ. Такъ и самъ король въ своихъ письмахъ извѣщалъ, что нѣкоторые, записанные въ литовскую конфедерацію, находились тогда около него въ Варшавѣ и не подавали никакого желанія быть тамъ помѣщенными. Впрочемъ, по извѣстіямъ Кречетникова, до тысячи собравшихся изъ повѣтовъ дворянъ подписали свои имена.

14 (25) іюня прибылъ самъ Кречетниковъ и отправлено торжественное объявленіе новой конфедераціи. Епископъ Коссаковскій, братъ новонареченнаго гетмана, служилъ обѣдню у св. Яна; народъ сошелся туда большою толпою; кто и не хотѣлъ— все-таки долженъ былъ идти: боялись русскихъ солдатъ и казаковъ. Впрочемъ, большинству, составленному изъ людей убогихъ и незнатныхъ, было все равно, что́ бы ни происходило въ

---

[1]) Значатся совѣтниками: изъ виленскаго воеводства Іосифъ Коссаковскій и князь Гедройцъ; изъ повѣта Ошмянскаго Іосифъ Важинскій подкоморій, и Игнатій Хоминскій, судья ошмянскій; изъ лидскаго: Игнатій Тизенгаузъ, полоцкій староста, и Θеодоръ Нарбутъ, хорунжій лидскій; изъ повѣта вилькомирскаго: Бенедиктъ Морикони, писарь велик. кн. Литовскаго, и подкоморій Игнатій Косцялковскій; изъ браславскаго: Янъ Рудницкій и графъ Станиславъ Мануцци; изъ воеводства Троцкаго: Антоній Ромеръ, подвоевода, и Игнатій Сивицкій, бывшій посолъ; изъ воеводства гродненскаго: князь Радзивиллъ, воеводичь, и Март. Данкевичъ, скарбникъ; изъ повѣта ковенскаго: Михаилъ Коссаковскій, подкоморій, и Іосифъ Милошъ; изъ упитскаго: Михаилъ Страшевичъ, маршалъ упитскаго повѣта, и Іосифъ Коссаковскій; изъ княжества жмудскаго: Іосифъ Забѣлло (онъ же помощникъ) и Мих. Гелгудъ, писарь польный литовскій, Лауданскій, Феликсъ Ренни, Билевичъ, Бялозоръ; изъ воеводства смоленскаго: Ант. Храповицкій и Іосифъ Швыйковскій; изъ повѣта стародубскаго: Биттингъ и Канутъ Романовичъ; изъ Слонимскаго: Маковецкій, маршалъ слонимскій и князь Сапѣга (сынъ канцлера); изъ повѣта Волковискаго: Зыневъ и Забѣлло: изъ воеводства минскаго: Ванковичъ и Павликовскій, бывшіе послы; изъ повѣта оршанскаго: Іозефовичъ и Штейнъ; изъ Мозырскаго: Еленскій и Оскерко, стражникъ литовскій; изъ новогродскаго воеводства: Ант. Радзивиллъ и Рейтанъ, бывшій посолъ; изъ воеводства Полоцкаго: Шпинка и Снарскій; изъ княжества инфлантскаго: Буржинскій, староста браславскій, Кипр. Загорскій, Іеронимъ Швыковскій, Ант. Домейко, Родзевичъ и подстоличъ Коссаковскій.

ихъ отечествѣ, до тѣхъ поръ, пока они не ощущали непріятностей на собственной шкурѣ. Такимъ образомъ, городскіе цехи съ хоругвями и бубнами шли торжественной процессіей; монахи всѣхъ орденовъ, академики въ своихъ тогахъ собрались въ костелъ такимъ же порядкомъ, какъ и прежде сбирались на торжества въ память 3-го мая. Послѣ обѣдни епископъ прочиталъ актъ конфедераціи. Онъ былъ написанъ гораздо короче, чѣмъ актъ коронной конфедераціи въ Тарговицѣ. Богослуженіе окончилось торжественнымъ «Te Deum», при громѣ русскихъ орудій. Народу устроили обѣдъ, гдѣ было изобиліе жареной говядины и пива. На третій день послѣ этого, назначенный маршаломъ провинціальной виленской конфедераціи, Игнатій Швыковскій выдалъ замѣчательный манифестъ, гдѣ въ рѣзкихъ чертахъ порицались дѣйствія противной партіи. «Паны сторонники этой партіи» (было тамъ сказано) «разобрали себѣ публичныя должности; изъ городскихъ казначействъ назначили себѣ пенсіи, торговали мѣстами, захватили сенаторскія и министерскія должности, произвели себя въ военные чины, сочинили новые, чтобы доставать по нимъ пенсіи, оскорбляли короля своими выходками, что видно изъ сеймовыхъ дневниковъ, разсѣявали печатные пасквили, допускали въ псевдо-народныхъ газетахъ оскорбленія религіи, свободы и обычаевъ: столица разливала по всей странѣ ядъ, чтобъ все извратить, разложить, уничтожить. Священнику этой партіи велѣно было не знать надъ собою духовнаго начальства, вмѣшиваться въ политическія смятенія; съ того мѣста, откуда излагалось ученіе евангелія въ духѣ кротости, проповѣдывались убійства и жестокости, выставлялись языческіе философы образцами подражанія и искоренялось у правовѣрныхъ уваженіе къ религіи и пастырямъ церкви. Нашъ пастырь, епископъ Масальскій, испыталъ въ самой своей резиденціи оскорбленія и угрозы, а разъѣзжая по своей епархіи, въ мѣстечкѣ Кальваріи подвергся задержанію и неприличному обращенію отъ муниципальной сволочи. Въ школахъ велѣно было внушать юношеству мнѣнія и убѣжденія, противныя закону; велѣно было полиціи въ городахъ и мѣстечкахъ для шпіонства вторгаться въ шляхетскіе дома, вскрывать письма, раздавать знаки, съ надписью: *шея или конституція.* У старосты опецкаго, графа Мануцци, въ Вильнѣ, ограбили лошадей, бумаги, серебро, отобрали прислугу безъ всякаго слѣдствія; вольно было на публичныхъ обѣдахъ составлять заговоры, назначать людей для совершенія тайныхъ убійствъ и собирать «офяры» (пожертвованія) на награду убійцамъ. Конфедерація объявляла, что она желаетъ умноженія военной силы, порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненія рес-

публиканскаго правленія. «Насъ обвиняютъ, говорится въ этомъ актѣ, что мы призываемъ чужую помощь, допускаемъ чуждой монархіи писать намъ законы, и черезъ то попадемъ въ зависимость, потеряемъ свободу. О! если бы уста, такъ говорящія, никогда не противорѣчили себѣ, — не навлекли бы мы на себя этого несчастія, не нуждались бы въ помощи, подобно французскому дворянству, котораго устрашаютъ преслѣдованія и убійства, тогда бы мы лучше съумѣли уважать свою независимость и свободу».

Генералъ Хрущовъ занялъ Ковно и тамъ открылъ конфедерацію. Мѣщанство этого города отличилось тѣмъ, что добровольно учинило присягу на подданство императрицѣ. Двѣсти мѣщанъ подписались на присяжномъ листѣ, но главнокомандующій отправилъ къ ковенскому магистрату свѣдѣніе, что государыня не принимаетъ себѣ присяги отъ польскихъ городовъ, а великодушно и безкорыстно покровительствуя республикѣ, хочетъ только возвратить ей права.

Въ то время, когда Коссаковскій, Денисовъ и Кречетниковъ заняли Вильну, а Хрущовъ Ковно, командиръ другого русскаго корпуса, графъ Меллинъ, безъ боя достигъ до Минска, занялъ городъ, и потребовалъ отъ города и отъ всего воеводства покорности Россіи. Предводитель польскаго войска, Юдицкій, думалъ защищать переправу черезъ Нѣманъ и сталъ сначала у Свѣржова, но черезъ нѣсколько дней нашелъ свою позицію неудобною, и перешелъ къ Миру. Высланный изъ обоза, находившійся въ войскѣ Станиславъ Потоцкій (бывшій люблинскій посолъ), взявши отрядъ, отправился для узнанія о непріятелѣ и послалъ къ военачальнику курьера, побуждая его напасть на русскихъ, какъ можно скорѣе, и увѣрялъ, что у русскихъ въ войскѣ безпорядокъ. Но прежде, чѣмъ Юдицкій сдвинулся съ мѣста, русскіе прогнали Станислава Потоцкаго, и вслѣдъ за нимъ явились передъ польскимъ войскомъ. 11-го іюня Юдицкій, какъ сказано, человѣкъ неспособный и неопытный, растянулъ свое войско въ одну линію, не обезпечивъ боковъ и тыла. Генералъ Меллинъ открылъ канонаду. По свидѣтельству очевидца (польскаго генерала Сулковскаго), послѣ третьяго пушечнаго выстрѣла вся польская кавалерія обратилась въ бѣгство, а какъ вслѣдъ затѣмъ русскіе заняли возвышенность, которую Юдицкій безразсудно оставилъ впереди своего войска, и ударили изъ 80-ти орудій — все польское войско пошло въ разсыпную. «Такого страшнаго огня мы отродясь не видывали», говорили поляки.

Тѣмъ не менѣе въ Польшѣ и это дѣло въ «Народовой га-

зетѣ» оглашено побѣдою поляковъ надъ москалями. Разбитое войско отступило къ Гродно и генералъ Юдицкій окончилъ свое военное поприще. Его смѣнили. Вмѣсто него назначили главнокомандующимъ литовскаго войска Михаила Забѣлло.

Генералъ Меллинъ послѣ побѣды подъ Миромъ прибылъ въ Новогродекъ, занялъ этотъ городъ 20-го іюня (2 іюля н. ст.) и разослалъ приказъ ко всѣмъ обывателямъ новогродскаго воеводства, назначая имъ двухъ-недѣльный срокъ, въ который они должны были явиться въ Новогродекъ и заявить покорность волѣ всемилостивѣйшей россійской императрицы, которая, какъ сказано было въ приказѣ, изъ состраданія къ упадающему польскому народу послала свои войска не для разоренія края, а для спасенія погибающей свободы и оказанія помощи тѣмъ, кто прибѣгнетъ къ ея высокому покровительству. «Я совѣтую и прошу, писалъ графъ Меллинъ, всѣхъ обывателей, желающихъ сохранить жизнь, имущество и свободу, пожаловать въ Новогродекъ къ назначенному сроку, не подвергаясь поступленію съ собою, какъ съ врагами отечества». Этотъ приказъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, велѣно было ксендзамъ и русскимъ священникамъ читать въ храмахъ съ амвона.

Назадъ тому двѣнадцать дней, 8-го іюня, въ томъ же Новогродкѣ съѣзжались дворяне новогродскаго воеводства, и составили актъ, подписанный сто семидесятью особами, гдѣ обѣщали стоять за конституцію 3-го мая. «А если бы насиліе чужого оружія — сказано было въ этомъ актѣ — или внутренней измѣны, подкрѣпленной чужими, вынудило у какого-нибудь обывателя какое-нибудь отреченіе или поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи 3-го мая 1791 года, все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ глазахъ отечества и свѣта». Теперь литовскіе дворяне спѣшили, кто въ Вильну, кто въ Новогродекъ, ради спасенія своихъ имѣній заявлять покорность русской государынѣ, а между тѣмъ въ Гродно, гдѣ была тогда главная квартира литовской арміи, подъ ея прикрытіемъ собрались друзья конституціи 3-го мая, и 19-го іюня составили актъ, написанный вычурнымъ слогомъ, гдѣ жаловались на русское войско, которое приневоливало обывателей подписывать конфедерацію; они протестовали предъ Богомъ, мстителемъ несправедливости, передъ народами, государствами и правителями, чтобы всѣ знали, какъ имъ больно разставаться съ конституціею 3-го мая. Въ этомъ актѣ, какъ и въ новогродскомъ, сказано было: «А если бы когда-нибудь, отъ кого-нибудь насиліемъ чужого оружія или внутренней измѣны, подкрѣпляемой чужими, вынудили какое-нибудь отреченіе, или какой-ни-

будь поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи, то все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ очахъ отечества и свѣта». Такъ поляки приготовляли себѣ лазейки на будущія времена; можно было, склоняясь передъ насиліемъ, давать обѣщанія и присяги, а потомъ говорить, что это дѣлалось по принужденію и оправдывать нарушеніе присяги. Упрямыхъ хватали и привозили насильно; впрочемъ, враждебныя Россіи тогдашнія извѣстія единогласно говорятъ, что русскіе обращались кротко, вѣжливо и справедливо. За то свои поляки, приставшіе къ конфедераціи, позволяли себѣ грубости и даже безчеловѣчныя варварства. Такимъ показалъ себя нѣкто Пршисецкій; два года назадъ онъ судился въ люблинскомъ трибуналѣ и едва ушелъ отъ казни; теперь, назвавшись маршаломъ конфедераціи, онъ наѣзжалъ на дворы обывателей, которые показывали себя приверженцами конституціи, и производилъ грабежи. Графъ Мануцци, надъ которымъ за недоброжелательство къ конституціи издѣвались виленскіе мѣщане, выпекалъ глаза мѣщанамъ принадлежавшаго ему мѣстечка за то, что тѣ, опираясь на права, предоставленныя мѣщанскому званію конституціею 3-го мая, подали на него жалобу за причиняемыя отъ него утѣсненія. Въ памятникахъ того времени осталось очень характерное письмо какого-то Якутовича изъ Клосова къ Северину Ржевускому. Укоряя его за произведенную въ государствѣ смуту, онъ такъ описываетъ свое положеніе: «сожгли мой домикъ, мои амбары, забрали во дворѣ и въ деревнѣ птицу и скотъ, потравили луга и нивы, а меня самого казаки связали, привезли въ Вильну и тамъ меня розгами принудили подписывать реконфедерацію и отреченіе отъ конституціи 3-го мая, которой я присягнулъ добровольно. Моя невѣстка со страха выкинула и умерла, а сынъ мой, ея мужъ, убитъ на службѣ въ литовскомъ войскѣ. Уже вотъ три раза терпитъ мой фольваркъ; первый разъ при Лещинскомъ, другой во время конфедераціи при нынѣшнемъ королѣ, а теперь въ третій разъ, я потерялъ болѣе, чѣмъ на 30,000 злотыхъ. Бѣда намъ, убогой шляхтѣ, но бѣда и вамъ, великіе паны! Кровь наша и слезы наши предстанутъ предъ лицомъ Божіимъ и мщеніе небесное падетъ на головы ваши и дѣтей вашихъ. Не стану входить съ вами въ разсужденія: сами знаете, что дурно дѣлаете. *Польша нѣкогда войдетъ въ вѣчное соединеніе съ Россіею, выгодное обоимъ народамъ*, и тогда вы будете презираемы, а намъ воздадутъ честь за доблесть нашу».

Когда Коссаковскій занялъ Вильну, а Меллинъ Новогродекъ, Ферзенъ подступилъ къ Несвижу. Замокъ несвижскій располо-

женъ на удобномъ къ защитѣ мѣстѣ; съ двухъ сторонъ его окружалъ большой прудъ, съ третьей болото; отъ мѣстечка отдѣлялся онъ рвомъ, окруженнымъ палисадомъ, имѣлъ хорошій запасъ оружія, сорокъ девять пушекъ, гарнизонъ изъ восьмисотъ человѣкъ и много пороху. Комендантомъ былъ нѣкто Дедерко. Ферзенъ подошелъ къ Несвижу вечеромъ 17-го іюня, на другой день хотѣлъ-было спустить воду изъ пруда, но это оказалось неудобно. 19-го іюня онъ устроилъ баттарею у несвижскаго костела, находящагося въ мѣстечкѣ противъ воротъ замка, и за первыми выстрѣлами Дедерко выкинулъ бѣлое знамя. Русскіе вошли въ замокъ, въ обширныхъ залахъ радзивилловскаго дворца обезоружили всѣхъ, составлявшихъ гарнизонъ, и отпустили на всѣ четыре стороны, взявъ съ нихъ обязательство не воевать противъ русскихъ. Поляки, давши слово, поспѣшили въ полки, въ надеждѣ бить москалей. Дедерко прибылъ въ Гродно. Забѣлло хотѣлъ-было судить его, но получилъ изъ Варшавы приказаніе оставить всякое преслѣдованіе.

Изъ Несвижа Ферзенъ двинулся на Слонимъ и занялъ этотъ городъ 14 (24) іюня безъ сопротивленія, и нѣсколько дней русскіе веселились; балы, праздники, обѣды давались друзьями конфедераціи.

Между тѣмъ Долгорукій двинулся къ Гродно; Кречетниковъ далъ приказаніе обоимъ отрядамъ, Ферзена и Меллина, соединившись, тѣснить литовцевъ за Бугъ.

Новый предводитель литовской арміи, Забѣлло, раздѣлилъ свою армію на три части: оставилъ часть въ Гродно, другую послалъ къ Новогрудку, а третью самъ повелъ противъ Ферзена. Планъ этотъ, самъ по себѣ неумѣстный при слабыхъ силахъ литовскаго военачальника, совершенно ему не удался. Поляки сознаются, что имъ здѣсь, какъ и въ украинскихъ провинціяхъ, трудно было имѣть шпіоновъ и добывать вѣрныя вѣсти о движеніяхъ непріятельской арміи, тогда какъ, по выраженію одного изъ ихъ историковъ, Сулковскаго, вся окрестность была наполнена московскими шпіонами изъ русиновъ, служившими шпіонами русскимъ, и вообще въ народонаселеніи этого края было очень мало желанія защищать Польшу. Это приписывали сильному вліянію Щенснаго Потоцкаго; у него были тамъ имѣнія, и какъ сильный магнатъ, онъ имѣлъ громадное вліяніе на весь прилежащій край; такъ какъ въ Польшѣ шляхта издавна привыкла идти за тѣми знатными панами, которые были къ ней ближе, держали ее въ рукахъ своей силой и богатствами. Поссессоры и чиншовники Потоцкаго, когда ихъ призывали къ кон-

федераціи, были безъ дальнихъ разсужденій за то, за что́ былъ ихъ патронъ.

Командовавшій передовымъ отрядомъ литовской арміи маіоръ Ведельштедтъ хотѣлъ-было беречь переправу черезъ рѣку Зельву, но былъ опрокинутъ и примкнулъ къ Забѣлло, стоявшему подъ мѣстечкомъ Изабелинымъ. 25-го іюня (6-го іюля), Забѣлло уходилъ черезъ лѣсъ, Ферзенъ и Меллинъ его преслѣдовали, а между тѣмъ Долгорукій занялъ Гродно и, не останавливаясь въ немъ, выступилъ къ Крынкамъ по направленію къ югу, чтобъ перерѣзать путь литовскому войску. «Ужъ видно свыше такъ было опредѣлено, чтобы на насъ сыпались несчастія, говоритъ описывающій эти событія Сулковскій. Двѣ недѣли сряду была непогода, а тутъ наступила гроза съ проливнымъ дождемъ. Глинистые косогоры стали недоступными для артиллеріи. Войско шло по колѣни въ грязи, узкая дорога была завалена дохлыми лошадьми и опрокинутыми возами, отголоски выстрѣловъ изъ непріятельскихъ карабиновъ соединялись съ шумомъ ночной грозы; въ дополненіе безпорядка, наша артиллерія была въ полнѣйшемъ разстройствѣ, и жолнѣры, будучи не въ состояніи идти по дорогѣ, пустились черезъ лѣсъ безъ команды. Счастье наше, что москали, по своему обычаю, пропустили лучшее время уничтожить, по крайней-мѣрѣ, половину нашей арміи». Поляки приписывали это, между прочимъ, несогласіямъ, которыя были между предводителями русской арміи, Ферзеномъ и Меллинымъ.

Забѣлло послалъ отрядъ на Мстибову, чтобы занять Долгорукаго, а самъ усиленнымъ маршемъ спѣшилъ далѣе на западъ; потерпѣвши отъ грязи и непогоды, его войско стало терпѣть отъ зноя и жажды до того, что многіе приставали, а иные даже умирали. Польское военное начальство не подумало сдѣлать запаса воды на сутки. 2-го (13) іюля поляки дошли до города Бѣльска. Здѣсь предводитель раздѣлилъ свое войско: одну часть, подъ предводительствомъ своего родственника Шимона Забѣлло, отправилъ къ Бресту-Литовскому, а самъ съ другою 7-го (19-го) іюня сталъ на Бугѣ, у села Гранно.

Въ тоже время и въ русской арміи было сдѣлано раздѣленіе силъ. Ферзенъ получилъ приказъ идти къ Бресту и прикрывать генеральную конфедерацію, которая туда переходила, а Долгорукій и Меллинъ пошли на главныя литовскія силы. Забѣлло принялъ возможныя мѣры не пускать русскихъ черезъ Бугъ.

13-го (24-го) іюля русскіе открыли битву. Поляки разсказываютъ, что здѣсь они показали чудеса храбрости. Разсказы

эти и преувеличены и подозрительны, — во всякомъ случаѣ храбрость ихъ не имѣла никакихъ послѣдствій. Князь Долгорукій, перейдя черезъ Бугъ съ четырьмя тысячами, сталъ обходить ихъ правое крыло, а Забѣлло, сообразивъ, что цѣль сраженія—оборона переправы—не достигается, ушелъ поскорѣе къ Венгрову. Тутъ пришло къ нему извѣстіе изъ Варшавы о перемиріи; онъ отправилъ къ русскому военачальнику письмо и получилъ отъ него отвѣтъ, что ему не мѣшаютъ идти къ Варшавѣ, а въ противномъ случаѣ будутъ дѣйствовать оружіемъ. Черезъ нѣсколько времени къ нему прислано было предложеніе отъ гетмана Коссаковскаго вступить съ нимъ въ разговоръ. Вечеромъ произошло свиданіе враговъ. Коссаковскій показалъ ему письмо короля, гдѣ онъ просилъ Забѣлло, какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало, спѣшить къ Варшавѣ, и прибыть туда не позже 1-го августа.

VII.

Финансовыя затрудненія. — Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго.—Переговоры съ Булгаковымъ. — Письмо къ Екатеринѣ.—Отвѣтъ ея.—Король приступаетъ къ конфедераціи. — Бѣгство патріотовъ. — Впечатлѣніе событій [1]).

Въ то время, какъ польскія войска такъ неблистательно защищали падающее бытіе Рѣчи-Посполитой, король, получивъ отъ сейма диктаторскую власть, колебался то въ ту, то въ другую сторону. Денегъ не доставало. Попытка займа въ Голландіи окончательно не удалась. Надежды на него не было никакой; тѣ средства, которыя присылались жертвователями, были крайне малозначительны. Во всемъ мазовецкомъ княжествѣ, напримѣръ, собрано было по іюль мѣсяцъ всего 34,379 злотыхъ кромѣ необходимыхъ приношеній оружіемъ. Скарбовая коммиссія объявила заемъ внутренній, предложивъ, чтобы приносили къ ней не менѣе 500 злотыхъ и на эти взносы она будетъ выдавать знаки, приносящіе проценты 7%; военная коммиссія приходила безпрестанно въ недоумѣнія съ скарбовою; еще 6-го мая скарбовая коммиссія доносила Стражѣ, что за выдачами для военнаго дѣла она не въ силахъ будетъ выдавать на жалованье войску. Такое же замѣчаніе отъ той же коммиссіи послѣдовало 21-го мая, между тѣмъ требованія болѣе и болѣе увеличивались, а средства полученія доходовъ умалялись.

---

[1]) См. источ. 18, 81, 28, 49, 80, 115, 25; дѣла сейма и Стражи, хран. въ Литовской Метрикѣ.

Тарговицкая конфедерація успѣла парализовать экономическія силы противной стороны. Изъ тѣхъ воеводствъ, которыми овладѣла конфедерація, скарбовая коммиссія не получала ни гроша: все уже шло въ казну конфедераціи; въ тѣхъ же краяхъ, которые еще оставались за правительствомъ, припрятывали деньги, уклонялись отъ платежей, разсчитывали, что если конфедерація возьметъ верхъ, то придется платить ей и слѣдовательно поплатиться вдвойнѣ. Угрожающій универсалъ конфедераціи, гдѣ вмѣнялся въ преступленіе платежъ податей правительству, удерживалъ многихъ отъ такого платежа; къ тому же, многіе сборщики податей, почуявъ въ рукахъ у себя деньги, заблагоразсудили воспользоваться положеніемъ дѣлъ и перешли въ конфедерацію, обративъ собранныя деньги въ свою частную собственность. Наконецъ, нѣкоторые патріоты попользовались казною, собранною для военнаго дѣла. Аббатъ Пьятоли какъ увидалъ, что въ Польшѣ дѣло не клеится, подобралъ къ рукамъ своимъ значительную сумму и уѣхалъ изъ Польши вмѣстѣ съ Мостовскимъ въ Дрезденъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы, развѣдавши тамъ о состояніи дѣлъ, ѣхать въ Берлинъ обращать своимъ дипломатическимъ искусствомъ берлинскій кабинетъ въ пользу Польши. Въ самомъ же дѣлѣ Пьятоли, какъ разсчетливый авантюристъ, хотѣлъ заранѣе уйти подальше не хлебавши той каши, которую варилъ вмѣстѣ съ другими. Тѣ, которые мѣряли умъ искусствомъ пользоваться обстоятельствами не разбирая средствъ, говорили: «онъ теперь составилъ себѣ состояніе тысячъ на сорокъ червонныхъ злотыхъ и разумѣется не воротится къ намъ, если не сдѣлается глупцомъ». Въ первыя недѣли послѣ закрытія сейма, король то готовился ѣхать въ обозъ подъ Козеницами, то оставался въ своихъ Лазенкахъ и занимался тамъ своими прудами, картинами и статуями. Въ его жизни произошла теперь перемѣна. Послѣ многихъ сердечныхъ переворотовъ, король въ послѣднее время былъ подъ вліяніемъ пани Грабовской (урожденной Шидловской). Сдѣлавшись его женою (не королевой), она, не мѣшаясь въ интриги, не придерживаясь партій, постоянно, однако, внушала ему любовь къ отечеству, и ей-то, между прочимъ, онъ былъ обязанъ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ до сихъ поръ предавался дѣлу реформъ.

Но въ послѣднее время пріѣхала въ Варшаву французская эмигрантка дѣвица Люлли съ своею теткою. Это была восьмнадцатилѣтняя особа необычайной красоты, несмотря на свою молодость, владѣвшая въ высокой степени женскимъ умѣньемъ завлекать и привязывать. Король плѣнился ею; родные, особенно

братья напрасно хотѣли остановить его. Не жаль ему было Грабовской, m-lle Люлли овладѣла старымъ женолюбцемъ, сосала изъ него подарки, въ противоположность пани Грабовской, которая сама много отдавала на пользу отечества; француженка потребовала пышныхъ экипажей, арабскихъ лошадей, бриллiантовыхъ серегъ, браслетовъ. Король, который былъ уже и безъ того, какъ говорится, въ долгу, какъ въ шелку, удовлетворялъ прихоти своей возлюбленной, похищая общественныя деньги, врученныя въ его распоряженіе. Чуждая Польшѣ, она останавливала его отъ порывовъ отчизнолюбія, и направляла къ эгоистичнымъ цѣлямъ. Она была одною изъ причинъ, почему король не имѣлъ духа выѣхать изъ Варшавы и колебался, не зная, за что взяться, куда прильнуть. Кружокъ, раздѣлявшій съ нимъ совѣты о государственныхъ дѣлахъ, дѣлился на двѣ партіи и тянулъ слабаго короля въ разныя стороны. Малаховскій, Коллонтай, Потоцкіе, Сапѣга убѣждали его отважиться и ѣхать въ армію; Тышкевичъ, Анквичъ, канцлеръ Малаховскій, Дзѣконскій, Хребтовичъ представляли ему, что надобно постараться во что бы то ни стало помириться съ Екатериною. Король былъ утромъ въ одномъ, вечеромъ въ иномъ расположеніи духа, то возбуждалъ народъ къ отпору русскому войску, то посылалъ Понятовскому приказы отступать и не раздражать русскихъ. Первыя непріятныя извѣстія о неудачѣ, о взятіи Вильны, о дурныхъ оборотахъ литовскаго войска, испугали короля и пановъ: когда 7-го (19-го) іюня, въ засѣданіи военнаго совѣта, курьеръ, прибывшій съ поля битвы, краснорѣчиво, разсказывалъ о неутѣшительномъ состояніи польской арміи и о силѣ русскихъ, на всѣхъ нашелъ ужасъ, говоритъ генералъ Комаржевскій. Сверхъ того, изъ Петербурга, отъ Деболи, присланы были новыя угрожающія вѣсти; онъ писалъ, что любимецъ императрицы Зубовъ, и съ нимъ по-русски мыслящая партія побуждаютъ Екатерину присвоить Украину. «Надобно опасаться, писалъ Деболи, чтобы императрица не схватилась за эти совѣты, и хотя въ послѣдней деклараціи она увѣряетъ, будто не хочетъ овладѣвать землею нашею, но сомнительно, чтобы Москва не покусилась теперь пріобрѣсть Украину; а тогда и королю прусскому уступятъ Гданскъ и Великую Польшу, да и венгерскому королю что-нибудь посулятъ за нанесеніе вреда Франціи».

Пока Игнатій Потоцкій былъ въ Берлинѣ, надежда на помощь Пруссіи, хотя и при сомнѣніяхъ, не покидала поляковъ. Прибывши въ прусскую столицу, Игнатій не засталъ тамъ Фридриха-Вильгельма, совершавшаго путешествіе въ Померанію. Министръ Шуленбургъ съ перваго же раза обдалъ Потоцкаго холодомъ и замѣтилъ, что поляки не могутъ получить отъ Прус-

сіи рѣшительнаго отвѣта: послѣдней нужно напередъ снестись съ Австріею. Потоцкій однако дождался возвращенія короля, добился у него аудіенціи. Его приняли любезно, если вѣрить ему самому. Фридрихъ-Вильгельмъ замѣтилъ, что носятся слухи, будто польскій король началъ сношенія съ Россіею, но онъ этому не вѣритъ. Поговоривъ нѣсколько съ Потоцкимъ и не сказавъ ничего опредѣлительнаго, прусскій король назначилъ ему конференцію съ Шуленбургомъ. Потоцкому дали такой отвѣтъ: «прусскій король не считаетъ себя обязаннымъ къ исполненію союзнаго договора, заключеннаго къ 1790 году, потому что онъ договаривался съ республикою, а послѣ того Польша превратилась въ монархическое государство». При этомъ было Потоцкому поставлено на видъ, что въ Польшѣ распространились французскія демократическія идеи въ такомъ размѣрѣ, который не позволяетъ сосѣднимъ государствамъ оставаться равнодушными. Указывали на допущеніе мѣщанскаго сословія къ равнымъ правамъ съ дворянскимъ. Люккезини впослѣдствіи говорилъ въ Варшавѣ, что прусскій король сказалъ или приказалъ тогда сказать Потоцкому: «вы напрасно трудились ѣздить въ Берлинъ; есть прусскій посланникъ въ Варшавѣ, облеченный королевскимъ довѣріемъ». Потоцкій былъ отпущенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставленъ былъ чрезъ Люккезини польскому королю отвѣтъ отъ прусскаго такого содержанія:

«Съ великимъ сожалѣніемъ изъ письма вашего величества, поданнаго маршаломъ Потоцкимъ, узнали мы о печальномъ состояніи, въ какое поставлена Польша возникшею войною; но это надобно было предвидѣть со времени перемѣнъ произведенныхъ въ Польшѣ назадъ тому уже годъ. Потрудитесь ваше величество припомнить, что, по многимъ поводамъ, маркизъ Люккезини имѣлъ отъ меня порученіе сообщить вамъ мои предостереженія на счетъ новаго порядка. Съ того времени, какъ водвореніе мира въ Европѣ дало мнѣ возможность ясно понять, что россійская императрица оказывала постоянное недоброжелательство къ постановленіямъ 3-го мая, образъ мыслей моихъ и моихъ министровъ никогда не измѣнялся и вникая въ новую конституцію, которую Рѣчь-Посполитая измыслила безъ моего вѣдома, безъ моего вліянія, я никогда не думалъ ее поддерживать и защищать. Напротивъ, я предсказывалъ, что угрожающія выходки и приготовленія къ войнѣ, къ чему не разъ приступала Рѣчь-Посполитая, безспорно, навлекутъ неудовольствіе россійской императрицы и повергнутъ Рѣчь-Посполитую въ тѣ несчастія, которыхъ она хотѣла избѣжать. Послѣдствія оправдали эти вѣрные взгляды, и въ настоящихъ обстоятельствахъ нельзя не сознаться, что если

бы не новый образъ правленія и не новыя заявленія о готовности его поддерживать, петербургскій дворъ никогда бы не прибѣгнулъ къ тѣмъ мѣрамъ, какія предпринялъ теперь. Хотя расположеніе вашего королевскаго величества меня сильно обязываетъ и хотя я принимаю участіе во всемъ, что только касается благосостоянія Польши, но ваше королевское величество сами убѣдитесь, что учрежденія, установленныя съ того времени, какъ я вступилъ въ союзъ съ Польшею, и настоящія обстоятельства, вызванныя конституціею 3-го мая, возникли позже договора, заключеннаго со мною, и самая эта конституція не согласна съ этимъ договоромъ; а поэтому удовлетвореніе ожиданій вашего королевскаго величества не составляетъ моей обязанности, преимущественно же въ такомъ случаѣ, если желанія патріотической партіи неизмѣнны и если она будетъ упорно добиваться во что бы то ни стало отстоять свое дѣло. Но если, возвращаясь къ прежнему порядку, патріоты примутъ во вниманіе, что для нихъ со всѣхъ сторонъ возникаютъ затрудненія, я готовъ обратиться къ россійской императрицѣ и въ то же время войти въ объясненія съ вѣнскимъ дворомъ, съ цѣлію уладить взаимные интересы и согласиться въ пріисканіи средствъ, могущихъ дать Польшѣ прочное спокойствіе».

Прусскій король отказалъ на отрѣзъ въ просьбѣ объ оружіи и не допустилъ генераламъ Калькрейту и Гайнану служить въ польскомъ войскѣ, какъ того домогались поляки. На это имъ отвѣчали, что генералы эти имѣютъ особыя назначенія. Изъ королевскихъ писемъ того времени видно, что при дворѣ прусскомъ всѣ министры и вліятельные люди оказались тогда недоброжелателями Польши и даже самъ Бишофсвердеръ.

Не болѣе успѣха получили поляки и въ сношеніяхъ съ Австріею. Еще прежде Кобенцель выговаривалъ Войнѣ, что поляки болѣе довѣряли Пруссіи, чѣмъ Австріи и замѣтилъ, что у нихъ существовали замыслы отнять у Австріи Галицію. Война увѣрялъ, что этого не было. «Мы сохраняли, говорилъ онъ, добрыя отношенія къ Пруссіи, слушаясь совѣтовъ вѣнскаго двора». Но этимъ онъ не расположилъ австрійскій кабинетъ къ Польшѣ. Кауницъ отпускалъ насмѣшки надъ приготовленіями поляковъ къ войнѣ и называлъ польское войско ксерксовымъ ополченіемъ. Чарторыскій, несмотря на свое давнее знакомство съ Вѣною, не возбудилъ своимъ посольствомъ большаго вниманія къ Польшѣ. Напрасно онъ дѣлалъ намеки, что поляки готовы избрать себѣ въ короли кого-нибудь изъ австрійскихъ принцевъ. Австрійскіе дипломаты слишкомъ хорошо понимали положеніе поляковъ, не вѣрили польскимъ сеймамъ, не цѣнили польской короны и не

прельщались никакими видами. Австрія нуждалась въ Россіи, потому что послѣдняя была ея союзницею въ коалиціи противъ Франціи и Австрія должна была дозволить Россіи и Пруссіи распространять свои предѣлы на счетъ Польши, ради того, чтобы ее самую допустили овладѣть сѣверными французскими провинціями и присоединить ихъ къ своимъ бельгійскимъ владѣніямъ или же провести свои виды на Баварію, которую думала промѣнять на Бельгію. Между дворами шли тогда переговоры о томъ, что̀ кому слѣдуетъ отдать. Это называлось на дипломатическомъ языкѣ вознагражденіемъ (indemnité, Entschädigung) за издержки на войну противъ Франціи. Австрія хотя и побаивалась Россіи, чтобы послѣдняя, вмѣшиваясь въ дѣла Польши, не утвердилась до того, что потомъ не будетъ нуждаться въ содѣйствіи сосѣдей; но такъ какъ у Австріи шло дѣло объ увеличеніи своей территоріи посредствомъ вмѣшательства во французскія дѣла, поэтому она и не могла заявлять ничего противнаго Россіи, союзъ который былъ для нея важенъ. Выходило, что и для Австріи, какъ для Пруссіи Польша была въ будущемъ матеріаломъ вознагражденія за издержки, понесенныя коалиціею противъ Франціи.

Изъ Константинополя Петръ Потоцкій извѣщалъ, что всѣ его попытки подѣйствовать на Турцію оказываются безуспѣшными, и, 13-го іюля, Станиславъ-Августъ писалъ къ своимъ ближнимъ, что на Турцію нѣтъ ни малѣйшей надежды и надобно отозвать польское посольство изъ Константиноволя: оно обходилось очень дорого.

Маршалъ Потоцкій прибылъ въ Варшаву изъ своей берлинской миссіи въ совершенномъ отчаяніи относительно Пруссіи. Патріоты, собравшись у короля, сожалѣли о своей довѣрчивости къ прусскому королю, называли его измѣнникомъ. Между тѣмъ королю донесли, что прусскія войска приближаются къ польской границѣ. Станиславъ-Августъ послалъ къ Люккезини Дзѣдушицкаго спросить его: правда ли это? — «Я объ этомъ не знаю — сказалъ Люккезини — но вотъ австрійскій посланникъ Декаше́ показывалъ мнѣ свою депешу, которую въ свое время долженъ сообщить и вамъ. Въ ней говорится, что если Польша приступитъ къ вооруженію крестьянъ и вообще прибѣгнетъ къ какимъ-нибудь сильнымъ мѣрамъ въ такомъ родѣ — вѣнскій дворъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ и долженъ будетъ принять съ своей стороны нѣкоторыя мѣры, чтобы воспрепятствовать распространенію безпорядковъ. Скажу вамъ: если у васъ будутъ составляться реконфедераціи, то, вѣроятно, и я получу отъ сво-

его двора депешу, подобную той, какую получилъ г. Деваше отъ своего».

Маршалъ Потоцкій, бывшій до сихъ поръ такимъ свирѣпымъ врагомъ русской государыни, первый тогда подалъ совѣтъ обратиться къ Россіи. Коллонтай былъ того же мнѣнія. Тѣ, которые и прежде были за примиреніе съ Россіею, побуждали короля поскорѣе начать переговоры съ нею. Изливаясь въ проклятіяхъ на прусскаго короля, они даже стали надѣяться, что съ помощью Россіи можно будетъ отомстить коварному сосѣду, такъ что онъ дорого поплатится за свое предательство. Маршалъ Потоцкій, находя что теперь необходимо просить у Россіи пощады, хотѣлъ однако, чтобы при этомъ сохранено было достоинство независимой Рѣчи-Посполитой и въ то же время оставлялъ лазейку и для Пруссіи: его и сообщниковъ его утѣшало еще то, что послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ не дали отпуска, когда онъ просилъ его, и замѣтили, что онъ не долженъ показывать этимъ, какъ будто бы Польша находится въ разладѣ съ Пруссіею. Изъ этого заключили, что прусскій король, побаиваясь Екатерины, соображалъ, что быть можетъ еще встрѣтятся обстоятельства, когда ему придется прикрѣпиться къ тому союзу съ Польшею, на который Польша постоянно ссылалась. Послѣ споровъ и толковъ, рѣшились послать Хребтовича къ Булгакову.

Литовскій подканцлеръ явился къ русскому послу 7-го (19-го) іюня ночью, и просилъ перемирія.

«Я не имѣю на то полномочія отъ государыни, отвѣчалъ Булгаковъ.—Нужно прежде раскаяться всѣмъ и принять за основаніе декларацію, мною поданную».

— Король, сказалъ Хребтовичъ, желаетъ прекратить кровопролитіе. Имѣютъ ли русскіе генералы полномочіе заключить перемиріе?

«Мнѣ неизвѣстны ихъ инструкціи, сказалъ Булгаковъ, но я думаю, они сходны съ моими. Отъ васъ все зависитъ,—войска русскія вошли къ вамъ дружески».

— Дайте намъ совѣтъ, что намъ дѣлать? спросилъ Хребтовичъ.

«Одинъ совѣтъ могу дать, сказалъ русскій посолъ; — не теряя времени прибѣгните къ великодушію императрицы, которое всему свѣту извѣстно. Нужно только съ вашей стороны нелицемѣрное чистосердечіе и добрая воля».

Хребтовичъ сказалъ:—Уже не только король,—самъ Малаховскій и Коллонтай и другіе зачинщики склонны прибѣгнуть и отдаться на волю ея величества.

«Если въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ Булгаковъ, я готовъ вамъ служить».

— Мы сами видимъ, сказалъ Хребтовичъ, что нѣтъ намъ иного спасенія. Я такъ и прежде думалъ, и за то подвергался злобѣ. Король и всѣ истинно любящіе отечество хотятъ предложить польскій тронъ великому князю Константину Павловичу и просятъ императрицу учредить прочное правленіе въ Польшѣ. Если же это встрѣтитъ какое-нибудь политическое препятствіе, или просто не будетъ угодно императрицѣ, то мы просимъ выбрать намъ въ государи, при нынѣшнемъ королѣ, кого угодно. Если государыня и на это не согласится, то пусть заключится союзъ съ Россіею вѣчный или временный на какихъ угодно основаніяхъ, съ обязанностью взаимной помощи другъ другу, съ правомъ прохода русскимъ войскамъ черезъ владѣнія Рѣчи-Посполитой какъ бывало прежде, и съ выгоднымъ торговымъ трактатомъ. Иначе: если и того не угодно,—пусть Россія перемѣнитъ намъ правленіе и выброситъ изъ него что угодно; если же наконецъ и это не понравится, мы предаемся неограниченной волѣ государыни, ея великой мудрости и неизреченнымъ щедротамъ.

На все это Булгаковъ сказалъ: «Я не знаю высочайшей воли и остаюсь пока въ почтительномъ молчаніи, а изъ того что вы сказали, послѣднее лучше всего. Союзный трактатъ существуетъ между нами, несмотря на дерзкій поступокъ настоящаго сейма; но если окажется потребность расширенія его, государыня не будетъ противиться. Независимость и вольность ваша тѣмъ и утверждается, что всякій сеймъ собирается изъ новой партіи и отмѣняетъ прежнее только единогласіемъ; однако нынѣшній сеймъ не годится; нужно составить новый съ помощію генеральной конфедераціи».

— Этого мы и боимся,—сказалъ Хребтовичъ,—кто будутъ въ новомъ сеймѣ? Все такіе же поляки, та же злоба, тѣ же легкомысленныя личности, собственный интересъ. Они могутъ сочинить конституцію еще похуже, а мы желаемъ, пусть ея величество поправитъ намъ форму правленія или дастъ готовую.

«Основательна ваша боязнь, — сказалъ Булгаковъ, — но теперь вамъ нечего бояться конфедераціи; она составилась подъ покровительствомъ государыни и не выступитъ изъ тѣхъ предѣловъ, какіе сама себѣ предписала и изъ декларацiи, которая должна служить всему основаніемъ. Россійскій министръ будетъ имѣть за нею смотрѣніе и не допуститъ, чтобы сеймъ будущій былъ подобенъ нынѣшнему, на которомъ, при отсутствіи благомыслящихъ, часто двадцать человѣкъ сеймующихъ постановляли законы. Чрезвычайно полезно было бы, если бы король препро-

водилъ государынѣ предложенія, исполненныя не краснословія, но искренности».

Прошло два дня послѣ того; король получилъ новыя непріятныя извѣстія изъ Украины о пораженіи на Борушковской плотинѣ, и объ оставленіи Полоннаго. Это сдѣлало короля и его окружающую среду еще уступчивѣе. 10-го числа, вечеромъ Хребтовичъ представилъ Булгакову проектъ письма къ государынѣ и записку съ предложеніями. Посолъ нашелъ письмо короля темнымъ и не сходнымъ съ тѣмъ, что говорилъ Хребтовичъ; онъ понялъ, что поляки хотятъ хитрить, и сказалъ:

«Эти пьесы не походятъ на то, что было условлено между нами, и не произведутъ дѣйствія на ея величество. Всё это перепутано маршаломъ Потоцкимъ; онъ хоть и согласенъ съ королемъ на поступокъ, но совѣтуетъ не забывать республики и равенства съ прочими державами».

— Король, — сказалъ Хребтовичъ,—велѣлъ сказать, что онъ перемѣнитъ все, когда вы найдете нужнымъ.

«Да, сказалъ Булгаковъ. Если король признаетъ мое мнѣніе для себя нужнымъ, пусть держится того, что мы вчера съ вами говорили; пусть король прежнее подпишетъ или включитъ въ свое письмо».

Хребтовичъ вышелъ и воротившись черезъ нѣсколько часовъ, привезъ Булгакову черновое письмо. Булгаковъ самъ сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній и отдалъ Хребтовичу.

Послѣ того, ему доставили пакетъ для доставленія государынѣ и просили съ своей стороны ходатайствовать и свидѣтельствовать о чистосердечіи намѣреній польскаго короля.

Хребтовичъ коснулся Пруссіи, увѣрялъ, что теперь всѣ начинаютъ злиться на Пруссію, всѣ жалѣютъ, зачѣмъ слушали внушеній противъ Россіи со стороны Пруссіи, и намекалъ на желаніе поляковъ, чтобы Россія отомстила Пруссіи за ея козни.

«Я прошу васъ не заблуждаться, — сказалъ Булгаковъ — и не думать, чтобы Россія, для извиненія передъ свѣтомъ сумасбродствъ нынѣшняго сейма, захотѣла когда-нибудь помочь вамъ въ мщеніи прусскому королю вооруженною рукою».

Въ письмѣ, посланномъ государынѣ, послѣ перваго вступленія, Станиславъ-Августъ припоминалъ прежде всего русской государынѣ то писаніе, которое онъ подалъ ей на галерѣ въ Каневѣ, и замѣтилъ, что если его усилія не осуществили этотъ планъ, то вина была не его. «Вамъ, государыня,—говорилъ онъ затѣмъ — нужно имѣть вліяніе на Польшу и безпрепятственно проводить черезъ нее свои войска, всякій разъ, когда вамъ будетъ угодно заняться Турціею или Европою, а намъ нужно из-

бавиться отъ безпрестанныхъ потрясеній, которыя неизбѣжно у насъ происходятъ въ каждое безкоролевье, оттого, что мы приглашаемъ вмѣшиваться въ наши дѣла сосѣдей и сами вооружаемся другъ противъ друга. Намъ нужно правленіе, устроенное внутри лучше, чѣмъ-то, которое было у насъ до сихъ поръ. Дайте намъ въ наслѣдники мнѣ вашего внука, князя Константина, пусть вѣчный союзъ соединитъ двѣ страны, и къ этому присоединится взаимно-полезный торговый договоръ; нѣтъ нужды говорить, что обстоятельства дѣлаютъ исполненіе этого плана легкимъ. Не мнѣ давать совѣты или указывать виды вашему величеству. Я обращаю къ вамъ теплыя мольбы: удостойте выслушать меня и войти въ мое положеніе. Сеймъ поручилъ мнѣ власть заключить, безъ его участія, перемиріе, а не окончательный миръ. Я начинаю съ просьбы даровать намъ перемиріе, а за остальное отвѣчаю я, лишь бы вы мнѣ дали время и средства. Въ настоящее время происходитъ великая перемѣна въ умахъ и вы можете быть увѣрены, что энтузіазмъ къ тому, что я предложилъ вамъ, будетъ еще больше, чѣмъ къ тому, что до сихъ поръ совершено сеймомъ. Но не скрою отъ васъ: если вы станете требовать строго того, что изложено въ декларацiи, тогда не въ моей власти будетъ исполнить то, что я желалъ бы сдѣлать.

«Я знаю, вы можете думать, что силы, которыя у васъ въ рукахъ, достаточны для того, что требуетъ декларація, безъ всякихъ уступокъ. Но на это мнѣ остается отвѣчать надеждою, что ваше сердце, которое, какъ я льщу себя, мнѣ извѣстно, не предпочтетъ путей крайней строгости путямъ кроткимъ, сообразнымъ съ вашею славою и нашими желаніями. Еще разъ повторяю, не отриньте, заклинаю васъ, моей усердной мольбы, дайте намъ перемиріе какъ можно скорѣе; смѣю повторить, все, что я вамъ предложилъ, будетъ принято и исполнено націей, лишь бы вы снисходительно удостоили принять средства, нами представленныя».

«Польша у ногъ вашего величества, — писалъ Булгаковъ Екатеринѣ, — я не думалъ, чтобы такъ рано это сдѣлалось.»

Письмо короля къ Екатеринѣ было подписано 11-го (22-го) іюня. Нѣсколько дней потомъ поляки утѣшали себя инымъ. Въ тотъ самый день, какъ написано было письмо по исправленной Булгаковымъ редакціи, король получилъ донесеніе отъ Іосифа Понятовскаго о дѣлѣ подъ Зеленцами, единственномъ, сколько-нибудь удачномъ дѣлѣ поляковъ въ этой войнѣ. Оно представлено было, какъ водится, въ преувеличенномъ видѣ и поляки воображали, что москали, потерявъ, какъ имъ было донесено, до 4,000 въ стычкѣ, стоив-

шей полякамъ не болѣе 800 человѣкъ, согласятся на перемиріе, размысливъ, что не легко воевать съ такими храбрецами.

Люккезини и послѣ королевскаго письма не переставалъ все-таки нѣкоторое время кружить полякамъ головы. Перехваченное письмо виртембергскаго принца къ прусскому королю отдано было Люккезини по его требованію, и прусскій посолъ при свиданіи съ королемъ, замѣтивъ слегка о неудовольствіи своего короля за то, что вскрываютъ письма, адресованныя къ къ нему, сказалъ: «Я, однако, получилъ отъ короля своего письмо, гдѣ онъ положительно отрекается отъ всего, что бы могли приписывать ему въ поступкахъ принца виртембергскаго, котораго онъ, независимо отъ интереса къ нему, какъ къ родственному лицу и брату великой княгини россійской, не хотѣлъ ни къ чему ни побуждать, ни останавливать въ его дѣйствіяхъ по отношенію къ его мудрой тещѣ?» Когда Станиславъ-Августъ навелъ разговоръ на письмо прусскаго короля, Люккезини сказалъ: «я самъ не знаю хорошо смысла конца письма его величества, короля моего, и если ваше величество уѣдете въ обозъ, нужно, чтобы здѣсь оставалось отъ васъ довѣренное лицо, съ которымъ бы я могъ говорить, когда будетъ необходимо.» Король указалъ на Хребтовича.

Эти ласковыя отношенія къ прусскому послу стали было оживлять легковѣрныхъ слабою надеждою, но 17-го (28-го) іюня, когда въ военномъ совѣтѣ хотѣли дѣлать распоряженія по поводу изъявленной дворянствомъ Великой Польши готовности вооружиться на защиту конституціи 3-го мая, Пруссія объявила черезъ своего посла, что прусскія войска войдутъ въ Польшу, если поляки не прекратятъ войны съ Россіею. Тогда король сообщилъ Люккезини о томъ, что онъ отправилъ къ императрицѣ просьбу о перемиріи и просилъ прусскаго посла, чтобы берлинскій кабинетъ ходатайствовалъ у нея объ амнистіи (o uproszeniu amnistyi). Съ своей стороны Декаше подтвердилъ то, что говорилъ о немъ Люккезини и показалъ Хребтовичу депешу, гдѣ было предписано ему, на случай если въ Польшѣ возникнутъ ложныя надежды и химерическіе планы, сообщить варшавскому двору, что его величество венгерскій и чешскій король, въ отношеніи польскихъ дѣлъ вообще и въ особенности по вопросу о престолонаслѣдіи, не имѣетъ другихъ взглядовъ кромѣ тѣхъ, которые показываютъ дворы петербургскій берлинскій. Но въ тоже время поляки получили изъ Вѣны ободрявшія ихъ слухи, будто Кейтъ говорилъ: если поляки продержатся противъ русскихъ недѣли двѣ, то найдутъ себѣ пріятелей.

Переходъ къ самоуниженію отъ задорнаго тона становился рѣзче по мѣрѣ того, какъ извѣстія изъ арміи приходили все

хуже. Пораженіе Юдицкаго, занятіе литовскихъ воеводствъ, одного за другимъ, наводило ужасъ, а съ западной границы приходили извѣстія, что прусскія войска подвигаются къ польскимъ предѣламъ. Средства истощались; они важны казались только на бумагѣ, но не удовлетворяли разнообразныхъ потребностей, возникавшихъ въ то время. Вслѣдъ за отправкою письма къ Екатеринѣ, король писалъ: «у насъ такъ мало денегъ, что мнѣ не съ чѣмъ подняться, чтобы ѣхать до Козеницъ, и потому мы перемѣняемъ мѣсто стана — заложимъ его въ Прагѣ, близъ самой Варшавы». Кавалерія, которая собиралась въ Козеницахъ, перешла въ Прагу, и къ ней присоединена была пѣхота, находившаяся въ Варшавѣ. Но этотъ обозишко (станъ), какъ называлъ его самъ король, въ десять дней едва могъ устроиться. Всего войска, по извѣстію короля, набралось въ немъ не болѣе пяти тысячъ. Хотя патріотическія газеты того времени и восхваляли всеобщую готовность поляковъ идти въ службу и проливать кровь за отечество, но, по свидѣтельству современника, близко знавшаго дѣла, Комаржевскаго, воззванія короля къ обывателямъ, порученія бывшимъ посламъ, разъѣхавшимся по воеводствамъ, о наборѣ охотниковъ и о снаряженіи изъ нихъ войска, мало принесли пользы: иные напрямикъ отказывались стоять за конституцію 3-го мая и перешли на сторону конфедераціи, другіе, и такихъ больше всего было, не отвѣчали на воззваніе ничѣмъ, выжидая, чья возьметъ; меньшая же часть показала свой патріотизмъ и дѣйствительно заявляла охоту служить отечеству, но просила у правительства денегъ и оружія, а правительство не могло дать ни того, ни другого.

23-го іюня, король издалъ универсалъ къ гражданско-военнымъ коммиссіямъ и вообще къ начальствующимъ надъ воеводствами, землями и повѣтами, предписывая собирать охотниковъ и препровождать, какъ можно скорѣе, въ обозъ въ Прагу, снарядивъ ихъ сколько возможно на счетъ получаемыхъ пожертвованій; потомъ разосланы были правила назначеннымъ надъ охотниками начальникамъ или региментарамъ, получавшимъ отъ короля патентъ на эту должность. Но съ каждымъ днемъ надежды умалялись. 11-го іюля король писалъ, что уже вся Литва и Украина потеряны и не могутъ доставлять ни гроша, а половина Польши безъ того уже совсѣмъ не платитъ поборовъ и не доставляетъ войска. Тарговицкая сторона повсюду начала брать верхъ, по мѣрѣ того, какъ узнавали навѣрное, что русскія войска берутъ верхъ надъ польскими.

Каждый день нетерпѣливо ожидали письма отъ императрицы и удивлялись, что долго оно не присылалось. Самъ Булгаковъ этому

дивился. Король и окружавшая его партія 3-го мая боялись, болѣе всего, чтобы императрица не отдала ихъ произволу конфедератовъ. Король ожидалъ отъ нихъ для своей особы всевозможнѣйшихъ униженій, а его сторонники опасались даже за жизнь.

Въ Варшавѣ уже не стало прежней горячности къ защитѣ отечества. Большинство роптало на короля и на патріотовъ, зачѣмъ раздражали Россію, зачѣмъ довѣряли Пруссіи. Только самые завзятые патріоты, подстрекаемые Малаховскимъ и Коллонтаемъ, для поддержки народнаго духа распускали ложные слухи, что Порта опять объявила Россіи войну, что французы побили союзниковъ и будутъ защищать Польшу, а Игнатій Потоцкій, бывъ у каштелянши Каминской, говорилъ: «вольно меня повѣсить, а я утверждаю, что мы выйдемъ счастливо изъ войны съ Россіею. Русскіе, если не будутъ побѣждены, то будутъ вырѣзаны всѣ вдругъ, тогда, когда имъ на мысль это не придетъ». Такія выходки повторяли другіе въ иныхъ домахъ, и Булгаковъ узналъ объ нихъ: на то у него были повсюду шпіоны, даже между прислугою Игнатія. Такимъ образомъ, мысль расправиться съ русскими, коварнымъ образомъ мирясь съ ними, уже тогда была брошена между поляками; съ тѣхъ поръ она возрастала, и какъ увидимъ, была приведена въ исполненіе въ свое время.

Наконецъ отвѣтъ императрицы былъ полученъ 12-го (24-го) іюля. Онъ былъ написанъ изъ Царскаго Села отъ 2-го іюля, и состоялъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Я получила письмо, которое вашему величеству угодно было писать ко мнѣ 22-го іюня н. с. Сообразно съ вашимъ желаніемъ уклоняюсь отъ всякихъ прямыхъ разсужденій о томъ, что произвело настоящій кризисъ въ дѣлахъ, но желаю въ свою очередь, чтобы средства соглашенія, предложенныя вашимъ величествомъ, были сообразны съ моими чистыми и прямыми намѣреніями, объявленными въ деклараціи, опубликованной мною въ послѣднее время въ Польшѣ. Слѣдуетъ возвратить Рѣчи-Посполитой ея древнюю свободу и ея форму правленія, гарантированную моимъ договоромъ съ нею и насильственно ниспроверженную революціею 3-го мая, съ попраніемъ самыхъ священныхъ законовъ и преимуществъ Pacta Conventa, къ точному соблюденію которыхъ обязываютъ васъ и права вашего величества и повиновеніе вашихъ подданныхъ. Только слѣдуя этимъ священнымъ и спасительнымъ видамъ, ваше величество можете убѣдить меня въ искренности расположенія, которое вы мнѣ свидѣтельствуете, и въ желаніи содѣйствовать дѣйствительному благу польской націи. Самая здоровая часть ея образовала конфедерацію для возстановленія правъ, неправедно

похищенныхъ. Я обѣщала ей мою помощь и буду оказывать ее со всею силою, насколько позволятъ мои средства. Льщу себя надеждою, что ваше величество не захотите ожидать послѣдней крайности для того, чтобы признать эти мѣры, и немедленнымъ приступленіемъ къ конфедераціи, составленной подъ моимъ покровительствомъ, поставите меня въ состояніе, согласно съ моимъ искреннимъ желаніемъ, быть вашего величества доброю сестрою, другомъ и сосѣдкою».

Письмо русской государыни пришло въ критическія минуты. Передъ тѣмъ только скарбовая коммиссія донесла Стражѣ, что у нея нѣтъ болѣе никакихъ фондовъ, она не можетъ отпускать на военныя потребности требуемыхъ суммъ и не въ состояніи выдавать войскамъ денегъ на обыкновенные раціоны и порціоны. Естественно, письмо Екатерины навело ужасъ. Сбылось то, чего король и виновники 3-го мая такъ боялись. Императрица предавала ихъ въ руки ненавистной для нихъ конфедераціи. О предложеніи возвести на польскій престолъ внука Екатерина не говорила ни слова. Поддѣть ее на эту удочку было невозможно.

Политика Екатерины не дозволяла ей допустить себя одурачить неловко скрытою хитростію, клонившеюся только къ тому, чтобы поссорить сосѣдей. Поляки на этотъ разъ хотѣли провести русскихъ тѣмъ же самымъ способомъ, какъ они въ XVII вѣкѣ провели ихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, обѣщавши сдѣлать его преемникомъ Яну Казимиру, но извѣстно, что два раза позволяютъ обманывать себя одной и той же сторонѣ только глупцы. Для Россіи уроки исторіи не проходили даромъ, особенно когда на ея престолѣ сидѣли умныя личности. Принять Россіи предложеніе поляковъ въ это время значило ни болѣе ни менѣе какъ завязать неминуемую войну съ Пруссіею и вѣроятно съ Австріею, и притомъ въ такое время, когда вообще въ Европѣ монархическимъ правленіямъ угрожала опасность, когда по нравственнымъ понятіямъ, проповѣдуемымъ тогдашними государями, въ томъ числѣ и Екатериною, на нихъ лежала обязанность передъ Богомъ и совѣстію защищать старые порядки, и поэтому, удаляясь отъ причинъ, могущихъ возбудить между ними несогласія, всѣмъ становиться подъ одно общее знамя. Сверхъ того, и безъ этого послѣдняго обстоятельства, если бы Россія и отважилась принять тогдашнее предложеніе поляковъ и чрезъ то нажила бы себѣ враговъ, то не было сомнѣнія, что въ числѣ этихъ враговъ стали бы также поляки.

Вице-канцлеръ Остерманъ тогда же писалъ къ Булгакову, что предложеніе короля не что иное какъ «ловушка, разставляемая намъ коварными его совѣтниками. Предлагать ея императорскому величеству избрать наслѣдникомъ польскаго престола ея внука,

великаго князя Константина, въ то время, когда она уже объявила, что главнѣйшая цѣль ея вооруженія есть возвратить старинные законы и порядокъ въ Рѣчи-Посполитой и въ томъ числѣ избирательное правленіе, не значитъ ли бросать подозрѣніе на ея безкорыстіе, воображать, что она думаетъ только объ обезпеченіи своей фамиліи (къ чему у нея средства есть и безъ того) и стараться подорвать доброе согласіе петербургскаго двора съ вѣнскимъ и берлинскимъ по польскимъ дѣламъ? Что же касается до перемирія, предлагаемаго королемъ, то между Россіей и Польшей нѣтъ войны вовсе. Россія находится въ полнѣйшемъ согласіи и дружественныхъ отношеніяхъ съ истинной Рѣчью-Посполитою и помогаетъ ей противъ внутреннихъ враговъ. Въ глазахъ ея величества одна конфедерація составляетъ Рѣчь-Посполитую, а потому отговорка короля, что ему дали право только заключить перемиріе, а не вѣчный миръ, не имѣетъ смысла». Остерманъ замѣчалъ при этомъ, что не слѣдуетъ терять времени; пусть король, приступя къ конфедераціи, скорѣе прекратитъ кровопролитіе, иначе своей медленностію онъ уменьшитъ къ себѣ великодушное вниманіе императрицы, которая до сихъ поръ удерживаетъ его на тронѣ, тогда какъ можетъ всегда столкнуть съ него.

Получивъ роковое письмо императрицы и объясненія на него отъ Булгакова, король собралъ маршаловъ сейма и маршаловъ конфедераціи, своего брата, примаса и министровъ, всего двѣнадцать человѣкъ. Король просилъ у нихъ совѣта, что̀ теперь дѣлать.

«Ничего не остается, какъ пожертвовать конституціею 3-го мая, для спасенія отечества», сказалъ примасъ.

«Ни одной минуты нельзя медлить, — приступить къ тарговицкой конфедераціи, чтобы избѣгнуть напраснаго кровопролитія», сказалъ канцлеръ Малаховскій.

«Я знаю одну законную конфедерацію, — сказалъ Игнатій Потоцкій, — всякая другая, хоть бы за нее было пять монархо̀въ, незаконна».

«Я давно былъ несогласенъ съ новою формою правленія; не надобно терять драгоцѣннаго времени», сказалъ Мнишекъ.

«И я всегда былъ противъ конституціи 3-го мая», сказалъ Тышкевичъ.

«Надобно во всемъ покориться волѣ государыни, — какъ она требуетъ, такъ и поступить», сказалъ Хребтовичъ.

Маршалъ Малаховскій спросилъ подскарбія: сколько въ скарбѣ денегъ въ наличности?

«301,000 злотыхъ», отвѣчалъ подскарбій.

«Этого мало», сказали всѣ.

«Если къ этому присоединить, сказалъ король, все что можно собрать, и тогда четырехъ недѣль нельзя содержать войска».

Коллонтай, такой горячій противникъ Россіи, теперь также совѣтовалъ королю поддаться волѣ превозмогающей силы.

Но маршалъ Малаховскій и теперь явился задорнымъ патріотомъ. Онъ во всю свою жизнь смотрѣлъ легкомысленно на окружавшую его среду, и теперь ему казалось, что далеко не все проиграно. «Наияснѣйшій панъ, говорилъ онъ, непріятель приближается къ намъ, но войско наше еще не совсѣмъ разбито, напротивъ, оно много одержало побѣдъ. Силы наши теперь соединены, а непріятель отдаляется отъ своихъ границъ и съ трудомъ можетъ получать продовольствіе. Притомъ, въ тылу у него Каменецъ-Подольскій, крѣпость, находящаяся въ нашихъ рукахъ; она можетъ служить мѣстомъ соединенія обывателей для охраненія отечества. Мы отъ нихъ можемъ надѣяться всего добраго, лишь бы они имѣли время выйти изъ перваго и минутнаго одуренія. Войско наше, стоя надъ Вислою, можетъ еще долгое время удерживать непріятеля въ значительномъ отдаленіи отъ столицы, лишь бы только обыватели Подоліи и Волыни одушевились и стали дѣятельными; непріятель, лишась средствъ получать оттуда продовольствіе, потерпитъ голодъ. Да, наконецъ, если бы и всѣ наши надежды были напрасны, если мы не въ состояніи побѣдить, развѣ не должно намъ погибать со славою? Входить съ Москвою въ переговоры—значитъ показать себя подлыми и добровольно положить ярмо на Польшу. Это путь вѣчнаго безчестья. Заклинаю ваше величество, поѣзжайте немедленно въ обозъ; не хочу, чтобы вы тамъ долго оставались: покажитесь только войску, наияснѣйшій панъ, напомните каждому о строгомъ выполненіи обязанностей, а потомъ поѣзжайте въ Варшаву заниматься тамъ дѣлами управленія.»

— Все это такъ, любезный Малаховскій,—сказалъ король,—я согласенъ съ тобою, но гдѣ же деньги, чѣмъ подняться? Чѣмъ я самъ жить буду? На что я поѣду?

«Наияснѣйшій панъ, — сказалъ Малаховскій, — войско имѣетъ на три мѣсяца запасовъ, а на нужду вашего величества я дамъ 10,000 червонцевъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ позволено было передать ихъ въ руки тогда, когда будете садиться въ экипажъ, чтобы ѣхать къ обозу».

— А Пруссія, вѣдь ея войска готовы войти? Булгаковъ, передавая письмо императрицы, сказалъ: до сихъ поръ только Россія препятствовала Пруссіи послать войско въ предѣлы Рѣчи-Посполитой; при дальнѣйшемъ упрямствѣ съ нашей стороны

ее удерживать не станутъ, а вошедши въ Польшу, она уже не выйдетъ отсюда безъ пріобрѣтеній. У насъ войска 35,000 и содержать его нѣтъ денегъ, у императрицы 100,000, да еще прусскія войска войдутъ. Мы, какъ надобно ожидать, потерпимъ пораженіе. Куда король уйдетъ? спрашивали противники патріотовъ.

«При неудачѣ надобно королю бѣжать въ Венгрію или въ Галицію, какъ сдѣлалъ Янъ Казимиръ; онъ возвратилъ свою корону», сказалъ кто-то изъ патріотовъ.

— Но Янъ Казимиръ—возразили ему,—былъ въ свое время союзникомъ австрійскаго дома, и все-таки, хотя и возвратилъ корону, но принужденъ былъ подписать тяжелыя для Рѣчи-Посполитой условія; притомъ же, когда рѣшено было предложить императрицѣ перемиріе, тогда никто не думалъ, что король убѣжитъ изъ Варшавы, и навлечетъ подозрѣніе на свои сношенія.

Игнатій Потоцкій замѣтилъ: «мы должны подождать; почему знать, намъ можетъ придти неожиданная помощь къ спасенію».

— Такъ и было, сказалъ Солтыкъ, съ Голландіей, когда она воевала съ королемъ испанскимъ. Не надобно отчаяваться въ храбрости нашей.

Восемь голосовъ совѣтовало приступить къ конфедераціи, упорствовало пять: маршалъ Малаховскій, Игнатій Потоцкій, краковскій посолъ Солтыкъ, Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Островскій. Впослѣдствіи Коллонтай считалъ себя также принадлежащимъ къ числу послѣднихъ, но въ то время онъ стоялъ на противной сторонѣ. Объ этомъ говорятъ и нашъ посланникъ Булгаковъ и англійскій, находившійся тогда въ Варшавѣ. Король присталъ къ большинству.

На другой день онъ подписалъ свой приступъ (акцессъ) къ конфедераціи. «Соглашаюсь,—сказалъ Станиславъ - Августъ въ роковую минуту подписанія, — сдѣлать это только въ той надеждѣ, что предложеніе императрицы возвратитъ спокойствіе странѣ».

Акцессъ короля былъ отосланъ къ Щенсному Потоцкому. Въ то же время отправленъ былъ курьеръ въ оба войска, Украинское и Литовское, съ приказаніемъ прекратить всякія непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ и признать конфедерацію. Тогда же написанъ и разосланъ универсалъ къ народу вообще. «Сеймъ—писалъ король — возложилъ на меня защиту отечества оружіемъ. Я все сдѣлалъ, что могъ. Но казна наша истощилась; скоро невозможно будетъ давать обычнаго жалованья военнымъ чинамъ, не останется ничего для ежедневныхъ безконечныхъ потребностей войска, какъ-то: на ремонтъ, на рекрутовъ, на одежду, обувь, запасы, оружіе и продовольствіе. Голландскій заемъ не удался вовсе.

Сосѣди намъ не только не помогаютъ, но показываютъ сочувствіе Россіи и готовы соединиться съ нею. Пусть всѣ посудятъ и размыслятъ, достоинъ ли я за это упрековъ и не удостоюсь ли заслужить скорѣе благодарность отечества за прекращеніе кровопролитія и вражды; если стало невозможно удержать всѣхъ узаконеній нашего сейма, то по крайней мѣрѣ можно надѣяться сохранить нѣкоторыя изъ нихъ».

Какъ только въ этотъ же день разнеслось по Варшавѣ, что король призналъ конфедерацію, крайняя партія патріотовъ разразилась страшнымъ негодованіемъ. Толпа человѣкъ въ триста въ саксонскомъ саду кричала: надобно убить короля измѣнника. Случилось въ это время проходить черезъ садъ Казимиру-Нестору Сапѣгѣ. Его подняли на руки и понесли; толпа затѣмъ направилась къ маршалу Малаховскому, чтобы и ему оказать честь. Маршала не застали дома: онъ былъ въ гостяхъ. Толпа отправилась туда, гдѣ онъ былъ, и тамъ сначала перепугала женщинъ, не понявшихъ въ чемъ дѣло; взяли маршала и также понесли его на рукахъ, слѣдуя къ его дому. Потомъ отправились къ Игнатію Потоцкому, вызвали его, благодарили за труды, желали благополучія. Всѣ эти господа собирались уѣзжать, народъ прощался съ ними. Для выраженія своего нерасположенія къ тарговицкой конфедераціи, толпа разбила окна у канцлера Малаховскаго. Король приказалъ усилить у себя караулъ на нѣсколько дней и сидѣлъ во дворцѣ, никуда не показываясь; иначе ему пришлось бы натерпѣться оскорбленій.

27-го іюля уѣхали изъ Варшавы патріоты, не подписавшіе акцесса. Передъ отъѣздомъ они записали въ земскихъ варшавскихъ книгахъ свои протестаціи. Малаховскій писалъ, что такъ какъ сеймъ, при своемъ закрытіи, далъ королю право собрать его въ случаѣ нужды, король же, не собравъ сейма, безъ рѣшенія его, приступилъ къ конфедераціи, то онъ, маршалъ сейма, для очищенія совѣсти считаетъ долгомъ заявить, что, по его убѣжденію, дѣло тарговицкой конфедераціи есть дѣло противное волѣ Рѣчи-Посполитой, и послѣдствіемъ его будутъ огонь, мечъ, анархія и погибель отечества. «Народъ!—восклицалъ Малаховскій въ концѣ своей протестаціи; — ничего у меня не осталось для тебя, кромѣ вѣрности и слезъ; только это и посвящаю тебѣ, ибо всѣ другія средства изъ рукъ моихъ отняты»! Вмѣстѣ съ тѣмъ Малаховскій взялъ съ собой изъ скарбовой коммиссіи пожертвованныя имъ суммы, въ количествѣ 18,000 черв. и 150,000 злотыхъ. Казимиръ-Несторъ Сапѣга въ своей протестаціи расхвалилъ свою особу, припоминалъ, какъ онъ несъ на жертву отчизнѣ свое имѣніе и здоровье, сослался на сеймовой днев-

никъ, гдѣ записаны были его подвиги въ день 3-го мая, и объявилъ, что въ настоящую минуту, когда полякамъ уже ничего не остается кромѣ слезъ и жалобъ, онъ заявляетъ, что считаетъ сеймъ, начатый въ 1788 г., неоконченнымъ, а только отсроченнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не снимаетъ съ себя своей должности. Послѣднее расходилось съ протестаціею Малаховскаго, который въ квитанціи, данной за взятыя суммы изъ скарбовой коммиссіи, объявилъ, что снимаетъ съ себя свой санъ.

Эмигранты избрали мѣстомъ пребыванія Дрезденъ. Игнатій Потоцкій, прощаясь съ королемъ, сказалъ: «ваше величество, уѣдемте съ нами! по крайней мѣрѣ избавитесь отъ униженія». Но король махнулъ на все рукою и остался. Защитники репутаціи Коллонтая говорятъ, что и онъ уѣхалъ. Но изъ донесеній Булгакова видно, что онъ прежде попытался заискать расположенія Россіи. «Его всякій купить можетъ, — не даромъ онъ съ курляндскаго герцога взялъ 2,000 червонцевъ за выигрышъ его дѣла». Такъ писалъ Булгаковъ 11-го августа. Только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Коллонтая дѣйствительно не было въ Варшавѣ. Поэтому правдоподобно извѣстіе Линовскаго, который говоритъ, что Коллонтай оставилъ акцесъ въ двухъ мѣстахъ, въ канцеляріи Булгакова и у Хребтовича. Когда Коллонтая стали упрекать за это Малаховскій и Потоцкій, онъ сказалъ: «хорошо вамъ, богатымъ панамъ, уходить изъ отечества, а я, *худойпахолекъ*, добившись до мѣста, не могу такъ легко выпускать изъ рукъ моей судьбы.» Самому Линовскому онъ говорилъ: «для васъ лучше будетъ, если я войду въ конфедерацію, я васъ буду защищать отъ преслѣдованій». Но ему не посчастливилось. Конфедерація не хотѣла съ нимъ сходиться, потому что не довѣряла ему, какъ одному изъ главныхъ виновниковъ конституціи, а русскій посолъ давно презиралъ его. Этотъ человѣкъ, безспорно-талантливый, послѣ паденія своей партіи, видя, что съ измѣнившимся порядкомъ вещей, онъ уже не поправитъ своей карьеры, ударился опять на прежнюю роль патріота, и уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы затѣвать заговоръ за границею.

Король запирался и удалялся отъ людей. Онъ часто плакалъ, въ рѣчахъ его была несвязность; онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству; онъ чувствовалъ свою ничтожность, говорилъ, что хочетъ отречься отъ престола, но не отрекался: чувство униженія пересиливалось желаніемъ устроить своихъ ближнихъ, обезпечить свою старость. Каштелянша Каминская пріѣхала узнать о его здоровьѣ: — «можетъ ли быть хорошо мое здоровье, отвѣчалъ король, когда мнѣ остается въ удѣлъ только стыдъ и безчестіе!» Люккезини опять заговорилъ другимъ языкомъ; недавно равно-

душный къ судьбѣ поляковъ, теперь опять показывалъ къ нимъ сочувствіе, и досадовалъ, что поляки окончили войну. Онъ какъ будто забылъ, что за нѣсколько дней грозилъ вступленіемъ прусскаго войска въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, если поляки не помирятся съ императрицею. «Король — говорилъ онъ — всегда былъ русской партіи, онъ только притворялся патріотомъ. Честь Польши потеряна, ничто не можетъ смыть этого пятна. Польша должна была искать посредничества сильныхъ державъ. Вотъ видите: не хотѣли составлять конституціи съ вѣдома прусскаго короля, тогда бы вамъ помогли, и Россія никогда бы не посмѣла напасть. Вы не хотѣли знать Пруссіи, когда составляли конституцію, оттого и Пруссія не захотѣла знать васъ. Теперь, однако, еще можно сколько-нибудь пособить дѣлу: обратитесь къ Пруссіи, отдайтесь во всемъ на ея волю. Независимость ваша конечно уже потеряна, — по крайней мѣрѣ на васъ наложать не такія тяжелыя цѣпи». Онъ отзывался съ презрѣніемъ и злобою противъ Россіи, распалялъ поляковъ ненавистью противъ русскихъ, и въ то же время вооружалъ знатныхъ лицъ одного противъ другого, — все это съ тою цѣлью, чтобы усилить безпорядокъ. Это была послѣдняя лебединая пѣсня о Польшѣ знаменитаго дипломата. 7-го августа онъ уѣхалъ оттуда навсегда, сдѣлавъ свое дѣло блистательно.

Въ войскѣ вѣсть о признаніи королемъ конфедераціи была принята съ негодованіемъ и досадою. Тѣ, которые можетъ быть внутренно были и довольны, для очищенія себя считали за благо все-таки заявить досаду. Понятовскій послалъ къ королю генерала Вьельгорскаго, и совѣтовалъ королю, сдѣлавши угодное императрицѣ, дозволить назначенному для этой цѣли отряду войска поймать себя и увезти въ обозъ, а потомъ можно будетъ продолжать войну. Король плакалъ, падалъ на колѣни, заклиналъ и умолялъ не думать объ этомъ, и самъ не соглашался участвовать въ уловкѣ добровольно. Зайончекъ, описывая это происшествіе, порицаетъ короля за несогласіе, упрекаетъ Іосифа Понятовскаго, зачѣмъ онъ, вмѣсто того, чтобы просить короля, не исполнилъ своего намѣренія безъ его согласія. Такой замыселъ былъ во всякомъ случаѣ безплоденъ. Если можно упрекать короля въ недостаткѣ мужества и благородства, то никакъ не за то, что онъ не захотѣлъ безразсудно склониться на продолженіе войны, а за то, что, видя невозможность сохранить въ Рѣчи-Посполитой порядокъ, за который стоялъ нѣсколько лѣтъ, не отрекся отъ престола.

VIII.

Господство конфедераціи.—Униженіе короля.—Злоупотребленія конфедераціи.— Тайныя сношенія державъ о раздѣлѣ Польши. — Прусская нота. — Тревога конфедераціи [1]).

Войску приказано было приступить къ конфедераціи, послѣ чего слѣдовало распустить его. Нѣкоторые изъ генераловъ и офицеровъ подали въ отставку; въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаютъ: Понятовскій, Костюшко, Вьельгорскій, Забѣлло, Зайончекъ и Макрановскій; кромѣ того два полковника: Понятовскій и Стршалковскій; майоры: Гавронскій, Хоментовскій, Іосифъ Вьельгорскій и Щутовскій. Другіе, скрѣпя сердце, для спасенія семей своихъ и средствъ къ жизни, признали конфедерацію. Войско стало расходиться. Но конфедерація, узнавъ объ этомъ, отношеніемъ отъ 22-го іюля (1-го августа), обратилась къ агенту императрицы при конфедераціи Билеру и просила принять мѣры. Она боялась нарушенія спокойствія. «Если польскіе жолнѣры—было сказано въ нотѣ конфедераціи — станутъ возмущать неопытныхъ гражданъ, то мы просимъ средствъ принудить ихъ силою произнести присягу конфедераціи». Приказано было отъ конфедераціи генераламъ, давшимъ свой акцесъ, снестись съ генералами русскаго войска, чтобы занять приличныя квартиры сообразно безопасности. Видно, конфедерація еще побаивалась польскаго войска.

Коронное войско поступало подъ власть прежнихъ начальниковъ, Браницкаго и Ржевускаго; литовское подъ власть нареченнаго литовскаго гетмана Коссаковскаго. Оружіе слѣдовало отобрать и отправить въ варшавскій арсеналъ.

Всѣмъ провинціальнымъ конфедераціямъ вмѣнено было въ обязанность приглашать, въ случаѣ нужды, для поддержки порядка, русское войско. Такимъ образомъ, конфедерація, составленная подъ русскимъ покровительствомъ, показывала, что не можетъ существовать безъ русскаго войска. Но въ тоже время конфедерація жаловалась Билеру и на своихъ союзниковъ, на безчинства и насилія, причиняемыя будто бы солдатами императрицы. «Война уже окончилась — писали конфедераты — но обыватели, показавшіе привязанность къ императрицѣ, должны терпѣть наравнѣ съ тѣми, которые въ своемъ ослѣпленіи сопротивлялись ея благодѣтельнымъ намѣреніямъ. Мы просимъ,

---

[1]) См. источн. №№ 86, 38, 98, 100, 18, 3, 30, 47, 72.

чтобы всеобщая радость освобожденія не возмущалась такими поступками». Коховскій на это представленіе объяснилъ, черезъ Билера, что безчинства, дѣйствительно произведенныя на границѣ, произошли не отъ служащихъ солдатъ, а отъ дезертировъ и молдавскихъ волонтеровъ, которые въ Молдавіи составили разбойничьи шайки и вторгались въ Украину и что двадцать изъ нихъ уже казнено. Но какъ вслѣдъ затѣмъ снова приносились жалобы на безчинства и насилія отъ русскихъ войскъ, то конфедерація опубликовала, чтобы напередъ приносили ей только такія жалобы въ подобномъ родѣ, гдѣ бы указывались поименно и точно лица, на которыхъ жаловались, а не въ общихъ словахъ.

9-го августа, конфедерація, находясь въ Дубно, отправила въ Варшаву делегацію; въ ней были: Петръ Ожаровскій, Войцѣхъ Свентославскій, Доминикъ Каменецкій, Рафаилъ Холоневскій. Они имѣли порученіе привести къ присягѣ: гвардію, скарбовый батальонъ, маршалковскую хоругвь, всѣхъ особъ, числящихся въ военной службѣ, по формулѣ: «буду вѣренъ королю, а послушенъ только одной конфедераціи», скарбовую коммиссію въ томъ, что она не будетъ выдавать денегъ безъ ассигнацій конфедераціи, почту — въ томъ, что не отважится распечатывать писемъ, комендантовъ и офицеровъ корпуса кадетовъ и эдукаціонную коммиссію—въ томъ, чтобы обѣщали не внушать кадетамъ и всѣмъ воспитанникамъ монархическихъ, а также и противныхъ римско-католической вѣрѣ правилъ; духовенство — въ томъ, что оно будетъ поучать народъ покорности генеральной конфедераціи; магистратъ старой и новой Варшавы, цехи и конфратерніи — по формѣ: не сноситься съ противниками конфедераціи и доносить о замѣчаемомъ вредѣ для нея. Для послѣднихъ они должны были учинить при себѣ выборъ новыхъ президентовъ, лавниковъ, радныхъ, писарей, не протягивая этого дѣла болѣе трехъ дней, отворить суды въ Варшавѣ для обычнаго теченія дѣлъ, по порядку, существовавшему до конституціи 3-го мая, возвратить полицію въ вѣдомство коронныхъ маршаловъ, запретить печатать всякія писанія противъ конфедераціи и непремѣнно закрыть «Газету Народовую», за то, что оно постоянно держалась конституціи 3-го мая, объявить угрозу—отдать подъ судъ конфедераціи тѣхъ, которые бы осмѣлились дѣлать противъ нея какія бы то ни было заявленія; слѣдовало у всѣхъ варшавянъ отобрать оружіе и боевые запасы и сложить въ арсеналъ съ увѣреніемъ, что за все это заплатится или все это по желанію владѣльцевъ возвратится въ свое время, отобрать рецессы (отказъ) отъ конституціи и акцессы въ конфедераціи отъ канцлера Малахов-

скаго и подканцлера Хребтовича, и объявить иностраннымъ министрамъ, что въ важныхъ дѣлахъ они должны относиться къ генеральной конфедераціи. О королѣ не говорилось, какъ будто его не было. Наконецъ, приказано было сдѣлать распоряженіе объ облегченіи ареста переяславскаго епископа, если нужно будетъ. Такимъ образомъ, генеральная конфедерація уже не была только протестомъ противъ нововведеній,—она сама сдѣлалась верховной властью, захватила исключительно весь механизмъ управленія. Подъ предлогомъ возстановленія свободы, подъ криками противъ монархическаго деспотизма, она правила всею страною съ такимъ деспотизмомъ, который былъ произвольнѣе и беззаконнѣе всякаго другого. Ея правители и совѣтники, которыхъ было тогда 89, постановили для себя неподсудность; во время исправленія должности ни въ какомъ судѣ не слѣдовало принимать жалобъ на нихъ. Не только совѣтники, но и вообще всѣ, считавшіе себя вѣрными конфедераціи, спасителями республиканской свободы, поднимали голову, снимали всякую узду съ своего произвола, доносили на тѣхъ, на кого были злы, тянули ихъ къ суду конфедераціи; сказать что-нибудь не въ похвалу конфедераціи почиталось преступленіемъ. Обязанность доносить, налагаемая въ присягѣ, произносимой на вѣрность конфедераціи, до того грозила размноженіемъ ябедъ, и нарушеніемъ спокойствія, что самъ Булгаковъ не одобрялъ этого.

Власти королю не давали никакой. Каждый конфедератъ имѣлъ болѣе возможности заставить себя слушать чѣмъ онъ. Генеральная конфедерація въ распоряженіяхъ, данныхъ своимъ делегатамъ, поручила засвидѣтельствовать ему почтеніе, но это казалось скорѣе поруганіемъ при той обстановкѣ безвластія, въ которую его поставили. На письмо короля къ Щенсному послѣдній отвѣчалъ тономъ до крайности надменнымъ и оскорбительнымъ. Онъ припоминалъ королю словно учитель школьнику, какъ онъ, Щенсный, нѣкогда предостерегалъ его хранить договоръ, по которому онъ сдѣлался королемъ. «Голосъ мой, писалъ онъ, былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, я припоминалъ вамъ обязанности избраннаго короля, а васъ подлецы называли государемъ. Я говорилъ, что не годится нарушать присягу, данную народу, для выгодныхъ проектовъ, и не слѣдуетъ начинать того, что не можетъ удержаться. Ваше величество отвратили уши свои отъ моихъ здравыхъ совѣтовъ, а послушались льстецовъ, которые чуть было не довели Рѣчь-Посполитую до погибели. Теперь, милостивый король, слѣдуетъ вашему величеству вознаградить за это республиканскій народъ, если не хотите быть вѣроломнымъ, ибо за то, что онъ васъ посадилъ на пер-

вомъ мѣстѣ, вы хотѣли его поработить и сдѣлать своею собственностію. Вы не должны были защищать и поддерживать такихъ поступковъ, а скорѣе отречься отъ нихъ навсегда. Насъ устрашаетъ ваше писаніе къ обывателямъ; вы жалѣете объ утратѣ конституціи, говорите, что только потому перестаете защищаться, что у васъ нѣтъ средствъ содержать войско. Слѣдовательно, если бы у васъ были деньги, то вы бы еще не перестали лить кровь республиканцевъ, ради своей монархической власти. Стало быть, не кровь братій завопіяла въ вашемъ сердцѣ, а только истощеніе казны васъ удержало; вы хотѣли бы для вашего честолюбія найти у чужихъ помощь. Вы пишете, что надѣетесь удержать хотя часть вашей конституціи. О, видно вамъ очень дорога эта рабская конституція, когда вы хотите хотя бы часть ея спасти; а я вамъ искренно скажу: забудьте объ установленіи новыхъ законовъ, предсѣдательствуйте надъ вольнымъ народомъ; пусть народъ самъ себѣ законы составляетъ, — и вамъ будетъ спокойнѣе, и намъ свободнѣе. Вы выражаетесь, что не можете противостоять непріятелю. А кто же непріятель? Не тотъ ли, кто вамъ способствовалъ получить корону, кто васъ поддерживалъ на тронѣ; не тотъ ли, кого вы много разъ просили о вспомоществованіи; не тотъ ли, кто не позволяетъ вамъ измѣнить въ монархію Рѣчь-Посполитую, желая видѣть ее уважаемою, благоустроенною и спокойною? Не за то ли великая монархиня считается теперь непріятелемъ Польши, что снимаетъ съ нея кандалы, надѣтые измѣною? Будьте лучше теперь благодарны ей за то, что все сдѣлалось по ея желанію; вольный и независимый народъ можетъ простить вамъ, какъ обольщенному, но если бы удалось по вашему, онъ бы проклиналъ васъ, какъ похитителя власти и виновника несчастій, которыя, быть можетъ, погубили бы и самое имя Польши».

Не менѣе тяжка была формула, предложенная королю для акцеса. Король долженъ былъ чернить людей, съ которыми вмѣстѣ работалъ, а себя выставлять ограниченнымъ. «Я всегда (было сказано въ формулѣ акцесса отъ лица короля) желалъ добра отчизнѣ и стремился къ тому, чтобы учинить ее счастливою и безопасною; но этимъ намѣреніямъ не всегда содѣйствовали мои сотрудники. Увлеченіе новизною и новыя, не безопасныя для спокойствія народовъ ученія покушались сокрушить вѣковѣчныя права Рѣчи-Посполитой и преобразить Польшу изъ республики въ монархію. Но теперь, когда полякъ чувствуетъ и узнаетъ заблужденія тѣхъ, которые такъ увлекались въ своихъ трудахъ, я, какъ король, обязанный быть главою благородной Рѣчи-Посполитой, и какъ

полякъ, признаю, что крѣпость Рѣчи-Посполитой почіетъ на республиканскомъ правленіи, издавна свойственномъ ей, и всякій разъ, когда народъ предпринимаетъ не исправлять, а измѣнять вѣковое свое правленіе и установлять новое, всегда потрясеніе политическаго тѣла должно принести народу громаду несчастій. Искренно сознавая передъ республиканскимъ народомъ эту истину, отступаю отъ конфедераціи революціоннаго варшавскаго сейма, продолжавшагося, вопреки обычаямъ и закону, четыре года подъ маршальствомъ Станислава Малаховскаго, и отрекаюсь отъ всѣхъ уставовъ этой конфедераціи и сейма, и отъ всего сердца приступаю къ конфедераціи, составленной 14 мая 1792 г. подъ маршальствомъ Щенснаго Потоцкаго; признаю и принимаю вполнѣ всѣ акты этой конфедераціи, тѣмъ охотнѣе, что убѣжденъ въ благодѣтельности этого дѣла, ибо великодушное и безкорыстное покровительство ея величества императрицы всероссійской обѣщаетъ Рѣчи-Посполитой счастливыя послѣдствія и постоянную безопасность».

Все терпѣлъ и все сносилъ Станиславъ-Августъ, и только когда уже не ставало у него силъ нести этотъ тяжелый крестъ, разливался горькими слезами. Примасъ, обращаясь къ Булгакову, указывалъ, что въ формулахъ присяги разнымъ вѣдомствамъ, привезенныхъ делегатами отъ конфедераціи въ Варшаву, даже и имени короля не упоминается. Самъ Булгаковъ въ донесеніяхъ своихъ императрицѣ замѣчалъ, что конфедераты захватили излишнюю власть и обращаются съ королемъ непочтительно. Но это не помогло королю: отъ самой государыни Станиславъ-Августъ чрезъ Булгакова получилъ выговоръ, за то, что наградилъ генеральскимъ чиномъ Костюшку, Вьельгорскаго и Карвицкаго. Король объяснялъ, что они вышли въ отставку, и вліянія на дѣла не имѣютъ. «Воздержитесь,—сказалъ Булгаковъ,— покровительствовать подобнымъ людямъ, и не пользуйтесь правомъ раздаванія мѣстъ, иначе у васъ еще болѣе стѣснятъ власть.» Екатерина не довѣряла ему, презирала его, какъ и вообще не довѣряла никому изъ поляковъ и презирала ихъ. Въ своемъ рескриптѣ отъ 3 августа, Булгакову она поручаетъ остерегаться, чтобы покорность короля и всѣхъ прочихъ не была суетное обольщеніе. На похвалы Булгакова о Хребтовичѣ государыня замѣтила, что напрасно Булгаковъ такъ довѣряется и хвалитъ этого человѣка, который ничѣмъ еще не заявилъ своей искренней преданности. Король покорялся, и чтобы болѣе заявить свое послушаніе и совершенное незлобіе къ врагамъ, съ дружескимъ участіемъ замѣтилъ Булгакову: «конфедерація избираетъ себѣ

резиденцію въ Брестѣ-Литовскомъ; къ сожалѣнію, это мѣсто нездоровое».

Не менѣе унизительно и тяжело королю было, когда 9 августа прибылъ въ Варшаву Коссаковскій въ качествѣ генерала императрицы и Булгаковъ представилъ его королю. Станиславъ-Августъ долженъ былъ ласкать и привѣтствовать этого человѣка, котораго ненавидѣлъ. 12-го, въ воскресенье, Коссаковскій давалъ праздникъ и пиръ, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ особъ изъ варшавскаго панства; и все варшавское посполъство приглашали тогда ликовать объ освобожденіи отечества отъ тиранніи той конституціи, которую успѣли вывести на свѣтъ только подъ защитою варшавскаго посполъства. Надобно было притворяться, иначе сновавшіе въ народѣ шпіоны, угодники конфедераціи, тотчасъ донесутъ и потянутъ въ судъ конфедераціи, а тутъ еще въ Варшаву долженъ былъ прибыть Коховскій съ русскимъ войскомъ.

Занятіе столицы иностраннымъ войскомъ на этотъ разъ, послѣ печальнаго исхода войны, казалось конечнымъ завоеваніемъ страны. Коховскаго ждали съ тревогою каждый день. Онъ наконецъ прибылъ 19 августа и, въ сопровожденіи генераловъ и офицеровъ, пріѣхалъ прямо въ замокъ, гдѣ въ пріемной залѣ Булгаковъ представлялъ его королю. Коховскій препоручилъ вниманію короля русскихъ генераловъ и офицеровъ; многіе изъ нихъ украшены были только-что полученными орденами за храбрость и усердіе въ послѣдней службѣ въ дѣлѣ ниспроверженія той конституціи, которую клялся защищать польскій король.

Между тѣмъ конфедерація укрѣплялась. Грозный универсалъ ея назначилъ срокъ до 15 августа для отреченія отъ конституціи и акцеса къ конфедераціи. Чтобы сохранить свое имущество и оградить свои особы, дворяне варшавскаго воеводства, 2 августа, составили провинціальную конфедерацію варшавской земли подъ маршальствомъ коронного конюшаго Онуфрія Кицкаго. Но ея актъ былъ написанъ хитро и неискренно; такъ, напр., говоря объ отреченіи отъ конституціи 3 мая, не изливали обычныхъ у конфедератовъ ругательствъ надъ нею и надъ всѣмъ строемъ, установленнымъ четырехъ-лѣтнимъ сеймомъ, а ставили цѣлью своей конфедераціи только общія потребности о благосостояніи, которыя также могли подходить къ конфедераціи Щенснаго, какъ и къ ниспроверженной конституціи. Такъ они, по выраженію ихъ акта, заключили конфедерацію съ тѣмъ, чтобы, «хранить достоинство трона Станислава-Августа, шляхетскихъ правъ и вольностей, независимость Рѣчи-Посполитой, искать средствъ облегченія тягостей налоговъ, уменьшенія роскоши, прекращенія ненужныхъ и лишнихъ расходовъ, обезпечить правосудіе, безопас-

ность лицъ, имуществъ и чести жителей, ввести дисциплину и порядокъ въ войскѣ, порядокъ въ уплатѣ жалованья, уменьшить число должностныхъ лицъ, ради сокращенія отяготительныхъ для общественныхъ суммъ расходовъ, и вообще стараться о всемъ томъ, что только можетъ осчастливить народъ». Такого рода конфедерація не понравилась генеральной конфедераціи, и 13 августа она послала Кицкому замѣчаніе, что актъ варшавской конфедераціи не соотвѣтствуетъ акту генеральной конфедераціи и впредь она признаетъ только такія конфедераціи своими, которыхъ акты составлены одинаково съ актомъ генеральной конфедераціи и съ одинаковою формулою присяги. Такъ точно не понравился генеральной конфедераціи актъ конфедераціи Закрочимской земли, и 20 августа Щенсный Потоцкій послалъ и туда выговоръ и требованіе, чтобы актъ былъ передѣланъ. Угрожаемые русскими войсками дворяне этихъ земель должны были исполнить волю овладѣвшихъ Польшею. Воеводство Бѣльзское составленіемъ конфедераціи удостоилось заслужить расположеніе и благодарность генеральной. Тоже случилось въ Люблинѣ, гдѣ составилъ конфедерацію Казимиръ Міончинскій, по извѣстію знавшаго его лично Козьмяна—шулеръ, человѣкъ продажный, безстыдный, лживый и хвастливый.

29 августа составлена конфедерація въ Познани подъ маршальствомъ Бнинскаго, нареченнаго маршаломъ конфедераціи воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго, Гнѣзненскаго и земли Веховской. Этотъ край передъ тѣмъ только отличался особенною ревностью къ конституціи 3-го мая; собирались пожертвованія, составили 24 іюня актъ, отправленный для свѣдѣнія въ войсковую коммиссію, гдѣ обыватели воеводствъ заявляли въ своей мѣстности гражданско-военнымъ коммиссіямъ готовность охранять конституцію 3 мая, въ надеждѣ, что каждый, носящій имя поляка, не станетъ выродкомъ своего отечества и не отступитъ отъ единомыслія съ ними. Теперь тамъ же составили актъ, гдѣ обыватели обѣщались всѣми силами истреблять конституцію 3 мая, какъ гробъ свободы, не допускать наслѣдственности престола, выдавать генеральной конфедераціи всѣхъ тѣхъ, которые бы стали строить козни для расширенія королевской власти, а также обѣщались не дозволять ни малѣйшаго отторженія земель отъ Рѣчи-Посполитой. Посланникъ великопольской конфедераціи, Францишекъ Мощинскій, передъ генеральною конфедераціею въ рѣчи, преисполненной напыщенной реторики, восхвалялъ доблести Щенснаго Потоцкаго, называлъ конституцію 3 мая гибельною отравою, которую обыватели въ заблужденіи называли лекарствомъ и увѣрялъ въ преданности всей Великой Польши спасительному дѣлу сверженія

рабскаго ярма и возстановленія республиканской свободы. Около того же времени составились провинціальныя конфедераціи въ воеводствѣ Сѣрадскомъ, въ земляхъ Нурской, Сохачевской, Добрженской, Мѣльницкой, Велюнской, Черской, Равской, Дрогицкой. Въ Краковѣ составилась конфедерація, 13 августа, подъ маршальствомъ Валевскаго, который тамъ подобралъ себѣ партію. Вездѣ актъ составленія конфедераціи праздновался съ обычными признаками торжества, обѣднею, пѣніемъ «Te Deum», пальбою изъ пушекъ, иллюминаціями и пирами, и на пирахъ происходила выпивка за благоденствіе конфедераціи точно также, какъ прошлый годъ ѣли и пили за конституцію 3 мая.

Генеральная конфедерація избрала своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Брестъ-Литовскій и тамъ, 11-го сентября, отпраздновала соединеніе свое съ литовскою: «да здравствуетъ свобода и независимость!» кричали пировавшіе конфедераты. Съ этихъ поръ она называлась генеральною конфедераціею обоихъ народовъ. Маршалы конфедерацій—отъ короны Щенсный Потоцкій, а отъ Литвы Александръ Сапѣга—пользовались чрезмѣрнымъ значеніемъ; при въѣздѣ въ Гродно они встрѣчены были пушечною пальбою, мѣщане отъ магистрата, жиды отъ своего кагала передъ городскими воротами говорили имъ поздравительныя рѣчи. Сенаторы, паны, избранные въ число коммиссаровъ генеральной конфедераціи, и знатнѣйшіе обыватели изъ окрестностей ждали ихъ съ подобострастіемъ. Оба маршала угощали гостей великолѣпно и безпрестанно. Отсюда-то управляли они Рѣчью-Посполитою, предписывали распоряженія провинціальнымъ конфедераціямъ и получали отъ послѣднихъ рапорты. Тогда по всей Литвѣ и Польшѣ подняли голову искатели карьеры, люди, въ прежнее время забытые и загнанные за свою неспособность или за убѣжденія, теперь, пользуясь случаемъ, они спѣшили показать свое усердіе къ конфедераціи и получить отъ нея либо мѣсто, либо имѣніе на счетъ другихъ. Тогда вышли въ люди разные отставленные подъячіе, выгнанные за плутовство реенты, вице-реенты, а также экономы, служившіе у пановъ, составлявшихъ конфедерацію. Многимъ удавалось выскакивать посредствомъ доносовъ; свидѣтельствовали на того, на другого, что вотъ такой-то или другой говорилъ дурно о конфедераціи, что онъ приверженецъ 3-го мая, или же, что онъ якобинецъ, въ Бога не вѣруетъ, и за это получали награды.

«Трудно было—говоритъ Козьмянъ,—честному человѣку на свѣтъ показаться, чтобы надъ нимъ не издѣвались или не оказывали ему покровительственнаго состраданія. Каждый, входившій въ люди, заламывалъ шапку на бекрень, точно на лбу но-

силъ надпись: пришелъ и намъ чередъ! Впрочемъ, по замѣчанію того же писателя-современника, въ Польшѣ это случалось всегда при каждомъ переворотѣ. Теперь если какой-нибудь помѣщикъ оказывалъ себя нерасположеннымъ къ конфедераціи, къ нему посылали экзекуцію и его имѣніе подвергалось разоренію.

Правительственныя коммиссіи, приведенныя къ присягѣ на вѣрность конфедераціи посредствомъ ея делегатовъ, получали отъ нея предписанія и давали ей отчеты. Всѣ доходы, собранные прежде, и всѣ пожертвованія, какія собраны были для войны, теперь должны были отсылаться въ конфедерацію. Многіе, собравши эти приношенія, не представляли ихъ никуда и взяли себѣ; теперь иные для того, чтобы ихъ не искали, удалились за границу. Войско было умалено; всѣмъ, которые въ послѣднее время были завербованы, приказано возвратиться къ занятіямъ своего званія. Министрамъ Рѣчи-Посполитой при иностранныхъ дворахъ велѣно возвратиться въ отечество и подать отчетъ конфедераціи. Французскому послу приказано выѣхать изъ Польши вовсе, и всѣхъ вообще французовъ обязали оставить владѣнія Рѣчи-Посполитой, въ виду совершившагося переворота 10-го августа, измѣнившаго Францію изъ монархіи въ якобинскую республику.

Несмотря на свою силу конфедерація чувствовала, что противная партія только притихла, не умерла, и можетъ воскреснуть снова; отъ этого конфедерація не довольствовалась обвиненіемъ своихъ враговъ въ коварныхъ намѣреніяхъ ввести въ Польшѣ монархическій деспотизмъ, она хотѣла очернить послѣдователей 3-го мая и новомодными французскими идеями, которыя тогда наводили такой паническій страхъ на всѣхъ сильныхъ міра сего.

Въ октябрѣ конфедерація учинила мировую съ королемъ и отправила къ нему делегованными двухъ своихъ совѣтниковъ, Залускаго и Корвина Коссаковскаго; изъ нихъ послѣдній, въ рѣчи своей при представленіи королю Станиславу-Августу, говорилъ: «Новомодные принципы предали посмѣянію религію и законъ, потрясли алтари, троны и обычныя вольности нѣкоторыхъ народовъ. Это обольстительное ученіе и къ намъ прокралось и устроило подкопъ подъ республиканскимъ правленіемъ шляхетской Рѣчи-Посполитой, ниспровергая извѣчныя права предковъ, распространяя неуваженіе къ старшинству, не оставляя ничего святого, что только не было его твореніемъ». Злосчастный король, не имѣвшій настолько благородства, чтобы хотя теперь отказаться отъ короны, долженъ былъ, сидя на опозоренномъ тронѣ, выслушивать такія рѣчи, а канцлеръ Малаховскій, въ отвѣтѣ делегатамъ,

выражалъ надежду, что почтенные члены конфедераціи, особенно ея руководители, своими дѣйствіями заслужатъ славу въ потомствѣ, и король считаетъ для себя самыми пріятными часами въ жизни, когда будетъ въ состояніи доказать свое расположеніе къ конфедераціи.

Въ ноябрѣ, конфедерація приказала вывести изъ Варшавы два полка польскаго войска, полкъ гвардіи литовской и пѣшій полкъ Дзялынскаго, въ тѣхъ видахъ, чтобы у противной партіи, которая, какъ думали, главнымъ образомъ сосредоточивалась въ Варшавѣ, отнять, какъ выражалась конфедерація, на будущее время способы, употребленные противъ Рѣчи-Посполитой въ постыдный день 3-го мая. Защита сторонниковъ конфедераціи передавалась такимъ образомъ русскому войску. Королю, какъ будто въ насмѣшку, писали по этому поводу: «Вашему величеству это должно быть пріятно; черезъ то мѣщане избавляются отъ лишнихъ тягостей», и при этомъ прибавлялось: «ваше величество, родившись вольнымъ польскимъ шляхтичемъ, не будете роптать на мѣры для безопасности истинной свободы; только такое честолюбіе и дозволительно королю, который долженъ быть главою, а не господиномъ». Поведеніе конфедераціи производило быструю перемѣну въ настроеніи умовъ. Многіе изъ тѣхъ, которые недавно радовались и даже сами способствовали паденію конституціи, стали вздыхать по ней. Квартированіе русскихъ войскъ, твердый властительный тонъ русскихъ генераловъ и безпрестанныя недоразумѣнія съ русскими войсками задѣвали національное шляхетское самолюбіе. Близость къ русскимъ и столкновенія съ ними пробуждали уснувшую на короткое время вѣковую вражду, которую носилъ каждый шляхетный полякъ въ своемъ сердцѣ къ русскому народу, а тутъ еще выѣхавшіе за границу сторонники 3-го мая составляли планы для измѣненія дѣлъ въ отечествѣ, и вліяли на оставшихся въ немъ своими письмами и сношеніями.

Въ ноябрѣ конфедерація издала универсалъ, въ которомъ жаловалась, что виновники несчастія Рѣчи-Посполитой раздуваютъ духъ несогласія; вмѣняла въ обязанность воеводскимъ конфедераціямъ и всѣмъ полицейскимъ властямъ закрывать и уничтожать всякія сходбища, особенно клубы, и предавать суду возмутителей спокойствія. Въ то же время генеральная конфедерація при такой строгости сдѣлала уступку, продолживъ срокъ для отреченія отъ конституціи 3-го мая и для акцесовъ къ конфедераціи еще на два мѣсяца, и тѣмъ давала знать, что предпринятое ею дѣло не такъ-то принимается въ Польшѣ, какъ она

думала, что возстановленіе прежняго порядка вещей встрѣчаетъ почти такое же затрудненіе, какъ и устроеніе новаго.

Обвиненіе прежней патріотической партіи въ разрушительныхъ идеяхъ, угрожавшихъ старымъ порядкамъ въ Европѣ, были какъ нельзя болѣе на руку правительствамъ, замышлявшимъ уничтоженіе польскаго государства; они давали имъ поводъ въ свое время придраться именно къ этой сторонѣ дѣла. Генеральная конфедерація, увлекаясь злобою къ противникамъ, не видала и не соображала, что пускаетъ въ оборотъ такое мнѣніе, противъ котораго ей скоро придется самой ополчиться. Между тѣмъ желанію очернить противниковъ тѣнью новомодныхъ принциповъ, помогло и то, что папскій нунцій, 25-го ноября, прислалъ конфедераціи отъ св. отца поздравленіе, одобреніе и удовольствіе, что поляки возвратились къ старинѣ, какъ и слѣдовало народу, который всегда отличался преданностью къ римско-католической вѣрѣ. Такимъ образомъ составлялось мнѣніе, что переворотъ третьяго мая былъ плодомъ тѣхъ же ученій, которыя доводили Францію до 10-го августа, и слѣдовательно коалиція, составленная противъ того, что угрожало Европѣ, изъ Франціи могла также имѣть дѣло съ Польшею.

Въ противность новомодному либерализму, въ которомъ обвинялись противники, генеральная конфедерація хотѣла показать себя въ строгомъ духѣ соблюденія старинныхъ обычаевъ и уваженія къ религіозной внѣшности. По ея распоряженію отъ 28 ноября, коронные маршалки, по поводу наступившаго рождественскаго поста (адвента) запретили въ постные дни содержателямъ кофеенъ, шинковъ, ресторацій и редутовъ (собраній) музыку и танцы, подъ карою 500 гривенъ въ пользу убогихъ и больницъ. 17-го декабря конфедерація издала вновь универсалъ, гдѣ говорила, что она не можетъ смотрѣть равнодушно на богохульства, прикрытыя плащемъ философіи, которыя допускаютъ нѣкоторые выродки отечества; «безбожіе современныхъ умниковъ дошло до того, что о Польшѣ оправдывается нѣкогда сказанное о ней однимъ иностраннымъ писателемъ: свобода совѣсти и богохульства наполнили Польшу такою заразою, какой никакая религія въ мірѣ не можетъ выносить. Конфедерація не хочетъ приневоливать никого къ исповѣданію господствующей религіи, но не можетъ дозволить рожденному въ нѣдрѣ христіанства обывателю не знать никакой религіи, хулить Спасителя и Искупителя рода человѣческаго, издѣваться надъ святою религіею и тѣмъ самымъ заражать сердца невинныхъ, соблазнять простыхъ, обманывать слабыхъ, разсѣявать развратъ и молодыхъ сыновъ отечества, будущую его подпору и надежду, превращать въ дѣтей Веліала».

Главныя занятія конфедераціи, по отношенію къ союзнымъ русскимъ войскамъ, состояли въ доставленіи фуража войскамъ, и тутъ конфедерація обыкновенно наваливала доставку фуража и квартированія войскъ на тѣхъ помѣщиковъ, на кого была зла, а имѣнія своихъ совѣтниковъ увольняла отъ такихъ тягостей. По сношеніямъ съ русскимъ военнымъ начальствомъ конфедерація установила цѣны на фуражъ и сдѣлала распоряженіе, чтобы мѣстныя конфедераціи выдавали русскимъ командамъ *палеты*, гдѣ значилось, что слѣдуетъ брать столько-то и въ такихъ-то имѣніяхъ; тоже давалось равно и на подводы и на всякія потребы; если же гдѣ случалась отъ русскихъ обида, тамъ жители должны были подавать жалобы въ мѣстную конфедерацію, которая уже сносилась объ этомъ съ генеральною. Получать деньги за взятый провіантъ слѣдовало по квитанціямъ въ Варшавѣ, или тамъ, гдѣ находилась конфедерація. Такой порядокъ не способствовалъ тому, чтобы требованія обывателей удовлетворялись скоро. Недоразумѣнія между жителями и квартировавшими русскими войсками черезъ то не уменьшались, напротивъ усиливались. То и дѣло что отъ разныхъ мѣстныхъ конфедерацій поступали въ генеральную жалобы на утѣсненія отъ русскихъ войскъ; русскіе (жаловались обыватели) вымогали фуражъ и провіантъ болѣе положеннаго, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положено брать ихъ; не платили за то, что въ волостяхъ забирали, брали лишнія подводы, солдаты дѣлали жителямъ насилія, а военное начальство не оказывало правосудія, когда обиженные обращались къ нему. Генеральная конфедерація черезъ повѣреннаго императрицы, барона Билера, списывалась объ этомъ съ Коховскимъ, но результата никакого не было до самаго новаго года. «Надобно потерпѣть, писала генеральная конфедерація брестъ-куявской. За то намъ возвращается республиканская свобода; сердце трепещетъ какъ вспомнимъ, что̀ намъ готовилось. Еще и теперь не отступаютъ отъ обольщенія наши враги новаторы, нарушаютъ права вольности, производятъ убійства, разбои, грабежи подъ именемъ защиты правъ человѣчества, забывая, что право собственности есть первое человѣческое право въ обществѣ».

Жалобы на русскихъ увеличивались зимою. Генеральная конфедерація, по полученнымъ жалобамъ, обращалась неоднократно къ Билеру о томъ, что за доставленный фуражъ и провіантъ не платятъ денегъ. Но русскіе офицеры съ своей стороны роптали, что поляки не доставляютъ провіанта въ магазины, при которыхъ они были приставлены. Конфедерація возражала, что̀ жалобы со стороны русскихъ были несправедливы, и это доказывается квитанціями въ доставкѣ опредѣленнаго количества про-

віанта; при этомъ она замѣчала, что изъ доставленнаго проіантва не идетъ на солдатъ ничего, потому что солдатъ кормятъ хозяева, у которыхъ они были помѣщены; поэтому конфедерація просила установить коммиссію пополамъ изъ русскихъ офицеровъ и коммиссаровъ отъ конфедераціи, для разсмотрѣнія этого дѣла. Конфедерація недовольна была главнокомандующимъ россійскими войсками генералъ-аншефомъ Коховскимъ за то, что онъ распредѣлилъ равную раскладку на дымы, тогда какъ дымы, во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой, не представляли чего-нибудь однообразнаго; были дымы грунтовые, при которыхъ находилась земля, и были дымы огородные, мѣйскіе (городскіе) и халупные (бобыльскіе), не имѣющіе земли. Брать провіантъ слѣдовало только съ грунтовыхъ, а Коховскій включилъ въ число подлежащихъ повинностямъ и остальные. Послана была делегація къ Коховскому, просить расплатиться за забранный провіантъ, а впередъ провіантъ и фуражъ брать только за наличныя деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось, что давно уже поданы были жалобы на разныя утѣсненія и оскорбленія, причиненныя русскими военными людьми, но удовлетворенія на нихъ не послѣдовало.

Эта делегація воротилась отъ Коховскаго безъ отвѣта, и конфедерація обращалась еще разъ къ Билеру съ объясненіемъ, что такой поступокъ генералъ-аншефа оскорбляетъ достоинство конфедераціи, которая, по волѣ народа, образуетъ теперь верховное правительство края. Заявленіе это ни къ чему не послужило, и генеральная конфедерація, не получивъ ни удовлетворенія по жалобамъ, ни расплаты за провіантъ, 21-го декабря писала къ барону Билеру, что онъ посылаетъ во всѣ воеводства приказаніе о сборѣ и доставкѣ россійскимъ войскамъ провіанта и фуража, съ замѣчаніемъ, что это дѣлается въ угодность барону, тогда какъ генеральная конфедерація знаетъ, что россійскіе солдаты кормятся на квартирахъ, и надѣется, что будетъ учреждена делегація, которая установитъ выгодныя для обѣихъ сторонъ средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ во всѣ воеводства черезъ мѣстныя конфедераціи универсалъ, о собраніи вновь провіанта и фуража для русскихъ войскъ. Генеральной конфедераціи опять пришлось утѣшать мѣстныя конфедераціи тѣмъ, что если русскія войска и надѣлали достаточно безчинствъ, то все-таки это дѣлалось противъ воли императрицы.

Впрочемъ, независимо отъ столкновеній и недоразумѣній, которыя были неизбѣжны при стеченіи въ краѣ многочисленнаго иноземнаго войска, въ войскѣ русскомъ было болѣе дисциплины и порядка, чѣмъ можетъ казаться по тѣмъ случаямъ, когда возникали жалобы на тягости отъ войска. Очевидцы,

сколько-нибудь безпристрастные, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Укажемъ, напр., на Козьмяна. По его замѣчанію, многіе русскіе не только не относились съ высокомѣріемъ и надменностію къ полякамъ, какъ къ побѣжденнымъ, но чувствуя, что они, русскіе, ниже поляковъ по цивилизаціи, смотрѣли на послѣднихъ съ уваженіемъ и прилаживались къ ихъ обычаямъ, да и поляки часто принимали ихъ съ тѣмъ радушіемъ и добродушіемъ, которымъ всегда отличалось ихъ племя. Если кто изъ военныхъ гостей въ Польшѣ дѣйствительно возбуждалъ противъ себя справедливыя жалобы, то это были казаки, которыхъ, при недостаткѣ строевой дисциплины, не всегда можно было удержать отъ произвола и безчинствъ, тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшивалась традиціонная ненависть къ панамъ-ляхамъ, перешедшая отъ малоруссовъ и къ казакамъ великорусскаго происхожденія.

Сама конфедерація не представляла, однако, чего-нибудь стройнаго, согласнаго, напротивъ, обычная полякамъ безладица господствовала въ этомъ сборищѣ. Въ Литвѣ всемогущими были Коссаковскіе. Епископъ, носившій неважный титулъ инфлянтскаго (in partibus), поддѣлался къ Зубову и выпросилъ для себя въ администрацію краковское епископство, а вмѣстѣ съ нимъ до семи сотъ тысячъ годового дохода съ этого епископства. Эту сумму, послѣ смерти епископа Солтыка, четырехъ-лѣтній сеймъ отчислилъ отъ доходовъ епископства и обратилъ-было въ собственность скарба. Теперь, въ силу уничтоженія всѣхъ распоряженій сейма, признаннаго революціоннымъ и беззаконнымъ, эта сумма возвращена была администратору епископства, которымъ назначенъ Коссаковскій за услуги отечеству. Тѣмъ не менѣе, такое чрезмѣрное присвоеніе доходовъ, уже составлявшихъ государственное достояніе, возбудило неудовольствіе всей малопольской провинціи, и въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, подана была противъ этого распоряженія протестація за подписомъ всѣхъ совѣтниковъ въ означенной провинціи. Около братьевъ Коссаковскихъ роились многочисленные кліенты. Литовскіе дворяне, ради своихъ дѣлъ и видовъ, старались пріобрѣсть благосклонность этихъ сильныхъ міра въ Литвѣ, управлявшихъ безконтрольно Литвою по милости Россіи. Старикъ Сапѣга, выбранный маршаломъ литовской конфедераціи, былъ собственно орудіемъ въ рукахъ партіи Коссаковскихъ и пользовался только почетомъ, который окружалъ тогда его званіе. Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій были врагами Коссаковскихъ, но между собою находились также въ непріязни. Браницкій былъ врагомъ Щенснаго и Ржевускаго, Ржевускій—врагомъ Потоцкаго и Браницкаго вмѣстѣ. У каждаго изъ нихъ были свои партіи, готовыя хоть сейчасъ на междоусобную

брань, и если бы, въ такомъ положеніи, Россія оставила Польшу на произволъ судьбы, то несогласія между конфедератами разразились бы кровавыми смутами. По всеобщему отзыву современниковъ, въ томъ числѣ русскихъ, тогда господствовало ужасающее безправіе, насилія, безстыдное обирательство и грабежи, въ конфедераціонныхъ судахъ было крайнее кривосудіе. Конфедераты овладѣвали чужими имѣніями и были оправдываемы, когда на нихъ искали судомъ. По инымъ дѣламъ назначались особыя коммиссіи, которыя рѣшали дѣла неправильно и пристрастно. Прикрываясь силою конфедераціи, можно было совершать всякія самоуправства. «Конфедерація—замѣчаетъ Сиверсъ, бывшій русскимъ посломъ послѣ Булгакова—хотя вначалѣ и оказала намъ услуги, но потомъ надѣлала намъ же несравненно болѣе зла своимъ неправосудіемъ, насильствами, грабежами, именно тѣмъ, что все это производилось подъ охраною русскаго оружія, и подъ покровительствомъ Россіи дозволено было ей имѣть неограниченное вліяніе на занятіе должностей, и особенно на судебные приговоры, чрезъ что она заслужила великую ненависть».

III.

Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши.—Делегація въ Петербургѣ.—Тревога конфедераціи.

Самостоятельность Польши болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлалась невозможною. Россія не могла уже ее оставить, потому что никогда еще не была такъ сильна надъ нею. Прусскій король, не выманивъ у поляковъ Гданска и Торуня прежде, теперь увидѣлъ предъ собою самое удобное время пріобрѣсти инымъ путемъ отъ Польши болѣе того, сколько онъ просилъ поляковъ уступить ему добровольно. Велась война съ Франціею. Прусскій король участвовалъ въ ней какъ союзникъ Австріи и домогался за труды и издержки вознагражденія насчетъ Польши. Австрія могла согласиться на это съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ и ей также слѣдовало вознагражденіе. Въ іюнѣ, посланникъ русской императрицы въ Вѣнѣ, Разумовскій, говорилъ, что Австріи всего бы сподручнѣе вознаградить себя обмѣномъ Баваріи на Бельгію,—проектъ этотъ имѣла Австрія давно; исполненію его помѣшалъ когда-то Фридрихъ Великій. Когда Разумовскому замѣтили, что въ такомъ случаѣ прусскій король захочетъ также равной части, то Разумовскій отвѣчалъ, что теперешній прусскій король не сталъ бы мѣшать, какъ прежній.

Австрія принялась за эту мысль. Францъ уѣхалъ въ Франкфуртъ, гдѣ 14-го іюля принялъ императорскую корону, а 19-го имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Майнцѣ, и здѣсь въ первый разъ произошла конференція, гдѣ присутствовали австрійскіе и прусскіе дипломаты и обѣ стороны высказали прямо и ясно свои желанія. Пруссія объявила, что за участіе въ войнѣ противъ Франціи она желаетъ вознагражденія въ Польшѣ; Австрія объявила, что желаетъ промѣна Бельгіи на Баварію, но при этомъ Австрія находила, что вознагражденіе будетъ неравномѣрно, Пруссія получитъ больше, Австрія останется въ убыткѣ на два милліона, а потому будетъ справедливо, если Австрія вознаградится еще, сверхъ вымѣна Баваріи, хотя бы принадлежащими Пруссіи, недавно уступленными ей отъ маркграфа княжествами Аншпахомъ и Байрейтомъ. Но Пруссія сразу на это не согласилась. Дѣла не кончили.

Сношенія продолжались потомъ между прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, Гаугвицемъ, и вѣнскимъ министромъ Шпильманомъ.

Самъ король прусскій отправился въ походъ на Францію. Сначала союзники думали, что имъ ничего не будетъ стоить разсчитаться съ Франціею. Эмигранты увѣряли, что къ нимъ присоединится сильное войско изъ недовольныхъ, что вся Франція приметъ союзниковъ какъ освободителей, что громада народа недовольна переворотомъ, и что она въ душѣ осталась вѣрна прежнему порядку, готова умирать за своихъ королей и за свое дворянство, а съ противной стороны между французскими либералами раздоры и несогласія, слѣдовательно успѣхъ коалиціи не подлежитъ сомнѣнію. Сама Екатерина такъ думала и считала Францію чѣмъ-то въ родѣ своей сосѣдки Польши.

25-го іюля публикованъ былъ грозный манифестъ къ французамъ, съ подписью предводителя прусскихъ войскъ, герцога брауншвейгскаго: предлагались французамъ милости австрійскаго императора и прусскаго короля, если они будутъ покорными подданными своего государя; въ случаѣ же, если французы окажутъ малѣйшее оскорбленіе или стѣсненіе своему королю, его фамиліи и тюльерійскому двору, то грозили произвести надъ Парижемъ такую примѣрную экзекуцію и такъ перевернуть въ немъ все вверхъ дномъ, что французы это навсегда будутъ помнить. Такой манифестъ, вмѣсто того, чтобы испугать французовъ, побудилъ ихъ только поскорѣе покончить съ монархіею, висѣвшею на волоскѣ. 10-го августа низвели короля, объявили республику; 2-го сентября перерѣзали въ тюрьмахъ друзей стараго порядка, а 20-го того же мѣсяца показали пруссакамъ обратную дорогу

изъ Франціи. Послѣ безполезной канонады при Вальми, прусскія войска отступили назадъ въ чрезвычайномъ разстройствѣ, страдая равнымъ образомъ отъ проливныхъ дождей и грязи, какъ и отъ смертельнаго поноса, распространившагося между нѣмецкими солдатами. Послѣ этого союзными державами устроено было въ Люксембургѣ совѣщаніе о томъ, что̀ дѣлать далѣе. Со стороны Пруссіи были находившійся въ Вѣнѣ посланникомъ Гаугвицъ и Люккезини, со стороны Австріи баронъ Шпильманъ и князь Рейссъ. Россію изображалъ посланникъ при прусскомъ дворѣ, Алопеусъ, а баронъ Бретейль представлялъ лицо Людовика XVI, тогда уже сидѣвшаго въ заключеніи въ Тамплѣ. Квартира прусскаго короля находилась недалеко отъ Люксембурга, въ селеніи Мерль. Послѣ совѣщаній, подана была прусскими уполномоченными подписанная королемъ нота, гдѣ было заявлено, что такъ какъ предпринятый походъ стоилъ издержекъ и траты людей, и оказывается, что дальнѣйшее продолженіе войны потребуетъ еще бо̀льшихъ утратъ, то его прусское величество не иначе будетъ принимать въ ней участіе на будущее время, какъ пожелавши вознагражденія въ виду будущихъ своихъ издержекъ и усилій. Это вознагражденіе должно состоять въ присоединеніи къ Пруссіи извѣстной полосы Польши. Ихъ величества императоръ и русская императрица пусть признаютъ за нимъ это право, и онъ вступитъ въ дѣйствительное владѣніе этими польскими землями.

Подавши такую ноту, прусскіе уполномоченные подали и карту Польши, на которой проведена была линія, показывавшая, чего желаетъ его прусское величество. Предлагалась при этомъ двоякая сдѣлка отъ его прусскаго величества. Если отъ него будутъ требовать большихъ услугъ, то слѣдуетъ заплатить его прусскому величеству пощедрѣе Польшею, а если услугъ потребуется меньше, то и польской земли прусское величество получитъ менѣе. Такимъ образомъ, если согласятся отдать прусскому королю то, что онъ намѣтилъ на картѣ, онъ обѣщался дѣятельно вести войну и самъ идти въ походъ во Францію, а если не согласятся на означенную имъ пропорцію, то обѣщалъ только двадцать тысячъ вспомогательнаго войска и все же за это требовалъ части Польши по сопредѣльности съ границами его государства.

Это требованіе не могло быть рѣшено тотчасъ на мѣстѣ. Уполномоченные должны были представить его на обсужденіе своимъ дворамъ, и потому, вслѣдъ за тѣмъ, началась переписка съ австрійскимъ и русскимъ дворомъ, и продолжалась всю осень. Императрица держалась системы водить прусскаго короля во-первыхъ для того, чтобы возбудить въ немъ расположеніе усту-

пить Россіи то, чего послѣдняя пожелаетъ для себя; во-вторыхъ, она для своихъ плановъ хотѣла, чтобы Австрія не только дала свое согласіе, но сама бы ходатайствовала за прусскаго короля; въ-третьихъ, ей хотѣлось такимъ образомъ свалить съ себя починъ въ этомъ дѣлѣ, которое, разумѣется, должно было имѣть очень важныя послѣдствія на грядущія времена. Графъ Остерманъ писалъ прусскому двору такія депеши, изъ которыхъ прусскій дворъ не могъ получить яснаго отвѣта на свои представленія.

Не добившись толку отъ Россіи прямо, Пруссія обращалась къ посредничеству Австріи, чтобы Австрія съ своей стороны склонила Россію. Австрія стала недовольна, однако, промѣномъ Баваріи на Бельгію, и имѣла причину быть недовольною, тѣмъ болѣе, что возможность этого факта подвергалась сомнѣнію, потому что, послѣ изгнанія союзниковъ изъ Франціи, французы заняли Бельгію. Нельзя было поручиться, что пфальцскій князь-избиратель, наслѣдникъ Баваріи, хотя соглашавшійся на промѣнъ, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, согласится на тоже. Австрія, чтобы удержать за собою право обмѣна, заявляла еще желаніе получить часть Польши, хотя временно, съ обязанностью возвратить ее, если только Австрія можетъ быть вознаграждена инымъ образомъ. Это желаніе не встрѣтило согласія со стороны Россіи, а Пруссія, ссылаясь на послѣднюю, тоже старалась отклонить Австрію отъ ея требованій. Екатерина побуждала прусскаго короля продолжать войну съ Франціею, признавала за нимъ вполнѣ право вознагражденія, но уклонялась отъ прямого согласія на занятіе Польши, а прусскій король упирался, ни за что не хотѣлъ продолжать войны, прежде чѣмъ союзныя государства не дадутъ ему согласія вступить въ Польшу, и притомъ такъ, чтобы занятіе польскихъ провинцій не зависѣло отъ удовлетворенія Австріи. Австріи когда-то удастся получить въ Баваріи или въ Польшѣ, а прусскій король хотѣлъ немедленно ввести войска въ Великую Польшу и присоединить ее къ своему государству.

Какъ ни упиралась съ своей стороны Австрія, но планъ ея пріобрѣсти Баварію и попользоваться насчетъ Франціи могъ удаться только при успѣхѣ войны, успѣхъ же войны зависѣлъ отъ участія прусскаго короля; а какъ прусскій король не хотѣлъ продолжать войны, не занявши Польши, то Австрія должна была сдѣлать угодное прусскому королю. Министру ея при петербургскомъ дворѣ дано порученіе просить императрицу о согласіи на то, чтобы его величество прусскій король немедленно вступилъ во владѣніе польскими землями, которыя онъ желаетъ пріобрѣсть въ качествѣ вознагражденія, независимо отъ осу-

ществленія видовъ императора на Баварію или на соотвѣтственныя польскія провинціи. Императрица приказала, наконецъ, 5-го декабря 1792 г., вице-канцлеру Остерману дать рѣшительный отвѣтъ графу Гольцу, прусскому посланнику, содержащій согласіе на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу. Гольцъ подалъ карту, гдѣ его король обозначилъ демаркаціонную линію отъ Ченстохова у силезской границы, черезъ Раву до Сольдау, на сѣверной границѣ Польши съ восточной Пруссіею, такъ что города Гданскъ, Торунь, Лэнчица, Сѣрадзь, Піотрковъ, Калишъ, Гнѣзно и Познань отходили къ Пруссіи. Это, на вѣжливомъ дипломатическомъ языкѣ, называлось округленіемъ (arrondissement) границъ.

Съ своей стороны российская императрица назначила линію, означавшую пространство, какое было ей угодно присоединить отъ Польши для округленія послѣдней. Сообщая объ этомъ своему королю, прусскій посланникъ въ Петербургѣ не оставилъ назвать такого рода заявленіе императрицы чрезмѣрными притязаніями (die enormen Ansprüche). Мнѣніе Екатерины препровождено было прусскому королю 5-го (16-го) декабря, а окончательный договоръ былъ подписанъ уже 12-го (23-го) января 1793 года, въ Петербургѣ.

Несмотря на то, что эти переговоры велись въ строгомъ секретѣ, гамбургскія газеты еще въ ноябрѣ напечатали, въ видѣ частныхъ писемъ, о собирающейся надъ Польшею грозѣ, и вслѣдъ затѣмъ конфедерація получила конфиденціальныя извѣстія отъ командира польскаго войска въ Великой Польшѣ, Ожаровскаго, что въ Пруссіи пошли слухи о готовности ввести прусскія войска во владѣнія Рѣчи-Посполитой въ скоромъ времени. Маршалы генеральной конфедераціи въ испугѣ обратились конфиденціально къ барону Билеру отъ 22-го ноября. «Генеральная конфедерація — сказано было въ письмахъ маршаловъ — считаетъ эти слухи ложными, выдуманными и распространенными съ цѣлью отравить довѣріе гражданъ и волновать умы, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ нужнымъ объяснить націи какъ можно скорѣе всю лживость подобной клеветы и упрочить внутреннее спокойствіе, а потому конфедерація вмѣняетъ себѣ въ обязанность объясниться съ прусскимъ посланникомъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 5-го декабря, конфедерація отнеслась къ Бухгольцу, замѣнившему Люккезини. Въ нотѣ конфедераціи было сказано: «Польская Рѣчь-Посполитая вѣритъ неизмѣнному доброму расположенію и союзу наияснѣйшаго прусскаго короля и подобные слухи признаетъ ложью, преднамѣренно разсѣеваемою тѣми, которые хотятъ внушить націи недовѣріе къ сосѣдской

дружбѣ прусскаго короля, возбудить въ умахъ тревогу и возмутить спокойствіе, но, для утишенія всего этого, категорическій отвѣтъ Бухгольца былъ бы вѣрнѣйшимъ и приличнѣйшимъ средствомъ. Конфедерація не можетъ сомнѣваться, что Бухгольцъ не замедлитъ дать ей утѣшительный отвѣтъ».

Желаннаго отвѣта пришлось конфедераціи ждать болѣе мѣсяца. Изъ Петербурга между тѣмъ вѣяли успокоительныя вѣсти. Посланникомъ при императорскомъ дворѣ, вмѣсто отставленнаго Деболи, оказавшагося сторонникомъ майской конституціи, назначенъ былъ Вьельгорскій. Еще въ сентябрѣ отправлена была депутація къ императрицѣ; на челѣ ея былъ гетманъ Браницкій. Съ нимъ отъ Короны были гетманъ польскій Ржевускій, Грановскій, Миръ и Вьельгорскій а изъ Литвы гетманъ польскій Коссаковскій, другой Коссаковскій (воеводичъ витебскій), князь Радзивиллъ (сынъ виленскаго воеводы), Сапѣга (сынъ канцлера) и троцкій каштелянъ Пляттеръ.

14-го ноября эта депутація представлялась Екатеринѣ и приносила благодарность за возстановленіе старопольской свободы. «Уже—говорилъ Браницкій—полякъ, подавляемый грознымъ бременемъ, началъ преклонять колѣна предъ божествомъ, невѣдомымъ ему отъ вѣковъ и съ отчаяніемъ взиралъ на вѣковые кандалы, которые должны были связывать его правнуковъ. Но Богъ и Екатерина воззрѣли на него. Обольстительный истуканъ палъ; его творцы и почитатели разбѣжались, полякъ возсталъ, подобно своимъ предкамъ свободный, и простеръ руки къ небу, а полные чувствительности очи къ своей избавительницѣ! О, если бы возвращенная свобода сдѣлалась вѣчно неизмѣняемымъ счастіемъ для польскаго народа! Полякъ жаждетъ этого и видитъ свое счастіе только въ вѣчномъ союзѣ съ краями, которые Провидѣніе вручило вѣчно памятному твоему скипетру».

Отъ имени императрицы отвѣтилъ делегаціи вице-канцлеръ въ такихъ выраженіяхъ: «въ чувствахъ сосѣдняго вольнаго и дружелюбнаго народа императрица видитъ себѣ награду за стараніе, оказанное ею для возстановленія древней свободы и независимости Польши». Онъ передалъ удовольствіе императрицы за предложеніе союза между двумя государствами. «Я имѣю приказаніе — сказалъ онъ въ концѣ — сообщить почтенной делегаціи взаимное желаніе ея величества такого естественнаго союза и увѣрить всѣхъ членовъ ея въ высокомъ вниманіи къ ней ея императорскаго величества».

Затѣмъ нѣсколько времени оставались поляки въ Петербургѣ. Ихъ забавляли празднествами и увеселеніями. Кромѣ делегатовъ въ Петербургѣ то и дѣло пріѣзжали поляки по соб-

ственнымъ дѣламъ: кто проситъ староства, кто получить орденскую ленточку. Жившій въ то время въ Ливоніи графъ Сиверсъ, будущій рѣшитель судьбы Рѣчи-Посполитой, видя какъ они сновали мимо его имѣнія черезъ Вольмаръ, замѣчалъ: «этакъ они цѣлый Петербургъ запрудятъ! Вотъ что значитъ насмѣхаться надъ свободою; французы такъ не смѣялись надъ своею, когда раздѣлались съ герцогомъ брауншвейгскимъ».

Императрица всѣхъ обворожила своею благосклонностію. Въ числѣ пріѣзжавшихъ былъ Михаилъ Огинскій, бывшій сторонникъ конституціи 3-го мая, племянникъ бывшаго гетмана литовскаго; онъ пріѣзжалъ просить о снятіи секвестра съ своихъ имѣній. Получивъ желаемое, онъ, какъ разсказываетъ самъ въ своихъ запискахъ, представляясь любимцу императрицы графу Зубову, изъявилъ желаніе оставить навсегда свое отечество, предвидя, что Польша быть можетъ опять подвергнется раздѣлу.

«Выкиньте это изъ головы, сказалъ Зубовъ. Эти сказки сочиняютъ враги Россіи. Императрица принимала къ сердцу судьбу польскаго народа, съ сожалѣніемъ видѣла сѣти, которыя разставляетъ Польшѣ прусскій король, и бездну, куда хотѣли ее ввергнуть французскіе революціонеры. Но поляки были глухи ко всѣмъ благоразумнымъ совѣтамъ, которые имъ давались посредствомъ русскаго посланника въ Варшавѣ, и потому императрица склонилась къ мольбамъ знатнѣйшихъ членовъ сейма, думавшихъ разсудительнѣе, чѣмъ другіе, послала войска свои затѣмъ только, чтобы спасти Польшу. Вы думаете, императрицѣ нужны новыя пріобрѣтенія? Да развѣ бы она не могла, если бы хотѣла, овладѣть Турціею и посадить на престолъ въ Константинополѣ своего внука? Польша для нея болѣе полезна въ дружескомъ союзѣ, какъ оплотъ противъ остальной Европы. Пусть себѣ кричитъ въ вашихъ провинціяхъ это мелкое шляхетство, не знающее само, чего ему хочется, — ваши якобинцы санкюлоты, которымъ терять нечего, да ваши старые барскіе конфедераты. Люди умные, которыхъ въ вашей землѣ много, могутъ ли допустить, чтобы русская императрица согласилась на раздѣлъ Польши? Увѣряю васъ, что не таковы ея намѣренія, и если вы узнаете величіе ея души и благородство ея чувствъ, то первый станете уничтожать въ вашей землѣ ложные слухи, возникшіе по этому поводу». Такъ относилась Россія къ тревогѣ, возникшей въ Польшѣ по поводу гамбургскихъ газетъ.

Намѣренія императрицы и сношенія съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши хотѣли сохранить въ непроницаемой тайнѣ до тѣхъ поръ, когда придетъ время нанести роковой ударъ. Англійскій посолъ Уисвортсъ, наканунѣ послѣдняго формальнаго договора

съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши, говорилъ съ Марковымъ объ этомъ предметѣ. Тогда Англія уже пристала къ коалиціи противъ Франціи. Англійскій посолъ изъяснялъ, что его государству было бы очень прискорбно, если бы въ тотъ самый моментъ, когда лондонскій дворъ готовится дѣйствовать за одно въ честномъ и справедливомъ дѣлѣ, приводился въ исполненіе планъ, который могъ только увеличить безпорядокъ въ Европѣ и которому противодѣйствовать всѣ обязаны. «Я надѣюсь,—говорилъ онъ,—что ея величество никогда не можетъ быть участницею такого дѣла, но естественнымъ образомъ на ея величество будетъ падать отчасти негодованіе, возбуждаемое такимъ несправедливымъ поступкомъ, если онъ предпринятъ будетъ въ ту минуту, когда оба двора показываютъ сильнѣйшіе знаки дружбы и довѣрія, и объявляютъ Европѣ возстановленіе полнѣйшей гармоніи, которая къ несчастію была нарушена». Марковъ уклонился отъ объясненія того, что желалъ объяснить англичанинъ и отвѣчалъ только въ общихъ выраженіяхъ, распространялся о томъ, что императрица возложила на себя большія заботы и потерпѣла много убытковъ для возстановленія порядка въ Польшѣ. «До сихъ поръ — сказалъ онъ, — все, что было сдѣлано, оказало противныя послѣдствія, а для сосѣдственныхъ республикѣ странъ необходимо освободиться отъ препятствій въ этомъ отношеніи, чтобы имѣть возможность направить свои силы въ иную сторону. Я не думаю, чтобы опасенія поляковъ были основательны; мѣры, предпринятыя прусскимъ королемъ, равно и тѣ мѣры, какія избирала или будетъ избирать Россія, скорѣе мѣры предосторожности, чѣмъ планы присвоенія какой бы то ни было части польской территоріи».

Когда трактатъ о раздѣлѣ былъ уже окончательно подписанъ, а прусскій король ввелъ свои войска въ Польшу, англійскій посолъ, узнавъ объ этомъ 29-го января, опять обратился къ Маркову съ просьбою, удѣлить ему, какъ представителю союзной державы, свѣдѣнія: какія мѣры принимаются по отношенію къ Польшѣ и вмѣстѣ сообщилъ ему свои основанія на счетъ слуховъ о предстоящемъ раздѣлѣ. «Подобный поступокъ въ такую минуту — говорилъ Уисвортсъ — до крайности опасенъ и вѣроятно обратитъ въ противную сторону общественное мнѣніе въ Англіи, которое теперь благопріятно защищаемому нами дѣлу; такимъ образомъ онъ помѣшаетъ согласію, столь желаемому и полезному. Кромѣ того, такое сильное средство напугаетъ и другія страны, которыя уже готовы участвовать въ войнѣ противъ Франціи. Поступокъ этотъ навлечетъ въ высшей степени непопулярность предпріятію противъ Франціи и поможетъ францу-

замъ сильнѣе, чѣмъ сколько они сами надѣются».—«Поступокъ, котораго вы боитесь, — сказалъ Марковъ — не будетъ исполненъ; въ этомъ можете увѣрить вашъ дворъ. Я не беру на себя предсказывать то, что будетъ позже, но въ настоящее время дѣло стоитъ на основаніи объявленія его величества прусскаго короля, и не принимается дальнѣйшихъ шаговъ, которые могли бы обезпокоить Польшу».

Конфедерація, между тѣмъ, удвоила ревность въ занятіи внутренними дѣлами. 8-го декабря назначили коммиссію для пересмотра литовскаго статута. Желая расположить къ себѣ сколько-нибудь и мѣщанское сословіе, которое имѣло поводъ сожалѣть о конституціи 3-го мая, она предписала отъ пяти значительнѣйшихъ городовъ изъ каждой провинціи (въ Великой Польшѣ отъ Познани, Калиша, Варшавы, Піотркова, Всхова, и въ Малой Польшѣ отъ Кракова, Люблина, Сендомира, Каменца, Житомира, въ литовскомъ великомъ княжествѣ отъ Вильны, Гродно, Ковно, Минска и Бреста) прислать по два депутата, выбравъ ихъ изъ числа давнихъ мѣщанскихъ жителей—непремѣнно изъ такихъ лицъ, которые до 1790 года были въ мѣщанскомъ званіи, для представленія по 15-е февраля 1793 г. просьбъ и желаній своихъ въ Гродно. Другимъ городамъ дозволили, по желанію ихъ, доставлять въ генеральную конфедерацію свои заявленія и мнѣнія. Съ другой стороны, всѣмъ повѣтовымъ маршаламъ объявлено, что отселѣ они возводятся въ сенаторское званіе и являются въ конфедераціи наравнѣ съ каштелянами. Объявлено, чтобы къ 15-му февраля всѣ, кто пожелаетъ, представляли проекты устройства правленія и общественнаго порядка на будущее время, а для разсмотрѣнія проектовъ выбрана была изъ членовъ конфедераціи депутація, которая должна была изъ прежнихъ законоположеній извлечь кардинальные или основные законы для Польши, сдѣлавъ это такъ, чтобы вольность каждаго обывателя была ограждена отъ интригъ, устроить администрацію такъ, чтобы исполнительная власть не могла нарушать общественной и личной свободы, и управленіе дѣлами въ воеводствахъ не могло быть поглощено высшею наблюдательною властью, указать мѣры, чтобы войско могло быть только полезно, а не страшно отечеству, и наконецъ, чтобы былъ обезпеченъ вѣчный и неизмѣнный миръ съ сосѣдями.

Къ 15-му февраля должны съѣхаться всѣ депутаты, а потомъ будетъ созванъ сеймъ, долженствующій утвердить форму правленія въ республиканскомъ духѣ. На вѣчную память грядущимъ поколѣніямъ установлена была медаль въ память осво-

божденія Польши; она была установлена еще 5-го декабря, но къ раздачѣ поступила 5-го января [1]).

Среди такихъ постановленій 16-го января 1793 года появилась зловѣщая нота прусскаго посла Бухгольца. Въ ней было сказано, что въ Польшѣ сталъ распространяться духъ французскаго демократизма и правила ужасной секты: якобинскіе агенты находятъ себѣ поддержку; открываются революціонные клубы;—въ особенности Великая Польша отравлена этимъ ядомъ, и сокрываетъ въ себѣ большое число поклонниковъ фальшиваго патріотизма; ихъ связи съ французскими клубами внушаютъ прусскому королю опасеніе за безопасность собственныхъ владѣній и принуждаютъ его прибѣгнуть къ дѣйствительнымъ средствамъ. Обязанный продолжать войну противъ Франціи вмѣстѣ съ союзными государствами, король прусскій совѣтовался съ австрійскимъ и россійскимъ дворами, и оба союзные двора признали, что здравая политика не дозволяетъ оставлять въ Польшѣ свободными руки заговорщиковъ, и такимъ образомъ имѣть въ тылу у себя непріятеля, котораго зловредныя попытки могутъ сдѣлаться источникомъ новыхъ безпокойствъ, тѣмъ болѣе, что пограничные края прусскаго государства уже испытали всякаго рода нарушенія территоріи со стороны поляковъ. По этой причинѣ прусскій король рѣшился ввести въ Великую Польшу значительную часть войска подъ командою генерала Мëллендорфа для удержанія въ этомъ краѣ спокойствія. На жителяхъ лежитъ обязанность принять эти войска и снабжать ихъ продовольствіемъ, а генералъ Мëллендорфъ обязанъ платить за доставленное и удерживать подначальныя ему войска въ надлежащей дисциплинѣ.

Генеральная конфедерація на эту ноту поручила канцлеру Малаховскому дать отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: «Дѣло конституціи 3-го мая, со всѣми его вредными послѣдствіями для спокойствія отечества, уже уничтожено при помощи императрицы и генеральная конфедерація отъ 28-го ноября 1792 года уже запретила всякіе клубы, угрожая суровымъ наказаніемъ ихъ составителямъ; затѣмъ туземное польское правительство имѣетъ достаточно силы для удержанія спокойствія, особенно при сильной и великодушной помощи императрицы, почему проситъ прусскаго короля удалить изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой свои войска, и въ надеждѣ, что прусскій король исполнитъ ея просьбу,

[1]) Посреди вѣнца слова: Civibus quorum pietas conjuratione die tertia mai 1791 obrutam et deletam libertatem polonam tueri conabatur Respublica resurgens; около надпись: gratitudo concivibus exemplum posteritati. На другой сторонѣ по срединѣ: Decreto Reipublicae nexu confederationis junctae quinta decembris 1792. Regnante Stanislawo-Augusto. На рубчикѣ вѣсъ серебра: ex marca pura colon. $10^7/_{16}$.

не дѣлаетъ никакихъ распоряженій относительно содержанія прускихъ войскъ, введенныхъ въ Польшу. Что же касается до нарушенія прусской территоріи, то конфедерація желаетъ знать подробно, въ чемъ оно состоитъ, и кто виновать въ этомъ, дабы предать виновныхъ достойному наказанію».

Сообразно съ наказомъ, даннымъ конфедераціею отъ 20-го января, канцлеръ Малаховскій, 23-го января, подалъ Бухгольцу отвѣтъ на его ноту и между прочимъ выразился такъ: «Положеніе дѣлъ въ Польшѣ удаляетъ всякую возможность какого бы то ни было безпорядка, угрожающаго спокойствію прусскихъ владѣній и могущаго служить его величеству прусскому королю поводомъ ко введенію своихъ войскъ въ Польшу, а потому наияснѣйшая конфедерація остается въ полномъ убѣжденіи, что этотъ справедливый и великодушный монархъ отмѣнитъ выданные приказы и пожелаетъ черезъ то даровать новое доказательство своего благорасположенія къ Рѣчи-Посполитой и умножить то взаимное довѣріе, которое должно соединять два сосѣдственныя дружественныя государства».

Въ одинъ и тотъ же день, когда конфедерація послала Малаховскому инструкцію объ отвѣтѣ на прусскую ноту, она отправила письмо къ Екатеринѣ, жаловалась на поступокъ прусскаго короля, замѣчала, что онъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на умы, просила о содѣйствіи императрицы къ тому, чтобы убѣдить прусскаго короля отмѣнить свой приказъ, и выражалась такъ: «мы не боимся за наши лучшія провинціи, колыбель польскаго государства, но Рѣчь-Посполитая, возстановленная вашимъ величествомъ, желаетъ не имѣть другого счастія, какъ пользоваться спокойствіемъ и цѣлостью, достигнутыми собственными возможными усиліями и благодѣяніями вашего величества».

Въ тоже время генеральная конфедерація показывала видъ, что поступокъ короля прусскаго для нея еще не очень страшенъ; она, по поводу введенія прусскимъ королемъ своихъ войскъ въ польскія владѣнія, приказывала всѣмъ офицерамъ, взявшимъ отпускъ, возвратиться къ своимъ корпусамъ на службу, а командирамъ пѣшихъ полковъ немедленно, изъ вакантныхъ кассъ, находящихся при корпусахъ, покупать лошадей подъ батальонныя орудія и аммуниціонные возы; впрочемъ, всѣмъ войскамъ приказывалось сохранять строгое спокойствіе и отнюдь не начинать непріязненныхъ дѣйствій съ пруссаками.

Н. Костомаровъ.

МАВРИТАНСКІЙ КОРОЛЬ.

(Изъ Гейне).

Погруженный въ нѣмое страданье,
Подавляя въ душѣ своей боль,
Изъ гранадскаго царства въ изгнанье
Ѣхалъ Мавровъ послѣдній король.

И за нимъ въ балдахинахъ высокихъ,
Крытыхъ шелкомъ, парчей до земли,
Его женъ и рабынь черноокихъ
Твердымъ шагомъ верблюды несли.

Подвигалася вслѣдъ вереница
Вѣрныхъ слугъ на арабскихъ коняхъ,
Были мрачны тѣхъ всадниковъ лица,
Тихо ѣхали съ грустью въ очахъ.

Тихо ѣхали, пѣсенъ не пѣли,
Не слыхать было звонкой трубы,
Колокольчики муловъ звенѣли,
Шли за мулами молча рабы.

Поѣздъ медленно двигался въ гору,
Показалась Гранада вдали,
На прощанье представился взору
Видъ отцовской любимой земли.

Бросилъ лошадь король, — и въ молчаньѣ
На Гранаду родную глядѣлъ:
Въ золотистомъ вечернемъ сіяньѣ
Городъ пурпуромъ яркимъ горѣлъ.

Въ аломъ блескѣ вечерняго свѣта
Крестъ на башняхъ и стѣнахъ сверкалъ,
Замѣнилъ онъ луну Магомета....
Какъ ребенокъ король зарыдалъ.

Въ немъ душевныя силы сломились,
Изъ души его вырвался стонъ,
Изъ очей его слезы полились....
Онъ оплакивалъ царственный тронъ.

Разодвинувъ парчу балдахина,
Престарѣлая мать короля
Поглядѣла съ усмѣшкой на сына
И надменно и злобно рекла:

«Ты дождался за трусость награды,
Ты какъ женщина немощенъ, хилъ,
Лучше-бъ ты подъ стѣнами Гранады
Свою голову въ битвѣ сложилъ.»

Ту суровую рѣчь услыхала
Короля молодая жена,
И обнявши его, цѣловала
И съ улыбкой ласкала она.

«О не плачь, не тоскуй, — говорила, —
Мой возлюбленный царственный Мавръ,
Гдѣ теперь твоей славы могила,
Тамъ роскошный поднимется лавръ.

«Шаловливая женщина — счастье,
Побѣдитель ей милъ — не одинъ,
Въ ея сердцѣ находитъ участье
И бездолья израненый сынъ.

«Сильный мужествомъ, доблестью воинъ
Не забудется громкой молвой;
Вѣчной памяти славной достоинъ
Злой судьбою сраженный герой».

Вдохновенной любви предвѣщанья,
Предсказанія милой сбылись,
Не забылися Мавра страданья,
Въ звучныхъ пѣсняхъ до насъ донеслись.

И до нынѣ народъ воспѣваетъ,
И «рыданіемъ Мавра» назвалъ,
Эти горы, гдѣ Дурръ протекаетъ,
Гдѣ безсильный изгнанникъ рыдалъ.

Его имя не тронетъ забвенье,
Развѣ, сгибнетъ поэзіи даръ,
И замолкнетъ въ Испаніи пѣнье
Полнозвучныхъ и стройныхъ гитаръ.

А. Я—въ.

СЕСТРА РОЗА.

ПОВѢСТЬ.

(Переводъ съ рукописи).

Въ одинъ изъ октябрскихъ вечеровъ двѣ монахини шли по дорогѣ къ маленькому городку Мортаню, неподалеку отъ Алансона. На нихъ были сѣрыя широкія платья и бѣлыя шляпы съ широкими полями. Смеркалось. Онѣ все болѣе и болѣе ускоряли шаги, ихъ длинныя четки мѣрно болтались по платью. Уже значительная часть окаймленной вязами аллеи, вдоль которой лежалъ ихъ путь, осталась позади ихъ, а между тѣмъ онѣ еще ничего не видѣли впереди кромѣ бѣлой, извилистой линіи, тонущей въ массѣ зелени. Онѣ шли молча, только изрѣдка обмѣниваясь словомъ.

Одна изъ монахинь перекрестилась и перебирая четки, стала шептать молитву. Другая послѣдовала ея примѣру, но нѣсколько небрежно и не спуская разсѣяннаго взора своихъ голубыхъ, какъ лѣтнее небо, глазъ съ золотистыхъ облаковъ, облегавшихъ западъ, на которыхъ отчетливо рисовалась мягкая зелень вязовъ.

Одна изъ монахинь была старая, другая молодая. Первая, полная и даже тяжеловѣсная, имѣла черты лица, когда-то пріятныя и даже можетъ красивыя, но теперь расплывшіяся и запечатлѣнныя нравственною и умственною тупостью; онѣ не выражали ничего кромѣ какой-то набожной угрюмости.

Ея спутница была, напротивъ, высокая, стройная и скорѣе худощавая. Цвѣтъ ея лица былъ той прозрачной бѣлизны, которая нерѣдко встрѣчается подъ этими широкими шляпами, куда не проникаютъ ни солнце, ни воздухъ. Впрочемъ щеки молодой монахини не сдѣлались еще совсѣмъ безцвѣтными; онѣ слегка

оттѣнялись слабымъ и нѣжнымъ румянцемъ бенгальской розы. Глаза ея имѣли не то, чтобъ печальное, но нѣсколько томное выраженіе. Ротъ ея, довольно большой, изъ-за котораго случайно мелькнули бѣлые, ровные зубы, несмотря на общій меланхолическій характеръ лица, сохранялъ слѣды веселой и живой юности.

Вдругъ посреди безмолвія, нарушаемаго только шелестомъ листьевъ и шумомъ быстрыхъ шаговъ монахинь, раздался легкій стонъ. Старшая монахиня вздрогнула, крѣпче сжала въ рукахъ четки и ускорила шагъ. Младшая остановилась, озираясь вокругъ.

Стонъ нослышался со стороны поля, на окраинѣ дороги.

— Господи Іисусе! воскликнула монахиня: чего вы тамъ остановились сестра? Въ это позднее время...

— Но это можетъ быть больной?

— Скажите лучше пьяный. Пойдемте, пойдемте скорѣй. Останавливаться ночью на дорогѣ вовсе не безопасно.

Молодая монахиня, уступая убѣжденіямъ своей спутницы, сдѣлала нѣсколько шаговъ и снова остановилась.

— Нѣтъ, сестра, сказала она, было бы грѣшно оставить въ опасности человѣка, которому мы можетъ быть въ состояніи помочь.

— Это одна изъ вашихъ обычныхъ фантазій, съ досадой замѣтила старшая.

Въ эту минуту воздухъ огласился дѣтскимъ плачемъ, за которымъ послѣдовалъ новый стонъ и нѣсколько безсвязныхъ словъ.

— Слышите, сестра?

— Слышу, коротко и сухо отвѣчала пожилая монахиня, но минуту спустя какъ бы раскаяваясь въ своей жестокости, прибавила гораздо мягче:

— Ваша правда, сестра Роза, намъ слѣдуетъ пойти посмотрѣть, что это такое.

И онѣ направились въ сторону, откуда слышались голоса и стоны.

Сестра Роза быстро и легко перескочила черезъ небольшую канаву, отдѣлявшую дорогу отъ сосѣдняго поля. Она внезапно очутилась возлѣ женщины, которая полулежала на землѣ, держа у груди маленькаго спящаго ребенка. Рядомъ съ ней стояла дѣвочка лѣтъ пяти, которая съ горькимъ плачемъ что-то говорила, чего изъ-за ея рыданій нельзя было разобрать.

Странное положеніе этой женщины, свидѣтельствовавшее о крайнемъ утомленіи, лихорадочный блескъ ея глазъ и щекъ мгновенно бросились въ глаза монахинѣ.

— Вы больны? было ея первымъ словомъ незнакомкѣ.

— Да, отвѣчала та, очень больна! А мои дѣти голодны и озябли. Сжальтесь надъ нами!

— Господи Іисусе! могла только воскликнуть молодая монахиня, всплеснувъ руками.

Она поспѣшно вернулась къ своей спутницѣ, которая, по всему видно, была ея начальницей. Толщина старухи, болѣе нежели ея сановитость, удерживала ее на противоположной сторонѣ канавы, черезъ которую она не рѣшалась перескочить. Сестра Роза въ нѣсколькихъ словахъ описала ей печальное положеніе женщины и ея малютокъ.

— Кто она и откуда? спросила старшая монахиня.

И между нею и незнакомкой черезъ посредничество сестры Розы завязался слѣдующій разговоръ:

— Мы издалека, изъ окрестностей Сенъ-Бріена.

— Куда онѣ идутъ?

— Въ Парижъ.....

Незнакомка точно хотѣла еще что-то прибавить, но у нея вмѣсто словъ вырвался глубокій вздохъ.

— Зачѣмъ имъ туда?

— Соединиться съ моимъ..... мужемъ.

— Но развѣ у нея нѣтъ родныхъ? Возможно ли, чтобъ всю эту дорогу они прошли пѣшкомъ.

— У меня нѣтъ родныхъ.... по крайней мѣрѣ близкихъ...... И всего только одна пріятельница въ Реннѣ. Остановившись тамъ, чтобъ повидаться съ ней и дать отдохнуть дѣтямъ, я замѣтила.... о, Господи!... что у меня дорòгой украли... а можетъ быть я и сама потеряла... немного денегъ, которыя у меня еще оставались. Тогда мнѣ поневолѣ пришлось идти пѣшкомъ, прося ночлега въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ насъ застигала ночь. Но часто, часто приходилось мнѣ оставаться на холодномъ воздухѣ безъ всякаго убѣжища!... Вѣроятно отъ этого, а также и отъ усталости со мной сдѣлалась лихорадка.... и я почувствовала теперь, что не могу идти далѣе.

— У васъ есть какія-нибудь бумаги?

Бѣдная женщина вынула и показала пачку писемъ отъ мужа, говорила она, — и болѣе ничего. У ней не было свидѣтельства отъ мера, что показалось весьма подозрительнымъ старшей изъ монахинь, которая начала по этому случаю выражать свое неудовольствіе.

— Сестра Анжелика, перебила ее младшая монахиня, эта женщина кажется очень больна.

— Гмъ!... Да, нечего дѣлать, мы должны взять ее съ собой, хотя у насъ и безъ того не мало больныхъ!... Мы ее во всякомъ

случаѣ отведемъ къ матери игуменьи, а та уже порѣшитъ что съ ней дѣлать.

Услышавъ это, сестра Роза мгновенно схватила на руки ребенка и помогла бѣдной женщинѣ встать. Затѣмъ онѣ всѣ вмѣстѣ отправились въ путь. Имъ оставалось не болѣе четверти часа ходьбы до Мортаня. Но больная съ трудомъ передвигала ноги, которыя у нея страшно опухли. Кромѣ того, она страдала почти нестерпимой головной болью и, по всему было видно, находилась въ лихорадочномъ состояніи, которое ее до крайности изнуряло. Что касается до маленькой дѣвочки, то она продолжала плакать, хотя не такъ громко какъ прежде. Ее казалось испугалъ суровый тонъ, какимъ сестра Анжелика, беря ее за руку, приказала ей молчать.

— Обопритесь на меня сильнѣе, шепнула сестра Роза на ухо незнакомкѣ.

— Благодарю васъ.... вы очень добры. Васъ ужъ и безъ того стѣсняетъ мой мальчикъ.

— Нисколько, онъ очень легокъ! Который ему годъ?

— Ему всего восемь мѣсяцевъ и, къ сожалѣнію, вы правы: онъ вовсе не тяжелъ. Бѣдняжка очень исхудалъ! А между тѣмъ онъ прежде былъ такой здоровый и красивый ребенокъ! Но что дѣлать, онъ все это время сосалъ дурное молоко.

Ребенокъ продолжалъ спокойно спать на рукахъ монахини, которая едва слышала его слабое дыханіе. При входѣ въ городъ, когда онѣ вышли изъ-подъ тѣни густыхъ вязовъ, сестрѣ Розѣ удалось разсмотрѣть личико ребенка. Она его нашла прелестнымъ, несмотря на его блѣдность и худобу.

На порогѣ монастыря незнакомка, какъ будто бы для того, чтобы избѣжать новаго допроса и разнаго рода тяжелыхъ формальностей, упала въ обморокъ. Ее немедленно отнесли въ большую залу, гдѣ стояло одиннадцать кроватей, изъ которыхъ многія были заняты. Маленькая дѣвочка, страдая отъ холода и голода, не въ силахъ была долѣе удерживать своихъ рыданій и начала громко всхлипывать. Мальчикъ, внезапно проснувшись, послѣдовалъ ея примѣру.

— Пресвятая Дѣва Марія! воскликнула игуменья: что намъ дѣлать съ этими дѣтьми? Они разбудятъ всѣхъ больныхъ. Сестра Роза, уведите ихъ на кухню и дайте имъ тамъ поѣсть

Молодая монахиня съ радостью повиновалась. Ей было бы тяжело отдать этихъ бѣдныхъ малютокъ на чье-либо другое попеченіе. Но мальчикъ со страхомъ на нее смотрѣлъ и не переставалъ кричать. Его повидимому пугала шляпа сестры Розы.

Она сѣла въ уголокъ близъ печки и попросила кухарку, также изъ монахинь, дать ей для дѣтей немного супу. Вскорѣ нѣсколько ложекъ горячаго кушанья и теплота комнаты успокоили дѣвочку. Утоливъ свой голодъ, она совсѣмъ оправилась и вскорѣ ея головка, прикрытая черной шапочкой, изъ-подъ которой выбивались бѣлокурые локоны, склонилась на колѣни монахини: дитя не замедлило погрузиться въ сонъ. Но мальчикъ за то упорно отворачивался отъ ложки съ супомъ, которую ему подносили къ ротику, и съ крикомъ закидывая назадъ головку, повидимому искалъ материнской груди.

— Боже мой! произнесла сестра Роза: ему нужно бы дать молока. Нельзя ли добыть хоть немного, — обратилась она къ старой монахинѣ.

— Въ эту позднюю пору! Что вы? отвѣчала кухарка, старая, немного глухая монахиня, продолжая заниматься своимъ дѣломъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ нея дѣлалось.

А ребенокъ между тѣмъ страдалъ и сестра Роза вмѣстѣ съ нимъ. Ей было невыразимо тяжело слышать его крики и знать, что она не можетъ ему дать того, чего онъ просилъ у нея. Личико мальчика посинѣло, открытый ротикъ выказывалъ необыкновенно красный языкъ и десна, а крики его становились все пронзительнѣе и наконецъ перешли въ хрипоту. Нѣсколько ложекъ молока его мгновенно успокоили бы.

Но если въ монастырѣ болѣе не оказывалось молока, то его, безъ всякаго сомнѣнія, еще можно было найти въ городѣ у сосѣдей. Къ несчастію, монастырскія правила запрещали монахинямъ выходить въ этотъ поздній часъ....

Не обратиться ли за позволеніемъ къ матери игуменьи? О, нѣтъ, навѣрное откажетъ... правила не нарушаются изъ-за такихъ бездѣлицъ. Развѣ человѣкъ не для того родится, чтобъ страдать? Да, но дѣти!...

Малютка кричалъ такъ жалобно! Въ его плачѣ явно слышалось: я такъ малъ, такъ слабъ, такъ нуждаюсь въ помощи! Вы все это видите и оставляете меня умирать!

Сестра Роза сама едва удерживалась отъ слезъ. Замѣтивъ, что ножки мальчика были холодны, она принялась ихъ согрѣвать. Онъ на минуту умолкъ, но когда она попыталась поднести ему къ ротику ложку съ бульономъ, онъ снова началъ кричать и отворачивать головку. По глазамъ его было видно, что онъ искалъ мать.

Терзаемая желаніемъ облегчить малютку, сестра Роза мысленно видѣла кринки съ молокомъ, которые стояли у сосѣдей на

полкахъ. Чего бы она не дала за одну изъ нихъ! Наконецъ, не въ силахъ долѣе выносить взглядовъ страдальческихъ глазокъ ребенка, сестра Роза потихоньку переложила спящую дѣвочку на скамью, а сама встала и, рискуя согрѣшить, вышла изъ кухни. Подъ воротами она нашла привратницу, которой и разсказала свое горе.

Та была немного болтливая, но очень добрая женщина.

— Погодите, сказала она. Отсюда только-что вышла сосѣдка Жиль. Я ее позову назадъ.

Она высунулась въ форточку и громко кликнула вслѣдъ сосѣдкѣ. Та вернулась на зовъ и охотно согласилась принести молока. Обѣ монахини льстили себя надеждой, что онѣ не согрѣшили, такъ какъ ни одна изъ нихъ не сдѣлала ни шагу за порогъ монастыря.

Сосѣдка Жиль вскорѣ вернулась не только съ молокомъ, но и съ сахаромъ, и минуту спустя сестра Роза уже подчивала ими ребенка.

Мальчикъ и тутъ было-вздумалъ противиться, упорно закидывая назадъ головку, но почувствовавъ на языкѣ пріятную теплоту молока, тотчасъ измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ пилъ съ жадностью и немного оправясь, самъ схватилъ рученкой ложку, чѣмъ не мало замедлялъ утоленіе своего аппетита. Затѣмъ глазки его сомкнулись и онъ заснулъ.

Страннопріимный домъ въ Мортанѣ давалъ убѣжище только взрослымъ и потому въ немъ ничего не было приспособлено для дѣтей. О томъ, чтобъ оставить ихъ на ночь въ больничной залѣ, гдѣ находилось нѣсколько горячечныхъ больныхъ, не могло быть и рѣчи. Къ тому же докторъ, призванный къ лишившейся чувствъ незнакомкѣ, строго запретилъ ей кормить своего ребенка и спать вмѣстѣ съ нимъ. Вслѣдствіе этого ребенокъ былъ оставленъ на попеченіи сестры Розы, между тѣмъ какъ дѣвочку поручили другой монахинѣ.

Сильно ошибаются тѣ, которые полагаютъ, будто жизненныя силы вызываются въ людяхъ важностью событій, входящихъ въ составъ ихъ существованія. Есть люди, которые въ самыхъ драматическихъ положеніяхъ остаются спокойными и равнодушными, — другіе, напротивъ, отъ малѣйшей бездѣлицы приходятъ въ волненіе. Изъ этого слѣдуетъ, что жизнь не возбуждается явленіями внѣшняго міра, но таится въ самомъ существѣ, въ которомъ замѣтно ея присутствіе, и пользуется для своего проявленія всякимъ удобнымъ случаемъ, или предметомъ: тростью за неимѣніемъ дуба, животнымъ или растеніемъ за отсутствіемъ человѣка, мечтой за недостаткомъ факта. Мелкія

страсти, которыя обыкновенно преслѣдуются насмѣшками и презрѣніемъ въ тѣхъ, кого судьба поставила въ среду, чуждую высокихъ и сильныхъ страстей, въ сущности одного съ ними происхожденія, съ тою только разницей, что онѣ не нашли почвы, годной для ихъ произрастанія и развитія.

Суровое воспитаніе, полученное сестрой Розой въ монастырѣ, и ея стѣснительный, затворническій образъ жизни загнали далево въ сердце всѣ любящія способности ея души. А между тѣмъ въ ней было много нѣжности; но чувство ея такъ робко и скромно говорило въ ней, что она часто сама не могла дать себѣ отчета въ ускоренномъ біеніи своего сердца. Такъ было и теперь, когда она несла ребенка въ свою келью. Заботы о малюткѣ, которыя сестра Анжелика взяла бы на себя съ покорностью, какъ крестъ, возложенный на нее Богомъ, возбуждали въ молодой монахинѣ сильное, но чрезвычайно пріятное волненіе. Осторожно раздѣвъ ребенка и уложивъ его на свою кровать, она стала его разсматривать. Мальчикъ спокойно спалъ; наклоненное положеніе его головки выказывало всю худобу его крошечной шейки; изъ его полураскрытаго ротика выходило слабое, но мѣрное дыханіе. Сестра Роза подумала, что ребенокъ спитъ такъ спокойно, благодаря ей, и сердце ея радостно забилось. Затѣмъ она встала на колѣни и никогда молитва ея не была такъ горяча, какъ въ этотъ день. Ей не рѣдко случалось упрекать себя въ холодности, но въ настоящій вечеръ она легла спать въ высшей степени счастливая своей любовью къ Богу.

Ей приснился странный сонъ: она была монахиней ордена, который занимался отыскиваніемъ покинутыхъ дѣтей съ цѣлью давать имъ пріютъ. Вдругъ ее разбудилъ легкій крикъ. Она тотчасъ же вскочила и бросилась къ ребенку. Мальчикъ, при слабомъ свѣтѣ едва мерцавшей лампы, принялъ монахиню за свою мать. Вцѣпившись въ нее ручонками, онъ ротикомъ искалъ груди и усиливался раздвинуть скрывавшее ее полотно. Смущенная такого рода ошибкой, монахиня отшатнулась назадъ и поспѣшила поднести къ губамъ ребенка чашку съ молокомъ, произнося при этомъ ласковыя и нѣжныя слова. Но мальчикъ, услышавъ незнакомый ему голосъ, въ свою очередь откинулся назадъ, тѣмъ болѣе, что холодное молоко, коснувшись его ротика, произвело въ немъ непріятное ощущеніе. Не зная чѣмъ его успокоить, сестра Роза въ отчаяніи взяла его на руки и начала ходить съ нимъ по кельѣ, качая его и въ полголоса напѣвая гимнъ. Она видѣла матерей, которыя такимъ образомъ няньчили своихъ дѣтей. Ребенокъ мало-по-малу успокоился, глазки его закрылись и онъ опять заснулъ. Но онъ не пилъ и можно

было ежеминутно ожидать, что онъ снова проснется и начнетъ кричать отъ голода. Сестра Роза съ невыразимымъ страхомъ ожидала услышать повтореніе этого крика, который переворачивалъ ей душу. А малютка, какъ нарочно, и во снѣ продолжалъ по временамъ жалобно всхлипывать. Чтобъ прекратить его страданія и вполнѣ удовлетворить его, надо было согрѣть молоко, такъ чтобъ оно хоть отчасти напоминало вкусъ и теплоту того, которое онъ привыкъ добывать изъ материнской груди. Странно, что это ей раньше не пришло въ голову!

Но какъ этого достигнуть? Монастырскія правила запрещали монахинямъ выходить ночью изъ своихъ келій. Такъ, но вѣдь правила не налагали также и имѣть у себя въ кельѣ рѣбенка и въ настоящемъ случаѣ... Что̀ это, сестра Роза начинала разсуждать!

Мало того: побуждаемая страхомъ снова услышать плачъ ребенка, который пугалъ ее болѣе всякой личной опасности, она осмѣлилась открыть дверь, сойти въ кухню и развести тамъ огонь. Все это были такіе поступки, что еслибъ ихъ кто-нибудь подсмотрѣлъ, они произвели бы настоящій скандалъ. Но совѣсть сестры Розы во время всѣхъ этихъ приготовленій мучила ее гораздо менѣе страха, чтобъ ребенокъ не проснулся въ ея отсутствіи. Она тревожно прислушивалась, но до нея не доходилъ ни малѣйшій звукъ. И вотъ она вскорѣ босикомъ отправилась въ обратный путь, прикрывая рукой свѣчу и спрятавъ за пазуху бутылку съ теплымъ молокомъ для того, чтобъ оно не успѣло остыть. Хорошо ли все это было? Но она положительно не могла удержаться. За то какъ сильно билось у нея сердце.

Вскорѣ мальчикъ напился и скоро опять заснулъ. Сестра Роза была внѣ себя отъ радости... Но въ тоже время, какое сильное, непрывычное волненіе овладѣло ею!... Стараясь успокоить ребенка, она произносила ласковыя, нѣжныя слова, которыя вырывались у ней какъ будто помимо ея воли. Точно въ ея сердцѣ мгновенно что-то порвалось и потокъ нѣжности, хлынувъ къ ея устамъ, съ неудержимой силой излился на это маленькое и безпомощное существо. Она даже не разъ безсознательно касалась губами личика малютки,—она, которой никогда не суждено быть матерью! Слѣдовало ли ей такъ поступать? Она краснѣла отъ стыда, между тѣмъ какъ въ глазахъ у ней стояли слезы радости, а лицо ея, освѣщенное утренней зарей, сіяло непривычнымъ счастьемъ. Но тутъ же въ сердцѣ ея вкрадывалось сомнѣніе: чиста ли она передъ Богомъ? Права ли, тратя столько заботъ и попеченій на преходящее существо?.. Но вѣдь это маленькій, невинный ребенокъ! Богъ слишкомъ ве-

ликъ и милосердъ, чтобъ ревновать къ нему. Онъ безъ сомнѣнія тоже жалѣетъ его, Онъ, который такъ любитъ невинность. Къ тому же Ему, какъ Царю небесному подобаетъ такъ много почтенія и любви, что Онъ никакъ не можетъ считать за оскорбленіе себѣ крохи нѣжности, которыя одна изъ Его смиреннѣйшихъ невѣстъ удѣляетъ этому маленькому, страждущему, покинутому существу.

Утромъ первая вещь, представившаяся глазамъ сестры Розы при ея пробужденіи, былъ ребенокъ, который съ серьезнымъ удивленіемъ пристально на нее смотрѣлъ. Какую прелестную картину представлялъ онъ, цѣпляясь рученками за подушку и усиливаясь приподняться, чтобъ лучше видѣть. Его глазки такъ умно смотрѣли!... Сестра Роза не могла удержаться отъ восклицанія восторга и съ ласковой улыбкой, не зная какъ звать ребенка, сказала ему: Дружокъ! Маленькій дружокъ!

Мальчикъ оставался серьезенъ, но не плакалъ. Монахиня встала и, улыбаясь ему, принялась за его скромный туалетъ. Ребенокъ не спускалъ глазъ съ суетившейся около него молодой дѣвушки въ ночной шапочкѣ и короткой юбкѣ, свѣжей и прелестной въ своей молодости и своемъ наивномъ невѣдѣніи. Онъ безъ сопротивленія далъ себя умыть и одѣть и когда послѣ того сестра Роза, взявъ его на руки, поднесла къ выходившему въ садъ окну кельи, онъ на ея улыбку отвѣчалъ тоже улыбкой...

Какая милость, и какъ монахиня была за нее благодарна!.. Уста ея, умершія для поцалуевъ, почти съ материнской нѣжностью прильнули къ личику ребенка.

Но когда минуту спустя она надѣла свой бѣлый, туго накрахмаленный головной уборъ, который почти совсѣмъ скрывалъ ея блѣдное лицо и голубые глаза, мальчикъ посмотрѣлъ на нее съ неудовольствіемъ и вдругъ отвернулся и заплакалъ. Она съ трудомъ его успокоила и взявъ на руки, отправилась къ матери-игуменьѣ.

Тамъ ей отдали на попеченіе также и дѣвочку. Мягкій, звучный голосъ сестры Розы и ласковый тонъ ея рѣчи не замедлили привлечь къ ней послѣднюю. Языкъ дѣвочки быстро развязался и она объявила, что ее зовутъ Жозефиной, а брата Жаномъ. Затѣмъ она начала болтать объ отцѣ, который далеко, далеко уѣхалъ.... но не проходило минуты, чтобъ она не спрашивала о своей матери.

А та въ свою очередь просила, чтобъ ей дали взглянуть на дѣтей, и сестра Роза повела ихъ къ ней, по приказанію доктора, который и встрѣтилъ ее въ корридорѣ близъ больничной

залы. Докторъ этотъ, по имени Маринье, былъ человѣкъ небольшого роста, смуглый, живой, съ лысиной во всю голову. Онъ постоянно говорилъ, что оставилъ свои волосы подъ тропиками, такъ какъ одно время былъ хирургомъ на кораблѣ, совершавшемъ кругосвѣтныя плаванія. Фигура его, очень худощавая въ молодости, съ лѣтами начала округляться. При встрѣчѣ съ сестрой Розой, которая на одной рукѣ несла мальчика, а другою вела дѣвочку, онъ остановился. Лицо его озарилось привѣтливой улыбкой, а въ глазахъ мелькнулъ ласковый свѣтъ. Докторъ Маринье, подобно многимъ другимъ, любилъ обмѣняться словцомъ съ красивой и кроткой монахиней.

— Вотъ какъ! воскликнулъ онъ: вы сдѣлались настоящей маменькой.

Эти слова вызвали на щекахъ сестры Розы румянецъ смущенія и стыдливости. Она съ минуту не нашлась, что отвѣчать, потомъ освѣдомилась о здоровьѣ бѣдной больной женщины.

Докторъ вмѣсто отвѣта многозначительно пожалъ плечами и сдѣлалъ гримасу, которая не предвѣщала ничего хорошаго.

— У ней воспаленіе въ боку, прибавилъ онъ, которое не было захвачено во время. Кромѣ того, она уже страдала началомъ чахотки, которая теперь, съ помощью простуды, очень быстро развилась.

— Боже мой! вздрогнувъ проговорила монахиня. Бѣдныя дѣти! Что станется съ ними?

— Если у нихъ не найдется родныхъ, то они будутъ отданы въ пріютъ. Что касается до этого мальчика, прибавилъ докторъ, беря за ручку мальчика, то можно навѣрное сказать, что онъ тамъ не долго останется. Э, малютка!...

— Вы его находите слабымъ, не правда-ли? спросила сестра Роза, съ трудомъ переводя духъ.

— Мать кормила его, будучи уже въ чахоткѣ... Я даже сомнѣваюсь.... Докторъ, приложивъ ухо къ груди мальчика, съ минуту слушалъ его дыханіе.

— Впрочемъ, нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, тутъ еще нѣтъ большой бѣды. Но ему нуженъ заботливый, въ полномъ смыслѣ слова материнскій уходъ, а въ пріютахъ, вы знаете, выдерживаютъ только самые сильные... Эге! да какъ же онъ на меня смотритъ... точно все понимаетъ. У него преумные глазенки, у этого мальчугана.

И докторъ, желая быть любезнымъ, сдѣлалъ презабавную гримасу. Мальчикъ казался болѣе скандализированнымъ, чѣмъ испуганнымъ, и быстро откинулся на грудь монахини.

— Онъ васъ уже успѣлъ полюбить, замѣтилъ докторъ.

Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ ними вошелъ въ больничную залу и остановился у постели бѣдной женщины.

— Вотъ ваши малютки, сказалъ онъ ей. Онѣ были въ хорошихъ рукахъ, объ нихъ заботилась молодая монахиня, которая очень любитъ дѣтей.

Силы бѣдной женщины, которая, наконецъ, вкушала позднее отдохновеніе, мгновенно измѣнили ей, подобно работникамъ, которые, чувствуя себѣ не подъ силу предлагаемый имъ чрезмѣрный трудъ, внезапно отъ него отказываются.

Она лежала въ постели почти безъ голоса и безъ движенія. Тѣмъ не менѣе она съ восторгомъ поцѣловала дѣтей, однимъ только взглядомъ выражая свою нѣжность и радость при свиданіи съ ними. Дѣти съ трудомъ ее узнали, до такой степени она измѣнилась въ одну ночь. Глаза ея ввалились, щеки впали и на нихъ игралъ яркій, лихорадочный румянецъ. Она окинула монахиню тревожнымъ взглядомъ, но узнавъ ее, тотчасъ же успокоилась.

— Ахъ, это вы! сказала она: благодарю васъ! Надѣюсь, что Фифина была умна и послушна, но маленькій Жанъ, я боюсь, надѣлалъ вамъ не мало хлопотъ. Онъ вѣрно много кричалъ и плакалъ эту ночь. Чѣмъ вы его кормили?

— Не безпокойтесь, пожалуйста, теперь все идетъ какъ нельзя лучше, отвѣчала сестра Роза, и разсказала ей всѣ подробности прошедшей ночи.

У бѣдной матери отлегло на душѣ.

— Вы очень добрая, сказала она. Я это тотчасъ же узнала по вашему голосу. Ахъ, какъ я счастлива, что моихъ дѣтей поручили именно вамъ! Боже мой, Боже мой! Что съ ними теперь будетъ? добавила она съ грустью.

— Что съ ними будетъ? повторилъ докторъ. О нихъ пока позаботятся другіе, а когда вы выздоровѣете, вы возьмете ихъ съ собой.

Бѣдная женщина устремила на него пытливый взглядъ. Въ глазахъ ея сверкнулъ лучъ надежды, но тотчасъ же потухъ, уступивъ мѣсто сомнѣнію.

— Я больна, очень больна... продолжала она. Я это знаю и чувствую.... ахъ, докторъ, матерямъ не слѣдовало бы умирать!

— Я девять дней буду за васъ молиться и поститься, задыхающимся отъ волненія голосомъ проговорила сестра Роза. Мы вмѣстѣ съ Жозефиной станемъ умолять ангела-хранителя малютки, чтобъ онъ присоединился къ намъ и помолился за васъ.

Господу. Милосердый Богъ, вѣроятно, не откажетъ вамъ въ выздоровленіи.

Исполненный благодарности взглядъ былъ отвѣтомъ больной. Затѣмъ онѣ продолжали все говорить о дѣтяхъ, пока не пришло время разстаться. Но и тутъ онѣ сказали одна другой: «до свиданія».

Съ этой минуты дѣти были окончательно отданы на попеченіе сестры Розы. Она не разлучалась съ ними даже занимаясь шитьемъ или работая въ саду, но постоянно неусыпно за ними смотрѣла. Дѣвочка непремѣнно хотѣла ей помогать въ ея занятіяхъ, но вмѣсто того, конечно, только мѣшала доброй сестрѣ. Впрочемъ та на это ни мало не сѣтовала. Дѣтская грація и милая болтовня Жозефины вполнѣ очаровали ее и дѣлали ей трудъ пріятнымъ. А маленькій Жанъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно сидѣлъ на коврикѣ, разостланномъ въ саду на землѣ или въ столовой на полу, и безпрестанно обмѣнивался съ ними улыбками, которыя обыкновенно сопровождалъ своимъ непонятнымъ дѣтскимъ лепетомъ. Теперь онъ даже и ночи проводилъ спокойно, безъ всякаго сопротивленія пилъ теплое молоко, которое давала ему сестра Роза, снова засыпалъ и пробуждаясь утромъ, всегда весело ее привѣтствовалъ.

Разъ сблизившись и понявъ другъ друга, монахиня и ребенокъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе привязывались — она къ своему воспитаннику, а онъ къ своей доброй попечительницѣ. Одного звука, знака, взгляда было достаточно между ними для изъявленія желаній и требованій. Малютка въ два-три дня посвятилъ монахиню во всѣ таинства той связи, которая существуетъ между матерью и ребенкомъ. И для полнаго сходства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ мальчикъ, видя постоянную заботливость къ себѣ сестры Розы, ея вниманіе къ своимъ нуждамъ и удовольствіямъ, читая въ ея глазахъ безграничную, материнскую преданность, становился все болѣе и болѣе требовательнымъ. Увѣренность, съ какою онъ выражалъ свои желанія, приводила сестру Розу въ неописанный восторгъ.

Посреди этихъ двухъ наивныхъ, граціозныхъ созданій молодая монахиня пробуждалась къ новой жизни. Оставшись сиротой по двѣнадцатому году, она была взята на воспитаніе въ монастырь, изъ котораго уже болѣе и не выходила. Съ тѣхъ поръ какъ ея сестра, выйдя замужъ за маленькаго чиновника, уѣхала съ нимъ въ Парижъ, сестра Роза осталась совершенно одинокой, безъ родныхъ и друзей во всемъ городѣ. Она легко повѣрила тому, что́ ей говорили объ опасностяхъ и соблазнахъ, какія осаждаютъ людей въ свѣтѣ, и о тихихъ радостяхъ и ду-

шевномъ спокойствіи, которыя достаются въ удѣлъ людямъ, посвящающимъ себя исключительно божественной любви. Ея молодость прошла подъ сѣнью монастыря на подобіе растенія, лишеннаго свѣта и тепла солнечныхъ лучей. Она росла посреди стѣсненій, налагаемыхъ монастырскимъ уставомъ, постоянно колеблясь между недовѣріемъ къ себѣ и страхомъ къ Богу. Удушливая атмосфера, въ которой она влачила свое безцвѣтное существованіе, причиняла ей безсознательное страданіе. Но когда настало время, она постриглась въ монахини безъ всякихъ сожалѣній или усилій.

Теперь она вдругъ почувствовала, какъ въ ней пробудились инстинкты доселѣ дремавшей молодости. По ускоренному біенію своего сердца, она замѣтила, что до сихъ поръ на немъ лежала тяжесть, отъ которой она теперь впервые начала освобождаться. Ей свободнѣе и привольнѣе дышалось въ новой атмосферѣ, посреди которой она внезапно очутилась. Она была счастлива подъ вліяніемъ этихъ новыхъ впечатлѣній; несмотря на ея обычную робость, ее не смущали никакія сомнѣнія. Развѣ Спаситель не благословлялъ маленькихъ дѣтей и не ставилъ ихъ невинность выше всего въ мірѣ? И благочестіе сестры Розы становилось пламеннѣе, чѣмъ когда-либо.

Конечно, это были не первыя дѣти, которыхъ пришлось видѣть молодой монахинѣ. Ей и прежде уже случалось за ними ухаживать, но всегда мимоходомъ и при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Эти другія дѣти не нуждались такъ исключительно въ ея заботливости. Они имѣли матерей, услуги которыхъ были имъ пріятнѣе услугъ посторонняго лица. Но ее тѣмъ не менѣе постоянно влекло къ нимъ. Ей только до сихъ поръ не представлялось случая разсѣять страхъ и робость, которыя она имъ внушала. Эти же напротивъ, такія бѣдныя и несчастныя, послѣ непродолжительной борьбы, вполнѣ отдались ей, какъ матери. Они только и чувствовали себя хорошо, когда были при ней. Въ своихъ огорченіяхъ или болѣзняхъ къ ней одной они обращались за помощью и защитой. Въ радости или въ изумленіи глаза ихъ постоянно искали ее. Она стала имъ необходима: они любили ее!..

Сестрѣ Розѣ никогда и не снилось подобное счастье. Въ сердце ея проникъ лучъ свѣта и она вся точно преобразилась, но по какому-то внутреннему инстинкту, она при своихъ подругахъ потупляла взоръ, чтобъ скрыть отъ нихъ новый блескъ своихъ глазъ. Всякое истинное чувство цѣломудренно и кромѣ того монахиня, находившаяся въ средѣ, враждебной всякой

земной любви, безсознательно чувствовала необходимость быть осторожной.

Эти дни имѣли для нея непривычную прелесть. Въ саду, гдѣ сестра Роза проводила съ дѣтьми бо̀льшую часть времени, солнце изливало потоки свѣта на виноградные листья, уже подернутые багровымъ оттѣнкомъ осени. На всей природѣ лежалъ отпечатокъ какой-то задумчивой прелести. Въ кустахъ еще не умолкли птицы, златоцвѣтъ и послѣднія розы наполняли воздухъ упоительнымъ благоуханіемъ. На устахъ монахини, страстно любившей природу, какъ одно изъ проявленій величія Божія, молитва постоянно соединялась съ улыбкой. Она чувствовала въ своемъ сердцѣ присутствіе небесной благодати и мечтая о будущемъ блаженствѣ, не могла себѣ представить его иначе, какъ въ обществѣ дѣтей въ саду, похожемъ на этотъ, и въ лучахъ точно такого же солнца, какъ то, которое теперь сіяло надъ ней.

Разъ она сидѣла на травѣ и занималась шитьемъ бѣлья. Мальчикъ игралъ у нея на колѣняхъ, а Жозефина бѣгала около нихъ. Сестра Роза нѣжно говорила съ Жаномъ и повторяла ласковыя слова, которыя напѣваютъ дѣтямъ какъ музыку. Вдругъ ихъ взгляды встрѣтились, въ глазахъ маленькаго Жана сверкнулъ лучъ,—первое пробужденіе жизни сердца. Ручки его обвились вокругъ шеи монахини, а губки прильнули къ ея щекѣ въ первомъ поцалуѣ.

Сестра Роза точно обезумѣла отъ радости. Она прижала мальчика къ груди и буквально осыпала его ласками и всѣми страстными словами, которымъ научилась въ молитвахъ: эти слова она обращала къ ребенку. Потомъ, трепеща отъ восторга и вмѣстѣ стыдясь своего страстнаго порыва, она впала въ раздумье...

Не оскорбила ли она Бога? Вѣдь ей хорошо извѣстно, что она не должна любить ничего земного. Обращая свою мысль къ божественному Жениху, она никогда не испытывала ничего подобнаго тому страстному движенію сердца, какое въ ней недавно вызвалъ ребенокъ. Сестра Роза сложила руки, поникла головой и стала молиться, чтобы Богъ простилъ ее... Но увидѣвъ улыбающееся личико Жана, она опять забыла свое раскаяніе.

Но посреди охватившей ее радости, отъ которой она тщетно отбивалась, въ умѣ ея мелькнула мысль, невольно опечалившая ее. Не ей же, думала она, слѣдовало принять первый поцалуй ребенка, а настоящей матери, которая въ это самое время лежала на одрѣ тяжкой болѣзни. Поцалуй этотъ казался монахинѣ точно украденнымъ у бѣдной женщины.

Подъ этими различными впечатлѣніями радости, страха, угрызеній совѣсти, сестра Роза залилась слезами.

Ей въ этотъ день вообще суждено было испытать гораздо больше волненій, чѣмъ она до сихъ поръ испытала въ теченіи всей своей предъидущей жизни.

Возвращаясь въ келью, она попалась на глаза игуменьѣ, которая строго и съ неудовольствіемъ взглянула на дѣтей.

— Этому конца нѣтъ, сказала игуменья, а между тѣмъ дѣти здѣсь намъ очень въ тягость... Они отнимаютъ у насъ все ваше время.

Сестра Роза молчала. Слова начальницы, какъ острый ножъ вонзились ей въ сердце и пробудили въ ней много мыслей, которыхъ у нея еще не было или которыхъ она избѣгала. Что станется съ дѣтьми послѣ смерти матери? Теперь не оставалось никакого сомнѣнія, что ихъ отошлютъ изъ монастыря.— Куда? Сестрѣ Розѣ было ясно, что отнынѣ одинъ только пріютъ могъ служить убѣжищемъ несчастнымъ дѣтямъ. Монахиня вздрогнула при мысли объ этомъ мѣстѣ, откуда дѣти выходили не иначе какъ мертвыя или на всю жизнь испорченныя. Развѣ недостаточно было отнять у нея дѣтей — зачѣмъ ихъ еще отправлять туда? Но нѣтъ, это невозможно, она ихъ не отпуститъ... она съ ними не разстанется... Ей казалось жестокимъ, преступнымъ покинуть дѣтей.

Не получая на свое замѣчаніе никакого отвѣта, игуменья съ изумленіемъ посмотрѣла на молодую монахиню. Увидя ее блѣдную и дрожащую, она догадалась о томъ, что̀ происходило въ ея сердцѣ. Лицо начальницы приняло суровое, жестокое выраженіе.

— Какъ? сказала она: неужели вы привязались уже къ этимъ дѣтямъ?

— О, мать-игуменья... право....

— Отвѣчайте на мой вопросъ.

— Я думаю..., что да. Но, мать-игуменья, вѣдь они члены одной общей семьи, Господа нашего Іисуса!

— Конечно такъ. Но вы забываете, что должны любить въ нихъ одного только Спасителя, а ничуть не ихъ самихъ. Злой духъ хитеръ и прибѣгаетъ къ самымъ разнообразнымъ средствамъ, чтобъ отвратить душу отъ божественной любви. Я вижу, что мнѣ теперь лучше поручить этихъ дѣтей сестрѣ Анжеликѣ. Пусть всѣ монахини поочереди о нихъ заботятся. Кстати, вотъ и сестра Анжелика идетъ. Отдайте ихъ ей.

Сестрѣ Розѣ оставалось только повиноваться. Она, блѣдная какъ смерть, хотѣла передать мальчика своей подругѣ, но тотъ вцѣпился въ нее рученками и ни за что не хотѣлъ съ ней разставаться.

— Куда же ты, моя Лоза! въ свою очередь кричала маленькая дѣвочка, тоже цѣпляясь за платье молодой монахини.

— Это наконецъ смѣшно! воскликнула игуменья, между тѣмъ какъ сестра Анжелика, весьма недовольная выпавшей ей на долю новой ролью, уводила дѣтей, щедро надѣляя ихъ щипками и пинками.

Трудно опредѣлить, чтó болѣе волновало въ эту минуту сестру Розу: горе или негодованіе. Она была блѣдна и вся дрожала, а въ глазахъ ея стояли слезы. Она сдѣлала шагъ, чтобъ удалиться.

— Куда вы? спросила игуменья.

— Въ капеллу.

— Теперь не время.... Впрочемъ, я вамъ это позволяю. Идите и у ногъ Спасителя вникните хорошенько въ свою душу. Разберите, достойны ли волнующія васъ чувства быть въ сердцѣ одной изъ Его невѣстъ.

Сестра Роза отправилась въ капеллу и заперевъ за собою дверь, въ изнеможеніи опустилась на холодныя плиты передъ ликомъ Пресвятой Дѣвы. Бѣдная дѣвушка дрожала, грудь ея судорожно сжималась, въ горлѣ что-то душило ее. Такое непривычное для нея состояніе сначало испугало монахиню; припоминая слова игуменьи, она дѣйствительно сочла себя недостойной находиться въ присутствіи Бога, и въ раскаяніи повергласъ передъ нимъ на колѣни. Слезы въ изобиліи заструились по ея щекамъ и нѣсколько облегчили ее. Но тутъ она вспомнила о дѣтяхъ; ей живо представился ихъ плачъ, жестокое обращеніе съ ними сестры Анжелики, и новая буря поднялась у нея въ сердцѣ. Разсудокъ не замедлилъ вступить въ свои права и безпощадными, логическими доводами еще болѣе началъ разжигать ея негодованіе.

Что могло быть дурного въ любви къ этимъ дѣтямъ? Неужели ихъ счастье могло оскорбить Бога? Конечно, любовь къ Нему должна быть сильнѣе всякой другой, но развѣ Онъ самъ не повелѣлъ людямъ любить своихъ ближнихъ?

Сестра Роза не могла отрицать того, что дѣти заняли большое мѣсто въ ея сердцѣ... она даже боялась, не самое ли главное. Какъ часто старалась она возбудить въ себѣ любовь къ Богу, но... онъ былъ такъ далеко!... Онъ не нуждался въ ней подобно этимъ маленькимъ беззащитнымъ созданьямъ. Чтò сталось бы съ дѣтьми безъ любви?.... Вѣдь есть же на свѣтѣ счастливыя женщины, для которыхъ любовь къ дѣтямъ составляетъ долгъ, а у этихъ бѣдняжекъ скоро не будетъ матери...

— Пресвятая Дѣва! восклицала сестра Роза, устремляя полныя слезъ глаза на изображеніе Маріи, держащей въ рукахъ

божественнаго Младенца:—Пресвятая Дѣва, вѣдь ты любишь своего Сына, значитъ въ этомъ нѣтъ грѣха!

Она долго еще плакала и молилась, наконецъ, не въ силахъ долѣе выносить неизвѣстности насчетъ дѣтей, приготовилась выдти изъ часовни. На порогѣ ее встрѣтила пришедшая за ней монахиня.

— Сестра Роза, сказала она: идите скорѣй. Дѣти всѣхъ насъ сведутъ съ ума. Повидимому, вы одна умѣете съ ними справляться.

Монахиня побѣжала въ столовую, гдѣ посреди крика дѣтей раздавался гнѣвный голосъ доктора Маринье.

— Наконецъ-то вы пришли! встрѣтилъ онъ сестру Розу рѣзкимъ замѣчаніемъ. Вамъ бы слѣдовало получше выбирать время для молитвы. Эти дѣти точно обезумѣли: рѣшительно не понимаю, что̀ здѣсь съ ними дѣлали. Ихъ ждетъ къ себѣ мать... это вѣроятно будетъ ея послѣднее свиданіе съ ними... и нечего сказать, въ хорошемъ видѣ вы ихъ ей покажете. Вы знаете, заботиться о тѣлѣ—еще не все; не слѣдуетъ же слишкомъ сурово отправлять бѣдную душу на тотъ свѣтъ.

Сестра Роза не возражала. Она прижимала къ сердцу маленькую дѣвочку, которая, завидѣвъ ее, опрометью къ ней бросилась, и старалась успокоить Жана, который буквально повисъ у нея на шеѣ. Личики обоихъ дѣтей вздулись отъ слезъ, они дрожали всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, а на щекѣ Жозефины еще вдобавокъ виднѣлось красное пятно весьма подозрительнаго свойства.

— Это чистые чертенята! восклицала сестра Анжелика, сама съ трудомъ переводя духъ и сердито ворочая глазами. Лицо ея въ эту минуту вовсе не показывало въ ней святую.

Оставшись одна съ докторомъ и съ дѣтьми, сестра Роза не замедлила успокоить нѣжными словами и ласками дѣтей, которые повеселѣли уже при одномъ ея появленіи.

— Что такое здѣсь произошло? спросилъ докторъ, замѣтивъ, что на бѣдной монахинѣ тоже лица не было. — Послушайте, прибавилъ онъ, не получая отвѣта, вы созданы быть доброй матерью семейства.

Но и это смѣлое замѣчаніе, подобно предъидущимъ, осталось безъ возраженія со стороны сестры Розы. Тѣмъ не менѣе, оно глубоко запало ей въ душу.

Немного спустя, она повела дѣтей къ матери.

Больная въ этотъ день была слабѣе обыкновеннаго. Глаза ея болѣе прежняго ввалились, а на вискахъ, около рта и ноздрей обрисовались новыя, глубокія морщины. Для того, чтобъ она

могла поцѣловать дѣтей, ихъ надо было поднять къ ней на постель. Малютки только съ трудомъ узнали въ этой умирающей свою нѣкогда любимую мать и въ теченіи получаса, назначеннаго для ихъ пребыванія въ больничной залѣ, не разъ выражали желаніе поскорѣй уйти. Бѣдная мать видѣла ихъ нетерпѣніе и не могла удержаться отъ движенія ревности въ отношеніи къ сестрѣ Розѣ. Но съ другой стороны она находила большое утѣшеніе въ мысли, что дѣти ея нашли истинно материнское сердце.

— Послушайте, сказала больная сестрѣ Розѣ, мнѣ надо о многомъ съ вами поговорить и я чувствую, что должно сдѣлать это непремѣнно сегодня же... завтра, можетъ быть, будетъ уже поздно. Сядьте здѣсь, поближе ко мнѣ. Я вамъ разскажу... вамъ одной.... всю мою жизнь... и, если можно... скажу вамъ, чего бы я отъ васъ надѣялась.

Сестра Роза сѣла у изголовья бѣдной женщины, прерывистое дыханіе и слабый голосъ которой возбуждали опасеніе, долго ли она будетъ въ силахъ говорить. Тѣмъ не менѣе она прерывающимися фразами успѣла передать свой разсказъ внимательно слушавшей ее сестрѣ Розѣ. Больная въ теченіи разсказа часто взглядывала на часы, какъ бы опасаясь, чтобъ не слишкомъ скоро прошли полчаса, которые ей ежедневно позволяли отдавать материнской любви.

— Все мое несчастіе, начала она, произошло отъ того, что я почти со дня рожденія осталась сиротой. Родители, кромѣ жизни, не дали мнѣ ничего: ни воспоминанія, ни даже имени. Я была воспитана въ пріютѣ. Еще ребенкомъ меня помѣстили на ферму смотрѣть за стадомъ. Я тамъ росла съ дѣтьми моихъ хозяевъ, которые въ сущности все-таки не были дурными людьми. Меня не били и не бранили, лишь бы я только исполняла свою обязанность. Правда, иной разъ мнѣ напоминали пошлымъ названіемъ мое происхожденіе. Дочери ихъ, смотрѣли на меня свысока; но на сыновей я не могу пожаловаться. Младшій изъ нихъ, Жюльенъ, былъ ко мнѣ особенно расположенъ. Всего только годомъ старше меня, онъ почти не разставался со мной. Мы вмѣстѣ работали и вмѣстѣ играли по праздникамъ. Съ лѣтами дружба наша усилилась и когда мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, Жюльенъ объявилъ мнѣ, что никогда не будетъ имѣть другой жены, кромѣ меня. Я съ своей стороны была къ нему привязана всѣми силами моей души, но выслушавъ его признаніе, не могла удержаться отъ слезъ, предвидя, сколько горя принесетъ намъ наша любовь. И дѣйствительно, родители его пришли въ страшное негодованіе отъ того, что онъ хотѣлъ же-

ниться на дѣвушкѣ, которая, подобно мнѣ, ничего не имѣя на землѣ, казалась въ ихъ глазахъ лишнею на свѣтѣ. Они прогнали меня и я принуждена была искать работы въ другомъ мѣстѣ. Жюльенъ, считая себя оскорбленнымъ, тоже покинулъ ферму и чтобъ составить себѣ независимое отъ родителей положеніе, поступилъ въ ученье къ кузнецу.

— Мы видались съ нимъ по воскресеньямъ.... Я не имѣла духу прекратить сношеній съ человѣкомъ, который былъ моимъ единственнымъ другомъ на землѣ. Когда ему минуло двадцать лѣтъ и онъ началъ заработывать достаточно денегъ, Жюльенъ непремѣнно хотѣлъ со мной обвѣнчаться. Къ несчастью, онъ до двадцати-пяти лѣтъ не могъ жениться безъ согласія отца. Намъ приходилось ждать еще больше четырехъ лѣтъ! Онъ съ ума сходилъ отъ этого замедленія... а я, видя его въ такомъ состояніи... не имѣла мужества ему противорѣчить....

— Я рѣшилась ничего отъ васъ не скрывать. Мы поселились съ нимъ вмѣстѣ какъ мужъ и жена, хотя не были ими передъ закономъ. Но мы глубоко, искренно любили другъ друга и намѣревались вмѣстѣ воспитывать нашихъ дѣтей.... Это было за два мѣсяца до рожденія Жозефины. Всѣ меня презирали; обо мнѣ говорили: «Яблоко упало не далеко отъ яблони».... Увы, я ничего такъ не желала, какъ быть честной, еслибъ мнѣ только хотѣли это позволить! Почему это отъ несчастныхъ всегда требуютъ гораздо больше, нежели отъ счастливыхъ? Не потому ли, что они слабѣе? Но гдѣ же тогда справедливость?

— Жюльенъ меня любилъ и я, несмотря ни на что, не унывала. Но люди всячески хотѣли разрушить мое бѣдное счастіе, которое однако никому не мѣшало. Они прежде всего старались отвлечь отъ меня Жюльена, убѣждая его вступить въ другой бракъ. Если я и не была его женой — хотя мнѣ это и казалось,—Жозефина все-таки была его дочь; и однако же, люди, которые совѣтовали ему бросить своего ребенка, сами были отцы и матери. Какъ странно люди часто понимаютъ вещи!

— Родные Жюльена тоже говорили противъ насъ и старались, гдѣ только могли, намъ вредить. Кто оказывалъ намъ расположеніе или доставлялъ намъ работу, того они называли своимъ врагомъ. Ихъ боялись и вскорѣ мы лишились всякой возможности что-нибудь заработывать. Немногое нужно, чтобы рабочій человѣкъ сталъ нищимъ. Работы не было; затѣмъ явилась болѣзнь и мы ни отъ кого не видѣли даже той ничтожной помощи, какую обыкновенно оказываютъ другъ другу самые бѣдные люди. Никто не хотѣлъ намъ ничего давать въ долгъ. Трудно пересказать, что̀ мы за это время выстрадали.

— Наконецъ, потерявъ всякую надежду устроиться на родинѣ, Жюльенъ рѣшился ѣхать въ Парижъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, хорошіе работники получаютъ большія деньги. Онъ продалъ свою кузницу и уѣхалъ, оставивъ мнѣ на пропитаніе небольшую сумму. Мы условились, что онъ вызоветъ меня къ себѣ, лишь только дѣла его пойдутъ хорошо и онъ успѣетъ кое-что отложить. Я съ своей стороны выбивалась изъ силъ, стараясь выработывать по нѣсколько су въ день и тратить по возможности меньше. Но много ли могла я сдѣлать съ маленькимъ Жаномъ на рукахъ, которому тогда было всего четыре мѣсяца?

— Я сама согласилась на разлуку съ Жюльеномъ, но когда онъ уѣхалъ, мужество покинуло меня и я стала невыразимо страдать. У меня не было друзей, мнѣ не у кого было искать утѣшенія, я жила въ совершенномъ одиночествѣ. Но это не мѣшало, чтобъ до меня доходили злые толки сосѣдей, которые старались меня увѣрить, будто Жюльенъ меня покинулъ. Я конечно не вѣрила, но печальныя мысли невольно закрадывались мнѣ въ душу и я начала думать, что никогда болѣе не увижу Жюльена.... Вы видите, я не ошиблась!

Голосъ бѣдной женщины оборвался, но бросивъ тревожный взглядъ на часы, она продолжала:

— Жюльенъ мнѣ писалъ. Ему наконецъ удалось найти работу; онъ получалъ значительную плату, но принужденъ былъ почти все тратить на собственное содержаніе. Тѣмъ не менѣе, онъ надѣялся, что черезъ мѣсяцъ успѣетъ сколотить сумму, необходимую для моего путешествія въ Парижъ.

— Это письмо мнѣ прочелъ одинъ сосѣдъ. Меня не учили ни читать, ни писать. Вѣроятно это и было причиной краткости письма Жюльена, въ которое онъ включилъ, какъ мнѣ казалось, весьма мало ласковыхъ и нѣжныхъ выраженій. Напрасно старалась я себя вразумить этой догадкой: мнѣ приходили въ голову самыя страшныя предположенія и мое бѣдное сердце ни днемъ, ни ночью не имѣло покоя. Я захворала и малютка, котораго я кормила, конечно тоже сталъ слабымъ и хворымъ.

— Черезъ мѣсяцъ пришло другое письмо. Дѣла Жюльена не только не шли лучше, но напротивъ гораздо хуже: у него почти совсѣмъ не было работы. Злая усмѣшка мелькнула на губахъ сосѣда, читавшаго мнѣ письмо.

«Да, да, сказалъ онъ. Это всегда такъ бываетъ: молодой человѣкъ уѣзжаетъ съ прекрасными мыслями и обѣщаніями, но въ большихъ городахъ....»

— Нѣтъ! Нѣтъ! Жюльенъ не могъ меня обмануть и заплатить мнѣ за всю мою любовь такой черной неблагодарностью! по-

вторяла я себѣ каждую минуту, но тѣмъ не менѣе жестоко страдала.

— Немного спустя, я получила еще письмо и немного денегъ. Хорошаго было мало: намъ слѣдовало еще ждать. Это были послѣднія извѣстія, которыя до меня дошли. Напрасно ожидала я другихъ и сама писала, то-есть заставляла писать сосѣдей.... О, какое лишеніе не быть въ состояніи самой говорить съ отсутствующимъ дорогимъ существомъ, быть вынуждену раскрывать свою душу передъ чужимъ, или безпрестанно удерживать на языкѣ выраженіе чувства, которое жжетъ васъ внутри, передъ холоднымъ равнодушіемъ или насмѣшкой чужого!

— Съ этихъ поръ вся моя жизнь сосредоточилась на часѣ, въ который почтальонъ обыкновенно разносилъ письма. Дни и ночи, проводимыя въ лихорадочномъ ожиданіи, тянулись непомѣрно долго, а затѣмъ, когда наступалъ желанный часъ, онъ постоянно приносилъ одно жестокое разочарованіе. Я начинала терять голову. Мнѣ дѣйствительно стало казаться, что Жюльенъ меня забылъ.... обманулъ.... Не даромъ я такъ долго читала эту мысль въ глазахъ сосѣдей! Теперь она охватила все мое существо; я не имѣла силъ долѣе бороться съ ней и съ той минуты, какъ отдалась ей вполнѣ, участь моя была рѣшена. Куда могла я обратиться за помощью или за совѣтомъ? Горе мое грызло мнѣ сердце, но я скорѣе умерла бы, чѣмъ рѣшилась его кому-нибудь высказать. Я видѣла вокругъ себя одни только торжествующія лица, которыя радовались печальному концу нашей любви, а если кто и сожалѣлъ меня, то не иначе, какъ обвиняя меня.

— Всѣ эти страданія сушили меня, какъ знойное солнце въ лѣтнюю пору сушитъ скошенную траву. Не въ силахъ долѣе переносить такихъ мученій, я рѣшила, что должна или умереть, или соединиться съ Жюльеномъ. Я раздѣлила на двѣ части оставшіяся у меня деньги: одна предназначалась мной для путешествія, другая для прокормленія меня и дѣтей въ Парижѣ, пока мы не найдемъ Жюльена. Первая часть вскорѣ была у меня украдена, и я не рѣшалась коснуться второй, зная, что обрекла бы этимъ себя и дѣтей на вѣрный голодъ съ перваго же дня, какъ мы будемъ въ Парижѣ. Кто знаетъ, думала я, какъ скоро найду я Жюльена? Что если онъ боленъ?... Эта причина вполнѣ объясняла его молчаніе и я старалась отгонять отъ себя мысль о всякой другой.... Вотъ почему я рѣшилась докончить свой путь пѣшкомъ, несмотря на то, что чувствовала себя уже усталой и больной. Зная, что путешественники по желѣзной дорогѣ въ нѣсколько часовъ совершали переѣздъ

отъ того мѣста, гдѣ я была, и до Парижа, я не думала, чтобъ это могло быть такъ далеко....

— Я начала чувствовать голодъ, мнѣ было холодно; я то дрожала отъ лихорадки, то съ меня лилъ потъ.... А теперь я знаю, что умираю.

— Сестра Роза, вы не должны дурно думать о Жюльенѣ.... Онъ не способенъ покинуть своихъ дѣтей. Не знаю, что съ нимъ случилось, но клянусь вамъ, онъ вернется... станетъ насъ искать.... Пусть по крайней мѣрѣ хоть дѣти будутъ ему отданы....

— Въ случаѣ же, если онъ не вернется... если онъ умеръ... сестра Роза, заклинаю васъ, не отдавайте дѣтей въ пріютъ! Я, ихъ умирающая мать, запрещаю это и не повиноваться мнѣ было бы преступленіемъ. Мое собственное несчастіе произошло именно отъ того, что я туда попала. Маленькій Жанъ, уже такой слабый и больной, не вынесетъ жизни въ пріютѣ: они его тамъ непремѣнно уморятъ. А Жозефину по выходѣ оттуда ожидаетъ одна участь со мной. Свѣтъ такъ устроенъ, что въ немъ нѣтъ мѣста слабымъ и беззащитнымъ. Кого люди подозрѣваютъ, того они не допускаютъ быть честнымъ. Это ужасно, отвратительно, но это такъ; я это знаю. Но чѣмъ виновато это бѣдное дитя? Сестра Роза, не отдавайте ее на поруганіе, спасите ее! Маленькій Жанъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы о немъ заботитесь, уже успѣлъ поздоровѣть. Онъ васъ любитъ... какъ нѣкогда любилъ меня. О, обѣщайтесь мнѣ не покидать его.... Сестра Роза, умоляю васъ, возьмите этихъ дѣтей на свое попеченіе, защитите ихъ, не позволяйте ихъ отдать.... Говорю вамъ, отецъ ихъ непремѣнно за ними явится.... А если нѣтъ, вы и тогда ихъ не оставите?... Неправда-ли... не оставите, сестра Роза? Они милыя и добрыя существа и, когда немного подростутъ, могутъ быть во многомъ вамъ полезны. Имъ нужна любовь, вы видите; безъ этого можно сдѣлаться дурнымъ. И вы ихъ любите: я это вижу!... О, какъ я стану за васъ молиться! Говорятъ, что мертвые могутъ еще многое дѣлать въ этомъ мірѣ; я буду молиться за васъ, и Богъ наградитъ васъ всѣмъ. Какая заслуга можетъ быть въ его глазахъ выше той, которая на вѣки останется за вами, если вы сдѣлаете изъ этихъ дѣтей честныхъ и хорошихъ людей?... Сестра Роза, обѣщайтесь мнѣ это... обѣщайтесь, говорю вамъ, иначе я стану проклинать Бога и погублю свою душу. Обѣщайтесь....

Полчаса, назначенные для свиданія матери съ дѣтьми, прошли.

— Пора выходить изъ залы, сказала одна монахиня.

Сестра Роза плакала. Сердце ея ни минуты не колебалось, но для того, чего отъ нея требовали, нужна была воля, а у нея не было воли. Но возможно ли отказать умирающей матери въ

такой справедливой просьбѣ? Подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ сердечныхъ порывовъ, которые заставляютъ людей почти безсознательно кидаться въ огонь и воду, сестра Роза быстро схватила и крѣпко пожала исхудалую руку бѣдной женщины.

— Вы согласны! проговорила та едва слышно, но съ горячимъ чувствомъ.

— Да! отвѣчала монахиня, сама не зная, какъ она сдержитъ это обѣщаніе, но въ тоже время твердо рѣшаясь сдержать слово.

Но она едва держалась на ногахъ; сердце ея сильно билось; она почти задыхалась отъ волненія.

Вдругъ холодный, металлическій голосъ, коснувшись ея уха, какъ лезвее кинжала пронзилъ ее:

— Сестра Роза, вы не помните, что дѣлаете; полчаса давно прошло....

Это былъ голосъ игуменьи.

Молодая монахиня, проговоривъ безсвязное извиненіе, наклонила малютку къ матери, чтобъ та могла съ нимъ проститься. Больная воспользовалась этой минутой, чтобъ сунуть ей въ руку клочекъ бумаги, сопровождая свое движеніе умоляющимъ взглядомъ, который требовалъ молчанія. Затѣмъ бѣдная мать со вздохами и слезами стала обнимать и цѣловать своихъ дѣтей. Она еще долго не могла бы отъ нихъ оторваться, еслибъ не устремленный на нее холодный взглядъ игуменьи и повелительный тонъ голоса, которымъ она приказала увести дѣтей. Сестра Роза, по выходѣ изъ больничной залы, сунула въ карманъ клочекъ бумаги и завернутое въ ней что-то твердое. Ей только вечеромъ удалось развернуть свертокъ. Она нашла въ немъ три золотыя монеты, и адресъ: «Жюльенъ Эмори, Гренелль, rue du Marché, 20».

Столько непривычныхъ ощущеній и волненій лишили монахиню всякаго самообладанія. Растерянная, испуганная, она нигдѣ не находила точки опоры для своихъ мыслей. Монастырскій уставъ!... обѣтъ покорности!... Сколько тяжкихъ грѣховъ совершила она, которая не имѣла права хранить про себя ни одной мысли, которая должна была все говорить, во всемъ признаваться, не имѣть ни воли, ни желаній!

До сихъ поръ сестра Роза, чего бы ей это ни стоило, всегда добровольно сознавалась передъ другими во всѣхъ, даже самыхъ мимолетныхъ грѣховныхъ побужденіяхъ своего сердца. Какъ только они въ ней возникали, она усиливалась вырывать ихъ съ корнемъ изъ своей души и нерѣдко утомленная этимъ вѣчнымъ трудомъ, страдая отъ безпрестанно наносимыхъ

себѣ собственной рукой новыхъ ранъ, впадала въ отчаяніе отъ своей грѣховности и проклинала жизненность силъ, которыя, несмотря ни на что, продолжали упорно въ ней жить и дѣйствовать. Но въ эти послѣдніе дни всѣ прежнія тревоги молодой монахини вдругъ смолкли, уступивъ мѣсто одной новой, всепоглощающей страсти, которая развивалась въ ней, и подобно вѣтвямъ чудеснаго сказочнаго растенія простиралась на весь міръ. Но вмѣсто того, чтобъ упрекать себя за эту страсть и бороться съ ней, сестра Роза ее тщательно скрывала отъ всѣхъ и въ особенности отъ своего духовника, суроваго и непреклоннаго судьи, который, она хорошо знала, не преминулъ бы ее осудить. Нѣтъ, она не хотѣла и не могла болѣе вырвать изъ своего сердца новаго чувства, такъ глубоко пустившаго въ немъ корни. Бросить бѣдныхъ дѣтей!... никогда!

А Богъ?

Богъ! Іисусъ Христосъ! Пресвятая Дѣва! Эти сверхъестественныя, мудрыя и благія Существа, заслуживающія безграничной любви и поклоненія, потому что они одни совершенны... Неужели она, осыпанная ихъ благостями и щедротами, отвернется отъ нихъ въ ту самую минуту, когда мысль ея, обращенная къ нимъ, наконецъ уже чувствовала ихъ присутствіе и трепетала любовью передъ ихъ безконечнымъ величіемъ? Какъ могла она быть до такой степени забывчива и неблагодарна!

Но она обѣщалась, поклялась умирающей матери...

А развѣ клятва, которую она гораздо ранѣе дала своему божественному Жéниху, ее ни къ чему не обязывала?

Ночь. Сестра Роза, согласно съ монастырскими правилами, погасила у себя въ кельѣ огонь, и легла. Но тревожныя мысли не давали ей ни на минуту покоя. Она встала наконецъ въ темнотѣ, бросилась на колѣни и со слезами и рыданіями стала молиться. Еслибъ она могла хоть на минуту выдти въ садъ, подышать свѣжимъ воздухомъ!... Опять преступное стремленіе къ свободѣ и простору! О, нѣтъ, нѣтъ! Ей ничего не надо: она будетъ спокойна и счастлива въ своей кельѣ, лишь бы у нея не отнимали дѣтей. Она станетъ копать землю, трудиться до изнеможенія силъ, чтобъ доставить имъ пропитаніе, — пусть только ей позволятъ ихъ любить и воспитывать. Она отправится на богомолье... пойдетъ на колѣняхъ въ Римъ... Зачѣмъ? Ужели просить папу снять съ нея монашескій обѣтъ? Возможно ли? Отказаться отъ своей клятвы! Измѣнить своему божественному Жениху!

Вдругъ точно чей-то посторонній голосъ шепнулъ ей: «законъ не признаетъ твоего обѣта».

Она вздрогнула, точно совершивъ святотатство. Для нея во всемъ мірѣ существуетъ только одинъ законъ, законъ ея собственной совѣсти. А клятвы... увы! Она ихъ дала двѣ, противорѣчащихъ одну другой. Она обѣщалась бѣдной матери спасти и воспитать ея дѣтей...

Страшная неосторожность! Теперь, на что бы она ни рѣшилась, она во всякомъ случаѣ клятвопреступница. Но развѣ она не обязана прежде всего повиноваться Богу? Конечно и ей теперь ничего болѣе не остается, какъ со слезами молить Его о прощеніи, а дѣтей предоставить Ему же, Его милосердію и святой волѣ. Онъ одинъ можетъ ихъ защитить и спасти. Да, но ..

И сестра Роза, которая до сихъ поръ во всемъ сама полагалась на Провидѣніе и не колеблясь совѣтовала всѣмъ страждущимъ прибѣгать къ нему, какъ къ единственному вѣрному убѣжищу... сестра Роза, теперь, когда дѣло коснулось дѣтей... она пугается... на нее нападаетъ сомнѣніе. На свѣтѣ столько людей страдаетъ, въ этомъ надо сознаться... И теперь Провидѣніе какъ будто тоже покинуло этихъ бѣдныхъ малютокъ... а сколько еще ихъ умираетъ.... Но зачѣмъ имъ умирать? Или онѣ родились не для того чтобы жить? И въ глубинѣ души сестры Розы шевельнулось нѣчто похожее на негодованіе противъ неумолимаго Провидѣнія, которое оставляло гибнуть дѣтей.

Что это? Она ропщетъ, богохульствуетъ? Нѣтъ, нѣтъ, это только ошибка! Провидѣніе никогда не дѣйствуетъ само, но выбираетъ себѣ орудія изъ среды людей и почему бы ей, сестрѣ Розѣ...

Она вздрогнула отъ радости. Что, если Богъ избралъ ее орудіемъ спасенія бѣдныхъ сиротъ?

Она старалась себя въ этомъ увѣрить и наконецъ, успокоенная, подъ утро заснула.

Но съ пробужденіемъ къ ней вернулись всѣ ея тревоги и она тщетно усиливалась возбудить въ себѣ увѣренность, которая ночью на мгновеніе освѣтила водворившійся у нея въ сердцѣ мракъ. Освѣженная сномъ, она сознательно взглянула на предметъ своихъ мученій и ясно увидѣла, что ей предстоитъ выборъ между двумя противоположными обязанностями, между двумя соперничавшими предметами любви. Она съ отчаяніемъ оглянулась вокругъ и глаза ея остановились на озаренномъ улыбкой личикѣ Жана, который, приподнявшись на постелькѣ, смотрѣлъ на нее. Она бросилась къ нему и схвативъ его на руки, съ восторгомъ прижала къ груди. Мальчикъ съ своей стороны обвилъ рученками шею своей пріемной матери, и какъ наканунѣ, прильнулъ губками къ ея щекѣ.

— Ахъ! воскликнула она: если нужно, я для тебя пожертвую спасеніемъ моей души.

Но тутъ снова изъ глубины души ея поднялось сомнѣніе, ужъ не дьяволъ ли, смущая ее, внушаетъ ей подобныя мысли и слова. Эта безконечная борьба влеченій сердца и возраженій вѣры, истомила ее, и наконецъ она могла только страдать. Теперь ее всего больше терзалъ страхъ, чтобъ у нея не вздумали, какъ наканунѣ, отнять дѣтей.

Сойдя въ кухню, она нашла тамъ Жозефину, притаившуюся въ уголку. Увидѣвъ сестру Розу, дѣвочка съ громкимъ крикомъ бросилась къ ней и повиснувъ у нея на шеѣ, залилась слезами.

— Что съ тобой, дружокъ? О чемъ ты плачешь?

— Злая монахиня говоритъ, что мама умерла. Правда ли это? Что же съ ней сдѣлали? Я не хочу, чтобъ ей сдѣлали что-нибудь нехорошее.

Сестра Роза вздрогнула и принялась утѣшать дѣвочку. Вскорѣ явилась сестра Анжелика и подтвердила слова ребенка: бѣдная женщина дѣйствительно умерла ночью.

— Вы плачете, сказала сестра Анжелика, замѣтивъ, что молодая монахиня украдкой утерла слезу. Это была ваша родственница, или пріятельница?

— Нѣтъ, отвѣчала сестра Роза.

— Однако, послѣ того что̀ произошло...

— Что такое произошло?

— Если мать игуменья вамъ ничего не сказала, то я не вправѣ объ этомъ говорить.

И сестра Анжелика вышла изъ комнаты, не говоря больше ни слова.

Но чтоже такое могло случиться? Ко всѣмъ тревогамъ сестры Розы прибавилось еще новое недоумѣніе. Такъ прошло утро до десяти часовъ. Около этого времени въ монастырь обыкновенно являлся докторъ Маринье съ своимъ оффиціальнымъ визитомъ. Въ этотъ день на дворѣ стояла мрачная осенняя погода. Шелъ дождь и сестра Роза съ шитьемъ въ рукахъ сидѣла въ столовой, между тѣмъ какъ дѣти играли около нея. Она увидѣла въ открытую дверь доктора, который шелъ по коридору, осторожно озираясь вокругъ. Войдя въ столовую и убѣдившись, что тамъ дѣйствительно никого не было кромѣ сестры Розы, онъ быстро подошелъ къ ней и спросилъ:

— Вы знаете, что вчера вечеромъ здѣсь произошло?

— Нѣтъ, отвѣчала она, и съ умоляющимъ видомъ протягивая къ нему руки, прибавила: Умоляю васъ, скажите мнѣ, въ чемъ дѣло!

— Ну, я такъ и зналъ, что они отъ васъ это скроютъ! воскликнулъ онъ,—а между тѣмъ это никого кромѣ васъ не касается. Услужливый дуракъ Бернеро допустилъ игуменью быть вашей представительницей, что̀ вовсе не законно. Я такъ ему и сказалъ.

— Господинъ Бернеро нотаріусъ?

— Онъ самый. Бѣдная Марія-Катерина... кажется, у нея не было никакого другого имени... посылала за нимъ вчера и въ присутствіи двухъ свидѣтелей, писаря и меня, назначила васъ опекуншей своихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока за ними не явится ихъ отецъ Жюльенъ... Мори, Амори... что-то въ этомъ родѣ. Она выразила желаніе, чтобъ они остались здѣсь при васъ и никогда съ вами не разлучались, а главнымъ образомъ она запрещаетъ ихъ отдать въ пріютъ или, какъ она выражается, въ какое бы то ни было другое заведеніе, гдѣ — говоритъ она — воспитываютъ дѣтей безъ матери. Мы подписали ея завѣщаніе. Я боялся, что отъ васъ это скроютъ, и непремѣнно хотѣлъ, чтобъ вы узнали... Смотрите только, не выдавайте меня. Что вы теперь станете дѣлать?

— Боже мой, я сама не знаю. Ради Бога научите меня, что я могу!

— Вы можете... гмъ, вы можете все, что захотите. Но вы, вѣроятно, ничего не захотите, вслѣдствіе вашего обѣта... Знайте однако, что передъ закономъ вы свободны и еслибъ рѣшились...

— О, это невозможно! Вы забываете, что это было бы преступленіе!

— Все зависитъ отъ того, какъ кто смотритъ на вещи... Но подумаемъ, что̀ же могли бы вы сдѣлать. У васъ, если я не ошибаюсь, есть маленькое состояньице. Воспользуйтесь этимъ средствомъ, чтобъ оставить дѣтей при себѣ. Къ несчастію, ваша мать-игуменья... хотя прекрасная женщина, въ томъ нѣтъ сомнѣнья... бываетъ иногда упряма какъ чортъ. Но что, еслибъ вы имъ погрозили тѣмъ, что уйдете отсюда? Этимъ способомъ монахиня всего можетъ достигнуть.

— Господинъ Маринье! воскликнула сестра Роза, удерживая доктора, который уже собирался уйти. Господинъ Маринье, вы говорите, что маленькій мальчикъ очень слабъ... что онъ не вынесетъ...

— Ему необходимо по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ хорошаго ухода, для того, чтобъ вполнѣ окрѣпнуть. Отдать больного ребенка въ пріютъ! Мы знаемъ, что̀ и изъ здоровыхъ тамъ выходитъ. Бѣдная мать говорила совершенную правду.

— Докторъ, вы мнѣ поможете, не правда ли? Ради Бога, скажите да.

— А мое мѣсто при монастырской больницѣ?.. Спасибо!

— Господинъ Маринье! Подумайте только, бѣдныя дѣти...

— Да впрочемъ жалованье мое здѣсь не велико, а практика у меня есть.... Нужно однако дѣйствовать очень осторожно. У васъ, какъ я вижу, нѣтъ недостатка въ мужествѣ, ну и отлично! Не правъ ли я былъ, говоря, что вамъ надо быть матерью семейства, а не монахиней. Уходъ за больными слѣдуетъ поручать старухамъ, а вамъ, молодымъ да красивымъ, гораздо приличнѣе возиться съ ребятами.

Сестра Роза въ смущеніи опустила голову, чтобъ скрыть яркій румянецъ, вспыхнувшій на ея щекахъ. А докторъ поспѣшилъ уйти также тихо, какъ пришелъ.

Поможетъ ли онъ ей?...

Сестра Роза возъимѣла смѣлую мысль идти наперекоръ игуменьѣ и, въ качествѣ опекунши дѣтей, заявить на нихъ свои права. Съ той минуты, какъ до нея дошло извѣстіе о смерти бѣдной женщины, она, еще не зная того, что ей сообщилъ докторъ, уже начала вполнѣ сознавать всю важность отвѣтственности, которая на нее такъ неожиданно пала въ отношеніи беззащитныхъ дѣтей. Обѣщаніе, унесенное умершей матерью въ могилу, получило въ глазахъ сестры Розы значеніе торжественной клятвы, которую она чувствовала себя неспособной нарушить. Колебанія ея прекратились, но она ужасалась собственной дерзости и не понимала, гдѣ найдетъ силы, необходимыя для борьбы съ властью, передъ которой до сихъ поръ безпрекословно преклонялась, считая ее непогрѣшимой и священной. Сказать *нѣтъ* святой матери-игуменьѣ! Ужасное, неслыханное преступленіе въ монастырскихъ лѣтописяхъ! Ропотъ... онъ еще возможенъ: послушаніе тяжело, а человѣческая природа слаба. Но идти прямо наперекоръ настоятельницѣ.... Нѣтъ, христіанское ученіе ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ этого. Впрочемъ, мысль сестры Розы отказывалась доходить до крайнихъ послѣдствій, къ какимъ ее могла привести борьба съ монастырскимъ начальствомъ. Она надѣялась, или лучше сказать, хотѣла надѣяться, что игуменья согласится оставить ей дѣтей, и старалась прогнать отъ себя всякую мысль о возможности отказа.

Она со страхомъ и трепетомъ ожидала дальнѣйшихъ событій. На слѣдующее утро произошли похороны бѣдной матери. Сестра Роза провела весь день въ молитвахъ о ней и ни на минуту не разставалась съ дѣтьми. Ей не разъ казалось, что она чувствуетъ около себя присутствіе умершей и невольно вздрагивала при этомъ. У нея еще звучали въ ушахъ мольбы несчастной женщины, она не могла забыть сверканія ея глубоко впав-

шихъ глазъ и выраженія безграничнй любви и страданія на ея лицѣ. Могла ли такъ быстро порваться столь крѣпкая связь? Нѣтъ, духъ матери конечно еще витаетъ здѣсь, около дорогихъ ей существъ, и сестра Роза была такъ въ этомъ увѣрена, что ей не разъ чудилось, будто за ней по пятамъ слѣдуетъ безпокойная, любящая тѣнь.

Вечеромъ, возвращаясь съ дѣтьми изъ сада, она была встрѣчена игуменьей:

— Сестра Роза, сказала та съ невозмутимымъ спокойствіемъ, вы завтра вмѣстѣ съ сестрой Анжеликой отправитесь въ село Журделе ходить за больными.

Ударъ кинжала въ самое сердце не больнѣе бы поразилъ молодую монахиню. У нея захватило духъ и она въ первую минуту не могла выговорить ни слова. Но, замѣтивъ, что игуменья собиралась идти далѣе, она сдѣлала надъ собой усиліе и воскликнула:

— Святая мать! А дѣти? Кто будетъ за ними смотрѣть?

Игуменья, строго взглянувъ на монахиню, отвѣчала:

— О дѣтяхъ не безпокойтесь. Я сама о нихъ позабочусь.

— Но, святая мать.... прошу васъ, скажите мнѣ....

— Дочь моя, вы слишкомъ много у меня спрашиваете. Я уже говорила вамъ, что сердце ваше, сколько мнѣ кажется, не вполнѣ принадлежитъ Богу. Берегитесь!... Дѣти эти будутъ отданы, куда слѣдуетъ.... Я до нѣкоторой степени за нихъ отвѣчаю и я буду имѣть о нихъ свѣдѣнія.

— Святая мать, ихъ не слѣдуетъ отсылать въ пріютъ!

— Сестра Роза, вы оказываете мнѣ неуваженіе и неповиновеніе. Идите тотчасъ же въ вашу келью и оставайтесь тамъ два дни.

— Два дни? А за это время.... что̀ станется съ дѣтьми?

Глаза игуменьи сверкнули гнѣвомъ и она, вооружась всей силой своей власти, грозно воскликнула:

— Вы разсуждаете со мной! Васъ обуялъ духъ зла, идите, идите въ свою келью и молитесь!

Сестра Роза смиренно преклонила голову, но сердце ея продолжало сопротивляться и она сказала:

— Святая мать, простите, но.... дѣти эти мнѣ поручены. Я должна о нихъ заботиться... и даже, признаюсь... я поклялась въ этомъ....

— По какому праву? Развѣ воля ваша не въ моихъ рукахъ? Я одна могу распоряжаться ею и вами. Но кто передалъ вамъ послѣднюю волю этой грѣшницы? Она, по собственному

признанію, оказалась низкой, презрѣнной тварью. Кто вамъ сказалъ, спрашиваю я?

— Святая мать, я не могу вамъ отвѣчать.

— Сестра Роза, вы оказываете открытое сопротивленіе и заслуживаете самаго строгаго наказанія. Вамъ не безъизвѣстно, что существуютъ мѣста заключенія для непокорныхъ сестеръ нашего ордена?

И открывъ дверь, игуменья громко позвала. Двѣ монахини прибѣжали на ея зовъ.

— Возьмите этихъ дѣтей, приказала игуменья. А вы, сестра Роза, ступайте въ вашу келью.

Блѣдная и дрожащая, молодая монахиня, повидимому, готова была упасть въ обморокъ. Но на дѣлѣ она чувствовала въ себѣ достаточно силъ, чтобъ бороться, еслибы понадобилось, со всѣмъ монастыремъ. Тѣмъ не менѣе, повинуясь голосу разсудка, она въ эту минуту сочла за лучшее повиноваться. Несмотря на туманъ, застилавшій ея глаза, и на гнѣвъ, омрачившій ея мысль, она инстинктивно понимала, что ей надо искать помощи въ другой силѣ. Дѣти, не понимая въ чемъ дѣло, но испуганныя грознымъ тономъ игуменьи, начали громко плакать, а маленькій Жанъ въ особенности отчаянно бился, вырываясь изъ рукъ уносившей его монахини, вдругъ сквозь слезы воскликнулъ: «Ма.... мама!» Его смоченное слезами личико было обращено къ сестрѣ Розѣ.

Онъ въ первый разъ назвалъ ее этимъ именемъ. Радость и горе, мгновенно охвативъ ея сердце, чуть не лишили ее послѣднихъ силъ. Однако, она кое-какъ дошла до своей кельи.

Тамъ она, наконецъ, могла дать волю своему отчаянію, порывамъ гнѣва, ненависти и любви, всѣмъ страстнымъ движеніямъ сердца, которыя, поднявшись изъ глубины ея дотолѣ кроткой, спокойной души, вдругъ разразились страшной бурей. Жизненныя силы, накопившіяся въ ней въ теченіи стольких лѣтъ однообразнаго и замкнутаго существованія, всѣ разомъ внезапно заговорили въ ней и вылились наружу въ воплях и стонахъ, которыми онѣ, повидимому, хотѣли отмстить за свое долгое молчаніе. Какое внезапное пробужденіе! Какая сила страсти! Всѣ способности ея души возмутились противъ тяготѣвшаго надъ ними ига и захотѣли протестовать, дѣйствовать, любить.... Въ груди монахини, подъ сѣрымъ платьемъ вдругъ зашевелились страсти, жизнь забила ключемъ и стерла всѣ слѣды прежняго смиренія и покорности. Сестра Роза лежала на колѣняхъ въ углу передъ Распятіемъ, на хорошо знакомомъ ей мѣстѣ, но вмѣсто обычныхъ словъ тихой молитвы, изъ груди ея вырывались

громкія рыданія и она вздрагивала подъ вліяніемъ волновавшихъ ее негодованія сомнѣній и тоски.

Наконецъ, испуганная силою собственныхъ ощущеній, сестра Роза нѣсколько овладѣла собой. Она боялась злого духа и стала молиться; затѣмъ стала размышлять о своей предъидущей жизни, которая за послѣдній часъ успѣла сдѣлаться ея прошлымъ. Произнесенный ею обѣтъ безпрекословнаго повиновенія, совѣты духовника, монастырскія правила — до сихъ поръ предметъ ея вѣры и уваженія — правила, первое требованіе которыхъ чуждаться всякаго чувства, убивать его въ зародышѣ.... Но это выше ея силъ... Она не понимала половины тѣхъ словъ, которыя она говорила самой себѣ; она думала только о дѣтяхъ; ей все казалось, что въ эту самую минуту у нея навсегда отнимаютъ этихъ дѣтей, и она хотѣла броситься за ними, вырвать дѣтей отъ ихъ преслѣдователей. Боже мой! Такъ мучить бѣдныхъ дѣтей!... Обрекать ихъ на смерть... Возможно ли, чтобы Богъ повелѣвалъ такое преступленіе, или даже только допускалъ его!... Что могли люди имѣть противъ нихъ? Или все это дѣлалось исключительно съ цѣлью разбить ея собственное сердце? Но въ такомъ случаѣ она этого не допуститъ и во что бы то ни стало спасетъ сиротъ.

Весь страхъ, всѣ сомнѣнія сестры Розы исчезли. Она болѣе ни о чемъ не думала, какъ только объ обѣщаніи, которое дала умирающей матери, и о томъ, какъ спасти дѣтей.

Когда кротость есть слѣдствіе любви къ миру и желанія угождать ближнимъ, она имѣетъ гораздо менѣе общаго со слабостью, нежели эгоистическое упорство людей, отличающихся неуступчивымъ нравомъ. Такого рода характеры обыкновенно идутъ далеко по пути уступокъ. Но оскорбленные въ собственномъ достоинствѣ или въ своихъ привязанностяхъ и доведенные до крайности нападками на ихъ понятія о долгѣ, о чести и о справедливости, эти ягнята превращаются во львовъ и тѣ самыя способности, которыя заставляли ихъ находить удовольствіе въ уступчивости, становятся въ нихъ источникомъ неукротимой энергіи.

Сестра Роза, испуганная и изумленная происшедшей въ ней перемѣной, въ сущности оставалась все таже. Но въ ея двадцатипятилѣтнее сердце внезапно проникъ лучъ человѣческой любви и зародыши чувства, дремавшіе въ немъ, развернулись подъ благотворнымъ вліяніемъ грозы страданія съ быстротой тропической растительности.

Когда къ ней вечеромъ явилась монахиня и принесла ей ужинъ, сестра Роза выразила желаніе объясниться съ игуменьей.

Она, наконецъ, рѣшилась смѣло и открыто возстать противъ власти, которая слыветъ въ монастыряхъ представительницей самого божества. Геройское мужество, — не только если принять въ соображеніе воспитаніе, полученное молодой дѣвушкой, но и если взвѣсить всѣ опасности, которымъ она лично подвергалась въ силу монастырскаго устава, строго карающаго неповиновеніе по абсолютному божественному праву. Сестра Роза собиралась начать съ игуменьей борьбу во имя чисто-человѣческаго чувства, забывая, какъ мало значенія та придавала всему этому, или лучше сказать, какъ холодно и враждебно на все это смотрѣла.

Просьба ея осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ настала ночь, но сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Мысль ея упорно стремилась къ дѣтямъ. Что съ ними сдѣлали? Къ ней не принесли маленькаго Жана. Его конечно вздумали поручить на ночь другой монахинѣ. По временамъ крикъ мальчика долеталъ до слуха сестры Розы и усиливалъ ея страданія. Ни одна изъ остальныхъ сестеръ не умѣетъ обращаться съ дѣтьми! Ни ласки, ни добраго слова; они относятся къ дѣтямъ съ тѣмъ превосходствомъ силы, которое только оскорбляетъ, не даетъ высказаться ребенку, дѣлаетъ злымъ... Еслибы ихъ по крайней мѣрѣ отдали сестрѣ Францискѣ! Та добра и не станетъ ихъ понапрасну мучить.

Нѣтъ, они не съумѣютъ приготовить мальчику его супъ, какъ онъ любитъ, пожиже и съ сахаромъ... онъ не станетъ ѣсть... и будетъ страдать отъ голоду. При этой мысли сестра Роза не могла удержаться отъ слезъ, которыя по крайней мѣрѣ физически ее нѣсколько облегчили. Но тутъ крики мальчика раздались сильнѣе, отчаяннѣе прежняго....

— Господи! Что съ нимъ дѣлаютъ? Это безчеловѣчно, ужасно!

И не въ силахъ долѣе владѣть собой, сестра Роза бросилась къ выходу изъ своей кельи, но.... дверь оказалась запертой снаружи.

Гнѣвъ вспыхнулъ въ сердцѣ молодой монахини. Но то, чтò побѣждаетъ слабыхъ, только еще болѣе возбуждаетъ сильныхъ. Сестра Роза вернулась на свое мѣсто, сѣла, опустивъ голову на руки и долго оставалась въ этомъ положеніи, явно собираясь съ силами. Въ кельѣ водворилась тишина, нарушаемая только прерывистымъ дыханіемъ монахини и изрѣдка сдерживаемымъ рыданіемъ.

Настало утро. Монастырь оживился. Сестра Роза, которая въ изнеможеніи было-задремала, около восьми часовъ внезапно проснулась въ испугѣ, вскочила съ мѣста и бросилась къ окну. Слуха ея коснулся жалобный плачъ Жозефины и она дѣйстви-

тельно увидала ее идущую по двору. Рядомъ съ ней шла, держа ее за руку, игуменья, за которой слѣдовала сестра Анжелика съ маленькимъ Жаномъ на рукахъ. Мальчикъ вырывался, плакалъ и осматривался вокругъ, точно кого-то отыскивая. Вдругъ у него, какъ наканунѣ, вырвалось: «Мама, мама!»

Минуту спустя они всѣ скрылись. У Жозефины на головѣ была ея черная шапочка, а Жана несли окутаннаго въ старую шаль... Куда они ихъ уводили?

Неужели же, вопреки послѣдней волѣ матери, ихъ такъ жестокосердо отправляли въ эту холодную могилу... Но въ такомъ случаѣ надо дѣйствовать... что-нибудь предпринять... то-есть — окончательно возстать противъ игуменьи, обратиться къ покровительству закона.

Сестра Роза стояла облокотясь на окно. Она дрожала, мысли ея и чувства носились въ какомъ-то хаосѣ. Неужели дѣйствительно дѣло зашло такъ далеко?... Такъ ли это?...

Бѣдная дѣвушка, вся жизнь которой до сихъ поръ была одной мечтой, пугалась въ виду страшной борьбы съ дѣйствительностью.

Наканунѣ она, въ пылу своего гнѣва и негодованія, была готова на самыя смѣлыя рѣшенія, и считала себя способной тотчасъ же ихъ исполнить; но теперь съ приближеніемъ рѣшительной минуты, истомленная безсонницей, разбитая и уничтоженная горемъ, она почувствовала непреодолимый страхъ. Нарушить обѣтъ, произвести такой скандалъ, сдѣлаться предметомъ толковъ цѣлаго города, возбудить къ себѣ ненависть всего монастыря!...

Сестра Роза закрыла лицо руками. Но дѣти, дѣти! Дѣти, которыхъ ведутъ къ стыду и гибели! Сердце ея рвалось къ нимъ, и раздраженная совѣсть уже не останавливала ее.

Молодая монахиня была сильна и мужественна и съ радостью принесла бы себя въ жертву дѣтямъ. Но, привыкши себя во всемъ сдерживать, она чувствовала непреодолимую робость въ ту минуту, когда отъ рѣшенія воли надо было перейти къ дѣйствію.

Вдругъ дверь ея кельи отворилась и на порогѣ показалась игуменья.

У сестры Розы кровь застыла въ жилахъ. Мать-игуменья имѣла такой величественный видъ и была облечена такой высокой властью! Ея полный станъ, тяжелая походка, холодный блескъ ея сѣрыхъ глазъ, висѣвшій у нея на груди крестъ, все, не исключая и двойного подбородка, внушало безграничное уваженіе монахинѣ, которая видѣла въ своей настоятельницѣ олице-

твореніе верховной власти на землѣ. Она еще маленькой дѣвочкой привыкла преклоняться передъ ней, а дѣтство и юность, какъ извѣстно, съ необыкновенной силой воплощаютъ свои иллюзіи. Менѣе наивныя уста не задумались бы назвать игуменью вмѣсто «святой матери» просто толстой матерью. Не будучи лишена извѣстной доли ума, она однако опустилась вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ замкнутой средѣ, гдѣ мелочныя заботы и сплетни были единственнымъ интересомъ. Къ тому же она отличалась очень положительнымъ характеромъ, что выражалось на ея лицѣ. Но что̀ въ ней было дѣйствительно величаваго, такъ это ея высокое мнѣніе о своей собственной личности, которое оказывало впечатлѣніе и на другихъ.

— Поняли ли вы, наконецъ, всю важность вашего проступка, дочь моя? медленно и жестко произнесла она, входя въ келью сестры Розы. Вы согрѣшили противъ Бога и противъ меня. Вы проявили гордость, которая низвергла въ адъ злыхъ ангеловъ и, дозволивъ земному чувству поселиться у васъ въ сердцѣ, измѣнили клятвѣ, данной божественному Жениху. Грѣховное состояніе вашей души приводитъ меня въ ужасъ. Изъ опасенія, чтобъ Богъ въ гнѣвѣ своемъ не поразилъ васъ мгновенной смертью, я хочу на одинъ часъ освободить васъ изъ заключенія, чтобъ вы по крайней мѣрѣ могли раскаяться. Ступайте въ церковь: вы тамъ найдете вашего духовника. Смиритесь и со слезами молите Господа о прощеніи.

Что могла на это возразить дѣвушка, воспитанная въ этихъ вѣрованіяхъ и принесшая въ жертву имъ свою жизнь? Сестра Роза молчала. Слова игуменьи, указывая ей, что ея проступокъ родственъ съ преступленіемъ самого Сатаны, сильнѣе чѣмъ когда-либо возбудили въ ней упреки совѣсти. Дьяволъ дѣйствительно есть изобрѣтатель революцій и еслибъ молодая монахиня разсуждала логически, такой аргументъ уничтожилъ бы въ ней всякій духъ неповиновенія.

Но воспитаніе, напротивъ, тщательно отучило ее давать своимъ идеямъ логическую связь и обдумывать свои впечатлѣнія. Пораженная авторитетомъ игуменьи и испуганная въ своей совѣсти, сестра Роза упала на колѣни и со слезами сознаваясь въ своей винѣ, молила святую мать о прощеніи. Но когда та, намѣреваясь уйти, подошла къ двери, мысль о несчастныхъ и усланныхъ дѣтяхъ снова охватила все существо монахини и она умоляющимъ голосомъ воскликнула:

— Но, святая мать, ради Бога, скажите мнѣ, гдѣ дѣти?

— Опять вы поддаетесь безумнымъ внушеніямъ вашего не-

покорнаго сердца! съ гнѣвомъ воскликнула игуменья и поспѣшила прибавить:

— Ихъ болѣе здѣсь нѣтъ и вы ихъ никогда не увидите.

— Никогда не увижу! воскликнула сестра Роза, которая въ эту минуту снова все забыла, исключая опасности, угрожавшей несчастнымъ сиротамъ. — Никогда не увижу! О нѣтъ, это невозможно! Милосердый Богъ этого не захочетъ! Дѣти меня полюбили; мать, умирая, мнѣ ихъ поручила; я имъ нужна!.. Святая мать, прекратите ихъ мученія! Я увѣрена, они теперь плачутъ и зовутъ меня... Зачѣмъ дѣлать ихъ несчастными?.. Тамъ не любятъ дѣтей и не умѣютъ съ ними обращаться... ихъ тамъ убьютъ... Эти люди не знаютъ...

И сестра Роза, заливаясь слезами, упала на колѣни. Она въ отчаяніи простирала къ игуменьѣ дрожащія руки и восклицала:

— Святая мать, вы видите, я не въ силахъ совладѣть съ собой. Но вѣдь Богъ не желаетъ гибели дѣтей!.. Господь Іисусъ любилъ ихъ и довѣряя сердцу женщинъ, поручилъ имъ заботиться объ этихъ... невинныхъ... существахъ, которыя не заслужили страданія... Умоляю васъ, святая мать, возвратите мнѣ ихъ! Я буду вдвое трудиться для того, чтобъ воспитать ихъ, и научу ихъ любить Бога... Тамъ, вы знаете, дѣти становятся дурными, ихъ не любятъ. Мальчикъ, по словамъ доктора, требуетъ особенной заботливости... онъ тамъ, безъ сомнѣнія, умретъ! Не грѣхъ ли обрекать на смерть живое существо и въ особенности невиннаго ребенка?.. Ради Бога... Святая мать!..

— Вы совсѣмъ съума сошли! сухо замѣтила игуменья, отталкивая ее отъ себя. Идите въ церковь; отецъВаленъ васъ вѣроятно, уже ждетъ. Если ему не удастся вразумить васъ, вы завтра отправитесь на покаяніе... Идите!

И вытолкнувъ ее за двери, игуменья слѣдила за ней глазами до церкви.

Этотъ взрывъ чувства въ присутствіи настоятельницы возвратилъ сестрѣ Розѣ всю ея энергію. Въ церкви еще не было отца Валена. Въ ожиданіи его она опустилась на колѣни передъ образомъ Богородицы и съ трепетомъ думала о страшной задачѣ, которую ей тѣмъ или другимъ способомъ предстояло разрѣшить. Надо было или покинуть дѣтей, или спасти ихъ. Конечно спасти!... Къ этому послѣднему рѣшенію ее влекли всѣ силы ея души. Но въ такомъ случаѣ надо вернуться къ свободѣ! нарушить обѣтъ!...

Да, но покинувъ дѣтей, она тоже измѣняетъ клятвѣ, мало того, это значило обречь на смерть, или еще хуже, на порокъ,

два существа, которыя были ввѣрены ей матерью и сами добровольно ей отдались со всей невинностью и всѣмъ своимъ сердцемъ... Воспитанная въ пріютѣ, Жозефина неизбѣжно должна была подвергнуться одной участи съ своей матерью, а можетъ быть и еще худшей. А мальчикъ... его конечно ждетъ страшная агонія посреди равнодушныхъ людей, которые не дадутъ ему ни любви, ни ласки, ничего такого, что до сихъ поръ хотя сколько-нибудь уменьшало его страданія. «Мама, мама»! звучало у нея въ ушахъ. Ей показалось, что она слышитъ голосъ ребенка, и вздрогнувъ она встала съ колѣнъ...

Сестра Роза ожидала своего духовника съ инстинктивнымъ желаніемъ найти въ своемъ затрудненіи хоть какую-нибудь помощь или опору. Но что можетъ онъ ей дать? Развѣ ей это неизвѣстно напередъ? Онъ будетъ говорить тоже, что игуменья. Онъ ей станетъ угрожать адомъ... Неужели Богъ дѣйствительно осудитъ ее за любовь къ дѣтямъ, которыхъ онъ самъ завѣщалъ любить?.. Адъ! но вѣдь онъ угрожаетъ также и дѣтямъ! Страданіе и нужда могутъ ихъ туда низвергнуть!.. Развѣ она должна думать только о себѣ и ни о комъ, и ни о чемъ болѣе не заботиться? Нѣтъ, и въ этой и въ будущей жизни предстоитъ выборъ между собственнымъ и ихъ спасеніемъ. Она должна погубить ихъ, спасая себя, или спасти ихъ, погубивъ себя...

Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, сестра Роза перестала колебаться. Въ душѣ ея какъ будто вдругъ вспыхнулъ огонь, и всѣ ея муки и сомнѣнія исчезли. Святое чувство самоотреченія влило ей въ сердце новое мужество, которое побѣдило въ ней всякій страхъ. Никогда, въ своемъ одинокомъ исканіи небесныхъ радостей не ощущала она такого восторга и такой силы, какъ теперь. Это уже не были истощающіе и сухіе порывы мистической любви; это была сама жизнь, покрывавшая ее своими священными волнами, своими самыми сильными радостями и высокими проявленіями, начиная съ утренней зари и первой улыбки ребенка, до великихъ вечеровъ Ѳермопилъ и Ментаны, до костровъ Гуса и Іоанны д'Аркъ. Сестра Роза почувствовала себя въ мирѣ съ правдой и съ добромъ и вдругъ перестала вѣрить въ дьявола.

Она твердымъ шагомъ направилась къ церковной двери и вышла на улицу. Раздавшійся около нея шумъ нисколько ее не испугалъ. Встрѣча лицомъ къ лицу съ духовникомъ и та теперь не остановила бы ее. Она спокойно прошла весь городъ и отправилась къ нотаріусу Бернеро.

Нотаріусъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, узнавъ о причинѣ посѣщенія молодой сестры, которая возъимѣла рѣши-

мость заявить свои права опекунши. Онъ въ присутствіи своихъ писцовъ, которые въ случаѣ надобности могли бы послужить свидѣтелями, не преминулъ выставить передъ сестрой Розой скандалъ, который неизбѣжно произведетъ ея смѣлый поступокъ. Бернеро занимался дѣлами двухъ монастырскихъ общинъ и каждый годъ причащался. Тѣмъ не менѣе онъ выдалъ сестрѣ Розѣ копію съ завѣщанія и посовѣтовалъ ей отправиться къ мировому судьѣ.

Вольтеріанецъ и либералъ въ душѣ, мировой судья однако держалъ себя прилично своему званію. Онъ очень ласково обошелся съ молодой монахиней, но все-таки счелъ долгомъ спросить у нея, хорошо ли она обдумала всѣ послѣдствія своего смѣлаго шага. Узнавъ, что у нея есть, чѣмъ жить, и что она намѣрена поселиться въ Парижѣ, онъ улыбнулся и далъ понять, что вполнѣ одобряетъ ея рѣшимость. Онъ старался обинякями вывѣдать у нея исторію дѣтей, полагая, что подъ этимъ кроется какая-нибудь интрига. Но такъ какъ мать дѣтей была извѣстна, а въ сестрѣ Розѣ онъ не могъ подозрѣвать ихъ отца, то мировой судья ничего здѣсь не понялъ, кромѣ того, что быть можетъ это былъ благовидный предлогъ оставить монастырь. Онъ немедленно написалъ въ Алансонъ, въ пріютъ, куда были помѣщены сироты, предписаніе возвратить ихъ дѣвицѣ Селинѣ Дарри, въ постриженіи сестрѣ Розѣ. Затѣмъ онъ съ отеческой заботливостью рекомендовалъ молодую дѣвушку своимъ знакомымъ, хорошимъ людямъ, которые были настолько независимы, что не боялись для себя никакихъ монастырскихъ козней. Они приняли ее къ себѣ въ домъ, гдѣ сестра Роза въ тотъ же вечеръ получила визитъ отца Валена.

Но онъ успѣлъ только немного напугать и сильно огорчить молодую дѣвушку, но не въ силахъ былъ поколебать ея рѣшимости. Наконецъ отецъВаленъ сталъ предательски убѣждать сестру Розу вернуться въ монастырь и постараться смягчить игуменью покорностью, обѣщаясь впослѣдствіи выхлопотать ей позволеніе имѣть при себѣ дѣтей. Но какъ ни была простодушна и довѣрчива молодая монахиня, она поняла, что ей разставляютъ западню, и отказалась. Отцу Валену однако удалось довести до слезъ сестру Розу описаніемъ скорби, какую возбудилъ ея проступокъ во всѣхъ монахиняхъ и въ особенности въ нѣжномъ сердцѣ святой матери-игуменьи. Затѣмъ онъ сталъ грозить ей небеснымъ мщеніемъ, изображалъ безнравственность клятвопреступничества, опасности, которыя ожидаютъ ее въ свѣтѣ, и людское презрѣніе. Сестра Роза оставалась непоколебимой и повторяла одно:

— Если необходимо кѣмъ-нибудь изъ насъ пожертвовать, то пусть лучше будетъ пожертвовано мною. Я сдѣлаю изъ дѣтей честныхъ людей и они вымолятъ мнѣ у Бога прощеніе.

Въ тотъ же вечеръ она написала своей сестрѣ, проживавшей въ Парижѣ, слѣдующее письмо:

«Любезная сестра,

«Не знаю, какъ взглянешь ты на то, что я имѣю тебѣ сообщить. Я оставляю монастырь. Не думай, чтобъ мною руководила холодность къ религіи или желаніе жить въ свѣтѣ. Нѣтъ, я выхожу изъ монастыря для того, чтобъ воспитывать двухъ дѣтей, мать которыхъ, умирая, мнѣ ихъ завѣщала. Признаюсь тебѣ, я привязалась къ нимъ всѣми силами моего сердца, но, смѣю надѣяться, Богъ мнѣ это проститъ. Если ты и твой мужъ не найдете моего поступка ужъ черезчуръ предосудительнымъ, то вы оказали бы мнѣ великую помощь принявъ меня къ себѣ, по крайней мѣрѣ на первое время, такъ какъ я вовсе незнакома съ жизнью, а въ особенности съ парижскою. А между тѣмъ я нигдѣ болѣе не могу жить какъ въ Парижѣ: это единственное мѣсто, гдѣ на меня не станутъ смотрѣть съ предубѣжденіемъ. Ты всегда была добра ко мнѣ и потому я не рѣшалась болѣе ни къ кому ѣхать, кромѣ тебя, если только ты согласишься меня принять. Я надѣюсь быть въ Парижѣ въ понедѣльникъ, съ вечернимъ поѣздомъ: для меня было бы большимъ утѣшеніемъ встрѣтить васъ на станціи. Въ противномъ случаѣ я поселюсь гдѣ-нибудь по сосѣдству съ желѣзной дорогой и немедленно васъ увѣдомлю о моемъ пріѣздѣ.

«Твоя сестра, рожденная Селина Дарри, въ постриженіи сестра Роза.

«Я молю мою святую не лишать меня своего покровительства, какъ я всегда сохраню ея имя».

Формальности, которыя сестрѣ Розѣ предстояло совершить для полученія дѣтей, удержали ее въ Мортанѣ весь слѣдующій день. Отрекшись отъ своего обѣта, она не могла долѣе носить монашескаго платья. Добрая женщина, у которой она квартировала, купила ей по ея просьбѣ простой свѣтскій нарядъ, въ который сестра Роза не безъ горести одѣлась. Подобно всѣмъ мало развитымъ людямъ, которые не могутъ сразу схватить всѣ послѣдствія своей рѣшимости, она придавала большую важность такимъ чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ. Она плакала, снимая съ себя сѣрое монашеское платье и замѣняя его свѣтской одеждой. Взглянувъ въ зеркало, она не узнала себя и ей стало стыдно. Она страдала отъ того, что лобъ ея оставался открытымъ и на него прямо падалъ дневной свѣтъ. Ей было крайне жаль высо-

каго головного убора, подъ которымъ она такъ удобно могла скрывать выраженіе своего лица, слишкомъ скоро выдававшаго малѣйшія движенія ея впечатлительной души. Неожиданный звукъ, легкій шорохъ, всякая бездѣлица вызывали на ея щекахъ болѣе или менѣе яркій румянецъ, а рѣсницы, единственный оставшійся у нея теперь покровъ, то и дѣло опускались на ея глаза.

Вдобавокъ ко всему этому ея болтливая хозяйка не скупилась на разнаго рода замѣчанія. Она удивлялась, что теперь сестра Роза ничѣмъ болѣе не отличалась отъ другихъ молодыхъ дѣвушекъ, исключая того только, что по ея скромному и застѣнчивому виду ей нельзя было дать больше двадцати лѣтъ. Затѣмъ хозяйка поспѣшила ей сообщить, что весь городъ говорилъ о ней. Боже мой, чего только не выдумаютъ злые люди, въ особенности женщины!... Ну, да и мужчины хороши: двусмысленными улыбками и отрывочными словами они даютъ понимать еще болѣе.

— Но что до меня касается, прибавила добрая женщина, то я готова поклясться въ томъ, что вы намѣрены остаться честной.

— Честной? тревожно повторила молодая дѣвушка. Но кто же можетъ въ этомъ сомнѣваться?

— Ахъ вы, бѣдняжка! Сейчасъ видно, что вы не знакомы со свѣтомъ. Люди только и дѣлаютъ, что сомнѣваются. Совѣтую вамъ тамъ, куда вы ѣдете, никому не говорить, что вы были монахиней. Даже и тѣ, которые равнодушно относятся къ религіи, не изъ послѣднихъ васъ осудятъ.

И мало-по-малу хозяйка самымъ добродушнымъ образомъ пересказала сестрѣ Розѣ всѣ слухи, которые ходили о ней по городу. Къ счастью, молодая дѣвушка не поняла и половины изъ того, что слышала. Но чѣмъ больше она слушала, тѣмъ больше видѣла, какъ несправедливо о ней судили и тѣмъ больше чувствовала себя одинокой посреди этого негостепріимнаго свѣта. Еслибъ не дѣти, она бы, кажется, не испугалась ожидавшихъ ее наказаній и была бы готова бѣжать обратно въ монастырь, который по крайней мѣрѣ представлялъ вѣрное убѣжище ея стыдливости. Ей хотѣлось отъ всѣхъ спрятаться и она съ тоскою сравнивала себя съ тѣми ночными птицами, которыхъ съ шумомъ окружаютъ и бьютъ крикливыя дневныя птицы.

Съ наступленіемъ вечера къ хозяевамъ сестры Розы явился докторъ Маринье. Онъ казался немного смущеннымъ, но былъ очень доволенъ оборотомъ, который приняло дѣло. Поздравляя молодую монахиню съ выказаннымъ мужествомъ, онъ горячо поблагодарилъ ее за то, что она его не выдала.

— Но, прибавилъ онъ, они тамъ въ монастырѣ тѣмъ не менѣе подозрѣваютъ мой языкъ, если не меня самого. Ну, да пусть ихъ!

Я во всякомъ случаѣ нужнѣе монастырю, чѣмъ монастырь мнѣ.... Но да будетъ вамъ извѣстно, что всѣ сестры серьёзно думаютъ, будто въ васъ вселился дьяволъ, и произнося ваше имя, набожно крестятся. Чѣмъ иначе, говорятъ онѣ, объяснить такую страшную перемѣну въ самой кроткой и благочестивой монахинѣ изъ всей общины. — Э, замѣчаю я имъ въ отвѣтъ, вамъ извѣстна пословица: въ тихомъ омутѣ... Но все равно, я въ восторгѣ отъ вашего мужества и вашего сердца. Чтобы тамъ ни говорили другіе, но я хорошо знаю, что вы все это сдѣлали только для дѣтей...

На слѣдующее утро сестра Роза уѣхала въ Алансонъ, снабженная стараніями своихъ хозяевъ и доктора Маринье суммой, необходимой для ея путешествія и для перваго обзаведенія хозяйствомъ въ Парижѣ.

Когда она явилась въ пріютъ за дѣтьми, они, въ новомъ ея костюмѣ, не вдругъ ее узнали, но потомъ радости ихъ не было конца. Слушая ихъ милую болтовню и принимая ихъ ласки, она забыла всѣ свои сомнѣнія, все, что ее до сихъ поръ волновало и терзало. Счастіе заглушило въ ней стыдъ и она вмѣстѣ съ Жозефиной и съ маленькимъ Жаномъ на рукахъ, безъ малѣйшаго смущенія отправилась черезъ весь городъ на станцію желѣзной дороги. Ничто не могло сравниться съ восторгомъ, который охватилъ ея сердце, когда она очутилась съ малютками въ вагонѣ, спокойная на счетъ ихъ безопасности и увѣренная въ томъ, что ихъ никто уже у нея не отниметъ. Они принадлежали ей, одной ей и больше никому! Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ ощущеній монахиня окончательно умерла въ сестрѣ Розѣ, уступивъ мѣсто матери. Вся душа ея вылилась въ нѣжномъ взглядѣ, устремленномъ на дѣтей, и въ лучезарной улыбкѣ, преисполненной материнской любви и самыхъ свѣтлыхъ обѣщаній, какія случается видѣть развѣ только на весеннемъ небѣ, когда оно улыбаясь смотритъ на землю. Дѣти съ своей стороны, счастливые тѣмъ, что снова очутились въ теплой и нѣжной атмосферѣ, которую распространяло вокругъ нихъ присутствіе сестры Розы, отвѣчали на ея ласки поцалуями, объятіями и улыбками безъ конца, которыя сіяли у нихъ въ глазахъ, мелькали на губахъ и гнѣздились въ ямочкахъ на щечкахъ. Путешествіе посреди всѣхъ этихъ изліяній радости и любви всѣмъ показалось короткимъ. Они къ вечеру прибыли въ Парижъ и только ступивъ на асфальтовую мостовую столицы, сестра Роза опять пробудилась къ дѣйствительности и начала тревожиться. У нея болѣзненно сжалось сердце при мысли о своемъ одиночествѣ посреди этого громаднаго города. Она не была увѣрена, придутъ ли встрѣтить ее родные.

Они пришли. Анета Дарри тоже была женщина съ сердцемъ, а мужъ ея, добрый малый, охотно согласился принять къ себѣ сестру Розу, съ условіемъ только, что ея бѣгство изъ монастыря останется для всѣхъ тайной.

Для бывшей сестры Розы, теперешней Селины, была нанята маленькая комнатка въ одномъ домѣ съ ея сестрой, гдѣ она и поселилась вмѣстѣ съ дѣтьми подъ покровительствомъ маленькаго родственно-расположеннаго къ ней семейства.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Чтобъ хоть сколько-нибудь увеличить болѣе нежели скромный доходъ съ своего капитала, Селина выучилась цвѣточному ремеслу, которымъ занималась также и ея сестра. Трудъ уже начиналъ приносить ей довольство. Дѣти, чистенькіе и свѣженькіе, какъ англійскіе *babies*, выросли; Жозефина училась шить и читать, а маленькій Жанъ совсѣмъ окрѣпъ на ножкахъ, бѣгалъ и много шумѣлъ. Видя его такимъ полненькимъ и розовенькимъ, слыша его свѣжій, звучный голосокъ, никто изъ жителей Мортаня не повѣрилъ бы, что это тотъ самый тщедушный золотушный ребенокъ, котораго монахини нашли на большой дорогѣ. Нельзя сказать, чтобъ онъ всегда хорошо себя велъ. Нѣтъ, онъ часто шалилъ, но въ самый разгаръ своей шумной веселости, такъ умильно поглядывалъ на свою пріемную мать и такъ нѣжно ее цаловалъ, что придавалъ своимъ проступкамъ чуть ли еще не болѣе прелести, чѣмъ своимъ хорошимъ дѣламъ. Все сосѣдство было отъ него безъ ума, хотя и соглашалось въ томъ, что мать его подъ часъ черезчуръ баловала. Всѣ рѣшительно принимали Селину Дарри за вдову и настоящую мать воспитываемыхъ его малютокъ.

Вдовы, мужей которыхъ никто никогда не видалъ, всегда возбуждаютъ подозрѣнія, но передъ стыдливой скромностью и сдержаннымъ, исполненнымъ достоинства обращеніемъ Селины всѣ сомнѣнія невольно умолкали. Ее только въ одномъ упрекали, а именно въ чрезмѣрной строгости, которая, несмотря на всю ея кротость, держала на почтительномъ отъ нея разстояніи многихъ желавшихъ съ ней сблизиться. Она каждый день въ теченіи часа гуляла съ дѣтьми въ сосѣднемъ скверѣ и всѣ видѣвшіе ее тамъ невольно ею восхищались. Замѣчая ея скромную походку, опущенные въ землю глаза, движенія, чуждыя всякаго кокетства, материнскую внимательность люди думали, что она такъ исключительно занимается своими дѣтьми отъ того, что еще не успѣла утѣшиться въ потерѣ мужа. Но были и такіе, которые, любуясь ея свѣжей, молодой улыбкой, выражали сомнѣніе, чтобъ въ сердцѣ ея могла таиться глубокая печаль.

Послѣдніе не ошибались. Очутясь въ совершенно новой средѣ,

согрѣваемая любовью дѣтей, которые росли около нея, Селина, бывшая сестра Роза, распускалась, какъ цвѣтокъ, внезапно перенесенный изъ тѣни на яркій солнечный свѣтъ. Въ кругу семьи, ее любившей и уважавшей, ея тревоги и сомнѣнія мало-по-малу улеглись и она вполнѣ отдалась прекраснѣйшей изъ человѣческихъ привязанностей, материнской любви, которая оторвала ее отъ иллюзій мистической любви.

Ея нравственное и умственное развитіе, рано остановившееся въ монастырѣ, теперь быстро пошло впередъ, благодаря ея двадцати-пятилѣтней энергіи. Она хотѣла знать, чтобъ быть въ состояніи учить дѣтей, и съ этой цѣлью много читала и старалась, гдѣ только могла, прислушиваться къ голосу правды и знанія. Ея предразсудки исчезли одинъ за другимъ, сомнѣнія разсѣялись, совѣсть умолкла. Она поняла, что позволяя своему сердцу слѣдовать его естественнымъ наклонностямъ къ любви, составляющей радость и красоту человѣческаго существованія, люди никакимъ образомъ не могутъ оскорбить Бога. Поэзія приводила ее въ восторгъ. Она находила въ ней отголосокъ того, что таилось въ ея собственномъ сердцѣ, и съ помощью ея окончательно прозрѣла насчетъ всего, что есть высокаго и прекраснаго въ этой жизни, которую ее такъ несправедливо научили-было проклинать. Уяснивъ себѣ все это, Селина сознала себя невыразимо счастливой. Совѣсть ея вполнѣ успокоилась и всѣ способности расцвѣли и созрѣли съ магической быстротой. Лицо ея покрылось свѣжимъ румянцемъ здоровья, въ глазахъ появился блескъ, станъ округлился, сдѣлался гибче, а движенія быстрѣе. Умъ ея также развернулся и, не теряя своей наивной прелести, украсился живостью и неподдѣльной веселостью. Всѣ кто ее зналъ проникались къ ней уваженіемъ. Дѣти обожали ее.

Селина не забыла также и другой обязанности, которую возложила на нея послѣдняя воля умершей, въ отношеніи къ отцу дѣтей. Нѣсколько времени спустя послѣ своего переселенія въ Парижъ, она отправилась въ Гренелль и по данному адресу искала тамъ Жюльена Эмори. Были люди, которые смутно помнили работника съ этимъ именемъ, но онъ три мѣсяца тому назадъ исчезъ, никто не зналъ куда. Послѣ него даже остались коекакія вещи, за которыми онъ до сихъ поръ не являлся. Кромѣ этого о немъ никто ничего не могъ сказать. Розыски, произведенные зятемъ Селины, тоже остались безъ всякихъ послѣдствій. Всѣ думали, что Жюльенъ Эмори сдѣлался жертвой какого-нибудь несчастнаго случая и Селина, не безъ эгоистическаго чувства облегченія, вскорѣ вовсе перестала о немъ думать. Отыскивая отца малютокъ, она постоянно страшилась его найти.

Послѣ этого она беззаботно отдалась своему счастью. Пребываніе въ монастырѣ оставило въ ней почти дѣтскую непредусмотрительность, которую впрочемъ ни одинъ опытъ еще не успѣлъ исправить.

Однажды Селина сидѣла съ дѣтьми въ своей комнатѣ. Она гибкими пальцами свивала вѣтку сирени, а маленькая Жозефина, стоя передъ ней, брала урокъ чтенія въ книгѣ, раскрытой у нея на колѣняхъ. Дѣвочка всякій разъ, какъ ей встрѣчалось какое-нибудь затрудненіе, взглядывала на свою пріемную мать, ласковая улыбка которой придавала ей мужество продолжать. Вдругъ на порогѣ полуоткрытой двери показался молодой ремесленникъ, чисто одѣтый и весьма пріятной наружности. Его взволнованный и въ тоже время нѣсколько строгій видъ мгновенно возбудилъ въ Селинѣ безотчетный страхъ. Незнакомецъ, окинувъ глазами дѣтей, обстановку всей комнаты и молодую дѣвушку, спросилъ у нея:

— Это вы дѣвица Селина Дарри, въ постриженіи сестра Роза?

Испуганная этимъ внезапнымъ обращеніемъ къ ней и къ ея прошлому, Селина, не въ силахъ однако утаить истину, отвѣчала:

— Да.

— Такъ это вы взяли у меня моихъ дѣтей? продолжалъ молодой человѣкъ.

Селина въ ужасѣ вскочила съ мѣста, хотѣла броситься къ дѣтямъ, но силы внезапно ей измѣнили и она лишилась чувствъ.

Придя въ себя, она увидѣла незнакомца, который съ безпокойствомъ смотрѣлъ на нее. Но доброе и открытое выраженіе его лица не могло такъ скоро изгладить тягостнаго впечатлѣнія, какое произвело на Селину его внезапное появленіе. Изъ его словъ она поняла, что этотъ человѣкъ пришелъ отнять у нея этихъ дѣтей — ея жизнь. Съ выраженіемъ испуга оттолкнувъ его отъ себя, она отвернулась и горько заплакала.

— Это чортъ знаетъ, что такое! воскликнулъ молодой человѣкъ. — Мой приходъ сюда оказывается вовсе некстати, а между тѣмъ я вамъ, кажется, не сказалъ ничего дурного. Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ я по всему Парижу ищу моихъ дѣтей и конечно не могъ быть этимъ доволенъ. Вы, какъ видно, ихъ очень любите?.. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ и я тоже ихъ не любилъ.

И видя, что она теперь достаточно оправилась и болѣе не нуждалась въ его помощи, онъ бросился къ дѣтямъ, восклицая:

— Я даже ихъ еще не поцаловалъ!

Дѣти, испуганные появленіемъ незнакомца и слезами своей пріемной матери, смотрѣли на него широко раскрытыми глазами и не двигались съ мѣста.

— Жозефина, развѣ ты не узнаешь твоего отца? спросилъ молодой человѣкъ, пытаясь ее приблизить къ себѣ и обнять.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она отвертываясь отъ него и смотря на Селину жалобно произнесла: «Мама».

Отецъ, опечаленный, выпустилъ ее изъ рукъ, но не прежде однако какъ поцаловавъ ее. Дѣвочка, вырвавшись отъ него, побѣжала къ Селинѣ и опустивъ голову къ ней на колѣни, устремила на незнакомца болѣе шаловливый, нежели робкій взглядъ.

— А ты, Жанъ? сказалъ тотъ.

Но мальчикъ послѣдовалъ примѣру сестры. И тотъ и другая, цѣпляясь за Селину, укрывались въ ея объятіяхъ, какъ въ надежной крѣпости, гдѣ они считали себя вполнѣ безопасными.

Жюльенъ, видя ихъ всѣхъ троихъ, соединившихся противъ него, ее такую печальную и блѣдную, а ихъ почти враждебныхъ къ нему, уныло опустился на стулъ и сложивъ руки на колѣняхъ печально проговорилъ:

— Этого я, признаюсь, не ожидалъ.

— Боже мой, это правда! Мы васъ очень дурно принимаемъ! воскликнула молодая дѣвушка и голосъ ея оборвался. Дѣти... съ усиліемъ продолжала она: это вашъ отецъ... Жозефина, развѣ ты его не узнаешь?

Хотя голосъ ей еще плохо повиновался, у нея хватило мужества встать и подвести къ нему дѣтей:

— Это вашъ отецъ, повторила она: обнимите его. Онъ вамъ будетъ добрымъ другомъ.

Тогда дѣти согласились его поцѣловать и болѣе не уклонялись отъ его ласкъ. Молодой человѣкъ посадилъ ихъ къ себѣ на колѣни и повидимому не могъ достаточно ими налюбоваться.

Что касается до Селины, то она вернулась на свое мѣсто и обратясь къ нимъ спиной, залилась слезами.

Но она недолго оставалась въ этомъ положеніи. Дѣти не замедлили, вырвавшись отъ отца, прибѣжать къ ней, а Жюльенъ Эмори, слѣдуя за ними, въ смущеніи проговорилъ:

— Я васъ встревожилъ моимъ приходомъ. Во мнѣ здѣсь, видно, никто не нуждался. Но тѣмъ не менѣе... вы сами понимаете, что я долженъ любить моихъ дѣтей и заботиться о нихъ. Вы конечно не станете сердиться на меня за это.

— О нѣтъ, конечно нѣтъ! отвѣчала Селина и украдкой отерла слезы.

— Да, такъ вы очень полюбили дѣтей? спросилъ онъ.

Какой вопросъ!... Она могла отвѣтить на него только рыданіями.

Молодой человѣкъ махнулъ рукой и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ.

— Ахъ, сказалъ онъ. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ больно видѣть ваше огорченіе! Я вамъ такъ многимъ обязанъ... Не понимаю, какъ это я могъ сейчасъ, при входѣ въ эту комнату, обратиться къ вамъ съ упреками... Но я не зналъ, никакъ не ожидалъ... Мнѣ въ Мортанѣ наговорили такого вздору... Но теперь ваши слезы, здоровый и опрятный видъ малютокъ, ихъ привязанность къ вамъ, все это мнѣ разомъ открываетъ, что вы такое... Вы хорошая, добрая женщина!.. да!.. И жена моя была совершенно права, отдавши вамъ дѣтей. Ахъ, мамзель Роза, какъ много съ этимъ видѣлъ я горя!

Онъ провелъ рукою по глазамъ, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, кашлянулъ, какъ бы прочищая голосъ и продолжалъ:

— Пожалуйста не плачьте! Вѣдь не затѣмъ же я въ самомъ дѣлѣ пришелъ, чтобы ихъ сію минуту и увести отъ васъ.

Селина встала и подошла къ нему со сложенными руками. Ея взглядъ, лицо, вся фигура изображали мольбу. Но голосъ рѣшительно не повиновался ей.—Послушайте! начала она и не могла продолжать отъ душившихъ ее слезъ и рыданій.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! воскликнулъ молодой человѣкъ: я не хочу быть причиной вашего горя и предпочитаю удалиться отсюда. Впрочемъ не думайте, что я больше не приду; нѣтъ, это невозможно. Я только хочу вамъ дать время оправиться, а затѣмъ мы съ вами спокойно поговоримъ и вы увидите, что я вовсе не злой человѣкъ.

Онъ поочереди поцаловалъ дѣтей, нѣжно обнялъ ихъ и ушелъ.

Анета, узнавъ о посѣщеніи молодого человѣка, тоже встревожилась, но тревога ея исходила изъ другого чувства. Какъ! отецъ этихъ дѣтей, объявленный умершимъ, окажется вдругъ живъ и, что̀ хуже всего, вовсе не мужемъ той, которую считали ихъ матерью! Какъ они все это объяснятъ послѣ тѣхъ слуховъ, которые такъ неосторожно распустили между сосѣдями? Что скажутъ мадамъ Броша, мосье Зине, мадамъ Лафре и другіе?

Парижъ представляетъ пустыню только для тѣхъ, кто живетъ отдѣльно, самъ по себѣ, не имѣя ни родственныхъ, ни дружескихъ связей. Но даже и такія личности не совсѣмъ избѣгаютъ сплетень: ихъ образъ жизни и привычки служатъ предметомъ толковъ для дворниковъ и швейцаровъ. Но имъ сто̀итъ только перемѣнить квартиру, и они снова одни въ цѣломъ мірѣ. Не такъ было съ сестрой и зятемъ Селины. У нихъ, благодаря Бога, былъ свой кругъ знакомыхъ, составлявшій посреди Парижа маленькій городокъ, въ которомъ сплетни процвѣтали не хуже чѣмъ въ любой провинціи. Разсказать этому кружку настоя-

щую исторію Селины, сдѣлать извѣстнымъ ея нарушеніе монашескаго обѣта, оказывалось рѣшительно невозможнымъ, и Анета въ тысячу разъ предпочла бы сочинить какую-нибудь новую исторію.

А между тѣмъ маленькій чиновничій кружокъ, къ которому принадлежалъ мужъ Анеты, хвастался своей религіозной терпимостью и своими либеральными тенденціями. Въ дѣлахъ общественнаго мнѣнія, онъ всегда слѣдовалъ общему теченію, примыкая къ нему въ данный моментъ, когда оно обхватывало цѣлую массу. Въ немъ охотно и съ самой либеральной точки зрѣнія обсуживались разные общественные вопросы, но отъ теоріи до практики еще далеко. Добрая Анета хорошо знала общество, въ которомъ вращалась и предвидѣла, что двое или трое изъ его членовъ, отличавшихся наиболѣе свободнымъ образомъ мыслей, первые обратятся противъ Селины и станутъ осуждать ее.

На слѣдующій день, когда явился Жюльенъ Эмори, его приняла Анета. Онъ долго не могъ понять, къ чему клонилась сбивчивая рѣчь, которою его встрѣтила молодая женщина, да врядъ ли и та сама хорошо себѣ уяснила, чего она хотѣла. Развѣ можно было требовать отъ отца, чтобъ онъ отказался отъ своихъ правъ на дѣтей? Объ этомъ нечего было и думать, а между тѣмъ, другого средства спасти доброе имя Селины не было. Мадамъ Валлонъ говорила потому робко, запинаясь, а въ заключеніе стала дрожащимъ голосомъ умолять Жюльена, чтобъ онъ не губилъ ея сестры.

— Хорошъ бы я былъ, еслибъ рѣшился причинить ей вредъ! воскликнулъ молодой человѣкъ. Развѣ я не видалъ вчера, какъ горячо она любитъ моихъ дѣтей? А въ Мортанѣ мнѣ не вѣсть что разсказывали о ней! Мнѣ намекали, будто мои малютки служили ей только предлогомъ для того, чтобъ покинуть монастырь. Я боялся найти ихъ въ дурныхъ рукахъ, можетъ быть вовсе безъ присмотра, несчастныхъ, голодающихъ, а вмѣсто того засталъ ихъ такими чистенькими и здоровенькими и любящими вашу сестру, какъ родную мать. Это тронуло меня такъ, что я не могу этого выразить. Но затѣмъ, что могу я сдѣлать? Вы такъ устроили дѣло, что для меня во всемъ этомъ не осталось ни малѣйшаго мѣстечка, а между тѣмъ я бы долженъ былъ его имѣть, хоть небольшое.

Смотря на стоявшаго передъ ней мужчину съ красивымъ лицомъ, открытой физіономіей и стройной фигурой, Анета со вздохомъ подумала, что для него не легко будетъ найти въ ихъ интимной жизни мѣсто, которое могло бы удовлетворить общественное мнѣніе и оградить Селину отъ всякихъ нареканій.

— Но, замѣтила она, не думаете же вы въ вашемъ одинокомъ положеніи немедленно взять къ себѣ дѣтей?

— Я со вчерашняго дня только объ этомъ и думаю, отвѣчалъ онъ: конечно, я не могу ихъ сейчасъ же взять къ себѣ. Мнѣ все-таки пришлось бы ихъ кому-нибудь отдать на воспитаніе, а у васъ имъ такъ хорошо, вы ихъ такъ любите...

— Слѣдовательно рѣшено, они пока останутся у насъ, сказала Анета, счастливая тѣмъ, что хоть выиграла немного времени. Но еще одно: будьте ужъ до конца добры и приходите навѣщать дѣтей... не слишкомъ часто и когда мы бываемъ одни. Не говорите кто вы и вообще не разсказывайте никому о всемъ этомъ. А тамъ.... мы увидимъ. Можетъ быть и сестра со временемъ сдѣлается благоразумнѣе. Я часто ей говорю, что дѣти будутъ ей помѣхой въ устройствѣ ея собственной судьбы. Но, что вы хотите: она только ихъ и любитъ, а о замужествѣ и слышать не хочетъ.

— Замужъ! Монахиня! воскликнулъ Жюльенъ.

— Она не монахиня болѣе, сухо возразила мадамъ Валлонъ.

Разговоръ на этомъ остановился. Селина успокоилась, узнавъ чѣмъ порѣшили за нее Жюльенъ и Анета. Молодые люди, довѣрчиво смотрящіе на жизнь, буквально вѣрятъ тому, что время все улаживаетъ. Надежда въ нихъ такъ живуча, что скрываетъ отъ нихъ все то, чего они не желаютъ видѣть.

Селина мало-по-малу привыкла въ посѣщеніямъ Жюльена. Когда изгладилось первое тяжелое впечатлѣніе, она даже стала на него дружески смотрѣть и охотно подчинилась той короткости въ отношеніяхъ, которая невольно возникла изъ общихъ и для нихъ обоихъ одинаково дорогихъ интересовъ. Ничто такъ не смягчаетъ сердца, какъ любовь къ дѣтямъ. Жюльенъ и Селина, постоянно занятые мыслью о счастьѣ малютокъ, жили такъ сказать одною жизнью.

Жюльенъ обыкновенно являлся вечеромъ, по окончаніи своей дневной работы. Онъ наскоро обѣдалъ, поправлялъ свой туалетъ и какъ ни торопился, а все-таки приходилъ довольно поздно. Дѣтей укладывали спать. Жозефина оставалась послѣдней, но и она вскорѣ, сидя на колѣняхъ у отца, становилась молчалива, опускала голову и смыкала глазки. Тогда Жюльенъ, поцѣловавъ дѣвочку, сдавалъ ее на руки Селинѣ. Онъ оставался, ожидая возвращенія молодой дѣвушки, чтобъ благодарить ее и еще немного поговорить о дѣтяхъ. Такъ время обыкновенно проходило до десяти часовъ.

Посѣщенія Жюльена становились все чаще и чаще. Онъ перемѣнилъ мастерскую, гдѣ работалъ, чтобы быть поближе къ Валлонамъ, и наконецъ сталъ приходить каждый вечеръ.

Его всѣ полюбили за честность, умъ и доброту. Самъ Вал-

ліонъ, правда, находилъ его сужденія о политическихъ и общественныхъ вопросахъ слишкомъ смѣлыми: молодой работникъ, самъ себя развивавшій, съ жадностью читалъ всѣ книги, журналы, газеты, какіе попадались ему подъ руку и вообще ни въ чемъ не любилъ останавливаться на полъ-дорогѣ. Селина, всегда внимательно его слушавшая, была готова вѣрить ему на слово, а Анета считала его во всѣхъ отношеніяхъ за отличнаго малаго. Но тѣмъ не менѣе она и мужъ ея во время его посѣщеній всегда находились въ большой тревогѣ, особенно пока дѣти не уходили спать. Что сталось бы съ ними со всѣми, еслибъ Жанъ или Жозефина, которыхъ всѣ считали за дѣтей Селины, вдругъ, въ присутствіи мадамъ Пимпрель или мосье Гренье, назвали бы этого молодого человѣка своимъ отцомъ? Бѣдная Анета раза два чуть не упала въ обморокъ отъ того только, что услышала звонокъ у дверей своей квартиры. Наконецъ было рѣшено, что Жюльенъ станетъ уходить черезъ кухню въ случаѣ, если кто изъ сосѣдей вздумаетъ завернуть къ Валлонамъ въ то время, когда онъ тамъ. Къ счастію къ нимъ рѣдко приходили гости по вечерамъ. Всѣ эти предосторожности сильно смущали Селину и сердили Жюльена, а что всего хуже, не обезпечивали безопасности первой. Оставалось еще обмануть прозорливость привратника у воротъ дома, который такъ часто посѣщалъ Жюльенъ. Анета думала-было выдать его за своего двоюроднаго брата и крестнаго отца дѣтей... Но представьте себѣ молодого и красиваго кума, который приходитъ каждый вечеръ!...

Жюльенъ Эмори во второе же посѣщеніе объяснилъ причину своего долгаго молчанія, которое свело въ могилу его жену и заставило Валлоновъ предполагать, будто онъ покинулъ своихъ дѣтей.

Онъ нашелъ себѣ выгодное занятіе и не чувствуя себя отъ радости, собирался писать женѣ, чтобъ она къ нему пріѣхала. Но однажды, выйдя изъ мастерской, онъ наткнулся на сборище студентовъ, къ которымъ изъ любопытства присоединилось нѣсколько рабочихъ. Онъ тоже остановился посмотрѣть въ чемъ дѣло. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, на него посыпались удары и пинки. Побуждаемый совершенно естественнымъ желаніемъ защититься, онъ отвѣчалъ тѣмъ же. Тогда зачинщикъ драки, призвавъ къ себѣ на помощь пять или шесть другихъ людей, отвелъ Жюльена въ полицію. Тамъ только онъ узналъ, что имѣлъ дѣло съ полицейскими служителями.

— Негодяи! воскликнулъ онъ, развѣ вамъ за то платятъ, чтобъ вы били честныхъ людей?

— Мы имѣемъ право дѣлать все, что намъ заблагоразсудится, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, и ты узнаешь это по себѣ.

И они, осыпая Жюльена ругательствами, нанесли ему такой сильный ударъ въ голову, что онъ лишился чувствъ и повалился какъ снопъ.

Онъ пришелъ въ себя только мѣсяцъ спустя въ больницѣ, гдѣ былъ осужденъ докторомъ провести еще двѣ недѣли въ совершенномъ бездѣйствіи и молчаніи. Писать къ женѣ нечего было и думать. Наконецъ онъ поднялся на ноги, собрался съ силами и приготовился писать, тоскуя только о томъ, что не имѣлъ сообщить ей ничего хорошаго. Вдругъ онъ получилъ предписаніе явиться въ судъ, чтобъ дать отвѣтъ въ побояхъ и оскорбленіяхъ, которыя нанесъ полицейскимъ служителямъ при отправленіи ихъ обязанностей.

Какъ ни было у него тяжело на душѣ, онъ не могъ удержаться, чтобъ не разсмѣяться.

— Хорошо, подумалъ онъ. По крайней мѣрѣ я теперь избавленъ отъ труда ихъ искать. Мнѣ сильно хотѣлось самому притащить ихъ къ суду, да я не зналъ, гдѣ ихъ найти.

И онъ спокойно пошелъ къ допросу, но вернулся изъ суда въ сильномъ смущеніи.

Вотъ что́ тамъ произошло:

— Зачѣмъ вы оказываете сопротивленіе полицейской власти? спросили у него.

— Эти полицейскіе глупы. Они напали на меня...

— Называя ихъ такимъ образомъ, вы усиливаете вашу вину.

— Извините, я ошибся, ихъ слѣдовало бы назвать разбойниками. Представьте себѣ, они на меня бросились...

— Вашъ способъ выраженія въ высшей степени предосудителенъ. Вы должны уважать людей, заботящихся о порядкѣ.

— Порядокъ!... они дѣлаютъ только безпорядокъ и наглости, а вовсе не порядокъ.

— Вы говорите, какъ революціонеръ и тѣмъ самымъ доказываете, что они по справедливости хотѣли васъ наказать.

— Они, меня наказать? По какому праву?

— Вы оскорбляете власть и законъ.

— Да что же это? съ изумленіемъ озираясь вокругъ, спросилъ сильно озадаченный Жюльенъ. Я цѣлый мѣсяцъ пролежалъ безъ памяти и не знаю, что произошло тутъ? Развѣ здѣсь, во Франціи, мы не у себя дома?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я только спрашиваю, не подпали ли мы подъ чужеземное иго? Или мы возвратились ко времени, предшествовавшему революціи, когда народъ считался собственностью короля и его слугъ? Меня преслѣдуютъ за то, что я былъ битъ! Признаюсь вамъ, я теряюсь и ничего не понимаю.

— Этотъ обвиняемый опасный человѣкъ, замѣтилъ судья.

Адвокату Жюльена удалось однако нѣсколько смягчить ожидавшій его послѣ этого допроса приговоръ. Онъ добылъ изъ больницы свидѣтельство въ томъ, что Жюльенъ едва не лишился жизни отъ побоевъ. Судъ, принявъ во вниманіе это послѣднее обстоятельство, приговорилъ его всего только на три мѣсяца тюремнаго заключенія.

— Вотъ, вслѣдствіе чего, прибавилъ Жюльенъ, окончивъ свой разсказъ, я сдѣлался республиканцемъ. Мнѣ, по прибытіи моемъ въ Парижъ, не разъ случалось слышать толки о политикѣ, но я обыкновенно не обращалъ вниманія на то, что говорилось моими товарищами. Наконецъ блюстители общественнаго порядка сами взялись за мое воспитаніе и я скоро сдѣлался тѣмъ, что я теперь. Но съ тѣхъ поръ я сталъ осторожнѣе и никому больше не вѣрю на слово. Я стараюсь вникать въ самую сущность вещей и видя, какъ люди позволяютъ себя оскорблять, бить, штрафовать, обкрадывать и убивать во имя общественнаго блага и порядка, я спрашиваю себя, не слишкомъ ли мы поторопились восхвалять успѣхи цивилизаціи и высокія качества человѣческаго ума?

Жюльенъ изъ тюрьмы написалъ своей женѣ, но она уже отправилась его отыскивать. Письмо было получено сосѣдями и осталось у нихъ, также, какъ и второе, которое Жюльенъ написалъ мѣсяцъ спустя. Наконецъ, не въ силахъ переносить долѣе свое безпокойство, онъ обратился къ мэру своего мѣстечка и отъ него узналъ объ отъѣздѣ и о смерти той, которую съ любовью и уваженіемъ не переставалъ называть своей женой. Ему между прочимъ сообщили, что женщина, носившая имя Маріи-Катерины, умерла въ монастырской больницѣ города Мортаня и завѣщала своихъ дѣтей одной изъ сестеръ общины. Съ этой новой печалью въ сердцѣ Жюльену пришлось еще нѣсколько времени высидѣть въ тюрьмѣ, пока наконецъ не насталъ срокъ его освобожденія. Затѣмъ онъ принялся посредствомъ усиленнаго труда и всякаго рода лишеній копить сумму, необходимую для поѣздки въ Мортань. Тамъ онъ узналъ, что монахиня, назначенная опекуншей его дѣтей, оставила монастырь и вмѣстѣ съ ними уѣхали изъ Мортаня. Далѣе ему могли сообщить только имя и фамилію зятя сестры Розы и кое-какія весьма неопредѣленныя свѣдѣнія на счетъ рода его занятій. Вернувшись въ Парижъ, Жюльенъ еще нѣсколько времени провелъ въ безплодныхъ поискахъ, пока наконецъ не напалъ на настоящій слѣдъ своихъ дѣтей.

— Вотъ почему, прибавилъ онъ, я явился къ вамъ тогда

такой встревоженный, раздраженный! Представьте же себѣ мое изумленіе и мою радость, когда я увидѣлъ моихъ дѣтей въ рукахъ особы... особы... ну, однимъ словомъ такой особы, какъ мадмоазель Селина....

Эпитеты, которыхъ онъ не осмѣливался произнести, блуждали у него на губахъ и ясно выражались въ глазахъ. Самъ Валлонъ смѣялся, лукаво поглядывая на Селину, а Анета тоже многозначительно улыбалась, между тѣмъ, какъ ея сестра, наклоняясь къ дѣтямъ и целуя ихъ, старалась скрыть вспыхнувшій на ея щекахъ румянецъ.

Воскресенье было для всѣхъ особенно пріятнымъ днемъ. Они обыкновенно проводили его за городомъ, гуляя въ лѣсу и пользуясь безграничной свободой. Отецъ и «мать» обыкновенно шли впереди, слѣдуя за дѣтьми, которые, подобно всѣмъ дѣтямъ, бѣгали за бабочками, птицами и цвѣтами, безпрестанно сворачивая то въ ту, то въ другую сторону, повинуясь при этомъ только случаю или собственному произволу. Супруги Валлонъ, въ качествѣ болѣе серьёзныхъ людей, шли медленнѣе, предоставляя Жюльену и Селинѣ вдоволь наслаждаться прогулкой и обществомъ другъ друга.

— Знаешь-ли, замѣтилъ однажды Валлонъ своей женѣ: мы съ тобой какъ будто покровительствуемъ влюбленнымъ.

— А почему бы и нѣтъ? улыбаясь возразила Анета.

Эта общность интересовъ и привязанности къ дѣтямъ безъ брачныхъ узъ становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тягостной какъ для Жюльена, такъ и для Селины. Достаточно было всякой, самой ничтожной бездѣлицы, имѣвшей какое-либо отношеніе къ ихъ взаимному положенію, чтобъ заставить покраснѣть ихъ обоихъ. И кромѣ того, какимъ неудобствамъ подвергались они безпрестанно, сколько предосторожностей должны были соблюдать!... Хуже того, имъ приходилось постоянно дрожать, чтобъ дѣти не выдали ихъ неосторожнымъ словомъ, — слѣдствіемъ ихъ невинности или простой случайности.... И къ чему все это?...

Разъ какъ-то въ Венсеннѣ Жюльенъ вдругъ сказалъ:

— Знаете-ли, мадмоазель Селина!...

— Что такое? спросила она, и сама не зная отъ чего покраснѣла. Жюльенъ казался взволнованнымъ и его смущеніе отражалось на ней.

Онъ продолжалъ съ видимымъ усиліемъ:

— Я давно собираюсь вамъ сказать, да все не смѣю.... Вы видите... всѣ принимаютъ насъ за мужа и жену.

— О, да, отвѣчала она внезапно измѣнившимся голосомъ, и отворачивая голову. — Да, но... чего же вы хотите?...

— Чего я хочу!... воскликнулъ онъ. Вы мать моихъ дѣтей!... Они очень счастливы... но я... я тоже желалъ бы... желалъ бы... чтобы вы были моей женой!... Мадмоазель Селина, вы молчите.... Простите меня, если я васъ разсердилъ.

Молодая дѣвушка казалось не слышала его словъ. Она смотрѣла въ сторону на зеленый лужокъ, гдѣ валялся маленькій Жанъ. Мальчикъ громко звалъ ее къ себѣ, но Селина повидимому не слышала также и этого зова, которому обыкновенно всегда такъ поспѣшно повиновалась.

— Вы молчите, повторилъ Жюльенъ. Я васъ разсердилъ, я это вижу. Да, это была неслыханная смѣлость съ моей стороны, но я не могъ удержаться....

— Развѣ монахини выходятъ замужъ? произнесла она наконецъ, можетъ быть съ цѣлью его подразнить, припоминая слова, сказанныя имъ Анетѣ въ началѣ ихъ знакомства. Но вѣрнѣе, она просто хотѣла скрыть свое смущеніе.

— Неужели это правда? Неужели это невозможно? воскликнулъ онъ съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что она невольно обернулась. Видя его такимъ блѣднымъ и взволнованнымъ, Селина не могла болѣе сомнѣваться въ его любви.

Нѣсколько недѣль спустя совершился ихъ бракъ, но однимъ только гражданскимъ порядкомъ. Такъ далеко ушла сестра Роза съ тѣхъ поръ, какъ на колѣняхъ молила Пресвятую Дѣву позволить ей любить невинныхъ дѣтей! Образъ мыслей ея дѣйствительно во многомъ измѣнился, но взглядъ ея на религію остался по прежнему искрененъ и чистъ, съ той только разницей, что болѣе развитая и знакомая съ жизнью, она научилась еще лучше и сильнѣе любить.

Мадамъ Пимпрель, мосье Гренье, мадамъ Лафре, мосье Зине и мадамъ Броша постоянно ставятъ Жюльена Эмори въ примѣръ всѣмъ вотчимамъ, говоря, что онъ обращается съ дѣтьми своей жены такъ точно, какъ еслибъ они были его собственными.

Андре Лео.

ФЛОРЕНЦІЯ

И

ЕЯ СТАРЫЕ МАСТЕРА.

(Изъ путешествія по Италіи).

II *).

Освободившись отъ герцога аѳинскаго, Флоренція слишкомъ тридцать лѣтъ почти не испытывала внутреннихъ потрясеній. Конституція 1343 г., по которой богачи утратили исключительную власть и низшіе классы получили доступъ въ синьорію, повидимому, принесла общинѣ вмѣстѣ съ свободою спокойствіе. Напрасно враги этой конституціи опасались, что она испортитъ и обезсилитъ правительство. Синьорія, хотя и мѣняла свой составъ черезъ каждые два мѣсяца, но дѣйствовала энергически и благоразумно. Ея заботливость о народныхъ нуждахъ особенно выказалась при тяжкихъ бѣдствіяхъ 1347 и 1348 годовъ, когда Тоскану посѣтилъ голодъ, а за нимъ послѣдовала черная смерть. При первомъ извѣстіи о неурожаѣ, синьорія закупила въ Сициліи и Африкѣ огромные запасы пшеницы и устроила въ городѣ публичныя пекарни, откуда бѣднякамъ выдавались порціи хлѣба за умѣренную цѣну на счетъ казны. Благодаря этимъ своевременнымъ распоряженіямъ, ремесленники и окрестные поселяне не потерпѣли отъ дороговизны. Гораздо

---

*) См. выше: авг., 634 стр. и слѣд.

труднѣе было правительству бороться съ чумою: она обошла тогда цѣлый міръ и вездѣ произвела опустошенія. Во Флоренціи отъ нея погибало по шести-сотъ человѣкъ въ день и въ четыре мѣсяца перемерло три пятыхъ жителей. Историки не находятъ словъ для описанія ужасовъ, происходившихъ во время заразы: она расторгла всѣ общественныя и семейныя связи; многіе дома остались безъ жильцовъ; родители покидали больныхъ дѣтей, дѣти — родителей; даже улицы были покрыты трупами; одни братья милосердія не потеряли присутствія духа и приняли на себя обязанность хоронить мертвыхъ [1]). Къ удивленію, Флоренція быстро оправилась отъ этихъ бѣдствій и залечила свои раны. Съ 1350 г. мы уже находимъ ее въ постоянныхъ и большею частью удачныхъ войнахъ съ сосѣдями. Синьорія не только вновь завоевала отпавшіе къ герцогу аѳинскому города Прато и Пистою, но истребила нѣсколько разбойничьихъ гнѣздъ феодаловъ въ Апеннинскихъ проходахъ и заставила смириться сильныхъ кондотьеровъ. Около того же времени начинается тяжкая и длинная борьба между флорентинцами и властолюбивымъ домомъ Висконти, который, укрѣпившись въ Миланѣ, стремился къ расширенію своихъ владѣній. На первый разъ она была пріостановлена посредничествомъ папы Климента VI. Но, уступая въ этомъ случаѣ внушеніямъ благоразумія, синьорія не измѣнила своей внѣшней политики. Всякое посягательство на независимость Флоренціи, откуда бы оно ни исходило, встрѣчало рѣзкій отпоръ со стороны правительства. Такъ, въ 1355 г., когда императоръ Карлъ IV, отправляясь на коронацію, заѣхалъ въ Тоскану, флорентинцы потребовали отъ него признанія своихъ вольностей и обѣщанія не приближаться къ городу на десять миль. Безсильный Карлъ охотно дѣлалъ имъ всѣ возможныя уступки, лишь бы ему дали денегъ, и смотрѣлъ сквозь пальцы даже на изгнаніе изъ Лукки своего намѣстника (1371). Война съ Пизою за свободу торговли также кончилась выгоднымъ для Флоренціи миромъ. Около этого времени (1367 г.) римскій дворъ возвратился изъ Авиньона въ свою древнюю столицу и, по обыкновенію, высказалъ притязанія повелѣвать судьбами Италіи. Флорентинцы, отвыкнувъ отъ опаснаго сосѣдства съ папами, дерзнули имъ сопротивляться. Поводомъ къ

---

[1]) Это замѣчательное братство существовало до послѣдняго времени; его члены, исполняя свои христіанскія обязанности, надѣвали маски и закутывались въ капишоны, чтобы люди не видали, кто именно дѣлаетъ доброе дѣло. Путешественникамъ знакомы процессіи этого рода. Онѣ обыкновенно происходятъ при перенесеніи больныхъ въ госпитали, при погребеніи бѣдняковъ и проч.

столкновенію была попытка кардинала-легата Болоньи занять кондотьерами Тоскану. Въ отвѣтъ на это произвольное распоряженіе флорентинцы взбунтовали противъ духовной власти города Романьи. Папа призвалъ синьорію къ отвѣту, но она отказалась оставить свой постъ и отправила въ Римъ для переговоровъ доктора каноническаго права Донато Барбадори. Этотъ посланникъ смутилъ консисторію смѣлостью своихъ отвѣтовъ и, вмѣсто извиненій, высказалъ, что главная причина общаго неудовольствія противъ церкви заключается въ гордости, жадности, безчестныхъ поступкахъ и тиранніи духовенства. Римскій дворъ, разумѣется, не могъ вынести горькой правды. Объясненія кончились разрывомъ. Когда кардиналъ прочелъ отлучительную буллу противъ Флоренціи, Барбадори, бросившись на колѣни, взывалъ къ Спасителю противъ самовластія и несправедливости его намѣстника. По возвращеніи домой, достойный представитель общины былъ осыпанъ подарками и получилъ отъ согражданъ почетное право носить оружіе. Синьорія также не испугалась интердикта, велѣла духовенству отправлять богослуженіе и совершать таинства, и отправила въ церковныя владѣнія англійскихъ кондотьеровъ подъ начальствомъ Гоквуда, а высшія распоряженія войною возложила на особую коллегію изъ осьми человѣкъ. Непріязненныя дѣйствія между Флоренціею и Римомъ продолжались около трехъ лѣтъ, до самой смерти Григорія XI (1378 г.). Распорядительная коллегія возбудила къ себѣ такое сочувствіе въ народѣ, что получила названіе святой (I Santi). Но аристократическая партія, вѣроятно настроенная духовенствомъ, видѣла въ этой войнѣ опасный соблазнъ и рѣшилась, во что бы ни стало, примириться съ церковью. Отсюда произошло страшное возстаніе черни.

Конституція 1343 г., какъ мы видѣли, почти не касалась судебныхъ учрежденій. Между тѣмъ юстиція во Флоренціи и въ другихъ вольныхъ общинахъ Италіи была крайне слаба и несовершенна. Привычка къ частной мести и самоуправству на каждомъ шагу останавливала тогда правильное и спокойное отправленіе правосудія. Даже для обыкновенныхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ независимые суды устроились не скоро и съ великимъ трудомъ. Чтобъ обезпечить безпристрастіе приговоровъ, нужно было избирать въ должность подеста иностранца. Что касается до государственныхъ преступленій, они преслѣдовались особенными, чрезвычайными мѣрами. Людей, замѣшанныхъ въ бунтѣ или подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ, правительство пытало и наказывало во имя общей безопасности, не соблюдая судебныхъ формъ. Первая попытка устроить политическій три-

буналъ относится ко второй половинѣ XIII столѣтія (1267 г.). Онъ былъ составленъ изъ предводителей, или, такъ-называемыхъ капитановъ гвельфской партіи и, между прочимъ, завѣдывалъ конфискованными имуществами изгнанныхъ гибеллиновъ. Нужно замѣтить, что доходы съ этихъ имѣній были довольно значительны и шли отчасти въ казну, на защиту территоріи. Хотя различіе между партіями давно изгладилось, но комитетъ продолжалъ дѣйствовать и въ 1358 г. значительно расширилъ свою власть: ему дано было по закону право преслѣдовать гражданъ за гибеллинскій образъ мыслей и производить надъ ними тайный судъ. Для обвиненія требовалось шесть свидѣтелей; наказаніе зависѣло отъ воли комитета; наиболѣе опасныхъ людей онъ изгонялъ изъ отечества, прочихъ подвергалъ штрафамъ и, такъ-называемымъ, предостереженіямъ (ammonizioni), то-есть, лишалъ политическихъ правъ и устранялъ отъ выборовъ на общественныя должности. Понятно, что въ силу этого закона капитаны присвоили себѣ общій полицейскій надзоръ и сдѣлались страшными для всѣхъ жителей. Городъ наполнился доносчиками, которые отыскивали воображаемыхъ гибеллиновъ и *неискреннихъ* гвельфовъ. Сказать дурное слово о капитанахъ было очень опасно и рѣдко обходилось безъ послѣдствій. Всѣ они, какъ нарочно, были связаны между собою родствомъ (consorteria) и отличались полнымъ единомысліемъ. Въ теченіи осьми лѣтъ комитетъ исключилъ отъ участія въ должностяхъ болѣе двухъ сотъ гражданъ и, наконецъ, весною 1378 г. нанесъ ударъ одному изъ членовъ святой коллегіи, Дини, съ явнымъ намѣреніемъ сокрушить демократическую партію, враждебную папской власти. Въ это время былъ избранъ гонфалоньеромъ купецъ Сильвестръ Медичи. Въ надеждѣ пріобрѣсти популярность, онъ рѣшился положить конецъ произвольнымъ предостереженіямъ и потребовалъ отъ капитановъ уступокъ, а когда переговоры съ ними не удались, созвалъ во дворцѣ народную сходку и объяснивъ ей свое безсиліе противъ самовластія комитета, торжественно снялъ съ себя званіе предсѣдателя и члена синьоріи. Это событіе привело въ ужасъ цѣлый городъ. Тотчасъ же всѣ лавки были закрыты, на улицахъ построились баррикады и начались грабежи. Напрасно представители гильдій и высшіе сановники пытались поддержать порядокъ и успокоить взволнованные умы. Едва пришло извѣстіе, что съ римскимъ дворомъ заключенъ миръ, какъ чернь, подстрекаемая Сильвестромъ Медичи, составила заговоръ съ цѣлью разрушить государственное устройство. Прежде чѣмъ слабое правительство приняло какія-нибудь мѣры безопасности, яростная толпа осадила дворецъ и, несмотря на данныя ей обѣ-

щанія отмѣнить нѣкоторые строгіе законы и основать для простолюдиновъ три новыя гильдіи, объявила, что она не хочетъ повиноваться никому, кромѣ святой коллегіи. Со стыдомъ и со слезами на глазахъ члены синьоріи покинули свой постъ и скрылись по домамъ. Народъ бросился во внутреннія комнаты дворца и провозгласилъ гонфалоньеромъ своего вожака Михаила Ландо, простого работника, который случайно поднялъ на улицѣ и держалъ въ рукахъ знамя правосудія. Отъ этого человѣка, покрытаго рубищемъ, зависѣла теперь будущность Флоренціи: онъ могъ, подобно герцогу аѳинскому, сдѣлаться ея повелителемъ. Но Ландо оказался не тираномъ, а горячимъ патріотомъ и, принявъ на себя высокій санъ, тотчасъ же убѣдилъ толпу составить синьорію. Благодаря его распорядительности и энергіи, къ концу лѣта мятежи въ городѣ прекратились и революціонные комитеты были распущены. Нѣсколько разъ онъ выступалъ лично противъ анархистовъ и жертвовалъ собою для спасенія общины, а когда кончился срокъ его службы, спокойно возвратился къ прежнимъ занятіямъ. Но ему не удалось спасти конституцію 1343 года: разорванная чернью, она потеряла силу навсегда и невозвратно. Возстаніе должно было вызвать сильную и неизбѣжную реакцію.

Дѣйствительно, уже осенью 1378 года вожаки черни были устранены изъ синьоріи и замѣнены новыми членами, большинство которыхъ принадлежало къ младшимъ гильдіямъ. Правительство обратило все свое вниманіе на открытіе дѣйствительныхъ или воображаемыхъ заговоровъ. Около двухъ лѣтъ не прекращались аресты, пытки, ссылки и казни; потомъ, мало-помалу, власть перешла въ руки охранительной партіи и люди средняго класса, оставшись въ меньшинствѣ, въ свою очередь подверглись преслѣдованіямъ. Въ это несчастное время погибли жертвою доносовъ многіе патріоты, въ томъ числѣ Донато Барбадори (1380 г.); самъ Ландо не избѣжалъ ссылки; только Медичи, главный виновникъ безпорядковъ, по странному стеченію обстоятельствъ, не былъ привлеченъ къ отвѣтственности [1]. Когда наконецъ обнаружилось, что наушничество и ложное свидѣтельство составляютъ выгодный промыселъ во Флоренціи, прави-

[1]) Онъ удержалъ за собою даже титулъ рыцаря (cavaliere), данный ему чернью во время возстанія 1378 г. Другіе демагоги также были украшены этимъ титуломъ. Такъ родилась во Флоренціи новая, по преимуществу денежная аристократія, и мало-помалу заступила мѣсто старой, которая сдѣлалась тѣмъ болѣе негодною, что наполнилась преступниками. Статуты, какъ мы видѣли, возводили простолюдиновъ въ дворянское достоинство за измѣну, и кромѣ того за всякое насильственное дѣйствіе, именно: pro homicicio, pro furto, pro incesto. Cibrario, Écon. politique du moyen-age, I, 97.

тельство наказало, для примѣра, нѣсколькихъ истинныхъ враговъ общества. Къ сожалѣнію, изгнанники своими безумными попытками противъ новаго порядка мѣшали успокоенію умовъ. Нѣсколько разъ врывались они въ городъ, чтобы поднять толпу, но она видимо устала отъ безполезной борьбы. Такимъ образомъ реакція продлилась почти до исхода XIV вѣка. Съ 1387 года синьорія имѣла не болѣе четырехъ представителей отъ младшихъ гильдій; остальные члены и гонфалоньеръ выбирались старшими. Это государственное устройство было поставлено подъ защиту двухъ тысячъ отборныхъ гражданъ; остальнымъ запрещено носить оружіе. Какъ нарочно, Флоренція нуждалась теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, въ крѣпкомъ правительствѣ. Ей предстояла борьба за внѣшнюю независимость; честолюбивый домъ Висконти опять вмѣшался въ дѣла Тосканы.

Во главѣ этой династіи съ 1386 г. стоялъ умный, храбрый и жестокій Джіанъ Галеаццо. Планы его заходили далеко. Овладѣвъ Ломбардіею, онъ хотѣлъ сдѣлаться итальянскимъ королемъ и домогался этого титула у папы. Кромѣ Флоренціи никто не могъ ему сопротивляться: другіе города Тосканы и Романьи находились тогда въ упадкѣ, или подъ властію мѣстныхъ тирановъ, Венецію онъ успокоилъ благовидными обѣщаніями. Чтобы достигнуть своей цѣли, Висконти началъ совѣщаться съ изгнанниками и подкупать гражданъ Флоренціи къ возстанію. Но эти интриги были во время разрушены. Убѣдившись потомъ, что Сіена, Пиза, Перуджія уже передались на сторону тирана, флорентинская синьорія была вынуждена искать опоры на сѣверѣ. Съ великимъ трудомъ удалось ей открыть глаза венеціанцамъ и заключить съ ними оборонительный и наступательный союзъ. Главныя издержки общаго предпріятія пали на Флоренцію; правительство сочло необходимымъ сдѣлать внутренній заемъ. Однакоже, при всѣхъ усиліяхъ союзниковъ, неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта тяжелая война, если бы не случились чрезвычайныя событія. Взявъ приступомъ Болонью и готовясь перейти Апеннины, Галеаццо внезапно умеръ (1402 г.). Сама судьба выручила изъ бѣды флорентинцевъ. Когда пришло извѣстіе о смерти врага, они радовались, какъ дѣти, цаловали другъ друга на улицахъ и поклялись бороться до конца за свободу Италіи.

Дѣйствительно, смерть Галеаццо не прекратила этой славной борьбы. Онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей, которые хотя и раздѣлили между собою его владѣнія, но все еще были довольно сильны. Одинъ изъ нихъ занималъ Пизу и нашелъ поддержку во французскихъ войскахъ, стоявшихъ въ Генуѣ. Чтобъ выгнать его изъ Тосканы, флорентинская синьорія пустила въ

ходъ дипломатію и наконецъ высказала готовность заплатить ему деньги за передачу Пизы. Висконти былъ не прочь отъ этой сдѣлки. Оставалось только склонить къ ней жителей самаго города. Но здѣсь встрѣтилось затрудненіе. Пизанцы, помня старую независимость, ни за что не хотѣли покориться Флоренціи. Тогда синьорія рѣшилась окружить ихъ войсками и принудить къ сдачѣ голодомъ. Эта осада кончилась удачно: Пиза была взята и обращена въ провинцію (1406 г.).

Одолѣвъ свою старую соперницу, Флоренція постепенно захватываетъ другіе тосканскіе города. Еще прежде (1387 г.) она купила Ареццо, затѣмъ пріобрѣла Вольтерру, Піомбино, Кортону, гдѣ вольныя общины не могли держаться, и только Сіенѣ позволили влачить жалкое существованіе, съ обязательствомъ не пускать къ себѣ намѣстниковъ Висконти. Чтобъ округлить свои владѣнія, флорентинцамъ оставалось захватить Лукку, которая снова подпала тиранніи. Но великій расколъ отвлекъ вниманіе синьоріи отъ этого неопаснаго и дружественнаго сосѣда. Въ надеждѣ устроить церковныя дѣла, она рѣшилась созвать соборъ въ Пизѣ (1409 г.) и предоставить ему выборъ законнаго первосвященника на мѣсто двухъ незаконныхъ. Отсюда произошли большія дипломатическія затрудненія и новыя войны. Владиславъ, король неаполитанскій, объявилъ себя защитникомъ одного изъ низложенныхъ антипапъ и напалъ на Тоскану. Но синьорія поспѣшила составить противъ него лигу и одержала надъ нимъ верхъ. Въ 1410 г. флорентинцы вмѣстѣ съ союзниками заняли Римъ и утвердили на престолѣ избраннаго соборомъ папу Александра V. Напрасно Владиславъ собралъ новыя силы и хотѣлъ отмстить флорентинцамъ: второй его походъ на Тоскану кончился, какъ и походъ Висконти, внезапною смертью (1414 г.).

Вышедши побѣдительницею изъ борьбы съ сильнѣйшими государями сѣверной и южной Италіи, Флоренція достигла теперь высшей степени могущества. Замѣчательно, что продолжительныя войны нисколько не истощили ея матеріальныхъ средствъ. Между тѣмъ она не имѣла въ своемъ распоряженіи ни крѣпостей, ни портовъ, ни сильнаго флота, ни войска; единственнымъ ея оружіемъ были деньги. Трудно себѣ представить, какія громадныя суммы издерживала она на жалованье кондотьерамъ, на подарки союзникамъ, императорамъ, папамъ и вообще на внѣшнюю политику. Одна война съ Висконти стоила городу три съ половиною милліона флориновъ. Спрашивается: откуда же добывались эти капиталы? Достать ихъ за границею въ то время было почти невозможно; доходы самой общины состояли

только изъ таможенныхъ сборовъ; прямыхъ налоговъ флорентинцы не платили; имущественный кадастръ былъ у нихъ введенъ, какъ мы увидимъ, нѣсколько позже. Понятно, что правительство должно было обращаться къ помощи зажиточныхъ классовъ и требовать отъ нихъ чрезвычайныхъ жертвъ на пользу отечества. Вотъ почему синьорія не рѣшала войны и мира собственною властью, а передавала эти вопросы на обсужденіе народныхъ собраній (consiglio del popolo, consiglio del commune). Въ 1411 году были учреждены еще двѣ палаты: одна изъ ста тридцати членовъ, въ родѣ государственнаго совѣта; другая изъ двухъ-сотъ, куда выбирались представители всѣхъ частей города. Отъ этой послѣдней исходило каждое предложеніе о войнѣ, и если было принято двумя третями членовъ, поступало на утвержденіе остальныхъ, простымъ большинствомъ голосовъ [1]). Итакъ, флорентинскій народъ самъ опредѣлялъ, когда ему слѣдуетъ взяться за оружіе. Правда, въ преніяхъ палатъ участвовали только полноправные граждане, но на нихъ предпочтительно и падали военныя издержки. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно устраивался заемъ по подпискѣ или по опредѣленному окладу съ имущества, при чемъ государственные кредиторы могли разсчитывать на проценты. Высшее же распоряженіе войною возлагалось на избранныя коллегіи. Онѣ нанимали кондотьеровъ, платили имъ жалованье, участвовали въ походахъ и пр., по собственному усмотрѣнію, давая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, по окончаніи порученія, народному собранію, или синьоріи. Власть этихъ коммиссій была очень велика; онѣ составлялись обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ и способныхъ людей. Не менѣе искусны были флорентинцы въ дипломатіи. Вообще нужно согласиться, что внѣшняя ихъ политика была ведена энергически, успѣшно и великодушно. Терпя иногда неудачи и дѣлая невольныя ошибки, они не теряли присутствія духа въ самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ. Открытая для нападенія, отрѣзанная отъ моря, замкнутая въ тѣсныхъ предѣлахъ Тосканы, Флоренція больше думала объ интересахъ Италіи и больше успѣла для нея сдѣлать, чѣмъ гордая, неприступная и корыстная Венеція, которая владѣла богатыми колоніями, сильнымъ флотомъ и безконечными рессурсами морской торговли.

По смерти Владислава, флорентинская община могла считать себя безопасною отъ нападеній и почти девять лѣтъ наслаждалась миромъ (1414—23). Это время лѣтописцы признаютъ самымъ счастливымъ и цвѣтущимъ. По словамъ Аммирато, въ го-

---

[1]) Trollope. III, 372.

родѣ тогда считалось болѣе семидесяти банковыхъ конторъ, около двухъ милліоновъ флориновъ золота въ обращеніи и несмѣтное количество богатствъ. Никогда шерстяныя, суконныя и шелковыя фабрики не были производительнѣе; никогда товары не сбывались такъ легко и успѣшно. Съ завоеваніемъ Пизы и пріобрѣтеніемъ Ливорно (1421 г.) дѣятельность флорентинскихъ торговыхъ домовъ расширилась. Они учредили своихъ агентовъ въ цѣлой Италіи и завязали сношенія съ остальною Европою. Капиталы, не затраченные въ коммерческихъ предпріятіяхъ, были обращены на украшеніе города и общеполезныя предпріятія. Какъ нарочно, въ это время появились великіе зодчіе, скульпторы и живописцы. Всѣмъ имъ нашлась работа; всѣ получали щедрые заказы отъ гильдій, церквей и монастырей; частные люди зажиточнаго класса также соперничали между собою въ постройкахъ и убранствѣ дворцовъ. Словомъ, наступилъ золотой вѣкъ народнаго самосознанія и творчества; флорентинцы могли теперь подумать на досугѣ о будущемъ и положить прочныя основы внутренняго порядка. Мыслящіе патріоты сознавали или чувствовали эту потребность: община на ихъ глазахъ расширила свои границы и сдѣлалась значительнымъ по тому времени государствомъ. Ея учрежденія, очевидно, требовали пересмотра въ виду новыхъ обстоятельствъ. Нужно было устроить судьбу покоренныхъ городовъ Тосканы, которые издавна привыкли къ автономіи, но вслѣдствіе завоеванія потеряли свои вольности, и кромѣ того обратить вниманіе на одинокое и тяжелое положеніе многочисленнаго класса поселянъ, лишенныхъ политическихъ правъ. Въ самой Флоренціи реформы казались настоятельно необходимыми. За возстаніемъ черни, какъ мы замѣтили, слѣдовала реакція, поколебавшая главныя основы конституціи 1343 года. Равновѣсіе между гильдіями было нарушено въ пользу зажиточнаго класса; простой народъ, утративъ значительную долю прежнихъ правъ, чувствовалъ недовольство и безотчетно искалъ себѣ защитниковъ между богачами и честолюбцами; на выборахъ происходили интриги и безпорядки; система замѣщенія должностей по жребію оказалась неудобною, потому что устраняла отъ общественной службы талантливыхъ людей; правительство испортилось и сдѣлалось притѣснительнымъ или подкупнымъ. Но больше всего Флоренція страдала отсутствіемъ политическаго правосудія: по государственнымъ преступленіямъ ея граждане были отданы, можно сказать, на произволъ господствовавшихъ партій. Система предостереженій, противъ которой собственно было направлено возстаніе 1378 года, удерживалась неизмѣнно; только обвинительная власть, прежде принадлежавшая исключительно капитанамъ

гвельфской партіи, перешла къ синьоріи или къ чрезвычайнымъ комитетамъ, назначеннымъ народными сходками (парламентами). Эти комитеты составлялись наскоро, подъ вліяніемъ страстей или волненій изъ ожесточенныхъ и фанатическихъ людей, дѣйствовали негласно, не выслушивали защиты, не придерживались никакихъ формъ и обрядовъ процесса. Обвиненный нерѣдко былъ судимъ личными врагами. Всякое предостереженіе влекло за собою или ссылку, или потерю политическихъ правъ. Понятно, какъ ожесточала невинныхъ подобная система, какое недовѣріе, какую подозрительность она поддерживала между гражданами, какъ несносно было имъ жить подъ угрозою остракизма. Отсюда должны были произойти серьезныя опасности для Флоренціи. Съ возстаніемъ простолюдиновъ она еще имѣла силы справиться, но безъ правосудія, по неизбѣжному закону, не могла достигнуть желанной свободы. Къ несчастію, эта простая истина была недоступна тогдашнимъ партіямъ. Онѣ дорожили больше всего властью и боялись выпустить ее изъ рукъ. Напрасно нѣкоторые патріоты убѣждали правительство пересмотрѣть и дополнить конституцію. Ихъ совѣты и предостереженія были безполезны. Такъ-называемые государственные люди поговорили между собою объ относительныхъ преимуществахъ аристократической и демократической формы правленія, но не рѣшились предложить народу никакихъ реформъ. Благопріятное время для мирныхъ соглашеній прошло и все осталось по прежнему какъ во Флоренціи, такъ и въ прочихъ городахъ Тосканы. Чрезвычайные комитеты продолжали изгонять людей, которыхъ находили опасными, не разбирая, насколько ихъ поступки заслуживаютъ наказанія. Эти произвольныя ссылки обезсиливали общину, лишая ее энергическихъ граждан. Всякая мысль о пользахъ народа, всякая попытка сопротивляться беззаконію возбуждали подозрительность правительства. Окруживъ себя толпою сыщиковъ и доносчиковъ, оно вполнѣ имъ вѣрило и не думало о внутренней справедливости къ подданнымъ, а обратило все вниманіе на безопасность границъ, откуда ожидало нападеній. Между тѣмъ обстоятельства скоро показали, что для Флоренціи страшны не внѣшніе, а домашніе тираны. Преслѣдовать этихъ тайныхъ, невидимыхъ враговъ было трудно. Хитрые и осторожные, они не вмѣшивались въ политическія дѣла, не разсуждали о благѣ общемъ, не требовали для себя никакихъ должностей, а молча собирали богатства. Такъ дѣйствовали родственники Сильвестра Медичи, извѣстнаго демагога. Изъ нихъ пользовался большимъ вліяніемъ Вери. Его тактика была чрезвычайно благоразумна. Онъ уже не поднималъ черни, подобно своему предшественнику, но втайнѣ дѣлалъ ей благо-

дѣянія и подарки, изрѣдка и мирно заступаясь за нее передъ синьоріею. Еще искуснѣе пріобрѣлъ популярность Джіованни Медичи, богатый банкиръ. Его знали и къ нему обращались всѣ бѣдняки: онъ каждому готовъ былъ дать работу или оказать услугу и незамѣтно, исподоволь сдѣлался общимъ любимцемъ. Въ 1421 году дошла до него очередь быть гонфалоньеромъ. Этотъ выборъ произвелъ, по словамъ Макіавелли, большую радость въ простомъ народѣ и тревогу въ рядахъ просвѣщенныхъ людей. Толпа восхищалась, видя во главѣ правительства своего друга и защитника; средніе и вліятельные классы боялись мятежа и переворота. Но Джіованни не думалъ открыто посягнуть на вольности общины, вѣроятно понимая, что для этого не наступило время, и, окончивъ службу, возвратился въ свою контору наживать и считать деньги. Заподозрить его въ какихъ-нибудь честолюбивыхъ замыслахъ было невозможно, изгнать—не за что̀. Онъ собственно не принадлежалъ ни къ какой партіи, а трудился на пользу своего отечества.

Между тѣмъ на сѣверѣ Италіи Флоренція снова нашла сильнаго врага, Филиппа Висконти. По смерти своего младшаго брата, онъ сдѣлался не только единственнымъ повелителемъ Ломбардіи, но овладѣлъ Генуею (1421 года) и предъявилъ отцовскія притязанія на Тоскану и Романью. Съ нимъ не замедлилъ соединиться папа Мартинъ V, котораго флорентинцы обидѣли своими насмѣшками [1]). Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ тираномъ, открылась война и потребовала громадныхъ жертвъ. Никогда еще община не издерживала столько денегъ на защиту своей территоріи и никогда не терпѣла такихъ упорныхъ неудачъ. Нѣсколько разъ ея кондотьеры были разбиты на голову. Напрасно флорентинская дипломатія истощала силы, чтобы найти союзниковъ; напрасно Альбицци ѣздилъ въ Римъ уговаривать папу, а Джіованни Медичи отправился посломъ въ Венецію: никто не хотѣлъ поднять оружіе противъ всесильнаго Висконти. Два года флорентинцы находились въ большой тревогѣ. Дѣйствія правительства и военной коллегіи сдѣлались до того ненавистными народу, что можно было опасаться возстанія. Сильная непріятельская армія уже находилась въ Романьѣ и покоряла одинъ за другимъ тамошніе города; съ часу на часъ можно было ждать,

[1]) Этотъ папа, избранный Констанцкимъ соборомъ, посѣтилъ Флоренцію и поднесъ ей въ подарокъ золотую розу (1419). Синьорія устроила въ честь его большіе праздники, но граждане, по обыкновенію, не воздержались отъ остроумныхъ противъ него замѣчаній и выходокъ. Папа Мартинъ не стоитъ копѣйки (Papa Martino non vale un quattrino), припѣвали ему уличные мальчишки. За это городъ былъ подвергнутъ интердикту на одинъ день и нажилъ себѣ лишняго недоброжелателя.

что она ударитъ на Тоскану. При такомъ безнадежномъ положеніи дѣлъ, Венеція наконецъ вышла изъ апатіи и рѣшилась заключить съ Флоренціею наступательный и оборонительный союзъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ полководцевъ того времени Карминьола перенесъ войну въ Ломбардію, взялъ Брешію, и разрушилъ планы Висконти. Чтобы окончательно смирить тирана, флорентинцы рѣшились на крайнія жертвы. Къ этому-то времени (1427 г.) относится установленіе подоходнаго налога (decima) посредствомъ кадастра. Чтобы произвести оцѣнку всѣхъ имуществъ была избрана особая коммиссія. Понятно, что новая подать пала всею тяжестью на богачей. Волею-неволею они покорились обстоятельствамъ. Джіованни Медичи уже не боялся теперь выступить защитникомъ кадастра, и тѣмъ усилилъ свою популярность. Такъ какъ война затянулась до слѣдующаго года, то поборы производились почти каждый мѣсяцъ съ необыкновенною строгостью. Наконецъ Висконти принужденъ былъ подписать самый невыгодный для него миръ. Венеціанцы пріобрѣли по этому трактату нѣсколько ломбардскихъ городовъ, но Флоренція не увеличила своей территоріи.

Скоро за тѣмъ (1429 г.) умеръ Джіованни Медичи. Онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей и завѣщалъ имъ слѣдовать отцовскому примѣру, то-есть, увеличивать капиталы, задабривать чернь и не искать другой власти, кромѣ той, какую можно получить въ силу закона или по волѣ гражданъ, чтобы не возбудить противъ себя ни зависти, ни раздраженія. Старшему изъ нихъ Козьмѣ суждено было сдѣлаться *необходимымъ* совѣтникомъ флорентинскаго народа и заслужить высокій, хотя и не оффиціальный титулъ, отца отечества. Любопытно знать, какими средствами онъ достигъ такого политическаго вліянія.

Прежде всего Козьмѣ нужно было составить себѣ сильную партію. Въ этомъ ему помогли и друзья и враги. Ближайшими его совѣтниками были Аверардъ Медичи и демагогъ Пуччіо-Пуччи. Одинъ отличался смѣлостью, другой дальновидностью. Какъ нарочно, тогдашнее правительство не могло похвалиться хорошимъ составомъ. Во главѣ его находились люди ретроградные или неспособные. Ненавидя кадастръ, они между тѣмъ придерживались воинственной политики и рѣшились безъ всякаго предлога овладѣть Луккою. Это предпріятіе, разумѣется, требовало денегъ и вовлекло Флоренцію въ новыя издержки. Было рѣшено обложить поборами всю Тоскану, несмотря на протесты и жалобы провинціальныхъ городовъ. Съ особенною силою неудовольствіе обнаружилось въ Вольтеррѣ, гдѣ до тѣхъ поръ еще держалось самоуправленіе. Но синьорія не хотѣла отступиться отъ

своихъ требованій и, смиривъ мятежниковъ, послала войско осаждать Лукку. Козьма, который, нужно замѣтить, самъ былъ въ пользу войны, охотно предоставилъ ея веденіе своимъ противникамъ и отъ души радовался ихъ ошибкамъ и неудачамъ. Дѣйствительно, они окончательно уронили себя передъ народомъ. Тираномъ Лукки былъ въ это время нѣкто Гвиниджи. Съ нимъ флорентинцы еще могли справиться и принудили его бѣжать. Но самый городъ не сдавался и нашелъ поддержку въ Висконти, который послалъ туда искусныхъ полководцевъ. Война тянулась болѣе трехъ лѣтъ и кончилась ничѣмъ. Лукка осталась независимою и сохранила всѣ свои владѣнія.

Какъ только заключенъ былъ миръ, враждебная Медичи партія, во главѣ которой стоялъ Ринальдъ Альбицци, негодуя на двусмысленное поведеніе Козьмы, рѣшилась отъ него избавиться. Осенью 1433 года, онъ получилъ приглашеніе явиться во дворецъ и былъ тотчасъ же арестованъ, какъ опасный для государства честолюбецъ и демагогъ. Но пока правительство готовилось созвать парламентъ для суда надъ нимъ, Козьма не потерялся и принялъ свои мѣры. Ему было хорошо извѣстно, что тогдашній гонфалоньеръ (Гваданьи) не богатъ и падокъ на деньги. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ сановникъ оправдалъ его ожиданія и, получивъ подарокъ, измѣнилъ своей партіи. Вмѣсто смертной казни, Козьмѣ была назначена ссылка въ сѣверную Италію; его родственники и друзья также были изгнаны. Сдѣлавшись главнымъ руководителемъ общины, гордый Альбицци скоро навлекъ на себя народную ненависть самовластными поступками и даже задумалъ произвести аристократическій переворотъ. Напротивъ, щедрый и ласковый Козьма оставилъ по себѣ въ городѣ добрую память и безчисленныхъ приверженцевъ. Сожалѣя о его отсутствіи, они употребили всѣ силы, чтобы открыть ему возможность къ возвращенію домой. Наконецъ, спустя годъ, составилась синьорія изъ партіи Медичи и не замедлила позвать на судъ Альбицци. Онъ уже приготовился сопротивляться власти вооруженною рукою, но папа Евгеній IV, который гостилъ тогда во Флоренціи, убѣдилъ его не проливать крови, обѣщая уладить дѣло своимъ посредничествомъ. Альбицци повиновался. Между тѣмъ друзья Медичи успѣли созвать парламентъ и осудили его на изгнаніе вмѣстѣ со всѣми преданными ему людьми. Козьмѣ было послано разрѣшеніе ѣхать домой. Ни одному побѣдителю, говоритъ Макіавелли, не доставался такой тріумфъ, съ какимъ принимала Флоренція своего любимаго изгнанника. Весь народъ вышелъ ему на встрѣчу и называлъ его своимъ благодѣтелемъ и отцомъ отечества.

Съ этого времени, почти до самой смерти, въ теченіи тридцати лѣтъ (1434 — 64), Козьма считался, можно сказать, хозяиномъ и представителемъ флорентинской общины. Впрочемъ, онъ не счелъ нужнымъ захватить открыто верховную власть и упразднить древнія учрежденія, а по преимуществу старался усилить свою партію и руководить ея дѣйствіями. Внутренняя политика Козьмы, нужно согласиться, была очень искусна и благоразумна. Къ тому же счастіе сильно ему помогало. Самый отъявленный его врагъ, Альбицци, погубилъ себя сношеніями съ Висконти и заговорами противъ Флоренціи, за что былъ объявленъ внѣ закона; другіе, наиболѣе опасные изгнанники, были ему выданы угодливою Венеціею и казнены; остальныхъ противниковъ онъ умѣлъ поставить въ безвыходное положеніе, или задобрить. По словамъ Макіавелли, партія Медичи упрочила свою побѣду и достигла владычества слѣдующими способами: всѣмъ противникамъ прежнихъ партій были возвращены права; опальному дворянству — позволено приписаться къ гильдіямъ; приверженцамъ Козьмы розданы имущества мятежниковъ; изгнанникамъ запрещено возвращаться домой даже послѣ срока ссылки, безъ особаго, почти единогласнаго разрѣшенія высшихъ сановниковъ; наконецъ, положено, чтобы новая синьорія назначалась членами старой при участіи надзирателей за избирательными списками (accopiatori). Такимъ образомъ непріятные правительству граждане, попавшіе по жребію въ кандидаты на высшія должности, могли быть устраняемы заблаговременно и келейнымъ образомъ. Всѣ эти мѣры, конечно, нельзя назвать законными; онѣ были проведены рѣзко и направлены прямо противъ вольностей общины. Но, какъ только тираннія была упрочена, жестокости прекратились и правительство почувствовало себя безопаснымъ. Немногіе умные и опытные граждане, въ родѣ Нери Каппони, осмѣливались судить смѣло о политикѣ; людей же способныхъ дѣйствовать вовсе не оказалось. Только полководецъ Бальдаччіо, побѣдитель при Ангіари, говорятъ, внушалъ большой страхъ партіи Медичи, но отъ него она освободила себя измѣннически, убійствомъ во дворцѣ синьоріи (1441 г.). Къ старости Козьма даже могъ удалиться на покой и пересталъ слѣдить за дѣйствіями своей партіи. Около этого-то времени въ ней обнаружился расколъ (1458 г.) и руководителемъ общины сдѣлался другой богачъ, Лука Питти. Ему удалось созвать новый парламентъ и выгнать изъ города своихъ противниковъ. Но возвышеніе этого человѣка нисколько не измѣнило положенія дѣлъ, хотя парламентъ и назвалъ членовъ синьоріи стар-

шинами *свободы* [1]). Къ тому же Лука вовсе не думалъ идти противъ Козьмы, а высказывалъ ему полную преданность.

Во внѣшней политикѣ Флоренція въ эти времена, повидимому, слѣдовала прежнимъ преданіямъ и упорно, большею частью въ спорѣ съ папами и Венеціею, противодѣйствовала Филиппу Висконти до самой его смерти (1447 г.). Но когда, вслѣдствіе этого событія, жители Милана задумали возвратить себѣ свободу, Козьма не поддержалъ ихъ, а напротивъ помогъ кондотьеру Сфорцѣ овладѣть Ломбардіею. Отсюда произошла война между венеціанцами и флорентинцами (1448 г.), которая едва было не охватила цѣлой Италіи, потому что въ ней приняли участіе оба претендента на неаполитанскій престолъ, Альфонсъ аррагонскій и Рене анжуйскій. Съ великимъ трудомъ папѣ Николаю V удалось остановить кровопролитіе (1454 г.). Въ это время пришло извѣстіе о взятіи турками Константинополя и христіанскія государства должны были подумать о защитѣ Запада противъ невѣрныхъ. Но, несмотря на всѣ старанія Козьмы увеличить территорію Тосканы, ему не удалось пріобрѣсти Лукку. Онъ могъ гордиться только внѣшнимъ блескомъ Флоренціи и задавать роскошные праздники иностраннымъ государямъ, которые ее посѣщали. Такихъ праздниковъ въ это время было не мало, напримѣръ: освященіе каѳедральнаго храма, Santa Maria del Fiore, Евгеніемъ IV (1436 г.), вселенскій соборъ (1441 г.), на которомъ присутствовали папа, греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ, константинопольскій патріархъ и духовенство восточной и западной церкви, — кромѣ того проѣзды Рене, принца анжуйскаго, Сфорцы, императора Фридриха III и др. союзниковъ. Казна издержала на эти пиры много денегъ, хотя община и была обременена долгами. Флорентинцы издавна тщеславились своимъ публичнымъ гостепріимствомъ.

Съ своей стороны Козьма много дѣлалъ для украшенія города, именно строилъ церкви и монастыри (св. Марка, св. Лаврентія и др.) какъ во Флоренціи, такъ и въ ея окрестностяхъ, собиралъ произведенія древняго искусства, заказывалъ картины и статуи мѣстнымъ мастерамъ. При немъ, какъ говоритъ Макіавелли, былъ приглашенъ византійскій филологъ Аргиропулъ для преподаванія греческаго языка флорентинскому юношеству. На соборѣ 1441 г. Козьма сблизился съ другимъ ученымъ изъ Константинополя, Гемистомъ (Pletho Gemistus), и подъ его вліяніемъ учредилъ для изученія философіи Платона особую школу или академію, откуда вышелъ извѣстный переводчикъ этого пи-

---

[1]) Прежде они назывались старшинами искусствъ (Priori dell'Arti), т. е. гильдій.

сателя Марсилій Фичино. Такое меценатство въ человѣкѣ, который, по словамъ историковъ, самъ не имѣлъ образованія, конечно заслуживаетъ полнаго уваженія и доказываетъ готовность быть полезнымъ обществу. Къ сожалѣнію, Козьма издерживалъ гораздо больше денегъ на подарки гражданамъ, чѣмъ на искусство и науку. Послѣ его смерти изъ счетныхъ книгъ оказалось, что почти всѣ флорентинцы были у него въ долгу; иныхъ онъ выручилъ изъ крайней нужды предупредительно, не ожидая просьбъ, а бѣднякамъ раздавалъ милостыню. Эта прославленная щедрость не всегда имѣла чистый источникъ. За нее обыкновенно платили политическими услугами. Недаромъ одинъ старый аристократъ, Уццано, предсказывалъ, что Флоренція готова продать себя и что Козьма ее купитъ. Дѣйствительно, партія Медичи была увеличена именно такими способами и составлена, какъ говоритъ Макіавелли, изъ *новыхъ* людей. Всѣ они были благонадежны и послушны, потому что получали или ожидали получить денежную субсидію, или конфискованное имущество изгнанниковъ. Самъ Козьма, слыша жалобы близкихъ друзей на то, что изъ общины выгнаны всѣ честные и независимые люди, отвѣчалъ циническими шутками, что «городъ испорченный лучше города потеряннаго, что два аршина сукна достаточно для облеченія всякаго человѣка въ одежду гражданина, что съ четками въ рукахъ нельзя устроить и поддержать государство».

Такъ нечувствительно флорентинская община подпала щедрой и съ виду мягкой тиранніи не иноземца, а собственнаго гражданина. Личность Козьмы много при этомъ значила и почти все сдѣлала. По мнѣнію Гвиччардини, новый порядокъ утвердился только благодаря рѣдкому соединенію ума, богатства и характера въ одномъ человѣкѣ, долгой его жизни и пособію внѣшнихъ обстоятельствъ. Но отучить народъ разомъ отъ воли и политическихъ дѣлъ было невозможно, да и Козьма, вѣроятно, не имѣлъ въ виду. Въ послѣдніе годы жизни онъ, говорятъ, мучился опасеніями на счетъ будущности своего семейства, и потерявъ одного изъ сыновей, впалъ въ меланхолію, такъ какъ другой его сынъ (Петръ) не имѣлъ хорошихъ способностей, а внукъ (Лаврентій) еще былъ молодъ. Но судьба Флоренціи была отнынѣ рѣшена: община утратила при Козьмѣ старыя преданія и учрежденія, отъ которыхъ за тридцать лѣтъ тиранніи уцѣлѣли одни жалкіе обломки, да формы безъ содержанія. Возвышеніе Питти доказало, что флорентинцы не могутъ жить безъ руководителя.

Сводя къ общимъ результатамъ событія этого стодвадцатилѣтняго періода (1344 — 1464 г.), легко убѣдиться, что твер-

дой, основанной на законахъ формы правленія Флоренція не выработала, политическаго правосудія не обезпечила, спокойствіемъ наслаждалась рѣдко, а безпрестанно переходила отъ внѣшнихъ войнъ къ междоусобіямъ и обратно. Въ самомъ дѣлѣ, истинная, свободная демократія держалась здѣсь только до возстанія черни; затѣмъ слѣдуетъ продолжительная, безпорядочная реакція и оканчивается тираннiею. При видѣ лютой и кровопролитной борьбы между партіями и крайней неустойчивости учрежденій этой общины, человѣкъ нашего времени испытываетъ тяжелое чувство. Онъ недоумѣваетъ, какъ народъ могъ жить счастливо въ такомъ государствѣ и въ добавокъ питать къ нему безпредѣльную любовь. Флорентинская свобода кажется ему анархическою. Между тѣмъ историки, совершенно трезвые и отнюдь не восторженные, напримѣръ, Макіавелли, сознавая, что она нерѣдко доходила до крайняго своеволія, вполнѣ убѣждены въ превосходствѣ своего города надъ другими городами Италіи. По мнѣнію этого писателя, испытанныя Флоренціею потрясенія всего лучше доказываютъ ея крѣпость. Они могли бы погубить болѣе обширную и могучую республику; напротивъ, Флоренція какъ будто почерпала въ нихъ новыя силы. Мужество, энергія и ревность ея гражданъ къ собственному и общественному благу была такъ велика, что немногіе изъ нихъ, которымъ удавалось спастись отъ междоусобій, вполнѣ вознаграждали своими доблестями убыль населенія и были дороже, нужнѣе для славы отечества, чѣмъ огромное число погибавшихъ. Дѣйствительно, распри во Флоренціи долго шли между дворянами и богачами, и погубили больше интригановъ-честолюбцевъ, чѣмъ людей трудолюбивыхъ и полезныхъ городу; казни и ссылки ремесленниковъ встрѣчаются уже послѣ возстанія черни. Что касается до внѣшнихъ войнъ, онѣ, какъ было замѣчено, велись кондотьерами, а не гражданами, и были гораздо тяжелѣ для сельчанъ, чѣмъ для жителей Флоренціи, которая до XVI ст. ни разу не была взята непріятелемъ. Даже тѣ разоренія, которыя она терпѣла отъ междоусобій, не касались ея публичныхъ зданій и казеннаго имущества. Правда, флорентинцамъ не удалось построить политической свободы на твердыхъ основахъ правосудія и мира, но за то они пользовались свободою личною и общественною гораздо въ большей степени, чѣмъ жители феодальныхъ государствъ, порабощенныхъ крѣпостнымъ правомъ, не знали военной повинности и, до введенія кадастра, не платили прямыхъ податей; ихъ вольный трудъ не былъ ничѣмъ стѣсненъ и подавленъ, а находился подъ надежною защитою самодѣятельныхъ корпорацій. Во Флоренціи каждое ремесло,

выдѣляясь отъ другихъ, составляло гильдію или цехъ подъ начальствомъ выборныхъ старшинъ; всѣ издѣлія домашней или фабричной промышленности хорошо оплачивались дома и высоко цѣнились за границею; жизнь рабочаго человѣка была дешева и легка [1]). Сравнительно съ другими городами Италіи Флоренція представляла также много выгодъ и удобствъ. Не говоря о Пизѣ и Сіенѣ, ея старыхъ соперницахъ, которыя рано пришли въ упадокъ, возьмемъ въ примѣръ Миланъ, столицу плодородной Ломбардіи. Гдѣ бы, повидимому, искать больше довольства и богатства? Между тѣмъ, по словамъ историковъ, этотъ городъ, подпавъ тиранніи, испытывалъ страшную бѣдность и наполнился нищими. Напротивъ во Флоренціи нищенство было или добровольнымъ занятіемъ праздныхъ людей, или слѣдствіемъ случайныхъ, личныхъ несчастій, а не язвою цѣлаго общества. Даже въ Венеціи и Генуѣ, гдѣ народъ находилъ въ морской торговлѣ неизмѣримые источники пропитанія, промышленность была не такъ разнообразна и свободна, какъ во Флоренціи, гдѣ правительство вовсе не вмѣшивалось въ частныя предпріятія и рабочіе подчинялись только гильдейскимъ уставамъ. Эти уставы имѣли въ виду преимущественно огражденіе труда и доброкачественности товаровъ [2]).

Искусство въ этомъ періодѣ развивалось во Флоренціи гораздо быстрѣе, чѣмъ въ предъидущемъ. Политическія бури ему не вредили; работы въ мастерскихъ шли независимо и вдали отъ страстей, кипѣвшихъ между тогдашними партіями. Пока община принадлежала себѣ, публика высказывала терпимость ко всѣмъ видамъ и направленіямъ творчества. Въ началѣ XV вѣка господствуетъ система открытаго состязанія между мастерами и сильно благопріятствуетъ правильной оцѣнкѣ ихъ дарованій; синьорія и гильдіи дѣлаютъ заказы по конкурсу; приглашенія строить и украшать церкви и монастыри также посылаются лучшимъ художникамъ по выбору приходскихъ властей или братіи; только частные люди слѣдуютъ своему вкусу и отдаютъ предпочтеніе, кому хотятъ. Неудивительно, что эта эпоха, называемая, по преимуществу, эпохою возрожденія, особенно богата великими мастерами. Любопытно знать, изъ какой школы

---

[1]) Уже передъ началомъ этого періода (1336 г.) во Флоренціи считалось до ста тысячъ жителей; послѣ чумы (1348 г.) ихъ число уменьшилось, но потомъ снова быстро возрасло. Однѣ суконныя фабрики питали до 30,000 рабочихъ людей. Точныя цифры и выводы на счетъ флорентинскаго населенія можно найти у Чибраріо, «Économie politique du moyen age» (P. 1859) II, 127, 128.

[2]) Это видно, напр., изъ уставовъ цеха суконщиковъ (Калимала), издѣлія котораго достигли рѣдкаго совершенства. Cibrario, II, 253, 254.

они вышли и въ чемъ именно опередили современниковъ и учениковъ Джіотто.

Съ половины XIV вѣка во Флоренціи возникаетъ, подъ вліяніемъ Андрея Пизанскаго, новая отрасль искусства: научившись лить, рѣзать и чеканить драгоцѣнные металлы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ становятся художниками. Византія издавна славилась если не изящными, то роскошными издѣліями этого рода; оттуда, при посредствѣ императоровъ и папъ, они распространились на западѣ Европы. Женившись на принцессѣ Θеофаніи, Оттонъ III вызвалъ изъ Константинополя множество ремесленниковъ; нѣкоторые изъ нихъ остались при его дворѣ; другіе разсѣялись по Германіи, Италіи и Франціи, гдѣ нашли работу въ монастыряхъ, церквахъ и у высшаго духовенства. Западные народы скоро воспользовались уроками грековъ и превзошли своихъ учителей въ отдѣлкѣ подсвѣчниковъ, кадилъ, чашъ, мощехранительницъ (reliquaria) и другихъ произведеній церковной утвари изъ металловъ. Монахъ XII вѣка Θеофилъ уже описываетъ подробно техническіе пріемы этого тонкаго и сложнаго мастерства [1]). Оно требовало, какъ видно, не только спеціальной сноровки и большого труда, но разнообразныхъ свѣдѣній въ живописи, скульптурѣ и отчасти въ зодчествѣ. Позже, когда на Западѣ умножились богатства, это мастерство получило свѣтскій характеръ и главными его покровителями сдѣлались коронованныя особы, принцы, банкиры и купцы. Во Флоренціи оно было усовершенствовано художникомъ, по имени Чіоне. Къ сожалѣнію, отъ него уцѣлѣла только одна серебряная доска на алтарѣ крещальни св. Іоанна. Судьба, нужно замѣтить, рѣдко щадитъ произведенія этого рода. Съ перваго взгляда они кажутся прочными, даже нетлѣнными, по крайней мѣрѣ сравнительно съ картинами и статуями. На самомъ дѣлѣ выходитъ иначе: драгоцѣнная вещь, которую легко обратить въ деньги, не только возбуждаетъ корысть въ чужихъ людяхъ, но служитъ соблазномъ и для самого владѣльца. Въ средніе вѣка, когда золота и серебра было гораздо меньше въ обращеніи, чѣмъ теперь, когда войны почти не прекращались, издѣлія изъ дорогихъ металловъ безпрестанно подвергались грабежамъ солдатъ и несчастнымъ случайностямъ. Заказчики также разсчитывали на матеріалъ этихъ легко переливаемыхъ вещей и дорожили ими только до тѣхъ поръ, пока не нуждались въ звонкой

---

[1]) Его сочиненія «Diversarum artium schedula» есть одинъ изъ первыхъ и любопытнѣйшихъ трактатовъ о западномъ искусствѣ въ средніе вѣка. Labarte. Handbook of the arts, Lond. 1855, p. 48 и 49 (note).

монетѣ. Неудивительно, что мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ имѣли серьезныя причины считать свой трудъ неблагодарнымъ и нерѣдко были вынуждены искать другого рода занятій [1]). Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ новою отраслью искусства открылась во Флоренціи новая школа для воспитанія талантливыхъ художниковъ. Изъ обращенія съ драгоцѣнными металлами они выносили привычку къ деликатной и отчетливой работѣ, знаніе рисунка, умѣнье отдѣлывать выпуклыя изваянія всѣхъ возможныхъ размѣровъ, и нерѣдко мастерство въ сложной композиціи. Эти высокія достоинства можно наблюдать впервые на произведеніяхъ одного изъ сыновей Чіоне, Андрея, по прозванію Органья (1329 — 1376 г.). Не принадлежа собственно къ числу учениковъ Джіотто, онъ вышелъ изъ мастерской отца вполнѣ развитымъ, всестороннимъ художникомъ. Дѣятельность его была обращена поперемѣнно на живопись, мозаику, ваяніе, зодчество, и увѣнчалась почти одинаковымъ успѣхомъ по всѣмъ отраслямъ искусства. Въ монастырѣ св. Маріи (Santa Maria Novella) въ придѣлѣ Строцци сохранились фрески, писанныя имъ, вѣроятно, въ молодости и при содѣйствіи его старшаго брата Бернарда. На нихъ изображены разные моменты страшнаго суда. Замѣтно, что авторъ не только изучилъ «Божественную комедію», но собственнымъ чутьемъ открылъ и мастерски разработалъ живописныя стороны своего предмета. Цѣлая картина, глубоко обдуманная, представляется какимъ-то чуднымъ, поэтическимъ видѣніемъ; безчисленныя фигуры ангеловъ, святыхъ и грѣшниковъ исполнены жизни, движенія и естественной красоты. Органья

---

[1]) Такъ именно поступали гибкіе и разсчетливые итальянцы. Но добросовѣстный и трудолюбивый германецъ скорѣе готовъ былъ погибнуть, чѣмъ бросить любимое искусство. Гиберти, флорентинскій художникъ XV вѣка, приводитъ въ своей книгѣ любопытный анекдотъ о какомъ-то безъименномъ мастерѣ золотыхъ дѣлъ изъ Кельна. Этотъ мастеръ прибылъ въ Италію съ Карломъ Анжуйскимъ, для котораго исключительно работалъ, и, по словамъ Гиберти, отличался необыкновенными дарованіями: его скульптурныя головы и фигуры по красотѣ не уступали греческимъ. Къ несчастію, на одинъ сдѣланный имъ иконостасъ было потрачено слишкомъ много золота. Стѣсняемый нуждою, герцогъ приказалъ однажды разбить это произведеніе, чтобы извлечь изъ него драгоцѣнный металлъ. Художникъ, видя, какъ гибнетъ его лучшее созданіе, не могъ вынести этой муки. «Господи, сказалъ онъ, ты сотворилъ міръ, ты можешь и разрушить его. Да будетъ воля твоя! Да не ищетъ мое невѣжество ничего, кромѣ тебя! Но ты видишь мое горе: обрати на меня твое милосердіе»! И послѣ этой слезной молитвы, несчастный мастеръ, раздавъ свое имущество нищимъ, кончилъ жизнь отшельникомъ. Молодежь приходила къ нему въ монастырь за совѣтами; онъ охотно наставлялъ ее, но самъ больше не бралъ заказовъ. Смиреніе его трогательно. Достигнувъ совершенства, онъ понялъ суету человѣческой славы. Этотъ анекдотъ даетъ понятіе какъ о зависимомъ положеніи, такъ и о характерѣ первобытныхъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ.

отличается также смѣлостью раккурсовъ (сокращеній), даетъ человѣческому тѣлу совершенно новыя позы и удачно измѣряетъ разстоянія. Между тѣмъ законы воздушной и линейной или чертежной перспективы тогда еще не были изучены. Вообще этотъ художникъ служитъ какъ бы посредствующимъ звѣномъ между сіенскою и флорентинскою школами. Ни одному изъ его предшественниковъ не удалось такъ гармонически сочетать манеру Джіотто и Дуччіо. У перваго онъ заимствовалъ простоту, серьезность, спокойствіе композиціи, у второго религіозное чувство.

Вазари увѣряетъ, что Андрею Органьѣ принадлежатъ еще три фрески въ Campo Santo Пизы. Одна изъ нихъ, написанная, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ Данта, изображаетъ торжество смерти, или лучше сказать, рѣзкіе контрасты между радостями жизни и неизбѣжнымъ ея концомъ. На лѣвой сторонѣ представлены всадники, повидимому цари: неожиданно на охотѣ, они наткнулись на открытые гробы. Отъ одного трупа уцѣлѣли кости, изъ которыхъ ползетъ змѣя, на другомъ главные суставы уже разрушаются; третій лежитъ свѣжимъ. Непріятно дѣйствуетъ это зрѣлище тлѣнія на живыхъ; сами всадники не скрываютъ своихъ чувствъ. Изъ всей группы только женщина не смущается при видѣ покойниковъ; ея прекрасная головка подперта рукою и выражаетъ простодушную задумчивость. На верху картины изображены кельи съ пустынниками. Старѣйшій изъ нихъ смотритъ на сцену, происходящую внизу, очень спокойно, какъ бы повторяя изреченіе: memento mori. На правой сторонѣ сидитъ праздничная группа дамъ и кавалеровъ. Она, должно быть, только что возвратилась съ охоты на веселый пиръ подъ открытымъ небомъ и безпечно слушаетъ пѣсню трубадура съ акомпаниментомъ арфы. Но обѣ группы заняты своимъ дѣломъ и не обращаютъ глазъ на то, что составляетъ центръ и главное содержаніе картины. Здѣсь мы видимъ страшный, фантастическій образъ женщины съ распущенными волосами, огромными когтями и крыльями летучей мыши. Это — смерть. Она хватаетъ и коситъ свои жертвы; кругомъ ангелы и демоны оспариваютъ похищенныя ею души и носятся съ ними по воздуху; у ея ногъ лежатъ сильные земли, а тутъ же рядомъ старцы, бѣдняки и калѣки напрасно призываютъ ее къ себѣ на помощь.

Предметомъ второй фрески служитъ страшный судъ. И здѣсь мы видимъ не только множество интересныхъ подробностей, но что всего важнѣе, — единство, строгую обдуманность и сильное выполненіе композиціи. Въ центрѣ картины изображены Спаситель и Богоматерь; онъ—въ видѣ грознаго судіи; она, какъ представительница небеснаго милосердія; по бокамъ сидятъ пророки,

апостолы и святые; возлѣ нихъ ангелы вызываютъ мертвыхъ изъ гробовъ; внизу стоятъ праведники и грѣшники оживленными и разнохарактерными группами. Микель-Анджело, делла-Порта и Рафаэль впослѣдствіи многое заимствовали изъ этого произведенія.

Третья фреска, на которой представленъ адъ или кипящій котелъ съ колоссальною фигурою сатаны и безчисленнымъ множествомъ демоновъ-мучителей и страдающихъ людей, очень слаба по композиціи и по выполненію, да кромѣ того носитъ на себѣ явные слѣды подновленій или поправокъ. Напротивъ того двѣ первыя написаны великимъ художникомъ и недаромъ привлекли къ себѣ издавна вниманіе публики. Но свидѣтельство Вазари, что авторомъ ихъ былъ Андрей Органья, отвергается критиками нашего времени. «Между фресками въ церкви св. Маріи и Campo Santo, говорятъ они, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Первыя принадлежатъ по своему характеру школѣ флорентинской; вторыя сильно напоминаютъ кисть сіенскихъ мастеровъ, именно братьевъ Лоренцетти». Зная неточность многихъ показаній Вазари, трудно оспаривать это мнѣніе, подкрѣпляемое аналогіею и другими доводами [1]). Остается развѣ предположить, что Органья не держался въ живописи одного направленія.

Несомнѣннымъ и образцовымъ произведеніемъ этого великаго мастера считается имъ построенная и украшенная внутри церковь или, лучше сказать, часовня св. Михаила (Or San-Michele). Здѣсь, какъ мы замѣтили, находилось прежде крытое помѣщеніе для хлѣбнаго рынка въ родѣ галлереи (loggia) и висѣла древняя икона Богоматери, писанная рукою сіенскаго мастера Уголино. Послѣ чумы 1348 г. флорентинцы, поручивъ Андрею Органьѣ соорудить для уважаемой Мадонны храмъ и алтарь, дали ему не только большія денежныя средства, но и драгоцѣнные матеріалы на работу. Онъ могъ теперь выказать свои многостороннія дарованія и дѣйствительно вполнѣ удовлетворилъ требованіямъ согражданъ. Главнымъ предметомъ его многолѣтнихъ трудовъ былъ колоссальный алтарь, для котораго собственно предназначалось новое зданіе. Этотъ алтарь изъ бѣлаго мрамора сдѣланъ въ готическомъ вкусѣ и богато убранъ изваяніями, мозаикою, разноцвѣтными камнями, позлащеннымъ стекломъ и эмалью. По бокамъ его представлены въ рельефахъ большого размѣра событія изъ жизни Богоматери, а въ выпуклыхъ миніатюрахъ христіанскія добродѣтели, искусства и науки; сквозная и заостренная его крышка увѣнчана статуею архистра-

---

[1]) Craw and Cavalcaselle, History of painting I, 445—51.

тига Михаила. Разсматривая этотъ алтарь въ подробностяхъ, не трудно замѣтить, что онъ вышелъ изъ рукъ золотыхъ дѣлъ мастера. Скульптурныя работы Органьи, хотя и не такъ изящныя, какъ работы Андрея Пизанскаго, отличаются простотою и величіемъ. Больше всего видѣнъ талантъ флорентинскаго мастера въ единствѣ плана, въ обдуманности композиціи, въ спокойной постановкѣ группъ и фигуръ. Самая церковь какъ будто создана для алтаря. Изваянія апостоловъ и героевъ христіанства, поставленныя въ наружныхъ ея нишахъ позднѣйшими художниками, довершаютъ эту счастливую гармонію.

Къ концу жизни Органья построилъ на площади господъ, возлѣ стараго дворца, крытую галлерею (loggia de'Lanzi) для защиты отъ дождя народа, который здѣсь собирался разсуждать о политическихъ и торговыхъ дѣлахъ. Эта галлерея состоитъ изъ трехъ арокъ въ древне-римскомъ вкусѣ. Онѣ поставлены на пилястрахъ и украшены выпуклыми бюстами, между которыми главное мѣсто занимаетъ Мадонна съ ребенкомъ. Восхищаясь произведеніемъ Органьи и какъ бы угадывая его мысль, Микель-Анджело совѣтовалъ герцогу Козьмѣ протянуть галлерею вдоль всей площади. Этотъ проектъ хотя и нашелъ сочувствіе въ наше время, когда флорентинцы ставили памятникъ Данту, но еще не приведенъ въ исполненіе.

Органья открываетъ лучшую эпоху флорентинской школы. За нимъ непосредственно слѣдуютъ великіе мастера первой половины XV вѣка: Брунеллески, Гиберти, Донателло и Лука делла-Роббіа. Подобно ему, они были сначала мастерами золотыхъ дѣлъ, но потомъ, слѣдуя своимъ наклонностямъ, занялись предпочтительно зодчествомъ или ваяніемъ. Каждый изъ нихъ достигъ по своей отрасли совершенства, чему способствовало, кромѣ свободнаго между ними соревнованія, открытіе древнихъ памятниковъ. Эта эпоха совпадаетъ, какъ извѣстно, съ правленіемъ Козьмы Медичи. Но не слѣдуетъ забывать, что главные ея дѣятели родились раньше, получили вполнѣ независимое воспитаніе, вышли на дорогу безъ протекціи и не имѣли надобности ея заискивать, работали больше для флорентинской общины или для церквей, а съ Козьмою только состояли въ дружбѣ или обязаны ему поддержкою въ старости за личныя услуги. Были между ними и такіе люди, которые не имѣли никакихъ связей съ «отцомъ отечества» и вовсе не пользовались его покровительствомъ. Короче сказать, Козьма не создалъ, а засталъ великихъ мастеровъ и, какъ человѣкъ умный и богатый, оказывалъ имъ вниманіе, давалъ работу и составилъ по ихъ совѣту первую коллекцію древнихъ статуй въ своемъ домѣ. Разсматривая жизнь этихъ людей,

не трудно убѣдиться, на кого изъ нихъ и въ какой именно степени простиралось меценатство Козьмы.

Начнемъ съ Брунеллески (1377—1444). Онъ принадлежалъ къ зажиточному семейству, поступилъ еще въ дѣтствѣ, противъ воли отца, ученикомъ въ мастерскую золотыхъ дѣлъ, а потомъ нѣкоторое время занимался ваяніемъ. Поѣздка въ Римъ, повидимому, измѣнила его намѣренія и побудила выбрать новую карьеру. Онъ отправился туда вмѣстѣ съ своимъ другомъ Донателло для изученія памятниковъ языческаго искусства. Жителямъ вѣчнаго города показалось, что молодые флорентинцы пріѣхали къ нимъ искать золота. Но Брунеллески нашелъ среди развалинъ Рима болѣе драгоцѣнные клады и усердно измѣрялъ древнія зданія, особенно Пантеонъ. Благодаря этимъ измѣреніямъ, въ его головѣ родился смѣлый замыселъ поставить куполъ на флорентинскомъ соборѣ. Корпусъ этого храма, какъ извѣстно, давно уже былъ отстроенъ, но никто не рѣшался закрыть отверстіе на срединѣ его кровли, предназначенное для купола. Искусство возведенія обширныхъ куполовъ было утрачено въ западной Европѣ и составляло тайну древняго Рима, извѣстную отчасти византійскимъ зодчимъ. По проекту Арнольфа ди-Камбіо, куполъ флорентинскаго собора долженъ былъ непосредственно выступать изъ крыши или опереться на основные столбы зданія, какъ въ церкви св. Марка и въ пизанскомъ соборѣ. Напротивъ того, Брунеллески, возвратившись изъ Рима (1407), предложилъ сначала возвести на отверстіи въ видѣ осьмиугольника такъ-называемый тамбуръ (барабанъ), и обѣщалъ поставить на немъ куполъ. Флорентинцы не повѣрили, чтобы можно было выполнить такой, повидимому, безумный планъ. Автору оставалось искать работы въ другихъ городахъ. Но онъ опять уѣхалъ въ Римъ учиться. Въ 1420 г. община открыла по этому дѣлу новое состязаніе. Не только итальянскіе, но даже иностранные зодчіе были приглашены на совѣтъ. Но никто изъ нихъ не зналъ, что̀ предпринять и какъ помочь дѣлу. Одинъ совѣтовалъ подпереть куполъ снизу колоннами и, слѣдовательно, испортить внутренность храма; другой полагалъ, что нужно сдѣлать куполъ изъ самаго легкаго матеріала, напр. изъ пемзы, для безопасности. Но самый нелѣпый проектъ состоялъ въ томъ, чтобы наполнить, для поддержки будущаго купола, весь соборъ до верху землею, смѣшать съ нею мелкія монеты, и потомъ, когда постройка будетъ кончена, призвать народъ выгребать землю. А Брунеллески все упорно стоялъ на своемъ, все доказывалъ, что легко сдѣлать вольный сводъ для купола на тамбурѣ, да вдобавокъ просилъ за работу дешевле, чѣмъ другіе мастера! Совѣтъ,

разумѣется, ему не вѣрилъ и однажды велѣлъ его вывести вонъ изъ залы, за непочтительныя выраженія. Особенно не хотѣлось ему показать своей модели: вмѣсто того, онъ предложилъ членамъ собранія поставить вертикально яйцо и, когда они отказались, рѣшилъ эту задачу по способу Колумба. Наконецъ, послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, ему поручено было возвести куполъ вмѣстѣ съ Гиберти. Чтобъ избавиться отъ своего товарища, Брунеллески, по совѣту друзей, скрылъ отъ него модель, и когда, спустя семь лѣтъ, тамбуръ былъ готовъ, вдругъ притворился больнымъ. Не умѣя выйти изъ затрудненія при постройкѣ свода, Гиберти понялъ наконецъ, что ему приличнѣе отказаться отъ жалованья и предоставить увѣнчаніе зданія своему сопернику. Тогда Брунеллески выздоровѣлъ и не только кончилъ съ успѣхомъ свое главное дѣло, но успѣлъ заготовить рисунки для фонаря, который нужно было поставить на вершинѣ купола. Знатоки зодчества цѣнятъ высоко работы этого первокласснаго мастера. Возведенный имъ куполъ хотя и тяжелъ снаружи, но смѣлѣе, шире и выше купола Микель-Анджело, несмотря на громадные размѣры церкви св. Петра. Современники также высказывали къ Брунеллески большое довѣріе. Онъ сдѣлался не только главнымъ зодчимъ флорентинской общины, но былъ выбранъ членомъ синьоріи. Медичи поручили ему строить свою фамильную церковь св. Лаврентія; богачъ Лука Питти — обширный дворецъ; по его же рисункамъ былъ сооруженъ храмъ въ честь св. Духа. Въ старости Брунеллески нѣсколько повредилъ своей репутаціи, потому что взялся за дѣло, ему незнакомое и не совсѣмъ достойное призванія художника. Флоренція вела тогда войну съ Луккою и держала ее въ осадѣ. Брунеллески вызвался потопить этотъ городъ водами рѣки Серкіо и правительство, убѣжденное его краснорѣчіемъ, рѣшилось выполнить смѣлый проектъ на свой счетъ. Каналы были прорыты и огромныя суммы потрачены на плотины, но рѣка не залила Лукки, а только вытѣснила съ позиціи осадное войско. Великій зодчій оказался плохимъ военнымъ инженеромъ, и вызвалъ своею неудачею общее неудовольствіе. Уличные мальчишки Флоренціи пѣли сочиненные на него по этому поводу насмѣшливые стихи [1]).

Ближайшимъ послѣдователемъ Брунеллески считается плодовитый архитекторъ Микелоцци (1391—1472). Отъ него оста-

[1]) Ammirato, XX, 834; Trollope, III, 28. Отсюда, однакоже, не слѣдуетъ заключать, что флорентинцы забыли заслуги или не умѣли оцѣнить таланта Брунеллески. Община не только похоронила его на свой счетъ, но и воздвигла ему надгробный памятникъ въ соборѣ (propter eximias sui animi dotes singularesque virtutes), вмѣстѣ съ Арнольфомъ и Джіотто, другими строителями этого знаменитаго храма.

лось гораздо больше оконченныхъ произведеній. Онъ сопровождалъ Козьму Медичи въ ссылку (1433 г.), а потому пользовался до смерти особенною его благосклонностью, построилъ ему дворецъ (Palazzo Riccardi), нѣсколько дачъ (villa Caredgi, Caffagiolo) и знаменитый въ исторіи монастырь св. Марка. Кромѣ того, Микелоцци распространилъ флорентинскій архитектурный стиль въ сѣверной Италіи, что доказываютъ зданія, построенныя имъ въ Венеціи и Миланѣ (библіотека въ San Giorgio Maggiore, Palazzo Vismura); они сильно напоминаютъ манеру Брунеллески. Микелоцци былъ также искуснымъ, хотя и не самостоятельнымъ ваятелемъ. Съ этой стороны на него имѣлъ большое вліяніе Донателло.

Не такъ посчастливилось во Флоренціи знаменитому сопернику Брунеллески, Леону Альберти (1398—1484). Принадлежа къ опальному семейству, онъ рано покинулъ отечество и работалъ бо̀льшую часть жизни въ другихъ городахъ. Это былъ человѣкъ обширныхъ дарованій и неизмѣримой учености. Нужно согласиться, что нынѣшняя гражданственность рѣдко производитъ подобныхъ людей. Альберти не только зналъ всѣ доступныя тому времени искусства и науки, но что удивительнѣе, въ совершенствѣ владѣлъ ими. Ему приписываютъ разныя открытія въ живописи, напримѣръ изобрѣтеніе нантографа[1]) и подвижныхъ картинъ; его сочиненіе о зодчествѣ (de re aedificatoriâ), изданное въ 1483 г., представляетъ полную теорію строительнаго искусства и доказываетъ глубокое математическое образованіе. Кромѣ того, онъ оставилъ по себѣ много литературныхъ произведеній самаго разнообразнаго содержанія. Изъ сооруженныхъ имъ зданій замѣчательна обширная церковь св. Франциска въ Римини (1447 г.). Она построена въ классическомъ стилѣ и напоминаетъ своею коллоннадою и внѣшнимъ видомъ греческіе храмы. Подражая древнимъ, быть можетъ, до крайности, Альберти не слѣдовалъ однакоже образцамъ послѣднихъ временъ римской имперіи, а опирался на изученіе памятниковъ и преданій блестящей эпохи античнаго зодчества. Доказательствомъ тому служитъ построенная по его планамъ церковь св. Андрея въ Мантуѣ и дворецъ Руччеллаи во Флоренціи, куда онъ возвратился въ старости. Этотъ дворецъ, украшенный прежде галлереею (loggia), считается лучшимъ памятникомъ искусства Альберти. Вообще уваженіе къ нему современниковъ нельзя назвать преувеличеннымъ или безотчетнымъ: оно держалось долго. Мно-

[1]) Пантографъ есть приборъ, посредствомъ котораго можно дѣлать снимки съ рисунковъ въ увеличенномъ или уменьшенномъ масштабѣ.

гіе изъ позднѣйшихъ зодчихъ въ значительной степени испытывали на себѣ его вліяніе. Ему подражалъ, повидимому, извѣстный въ Россіи Растрелли, строитель лучшихъ нашихъ церквей и дворцовъ XVIII вѣка. Жаль только, что произведенія Альберти большею частію испорчены или утрачены: собственноручный его портретъ, о которомъ говоритъ Вазари, не сохранился; тоже нужно замѣтить о картинахъ, къ которымъ онъ впервые примѣнилъ свои оптическія свѣдѣнія въ законахъ такъ-называемой отдаленной перспективы. Даже его домъ, находящійся во Флоренціи, недалеко отъ моста Грацій, потерпѣлъ передѣлки и только недавно возобновленъ въ прежнемъ видѣ. У воротъ этого дома выставлены на показъ зодчимъ архитектурные планы и чертежи великаго мастера.

III.

Кромѣ зодчихъ, Флоренція произвела въ первой половинѣ XV-го вѣка нѣсколько замѣчательныхъ ваятелей. Изъ нихъ особенно блестящими способностями былъ надѣленъ Гиберти (1378—1455). Онъ происходилъ изъ уважаемой въ городѣ фамиліи, учился мастерству золотыхъ дѣлъ у своего вотчима, потомъ полюбилъ живопись и уѣхалъ въ Римини расписывать дворецъ тамошняго правителя Малатеста (1399). Но вотчиму удалось снова вызвать его домой по слѣдующему поводу. Около того времени синьорія и гильдія флорентинскихъ купцовъ задумали поставить къ крещальнѣ св. Іоанна новую бронзовую дверь на подобіе той, которая была отлита въ 1330 г. Андреемъ Пизанскимъ. Между мастерами открылось состязаніе: они должны были, по приглашенію избраннаго комитета, сначала заготовить модель, а черезъ годъ одинъ пробный рельефъ съ изображеніемъ Авраама, приносящаго въ жертву Исаака. Въ конкурсѣ приняли участіе, кромѣ мѣстныхъ литейщиковъ, скульпторы изъ Сіены и Ареццо. Но главными соперниками выступили Гиберти и Брунеллески. Судьи долго колебались, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, и рѣшили дѣло только тогда, когда Брунеллески самъ великодушно призналъ себя побѣжденнымъ. Получивъ дорогой заказъ, Гиберти принялся за работу и, съ помощью своего вотчима, товарищей и многочисленныхъ учениковъ, черезъ двадцать одинъ годъ довелъ ее до окончанія. Дверь была поставлена на мѣсто съ большимъ торжествомъ (1424) и возбудила въ городѣ общій восторгъ. Разсматривая это произведеніе, можно опредѣлить, до какой степени искус-

ство во Флоренціи подвинулось впередъ съ половины XIV столѣтія. Не уступая ни въ чемъ Андрею Пизанскому, Гиберти во многомъ его превосходитъ. Правда, обѣ двери довольно сходны между собою: обѣ тщательно выполнены и каждая имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства. Но дверь Андрея, при всемъ ея величіи, сдѣлана очень просто: группы и фигуры здѣсь немногочисленны и довольно однообразны; напротивъ, дверь Гиберти отличается сложностью композиціи и чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія. Она состоитъ изъ двадцати осьми миніатюрныхъ отдѣловъ, посвященныхъ главнымъ событіямъ новаго завѣта, и украшена статуями, бюстами и головами евангелистовъ, учителей церкви, сивиллъ и пророковъ. Трудно рѣшить, какое изъ событій вышло удачнѣе. Талантъ мастера высказался почти съ одинаковою силой во всѣхъ отдѣлахъ двери; ея красоты неисчерпаемы; чѣмъ пристальнѣе любитель искусства будетъ изучать ее, тѣмъ больше найдетъ въ ней совершенствъ. По мнѣнію Перкинза, Гиберти съ особеннымъ искусствомъ изобразилъ Благовѣщеніе, искушеніе въ пустынѣ и воскресеніе Лазаря. У насъ сохранилась въ памяти группа книжниковъ, окружающихъ юношу Іисуса въ храмѣ: ихъ лица чрезвычайно вѣрны природѣ, разнохарактерны и одушевлены; по правую сторону входитъ и слушаетъ сына съ гордостью и радостью на лицѣ Богоматерь. Кто не видалъ этой группы, тотъ не повѣритъ, чтобы можно было передать въ миніатюрѣ и на металлѣ такъ живо внутреннія, неуловимыя чувства человѣка: они рѣдко отражаются даже на мраморныхъ изваяніяхъ натуральнаго размѣра. Когда Гиберти кончилъ свой трудъ, ему было поручено отлить еще одну, послѣднюю, дверь для крещальни. При этомъ заказчики просили секретаря флорентинской общины, извѣстнаго литератора и юриста Леонардо Бруни (1369—1444) выбрать сюжеты для изображеній. Бруни указалъ десять главныхъ событій ветхаго завѣта, но предоставилъ мастеру разработать ихъ, свободно, по собственному усмотрѣнію. «При выполненіи этого произведенія — говоритъ Гиберти—я старался приблизиться къ природѣ и уяснить себѣ дѣйствіе ея формъ на зрителя, въ надеждѣ приложить къ моему дѣлу теорію ваянія и живописи. Работая старательно и прилежно, я ввелъ въ нѣкоторые отдѣлы до сотни фигуръ и моделлировалъ ихъ такъ, чтобы ближайшія изъ нихъ имѣли больщій, а отдаленныя меньшій размѣръ, смотря по разстоянію отъ глаза». Понятно, что здѣсь была пущена въ ходъ перспектива. Гиберти признавалъ ее особенно необходимою тамъ, гдѣ помѣщалъ въ одномъ отдѣлѣ нѣсколько сюжетовъ. Такъ, напр., первый отдѣлъ (и нужно прибавить, едва ли не лучшій)

представляетъ созданіе Адама и Евы, грѣхопаденіе и, наконецъ, изгнаніе изъ рая. Чтобы достигнуть своей цѣли, Гиберти пропорціонально уменьшалъ рельефъ, начиная отъ самаго выпуклаго до едва замѣтнаго (stiacciato). Съ помощью перспективы, ему удалось изобразить, кромѣ живыхъ сценъ, пейзажи и архитектурные виды, разумѣется, безъ атмосферы, безъ свѣта и тѣни, что помогаетъ живописцамъ выдвинуть впередъ одни предметы и поставить на заднiй планъ другіе. Короче сказать, онъ далъ своему скульптурному произведенію картинную форму и, несмотря на удивительное искусство рѣзца, вышелъ изъ границъ ваянія. Вотъ почему на него смотрятъ какъ на геніальнаго и вмѣстѣ опаснаго реформатора, который, пользуясь незаконно пластическими матеріалами, могъ увлечь цѣлое поколѣніе художниковъ въ область недосягаемаго и невозможнаго. Этотъ упрекъ отчасти имѣетъ основаніе. Но не слѣдуетъ забывать, что примѣръ, поданный Гиберти, остался безъ вредныхъ послѣдствій и не нашелъ подражателей. Дверь, о которой идетъ рѣчь, есть единственное произведеніе въ своемъ родѣ и, сравнительно съ первою, только доказываетъ, что великій мастеръ, не зная самодовольства, сильно усовершенствовался какъ въ техникѣ, такъ и въ композиціи. Извѣстно, что онъ трудился надъ нею болѣе двадцати пяти лѣтъ и кончилъ ее уже въ глубокой старости (1452). Кромѣ центральныхъ группъ, посвященныхъ главнымъ сюжетамъ, мы находимъ здѣсь библейскія фигуры, а по бокамъ головы учителей церкви и нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей, въ томъ числѣ портреты самого художника и его вотчима; окраины двери убраны фризомъ, составленнымъ изъ растительнаго и животнаго царствъ. Что бы ни говорили знатоки противъ смѣшенія живописи съ ваяніемъ, нужно согласиться, что ни прежніе, ни позднѣйшіе художники не овладѣли до такой степени металломъ и не возводили литейнаго искусства на такую высоту, какъ Гиберти. Обѣ двери, по выраженію Микель-Анджело, такъ прекрасны, что могли бы стоять у входа въ рай (son tanto belle che starebbon bene alle porte del paradiso), но вторая должна быть признана чудомъ человѣческаго творчества. Черезъ пять лѣтъ послѣ ея окончанія, флорентинцы приказали покрыть ее золотомъ, вѣроятно, для эффекта; но эта накладка должна была повредить отчетливости изображеній, и къ счастію стерлась отъ времени [1]). Будучи занятъ почти цѣлую

---

[1]) Копія съ одной двери Гиберти давно отлита для Казанскаго собора въ Петербургѣ; кромѣ того, вѣрные гипсовые снимки съ обѣихъ дверей заготовлены въ послѣднее время Эронделевымъ обществомъ любителей искусства въ Лондонѣ, для продажи.

жизнь отдѣлкою этихъ дверей, Гиберти умѣлъ, однакоже, найти досугъ для другихъ работъ. Ему, напр., принадлежатъ удивительной красоты бронзовые барельефы на купели, въ крещальнѣ Сіенскаго собора, изображающіе Крестителя на Іорданѣ и передъ Иродомъ, три надгробныхъ памятника въ церкви св. Креста и монастырѣ св. Маріи (Novella) и рака (cassa) св. Зиновія во флорентинскомъ соборѣ. Послѣдняя отлита съ замѣчательнымъ искусствомъ (1440 г.). На ней представлено воскресеніе сына вдовы. Особенно удались мастеру колѣнопреклоненныя группы безчисленныхъ зрителей, расположенныя кругомъ дѣйствующихъ лицъ; вдали видны городскія ворота. И здѣсь, какъ во второй двери, Гиберти прибѣгаетъ къ перспективѣ. Въ числѣ его произведеній упоминаются еще двѣ митры, заказанныя ему папами, изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Но онѣ были расплавлены Бенвенуто Челлини при Климентѣ VII, въ эпоху взятія Рима. Кромѣ того, Гиберти украсилъ золотыми миніатюрными фигурами одинъ принадлежавшій Медичи сердоликъ. Эта драгоцѣнная вещь была похищена изъ дворца Риккарди французскими войсками, пришедшими во Флоренцію съ Карломъ VIII. Наконецъ великій мастеръ оставилъ по себѣ небольшую книгу по исторіи искусства. Она хотя и не богата содержаніемъ, но любопытна, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ. Мы узнаемъ изъ нея, что авторъ былъ восторженнымъ поклонникомъ древнихъ ваятелей. Такъ, упоминая объ одной древней статуѣ, найденной въ Римѣ, онъ говоритъ, что ея прелестей нельзя вполнѣ оцѣнить зрѣніемъ, а только осязаніемъ и приписываетъ ея сбереженіе милосердію и эстетическому чувству древнихъ христіанъ. Неудивительно, что на Гиберти больше, чѣмъ на другихъ художникахъ этой эпохи отразилось вліяніе классическихъ образцовъ. Онъ познакомился съ ними преимущественно въ Римѣ, отчасти же изъ собственной коллекціи антиковъ, которую успѣлъ собрать. Говорятъ, что нѣсколько статуй было ему доставлено друзьями прямо изъ Греціи. Но при всемъ уваженіи къ блестящимъ дарованіямъ Гиберти, не слѣдуетъ забывать, что онъ отличался отъ своего геніальнаго предшественника, Органьи, тѣмъ, что былъ художникомъ-спеціалистомъ. Въ доказательство односторонности его дарованій можно привести вылитыя имъ въ натуральную величину бронзовыя изваянія апостоловъ Іоанна и Матѳея и первомученика Стефана, для наружнаго украшенія часовни св. Михаила. Они далеко не имѣютъ тѣхъ высокихъ достоинствъ, какими отличаются миніатюрныя фигуры обѣихъ дверей крещальни. Здѣсь свѣдѣнія великаго мастера въ перспективѣ не прилагались къ дѣлу; лица

далеко менѣе выразительны и самая работа не такъ отчетлива. Еще больше видна слабость Гиберти въ зодчествѣ. Къ этому искусству онъ рѣшительно не былъ призванъ, а между тѣмъ упорствовалъ въ сотрудничествѣ съ Брунеллески при возведеніи соборнаго купола и не стыдился брать за это жалованье. Мы имѣли случай упоминать, какъ обнаружилось его безсиліе и принуждены поставить ему въ упрекъ, если не продажность, то корыстолюбіе. Напрасно въ своей исторіи искусства онъ благодаритъ наставниковъ за то, что они воспитали его въ чувствѣ долга и научили презирать деньги: онъ не послѣдовалъ на практикѣ ихъ добрымъ совѣтамъ. Бѣдность также не можетъ служить ему оправданіемъ: изъ документовъ видно, что онъ былъ вознагражденъ за всѣ свои работы очень щедро, а къ концу жизни получилъ въ подарокъ отъ общины недвижимое имѣніе. Какой рѣзкій контрастъ представляетъ благородное поведеніе Брунеллески при упомянутомъ состязаніи за двери! Онъ не только призналъ превосходство своего соперника, но помогалъ ему въ работахъ указаніями и опытомъ.

Другой великій ваятель этой эпохи, товарищъ Брунеллески, Донателло (1386—1466 г.), отличался такимъ же возвышеннымъ характеромъ. Родившись въ бѣдномъ семействѣ, онъ еще ребенкомъ терпѣлъ крайность и едва не погибъ. Къ счастью, одинъ флорентинскій банкиръ, Мартелли, далъ ему пріютъ и средства къ жизни. Художественныя наклонности Донателло обнаружились очень рано. Говорятъ, что, будучи еще шестнадцати лѣтъ, онъ считался отличнымъ знатокомъ искусства и подавалъ мнѣнія на конкурсахъ. Истиннымъ его призваніемъ была скульптура, но онъ не любилъ миніатюрныхъ работъ, какъ Гиберти, а дѣлалъ изваянія изъ дерева, мрамора и бронзы въ натуральную величину. Путешествіе въ Римъ вмѣстѣ съ Брунеллески открыло передъ нимъ великія произведенія древняго рѣзца. Но сознавая вполнѣ ихъ превосходство, Донателло не захотѣлъ быть рабскимъ подражателемъ и остался оригинальнымъ, какъ въ выборѣ, такъ и въ способахъ разработки своихъ композицій. Долго его усилія были направлены исключительно на технику. Придерживаясь, подобно Джіотто, реальнаго направленія, Донателло заимствовалъ свои образы изъ дѣйствительнаго міра и не всегда отличался разборчивымъ вкусомъ. На первыхъ порахъ добрый товарищъ его юности, Брунеллески оказалъ ему большія услуги своими искренними совѣтами и шутками. Характеръ дружбы обоихъ мастеровъ виденъ изъ слѣдующаго анекдота. Однажды Донателло изваялъ распятіе. «Твой мученикъ похожъ на крестьянина», замѣтилъ ему Брунеллески. «Бранить чужое легко;

попробуй-ка самъ сдѣлать лучше», отвѣчалъ тотъ, немного обидѣвшись. Чтобы подтвердить справедливость своей критики, Брунеллески принужденъ былъ вырѣзать распятіе и, окончивъ работу, пришелъ къ товарищу показать ее и спросить, достойна ли она избраннаго предмета. Донателло въ это время только-что воротился съ рынка, держа въ фартухѣ запасъ сыру, яицъ и плодовъ на завтракъ. Распятіе Брунеллески поразило его красотою. «Куда мнѣ за тобой гоняться—сказалъ онъ простодушно, бросая провизію на полъ. — Пусть пропадетъ мой завтракъ: я умѣю вырѣзывать только простыхъ мужиковъ!» [1]). Но съ тѣхъ поръ онъ сталъ видимо смягчать жесткость своего рѣзца и, вѣроятно, по совѣту Брунеллески, взялъ себѣ въ помощники извѣстнаго зодчаго Микелоцци, человѣка съ тонкимъ вкусомъ.

Плодовитость Донателло изумительна. Подобно Джіотто, онъ предпринималъ путешествія по Италіи, именно былъ приглашенъ въ Падую (1444), ѣздилъ оттуда въ Венецію и Романью и получалъ заказы отъ разныхъ городовъ и монастырей. Но большая часть его произведеній находится въ Тосканѣ, именно: во Флоренціи, Прато и Сіенѣ. Въ послѣднее время англичане успѣли пріобрѣсти нѣкоторыя изъ нихъ отъ потомковъ Мартелли для Кензингтонскаго музея, Между изваяніями великаго мастера особенно замѣчательны: статуи св. Георгія, апостоловъ Петра и Марка во весь ростъ, украшающія снаружи часовню св. Михаила (or'San Michele), Іоанна крестителя (любимый его сюжетъ), Магдалины и Давида, въ галлереѣ Уффици, и пророковъ на третьемъ этажѣ соборной колокольни [2]). Донателло владѣлъ глазомѣромъ Фидія, т. е. удачно разсчитывалъ разстоянія и при отдѣлкѣ каждаго произведенія имѣлъ въ виду мѣсто, куда оно было назначено. Вотъ почему многія изъ его статуй, если смотрѣть на нихъ вблизи, кажутся безобразными, но издали выигрываютъ, напр. знаменитый старикъ Zucchone (Давидъ), котораго самъ художникъ такъ любилъ, что училъ его говорить и готовъ былъ имъ клясться (alla fe'che pòrto al mio Zucchone), а публика не понимала, пока онъ находился въ мастерской, и оцѣнила только на высотѣ колокольни. Сюда-же можно отнести барельефы для флорентинскаго соборнаго органа. Помѣщенные теперь въ одномъ изъ низкихъ корридоровъ дворца Уффици, они кажутся непріятными, а между тѣмъ были признаны по конкурсу превосходными.

---

[1]) Оба эти распятія уцѣлѣли до нашего времени; одно изъ нихъ (работы Донателло) хранится въ церкви св. Креста; другое (Брунеллески) въ монастырѣ Santa Maria Novella.

[2]) Наиболѣе удачныя изображенія Крестителя находятся, кромѣ галлереи Uffizi, въ Palazzo Martelli и еще въ одной церкви города Фаэнцы въ Романьѣ.

Напротивъ, фигуры поющихъ и плачущихъ дѣтей, поставленныя на наружной каѳедрѣ собора въ Прато, производятъ удивительное впечатлѣніе на зрителя, потому что, смотря на нихъ съ площади, онъ не видитъ грубыхъ и угловатыхъ нарѣзокъ, сдѣланныхъ, нарочно, для освѣщенія группы. Это произведеніе великій мастеръ удачно защитилъ снаружи, противъ непогоды, выдающимся впередъ карнизомъ. Вообще Донателло отличается чрезвычайно тонкою и нѣжною отдѣлкою барельефовъ [1]). Нѣкоторые изъ нихъ, (именно такъ-называемые stiacciati), своими едва замѣтными выпуклостями больше похожи на рисунки, чѣмъ на изваянія, и напоминаютъ рѣзьбу египтянъ, ассирійцевъ и этрусковъ. Эта трудная манера была извѣстна въ средніе вѣка только медальерамъ. Съ такимъ-же искусствомъ Донателло отливалъ бронзу. Въ доказательство можно привести его падуанскія произведенія въ главномъ алтарѣ церкви св. Антонія и конную статую венеціанскаго кондотьера Гаттамелаты, одну изъ первыхъ, поставленныхъ въ средніе вѣка. Она, хотя и не можетъ выдержать сравненія съ конными статуями позднѣйшаго времени, но имѣетъ свои достоинства: изображеніе всадника знатоки находятъ безукоризненнымъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить красоту Донателло, нужно видѣть еще надгробные монументы, поставленные имъ кардиналу Бранкаччи въ Неаполѣ и папскому секретарю, поэту Арагаци, въ Монтепульчіано. Этотъ послѣдній памятникъ, къ несчастію, разбитъ, но сохранившіеся отъ него статуи и рельефы, именно дѣтскія фигуры, которымъ великій мастеръ особенно умѣлъ придавать жизнь и выразительность, представляютъ неподражаемые образцы скульптурной работы. Къ концу жизни, рѣзецъ Донателло ослабѣлъ, но старикъ не хотѣлъ жить на свѣтѣ празднымъ человѣкомъ и, какъ видно, не съумѣлъ во время разбогатѣть, потому что держалъ свой кошелекъ открытымъ для друзей и учениковъ. Нѣсколько разъ пріятель его, Козьма Медичи, замѣчая, какъ онъ бѣденъ, дарилъ ему платье и даже хотѣлъ наградить его фермою, но Донателло упорно отвергалъ подарки и принялъ отъ сына Козьмы небольшую пенсію только тогда, когда былъ разбитъ параличемъ и слегъ въ постель. Рѣдко кому изъ мастеровъ удалось заслужить безкорыстіемъ и простодушнымъ характеромъ такую всеобщую любовь товарищей и популярность между флорентинцами, какую пріобрѣлъ Донателло. Когда разнеслась вѣсть о его смерти, всѣ жители города собрались отдать

---

[1]) Лучшія его произведенія въ этомъ родѣ—ребенокъ-Креститель въ Uffizi и св. Цецилія въ собраніи лорда Эльчо. Удачная копія съ этого послѣдняго барельефа сдѣлана Эронделевымъ обществомъ.

ему послѣдній долгъ. Онъ просилъ, чтобы его похоронили въ церкви св. Лаврентія возлѣ Козьмы Медичи.

Художественные критики согласны, что Донателло былъ однимъ изъ геніальныхъ мастеровъ Флоренціи и во многихъ отношеніяхъ отдаютъ ему преимущество надъ Буонаротти; самъ Микель-Анджело передъ нимъ благоговѣлъ, дѣлалъ у него заимствованія и, превосходя его величіемъ композиціи, не могъ съ нимъ сравниться въ техникѣ и особенно въ обработкѣ барельефовъ. Каждое произведеніе Донателло отличается самобытностью, носитъ индивидуальный характеръ, вполнѣ закончено и тщательно отдѣлано. Вліяніе его на современниковъ было глубже, благотворнѣе и прочнѣе, чѣмъ вліяніе Гиберти: ему новоевропейское искусство, по преимуществу, обязано своимъ независимымъ характеромъ и существованіемъ. Почерпая источники вдохновенія изъ библіи, онъ создалъ нѣсколько христіанскихъ и ветхозавѣтныхъ типовъ, исполненныхъ жизни и правды, и дѣйствовалъ рѣзцомъ, какъ послушнымъ орудіемъ.

Кромѣ Микелоцци, изъ послѣдователей Донателло замѣчательны: зодчій Антоній Аверуллино, по прозванію Филарете, авторъ бронзовыхъ дверей церкви св. Петра, и Дезидерій изъ Сеттиньяно. Послѣдняго, Джіованни Санти, отецъ Рафаэля, называетъ нѣжнымъ и прекраснымъ (il bravo Desider si dolce é bello). Этотъ любимый ученикъ великаго мастера, къ несчастію, умеръ въ полномъ цвѣтѣ силъ и раньше своего наставника (1428—53). Немногія изъ сохранившихся его произведеній (надгробный памятникъ Карлу Марзуппини въ церкви св. Креста, бюстъ Маріи Строцци во дворцѣ этого имени, статуэтка Спасителя въ церкви св. Лаврентія) носятъ на себѣ печать глубокой мысли, выполненной искуснымъ рѣзцомъ.

Соперникомъ Донателло во Флоренціи былъ Лука делла-Роббія (1400—81). Вышедши также изъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ, онъ пристрастился къ скульптурѣ и достигъ въ обработкѣ мрамора рѣдкаго совершенства. Доказательствомъ тому служатъ его барельефы на колокольнѣ Джіотто (эмблематическія изображенія наукъ и искусствъ) и чудныя группы поющихъ юношей и отроковъ, изваянія заготовленныя по конкурсу для украшенія соборнаго органа. Послѣднія произведенія хранятся въ Uffizi и бросаются въ глаза своею красотою. Ничего въ этомъ родѣ не создали прежніе скульпторы. Лука умѣлъ сообщить дѣтской физіономіи такую жизнь, что зритель можетъ отгадать по игрѣ мускуловъ голоса пѣвчихъ. Самая постановка этихъ группъ чрезвычайно удалась мастеру: онѣ такъ простодушно поютъ, такъ усердно заняты своимъ дѣломъ, что невольно приковываютъ

вниманіе. Кромѣ хора, Лука изобразилъ, тутъ же рядомъ, нѣсколько пляшущихъ дѣтей. Наружность ихъ также очаровательна: на каждомъ личикѣ написана свойственная возрасту наивная радость; каждый ребенокъ предается веселью до полнаго упоенія. И чѣмъ больше смотрѣть на эти группы, тѣмъ покажется удивительнѣе, почему судьи конкурса отдали предпочтеніе Донателло. Его барельефы, посвященные тому-же предмету, находятся насупротивъ и не выдерживаютъ критики въ близкомъ сосѣдствѣ съ произведеніемъ Луки делла-Роббія: они, конечно, выигрывали на высотѣ отъ разстоянія. Какъ-бы то ни было, жаль, что Лука потерпѣлъ неудачу на конкурсѣ: она не только огорчила его, но повидимому заставила бросить мраморъ. Правда, въ 1445 г. онъ получилъ еще одинъ заказъ, именно началъ вмѣстѣ съ Микелоцци и Мазо дѣлать бронзовыя двери къ ризницѣ флорентинскаго собора, но, далеко уступая Гиберти въ искусствѣ лить бронзу, опять не удовлетворилъ требованіямъ публики. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему удалось открыть для себя другой, болѣе выгодный родъ дѣятельности, гдѣ у него не было соперниковъ. Наблюдая горшечное дѣло во Флоренціи, онъ усовершенствовалъ способъ покрывать твердымъ и прозрачнымъ составомъ жженную глину и воспользовался этимъ мягкимъ матеріаломъ для лѣпныхъ работъ [1]). Отсюда произошла новая отрасль дешевой скульптуры. Произведенія этого рода съ конца XV стол. сильно распространились по Италіи и всей западной Европѣ, а въ настоящее время извѣстны подъ именемъ издѣлій или товаровъ делла-Роббія. Самъ Лука лѣпилъ съ удивительною быстротою изъ глины голубого и бѣлаго цвѣтовъ статуи, медальоны и цѣлые алтари для уборки церковныхъ стѣнъ, дверей и придѣловъ. Племянникъ его, Андрей и другіе ученики, которымъ онъ передалъ свой секретъ, пошли дальше и, въ надеждѣ вытѣснить изъ церквей фрески, стали малевать свои произведенія всѣми возможными красками. Хотя ихъ надежда не сбылась, но Лука, быть можетъ, противъ воли, нанесъ искусству чувствительный ударъ, отъ котораго оно не могло долго оправиться: подъ вліяніемъ его нововведеній обработка

---

1) Вазари считаетъ Луку изобрѣтателемъ упомянутаго способа. Но искусство придавать глянецъ и твердость глинѣ, какъ доказываетъ посуда разныхъ народовъ, было извѣстно еще египтянамъ, ассиріянамъ, грекамъ и отчасти итальянцамъ среднихъ вѣковъ, именно жителямъ гор. Пезаро. Арабы также владѣли этимъ искусствомъ и передали его въ Испанію, откуда, вѣроятно, оно было заимствовано флорентинскими горшечниками. Заслуга Луки состоитъ только въ развитіи этого способа и въ примѣненіи его къ скульптурѣ (Labarte, Handbook of the arts of middle ages, p. 285, Lond. 1855). Лучшія изъ лѣпныхъ произведеній этого мастера находятся въ соборѣ и другихъ церквахъ Флоренціи.

мрамора должна была постепенно придти въ упадокъ и уступить мѣсто лѣпному ремеслу. Подражатели Луки наполнили католическія церкви пестрыми и безобразными статуями, производящими на зрителей, большею частью, тяжелое впечатлѣніе. Въ наше время издѣлія делла-Роббія цѣнятся высоко, особливо въ Англіи. Но между ними встрѣчается множество неудачныхъ поддѣлокъ.

Развитіе зодчества и ваянія во Флоренціи въ первой половинѣ XV вѣка должно было подвинуть впередъ и живопись, которая со временъ Джіотто находилась въ застоѣ. Правда, великіе мастера, Гиберти и Брунеллески, сами мало занимались этою отраслью искусства и не усовершенствовали колорита; первый былъ только отличнымъ рисовальщикомъ; второй ограничился изученіемъ законовъ перспективы. Тѣмъ не менѣе Вазари приписываетъ имъ обоимъ большое вліяніе на новую школу флорентинскихъ живописцевъ, извѣстную подъ именемъ натуральной. Ея направленіе обнаружилось прежде всего и съ особенною силою въ работахъ al fresco.

Основателемъ этой школы считается Фини, по прозванію Мазолино. Жизнь его, къ сожалѣнію, мало изслѣдована. По словамъ Вазари, онъ родился въ 1403 г. въ тосканскомъ городкѣ Паникале, учился сначала мастерству золотыхъ дѣлъ у Гиберти, потомъ живописи у одного изъ послѣдователей Джіотто (Starnina), посѣтилъ Римъ и умеръ во Флоренціи, гдѣ ему поручено было расписать церковь del Carmine (1440). Эти біографическія свѣдѣнія отчасти дополнены, отчасти исправлены въ наше время съ помощью флорентинскихъ архивовъ. Оказывается, что Мазолино родился гораздо раньше (1383), былъ приглашенъ (1423) темешварскимъ гешпаномъ Филиппо Сколари (Pippo Spano) въ Венгрію, оттуда отправился въ Ломбардію и наконецъ возвратился во Флоренцію, гдѣ смерть прервала его работы надъ фресками въ церкви del Carmine въ 1430 г. [1]). Кромѣ этихъ, едва начатыхъ, произведеній Мазолино, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, въ 1843 г. открыты, неподалеку отъ Комо, въ церкви и крещальнѣ городка Кастильоне (Castiglione di olona) подъ старою штукатуркою фрески съ надписью: Masolinus de Florentiâ pinxit [2]). На нихъ талантливою кистью изображены событія изъ жизни Богоматери, св. Стефана, св. Лаврентія и Крестителя. Авторъ, повидимому, старался больше всего прибли-

---

[1]) Документы, на которыхъ основаны эти новыя свидѣтельства, разбираются подробно Кроу и Кавальказеллемъ. New history of painting I, ch. XXIV, p. 499—518.

[2]) Подробное описаніе этихъ открытій можно найти у комментаторовъ Вазари. (Ediz. Lemonnier, Firenze, 1848, III, 138).

зиться къ природѣ въ постановкѣ группъ и ради этого одного пренебрегъ другими требованіями живописи. Рисунокъ его точенъ и доказываетъ старательное изученіе какъ анатоміи, такъ и перспективы; но композиція суха и монотонна въ цѣломъ; отдѣльныя части ея несоотвѣтствуютъ одна другой; фигуры не имѣютъ энергіи и холодны; жесты и движенія, такъ сказать, формальны; драпировка слишкомъ пышна и цвѣтиста (въ этомъ онъ подражалъ ломбардскимъ мастерамъ), головные уборы женщинъ тяжелы и безобразны, даже отдѣльные члены человѣческаго тѣла не всегда пропорціональны. Тѣмъ не менѣе Мазолино рѣзко отличается отъ ближайшихъ послѣдователей Джіотто манерою и характеромъ; старыя преданія иконописи уже не тяготѣютъ надъ нимъ: лица у него не мрачны, не удлинены, но естественны и выразительны; позы спокойны, проникнуты достоинствомъ и граціею; тѣни правильны; краски умѣренны и гармоничны. Короче сказать, Мазолино довольно ясно и опредѣленно высказываетъ стремленіе къ натуральности. Гораздо дальше пошелъ ученикъ его, Ѳома Гвиди (1402 — 1430 г.), которому флорентинцы дали прозвище Мазаччіо. Жизнь этого геніальнаго мастера также мало извѣстна. Мы знаемъ только, что онъ терпѣлъ во Флоренціи большую крайность и сначала ѣздилъ въ Римъ по приглашенію одного кардинала, а потомъ бѣжалъ туда отъ долговъ и умеръ отъ яда, приготовленнаго, вѣроятно, завистливою рукою одного изъ товарищей [1]). Талантъ Мазаччіо былъ оцѣненъ впервые Брунеллески и Гиберти. Позднѣйшіе художники вполнѣ признали приговоръ этихъ знатоковъ и копировали его произведенія. Манера и лучшіе типы Мазаччіо отражаются у Рафаэля, Леонарда да-Винчи и Микель-Анджело; даже въ нынѣшнее время онъ признается однимъ изъ первоклассныхъ мастеровъ флорентинской школы; писанныя имъ фрески, можно сказать, не имѣютъ себѣ подобныхъ. Въ церкви св. Климента, въ Римѣ, сохранились юношескіе опыты его чудной кисти, именно изображенія событій изъ жизни св. Екатерины Александрійской. Уже здѣсь можно наблюдать гармоническое сочетаніе группъ, глубокое знаніе анатоміи и перспективы, живость лицъ и выразительность движеній. Особенно поражаетъ простотою и правдою сцена, гдѣ представлена Екатерина въ бесѣдѣ съ книжниками передъ императоромъ Максенціемъ. Дѣвственный образъ юной мученицы — чудо красоты

[1]) Унизительное прозвище Мазаччіо (по-русски оно значитъ: Ѳомка) было ему дано, говорятъ, за невзрачную наружность и неопрятность. Онъ носилъ испачканное красками, почти нищенское, платье и, какъ говоритъ Вазари, также мало думалъ о себѣ, какъ и о мірѣ. Годы его рожденія и смерти въ точности неизвѣстны; онъ бѣжалъ изъ Флоренціи въ 1429 году.

и граціи; фигуры стариковъ исполнены характера и энергіи. Еще выше и совершеннѣе по композиціи фрески, которыми Мазаччіо украсилъ придѣлъ Бранкаччи въ церкви del Carmine во Флоренціи. Въ этихъ фрескахъ онъ является вполнѣ самобытнымъ мастеромъ и открываетъ новую, никѣмъ не тронутую, область творчества. Содержаніемъ ихъ служатъ, кромѣ грѣхопаденія, эпизоды изъ жизни св. Петра, именно крещеніе вѣрующихъ, проповѣдь апостола, исцѣлѣніе калѣки у дверей храма, раздача милостыни Петромъ и Іоанномъ, лѣченіе больныхъ тѣми же апостолами, уплата подати Петромъ по повелѣнію Спасителя (съ портретомъ мастера) и воскресеніе царскаго сына. Послѣднюю картину критики признаютъ самою превосходною. Она была докончена, за смертію Мазаччіо, Филиппиномъ Липпи [1]). Эти великія произведенія издавна обратили на себя вниманіе какъ художниковъ, такъ и знатоковъ искусства. Еще Вазари, опредѣляя значеніе Мазаччіо въ ряду флорентинскихъ мастеровъ, справедливо замѣчаетъ, что ему принадлежитъ открытіе или изобрѣтеніе правильной методы въ живописи. Разъ убѣдившись въ томъ, что ея задача должна состоять въ воспроизведеніи формъ и красокъ природы, онъ успѣлъ при помощи упорнаго труда совершенно освободиться отъ сухости, принужденности и другихъ недостатковъ школы Джіотто, создалъ кистью разнообразные характеры и сообщилъ человѣческому тѣлу естественную живость, движеніе и выпуклость, о чемъ его предшественники вовсе не думали. Дѣйствительно, фигуры у Мазаччіо перестаютъ быть плоскими изображеніями въ пустомъ пространствѣ, но окружены атмосферою, выступаютъ изъ картины въ среду дѣйствительнаго міра, дышутъ и чувствуютъ, какъ люди, освѣщены и оттѣнены правильно, какъ бы натуральнымъ колоритомъ. Владѣя изумительнымъ даромъ творчества и композиціи, относясь къ дѣлу глубоко и серьезно, онъ стоитъ выше всѣхъ живописцевъ XIV-го стол. по мастерству выполненія. Забота о стройности и гармоніи цѣлаго соединена у него съ отчетливою разработкою подробностей; всѣ части картины соразмѣрены между собою; нигдѣ не видно ни малѣйшей изысканности и вычурности; во всемъ господствуетъ простота и спокойствіе. Тонкое чувство мѣры и строгій разборчивый вкусъ—отличительныя свойства, неизмѣнная принадлежность Мазаччіо. Онъ отвергаетъ прежній условный стиль драпировки и тяжелыя или пышныя складки, а

---

[1]) Ему же принадлежатъ остальныя фрески, кромѣ одной, приписываемой Мазолино (крещеніе Тавиѳы). Критическое описаніе этихъ произведеній можно найти въ книгѣ Лейарда, изданной Эронделевымъ обществомъ подъ заглавіемъ: the Brancacci Chapel, Lond. 1868. Кроу и Кавальказелле также разбираютъ подробно жизнь и заслуги Мазаччіо. New history of painting I, ch. XXV, p. 519—550.

старается подмѣтить и обрисовать тѣлесныя формы подъ одеждою и любитъ изображать человѣка въ его природной красотѣ. Анатомія живого организма, линейная и воздушная перспектива ему одинаково доступны; основные законы послѣдней, въ то время еще не приложенные въ живописи, онъ какъ-бы угадываетъ геніемъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить достоинства Мазаччіо, нужно разсматривать долго и пристально каждую группу, почти каждую фигуру на фрескахъ въ придѣлѣ Бранкаччи. Трудно передать словами впечатлѣніе, которое испытываетъ любитель искусства, созерцая эти фрески. Больше всего удивляетъ способность мастера выражать на лицахъ чувства и помыслы души. Въ первый разъ онъ ловитъ кистью игру лица, легкое движеніе глазъ и другія, едва замѣтныя черты, которыми обозначается внутреннее состояніе человѣка. Въ примѣръ можно привести женщину, слушающую проповѣдь св. Петра; едва-ли найдется въ живописи подобное изображеніе благоговѣйнаго вниманія. На другой картинѣ замѣчателенъ нагой юноша, дрожащій отъ холода и готовый принять крещеніе. Эта фигура знакома русской публикѣ: она отчасти воспроизведена Ивановымъ въ явленіи Христа народу. Но самые разнообразные характеры Мазаччіо выводитъ въ воскресеніи царскаго сына. Здѣсь мы видимъ множество людей, находящихся подъ живымъ впечатлѣніемъ великаго событія. Ихъ физіономія отражаетъ всѣ возможные оттѣнки изумленія, радости и восторга безъ малѣйшаго преувеличенія и театральности. Великій мастеръ не допускаетъ натянутой позы или притворнаго жеста, и остается вполнѣ естественнымъ и вѣрнымъ реальному направленію флорентинской школы. Любовь къ правдѣ столько-же одушевляетъ его, сколько Джіотто, и указываетъ ему разумныя границы свободы и творчества. Такая прямота и трезвость стремленій, такое отсутствіе всякаго разсчета на эффектъ даютъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи искусства. Неудивительно, что онъ долженъ былъ оставить по себѣ глубокіе слѣды и вызвать толпу подражателей. Но манера его не скоро сдѣлалась доступною; художникамъ нужно было потратить много силъ и труда, чтобы къ нему приблизиться. Къ тому-же онъ умеръ въ молодости и написалъ слишкомъ мало произведеній. Нельзя не пожалѣть, что нѣкоторыя изъ нихъ истреблены временемъ [1].

---

[1]) Вазари описываетъ съ восторгомъ разныя фрески Мазаччіо, теперь погибшія. Это не помѣшало ему, впрочемъ, воспользоваться разрѣшеніемъ герцога и безжалостно замалевать одну изъ нихъ, чтобы дать мѣсто произведенію собственной кисти. Впрочемъ, эта фреска отчасти уцѣлѣла и открыта недавно подъ штукатуркою въ монастырѣ св. Маріи (Novella). Она изображаетъ Троицу съ фигурами Богоматери и апостола Іоанна по бокамъ и, несмотря на неудачныя реставраціи, сохраняетъ высокія

Натурализмъ Мазаччіо удостоился и вполнѣ заслуживаетъ названія классическаго. Но нужно согласиться, что, преслѣдуя строго свое направленіе, знаменитый живописецъ иногда увлекался внѣшнею отдѣлкою картины, именно приносилъ въ жертву мысль формѣ и сосредоточивалъ все вниманіе на томъ, чтобы придать выразительность головѣ, характеръ движеніямъ, стройность фигурамъ. Вообще онъ силенъ въ изображеніи обыкновенныхъ людей; его религіозные идеалы носятъ слишкомъ житейскій, такъ сказать, прозаическій типъ. Кромѣ того замѣтно, что онъ работалъ быстро, чаще подъ вліяніемъ минутнаго вдохновенія, чѣмъ обдуманнаго плана, что его сильная воля опережала дѣйствіе руки [1]). Краски, которыми онъ пользовался, при всей прозрачности и нѣжности своихъ цвѣтовъ и тоновъ также далеки отъ совершенства. Правда, по тогдашнему времени его можно считать отличнымъ колористомъ въ живописи al fresco, но позднѣйшіе флорентинцы и Корреджіо стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо выше. Наконецъ не слѣдуетъ забывать и того, что самая смѣлость рисунка и особенно перспективы Мазаччіо могла подать опасный примѣръ его подражателямъ. Къ счастію, еще при его жизни явились мастера, которые начали ревностно заниматься математикою и химіею живописи. Эти люди подвинули впередъ собственно технику искусства, что́, конечно, составляетъ своего рода и не маловажную заслугу. Сюда принадлежитъ любимецъ Козьмы Медичи, Павелъ Уччелли (Uccelli, 1396—1479). Онъ, выбралъ предметомъ своей спеціальности перспективу и нашелъ себѣ руководителя — извѣстнаго математика Манетти. Тѣмъ не менѣе, перспектива, говорятъ, досталась съ трудомъ несчастному живописцу. Онъ проводилъ надъ ея изученіемъ цѣлыя ночи, терпѣлъ бѣдность и въ старости чуть не дошелъ до помѣшательства. Напрасно другъ его, Донателло, толковалъ ему, что онъ гоняется за призракомъ; Уччелли упорствовалъ и, нужно согласиться, превзошелъ современниковъ въ примѣненіи открытій

достоинства. Въ церкви del Carmine должна находиться еще одна картина Мазаччіо, теперь застроенная стѣною. Есть надежда, что любители искусства убѣдятъ церковное начальство разобрать эту стѣну. Тамъ-же нѣсколько лѣтъ назадъ найдена подъ штукатуркою написанная кѣмъ-то группа монаховъ съ пейзажемъ вдали. Лейардъ, Кроу и другіе знатоки приписываютъ ее Мазаччіо. Наконецъ въ Академіи ему принадлежитъ одинъ запрестольный образъ, сильно поврежденный. Что касается до прочихъ картинъ, выдаваемыхъ за Мазаччіо въ европейскихъ музеяхъ, онѣ не могутъ считаться подлинными.

[1]) Этихъ недостатковъ очень трудно избѣжать въ живописи al fresco: она требуетъ отъ художника поспѣшности и не допускаетъ поправокъ въ такой степени, какъ другіе роды живописи.

науки къ своему искусству. Жаль только, что природа не дала ему творческаго таланта, а самъ онъ не овладѣлъ тайною колорита. Отъ него сохранилось мало произведеній, хотя, по словамъ Вазари, онъ росписалъ во Флоренціи нѣсколько церквей и дворцовъ. Не чувствуя особенной наклонности къ религіозному творчеству, Уччелли охотно разработывалъ свѣтскіе сюжеты, стараясь больше о томъ, чтобы копировать дѣйствительную жизнь. Его справедливо считаютъ родоначальникомъ батальной живописи и однимъ изъ первыхъ жанристовъ, потому что онъ мастерски рисовалъ битвы, оружіе, сбрую, животныхъ и т. п., какъ въ обыкновенномъ видѣ, такъ и въ перспективѣ. Но человѣческія фигуры Уччелли, сравнительно съ фигурами Мазаччіо, кажутся плоскими, а лица безцвѣтными. Лучшимъ памятникомъ его искусства остаются фрески, уцѣлѣвшія въ монастырѣ св. Маріи (Novella), именно: потопъ и Ноево жертвоприношеніе. Здѣсь бросаются въ глаза мастерски измѣренныя разстоянія и сокращенія (раккурсы), и кромѣ того, новыя, трудныя и драматическія позы. Ни одинъ мастеръ прежняго времени не передавалъ такъ вѣрно и сильно ярость стихій и борьбу людей между собою, или съ природою. Въ Ноевомъ жертвоприношеніи поразительна, по смѣлости рисунка, нисходящая съ небесъ фигура Всевышняго.

Другой современникъ Мазаччіо (неизвѣстно, былъ ли онъ его ученикомъ, или только подражателемъ), Андрей дель-Кастаньо (Castagno, 1390 — 1457), поклонникъ Козьмы Медичи, считается болѣе посредственнымъ живописцемъ, нежели Уччелли, и принадлежитъ по манерѣ къ грубымъ реалистамъ. Но, несмотря на неправильность его рисунка и несовершенство колорита, въ немъ также замѣтно основательное знакомство съ перспективой. Кромѣ того, Вазари приписываетъ ему введеніе масляныхъ красокъ во Флоренціи и разсказываетъ по этому поводу слѣдующую легенду. Въ половинѣ XV вѣка (1451 г.) Андрею было поручено расписать фресками монастырь св. Маріи. Здѣсь-же, рядомъ съ нимъ, работалъ другой мастеръ, Доминикъ Венеціанскій. Сознавая свое ничтожество передъ этимъ сотрудникомъ, Андрей вкрался къ нему въ дружбу, выманилъ у него тайну употребленія масляныхъ красокъ и предательски убилъ его на улицѣ. Легенда Вазари была принята на вѣру, но въ послѣднее время подвергнута сомнѣнію. Изъ архивныхъ документовъ Флоренціи видно, что Доминикъ кончилъ свои фрески гораздо раньше, чѣмъ Андрей, и въ добавокъ пережилъ его четырьмя годами († 1461), хотя и не подлежитъ спору, что онъ зналъ, а, быть можетъ, и усовершенствовалъ способы составлять масляныя краски.

Вопросъ, откуда эти краски были первоначально заимствованы, долго служилъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій. Вазари думаетъ, что старые итальянскіе мастера не знали масляныхъ красокъ. Напротивъ того Гиберти въ своей исторіи доказываетъ, что онѣ были извѣстны самому Джіотто (lavorò a olio), а Ченнини (1437) даже объясняетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ ихъ накладывать на холстъ, на дерево и на металлъ. Впрочемъ, итальянцы, до времени Козьмы Медичи, не имѣли наклонности къ этому роду живописи, а разводили свои краски клеемъ, яичнымъ бѣлкомъ и водою. Собственно масляныя краски были улучшены Яномъ фанъ-Эйкомъ въ Бельгіи въ началѣ XV стол. Живя на сѣверѣ, въ суровомъ климатѣ, онъ долго придумывалъ и наконецъ открылъ, съ помощью эссенціи льняного сѣмени, вѣрный способъ сохранять колоритъ на картинахъ и придавать имъ свѣжую лакировку (1410 г.). Ученикъ его, Антонелло Мессинскій, заимствовалъ отъ него этотъ способъ. Впрочемъ, нѣтъ основанія думать, что фанъ-Эйкъ или его послѣдователи держали употребленіе масляныхъ красокъ въ глубокой тайнѣ. Самъ Антонелло пустилъ ихъ въ ходъ между венеціанскими художниками (Виварини, Беллини, Боргоньоне). Только во Флоренціи онѣ распространялись медленно. Но причиною тому была едва ли насильственная смерть Доминика, какъ думаетъ Вазари, а вѣроятно, трудность отрѣшиться отъ стараго способа живописи, къ которому тамошніе мастера привыкли. Масляныя краски флорентинцы примѣняли постепенно сначала къ драпировкѣ и ландшафтамъ, а потомъ и къ отдѣлкѣ другихъ частей картины. Эти попытки можно наблюдать послѣ Доминика, на запрестольныхъ образахъ (predella, gradino) Пезеллино (1422—57), уцѣлѣвшихъ въ разныхъ музеяхъ западной Европы. Живопись масляными красками, какъ мы увидимъ, усовершенствовалась съ технической стороны уже во второй половинѣ XV вѣка [1]).

Уччелли, Кастаньо и Доминика можно считать крайними приверженцами натуральной школы. Но они были людьми посредственныхъ дарованій и не пользовались въ обществѣ большимъ сочувствіемъ. Вазари говоритъ даже, что простой народъ испортилъ нѣсколько картинъ Андрея дель-Кастаньо, потому

[1]) Споръ объ открытіи и распространеніи масляныхъ красокъ можно считать теперь поконченнымъ. Изъ безчисленныхъ сочиненій, написанныхъ по этому поводу, наиболѣе интересны монографіи: Истлека, бывшаго директора лондонской галлереи (Materials for the history of oilpainting, 2 vols. Lond. 1869), Суардо (Sulla scoperta ed introduzzione in Italia dell' odierno sistema di dipingere ad olio, Milano, 1858) и Рюленса (его изслѣдованіе помѣщено во второмъ томѣ французскаго перевода книги Кроу, о старыхъ фламандскихъ живописцахъ. Brux. 1863).

что былъ оскорбленъ его грубымъ и наглымъ обращеніемъ съ религіозными сюжетами. Самъ Мазаччіо не успѣлъ произвести коренной реформы во всѣхъ родахъ живописи, а только положилъ основаніе новому направленію въ работахъ (al fresco) и умеръ слишкомъ рано, непонятый современниками. Между тѣмъ, была область, куда его нововведенія проникали съ трудомъ, гдѣ во всей силѣ держались преданія, именно область иконописи, мозаики и миніатюрныхъ издѣлій. Пока религія господствовала надъ умственною, нравственною и сердечною жизнію флорентинскаго народа, благочестивыя души желали видѣть въ художникѣ выраженіе своихъ задушевныхъ думъ и стремленій. Мазаччіо, какъ свѣтскій человѣкъ, не могъ вполнѣ удовлетворить этимъ народнымъ требованіямъ. Онъ обратилъ вниманіе въ своихъ произведеніяхъ болѣе на внѣшнюю, такъ сказать, историческую сторону религіи, мало коснулся внутренней ея стороны. Въ этомъ обильномъ родникѣ черпали вдохновеніе монахи; между ними должны были раньше, или позже, явиться даровитые мастера. Художественныя школы, основанныя еще въ средніе вѣка при разныхъ монастыряхъ Италіи, не переставали трудиться. Такъ бенедиктинцы въ Монтекассино оживили упадавшую мозаику; доминиканцы много сдѣлали для церковнаго зодчества. Но съ особеннымъ усердіемъ занимались почти всѣ духовные ордена миніатюрными работами и расписываніемъ церковныхъ книгъ. Во Флоренціи этимъ искусствомъ славилась камальдольская община; къ ней принадлежалъ въ началѣ XV вѣка замѣчательный иконописецъ, по имени Лаврентій (Lorenzo Monaco); его манера сильно напоминаетъ учениковъ Джіотто. Около того же времени изъ школы миніатюристовъ вышелъ геніальный художникъ, Фра Беато Анджелико [1]).

Фамилія этого мастера неизвѣстна. Онъ родился въ 1387 г., недалеко отъ Флоренціи, въ селеніи Виккіо, носилъ имя Гвидо и, будучи еще двадцати лѣтъ отъ роду, записался послушникомъ въ доминиканскомъ монастырѣ городка Фьезоле. По принятіи монашескаго обѣта, ему было дано имя Джіованни. Зналъ ли онъ живопись съ дѣтства, рѣшить трудно. По всей вѣроятности, монахи дали ему окончательное воспитаніе. Но онъ не долго оставался въ Фьезоле, потому что доминиканцы переселились изъ этого города въ Кортону. Сюда, на южныя границы Тосканы,

---

[1]) Доказательствомъ тому служатъ, кромѣ иконъ, иллюминованныя книги этого мастера. Онѣ относятся, вѣроятно, къ произведеніямъ его молодости и довольно рѣдки. Кромѣ монастыря св. Марка, ихъ можно найти въ ризницахъ флорентинскаго и сіенскаго соборовъ.

послѣ Джіотто, рѣдко приходили флорентинскіе мастера. Фра Беато увидѣлъ передъ собою произведенія иной школы, занесенной, какъ мы упоминали, политическими бурями изъ Сіены. Путешествуя по городамъ Умбріи: Губбіо, Фолиньо, Ассизи и Перуджіи, Фра Беато, вѣроятно, познакомился съ тамошними мастерами. Между ними въ то время славились: Октавіанъ Нелли и Джентиле Фабріано (Gentile da Fabriano). Ихъ направленіе не имѣетъ ничего общаго съ направленіемъ Мазаччіо. Они мало изучáли анатомію, не заботились о выпуклости формъ и были далеки отъ натурализма. Типы у этихъ иконописцевъ однообразны, рисунки большею частью неправильны; позы и жесты неловки или натянуты; но за то они не имѣли соперниковъ въ изображеніи молитвы и благоговѣнія на лицахъ, рисовали съ неподражаемою прелестью женскія и дѣтскія головки, отличались нѣжнымъ колоритомъ и тонкимъ изяществомъ въ отдѣлкѣ украшеній. Вліяніе этой школы, до нѣкоторой степени, отразилось на Фра Беато: онъ заимствовалъ у ней свое идеальное, исключительно религіозное направленіе. Въ доказательство можно привести первые его образа и фрески, сохранившіяся, хотя и въ поврежденномъ видѣ, въ Кортонѣ и Перуджіи. Но и въ этихъ произведеніяхъ неопытной, еще робкой кисти, замѣтно вліяніе Джіотто и Органьи, которому мастеръ подчинился вѣроятно въ молодости. Возвратившись въ Фьезоле (1418), Фра Беато вполнѣ предался творчеству и сдѣлался самобытнымъ художникомъ. «Здѣсь, на высокомъ холму, въ виду Флоренціи,— говоритъ одинъ изъ его біографовъ, Маркезе,—началъ онъ разсыпать благоуханные цвѣты своего вдохновенія, собранные, какъ будто, въ раю, затворился въ келью отъ языческихъ модъ, ересей, расколовъ и волненій тогдашняго общества, создалъ для себя внутренній міръ и населилъ его ангелами, героями и святыми, съ которыми поперемѣнно бесѣдовалъ, молился и плакалъ». Такъ прошло восьмнадцать лѣтъ; въ 1436 г. открылось новое, широкое поприще для его дѣятельности: по ходатайству Козьмы Медичи, доминиканцевъ перевели во Флоренцію въ монастырь св. Марка. Микелоцци было поручено отстроить, а Фра Беато украсить фресками новую обитель. Въ 1442 г., папа Евгеній IV пріѣхалъ освящать ее и, по окончаніи этого торжества, пригласилъ смиреннаго монаха къ римскому двору [1]). Впослѣдствіи

[1]) Папа Евгеній IV, предлагалъ ему также мѣсто архіепископа во Флоренціи. «Я не чувствую въ себѣ способности управлять людьми,—возразилъ Фра Беато,—но могу указать вашему святѣйшеству на одного монаха въ нашей обители. Онъ — искренній другъ бѣдныхъ, человѣкъ умный, ученый, благочестивый, и вполнѣ достоинъ этого сана. Его назначеніе принесло бы пользу церкви». Это былъ извѣстный въ-

Фра Беато ѣздилъ въ Орвіето расписывать тамошній соборъ, но скоро опять былъ отозванъ Николаемъ V для украшенія Ватиканской его капеллы и умеръ въ Римѣ (1455 г.).

Небогатая внѣшними событіями, посвященная всецѣло искусству, жизнь Фра Беато протекла мирно и безмятежно. Ни одному художнику простой народъ не высказывалъ такого сочувствія, какъ ему. Онъ слылъ между товарищами и во Флоренціи подъ именемъ праведника, блаженнаго (beato) или ангельскаго (angelico) и, дѣйствительно, вполнѣ былъ достоинъ этой репутаціи. Въ цѣлой исторіи искусства трудно кого-нибудь съ нимъ сравнивать. Вазари, критикъ, жившій во времена упадка религіозной живописи и, вообще, скупой на похвалы старымъ ея мастерамъ, не находитъ словъ для выраженія своего восторга отъ Фра Беато, и думаетъ, что «такіе безсмертные образы красоты нельзя приписывать одному таланту, или минутному вдохновенію, что создать ихъ могъ только человѣкъ, исполненный вѣры, любви и мира!» Дѣйствительно, личный характеръ Фра Беато вполнѣ соотвѣтствовалъ его идеальнымъ произведеніямъ. Душа его была чиста и возвышенна, какъ душа первыхъ христіанъ: она не знала низкихъ помысловъ; на нее не дѣйствовали соблазны, окружающіе художника даже въ лучшія времена. Вотъ какъ описываетъ Вазари этого единственнаго, неподражаемаго изъ мастеровъ флорентинской школы: «Фра Беато былъ простъ, наивенъ и набоженъ до такой степени, что, когда папа пригласилъ его завтракать, не рѣшился ѣсть мяса безъ благословенія настоятеля, забывъ о верховной власти первосвященника, — чуждался свѣтскихъ развлеченій и всю жизнь столько помогалъ бѣднымъ, что душа его, мнѣ кажется, должна быть на небѣ. Онъ писалъ почти безъ отдыха, исключительно религіозныя картины. Онъ могъ бы нажить состояніе, но презиралъ деньги и говорилъ, что истинное богатство заключается въ довольствѣ; онъ могъ бы пріобрѣсти высокій санъ, но не хотѣлъ, полагая, что повиновеніе легче власти и не влечетъ за собою такой отвѣтственности за ошибки. Да и нужны ли ему были какія-нибудь почести на землѣ, когда онъ думалъ о небѣ и признавалъ отличія или достоинства между людьми только въ будущей жизни? Кроткій и трезвый, онъ хранилъ цѣломудріе, будучи убѣжденъ, что живописуя подвиги Спасителя, нужно пребывать съ нимъ, — никогда не ссорился съ братьями (качество, по моему мнѣнію, недостижимое!) и дѣлалъ имъ увѣщанія съ

исторіи западной церкви Антонинъ. Папа послѣдовалъ совѣту художника и поручилъ его избраннику духовную паству во Флоренціи.

улыбкой. Если къ нему являлись заказчики, онъ съ ними не торговался, а отсылалъ ихъ къ настоятелю и съ его благословенія садился за работу, какъ слуга церкви. Вообще этотъ отецъ былъ, и на словахъ и на дѣлѣ, образцомъ смиренія и непритязательности. Неудивительно, что у него святые больше похожи на святыхъ, чѣмъ у другихъ художниковъ. Между тѣмъ, полагаясь на талантъ, полученный имъ отъ воли божіей, онъ никогда не поправлялъ своихъ фигуръ и не трогалъ однажды конченной картины. Говорятъ даже, будто онъ не брался за кисть, не сотворивъ молитвы, а когда писалъ распятаго Спасителя, не могъ воздержаться отъ слезъ и рыданій. Вотъ почему высокая и теплая вѣра христіанина горитъ и блистаетъ на картинахъ этого мастера [1])». Произведенія Фра Беато довольно многочисленны и разсѣяны, кромѣ городовъ средней Италіи, по картиннымъ галлереямъ Англіи, Франціи и Германіи. Особенно замѣчательны его фрески въ залахъ, кельяхъ и корридорахъ монастыря св. Марка во Флоренціи. Здѣсь путешественникъ находитъ: благовѣщеніе, поклоненіе волхвовъ, вѣнчаніе Богоматери, посѣщеніе гроба и нѣсколько распятій; фрески эти такъ свѣжи, какъ будто недавно окончены. Трудно найти человѣка, который бы не поддался ихъ обаянію. Каждая картина безподобнаго мастера есть живописная молитва и влечетъ къ себѣ даже холоднаго скептика, какъ свѣтлое воспоминаніе дѣтства, или сладкое видѣніе юности. По вѣрному замѣчанію Гримма, есть что-то эѳирное, неземное въ кисти Фра Беато. Особенно удавались ему лица ангеловъ и праведниковъ: выраженіе ихъ неуловимо и не можетъ быть передано въ копіи самымъ искуснымъ художникомъ нашего времени; ни Рафаэль, ни Леонардо не произвели ничего въ этомъ родѣ. Тоже нужно замѣтить о его Мадоннахъ: одна изъ нихъ прекраснѣе другой и каждая носитъ дѣвственный, непорочный образъ. Но самый обильный источникъ вдохновенія для Фра Беато представляло распятіе. При разработкѣ этого предмета онъ обнаружилъ не только самостоятельность, но какую-то чрезвычайную силу, именно изобразилъ въ чертахъ Христа не страданіе, а преданность человѣчеству и полную покорность судьбѣ. Высокій подвигъ искупленія должно быть, глубоко трогалъ Анджелико и настроилъ его кисть къ недосягаемому творчеству. Онъ, можно сказать, создалъ въ искусствѣ идеалъ самопожертвованія. Замѣчательно, что для своего

---

[1]) По словамъ Маркезе, новаго біографа Фра Анджелико, Вазари заимствовалъ подробности этой характеристики у людей, которые коротко знали смиреннаго монаха и вмѣстѣ съ нимъ работали.

идеала вдохновенный мастеръ умѣлъ найти художественныя формы и слегка склонивъ голову Христа, сообщилъ его тѣлу самые пропорціональные размѣры и естественное положеніе. Джіотто, при всемъ строго-религіозномъ характерѣ его распятій, не выдержитъ сравненія съ Фра Беато. Позднѣйшая исторія живописи также не представляетъ подобныхъ образцовъ. Новыя, трагическія стороны этого предмета были открыты испанскимъ живописцемъ Веласкесомъ, да отчасти Рубенсомъ и фанъ-Дейкомъ, но кротость на челѣ Іисуса не изобразилъ никто съ такимъ совершенствомъ. Одна нѣжная душа Мурильо могла въ нѣкоторой степени приблизиться къ Фра Беато и освѣтить небесный ликъ Распятаго золотистымъ свѣтомъ.

Что касается до иконъ Анджелико, онѣ стоятъ далеко ниже стѣнной его живописи, и сильно напоминаютъ манеру Джіотто, несмотря на оригинальность и тщательность въ отдѣлкѣ подробностей. Здѣсь мы видимъ передъ собою византійскаго миніатюриста съ его односторонними качествами и привычками. Нужно замѣтить, впрочемъ, что на многихъ иконахъ больше стерлись краски, чѣмъ на фрескахъ, и самыя лица сильно пострадали. Главные недостатки этихъ произведеній—неправильность рисунка и однообразіе въ постановкѣ фигуръ; мысль о впечатлѣніи на зрителя или о такъ-называемомъ эффектѣ, кажется, вовсе не приходила въ голову Фра Беато. Онъ не обдумывалъ композиціи, не разсчитывалъ математически размѣровъ иконы, даже не опредѣлялъ предварительно всѣхъ подробностей, разработывая свою тэму. Анатомія и перспектива также ему неизвѣстны: онъ считалъ грѣхомъ смотрѣть на наготу. Все его вниманіе какъ будто сосредоточено на человѣческомъ лицѣ и слабѣетъ при переходѣ къ другимъ частямъ тѣла. Онъ не даетъ своимъ фигурамъ выпуклой формы; не освѣщаетъ и не оттѣняетъ ихъ ученымъ образомъ, какъ Мазаччіо, даже не стремится быть вѣрнымъ природѣ съ формальной стороны. Наконецъ Фра Беато рѣшительно не умѣетъ передавать темныя побужденія и пороки человѣка. Это замѣтно у него отчасти на фрескахъ, а еще болѣе на иконахъ. Въ доказательство можно привести страшный судъ, который онъ, повидимому, любилъ изображать. Въ академіи художествъ, во Флоренціи, сохранилась одна изъ многочисленныхъ его картинъ въ этомъ родѣ; на ней можно наблюдать только дѣтскую невинность, безпристрастіе и простодушіе великаго художника. Помѣщая въ аду цѣлыя толпы папъ и монаховъ, онъ ставитъ своихъ грѣшниковъ въ странныхъ и смѣшныхъ, чтобы не сказать, уродливыхъ позахъ. Вообще Фра Беато великъ и недосягаемъ среди небесныхъ группъ, въ кругу анге-

ловъ и праведниковъ; но, спускаясь въ обыденную жизнь, часто рисуетъ, самъ того не зная, каррикатуры. Тѣмъ удивительнѣе, что этотъ человѣкъ, при всей своей отсталости отъ современной манеры, при рѣзкихъ неровностяхъ кисти и очевидныхъ ошибкахъ въ техникѣ, достигъ въ религіозной живописи такого, завиднаго для всѣхъ художниковъ, совершенства. Должно быть, много значитъ самородный талантъ и неподдѣльное вдохновеніе! Ни того, ни другого, къ несчастію, не можетъ подарить наука. На свѣтѣ нѣтъ школъ, гдѣ бы людямъ открывали тайну творчества; даже въ лучшія времена рѣдко раждаются мастера, искренно преданные своему дѣлу и способные обливать картину святыми и чистыми слезами, какъ Фра Анджелико. Дюжинный, промышленный художникъ чаще плачетъ отъ неудачи и оскорбленнаго самолюбія, чѣмъ молится отъ глубины сердца, сознавая свое безсиліе и благоговѣя передъ величіемъ предмета.

Въ ватиканскомъ дворцѣ, недалеко отъ сикстинской капеллы, украшенной могучею кистью Микель-Анджело, есть небольшая молельня папы Николая V; Фра Беато, уже будучи старикомъ, расписалъ ее фресками. Какой контрастъ между этими двумя художниками! Одинъ терзаетъ душу страшными образами, исторгнутыми у природы; другой затрогиваетъ человѣческія чувства и даетъ взволнованному воображенію желанный миръ. Фрески Анджелико, посвященныя событіямъ изъ жизни св. Лаврентія и первомученика Стефана, довольно сходны по содержанію. Двѣ, лучшія изъ нихъ, изображаютъ раздачу милостыни. Трудно описать неподражаемую прелесть нищенскихъ группъ на этихъ картинахъ. Между тѣмъ какъ Мазаччіо, разработывая подобный сюжетъ въ придѣлѣ Бранкаччи, видимо желалъ сгладить непріятное впечатлѣніе рубищъ и далъ своимъ бѣднякамъ величественныя или смѣлыя позы, Фра Беато рисуетъ бѣдность просто, какъ она есть, только безъ грязи. Нѣкоторыя его фигуры доказываютъ, что онъ умѣлъ подмѣтить и ту застѣнчивую скромность, которая стыдится просить, и ту нѣмую благодарность, что лучше всякихъ словъ и поклоновъ. Вообще, кисть Фра Беато не ослабѣла въ старости; видно даже, что къ концу жизни онъ нѣсколько подвинулся впередъ, именно: усовершенствовалъ свою перспективу и началъ обдумывать сложныя композиціи.

Въ той-же молельнѣ есть его картина, на которой толпа народа, слушающая проповѣдь св. Стефана, размѣщена мастерски, какъ у лучшихъ послѣдователей натуральной школы. Не менѣе выразительна фигура самого проповѣдника.

Могила Фра Беато находится въ Римѣ, въ одномъ изъ корридоровъ церкви Маріи sopra Minerva. Папа Николай V самъ

поставилъ ему скромный памятникъ и сочинилъ надгробную надпись, которая вѣрно и трогательно напоминаетъ христіанскіе подвиги несравненнаго мастера: «Не въ томъ моя слава,— гласитъ эпитафія,—что былъ я вторымъ Апеллесомъ, а въ томъ, что всѣ заработки твоимъ, Христе, бѣднякамъ отдавалъ; одни мои дѣла на землѣ, другія на небѣ. Имя мнѣ Іоаннъ; пришелъ я изъ города, что̀ цвѣтетъ въ Этруріи [1])».... Здѣсь-же, на камнѣ вырѣзана монашеская фигура старика въ доминиканскомъ костюмѣ, а подъ нею начальными буквами помѣчено, чей здѣсь покоится прахъ. Въ самой церкви стоитъ прекрасный образъ Благовѣщенія, на золотомъ фонѣ, напоминающій божественную кисть Фра Беато. Онъ писанъ, по всей вѣроятности, его ученикомъ Беноццо Гоццоли, который тогда былъ вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ въ Римѣ.

Другихъ послѣдователей Анджелико почти не имѣлъ во Флоренціи: тамъ пріобрѣла вѣсъ въ то время натуральная школа, основанная Мазаччіо. Самъ Беноццо подчинился мало-по-малу ея вліянію и вмѣстѣ съ этимъ утратилъ эстетическое чувство, несмотря на то, что работалъ больше для Умбріи, чѣмъ для родного города. Вообще, въ произведеніяхъ этого подражателя Фра Беато господствуетъ неудачный, можно сказать даже, уродливый эклектизмъ: изображенія ангеловъ и святыхъ онъ нерѣдко заимствуетъ у Анджелико; въ постановкѣ обыкновенныхъ группъ и фигуръ старается подражать натуралистамъ. Небрежность рисунка и поспѣшность работы, повидимому, сильно вредила Беноццо. Переживъ своего наставника, онъ, подобно ученикамъ Рафаэля, съ каждымъ годомъ падалъ и наконецъ дошелъ до посредственности. Только первыя его произведенія носятъ на себѣ какой-то отблескъ красоты и замѣчательны богатствомъ

[1]) Non mihi sit laudi quod cram velut alter Apelles,
Sed quod lucra tuis (pauperibus?) omnia, Christe, dabam:
Altera nam terris opera extant; altera coelo,
Urbs me, Johannem, flos tulit Etruriae.

Кромѣ Вазари жизнь и художественная дѣятельность Фра Беато превосходно описана Маркезе въ его: Memorie dei più insegni pittori, scultori e architetti Dominicani: Firenze, 1845, I, 172. Извлеченія изъ этой книги можно найти въ статьѣ г. Чижова (Русская Бесѣда, 1856, кн. IV). Жаль только, что г. Чижовъ присоединилъ къ біографіи Анджелико свои разсужденія, направленныя противъ западной живописи вообще, и начерталъ славянофильскую теорію искусства, въ силу которой художники должны смиренно подражать византійскимъ иконописцамъ и навсегда отречься отъ личнаго творчества, во имя преданій старины. Эта теорія понятна, конечно, немногимъ избраннымъ, для которыхъ и предназначена. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще, что критическая статья Ферстера о Фра Анджелико переведена на русскій языкъ въ Уваровскомъ сборникѣ московскаго общества любителей художествъ.

воображенія; прочія могутъ интересовать любителей искусства развѣ нѣкоторыми подробностями. У Беноццо, напр., видна тщательная отдѣлка ландшафта и встрѣчаются трудныя анатомическія позы.

Совершенную противоположность по личному характеру и художественному направленію съ Фра Беато, представляетъ другой живописецъ изъ монаховъ, Филиппъ Липпи (1412—69). Жизнь его полна соблазнительныхъ приключеній и не дѣлаетъ чести нравамъ тогдашняго духовенства. Оставшись съ дѣтства сиротою, онъ былъ призрѣнъ въ монастырѣ del Carmine, поступилъ въ число братіи, не чувствуя къ тому ни малѣйшаго призванія, и скоро обнаружилъ самыя развратныя наклонности. Церковныя власти смотрѣли сквозь пальцы на его поведеніе, благодаря покровительству, которое оказывали ему Медичи. По словамъ Вазари, въ молодости онъ удачно подражалъ Мазаччіо; но эти произведенія не сохранились до нашего времени. Съ семнадцати лѣтъ Липпи бросилъ мастерскую и принялся за самостоятельныя работы. Легкость и нѣжность кисти въ соединеніи съ блестящимъ колоритомъ вполнѣ объясняютъ причины сочувствія къ нему въ высшемъ флорентинскомъ обществѣ. Подобно Фра Беато, онъ избиралъ исключительно предметы религіознаго содержанія, но смотрѣлъ на нихъ вовсе не съ идеальной точки зрѣнія, а глазами свѣтскаго и притомъ веселаго человѣка. Особенно нравились публикѣ его Мадонны, подъ видомъ которыхъ онъ изображалъ извѣстныхъ въ городѣ красавицъ, драпируя ихъ въ великолѣпныя одежды. Между ними одна носитъ на себѣ черты молодой бѣлицы, Лукреціи Бути, которую Липпи безстыдно похитилъ изъ женскаго монастыря въ гор. Прато, гдѣ расписывалъ церкви. Напрасно настоятельница и сестры обители пытались отнять эту дѣвушку у развратнаго монаха. Онъ вступилъ съ нею въ открытую связь, выхлопоталъ-было черезъ Медичи у папы разрѣшеніе оставить духовное званіе и жениться, но потомъ раздумалъ и бросилъ свою жертву, когда она ему надоѣла. По словамъ біографовъ, любовныя интриги и приключенія Липпи безпрестанно подавали поводъ къ скандаламъ. Нѣсколько разъ онъ былъ принужденъ скрываться отъ грозившей ему мести и побоевъ у друзей своихъ Медичи, которые, забавляясь его остротами, вмѣстѣ съ тѣмъ удерживали его отъ излишествъ. Наконецъ необузданная натура довела Липпи до гибели: онъ былъ отравленъ въ Сполето родственниками одной, обольщенной имъ, женщины. Незаконный его сынъ, Филиппино, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ живописцевъ второй половины XV вѣка. Самыя интересныя

фрески Липпи сохранились въ соборной церкви гор. Прато. Предметомъ ихъ служатъ событія изъ жизни Іоанна Крестителя и первомученика Стефана. Эти произведенія, несмотря на изящныя формы и свѣжесть колорита, не возбуждаютъ религіознаго или нравственнаго чувства въ зрителѣ: фигурамъ праведниковъ Липпи еще придаетъ энергію и нѣкоторое величіе; но женскія лица изображаетъ чувственными и пошлыми. Грубыя наклонности мастера, быть можетъ, невольно отразились на этихъ лицахъ. Преданіе говоритъ, что подъ чертами пляшущей Иродіады скрывается извѣстная Лукреція, а подъ видомъ ангеловъ представлены ея поклонники, шаловливые молодые люди. Кромѣ того Липпи помѣстилъ на фресвахъ, для потѣхи толпы, портреты тосканскихъ воровъ и разбойниковъ. Во всемъ этомъ высказывается реальный и даже юмористическій взглядъ мастера на искусство. Если бы Липпи избралъ не церковь, а другое мѣсто для своей дѣятельности и сюжеты изъ области жанра, подобное направленіе было-бы понятно и законно. Но самые крайніе защитники свободы творчества согласятся, что художникъ долженъ обуздывать свою фантазію уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, когда онъ дѣлаетъ ихъ главнымъ предметомъ и цѣлью творчества, или обязанъ по крайней мѣрѣ сообразоваться съ желаніями и понятіями вѣрующихъ, для которыхъ онъ работаетъ. Въ этомъ смыслѣ Липпи нерѣдко выходилъ изъ границъ церковной живописи и давалъ большой просторъ своимъ личнымъ прихотямъ. Какъ любимцу Медичи, ему, разумѣется, все прощалось. Вѣроятно, отъ него ведетъ начало школа художниковъ, поставляющихъ главную задачу искусства не въ служеніи народу, а въ потворствѣ эпикурейскимъ наклонностямъ зажиточныхъ классовъ. Поданный имъ дурной примѣръ оказался не слишкомъ вреднымъ для Флоренціи только потому, что тамошняя публика, имѣя передъ собою высокіе образцы Мазаччіо и Фра Беато, могла устоять противъ опаснаго соблазна. Позже и въ другихъ мѣстахъ Липпи нашелъ цѣлыя толпы усердныхъ подражателей. Въ чистую область религіознаго искусства мало-по-малу была занесена грязная примѣсь человѣческихъ слабостей и пороковъ. Еще болѣе пріобрѣли значеніе такъ-называемые скоромные сюжеты въ живописи свѣтской. Впрочемъ, Липпи не всегда увлекался крайностями грубаго реализма. Многія изъ его произведеній были, вѣроятно, написаны въ свѣтлые промежутки и безъ грѣшныхъ мыслей; другія утратили, по крайней мѣрѣ, для насъ свой шуточный характеръ. Съ технической стороны этотъ мастеръ очень эффектенъ, краски его нѣжны, очертанія тонки, только движенія и позы

нѣсколько жеманны. Эти качества можно замѣтить и на послѣднихъ его фрескахъ въ Сполетскомъ соборѣ. Любимый ученикъ Липпи, Боттичелли, заимствовалъ у него, какъ достоинства, такъ и недостатки, именно: изящный колоритъ въ соединеніи съ манерностью и кокетствомъ.

Изъ великихъ художниковъ, по словамъ Вазари, Микель-Анджело особенно цѣнилъ талантъ Липпи, подражалъ ему въ драпировкѣ женскихъ фигуръ и даже воспроизвелъ нѣкоторые его типы.

Филиппомъ Липпи заканчивается длинный рядъ флорентинскихъ мастеровъ первой половины XV вѣка. Трудно отрицать блестящія дарованія и заслуги этихъ людей: они быстро подвинули впередъ почти всѣ отрасли искусства и притомъ въ разныхъ направленіяхъ; каждый изъ нихъ стремился къ самостоятельности и передалъ ученикамъ что-нибудь новое. До конца пройденнаго періода флорентинская школа была совершенно чужда рутины и не носила на себѣ того неизмѣннаго, мѣстнаго или національнаго типа, которымъ запечатлѣлись рано другія школы. Въ произведеніяхъ Альберти и Брунеллески, Гиберти и Донателло, Анджелико и Мазаччіо замѣтно мало сходства. Они не подражали другъ другу, но трудились по внушенію собственнаго таланта, заимствуя у наставниковъ основные техническіе пріемы, да немногіе, лучшіе образцы. Такая свобода творчества встрѣчается рѣдко въ исторіи и возможна только при самыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ. Эти условія счастливо соединились во Флоренціи, когда, достигнувъ политическаго и промышленнаго первенства надъ другими общинами Тосканы, она сдѣлалась средоточіемъ итальянскаго просвѣщенія. Художественные центры, какъ извѣстно, возникаютъ большею частью помимо воли правительствъ и не во всякомъ столичномъ, торговомъ или приморскомъ городѣ. Дворъ, аристократія и богачи еще не могутъ создать той нравственной и общественной атмосферы, которая производитъ и питаетъ великихъ мастеровъ. Правда, въ этой избранной средѣ дарованіе вызываетъ, какъ всякая новинка, мимолетное удивленіе и горячее любопытство; но, когда пройдетъ первый порывъ восторга, она становится къ нему совершенно равнодушною. Трудъ въ ея глазахъ есть презрительное достояніе бѣдности, вполнѣ вознаграждаемое деньгами; произведенія кисти и рѣзца служатъ для нея больше забавою, чѣмъ потребностью; въ зодчествѣ она ничего не ищетъ, кромѣ удобства и наружнаго блеска. Гдѣ люди исключительно

поклоняются породѣ, капиталу и другимъ, болѣе случайнымъ, преимуществамъ, тамъ еще нѣтъ теплаго мѣста или приволья ни для искусства, ни для умственной жизни вообще. Только народъ свободный и просвѣщенный во всѣхъ его слояхъ, отъ высшихъ классовъ до низшихъ, способенъ глубоко уважать талантъ и трудъ, настроить къ постоянной дѣятельности мысль и фантазію, пробудить вдохновеніе и творчество. Такими именно качествами отличалась флорентинская публика XIV и XV стол. Большинство ея состояло изъ людей, которые сами возвысились личными способностями и трудомъ, а потому цѣнили не столько знатность и мертвые капиталы, сколько предпріимчивость и энергію. Праздность тогда не была терпима во Флоренціи; роскошь преслѣдовалась обычаями и строгими законами; богачи и бѣдняки вели жизнь рабочую. Неудивительно, что искусство нашло для себя самый надежный пріютъ и главный питомникъ въ этомъ городѣ. Сами мастера чувствовали къ нему невольное влеченіе и любовь. Имъ было веселѣе и отраднѣе дышать здѣсь, чѣмъ въ другихъ городахъ, гдѣ они испытывали пустоту и одиночество. Поселяясь среди свободнаго и развитаго народа, они слышали обо всемъ, что происходило великаго на свѣтѣ, бесѣдовали съ мыслящими людьми объ искусствѣ и наукѣ и слѣдовательно шли въ уровень съ вѣкомъ. Флорентинская публика относилась съ терпимостью и радушіемъ ко всѣмъ талантамъ, позволяла высказаться каждому направленію, ни у кого не отнимала ни средствъ къ дѣятельности, ни надежды на успѣхъ. Ей не приходило въ голову стѣснять или опутывать вдохновеніе и творчество нелѣпыми требованіями такъ-называемаго господствующаго вкуса. При всей подвижности своего характера, флорентинцы не поклонялись модѣ, не имѣли претензіи давать тонъ или манеру, предписывать какіе-нибудь законы и правила изящнаго, выдуманные педантами, и были чужды капризовъ и припадковъ, свойственныхъ избалованнымъ аристократамъ и деспотамъ. Напротивъ того, они владѣли, какъ истинные знатоки и любители искусства, всѣми качествами, необходимыми для здоровой и полезной критики, именно: соединяли справедливость съ доброжелательствомъ, отгадывали тонкимъ чутьемъ размѣры каждаго дарованія и усердно заботились о томъ, чтобы оно не сбилось съ прямой дороги и не вышло изъ своихъ границъ. Слава въ этомъ городѣ не пріобрѣталась даромъ, безъ усилій, но и не терялась безъ вины, по прихоти и произволу публики; художественное произведеніе не принималось на вѣру, не цѣнилось на обумъ, по первому впечатлѣнію толпы, но обсуживалось съ толкомъ, при участіи опытныхъ, свѣдущихъ и безпристрастныхъ

людей. Имѣя передъ собою еще съ давнихъ временъ разнохарактерные образцы зодчества, ваянія и живописи, флорентинцы могли сопоставлять, сравнивать и взвѣшивать достоинства и недостатки каждаго мастера. Обмануть и подкупить ихъ ложными признаками или блестками превосходства было невозможно. Нигдѣ мастерамъ не приходилось слышать противъ себя столько насмѣшекъ и злыхъ остротъ, какъ во Флоренціи; но на ряду съ шутками и гораздо въ бо̀льшемъ количествѣ расходились по городу умныя замѣчанія и разборчивые приговоры. Мастера нерѣдко испытывали на себѣ скаредность купечества, даже сносили отъ черни и уличныхъ мальчишекъ непріятныя прозвища за свои ошибки и неудачи, но, если производили что-нибудь великое, смѣло разсчитывали на успѣхъ. Флорентинскій народъ привѣтствовалъ созданія геніальныхъ людей общимъ и неподдѣльнымъ восторгомъ. Этотъ восторгъ выражался стихотвореніями, лавровыми вѣнками, праздниками, торжественными процессіями, и, что̀ всего дороже — искреннимъ участіемъ къ дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности художника [1]). Однажды составивъ себѣ имя и репутацію, онъ могъ смѣло идти впередъ: завистливая посредственность боялась вести противъ него интриги и подкопы. Эти средства, безсильныя при свѣтѣ и гласности, были пущены въ ходъ позже, когда установилась система оффиціальнаго покровительства искусству, когда мастера были принуждены заискивать милостей при дворѣ и у вліятельныхъ лицъ. Меценатство Козьмы Медичи можно разсматривать, какъ первый шагъ къ новой системѣ. Къ счастію, оно не повредило разомъ свободѣ творчества, такъ какъ имѣло характеръ простой рекомендаціи и заступничества, а не самовластнаго вмѣшательства. Козьма отдавалъ исключительно своимъ любимцамъ тѣ работы, которыя самъ же оплачивалъ, — да при случаѣ ходатайствовалъ за нихъ передъ своими друзьями. Что-же касается до работъ, предпринимаемыхъ общиною, гильдіями и независимыми корпораціями, — здѣсь господствовала система открытаго состязанія, которая не только мѣшала мастерамъ глохнуть и предаваться апатіи, но въ высшей степени изощряла ихъ изобрѣтательность и поддерживала между ними благородство и прямоту отношеній. Вполнѣ увѣренные, что во Флоренціи талантъ и трудъ всегда одержатъ побѣду, они покорялись

---

[1]) У Вазари помѣщено между прочимъ множество сонетовъ, надписей, эпитафій, посвященныхъ мастерамъ Флоренціи, или написанныхъ въ честь новой картины, статуи и пр. Частью сами мастера отвѣчали на восторгъ публики стихотвореніями. Многіе изъ нихъ, какъ извѣстно, были замѣчательными поэтами.

безропотно справедливому приговору тамошней публики и цѣнили его выше всякихъ почестей. Такъ Донателло, засыпанный въ Падуѣ деньгами, похвалами и лестью, не захотѣлъ поселиться навсегда въ этомъ городѣ: ему было душно внѣ Флоренціи. «Дома, — писалъ онъ, — хотя и видятъ недостатки въ моихъ произведеніяхъ, но за то безпрестанно подвигаютъ меня впередъ къ новымъ трудамъ»! Онъ, очевидно, привыкъ къ публичному соревнованію, какъ рыба къ водѣ, и понималъ, что оно ему нужно и полезно. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ художникъ безъ достойной его публики? Чѣмъ приходится ему быть тамъ, гдѣ онъ не имѣетъ нравственной опоры въ просвѣщенномъ обществѣ? Поденщикомъ прихоти, слугою богача или, что̀ еще печальнѣе, чиновникомъ. Этой тяжкой участи флорентинскіе мастера избѣгали дома, гдѣ надъ ними не было другой власти, кромѣ народа, другого закона, кромѣ публичнаго состязанія, другого авторитета, кромѣ приговора свѣдущихъ и преданныхъ искусству людей. Пока эти условія не измѣнились, даже иноземцы чувствовали притягательную силу Флоренціи и находили здѣсь для себя широкій просторъ и приволье. Молодымъ мастерамъ она служила школою; зрѣлымъ открывала возможность развивать и совершенствовать таланты. Кто работалъ изъ-за денегъ, тотъ напрягалъ усилія, чтобы получить самые дорогіе заказы; кто имѣлъ высшія побужденія, заботился о томъ, чтобы создать или увеличить свою репутацію. Въ самомъ воздухѣ Флоренціи, по словамъ Вазари, было что-то электрическое. Мастера невольно подчинялись его вліянію и наперерывъ другъ передъ другомъ искали чести и славы. Никто изъ нихъ не хотѣлъ быть похожимъ на соперника; каждый стремился превзойти самого себя. «Кому нравится застой и рутина, пусть ѣдетъ вонъ отсюда! восклицаетъ тотъ-же историкъ:—Флоренція, какъ время, рушитъ и уноситъ все, что̀ клонится къ упадку».

Но, несмотря на полную свободу творчества, свѣтская живопись и скульптура развивались во Флоренціи слабо и медленно. Иначе и быть не могло при религіозномъ настроеніи тогдашняго общества. Народъ флорентинскій, хотя и не отличался такою безусловною преданностью католицизму и папской власти, какъ жители сосѣдней Умбріи, но до половины XV вѣка твердо хранилъ христіанскія чувства и понятія. За исключеніемъ немногихъ людей скептическаго образа мыслей въ высшемъ кругу, масса его состояла изъ вѣрующихъ и находила въ библіи лучшіе идеалы истины, добра и красоты, отвѣтъ на всѣ нравственные вопросы. Чтобы отвѣчать народнымъ нуждамъ

и желаніямъ, искусство должно было посвятить себя на служеніе религіи. Изваянія и картины библейскаго содержанія заказывались тогда не только церквами и монастырями, корпораціями и гильдіями, но также частными лицами для украшенія домовъ, мебели и посуды. Флорентинцы долго почти не знали кабинетной или комнатной живописи и скульптуры иного рода. Миѳологическія и любовныя изображенія, пейзажъ и жанръ, введенныя впервые Уччелли, распространились уже къ концу XV стол., когда публика ознакомилась съ древними писателями,— а вполнѣ самостоятельными отраслями искусства сдѣлались еще позже, именно въ Венеціи, Испаніи и Голландіи. Даже отечественной исторіи флорентинскіе мастера отдѣльно не разрабатывали, а касались ея лицъ и событій изрѣдка, робко и осторожно, вѣроятно, не желая возбуждать народныхъ страстей. Въ самомъ дѣлѣ, близко связанная съ политикою, она была скользкою и опасною почвою для художника, такъ какъ напоминала партіямъ и отдѣльнымъ классамъ еще неоконченную между ними борьбу. Замѣчательно, что до половины XV вѣка ни синьоры, ни гильдіи не открывали для искусства этой заповѣдной области посредствомъ конкурсовъ и премій. Такимъ образомъ, пока Флоренція была свободна, ея мастера стояли совершенно въ сторонѣ отъ гражданскихъ бурь и волненій, не имѣли повода высказывать правительству рѣзцомъ и кистью ни оффиціальной преданности, ни оппозиціоннаго духа, и работали безъ мысли о томъ, чтобы поддерживать патріотизмъ, или угождать національному тщеславію. Отсюда, впрочемъ, никакъ не слѣдуетъ, что флорентинская школа отклонилась отъ дѣйствительной жизни, исторіи и природы. Религіозное искусство долго вмѣщало въ себѣ, какъ въ центрѣ, всѣ вѣтви свободнаго творчества. Основная задача старыхъ мастеровъ — истолкованіе народу священныхъ книгъ, христіанской философіи и поэзіи, — сама по себѣ весьма обширная, была понята ими глубоко и получила разностороннее развитіе. Такъ-называемый антропоморфизмъ есть неизбѣжный законъ религіознаго искусства. Въ силу этого закона сверхъестественное и символическое принимаетъ отъ рукъ художника земныя формы; чудесное становится человѣческимъ, отвлеченные догматы и доктрины поясняются живыми примѣрами. Реальное направленіе господствовало, какъ мы видѣли, еще со временъ Джіотто, во флорентинской школѣ, и увлекло почти всѣхъ ея представителей. Чѣмъ дальше шла она впередъ, тѣмъ свободнѣе себя чувствовала на своемъ широкомъ поприщѣ. Изъ мастеровъ XV вѣка Фра Анджелико былъ послѣднимъ богословомъ и византійцемъ; на прочихъ можно смо-

трѣть, какъ на мыслителей, или какъ на поэтовъ. Вдохновляясь притчами, сказаніями и поученіями ветхаго и новаго завѣта, они имѣли въ виду сдѣлать ихъ общедоступными, т. е. понятными не однимъ развитымъ людямъ, но и простому народу, а потому не держались строго буквы и обратили вниманіе предпочтительно на смыслъ повѣствуемыхъ событій. Библейскій текстъ служилъ для флорентинской школы руководствомъ, насколько относился къ существу предмета; въ разработкѣ подробностей, она слѣдовала преданіямъ, вводила эпизоды и даже допускала свободныя толкованія. Еще болѣе простора для творчества представляли легенды и миѳы изъ жизни отшельниковъ, мучениковъ и героевъ христіанства. Но, не имѣя притязаній на богословскую точность и строгость, мастера были проникнуты искреннею любовью къ своему дѣлу и, за рѣдкими исключеніями, сами вѣрили тому, чему учили вѣрить. Если теперь, черезъ триста слишкомъ лѣтъ, ихъ высокій энтузіазмъ сообщается разнохарактерной публикѣ XIX вѣка, — что же должна была чувствовать публика того времени? Событія св. Писанія какъ-бы происходили у ней передъ глазами и трогали ее до глубины души. Читая въ искусствѣ выраженіе своихъ задушевныхъ думъ, радостей и скорбей, она испытывала просвѣтительную его силу не меньше, а, можетъ быть, и больше, чѣмъ нынѣшніе люди испытываютъ вліяніе книгопечатанія; зодчество, живопись и скульптура, такъ сказать, воплощали для нея весь духовный міръ. Какъ нарочно, старые мастера владѣли удивительнымъ чутьемъ и тактомъ въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ. Вышедши, большею частью, изъ рядовъ простого народа, они хорошо знали его наклонности и нравы, вполнѣ отгадывали, что способенъ онъ принять близко къ сердцу, чему расположенъ сочувствовать. Семейныя сцены, которыми такъ изобилуетъ библія, служили для этихъ мастеровъ неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія; не менѣе обильные матеріалы представляла имъ гражданская или общественная сторона религіи.

Между тѣмъ какъ умбрійская школа старалась уловить формы небесной красоты, святости и непорочности, тайныя чувства, одинокія молитвы и аскетическіе восторги отшельниковъ, — Гиберти, Донателло и Мазаччіо повѣствовали о подвигахъ основателей и учителей вѣры, славили ихъ правдивыя отношенія къ людямъ, самопожертвованіе въ виду народныхъ бѣдствій, безстрашіе передъ личными врагами и тиранами, презрѣніе къ опасностямъ, твердость среди мірскихъ искушеній. Кромѣ Фра Беато, который, подобно умбрійскимъ мастерамъ, былъ особенно силенъ въ изображеніи страдательныхъ фигуръ

и нѣмыхъ группъ, — всѣ флорентинскіе живописцы подмѣчали и схватывали до малѣйшихъ оттѣнковъ дѣятельныя качества души, игру человѣческихъ чувствъ, борьбу страстей, контрасты характеровъ. Библейскія лица носятъ у нихъ натуральный, иногда весьма обыкновенный типъ, но за то производятъ впечатлѣніе живыхъ людей, исполненныхъ любви къ ближнему, принимающихъ участіе въ страданіяхъ и радостяхъ человѣчества. Какъ эстетическіе идеалы, они не поражаютъ вымышленною, изысканною красотою, но какъ нравственные образы, какъ общественные дѣятели, безукоризненны. Каждая черта ихъ физіономіи одушевлена и высказываетъ глубокую мысль, сильное чувство или энергическую волю; ихъ жесты и движенія искренни и благородны; самая поступь проникнута достоинствомъ и величіемъ. Замѣтно, что они взяты изъ доблестной среды. Подъ видомъ апостоловъ и мучениковъ флорентинскіе мастера нерѣдко выставляютъ великихъ и достойныхъ людей своего города: лучшаго способа почтить память предковъ тогда не знали, какъ сдѣлать ихъ участниками или свидѣтелями библейскихъ событій. Кромѣ того обычай дозволялъ заказчику и самому мастеру изображать себя, своихъ покровителей, наставниковъ, родныхъ и друзей, на обѣтныхъ иконахъ и фрескахъ, отдѣльно, въ благоговѣйныхъ позахъ, или между зрителями. Такимъ же возвышеннымъ характеромъ отличаются женскіе идеалы флорентинской школы. За исключеніемъ Филиппа Липпи, никто изъ старыхъ мастеровъ не поклонялся, какъ кумиру, чувственной красотѣ. Въ лицахъ Евы у Гиберти и св. Екатерины у Мазаччіо возведена въ перлъ созданія дѣвственная невинность; на изображеніяхъ Богоматери у Анджелико и Луки делла-Роббія блистаютъ всѣ совершенства чистой и любящей женской души; Донателло придаетъ своимъ праведницамъ достоинство и строгость римскихъ матронъ. Вообще эту благородную школу трудно упрекнуть въ нескромныхъ порывахъ фантазіи, въ умышленномъ оскорбленіи приличій и въ наклонности къ сладострастнымъ изображеніямъ. Даже въ XVI стол., когда вкусъ публики испортился и прочія школы подавали дурные примѣры, главные ея представители твердо держались своего серьёзнаго направленія; всего менѣе приходили въ голову пошлыя мысли старымъ мастерамъ. По ихъ понятіямъ, искусство должно было учить, а не забавлять и тѣшить народъ. Воспроизводя дѣйствительную жизнь, они отмѣрили сами для себя, съ помощью здраваго смысла и деликатности, ненарушимыя границы свободы. Животные инстинкты и отправленія человѣка имѣли въ ихъ глазахъ гораздо меньше интереса и цѣны, чѣмъ разумныя, нрав-

ственныя и сердечныя качества его природы. Всѣ свои усилія они устремили къ тому, чтобы проникнуть въ этотъ невѣдомый міръ. Но было-бы ошибочно заключить отсюда, что старые мастера не хотѣли ничего знать, кромѣ добродѣтелей. Они выводили на сцену людскіе пороки также часто, какъ и новые художники, только не прикрашивая изяществомъ ихъ наготы, иногда съ простодушной мыслью о предостереженіи противъ грѣха, чаще безъ всякой затаенной мысли. Фарисейство или ханжество было столько-же далеко отъ нихъ, сколько упоеніе чувственною грязью и непристойностями.

Неудивительно, что старые мастера, понимавшіе такъ высоко свое призваніе, имѣли большой вѣсъ и были окружены почетомъ во Флоренціи. Между тѣмъ, по своему общественному положенію и быту они ничѣмъ не отличались отъ простыхъ работниковъ и не пользовались сословными привилегіями. До какой степени нѣкоторые изъ нихъ были бѣдны и безкорыстны, мы упоминали прежде. Случаи избранія зодчихъ и скульпторовъ въ члены синьоріи встрѣчаются рѣдко, какъ и примѣры ихъ возведенія въ высшія гильдіи; для этого требовались особыя заслуги или отличія передъ государствомъ [1]); даже къ среднимъ гильдіямъ были приписаны, по происхожденію и роду занятій, немногіе мастера; прочіе были членами такъ-называемаго общества св. Луки. Уставы этой корпораціи начертаны во второй половинѣ XIV столѣтія (1386). Отнесенная къ разряду низшихъ гильдій, она не всегда принимала участіе въ политическихъ дѣлахъ. Кромѣ живописцевъ, сюда принадлежали лакировщики, позолотчики и всѣ ремесленники, которые употребляли для своихъ произведеній рисунки или краски. Центромъ дѣятельности мастера была въ то время не академія, даже не кабинетъ или студія, а открытая лавка (bottega), гдѣ онъ выставлялъ образцы своего искусства и обыкновенно самъ помѣщался съ семействомъ. Но при дешевизнѣ и незатѣйливыхъ требованіяхъ тогдашней жизни, художественный трудъ окупался вполнѣ и нерѣдко съ избыткомъ. Главные матеріалы, орудія и пособія мастеръ находилъ внутри страны. Мраморъ и камень превосходнаго качества можно было достать изъ Тосканы и сосѣдней Каррары; краски большею частью употреблялись недорогія и готовились дома. Итакъ, блестящіе успѣхи искусства во Флоренціи нельзя приписывать исключительно роскоши или сибаритскимъ привычкамъ жителей. Искусство это было не заноснымъ, а туземнымъ искусствомъ, пита-

---

[1]) Такъ Брунеллески и Гиберти достигли этихъ высокихъ почестей уже къ концу своей жизни.

лось не милліонерами, а цѣлымъ народомъ. Правда, флорентинцы XV вѣка владѣли большими капиталами; но развѣ капиталисты непремѣнно и вездѣ склонны тратить деньги на художественныя произведенія? На свѣтѣ есть не мало другихъ наслажденій и удобствъ, которыми богатый человѣкъ часто вполнѣ довольствуется. Даже въ нынѣшнее время, несмотря на вліяніе просвѣщенія, эстетическаго вкуса и моды, большинство зажиточныхъ классовъ живетъ и проживаетъ свой вѣкъ безъ картинъ и статуй, а цѣнитъ гораздо выше театръ, легкую литературу, да нѣкоторыя практическія науки. Напротивъ, флорентинцы питали къ зодчеству, ваянію и живописи какую-то общую и сильную страсть. Она покажется намъ непонятнымъ капризомъ, если упустить изъ виду ея внутреннія, психологическія причины. Искусство всего легче крѣпнетъ и пускаетъ корни, обращается въ нравственную потребность цѣлаго общества и каждаго гражданина именно тогда, когда подспорьемъ ему служатъ народныя вѣрованія, когда оно поддерживается и согрѣвается религіею. Ничто, кромѣ истиннаго энтузіазма, не въ силахъ пробудить вдохновенія и художественной дѣятельности. Красота, какъ доказываетъ исторія, прежде чѣмъ сдѣлалась земною, носила божественный образъ; эстетическіе или художественные идеалы вырабатывались обыкновенно изъ идеаловъ религіозныхъ. Возьмемъ въ примѣръ грековъ и римлянъ. У нихъ мы находимъ ту же благородную страсть къ искусству, какъ у флорентинцевъ, и еще въ бо̀льшей степени. Раскопки Помпеи доказываютъ, что произведенія кисти и рѣзца красовались тамъ не въ однихъ храмахъ и на площадяхъ, но были принадлежностью домашняго очага, воплощали и увѣковѣчивали любимые образы боговъ, пенатовъ, героевъ и предковъ, привѣтствовали человѣка въ семьѣ и провожали его въ могилу. Безъ искусства было скучно жить на землѣ и лежать подъ землею. И въ древности этотъ обильный родникъ творчества былъ впервые открытъ религіею. Но, по свойству своихъ вѣрованій, греки и римляне вдохновлялись больше всего изяществомъ формъ, радостями и наслажденіями тѣлесной жизни. Христіанская религія указала новоевропейскимъ художникамъ другую, почти не тронутую язычествомъ область, именно внутреннюю, духовную жизнь человѣка. Разработка этой неизмѣримой области потребовала соединенныхъ усилій многихъ вѣковъ и народовъ. Флорентинцамъ, которые наслѣдовали лучшія качества, свободу и просвѣщеніе грековъ и римлянъ, было суждено сдѣлаться первыми наставниками и руководителями Европы на этомъ новомъ поприщѣ. Мы видѣли, что мастера Флоренціи возвели къ половинѣ XV вѣка почти всѣ отрасли христіанскаго искус-

ства на одинакую высоту. Такъ Брунеллески можно считать сильнымъ, если не главнымъ двигателемъ церковнаго зодчества въ Европѣ. Отъ него ведетъ начало стиль возрожденія; поставленный имъ куполъ на флорентинскомъ соборѣ считается образцовымъ и до сихъ поръ невредимъ, между тѣмъ какъ куполъ св. Петра давно потребовалъ желѣзныхъ скрѣпъ для подпоры. Но въ архитектурѣ флорентинцы издавна имѣли многочисленныхъ соперниковъ какъ въ Италіи, такъ и за Альпами. Романскій стиль былъ созданъ и достигъ совершенства въ Ломбардіи, южной Франціи и Германіи независимо отъ ихъ вліянія; тоже нужно замѣтить о развитіи стиля готическаго: Арнольфъ и Джіотто сдѣлали для него, сравнительно говоря, немного. Напротивъ христіанская скульптура возникла и была разработана по преимуществу въ Тосканѣ. Здѣсь, какъ мы видѣли, первенство принадлежитъ неоспоримо школѣ пизанской. Но Гиберти и Донателло значительно ее опередили, благодаря своему таланту и непосредственному изученію древнихъ образцовъ. Оба они (особенно Донателло) усвоили самые смѣлые пріемы и лучшіе способы ваянія, и если не достигли техническаго совершенства грековъ и римлянъ, то во всякомъ случаѣ мало имъ уступали во внѣшней отдѣлкѣ и выказали удивительную изобрѣтательность. Первому принадлежатъ безспорно-великія открытія въ литейномъ искусствѣ, второму — въ рѣзьбѣ мраморныхъ барельефовъ. Еще болѣе можно подивиться успѣхамъ живописи во Флоренціи къ половинѣ XV вѣка. Эту отрасль искусства старые мастера разработали по преимуществу собственнымъ талантомъ и опытомъ: у нихъ не было даже тѣхъ немногихъ классическихъ образцовъ, которые судьба сберегла для насъ подъ лавою Помпеи. Дряхлая рука византійскихъ грековъ могла учить Чимабуэ только ремеслу иконописца, да мозаичному дѣлу. И между тѣмъ, черезъ сто лѣтъ послѣ Джіотто, геніальный Мазаччіо вполнѣ овладѣлъ кистью и красками, вывелъ на картину живого человѣка со всею окружающею природою и угадалъ неизвѣстные древнимъ живописцамъ законы перспективы. Но этимъ не ограничиваются и не исчерпываются заслуги флорентинской школы. Трудно вполнѣ измѣрить ея многостороннюю и плодотворную дѣятельность. Подвигая впередъ искусства, старые мастера ознакомились практически съ разными отраслями точныхъ наукъ, сберегли отъ забвенія многія истины математики и естествознанія, дошедшія къ нимъ отъ грековъ и римлянъ и, кромѣ того, сами обогатили полезными открытіями механику, физику, химію, минералогію и металлургію [1]). Объ энциклопедической учености Альберти мы

[1]) Либри, въ своей исторіи математическихъ наукъ (франц. изд. II, 215, Парижъ

уже имѣли случай говорить. Онъ первый привелъ въ систему теорію построенія, облегчилъ способы дѣлать снимки съ натуры и выяснилъ въ своихъ трактатахъ о живописи и скульптурѣ нѣсколько важныхъ вопросовъ оптики [1]). Чертежи, планы и постройки Брунеллески также доказываютъ обширныя его познанія въ прикладной математикѣ и фортификаціи. Вообще зодчіе, или, какъ называли ихъ въ старину, живители камней (magistri de lapidibus vivis) были не только архитекторами въ собственномъ смыслѣ, но предпринимали всякаго рода общественныя сооруженія. То раздѣленіе труда, которое установилось въ наше время, не было извѣстно ни среднимъ вѣкамъ, ни эпохѣ возрожденія. Во Флоренціи, Сіенѣ и другихъ вольныхъ общинахъ заказъ обыкновенно отдавался не подрядчику, а самому выполнителю, который уже пріискивалъ себѣ сотрудниковъ, орудія и пособія, гдѣ и какъ хотѣлъ. Одному зодчему приходилось нерѣдко руководить разнообразными работами, устраивать дороги, каналы, шлюзы, водопроводы, мельницы, фонтаны и крѣпости, являться, смотря по требованію, военнымъ, гражданскимъ или горнымъ инженеромъ [2]). Онъ долженъ былъ развѣдать, гдѣ находятся лучшіе матеріалы, доставить ихъ на мѣсто, и придумать всѣ необходимые способы къ облегченію своего труда и производства. Хотя до насъ не дошли подробныя описанія тогдашнихъ машинъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ имѣли довольно силы и вполнѣ достигали своей цѣли [3]). Иначе нельзя

1838) справедливо замѣтилъ, что главные результаты этихъ наукъ наилучшимъ образомъ сберегаются въ искусствѣ. «Книги могутъ быть утрачены или сдѣлаться недоступными по языку и содержанію, но изобрѣтеніе, однажды вошедшее въ практику, не забывается. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда способы производства испортятся, основная истина уцѣлѣетъ». Дѣйствительно, въ самыхъ грубыхъ ремеслахъ часто хранились и передавались изъ вѣка въ вѣкъ открытія физики, химіи и механики.

[1]) Эти трактаты недавно (1869) переведены на французскій языкъ, вѣроятно, потому, что признаны полезными для нашего времени.

[2]) Что призваніе зодчаго имѣло во Флоренціи высокое значеніе и всеобъемлющій характеръ, можно убѣдиться изъ рукописнаго трактата объ архитектурѣ Антоніо Филарете (Rio, L' Art chrétien, III, 327—336). Этотъ ученикъ Донателло былъ приглашенъ въ Ломбардію и начерталъ проектъ постройки христіанскаго города со всѣми принадлежностями и заведеніями, необходимыми для внутренняго хозяйства и внѣшней защиты. Филарете высказываетъ здѣсь, между прочимъ, свои политическія и экономическія идеи, напр. о правительствѣ, воспитаніи, благотворительности, но, согласно съ духомъ своего времени, даетъ главное мѣсто въ обществѣ религіознымъ учрежденіямъ.

[3]) Изъ показаній современниковъ и очевидцевъ мы узнаемъ, что болонскіе зодчіе Фіоравенти (извѣстный въ Москвѣ подъ именемъ Аристотеля) и Нади перенесли въ половинѣ XV вѣка цѣликомъ одну башню этого города на 35 футовъ, разумѣется, при помощи машинъ. Тотъ же Фіоравенти выпрямилъ въ гор. Ченто покосившуюся колокольню. Подлинныя извѣстія объ этомъ приведены у Либри. II, 217, 218, прим. 1.

объяснить, какимъ образомъ были подняты съ земли на высоту колоссальныя глыбы мрамора, желѣза и бронзы, изъ которыхъ построены зданія и другіе памятники эпохи возрожденія. Между скульпторами и живописцами также немногихъ можно назвать односторонними спеціалистами: большинство ихъ вышло изъ мастерскихъ золотыхъ дѣлъ, или знало, кромѣ своего искусства, другія ремесла. Доказательствомъ тому служатъ ихъ практическія изобрѣтенія, къ которымъ должно отнести: устройство городскихъ часовъ, усовершенствованіе чеканнаго, слесарнаго, кузнечнаго дѣла и наконецъ гравированія. Мы не разумѣемъ здѣсь рѣзьбу по дереву: она была извѣстна давно и не однимъ итальянцамъ. Уже въ началѣ XV вѣка художники почти всей западной Европы умѣли дѣлать снимки съ выпуклыхъ изображеній, заготовленныхъ для этой цѣли на особыхъ доскахъ. Гораздо труднѣе было найти удовлетворительные способы гравированія на мѣди. Это великое открытіе принадлежитъ, по словамъ Вазари, флорентинскому скульптору и золотыхъ дѣлъ мастеру Мазо Финигверра. Сначала онъ вырѣзывалъ разныя фигуры на полированныхъ пластинкахъ (nielli), которыми украшались во Флоренціи мебель, а въ 1452 г. научился печатать оттиски или эстампы съ своихъ произведеній. Счастливая мысль Финигверра вызвала соревнованіе другого мастера золотыхъ дѣлъ Баччіо Бальдини и живописца Боттичелли. Послѣдній издалъ цѣлый рядъ гравюръ къ «Божественной комедіи» Данта. Нѣсколько безъименныхъ эстамповъ второй половины XV вѣка доказываютъ еще болѣе, что эта отрасль искусства была значительно подвинута впередъ флорентинцами. Позже, въ Падуѣ, Болоньѣ и Римѣ она окончательно отдѣлилась отъ живописи. Величайшимъ изъ итальянскихъ граверовъ считается, какъ извѣстно, Маркъ Антоній Раймонди (1480—1527)[1].

Разсматривая въ совокупности открытія, сдѣланныя въ Италіи до половины XV вѣка съ помощью искусства, нужно согласиться, что они занимаютъ въ исторіи гражданственности такое же мѣсто, какъ великія открытія естественныхъ наукъ, которыми гордится XIX столѣтіе. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ среди общаго невѣжества западной Европы были впервые дознаны и примѣнены къ цѣлямъ промышленности свойства камня, металла, глины, дерева и стекла? Кто усовершенствовалъ минеральныя и растительныя краски до такой степени, что онѣ кажутся теперь не-

[1] Подробности объ успѣхахъ гравировальнаго искусства въ Италіи до половины XVI вѣка можно найти въ статьѣ Пальгрева, приложенной къ англійскому переводу исторіи живописи Куглера (Lond. 1855, II, стр. 517—556).

подражаемыми? Безспорно, старые итальянскіе, и по преимуществу, флорентинскіе мастера. Труды тогдашнихѣ ученыхъ, говоря сравнительно, не важны и большею частью безплодны. Извѣстно, что натуралисты, начиная отъ среднихъ вѣковъ до XVI столѣтія, за рѣдкими исключеніями, не испытывали природы разумно, а путались въ дебряхъ астрологіи и алхиміи; мыслители и моралисты предавались богословской схоластикѣ или строили утопіи; филологи гораздо охотнѣе спорили между собою о томъ, кто изъ нихъ стоитъ выше, и непристойно бранили другъ друга, чѣмъ дѣлали серьезныя изысканія[1]). Наука обязана немногими прочными пріобрѣтеніями этимъ педантамъ; главная, существенная ихъ заслуга состоитъ въ изданіи и поясненіи древнихъ писателей. Напротивъ того художники, при всей своей простотѣ и видимой ограниченности, умѣли понять, что именно нужно обществу и сдѣлали для него гораздо больше, чѣмъ отъ нихъ можно было ожидать и требовать. Щекотливое самолюбіе, мелочность, раздражительность, зависть и другіе пороки, свойственные цеховой учености, рѣдко заражали ихъ прямую и чистую душу. Имъ было некогда заниматься собственною особою; они устремили всю, энергію, всѣ умственныя силы на то, чтобы украсить и облагородить народную жизнь. Такъ-называемое *эстетическое* направленіе, очевидно, не занесло ихъ въ облака, но разумно и счастливо у нихъ соединилось съ направленіемъ *утилитарнымъ* въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Работая ежедневно надъ матеріею, они не искали въ ней философскаго камня, а думали только, какъ бы заставить ее служить дѣлу рукъ своихъ, и нашли въ ней, благодаря трезвости своего взгляда, болѣе чудесныя качества, чѣмъ тѣ люди, которые искали во всемъ и вездѣ одного золота. Вотъ почему нынѣшній вѣкъ смотритъ на старыхъ мастеровъ, какъ на истинныхъ просвѣтителей и благодѣтелей человѣчества; вотъ почему онъ не только цѣнитъ, какъ драгоцѣнность, ихъ произведенія, но собираетъ всѣ факты, которые могутъ пролить свѣтъ на ихъ жизнь, воспитаніе и характеръ. Изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, производятся теперь разслѣдованія архивовъ, снимаются штукатурки и самыя стѣны церквей, дѣлаются поиски въ частныхъ домахъ Флоренціи и другихъ городовъ Тосканы? Все изъ-за того, чтобъ открыть какіе-нибудь слѣды рѣзца или кисти, модели, полуистертыя фрески, обломки статуй и рисунки старыхъ мастеровъ. Даже простой документъ, метриче-

---

[1]) Сюда относятся Филельфо, Поджіо, Николи, Валла и др. Грубѣйшая, можно сказать, площадная полемика была, повидимому, любимымъ ихъ занятіемъ, на которое они потратили лучшія силы, безъ всякой пользы для себя или для потомства.

ская книга, контрактъ или ничтожная записка съ ихъ именемъ возбуждаетъ интересъ, толки и споры въ журналахъ и литературныхъ кружкахъ западной Европы [1]). Это не удивительно. Европа слишкомъ богата наукою, чтобы искать для себя ученыхъ сокровищъ у писателей среднихъ вѣковъ или эпохи возрожденія: они любопытны только въ глазахъ историковъ и антикваріевъ. Политическіе дѣятели тосканскихъ общинъ также поучительны для нынѣшняго публициста и государственнаго человѣка развѣ съ отрицательной стороны: онъ находитъ между ними мало людей, уважавшихъ правду и способныхъ разумно защищать свободу. Но Европа хорошо видитъ, что ни машинная мануфактура, ни чисто-промышленное искусство не замѣняетъ въ наше время вдохновеннаго и высокаго таланта старыхъ мастеровъ, а потому относится къ нимъ съ восторгомъ, благоговѣніемъ и отчасти съ завистливымъ чувствомъ. Она пытаетъ, какимъ образомъ эти простые люди, жившіе за четыре столѣтія назадъ, изв̀ѣдали тайны творчества, которыми мы болѣе не владѣемъ, хотя обращаемъ всѣ великія открытія естественныхъ наукъ и самыя сильныя орудія механики на улучшеніе производства. Она дала бы дорого, чтобы имѣть среди себя подобныхъ людей.

Разставаясь съ флорентинскими мастерами первой половины XV вѣка, мы должны опредѣлить, хоть въ общихъ чертахъ, насколько они успѣли подвинуть впередъ искусство за предѣлами Тосканы, гдѣ и какихъ встрѣтили себѣ соперниковъ и когда именно пріобрѣли европейскую извѣстность. Мы уже замѣтили, что Джіотто не выѣзжалъ изъ Италіи. За то здѣсь отъ его вліянія ускользнули только Сіена, Венеція, и отчасти Болонья. Въ прочихъ городахъ онъ явился главнымъ, если не единственнымъ, учителемъ живописи. Посѣянныя имъ сѣмена прежде всего дали плоды въ Падуѣ, гдѣ Николай Пизанскій построилъ храмъ св. Антонія и просвѣщенное правительство (изъ фамиліи Каррара) сочувствовало успѣхамъ искусства. Между падуанскими живописцами въ концѣ XIV вѣка славились Альтигіери и д'Аванцо. Первый справедливо считается однимъ изъ лучшихъ послѣдователей великаго флорентинца; второй долженъ быть признанъ по дарованіямъ едва ли не выше всѣхъ современныхъ ему художниковъ. Фрески д'Аванцо, сохранившіяся въ одномъ изъ придѣловъ упомянутой церкви (исторія Спасителя, легенды св. Георгія,

---

[1]) Недавно (въ маѣ, 1869) въ церкви св. Креста во Флоренціи опять открыты фрески и уже служатъ предметомъ общаго любопытства, потому что были написаны, по догадкамъ знатоковъ, учителемъ Мазолино Старниною, произведенія котораго очень рѣдки.

св. Луціи и св. Екатерины) близко подходятъ къ фрескамъ Мазаччіо по своей драматической силѣ, выразительности лицъ, натуральности жестовъ и удачному примѣненію перспективы. Жаль только, что авторъ ихъ не успѣлъ образовать около себя способныхъ учениковъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, падуанская школа пошла иною дорогою и слѣдовала предпочтительно древнимъ, а не туземнымъ или флорентинскимъ образцамъ. Этотъ крутой поворотъ сдѣлалъ Скварчіоне и вызвалъ къ себѣ сочувствіе въ ученомъ городѣ, жители котораго причисляли къ своимъ предкамъ Антенора и Ливія. Произведенія Скварчіоне, по рѣзкости рисунка, драпировкѣ и отдѣлкѣ украшеній, напоминаютъ римскіе барельефы, хотя и писаны красками. Прибытіе Донателло въ Падую не измѣнило новаго направленія тамошней живописи: онъ имѣлъ вліяніе исключительно на скульптуру и черезъ своего усерднаго ученика и подражателя Веллано подѣйствовалъ на воспитаніе Риччіо (1470—1532), лучшаго падуанскаго ваятеля [1]). Напротивѣ, изъ школы Скварчіоне вышелъ одинъ изъ геніальныхъ живописцевъ Италіи, Андрей Мантенья (1431 — 1506). Его манера наиболѣе приближается къ античной. Но, придерживаясь греко-римскихъ образцовъ, онъ, если не прямо, то косвенно, содѣйствовалъ упадку самобытной христіанской живописи. Этотъ упадокъ начался именно съ Падуи и Мантуи, гдѣ онъ провелъ бо̀льшую часть жизни. Въ остальной Ломбардіи и особенно въ Миланѣ преданія Джіотто глубже вкоренились, благодаря дѣятельности его ученика Джіованни (da Milano). Въ первой половинѣ XV вѣка сюда прибылъ изъ Венгріи Мазолино и значительно усовершенствовалъ живопись. Позже она была обновлена Леонардомъ да-Винчи и достигла высокой степени развитія. Что касается до зодчества, эта отрасль искусства въ Ломбардіи мало подвергалась вліянію тосканскихъ мастеровъ. Только въ эпоху возрожденія, когда Брунеллески, Микелоцци и Филарете ѣздили въ Миланъ, имъ были поручены гер-

[1]) Образцовымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ изваяніемъ Риччіо считается пасхальный канделябръ, отлитый имъ для церкви св. Антонія въ Падуѣ. Это произведеніе, несмотря на сложность и нѣкоторую запутанность композиціи, выполнено очень старательно, съ большимъ вкусомъ, и доказываетъ изумительное богатство фантазіи: авторъ видимо находился подъ вліяніемъ Донателло и Гиберти. Рисунокъ упомянутаго канделябра помѣщенъ въ новой книгѣ Перкинза, изданной въ концѣ прошлаго года въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: Italian sculptors. — Замѣтимъ кстати, что этотъ трудъ неутомимаго американца содержитъ, кромѣ исторіи ваянія въ Римѣ, въ сѣверной, восточной и южной Италіи, дополненія къ его прежде вышедшему сочиненію о тосканскихъ скульпторахъ и еще четыре снимка съ произведеній Донателло и Микелоцци. Слышно, что обѣ книги будутъ скоро переведены на французскій языкъ и, вѣроятно, сдѣлаются доступнѣе для публики по цѣнѣ, нежели оригинальныя лондонскія изданія.

цогами нѣкоторыя постройки. Первый проектировалъ для Филиппа Висконти планъ крѣпости; второй отдѣлалъ дворецъ Визмара, подаренный Козьмѣ Медичи; третій началъ возводить обширный госпиталь столицы и каѳедральный храмъ въ Бергамо. Но самыя монументальныя зданія, напр., соборъ въ Миланѣ и Чертоза Павійская сооружены туземными зодчими при участіи нѣмецкихъ и венеціанскихъ. Главнымъ двигателемъ скульптуры въ Ломбардіи считается Бальдуччіо, ученикъ Андрея Пизанскаго. Ему удалось образовать здѣсь отдѣльную школу, изъ которой вышли замѣчательные мастера Кампіоне, Монтегацци и Омодео. Ея произведеніями украшены церкви и дворцы почти всей сѣверной Италіи [1]). Къ несчастію, продолжительныя войны Висконти съ флорентинцами поставили ее одиноко или, лучше сказать, подчинили германскимъ образцамъ и авторитетамъ. Вотъ почему она не достигла ни натуральности, ни изящества въ отдѣлкѣ, и упорно сохраняла пороки, которые рано исчезли у мастеровъ тосканскихъ. Лица на изваяніяхъ этой школы искривлены гримасами или уродливы; фигуры удлинены; позы неудачны или принужденны; движенія рѣзки; драпировка неуклюжа и пристаетъ къ тѣлу. Даже лучшій изъ тамошнихъ ваятелей, Августинъ Бусти или Бамбая (XVI вѣка), авторъ великолѣпнаго, теперь разрушеннаго памятника Гастону де-Фуа, не свободенъ отъ этихъ недостатковъ [2]). Образцы скульптуры и литейнаго искусства, которымъ Донателло украсилъ Падую, повидимому, были извѣстны немногимъ ломбардскимъ скульпторамъ. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, они заимствовали манеру у Микель-Анджело. Въ Венеціи, несмотря на множество статуй и надгробныхъ памятниковъ, которыми она убрана, скульптура долго оставалась декоративною и отдѣлилась отъ зодчества уже въ эпоху возрожденія. Венеціанскіе мастера сначала придерживались готическихъ формъ (Календаріо, братья Массенье, и др.), въ XV вѣкѣ увлеклись классическимъ стилемъ (Ломбарди, Леопарди), а затѣмъ быстро перешли къ безобразію такъ-называемаго барока (style baroque). Кратковременное пребываніе Донателло и Микелоцци въ Вене-

---

[1]) Особенно богатъ скульптурою монастырь, извѣстный подъ именемъ „Чертозы Павійской и основанный Джіаномъ Галеаццо Висконти (1396). Фасадъ этого монастыря можно считать величайшимъ памятникомъ итальянскаго искусства въ эпоху возрожденія.

[2]) Обломки этого памятника по упраздненіи церкви св. Марты, куда онъ былъ поставленъ, разсѣялись по музеямъ западной Европы; изображеніе самаго героя, чудной красоты, находится въ Миланѣ (Brera); прочія статуи и барельефы—въ Амвросіанской библіотекѣ, въ туринской академіи и въ мадридской галлереѣ; подлинный рисунокъ купленъ англичанами для кензингтонской коллекціи.

ціи осталось безъ важныхъ послѣдствій для этого города. Нужно согласиться также, что флорентинская школа мало имѣла вліянія на живопись и скульптуру въ Неаполѣ. Туземные мастера, работавшіе здѣсь послѣ Джіотто до конца XIV столѣтія, превосходили другъ друга бездарностью. Съ появленіемъ Кольантоніо дель-Фіоре († 1444) можно было ожидать, что рисовальное искусство въ южной Италіи получитъ жизнь и своеобразный характеръ. Но Анжуйская династія привезла съ собою въ новую резиденцію фламандскихъ художниковъ и пригласила къ нимъ на помощь мастеровъ изъ Умбріи.

Отсюда произошла та смѣшанная манера, которую можно наблюдать въ произведеніяхъ Цингаро (Антонія Солари) и его преемниковъ братьевъ Донцелли. Наконецъ, въ восточную Италію за Апеннины флорентинская живопись, несмотря на путешествія нѣкоторыхъ мастеровъ въ Римини и Болонью, мало проникала. Это объясняется сосѣдствомъ и вліяніемъ школы умбрійской, которая въ началѣ XV вѣка уже сложилась и вела дѣятельную пропаганду. Мы видѣли, что самъ Анджелико въ нѣкоторой степени подчинился ея идеаламъ и манерѣ. Родоначальникомъ этой школы считается Октавіанъ Нелли († 1444). Дѣтская наивность композиціи, нѣжность красокъ и тончайшая, миніатюрная деликатность работы даютъ ему такое же высокое мѣсто въ исторіи искусства, какое принадлежитъ лучшимъ представителямъ погибшей школы Сіенской [1]). Современникъ его, Джентиле да-Фабріано, хотя и не былъ ученикомъ Фра Беато, какъ думаетъ Вазари, но съ 1422 года приписался къ одной изъ низшихъ гильдій во Флоренціи. Если сравнить его икону (поклоненіе волхвовъ), сохранившуюся въ тамошней академіи, съ прежними произведеніями, то окажется, что онъ нѣсколько усовершенствовался и почувствовалъ превосходство флорентинской манеры. Микель-Анджело отдаетъ справедливость мягкости его кисти (aveva la mano simile al nome). Одинъ изъ послѣдователей Фабріано, Джакомо Беллини, основалъ независимую школу живописи въ Венеціи; прочіе работали въ Фолиньо, Перуджіи и окрестныхъ городахъ. Изъ флорентинцевъ послѣ Фра Беато сюда заѣзжали только второстепенные мастера, именно Беноццо Гоццоли и Пьетро делла-Франческа. Послѣдній былъ собственно уроженцемъ Ум-

[1]) Почти всѣ произведенія Нелли утрачены или повреждены, за исключеніемъ вѣнчанія Богоматери въ одной церкви—Губбіо (Santa Maria). Эта чудная и единственная въ своемъ родѣ фреска хромолитографирована недавно Эронделевымъ обществомъ. Лейардъ тогда же издалъ біографію мастера подъ заглавіемъ: «Ottaviano Nelli and his fresco at Gubbio.»

бріи (изъ Borgo S. Sepolcro), но съ молоду учился во Флоренціи, у друга Андрея Кастаньо, извѣстнаго намъ Доминика, отъ котораго, вѣроятно, заимствовалъ знаніе перспективы и раккурсовъ. Лучшія его произведенія уцѣлѣли въ Ареццо и Римини. Они отличаются эклектическимъ характеромъ и отчасти писаны масляными красками. Впрочемъ натурализмъ Мазаччіо слабо дѣйствовалъ на умбрійскую школу. Она оставалась одинокою и независимою до временъ Перуджино, упорно преслѣдуя свое исключительное направленіе. Къ ней перешли, какъ-бы по преданію, достоинства и недостатки школы сіенской. Избравъ себѣ идеаломъ красоту, она долго не могла или не умѣла къ нему приблизиться. Послѣдователь Фабріано, Николай Алунно, и его современники рѣшительно уступали школѣ флорентинской въ характерности лицъ, въ правильной постановкѣ фигуръ, въ естественности и умѣренности жестовъ и движеній. Всѣ ихъ силы были устремлены на человѣческую и особенно на женскую физіономію. Нужно согласиться, что они придали ей нѣкоторыя своеобразныя черты, мало и рѣдко замѣтныя у преемниковъ Мазаччіо, именно: поэтическую томность, кротость и грацію. Но и эту тайну искусства у нихъ похитилъ Анджелико. Созданные имъ типы мадоннъ и ангеловъ свободны отъ манерности и жеманства, которыми ихъ нерѣдко портятъ Алунно и Перуджино. Только въ манерѣ украшеній, въ изящной игрѣ и сочетаніи красокъ да въ миніатюрныхъ издѣліяхъ этой школѣ удалось рано достигнуть неоспоримаго и высокаго совершенства. Кромѣ Орвіето, главнымъ мѣстомъ, гдѣ умбрійцы могли помѣряться съ флорентинцами, былъ Римъ. Сюда папы приглашали Фабріано, Мазаччіо и Фра Беато. Къ сожалѣнію, папскій патронатъ не вызывалъ открытаго состязанія между мастерами, а зависѣлъ исключительно отъ личнаго произвола или предпочтенія со стороны того или другого первосвященника. Папу Николая V можно считать первымъ покровителемъ искусства, такъ какъ Мартинъ V и Евгеній IV были слишкомъ бѣдны, чтобы затѣвать большія предпріятія. Самый городъ во время Авиньонскаго плѣна сильно опустѣлъ и обвалился. Прежде всего нужно было подумать о починкѣ, а затѣмъ уже объ украшеніи церквей и дворцовъ. Вотъ почему самъ Николай поддерживалъ больше зодчество, чѣмъ дѣлалъ заказы живописцамъ. Къ сожалѣнію, политическія событія помѣшали ему выполнить всѣ проекты Альберти. Высшаго блеска папскій патронатъ, какъ мы увидимъ, достигъ не ранѣе XVI стол., именно при Юліи II, но и въ эту эпоху не создалъ въ Римѣ вполнѣ самостоятельной и прочной школы по архитектурѣ, живописи или ваянію.

Итакъ, послѣ паденія пизанской и сіенской школъ, главными двигателями искусствъ въ Италіи остались флорентинскіе и умбрійскіе мастера. Говоря безпристрастно, вліяніе первыхъ было обширнѣе и плодотворнѣе, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно пустило корни, гдѣ ему не мѣшали внѣшнія обстоятельства. Доказательствомъ тому служатъ быстрые успѣхи живописи въ Ломбардіи и скульптуры въ Падуѣ подъ руководствомъ Мазолино и Донателло. Преемники Джіотто, вѣроятно, сдѣлали бы еще больше завоеваній, если бы имѣли меньше работы дома. Но почти всѣ ихъ поѣздки за границу были случайными и временными. Одинъ Альберти, конечно, противъ собственной воли, путешествовалъ цѣлую жизнь и потому-то оставилъ глубокіе слѣды въ восточной и сѣверной Италіи. Вообще, появленіе флорентинскихъ мастеровъ въ чужихъ городахъ рѣдко было совершенно безплоднымъ. Они открывали какимъ-то чутьемъ мѣстные таланты и владѣли способностью будить творчество; ихъ авторитетъ не тяготѣлъ деспотически надъ учениками. Напротивъ того умбрійскіе мастера, придерживаясь сами неподвижныхъ преданій, дѣйствовали очень медленно. Основанныя ими школы возникли уже къ концу XV вѣка и не отличались такимъ прогрессивнымъ характеромъ, какъ школы созданныя флорентинцами. Притомъ же Умбрія была сильна только живописью, вовсе не имѣла оригинальныхъ ваятелей и долго не производила великихъ зодчихъ. Можно было ожидать, что мало-по-малу она уступитъ рѣшительное первенство Флоренціи во всѣхъ отрасляхъ искусства.

Но этого не случилось. Послѣ продолжительнаго застоя умбрійская школа разомъ дала полные цвѣты и роскошные плоды. Чтобы объяснить такой странный феноменъ, нужно замѣтить, что къ концу XIV вѣка въ самой Тосканѣ, именно въ Сіенѣ, явился неожиданно достойный соперникъ флорентинскихъ мастеровъ по скульптурѣ, именно, делла-Кверчія (1371—1438). Жизнь его полна приключеній. Еще съ молоду, когда Сіена предала себя въ руки Висконти, ему было нечего дѣлать дома и довелось покинуть отечество. Когда Гиберти и Брунеллески еще не знали, кто будетъ отливать дверь крещальни св. Іоанна, онъ также пришелъ на конкурсъ. Комитетъ похвалилъ его модель, но не отдалъ ему предпочтенія. Чтобы доказать флорентинцамъ ихъ несправедливость и вмѣстѣ свое искусство, Кверчія сдѣлалъ для боковой двери собора прекрасный барельефъ Мадонны (della Cintola) [1]) и затѣмъ отправился искать счастья въ Феррару. От-

---

[1]) На одной сторонѣ этого барельефа видѣнъ медвѣдь, который лѣзетъ на гру-

сюда жители Сіены пригласили его домой украшать барельефами новый городской фонтанъ (Ponte Gaja). Рисунокъ, сдѣланный имъ по этому поводу, такъ понравился тамошней синьоріи, что она дала ему прозвище *делла-Фонте.* Но медленность и безпрестанныя отлучки Кверчія скоро вывели изъ терпѣнія его соотечественниковъ. Окончивъ фонтанъ, онъ бросилъ другія работы въ крещальнѣ собора, вѣроятно, по причинѣ плохого за нихъ вознагражденія, и отправился скитаться, посѣтилъ Лукку и Болонью, но всюду терпѣлъ крайность, обиды и притѣсненія [1]. Уже дряхлымъ старикомъ удалось ему возвратиться въ отечество и сдѣлаться главою строительной коммиссіи (operajo) въ Сіенскомъ соборѣ. Изваянія этого мастера почти ни въ чемъ не уступаютъ изваяніямъ Донателло. Fonte Gaja, какъ художественное произведеніе, считался образцовымъ въ Италіи. Барельефы на немъ, къ несчастію, разрушились отъ времени, но, какъ мы говорили, возстановляются теперь въ первоначальномъ видѣ. За то фасадъ церкви св. Петронія въ Болоньѣ цѣлъ и невредимъ: онъ изображаетъ исторію первыхъ человѣковъ. На этомъ произведеніи Кверчія фигуры и группы величественны, прекрасны и натуральны, лица выразительны; жесты и движенія благородны, только драпировка нѣсколько тяжела и угловата. Самъ Микель-Анджело подражалъ ему если не рѣзцомъ, то кистью, именно воспроизвелъ его типы на фрескахъ Сикстинской капеллы. Надгробные памятники, сдѣланные рукою Кверчія (одинъ изъ нихъ сохранился въ Луккѣ, другой—въ Болоньѣ), еще удачнѣе и невольно поражаютъ своею грустною красотою. Видно, что онъ любилъ думать о смерти и ждалъ только отъ ней успокоенія. Эти чувства становятся понятными, если познакомиться ближе съ его горькой участью. Жизнь была для него тяжелымъ крестомъ; свободное творчество не приносило радостей. «Мнѣ нѣтъ нужды ѣхать къ вамъ на нищету и погибель», писалъ онъ однажды болонцамъ; «я могу бѣдствовать, гдѣ мнѣ угодно». Въ другой разъ, когда соотечественники сулили ему чуть не золотыя горы, онъ отвѣчалъ имъ: «Знаю, что мнѣ суждено испытать отъ васъ однѣ непріятности», и не ошибся. Между тѣмъ какъ флорентинскіе мастера находили въ своей просвѣщенной

шевое дерево. Перкинзъ говоритъ, что это аллегорическое изображеніе придумано мастеромъ въ упрекъ флорентинцамъ, не умѣвшимъ оцѣнить его талантъ. Въ самомъ дѣлѣ, старая тосканская пословица: dar le pere in guardia a l'orso, значитъ почти то-же, что довѣрять безтолковымъ и неразвитымъ людямъ.

[1]) Работы въ крещальнѣ Сіенскаго собора, о которыхъ здѣсь упомянуто, были потомъ заказаны и окончены Гиберти и Донателло. Такимъ образомъ на одной и той же купѣли мы находимъ изваянія трехъ лучшихъ тосканскихъ мастеровъ XV вѣка.

столицѣ благодарный трудъ и почетъ, Кверчія бѣдствовалъ до конца, бродя по глухимъ провинціальнымъ городамъ, и умеръ, какъ забытый ремесленникъ, отъ истощенія силъ. Что дѣлать? Въ исторіи искусства подобные примѣры встрѣчаются не рѣже, чѣмъ въ исторіи науки. Иныхъ художниковъ судьба безпощадно преслѣдовала: кто являлся слишкомъ рано, находилъ двери запертыми; кто — слишкомъ поздно, тому не было мѣста и дѣла; счастливо жили только поспѣвавшіе кстати и во время. Главныя несчастія Кверчія объяснить легко: Сіена уже не могла питать искусства, а въ Умбріи скульптура еще не находила цѣнителей [1]). Ученикъ его Векьетта (1412—1480 г.) также не былъ лишенъ дарованій и, подобно своему наставнику, едва заработывалъ хлѣбъ въ отечествѣ, хотя, кромѣ ваянія, зналъ другія мастерства, напр. архитектуру и живопись. Во второй половинѣ XV вѣка Сіена произвела еще нѣсколько отличныхъ скульпторовъ. Бѣдственное положеніе дома безпрестанно побуждало ихъ уходить за границу; нѣкоторые перемѣнили родъ занятій. Самый даровитый между ними, Джорджіо Мартини, поступилъ на службу къ герцогу Урбинскому въ качествѣ зодчаго и построилъ въ его владѣніяхъ болѣе ста замковъ, дворцовъ, церквей и другихъ зданій [2]). Такимъ образомъ умбрійская школа получила отъ своей старой художественной метрополіи сильныя подкрѣпленія именно по тѣмъ отраслямъ искусства, по которымъ сама не могла выставить оригинальныхъ образцовъ. Долговременное пребываніе Альберти въ Римини также принесло ей большую пользу. Теперь понятно, почему одинъ изъ величайшихъ зодчихъ эпохи возрожденія, Браманте (1444—1514) могъ вполнѣ подготовиться и воспитаться дома, безъ помощи флорентинцевъ, и вмѣстѣ съ Рафаэлемъ одерживать надъ ними побѣды въ столицѣ католическаго міра. Въ то время, какъ непонятый Кверчія умеръ съ тоскою въ душѣ, Флоренція готовилась ко всемірному празднику. Представители западнаго и восточнаго христіанства перенесли сюда Феррарскій соборъ. Около двухъ лѣтъ (1439—41) городъ былъ наполненъ иностранцами; его памятники возбудили общій восторгъ и удивленіе. Брунеллески уже поставилъ тогда свой куполъ, Гиберти—первую дверь; на колокольнѣ и часовнѣ св. Михаила красовались изваянія Донателло и Лукки делла-Роббія; въ церквахъ и монастыряхъ—

---

[1]) Подробное описаніе жизни и оцѣнку произведеній делла-Кверчія можно найти у Pio (L'Art chrétien—I, 85—92) и Перкинза (Tuscan sculptors I, 103—III).

[2]) Отъ него остался любопытный трактатъ о гражданской и военной архитектурѣ, изданный въ Туринѣ въ 1841 году.

фрески Мазаччіо и Фра Беато. Старые мастера вполнѣ заслуживали такого тріумфа; для нихъ искусство не имѣло высшей цѣли и другого идеала, кромѣ правды, а правда должна была просвѣтить человѣчество. Надъ ними сбылось изреченіе книги, въ которую они вѣрили: люди увидѣли ихъ добрыя дѣла и славили Бога. Флорентинской школѣ, казалось, предстояли новые блестящіе успѣхи: она сдѣлалась господствующею въ Италіи и пріобрѣла извѣстность во всей Европѣ. Только насильственная смерть Мазаччіо могла смущать людей этой эпохи, какъ темное пятно или недобрый знакъ. Но никто изъ нихъ навѣрное не чаялъ, что пройдетъ сто лѣтъ и—благородная школа лишится отечества, подобно школѣ сіенской. Что-же случилось въ этотъ роковой періодъ съ Флоренціей? Почему она погибла такъ скоро и невозвратно? Не нашло-ли искусство для себя другого убѣжища? Мы надѣемся отвѣчать со временемъ на заданные вопросы особо, въ біографіи Микель-Анджело, послѣдняго и самаго геніальнаго изъ флорентинскихъ мастеровъ. Его долголѣтняя жизнь (1475—1564) имѣетъ, независимо отъ художественнаго значенія, общечеловѣческій интересъ: ему суждено было стоять на рубежѣ новой исторіи. Въ годы молодости онъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ кризисовъ флорентинской свободы; въ старости увидѣлъ окончательное ея крушеніе. Сломленная соединенными силами императора и папы, Тоскана покорилась тираніи герцоговъ, изъ фамиліи Медичи. Принимая близко къ сердцу всѣ эти событія и перевороты, Микель-Анджело самъ участвовалъ въ священной войнѣ за родину и живымъ примѣромъ доказалъ, какими вѣрными друзьями правды и свободы, какими достойными гражданами были великіе мастера Флоренціи.

Д. Качѣновскій.

ИМПЕР. АЛЕКСАНДРЪ I

И

КВАКЕРЫ.

The Quakers from their origine till the present time: an international history. By John Cunningham, D. D. Edinburgh, 1868.

Квакерство, исторію котораго предлагаетъ Кённингэмъ, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ произведеній религіознаго сектаторства въ новѣйшемъ обществѣ. Это было одно изъ тѣхъ движеній, которыя явились послѣ реформаціи какъ дальнѣйшее ея развитіе, — плодъ стремленій очистить религію отъ ея внѣшней, формально-догматической стороны и сообщить религіи тотъ чисто-духовный характеръ, который такъ соотвѣтствуетъ ея сущности. Квакерство, какъ бываетъ обыкновенно съ крайними направленіями, осталось немногочисленной религіозной фракціей и никогда не имѣло много послѣдователей; но тѣмъ не менѣе дѣятельность его главнѣйшихъ представителей нерѣдко яркимъ образомъ вмѣшивается въ религіозную и соціальную исторію общества; въ средѣ квакеровъ явилось не мало замѣчательныхъ личностей, извѣстность которыхъ идетъ далеко за предѣлы исторіи англійскаго религіознаго сектаторства. Назовемъ напримѣръ, Фокса и Вильяма Пенна, Ланкастера и Аллена, или въ наше время Брайта.

Авторъ излагаетъ въ общемъ очеркѣ происхожденіе квакерства, различныя видоизмѣненія идей и нравовъ секты, и между

прочимъ останавливается особенно на ея «международной исторіи», т. е. на той дѣятельности квакерства, гдѣ оно трудилось для обще-человѣческой филантропіи и смягченія нравовъ;—въ этой исторіи оно имѣло извѣстныя отношенія и къ Россіи. Дѣло въ томъ, что квакеры уже издавна задумывали планы пропаганды, которая ставила себѣ самыя обширныя цѣли: убѣжденные въ истинѣ своей духовной религіи, они старались, если не доставить ей всеобщее господство, то по крайней мѣрѣ сдѣлать ея принципы сколько можно болѣе извѣстными. Они не задумывались рекомендовать ее папѣ, Людовику XIV и даже «великому турку», т. е. турецкому султану. Это было еще въ XVII-мъ столѣтіи. Съ конца прошлаго вѣка квакерство опять вступило въ періодъ особенно оживленной пропаганды. Не ограничиваясь чисто-религіознымъ вопросомъ, оно въ это время особенно увлекалось филантропическими цѣлями: освобожденіе негровъ, улучшеніе тюремъ, устройство школъ для широкаго распространенія первоначальнаго образованія въ народѣ, нашли въ квакерахъ ревностныхъ защитниковъ и дѣятелей, которымъ и дѣйствительно удалось достигать замѣчательныхъ результатовъ. Труды многихъ «друзей» (какъ называютъ себя квакеры) свидѣтельствуютъ о чрезвычайной преданности дѣлу человѣколюбія и объ рѣдкой энергіи въ преслѣдованіи предположенной цѣли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія квакеры имѣли не одинъ разъ встрѣчи и бесѣды съ императоромъ Александромъ, на которыхъ мы и остановимся. Но прежде впрочемъ упомянемъ объ ихъ встрѣчѣ съ другимъ русскимъ государемъ, Петромъ Великимъ,—встрѣча эта мало извѣстна въ нашей исторической литературѣ.

Это было въ 1698 г., когда Петръ былъ въ Лондонѣ. Въ извѣстныхъ «юрналахъ» подъ 3-мъ апрѣля записано: «были въ квекорскомъ костелѣ» [1]). Кённингэмъ приводитъ изъ Кларксоновой «Жизни Пенна» слѣдующія подробности о встрѣчѣ Петра Великаго съ квакерами.

«Квакеры, — говоритъ Кённингэмъ, — всегда стремились найти себѣ прозелитовъ между государями, и во время пребыванія въ Лондонѣ Петра, двое изъ нихъ успѣли получить доступъ къ этому удивительному человѣку, въ которомъ высочайшій геній привился къ самому дикому корню. Они объяснили ему, черезъ переводчика, основныя начала своей религіи и представили ему экземпляръ «Апологіи Барклая» и нѣсколько другихъ книгъ, относящихся къ ихъ вѣрѣ. Онъ спросилъ, не іезуитами ли написаны эти книги — вопросъ, который мы можемъ объяснить только предположеніемъ, что онъ услышалъ что-ни-

[1]) Устряловъ, Ист. Петра В., т. III, прилож.

будь объ обвиненіяхъ, какія дѣлались противъ Пенна. Квакеры конечно отвѣчали, что это не такъ. Затѣмъ царь спросилъ, почему они не оказываютъ уваженія высшимъ, когда не снимаютъ шляпъ входя къ нимъ, и какую пользу могутъ они оказать въ какомъ-нибудь царствѣ, если они не хотятъ брать въ руки оружія? Друзья отвѣтили на пытливые вопросы царя какъ могли лучше.

«Экземпляръ, представленный царю, было латинское изданіе «Апологіи Барклая». Но его величество не зналъ по-латыни. Когда это стало извѣстно, то Вильямъ Пеннъ, сопровождаемый Джоржемъ Уайтгэдомъ и депутаціей «друзей», искалъ второго свиданія съ Петромъ; они думали, что еслибы имъ удалось сдѣлать его квакеромъ, то онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ какъ правительство, такъ и религію великой московской имперіи. Какъ ни кажется намъ нелѣпой эта мысль, она вовсе не казалась нелѣпой для нихъ. Аудіенція была имъ дана, и Пеннъ представилъ царю нѣсколько квакерскихъ книгъ, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ на этомъ языкѣ. Петръ былъ чрезвычайно любознателенъ, и желая знать все, такъ интересовался этими оригинальными людьми, дважды хотѣвшими его видѣть, что послѣ не разъ приходилъ на квакерскіе митинги въ Детфордѣ, чтобы видѣть ихъ богослуженіе. Разсказываютъ даже, что шестнадцать лѣтъ спустя, когда онъ былъ въ Фридрихштадтѣ, въ Голштиніи, чтобы помогать датчанамъ противъ шведовъ, съ пятью тысячами человѣкъ, онъ спрашивалъ, нѣтъ ли въ этомъ городѣ квакерскихъ собраній; и узнавши, что есть, отправился туда, въ сопровожденіи блестящей свиты. Одинъ квакеръ, по имени Филиппъ Деферъ, началъ проповѣдовать. Такъ какъ русскіе знатные люди не понимали языка проповѣдника, то царь иногда переводилъ имъ, и въ концѣ, говорятъ, замѣтилъ, что если кто живетъ согласно тѣмъ началамъ, какія они слышали, тотъ долженъ быть счастливъ» [1]).

Не такъ случайны были сношенія квакеровъ съ императоромъ Александромъ. Напротивъ того, завязанныя одинъ разъ, онѣ потомъ продолжались; Александръ относился къ квакерамъ съ такимъ расположеніемъ, съ такимъ довѣріемъ и сочувствіемъ, что связи его съ ними отражаютъ въ себѣ черты его внутренняго настроенія и характера и пріобрѣтаютъ историческую важность. Эти связи его съ квакерами еще не были разсказаны въ нашей литературѣ, и мы приведемъ нѣкоторыя подробности

---

1) Cunningham, стр. 155—156.

изъ книги Кённингэма, который сообщаетъ ихъ на основаніи «Жизни Вильяма Аллена» и «Мемуаровъ Грелье» — тѣхъ двухъ квакеровъ, съ которыми императоръ Александръ въ особенности сближался и бесѣдовалъ. Эти два человѣка играли въ то время особенно дѣятельную роль въ квакерскомъ обществѣ, какъ пламенные филантропы и проповѣдники квакерскаго христіанства.

Этьенъ Грелье (Et. Grellet, или, какъ его имя писали также по-англійски, Stephen Grillett, 1773—1855) былъ родомъ французъ. Онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи; послѣ взрыва революціи, онъ съ братомъ своимъ эмигрировалъ, вступилъ въ роялистскую армію, попался въ плѣнъ; ему предстояло быть разстрѣляннымъ, но онъ успѣлъ убѣжать въ Голландію, и оттуда отправился сначала въ Демерару, потомъ въ Нью-Йоркъ. Какъ и слѣдовало молодому французу тѣхъ временъ, онъ былъ вольтеріанецъ, но потомъ онъ сталъ читать Вильяма Пенна, нѣсколько разъ имѣлъ сверхъестественныя видѣнія, которыя и обратили его къ религіи и подѣйствовали на него съ такой силой, что онъ обратился именно въ квакерство: онъ посвятилъ себя служенію страждущимъ и религіозному миссіонерству. Жизнь его проходила въ далекихъ и продолжительныхъ странствованіяхъ, въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ; религіозный энтузіазмъ сталъ его природой; онъ часто имѣлъ видѣнія и слышалъ божественный голосъ, дававшій ему повелѣнія, и это внушало ему энергію, поддерживавшую его въ самыхъ трудныхъ, иногда страшныхъ подвигахъ. Разъ онъ отправился нарочно въ Филадельфію, гдѣ свирѣпствовала желтая лихорадка, опустошавшая городъ; онъ долго оставался тамъ, ухаживалъ за больными и помогалъ хоронить мертвыхъ, — наконецъ заболѣлъ самъ; но божественный голосъ сказалъ ему, что онъ еще не долженъ умирать. Онъ проповѣдовалъ въ страшныхъ тюрьмахъ, куда сами тюремщики не совѣтовали ему входить. Это былъ настоящій странствующій рыцарь религіозной проповѣди и филантропическаго самоотверженія. Главнымъ его мѣстопребываніемъ оставались Соединенные Штаты, гдѣ у него была жена; но онъ нѣсколько разъ отправлялся за океанъ, проповѣдовалъ въ Англіи и на континентѣ, наконецъ проѣхалъ всю Европу изъ конца въ конецъ. Въ 1811 году онъ еще разъ отправился въ Старый Свѣтъ и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Англіи и въ путешествіяхъ по Европѣ. Въ 1813 или 1814 онъ между прочимъ встрѣтился съ г-жей Крюднеръ, которая возъимѣла къ нему большое уваженіе. Лѣтомъ 1814 года онъ былъ въ Лондонѣ, когда прибылъ туда изъ Парижа императоръ Александръ.

Такой же неутомимой дѣятельностью отличался другой тог-

дашній представитель квакерства, Вильямъ Алленъ (1770—1843), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ филантроповъ своего времени. Небогатые родители предназначали его къ промышленной карьерѣ; но онъ увлекся своими вкусами къ естественнымъ наукамъ и пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія въ химіи, которыя доставили ему профессуру этого предмета, мѣсто въ королевскомъ ученомъ обществѣ и практическія занятія въ одномъ химическомъ заведеніи, гдѣ онъ сталъ потомъ партнеромъ и пріобрѣлъ значительное состояніе. Съ очень ранней молодости начались и его неустанные филантропическіе труды: пораженный рѣчами Вильберфорса противъ торговли неграми, онъ сталъ его ревностнымъ союзникомъ въ этой пропагандѣ; онъ горячо интересовался школьной системой Ланкастера и распространеніемъ образованія въ народной массѣ, и имя Аллена тѣсно связывается съ исторіей ланкастерской школы; онъ присоединился къ Самуэлю Ромильи, извѣстному англійскому юристу, когда тотъ предпринялъ преобразовать англійскій уголовный кодексъ; онъ устроивалъ дешевый столъ для бѣдныхъ и т. п. Все время Аллена было занято его разнообразными интересами и трудами; не было филантропическаго предпріятія, въ которомъ бы онъ не участвовалъ. Въ 1813 году Алленъ вступилъ и въ знаменитое предпріятіе Роберта Овэна, покупку Нью-Ланарка, гдѣ должны были приводиться въ исполненіе широкіе планы нравственнаго преобразованія общества, задуманные энергическимъ филантропомъ-соціалистомъ. Предпріятіе раздѣлено было на нѣсколько паевъ или акцій, каждая въ десять тысячъ фунтовъ стерл. Въ числѣ пяти или шести партнеровъ, которые рисковали тогда участвовать въ предпріятіи Овэна, было два квакера, Алленъ и богатый капиталистъ Уокеръ; одинъ пай взялъ Бентамъ. Алленъ не имѣлъ сначала большого желанія вступать въ дѣло; но Овэнъ, какъ разсказываютъ его біографы, особенно желалъ имѣть его помощь, потому что имя Аллена имѣло большой вѣсъ въ религіозномъ мірѣ. Наконецъ Алленъ уступилъ настояніямъ своихъ друзей и присоединился къ фирмѣ. Съ Овэномъ они были въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя трудно было найти больше противоположности чѣмъ было въ ихъ принципахъ. Овэнъ совершенно отвергалъ, какъ извѣстно, смыслъ и пользу религіи; Алленъ все строилъ на духовно-религіозномъ принципѣ, но тѣмъ не менѣе они соединились, потому что въ этомъ предпріятіи у нихъ было общее, на чемъ они совершенно сходились: это была филантропическая сторона дѣла, стремленіе къ нравственному облагороженію человѣческаго общества. Алленъ «счелъ своей обязанностью» участвовать въ дѣлѣ, имѣвшемъ «цѣль до

сихъ поръ невиданную», — но онъ съ самаго начала оговорилъ интересы религіознаго образованія въ Нью-Ланаркской общинѣ. Потомъ, какъ извѣстно, между Овэномъ и его квакерскими партнерами стали возникать несогласія, вину которыхъ едва-ли можно такъ безусловно сваливать на послѣднихъ, какъ это часто дѣлали. Алленъ съ самаго начала заявилъ свои желанія, Овэнъ соглашался на религіозную терпимость; а впослѣдствіи онъ самъ, вызывающимъ тономъ нѣкоторыхъ своихъ воззваній, возбудилъ раздоръ, который заставилъ ихъ разойтись. При всемъ томъ, они дѣйствовали вмѣстѣ очень долго, до 1828 года [1]).

Оба эти квакера, Алленъ и Грелье, были весьма типическими представителями секты. Неутомимая дѣятельность, готовность служить нравственному благу человѣчества, сила убѣжденія, доходившая почти до мономаніи, упорство въ стремленіи къ цѣли, независимость характера, не уступавшая ни передъ какими авторитетами, сосредоточенность религіознаго чувства — таковы были свойства этихъ людей, съ которыми императору Александру пришлось говорить о предметахъ религіи и нравственности.

Когда квакеры держали свои годовые митинги въ маѣ 1814, — разсказываетъ Кённингэмъ, — шли нѣкоторые разговоры о посѣщеніи Англіи союзными государями, и Грелье подалъ мысль, что это былъ бы благопріятный случай внушить имъ, что царство Христа есть царство справедливости и мира. Замѣтимъ, что отрицаніе войны есть одинъ изъ основныхъ принциповъ квакерства; въ 1812 г. квакеры подавали уже принцу-регенту Англіи свой адресъ въ этомъ смыслѣ, осуждавшій войну какъ беззаконіе. Принцъ-регентъ принялъ ихъ благосклонно; но адресъ конечно не помѣшалъ войнѣ. Квакеры рѣшили теперь обдумать предложеніе Грелье. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, на одномъ изъ квакерскихъ митинговъ появилась великая княгиня, сестра имп. Александра, и молодой герцогъ вюртембергскій; они держали себя такъ благочестиво, что сердца «друзей» возрадовались этому.

Наконецъ императоръ Александръ и король прусскій прибыли въ Лондонъ. Квакеры немедленно составили адресъ и назначили депутацію, «на случай, еслибъ среди лести, которую монархи принимали каждодневно, они захотѣли на минуту выслушать голосъ истины». Депутацію составляли Вильямъ Алленъ, Стефенъ Грелье, Джонъ Вилькинсонъ и Люкъ Говардъ. Они отправились сначала къ прусскому королю; онъ принялъ ихъ и

[1]) См. Booth, Robert Owen, Lond. 1869, стр. 28—31, 44—48.

въ отвѣтъ на адресъ замѣтилъ только, что въ его владѣніяхъ есть нѣсколько членовъ ихъ общества, что это прекрасные люди, а что касается до войны, то она необходима для достиженія мира. Это былъ вѣжливый, но равнодушный, холодный пріемъ. «Но совсѣмъ инымъ образомъ принялъ ихъ другой, болѣе великій человѣкъ и государь».

Черезъ три дня послѣ этого было воскресенье, и императоръ Александръ, въ сопровожденіи своей сестры, великой герцогини ольденбургской, молодого герцога ольденбургскаго, герцога вюртембергскаго, графа Ливена и другихъ, введенные Вильямомъ Алленомъ, внезапно появились на квакерскомъ митингѣ. «Это произвело немалое смущеніе между «друзьями»—разсказываетъ ихъ историкъ. Впрочемъ, богослуженіе продолжалось по обыкновенію. Было время молчанія (молчаливаго религіознаго сосредоточенія, которое входитъ въ число благочестивыхъ квакерскихъ упражненій); затѣмъ встали одинъ за другимъ трое друзей и говорили, что имъ было внушено духомъ, потомъ была молитва. Императоръ и его свита слѣдовали во всемъ за богослуженіемъ квакеровъ, и царь, выходя къ экипажу, пожалъ руки всѣмъ друзьямъ, которые были около него — «снисходительность, которою эти добрые люди безъ сомнѣнія гордились до своего послѣдняго дня, несмотря на свои идеи о человѣческомъ равенствѣ и о грѣховности снимания шляпы передъ людьми».

Въ слѣдующій вторникъ, Стефенъ Грелье, В. Алленъ и Джонъ Вилькинсонъ явились, какъ имъ было назначено, въ отель Польтни, для представленія императору своего адреса. Александръ принялъ ихъ самымъ милостивымъ образомъ, пожимая имъ дружески руки. Они представили ему свой адресъ и затѣмъ нѣсколько книгъ, на которыя онъ только взглянулъ, желая повидимому скорѣе начать разговоръ. Императоръ стоялъ среди залы, и смиренные квакеры стояли кругомъ его. Онъ спрашивалъ ихъ объ ихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, ихъ богослуженіи, духовныхъ лицахъ и многихъ другихъ вещахъ. Когда Вильямъ Алленъ объяснялъ ему принципы общества, онъ часто замѣчалъ: «я думаю также». «Служеніе Богу — говорилъ онъ,—должно быть духовное, чтобы оно было принимаемо, а внѣшнія формы имѣютъ важность второстепенную». «Я самъ — продолжалъ онъ, — молюсь каждый день, не въ формѣ словъ, но сообразно тѣмъ представленіямъ, какія имѣю въ это время о своихъ нуждахъ. Прежде я употреблялъ слова, но потомъ оставилъ это, такъ какъ слова часто были неприложимы къ состоянію моихъ чувствованій». Квакеры говорили ему о войнѣ, которую они считали дѣломъ противозаконнымъ, о рабствѣ людей, противъ котораго они

боролись, о томъ, что дѣлаетъ Британское и Иностранное Школьное Общество (распространявшее ланкастерскія школы) и что́ оно могло бы сдѣлать въ его обширномъ царствѣ. Когда Грелье осмѣлился говорить ему объ его отвѣтственности, какъ неограниченнаго государя столь обширной страны, слезы показались на его глазахъ; онъ взялъ квакера за руку своими обѣими руками и сказалъ: «эти ваши слова долго останутся напечатлѣнными въ моемъ сердцѣ». Разговоръ продолжался около часа, и императоръ увѣрилъ депутацію, что онъ согласенъ съ большею частію ихъ мнѣній, и что хотя, по его исключительному положенію, его способъ дѣйствій долженъ быть иной, онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу.

Заинтересовавшись квакерами, императоръ выразилъ желаніе видѣть одинъ изъ ихъ домовъ; но это было невозможно въ суетѣ лондонской жизни. Онъ хотѣлъ сдѣлать это въ Брайтонѣ, но и тамъ громадная толпа народа помѣшала ему въ этомъ. Уже на пути въ Дувръ императоръ увидѣлъ квакера съ женой, стоявшихъ у дверей своего дома и смотрѣвшихъ на поѣздъ. Императоръ велѣлъ остановиться, вышелъ съ великой княгиней изъ экипажа и просилъ у хозяевъ позволенія видѣть внутренность ихъ дома. Имъ показали главныя комнаты и они приняли завтракъ, предложенный хозяевами. Прощаясь, великая княгиня «поцѣловала жену квакера», а императоръ поцѣловалъ ея руку [1].

Кромѣ «Жизни Вильяма Аллена» и «Мемуаровъ Грелье», по которымъ составилъ свой разсказъ Кённингэмъ, эта аудіенція была также описана и третьимъ членомъ квакерской депутаціи, Вилькинсономъ, у котораго мы заимствуемъ еще нѣкоторыя подробности. Вилькинсонъ, какъ и его товарищи, съ великимъ уваженіемъ и похвалами говоритъ о благочестіи императора, который высказывалъ вообще большое сочувствіе къ духовнымъ принципамъ квакерской религіи. Разспрашивая объ ихъ обществѣ, онъ между прочимъ сказалъ: «какимъ образомъ никто изъ людей вашего общества не былъ въ Россіи? Если кто-нибудь изъ нихъ отправится въ мою страну по религіознымъ предметамъ, пусть онъ не ждетъ представленія, а приходитъ прямо ко мнѣ; я буду радъ видѣть его». Эти послѣднія слова онъ повторилъ еще разъ. Прощаясь съ квакерами, онъ говорилъ: «я разстаюсь съ вами какъ другъ и братъ» [2].

Разсказъ Вилькинсона, въ частномъ письмѣ отъ 21 іюля 1814 г., напечатанъ былъ въ особой книжкѣ въ 1817 году [3].

---

[1]) Cunningham, стр. 241—245.

[2]) Мы упомянули уже, что квакеры называютъ себя *друзьями*.

[3]) A Correct Statement of what passed at a conference between the Emperor Ale-

Понятно, что благосклонность императора и приведенныя слова его могли казаться почти прямымъ приглашеніемъ для квакеровъ побывать въ Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ они дѣйствительно отправились въ новую миссію, цѣлью которой была на этотъ разъ и Россія. Предпріимчивость квакеровъ и внимательность, оказанная имъ со стороны императора Александра, довольно понятны при тогдашнихъ обстоятельствахъ секты и вкусахъ императора. Въ это время — замѣчаетъ Кённингэмъ — за квакерами установилась репутація самой благожелательной и человѣколюбивой секты въ мірѣ. И дѣйствительно, всѣмъ извѣстны были стремленія квакеровъ къ уничтоженію невольничества; Елизавета Фрей была уже извѣстна своими трудами для улучшенія тюремъ; школы взаимнаго обученія, дѣло Ланкастера, сильно поддерживаемое Алленомъ, начали быстро распространяться за предѣлы Англіи. «Быть квакеромъ, значило быть филантропомъ; и свѣтъ охотно прощалъ нелѣпости костюма и обычаевъ за горячее сердце, которое билось подъ квакерской одеждой». Въ той части общества, которая искренно желала улучшеній, питала въ себѣ надежды на исправленіе общественныхъ порядковъ, дѣятельность квакеровъ, при всей односторонности, могла находить симпатію, какъ Овэнъ и Бентамъ могли соединяться въ одномъ дѣлѣ съ Уокеромъ и Алленомъ. Въ обществахъ было еще много порывовъ свободы и человѣколюбія; еще не успѣлъ остыть энтузіазмъ временъ войны за освобожденіе, и лучшіе люди, иногда весьма различныхъ политическихъ и религіозныхъ принциповъ, сближались на общихъ отвлеченныхъ интересахъ человѣческой нравственности и благосостоянія. Въ первые годы реставраціи, когда еще не наступило послѣднее столкновеніе враждебныхъ общественныхъ элементовъ, «либерализма» и реакціи, даже въ числѣ людей, ставшихъ потомъ открытыми врагами общественной свободы, было много такихъ, которые при всѣхъ реакціонныхъ наклонностяхъ участвовали въ этихъ планахъ нравственнаго освобожденія человѣчества: филантропія была въ то время въ большомъ ходу, и такъ какъ занятія этой филантропіей въ сущности ни къ чему особенному не обязывали, то она и могла пріобрѣтать много приверженцевъ даже въ чисто реакціонномъ лагерѣ, и филантропы-реакціонеры готовы были думать, что этимъ способомъ достаточно удовлетво-

xander and a deputation from the Society of Quakers; consisting of J. Wilkinson, S. Grillette, and Wm. Allen, etc. London 1817. 25 стр. Здѣсь, стр. 9—17, описаніе бесѣды съ «истинно христіанскимъ императоромъ» въ частномъ письмѣ Вилькинсона (one of Three who were admitted to an Audience with the truly Christian Emperor). Самой «Жизни Аллена» и Мемуаровъ Грелье мы не имѣли подъ руками.

ряются потребности народа и общества. Такъ думали и нѣкоторые правители. Они не думали тогда, что это была только капля въ морѣ общественныхъ неустройствъ, требовавшихъ совсѣмъ иного, болѣе широкаго и послѣдовательнаго исправленія. Императоръ Александръ представлялъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ этого неопредѣленно-мечтательнаго либерализма и филантропіи. Онъ несомнѣнно желалъ добра, былъ упоренъ въ своихъ стремленіяхъ къ тому, что считалъ этимъ добромъ, но къ сожалѣнію, въ увлеченіяхъ своего личнаго чувства онъ не видѣлъ всей сущности задачи; онъ поддавался увлеченіямъ и мечтаніямъ, и удовлетворялся ими одними... Въ квакерахъ онъ увидѣлъ живое олицетвореніе представлявшихся ему идеальныхъ стремленій, и отсюда объясняется его особенная благосклонность къ «друзьямъ».

«Друзья» между тѣмъ продолжали свою пропаганду. Грелье вернулся въ Америку, но черезъ два года его снова потянуло въ Европу, и онъ отправился въ новое странствіе. Въ половинѣ 1818 г. онъ былъ уже въ Лондонѣ, у своего друга Аллена. Вскорѣ они отправились въ путь; черезъ Норвегію и Швецію, гдѣ ласково были приняты шведскимъ королемъ, они прибыли въ Петербургъ, гдѣ нашли нѣсколько «друзей».

Первый визитъ ихъ былъ къ князю А. Н. Голицыну. Они объяснили ему, что «мотивомъ для посѣщенія Россіи было у нихъ чувство религіозной обязанности, наложенной на нихъ великимъ Отцомъ человѣческой семьи, и сильное желаніе содѣйствовать общему благу человѣчества», — программа, чрезмѣрная идеальность которой въ то время не бросалась въ глаза, даже въ Петербургѣ.

Квакеры просили позволенія осмотрѣть школы, тюрьмы, больницы и другія общественныя учрежденія. Кн. Голицынъ далъ имъ это позволеніе и сказалъ, что императоръ, котораго тогда не было въ Петербургѣ, писалъ ему, чтобъ онъ принялъ квакеровъ какъ его друзей и удержалъ ихъ до его возвращенія.

Квакеры начали свои труды. Посѣтивъ тюрьмы, они увидѣли, что труды Елизаветы Фрей были уже извѣстны въ Петербургѣ и что въ тюрьмахъ сдѣланы были нѣкоторыя улучшенія; но вообще, квакеры нашли здѣсь много недостатковъ, которые ихъ опечалили. Они были очень обрадованы, когда увидѣли, что въ школахъ была въ полномъ дѣйствіи Ланкастерова система. Они однако сожалѣли, встрѣтивъ между учебными книгами одну — книжку изреченій (a book of sentences), состоявшую главнымъ образомъ изъ переводовъ съ французскаго и заключавшую не совсѣмъ одобрительныя мысли. Они тотчасъ при-

нялись за дѣло и составили учебную книжку, состоявшую исключительно изъ библейскихъ изреченій; по словамъ мемуаровъ Грелье, императоръ впослѣдствіи ввелъ эту книжку въ русскія школы, а потомъ она была принята Британскимъ и Иностраннымъ Школьнымъ Обществомъ. Кромѣ школъ, госпиталей и т. п., квакеры знакомились и съ различными сферами русскаго общества; они появлялись въ аристократическихъ домахъ и сдѣлали визиты важнымъ духовнымъ лицамъ. Извѣстны напр. ихъ бесѣды съ митрополитомъ Михаиломъ и епископомъ Филаретомъ, впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ.

Между тѣмъ, императоръ воротился въ Петербургъ, и вскорѣ послалъ за квакерами. Онъ принялъ ихъ въ небольшомъ кабинетѣ, посадилъ ихъ подлѣ себя, называлъ ихъ «старыми друзьями», вспоминалъ о свиданіи съ ними въ Лондонѣ и т. д. Квакеры говорили ему о своихъ занятіяхъ, о томъ положеніи, въ какомъ они нашли тюрьмы, сообщали о трудахъ Елизаветы Фрей, и излагали свой взглядъ, что человѣчество слишкомъ долго слѣдовало системѣ, цѣлью которой было скорѣе мщеніе, чѣмъ исправленіе; что система возмездія несостоятельна, и что съ духомъ христіанской любви гораздо согласнѣе другая система, которую уже время попробовать. Они указывали, что́ могло бы быть сдѣлано для бо̀льшаго успѣха тюремной реформы, для которой трудился въ Петербургѣ Вальтеръ Веннингъ. Они сообщили императору свои наблюденія относительно школъ, сказали объ упомянутой выше книжкѣ сентенцій и о той, которую составили они сами. Императоръ выразилъ имъ свое удовольствіе и желаніе послѣдовать ихъ совѣтамъ. Въ концѣ свиданія, продолжавшагося два часа, императоръ самъ предложилъ имъ провести вмѣстѣ нѣсколько времени въ религіозномъ самоуглубленіи и внутренней молитвѣ (по квакерскому обычаю). Квакеры сами были расположены къ этому и исполнили его желаніе.

Черезъ три недѣли, императоръ снова послалъ за Алленомъ и Грелье. Императоръ сказалъ имъ, что онъ сдѣлалъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ ими улучшеній, освободилъ нѣсколькихъ заключенныхъ, которыхъ они считали несправедливо наказанными, и такъ былъ доволенъ ихъ книжкой уроковъ изъ св. писанія, что рѣшился ввести ее во всѣ школы имперіи. Онъ говорилъ имъ о своей личной исторіи, о томъ, какъ мало было развиваемо въ немъ религіозное чувство, какъ, однако, оно жило въ немъ въ скрытомъ состояніи и раскрылось для него въ 1812 году, когда онъ сталъ читать Библію. Его разсказъ именно соотвѣтствовалъ квакерскому представленію объ отношеніи внутренняго свѣта къ внѣшнему слову. При концѣ бесѣды императоръ

сказалъ, что онъ желалъ бы, какъ прошлый разъ, провести съ ними нѣсколько времени въ молчаніи. «Это была торжественная минута, — говоритъ Алленъ; — доказательство божественнаго осѣненія было ясно, сильно, неоспоримо; это было точно возсѣданіе на небесахъ во Іисусѣ Христѣ. Черезъ нѣсколько времени, Стефенъ говорилъ самымъ пріятнымъ образомъ, и императоръ, безъ сомнѣнія, долго будетъ вспоминать его слова. Я думалъ, что мнѣ слѣдуетъ теперь принести молитву, но это казалось мнѣ такъ страшно, что я рѣшился на это только съ большимъ трудомъ; но наконецъ я всталъ, повернулся [1]) и сталъ на колѣни, императоръ подошелъ къ софѣ и сталъ на колѣни подлѣ меня, и тогда мнѣ дана была сила, какой я не чувствовалъ никогда прежде, и драгоцѣнная сила сопровождала слова. Когда это кончилось, я нѣсколько времени молчалъ и затѣмъ всталъ; вскорѣ онъ также всталъ, и мы просидѣли нѣсколько минутъ въ молчаніи.» Прощаясь, императоръ былъ очень тронутъ, онъ былъ въ слезахъ и взявъ руку Аллена, онъ поднялъ ее и поцѣловалъ [2]).

«Странная, но справедливая исторія», замѣчаетъ Кённингэмъ, изумляясь этому удивительному братству между могущественнѣйшимъ монархомъ міра и двумя иностранцами, англійскимъ и американскимъ квакерами.

Исторія дѣйствительно странная и очень любопытная, какъ психологическая черта императора Александра, въ характерѣ котораго, особенно въ послѣдніе годы, было столько разнорѣчащихъ, даже совершенно противоположныхъ явленій, до сихъ поръ мало поддававшихся объясненію.

До отъѣзда своего изъ Петербурга, квакеры были приглашены и къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которую нашли въ обычномъ печальномъ настроеніи. Въ Петербургѣ квакеры пробыли четыре мѣсяца, и отправились затѣмъ въ дальнѣйшій путь. Князь Голицынъ снабдилъ ихъ письмами къ губернскимъ властямъ, гдѣ рекомендовалъ ихъ какъ лицъ, близко извѣстныхъ императору. Естественно, что власти свѣтскія и духовныя вездѣ принимали ихъ съ почетомъ. Черезъ Москву, они отправились на югъ Россіи, гдѣ между прочимъ посѣтили молоканъ и почувствовали къ нимъ большое расположеніе, потому что въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ нашли много общаго съ своими собственными. Квакеры вообще старательно отыскивали секты, въ которыхъ находили сходство съ своими вѣрованіями; между прочимъ, они розыскали въ этомъ родѣ одну секту въ Индіи,—по-

---

1) Turned round, т. е. по-квакерски.

2) Cunningham, стр. 265—269.

нятно, что русская «духовная» секта должна была доставить имъ большое удовольствіе. Изъ южной Россіи квакеры отправились по Черному морю въ Константинополь, оттуда въ Грецію и на Іоническіе острова; въ Мальтѣ они разстались; Грелье отправился уже одинъ въ Италію, въ Римѣ онъ бесѣдовалъ съ папой, провозглашалъ въ его дворцѣ свободу совѣсти и внушалъ святому отцу, чтобы онъ отказался отъ своего мнимаго главенства надъ церковью... Изъ Англіи Грелье возвратился опять въ Америку. Съ Вильямомъ Алленомъ мы встрѣтимся еще разъ.

Бесѣды съ квакерами, кажется, не остались безъ вліянія на императора. Съ 1812 года, когда для него начался періодъ усиленной религіозности, онъ постоянно искалъ какой-нибудь опоры для своего религіозно-идеальнаго настроенія; не находя ея въ ближайшей обстановкѣ, мало питавшей его мистическій идеализмъ, онъ сближался съ людьми и сектами, въ которыхъ ожидалъ найти ее — посѣщалъ геррнгутеровъ, бесѣдовалъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ, съ г-жей Крюднеръ. Квакеры, повидимому, произвели на него особенное впечатлѣніе, — его симпатіи къ нимъ сохранялись очень долго. Въ религіозныхъ мнѣніяхъ Александра является та черта космополитической религіозности, которая естественно развивалась рядомъ съ его личными религіозными связями; вліяніе этихъ космополитическихъ взглядовъ Александра отразилось и на русской общественной жизни. Когда въ самомъ русскомъ обществѣ начиналось движеніе въ томъ же смыслѣ, это движеніе получало, конечно, особенные шансы успѣха и дѣйствительно пріобрѣло этотъ успѣхъ. Въ русскомъ обществѣ открыто заявляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ небывалая никогда прежде терпимость къ чужимъ исповѣданіямъ, и мистическая «внутренняя церковь» становится почти господствующей церковью. Съ 1814 года Александръ начинаетъ особенно покровительствовать Библейскому Обществу и оно быстро распространяется по всей Россіи. Онъ интересуется ланкастерскими школами, которымъ такъ покровительствовали квакеры, и ланкастерская система также сильно распространяется. Вильямъ Алленъ оказывалъ въ Лондонѣ всякое содѣйствіе Гамелю, который занялся изученіемъ ланкастерской системы по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ [1]); въ 1815 году послано было за границу нѣсколько студентовъ педагогическаго института съ спеціальной цѣлью изученія ланкастерской системы и новыхъ си-

[1]) См. любопытную книгу: «Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Ланкастера и другихъ и пр. Доктора мед. I. Гамеля». Пер. съ нѣм. Спб. 1820.

стемъ швейцарской педагогіи. Ланкастерскія школы стали учреждаться даже въ полкахъ для обученія солдатъ; кажется, первая школа этого рода была устроена въ Мобежѣ, во Франціи, гдѣ стояли тогда русскія войска; потомъ такія школы учреждаемы были при полкахъ и въ Петербургѣ. Пріѣздъ квакеровъ въ Петербургъ кажется еще больше оживилъ это дѣло: въ 1819 г. въ Петербургѣ уже основывается цѣлое общество для устройства ланкастерскихъ школъ, и въ числѣ лицъ, которыя здѣсь трудились, были, кажется, люди, прямо принадлежавшіе квакерскому обществу [1]).

О какой неодобрительной книжкѣ говорили квакеры императору Александру, и какіе «уроки изъ свящ. писанія» они предложили взамѣнъ ея, объ этомъ мы не имѣемъ пока ближайшихъ свѣдѣній. Но съ этимъ указаніемъ совпадаютъ по времени и обстоятельствамъ слѣдующіе факты. Именно въ это время членъ главнаго правленія училищъ, епископъ Филаретъ, предложилъ этому правленію о неодобрительности извѣстной книги «о должностяхъ человѣка и гражданина», изданной первоначально въ 1783 г. для народныхъ училищъ и употреблявшейся вообще въ школахъ. Филаретъ именно указывалъ, что въ этой книгѣ должности человѣка и гражданина «изложены по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Вслѣдствіе предложенія Филарета, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія велѣлъ отобрать изъ училищъ всѣ экземпляры этой книги и уничтожить ихъ [2]). Другой фактъ — тотъ, что въ томъ же 1819 г. при главномъ правленіи училищъ (гдѣ только послѣ, въ 1820 году, учрежденъ былъ особый комитетъ для составленія учебниковъ по ланкастерской методѣ) были напечатаны таблицы чтенія изъ священнаго писанія, составленныя по ланкастерской методѣ Филаретомъ. Любопытно изслѣдовать, не было ли мнѣніе Филарета, поданное въ главное правленіе училищъ, только отголоскомъ того, что̀ говорили квакеры Александру, и его таблицы только копіей или переводомъ ихъ книжки? Обѣ эти вещи могли быть сдѣланы именно для исполненія желаній императора Алексан-

---

[1]) Не имѣя теперь положительныхъ свѣдѣній объ этомъ, мы предполагаемъ это объ (англичанкѣ) Саррѣ Кильгамъ, или Килеамъ, управлявшей, въ 1821 г., «образцовымъ училищемъ для образованія дѣтей женскаго пола по правиламъ взаимнаго обученія». См. Соревн. Просвѣщ. и Благотворенія, 1823, ч. XXIII, стр. 216. Женщина съ этой фамиліей (Hanna Kilham) была ревностная миссіонерка квакерскаго общества: она проникла въ Африку и тамъ занималась обученіемъ. Cunningham, стр. 305.

[2]) Записки Шишкова, стр. 85.

дра, — и всего ближе могъ ихъ исполнить Филаретъ, близкій другъ и помощникъ кн. Голицына, конечно знавшаго эти подробности бесѣдъ квакеровъ съ Александромъ.

Впослѣдствіи, Шишковъ въ свою очередь напалъ на Филарета и защищалъ уничтоженную книгу, и въ этомъ случаѣ былъ конечно правъ, потому что книга «о должностяхъ человѣка и гражданина» не только не была вредна, но могла бы быть и гораздо полезнѣе многихъ позднѣйшихъ книгъ. Винить ли квакеровъ за этотъ поданный ими примѣръ въ преслѣдованіи книгъ, если имъ дѣйствительно принадлежитъ начало этого страннаго уничтоженія? Но квакеры были въ правѣ не находить этой книжки по своему вкусу и могли выразить свое мнѣніе; и едва ли не больше виноваты сами услужливые исполнители, которымъ можно было бы не торопиться уничтоженіемъ... Притомъ, если въ этомъ и подобныхъ случаяхъ квакеры могли давать плохіе совѣты, то справедливость требуетъ сказать, что они давали и хорошіе, — не ихъ вина, если хорошіе совѣты не исполнялись, а исполнялись дурные.

Новое свиданіе съ Вильямомъ Алленомъ императоръ Александръ имѣлъ въ 1822 году. Императоръ долженъ былъ отправиться на Веронскій конгрессъ; Алленъ воспользовался этимъ случаемъ и отправился въ Вѣну, гдѣ, какъ ему было извѣстно, императоръ долженъ былъ остановиться на нѣсколько времени по пути въ Верону. Квакеры продолжали свою борьбу противъ торговли неграми. Дѣло это все еще не было кончено, потому что торговля, хотя и запрещенная на бумагѣ, продолжала существовать на дѣлѣ, и даже процвѣтала больше, чѣмъ когда-нибудь. Квакерамъ хотѣлось, чтобы она преслѣдовалась какъ пиратство, — этимъ однимъ средствомъ можно было бы остановить ее, и Алленъ думалъ воспользоваться «дружбой» императора Александра, чтобы эта мѣра могла быть проведена на конгрессѣ.

Въ концѣ сентября Алленъ прибылъ въ Вѣну, и Александръ скоро послалъ за нимъ. Ихъ новая встрѣча была такая же дружеская, какъ въ Петербургѣ. Императоръ отдалъ ему весь вечеръ, и самъ предложилъ Аллену начать молитвой; квакеръ предпочелъ сначала разговоръ о занимавшихъ его предметахъ. Онъ говорилъ о меннонитскихъ колоніяхъ, о русскихъ ланкастерскихъ школахъ, о греческомъ вопросѣ, наконецъ, о торговлѣ неграми; Александръ отвѣчалъ на послѣднее, что онъ совершенно сочувствуетъ мнѣніямъ Аллена, и обѣщалъ сдѣлать на конгрессѣ все, что можетъ, по этому предмету. Алленъ разска-

зываетъ, что въ продолженіе всего разговора императоръ показывалъ такую мягкость и благосклонность, что у него пропалъ всякій страхъ и они говорили такъ фамильярно, какъ старые друзья. Вечеръ кончился опять квакерской молитвой вмѣстѣ... Въ заключеніе,—говоритъ Алленъ,—«мы оба были проникнуты сладкимъ чувствомъ божественной благости; и когда я замѣтилъ, что это заставило меня на минуту забыть различіе нашихъ положеній, онъ съ чувствомъ обнялъ меня рукой».

Нѣсколько дней спустя квакеръ снова былъ у императора и пилъ у него чай—отказавшись отъ сахару, котораго Алленъ не употреблялъ, какъ продукта невольничьяго труда. Бесѣда опять длилась долго; императоръ повѣрялъ квакеру свои религіозные опыты и постоянную внутреннюю борьбу. Наконецъ, они провели нѣсколько времени въ молчаніи и молитвѣ. На прощаньѣ императоръ поцаловалъ квакера.

Алленъ пріобрѣлъ въ Вѣнѣ большую извѣстность; онъ посѣщалъ дипломатовъ, въ особенности онъ имѣлъ сношенія съ княземъ Эстергази и герцогомъ Веллингтономъ, которые совѣтовали ему отправиться въ Верону, гдѣ долженъ былъ разбираться и занимавшій его вопросъ о невольничествѣ. Но въ Веронѣ Алленъ увидѣлъ, что вопросъ сильно запутывался, и надежды его не исполнились. Здѣсь онъ опять имѣлъ два свиданія съ императоромъ Александромъ. На одномъ изъ нихъ зашла рѣчь о вѣротерпимости, по поводу вальденсовъ, которыхъ преслѣдовалъ король сардинскій [1]). Императоръ полагалъ, что если сектаторы нападаютъ на господствующую религію, то власть должна вмѣшаться; но квакеръ не соглашался съ этимъ и изложилъ взглядъ своей секты о полной свободѣ въ предметахъ религіи. Концомъ ихъ бесѣдъ и теперь, какъ прежде, были молчаніе, въ въ ожиданіи осѣненія святого Духа, и молитва. Императоръ обнялъ и три раза поцаловалъ Аллена. «Ахъ, сказалъ онъ, когда и гдѣ мы еще встрѣтимся!» [2]).

Они уже больше не встрѣтились; но это все-таки не была послѣдняя квакерская бесѣда императора Александра. Черезъ два года послѣ этого былъ въ Петербургѣ другой извѣстный дѣятель квакерства, Томасъ Шиллитё (Shillitoe, род. 1754): онъ два раза принятъ былъ императоромъ,—они говорили о своихъ ре-

---

[1]) Вслѣдствіе этого разговора, — какъ разсказывается въ мемуарахъ Грелье, — императоръ принялъ большое участіе въ этомъ горномъ племени, и впослѣдствіи устроилъ для нихъ госпиталь въ Ла-Турѣ.

[2]) Cunningham, стр. 281 — 285.

лигіозныхъ опытахъ, сидѣли въ молчаніи и вмѣстѣ молились. Этотъ Томасъ Шиллитё извѣстенъ, между прочимъ, какъ одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ о трезвости, ради которой стали основываться потомъ извѣстныя общества: онъ не пилъ вина, употреблялъ только растительную пищу и былъ великимъ врагомъ пьянства.

Кваверы вообще должны были имѣть видъ большихъ чудаковъ: начиная съ ихъ нравственныхъ особенностей, постоянныхъ вдохновеній, руководившихъ ихъ важными рѣшеніями, ихъ смѣлаго и оригинальнаго вмѣшательства въ нравственно-общественные вопросы, ихъ миссіонерскихъ странствованій и страсти обращать государей къ своимъ принципамъ, начиная съ этого и кончая оригинальнымъ костюмомъ и внѣшними пріемами, они бросались въ глаза, появляясь въ средѣ общества. Но рядомъ съ этими странностями твердость убѣжденія, не отступавшая ни передъ чѣмъ, давала имъ авторитетъ, на какой они не могли бы имѣть притязанія по обыкновеннымъ отношеніямъ. Упорное миссіонерство должно было особеннымъ образомъ закалять характеры и убѣжденія, и они рѣшались на поступки, которые счелъ бы невозможными всякій другой. Грелье убѣждаетъ папу отказаться отъ своей власти; Шиллитё представляетъ въ 1813 адресы принцу-регенту, гдѣ изображаетъ ему его грѣхи и т. п. Этотъ Шиллитё былъ въ особенности чудакъ. Его описываютъ такимъ образомъ:

«Томасъ Шиллитё (которому во время свиданія съ Александромъ было семьдесятъ лѣтъ) былъ маленькій человѣкъ съ живыми движеніями, довольно оригинальной головой и лицомъ: выдавшійся лобъ, глубоко лежавшіе глаза съ густыми бровями, крючковатый носъ, и сильно выдавшаяся нижняя челюсть, показывавшая рѣшительность. Нервность его темперамента доходила до опасной болѣзненности. Онъ слышалъ голоса, говорившіе его внутреннему чувству. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ воображалъ себя чайникомъ, и очень боялся, чтобы люди, подходившіе къ нему близко, не разбили его. Въ другомъ припадкѣ ипохондріи онъ думалъ, что ему надо бѣжать бѣгомъ черезъ лондонскій мостъ, чтобы мостъ не сломался подъ его тяжестью. Одинъ поразительный случай убійства такъ подѣйствовалъ на его воображеніе, что онъ нѣсколько недѣль скрывался, чтобы его не приняли за убійцу. Увидѣть мышь стоило бы ему болѣзни. Онъ часто «пугался изъ страха, чтобы чего-нибудь не испугаться», какъ онъ самъ описывалъ свое непріятное состояніе; и однакоже въ другихъ случаяхъ этотъ человѣкъ былъ неустрашимъ, какъ герой».

Англійскій историкъ замѣчаетъ: «Такими людьми наполнены у насъ дома умалишенныхъ, но изъ такихъ же людей образовались нѣкоторые изъ нашихъ величайшихъ геніевъ и благодѣтелей. На одинъ лишній волосокъ въ ту или другую сторону, и въ этомъ вся разница». (Cunningam, стр. 225).

Мы видимъ такимъ образомъ, что это пристрастіе императора Александра къ квакерству вовсе не было въ немъ случайной прихотью. Напротивъ, оно соотвѣтствовало всему характеру его религіозности. Его мистическое настроеніе склонно было искать необычнаго и чудеснаго и потому легко увлекается странными или вычурными формами, дѣйствующими на воображеніе и на нервы. Точно также онъ увлекался Юнгомъ-Штиллингомъ, г-жей Крюднеръ; въ Петербургѣ онъ, по разсказу Шницлера, посѣщалъ келью какого-то схимника и поддавался даже краснорѣчію архимандрита Фотія.

Воспитаніе, какъ и самъ онъ говорилъ, не дало ему твердо опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, и потому онъ сталъ потомъ искать ихъ самъ, когда внутренняя тревога обратила его къ религіи. Это началось въ то время, когда ему пришлось выносить тяжелыя испытанія и его нравственныя силы были потрясены, и потому его мистическія увлеченія были такъ порывисты и нервны. Въ организмѣ физическомъ бываютъ состоянія, которыя особенно способствуютъ мистической мечтательности, — это обстоятельство, кажется, играло роль и въ настоящемъ случаѣ. Какъ бы то ни было, императоръ Александръ остался навсегда съ этимъ мистицизмомъ.

Кромѣ этого чисто мистическаго элемента, въ тогдашнемъ нравственномъ настроеніи Александра, какъ оно обнаруживается и въ сношеніяхъ съ квакерами, былъ также другой элементъ — мягкаго гуманнаго чувства. Это чувство было кажется врожденнымъ свойствомъ его характера; оно не всегда выражалось въ его политикѣ и правленіи, въ сложности, вообще выразилось меньше, чѣмъ можно было бы ожидать по его воспитанію и первымъ его дѣйствіямъ; оно часто извращалось и даже вовсе отсутствовало во многихъ случаяхъ его внѣшней и внутренней дѣятельности, но едва ли можно сомнѣваться, что оно оставалось до конца его свойствомъ и никогда не покидало его вполнѣ. Въ періодъ реставраціи оно съ особенной силой направилось на ту отвлеченную филантропію, о которой мы выше упоминали: по этимъ

побужденіямъ онъ сталъ теперь покровительствовать библейскимъ обществамъ, раздѣлялъ филантропическіе планы Аллена и Грелье, поощрялъ ланкастерскія школы, заявлялъ свое благоволеніе Песталоцци, наконецъ выслушивалъ планы Роберта Овэна — на Ахенскомъ конгрессѣ [1]).

Но во всемъ этомъ онъ въ то же время обнаруживалъ большую нерѣшительность: увлекаясь, повидимому, вполнѣ извѣстной идеей, онъ, однако, не давалъ ей полной воли надъ собой. Извѣстно, что такія же колебанія обнаруживались и въ его цѣлой политической дѣятельности за это время, въ которой онъ попемѣнно то одушевлялся великодушными планами для блага и свободы народовъ, то отдавался паническому страху передъ ожидаемыми революціями; эти колебанія и происходившія изъ нихъ противорѣчія его поступковъ объясняли часто тонкимъ притворствомъ и макіавелизмомъ и называли Александра византійскимъ грекомъ. Но такія объясненія едва ли вѣрны; едва ли не слѣдуетъ скорѣе принять, что Александръ не могъ выйти самъ изъ постоянной борьбы противоположныхъ принциповъ и влеченій, какъ это было и съ его религіозными понятіями; онъ не могъ выйти изъ противорѣчія между крайней спиритуалистической религіозностью, какая одушевляла его самого и сближала его съ квакерами, и тѣми традиціонными представленіями, въ силу которыхъ дѣйствовалъ на него архимандритъ Фотій. Онъ былъ, конечно, искрененъ въ своихъ бесѣдахъ съ квакерами, и читая ихъ разсказы объ этихъ бесѣдахъ, едва ли можно увидѣть въ немъ византійскаго грека.

А. П.

---

[1]) Р. Овэнъ представилъ союзнымъ монархамъ мемуаръ, излагавшій его взгляды о преобразованіи общества, и его потомъ извѣстили, что его мемуаръ нашли самымъ важнымъ документомъ, какіе были представлены конгрессу. Booth, R. Owen, стр. 79. Но конечно изъ этого ничего не вышло.

МЕМУАРЫ

ИЗЪ

ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

(1825 — 1839 г.)

Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. Beiträge zur Geschichte des St.-Petersburger Militäraufstandes vom 14 (26) December 1825 und seiner Theilnehmer. Leipzig, 1869.

«Я слишкомъ хорошо знаю—говоритъ не назвавшій себя на обертвѣ сочиненія составитель «Мемуаровъ одного изъ русскихъ декабристовъ» — что характеръ и образъ дѣйствія большинства людей опредѣляются духомъ времени и обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ они развивались, а потому не рѣшусь злобно отнестись даже и къ тѣмъ, которые были къ намъ строги. Я хотѣлъ бы также просить своихъ читателей, а особенно тѣхъ между ними, которые смутятся при томъ или другомъ извѣстіи, сообщаемомъ мною, — я просилъ бы ихъ обратить вниманіе и не упускать изъ виду того порядка вещей, при которомъ мы были осуждены и наказаны: это имъ объяснитъ многое и вмѣстѣ послужитъ основаніемъ для извиненія въ томъ, почему съ нами поступили такъ, а не иначе. Тоже случится и съ тѣми, которые увидятъ какое-нибудь дорогое имъ имя связаннымъ съ дѣяніями того времени, съ дѣяніями, которыя въ настоящее время, вѣроятно, оказались бы невозможными... Истина и ничего кромѣ истины не должно быть сказано теперь, послѣ того какъ пущено въ свѣтъ столько ложнаго и несправедливаго и о насъ, декабристахъ, и о нашихъ противникахъ. Именно въ наше время, бывши свидѣтелемъ великихъ реформъ, совершен-

ныхъ въ Россіи, дѣлается особенно интереснымъ изображеніе во всѣхъ подробностяхъ замѣчательнѣйшаго періода прошедшей исторіи, и автору мемуаровъ о той эпохѣ теперь остается одна цѣль, а именно, дать вѣрныя свѣдѣнія какъ о собственной судьбѣ и стремленіяхъ, такъ и о судьбѣ и стремленіяхъ своихъ друзей».

Прочтя самые мемуары до конца, мы должны согласиться, что такое предисловіе къ нимъ было не фразою или реторическимъ маневромъ со стороны ихъ автора: безпристрастіе къ себѣ и къ «противникамъ», полное незлобія, невозмутимое спокойствіе и трезвый взглядъ на прошедшее не оставляютъ автора ни на минуту и внушаютъ читателю совершенное довѣріе къ словамъ человѣка, который поставилъ себѣ задачею оправдать отъ нареканій не только себя, но и своихъ противниковъ.

Таково первое и самое важное отличіе этихъ мемуаровъ отъ многаго, что было писано до сихъ поръ о послѣднихъ годахъ Александровской эпохи. Кромѣ того, всѣ, занимавшіеся декабрьскими событіями, сосредоточивали главное вниманіе на самой ихъ развязкѣ, которая, какъ видно, была совершенно случайна и неожиданна для самихъ дѣйствующихъ лицъ, а потому говорили подробно только о самомъ днѣ возстанія, о процессѣ, послѣдовавшемъ за нимъ, и наказаніи; между тѣмъ авторъ настоящихъ мемуаровъ не забываетъ и событій, приведшихъ къ 14-му декабря, и почти одинъ сообщаетъ намъ разнообразныя подробности жизни ссыльныхъ въ Сибири.

Авторъ записокъ, какъ мы замѣтили, не выставилъ своего имени на книгѣ, но въ самомъ текстѣ объясняется вполнѣ, кому принадлежатъ мемуары, а при сводкѣ разбросанныхъ извѣстій объ авторѣ весьма легко назвать его даже по имени. Авторъ служилъ въ финляндскомъ егерскомъ полку, въ чинѣ поручика. 14-го декабря, онъ остановился съ своею ротою на Исакіевскомъ мосту (который тогда соединялъ Васильевскій островъ съ Сенатскою площадью), съ тѣмъ чтобы оказать, какъ въ томъ послѣ его обвинили, пассивную помощь инсургентамъ, не допустивъ другіе полки, не участвовавшіе въ возстаніи, къ переходу. Когда впослѣдствіи авторъ былъ переведенъ изъ Сибири на Кавказъ, одинъ изъ знавшихъ его въ Петербургѣ, говоря о немъ, назвалъ его барономъ Р. (стр. 341); упоминая о своемъ наказаніи, авторъ объявляетъ, что онъ былъ помѣщенъ въ пятую категорію и одинъ, вмѣстѣ съ Глѣбовымъ, не получилъ облегченія своей участи, а на стр. 135 представленъ имъ полный списокъ пятой категоріи, при замѣчаніи, что «Глѣбову и барону *Розену* приговоръ ихъ не былъ смягченъ».

Ближайшее свое отношеніе къ партіямъ, на которыя раздѣ-

лялось общество въ послѣдніе годы правленія Александра I-го, авторъ высказалъ съ обычною ему искренностью на своемъ первомъ допросѣ, 8-го января 1826, въ коммиссіи.

«Въ девять часовъ вечеромъ 8-го января, вошелъ ко мнѣ плацъ-маіоръ, съ цѣлью вести меня въ слѣдственную коммиссію, которая собиралась ежедневно въ домѣ коменданта. Онъ завязалъ мнѣ глаза, и на этотъ разъ такъ плотно, что все мое лицо было имъ покрыто. На лѣстницѣ, ведшей въ комендантскую, я слышалъ голоса, сквозь платокъ можно было разсмотрѣть каретные фонари; передняя была наполнена лакеями. Въ слѣдующей комнатѣ плацъ-маіоръ посадилъ меня на стулъ и приказалъ ожидать его возвращенія. Я тотчасъ приподнялъ платокъ, и увидѣлъ большія двухстворчатыя двери, позади меня огромныя ширмы, за ширмами двѣ свѣчки, а въ комнатѣ ни одной души. Не знаю, откуда мнѣ пришла мысль, что вотъ-вотъ двери распахнутся и меня застрѣлятъ? Очевидно, это было воображеніе, настроенное таинственнымъ обращеніемъ со мною плацъ-маіора и крѣпкою повязкою глазъ. Такъ просидѣлъ я часъ. Наконецъ явился плацъ-маіоръ и повелъ меня съ завязанными глазами чрезъ ближайшую, весьма хорошо освѣщенную комнату; я слышалъ скрипъ множества перьевъ, не имѣя однако возможности разсмотрѣть писцовъ. Въ дальнѣйшей комнатѣ опять скрипъ перьевъ, и ни одного звука голоса. Наконецъ, достигнувъ третьей комнаты, плацъ-маіоръ сказалъ мнѣ въ полголоса: «стойте тутъ». Съ полминуты не было слышно ни голоса, ни движенія; наконецъ раздались слова: «снимите платокъ!» — Это былъ голосъ великаго князя Михаила. Я увидѣлъ предъ собою столъ; на верхнемъ концѣ сидѣлъ президентъ коммиссіи, военный министръ Татищевъ, справа отъ него великій князь, а за нимъ слѣдовали: извѣстный И. И. Дибичъ, С. А. Кутузовъ и генералъ-адъютантъ гр. Бенкендорфъ; на лѣво сидѣли кн. А. Н. Голицынъ, единственное гражданское лицо, генералъ А. И. Чернышевъ, Левашевъ и полковникъ В. Адлербергъ, на котораго были возложены обязанности секретаря. Всѣ они были во многихъ отношеніяхъ люди достойные уваженія, но никто изъ нихъ не обладалъ качествами компетентнаго и образованнаго юриста... Первый вопросъ предложилъ великій князь: Какимъ образомъ вы могли, будучи командиромъ всего какой-нибудь роты стрѣлковъ, удержать цѣлые три полка, когда уже полки стояли *впереди* вашей роты?— «Когда баталіонъ возвращался изъ казармъ, его построили въ колонны и такимъ образомъ, моя рота очутилась впереди тѣхъ полковъ». — Извините, я не зналъ этого обстоятельства, замѣтилъ дружескимъ тономъ великій князь. Затѣмъ спрашивалъ Ди-

бичъ, съ какою цѣлью я остановилъ моихъ солдатъ посреди Исакіевскаго моста. Я отвѣчалъ, что, замѣтивъ, какъ на Сенатской площади не было ни предводителя, ни единства, ни точности въ распоряженіи, я считалъ болѣе цѣлесообразнымъ стоять на мѣстѣ и не приступать къ дѣйствію.—«Понимаю,—сказалъ Дибичъ, въ качествѣ тактика, — вы имѣли въ виду образовать собою хорошій резервъ». — За тѣмъ онъ предложилъ вопросъ: «Съ котораго времени вы принадлежите тайному обществу, и кто васъ ввелъ туда?»

— Я не былъ никогда членомъ какого-нибудь тайнаго общества.

— Вы вѣрно думаете, что дѣло идетъ объ особыхъ обрядахъ или церемоніяхъ, знакахъ и условіяхъ, какъ то дѣлается въ братствѣ масонскихъ ложъ; если вы знали только цѣль общества, то вы уже, значитъ, членъ общества.

— Я имѣлъ честь докладывать вашему превосходительству, что меня не принималъ никто въ какое-нибудь тайное общество, и я ссылаюсь въ томъ на всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, не опасаясь ни свидѣтельскихъ показаній, ни очныхъ ставокъ.

«При этомъ меня перебилъ С. А. Кутузовъ:—«Однако вы были знакомы съ Рылѣевымъ?» — Я его знаю, потому что мы вмѣстѣ съ нимъ воспитывались въ первомъ кадетскомъ корпусѣ.

— Развѣ вы не знали также и Оболенскаго?

— Я знаю его очень хорошо; я вмѣстѣ съ нимъ служилъ: онъ былъ старшій адъютантъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса,— какъ же мнѣ его не знать?

— Какія тутъ намъ нужны еще доказательства? замѣтилъ Кутузовъ.

«Я замолчалъ, хотя мнѣ было не трудно замѣтить ему, что и онъ зналъ князя Оболенскаго, а слѣдовательно, могъ также считаться членомъ общества.

«Предсѣдатель Татищевъ объявилъ мнѣ, что завтра я получу изъ коммиссіи письменные вопросы, и долженъ отвѣчать на нихъ письменно по пунктамъ. Прежде нежели окончился допросъ, полковникъ Адлербергъ сказалъ мнѣ: «Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы хотѣли заколоть шпагою стрѣлка, стоявшаго вторымъ на правомъ флангѣ, такъ какъ онъ уговаривалъ многихъ изъ своихъ товарищей слѣдовать за ротою карабинеровъ.»

— Мои солдаты, господинъ полковникъ, никогда не говорятъ во фронтѣ; одинъ изъ нихъ, не знаю второй или третій съ фланга, хотѣлъ выступить впередъ, и я дѣйствительно удержалъ его саблей, угрожая такимъ образомъ каждому, кто пошевелится безъ моего приказанія.»

Нѣтъ причинъ думать, чтобы авторъ, какъ можно было ожидать въ его положеніи, отвѣчалъ на допросы неискренно: судя по первой главѣ его воспоминаній, посвященной обзору тайныхъ обществъ въ Россіи (1815—1825) онъ и не могъ принадлежать самъ какому-нибудь тайному обществу, что̀ онъ отрицалъ и въ коммиссіи. Эта глава, которую мы встрѣтили бы съ наибольшимъ интересомъ, составлена авторомъ, очевидно, не по личнымъ наблюденіямъ, а по литературнымъ источникамъ и документамъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе показанія автора мѣстами дополняютъ уже извѣстное и служатъ провѣркою его, мѣстами же представляютъ интересную оцѣнку лицъ и событій, приводимую человѣкомъ, видѣвшимъ многое своими глазами, весьма искреннимъ, и притомъ на разстояніи большого пространства времени, когда всякому легче выражать истину, и только истину.

Такъ, особенно замѣчательна характеристика русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ того времени и ихъ взаимныя отношенія.

«Около этого времени, — говоритъ авторъ, — С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ дѣлали попытку (въ 1824 г.) познакомиться съ польскими тайными обществами, и гр. Александръ Ходкевичъ вмѣстѣ съ Крыжановскимъ открыли переговоры Варшавскаго Общества съ Южнымъ Комитетомъ. При первомъ совѣщаніи депутатовъ, Крыжановскій объявилъ, что онъ не имѣетъ никакого полномочія принимать какія-нибудь рѣшенія: ему поручено только положить начало къ обоюдному соглашенію обществъ. Эти первые переговоры были продолжительны, но остались безъ послѣдствій, такъ какъ у польскихъ депутатовъ не оказывалось полномочій. То, въ чемъ сознался Б. Рюминъ, не вѣрно передано въ слѣдственной коммиссіи; настоящей «конвенціи съ Крыжановскимъ» не было заключено тогда, такъ какъ онъ не имѣлъ полномочій и не могъ давать никакихъ обѣщаній. Порѣшено было только одно: именно, что дальнѣйшіе переговоры будутъ ведены, съ русской стороны, С. Муравьевымъ - Апостоломъ, а съ польской — Гродецкимъ и Чайковскимъ. Отвѣта, обѣщаннаго Крыжановскимъ, пришлось ждать долго. Наконецъ, кн. Волконскій привелъ къ Пестелю Гродецкаго, и въ 1825 г. Пестель имѣлъ свиданіе съ кн. Яблоновскимъ, снабженнымъ инструкціею изъ «Патріотическаго Общества»; но Крыжановскій, бывшій уже въ то время въ Кіевѣ, по случаю смерти отца, избѣгалъ всякихъ свиданій съ русскими. Свиданіе Пестеля съ Яблоновскимъ происходило въ присутствіи кн. Волконскаго. Пестель изложилъ обстоятельно цѣль свиданія и сказалъ, что ему необходимо знать намѣренія польской пар-

тіи и ея отношенія къ русскимъ, такъ какъ средняго пути въ настоящемъ вопросѣ быть не могло: поляки должны объявить себя или противниками или приверженцами русской революціи. «Мы можемъ достигнуть свободы безъ вашей помощи, говорилъ Пестель, но если вы потеряете случай къ соглашенію съ нами, то лишитесь всякой надежды когда-нибудь достигнуть народной самостоятельности. А прежде всего вы должны знать, какой думаете ввести у себя образъ правленія, если отечество ваше пріобрѣтетъ независимость»? Князь Яблоновскій отвѣчалъ откровенно, что главная цѣль «Патріотическаго Общества» направлена къ тому, чтобы возстановить границы Польши, какъ онѣ были до второго раздѣла, и онъ долженъ знать, прежде всего, согласится ли русское тайное общество на такое требованіе? Пестель возразилъ, что этотъ пунктъ не представляетъ затрудненій, и въ случаѣ недоумѣнія, вопросъ: кому отойдутъ литовскія провинціи, России или Польшѣ, — можно будетъ рѣшить, узнавъ волю самого населенія. Кн. Яблоновскій объяснилъ дальше, что польское общество, относительно формы правленія, не рѣшило ничего до настоящей минуты, а личное его мнѣніе наклонно къ монархическо-конституціонному правленію. Пестель былъ другого мнѣнія, и въ одушевленной рѣчи сталъ развивать преимущества республиканскаго правленія, образецъ котораго онъ видѣлъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Очевидно, русское и польское тайныя общества не сходились въ основаніи, и только въ виду общей, но отвлеченной цѣли показывали видъ, что послѣ они устроятъ какъ-нибудь свои личныя дѣла, между тѣмъ какъ всякому было ясно, что даже и въ случаѣ ихъ взаимнаго успѣха, въ будущемъ ихъ должна была ожидать неизбѣжная борьба, потому что національные интересы оставались у нихъ различны. Таково отчасти убѣжденіе и нашего автора, такъ какъ онъ, нѣсколько ниже, возвращаясь къ взаимнымъ отношеніямъ двухъ обществъ, говоритъ положительно: «русскій никогда не будетъ полякомъ, ни полякъ—русскимъ; они раздѣлены вѣрою, историческими преданіями и языкомъ—все это очень хорошо понимали Пестель и его сообщники, и потому имъ не приходило въ голову переступить племенные предѣлы, положенные между двумя націями. При невозможности слiянія, при различіи образованія въ высшихъ классахъ, и религіи въ низшихъ классахъ обоихъ народовъ, при неравности характера русскихъ и поляковъ, они видѣли единственное спасеніе въ федеральномъ устройствѣ. Потому, по плану Пестеля, Польша должна была составлять особое государство, но отдѣльно отъ Литвы и Украины; всѣ эти провинціи, равно какъ Финляндія и балтійскія провин-

ціи должны были образовать изъ себя союзъ. Устройство этого союза излагалось въ Пестелевскомъ кодексѣ (Русская Правда), и было выработано по образцу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ» и т. д.

Стараясь скрыть отъ себя основное несогласіе съ союзниками, русское тайное общество прибѣгало къ федеративнымъ идеямъ, какъ такимъ, которыя въ теоріи указывали на возможность какого-нибудь исхода, а будетъ ли такъ на практикѣ, не потребуетъ ли федеративное устройство еще бòльшаго согласія въ цивилизаціи и одинаковыхъ преданій — на все это не было необходимости отвѣчать немедленно, а потому федерація являлась имъ соломенкою, за которую поневолѣ приходилось ухватиться, за отсутствіемъ дѣйствительнаго согласія. Существенное же различіе между русскимъ и польскимъ тайнымъ обществомъ заключалось въ огромномъ различіи между судьбами русскаго и польскаго высшаго общества тѣхъ временъ. Исторія польской аристократіи, наканунѣ паденія Рѣчи-Посполитой, останется однимъ изъ печальныхъ примѣровъ, въ какой степени ростетъ деморализація аристократіи, эксплуатирующей народную массу, и какъ можетъ такая деморализація уживаться съ весьма утонченною цивилизаціею. При всѣхъ заблужденіяхъ и увлеченіяхъ русскаго тайнаго общества, всякій отдастъ ему справедливость по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что въ немъ цѣли общечеловѣческія преобладали; либералы польской аристократіи видимо уклонялись отъ прогрессивныхъ идей и ограничивались прежде всего заботою возстановить власть королевства надъ его прежними пріобрѣтеніями и поддерживать монархическо-конституціонное правленіе только потому, что въ формѣ конституціи могло сохраниться господство аристократіи и надъ королемъ и надъ народомъ. Голоса тѣхъ частныхъ людей въ Польшѣ, которые въ концѣ прошедшаго столѣтія раздавались въ пользу народныхъ массъ,—такіе голоса были заглушены большинствомъ, и потому даже въ планахъ тайнаго польскаго общества, несмотря на всѣ бѣдствія, уже постигшія Польшу, преобладали попрежнему ультра-аристократическія тенденціи, которыми страдала польская аристократія наканунѣ паденія Рѣчи-Посполитой. Но аристократія не есть еще народъ, и потому историческія заключенія вообще, и вышеприведенныя заключенія автора отъ особенностей характера высшаго сословія къ непреодолимымъ различіямъ племеннымъ — представляютъ въ себѣ много ошибочнаго.

Симпатизируя болѣе русскому тайному обществу, за отсутствіе въ немъ сословнаго эгоизма, авторъ однако безпристрастно смотритъ на причины проиграннаго имъ дѣла. «Участники рус-

скаго тайнаго общества — говоритъ авторъ — задумали политическую невозможность и должны потому обвинять самихъ себя, если имъ пришлось сдѣлаться жертвами своего безразсудства. Но все же нельзя отвергать того, что попытка 1825 года, была задумана цвѣтомъ гвардіи и вообще высшею интеллигенціею юношества. Съ молодымъ увлеченіемъ многіе окружали тогда небольшое число особенно даровитыхъ, но одинаково чуждыхъ дѣйствительной жизни вождей... Такимъ образомъ, заговорщики и мятежники 1825 года явились просто юными мечтателями, которыхъ въ сущности слѣдовало судить вовсе не по одному политическому масштабу. Тяжкій жребій, выпавшій на ихъ долю, искупилъ вину и теперь настало время для читателя отнестись къ ихъ судьбѣ чисто съ одной гуманной точки зрѣнія...»

Первыя три главы «Мемуаровъ» посвящены описанію самаго дня 14-го декабря, послѣдовавшихъ за нимъ арестовъ и слѣдствія, приговора и осужденія, наконецъ, пути въ Сибирь. Авторъ преимущественно говоритъ только о тѣхъ подробностяхъ, которыя онъ испыталъ лично, дополняя слышаннымъ впослѣдствіи. Эта часть воспоминаній представляетъ мало новаго, а потому мы перейдемъ прямо къ описанію жизни автора въ Сибири, какъ предмету, который до сихъ поръ обращалъ на себя мало вниманія.

Прошло болѣе года съ 14-го декабря 1825 года, и только 5-го февраля 1827 г, авторъ выѣхалъ изъ Петербурга, а въ концѣ марта его привезли на мѣсто ссылки, въ Читу; почти въ два мѣсяца авторъ сдѣлалъ 6,600 верстъ. По прибытіи, онъ, вмѣстѣ съ прочими, былъ поставленъ на постройку тюрьмы, которая предназначалась для самихъ же строителей.

Въ концѣ мая, говоритъ авторъ, въ Читѣ зацвѣли горы и луга. Эта маленькая деревня лежитъ на большой дорогѣ между Байкаломъ и Нерчинскомъ, на возвышеніи, и окружена съ двухъ сторонъ высокими горами. Рѣка Чита, вблизи деревни, вливается въ судоходную рѣку Ингоду и образуетъ собою восхитительную долину. Къ сѣверу виднѣется озеро Ононъ, на берегахъ котораго Чингизъ-Ханъ творилъ свой судъ (виновныхъ, по обыкновенію, варили въ котлахъ), передъ вторженіемъ въ Россію. Потомки его монголовъ, буряты, и до сихъ поръ бродятъ по лугамъ этой богатой страны; съ своими палатками они появляются то тутъ, то тамъ, всегда на лошади, часто съ ружьемъ, обыкновенно же съ лукомъ и колчаномъ, чтобы беречь порохъ на болѣе важное. Часть бурятъ осѣлась и занимается хлѣбопашествомъ. Въ Читѣ зимою весьма холодно, но воздухъ здѣсь чистъ и здоровъ. Небо всегда ясно, кромѣ августа, когда часто повторяются

грозы и проливные дожди, отъ которыхъ дороги въ нѣсколько минутъ становятся рѣками. Замѣчательна здѣсь необычайная сила электричества: ничтожное прикосновенiе къ сукну или шерсти даетъ искру. Климатъ здоровый, и растительная сила необычайна: въ теченiе 5 недѣль, отъ iюня, когда кончаются заморозки, и до конца iюля, когда они возобновляются, успѣваютъ дозрѣвать хлѣбъ и овощи. Многiе сорты овощей въ Читѣ не были извѣстны, и одинъ изъ товарищей автора первый выростилъ тамъ огурцы (на открытомъ воздухѣ) и дыни (въ парникахъ).

Особенно знаменита долина Читы своею флорой, такъ что ее называютъ «садомъ Сибири». Авторъ нигдѣ не видалъ болѣе красивыхъ лилiй и луковичныхъ растенiй. Населенiе деревни состояло изъ 300 душъ; всѣ они были бѣдны, жили въ лачужкахъ и питались земледѣлiемъ и рыбною ловлею. Земля принадлежала казнѣ и отдавалась крестьянамъ, а эти должны были за то выжигать уголь и доставлять его водою изъ Нерчинска. Власть представлялась тамъ однимъ горнымъ чиновникомъ Смольяниновымъ, который первые четыре мѣсяца кормилъ ссыльныхъ на свой счетъ; казна давала хлѣбъ и двѣ копѣйки на человѣка. Въ три съ половиною года, проведенныхъ авторомъ въ Читѣ, это мѣстечко преобразилось и застроилось.

Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ авторъ свою жизнь, помимо ежедневныхъ работъ надъ постройкою тюрьмы и прорытiю рвовъ:

«Жизнь наша проходила въ отчаянномъ однообразiи. Сначала книгъ было у насъ немного; писать запрещалось и потому мы не имѣли ни пера, ни чернилъ. Какъ только мы собрались (т. е. изъ Петербурга) въ достаточномъ числѣ, какъ устроили изъ себя хоръ пѣнiя, что сокращало наше время. Шахматами занимались между сномъ и работой; карты можно было достать черезъ сторожей, но мы дали слово не терпѣть картъ, чтобы устранить тѣмъ всякiй поводъ къ непрiятностямъ и ссорамъ другъ съ другомъ. Тѣснота помѣщенiя извиняла нѣкоторую нечистоту въ нашей комнатѣ. Мы спали на соломѣ, покрытой кожами или шубами; ночью, при запертыхъ дверяхъ и окнахъ, воздухъ былъ несносенъ, а двери запирались съ закатомъ солнца. Рано утромъ двери открывали и потому я никогда не просыпалъ восхожденiя солнца и тотчасъ же выходилъ на воздухъ освѣжиться. Табаку я не курилъ, какъ то любили мои товарищи, которымъ потому легче было выносить спертый воздухъ. Еще до моего прибытiя въ Читѣ жила одна особа, вызвавшая во мнѣ сердечное участiе и состраданiе: это была Александра Муравьева, урожденная графиня Чернышева. Ея мужъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ,

достигъ Читы еще въ февралѣ (двумя мѣсяцами ранѣе автора); она поручила своего единственнаго сына и обѣихъ дочерей заботамъ ихъ бабушки, Катерины Ѳедоровны Муравьевой, и поспѣшила на мѣсто назначенія своего мужа, чтобы раздѣлить съ нимъ ссылку и испытанія. Но какъ велико было ея разочарованіе, когда комендантъ объявилъ ей, что инструкція не дозволяетъ ей жить вмѣстѣ съ мужемъ, и что ей дозволено только видѣться съ нимъ два раза въ недѣлю, по часу, въ присутствіи дежурнаго офицера, какъ то было въ крѣпости. Въ первый разъ я увидѣлъ эту незабвенную женщину, когда насъ вели на работу, вблизи ея жилища, которое стояло близъ темницы, гдѣ былъ заключенъ ея мужъ. Чтобы имѣть случай хоть видѣть его издалека, она сама запирала и открывала ставни по вечерамъ и по утрамъ. Кромѣ мужа тутъ находился ея зять, Ал. Муравьевъ и ея родной братъ, графъ З. Чернышевъ, единственный наслѣдникъ огромнаго майората.... Александра Муравьева была 24-хъ лѣтъ, хороша собой, высокаго роста, и полна жизни и ума. При мужѣ она была всѣмъ довольна, даже весела, чтобъ не огорчить его; но чуть она оставалась одна, ею овладѣвала тоска по дѣтямъ. Годъ спустя сынъ умеръ, а дочери лишились здоровья, быть можетъ, отъ чрезмѣрныхъ заботъ о ихъ здоровьи со стороны бабушки....

«Два мѣсяца спустя, послѣ нашего прибытія, явилась въ Читу Елисавета Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, въ сопровожденіи другой дамы, Ентальцевой. Онѣ подверглись общей участи и могли видѣться съ мужьями два раза въ недѣлю, въ извѣстные часы. У меня разрывалось сердце видѣть, какъ печально смотрѣли эти дамы вслѣдъ за нами, когда насъ вели мимо ихъ въ цѣпяхъ, а онѣ едва могли уловить взглядъ своихъ мужей, за которыми послѣдовали на конецъ міра; я благодарилъ Бога, что мнѣ удалось убѣдить жену остаться при новорожденномъ сынѣ, пока я не позову ее къ себѣ. Къ счастью, Нарышкина не оставила дома дѣтей; ея дочь уже давно умерла въ Москвѣ. Какъ ни было тягостно и печально положеніе женатыхъ, но прибытіе ихъ женъ имѣло въ высшей степени благодѣтельное вліяніе на нашу тюремную жизнь. Мы не могли писать родственникамъ; нѣкоторые изъ насъ были совсѣмъ забыты родными; это могло бы сдѣлаться участью многихъ, еслибы эти женщины не послѣдовали за нами, не вели за насъ переписку и не поддерживали такимъ образомъ память о насъ въ образованномъ мірѣ. Онѣ и въ тюрьмѣ были нашими ангелами-хранителями: ихъ кошельки были всегда открыты нуждающимся, для больныхъ онѣ выстроили новый лазаретъ. А. Муравьева выписала чрезъ свою свекровь изъ Москвы отличную аптеку и различные

хирургическіе инструменты. Одинъ изъ моихъ товарищей, бывшій полковой докторъ, Ф. Вольфъ, поселился въ этомъ лазаретѣ, отправляя должность врача и посильно помогалъ страждущимъ....

«Въ сентябрѣ 1827, прибыли къ намъ въ Читу князь Трубецкой и другіе государственные преступники, которые были прямо отправлены въ Нерчинскъ на ртутные заводы; немного спустя явились и остальные, которыхъ содержали въ Шлюссельбургѣ и Финляндіи. Съ нерчинскими осужденными прибыли двѣ женщины, которыя сдѣлались во всѣхъ отношеніяхъ нашими покровительницами. Княгиня Екатерина Трубецкая, урожденная графиня Лаваль, послѣдовала за мужемъ тотчасъ по его отправленіи, сопутствуемая секретаремъ мужа. Въ Красноярскѣ сломалась дорожная карета и спутникъ захворалъ; княгиня не хотѣла ожидать, пересѣла въ телѣгу безъ рессоръ и такъ доѣхала до Иркутска. Между тѣмъ Трубецкой былъ отправленъ дальше, въ Нерчинскъ, еще за 700 верстъ отъ Иркутска; княгиня обратилась къ тамошнему губернатору, Б. И. Цейдлеру, прося у него проводника для дальнѣйшаго пути. Но онъ имѣлъ приказаніе удерживать всѣми мѣрами женъ государственныхъ преступниковъ отъ намѣренія слѣдовать за мужьями. Сначала Цейдлеръ представилъ княгинѣ всѣ трудности существованія въ мѣстѣ, гдѣ помѣщалось до 5,000 тяжкихъ преступниковъ, съ которыми придется жить вмѣстѣ въ казармахъ, безъ прислуги, безъ всякихъ удобствъ. Но это не испугало княгиню: она рѣшилась на все. На другой день губернаторъ объявилъ ей, что онъ имѣетъ приказаніе потребовать отъ нея письменно отказаться отъ всѣхъ преимуществъ своего званія и отъ всякаго имущества. Ек. Трубецкая подписала его немедленно, лишь бы попасть къ мужу. Но и это было не все. Нѣсколько дней губернаторъ не принималъ ее, извиняясь нездоровьемъ. Княгиня терпѣливо ждала, и Цейдлеръ, наконецъ, принялъ; напрасно заклиная ее отказаться отъ намѣренія, онъ объявилъ ей въ заключеніе, что она можетъ явиться въ мѣсто ссылки ея мужа не иначе, какъ вмѣстѣ съ партіею преступниковъ, съ веревкою на рукѣ и слѣдуя за ними пѣшкомъ отъ этапа до этапа. Княгиня съ величайшею охотою согласилась и на это. Тогда губернаторъ не могъ долѣе владѣть собою, глаза его налились слезами и онъ проговорилъ: «Вы поѣдете къ вашему мужу».

Такія же препятствія и затрудненія встрѣтили княгиню Марію Волконскую, урожденную Раевскую, которая прибыла въ Читу нѣсколькими недѣлями позже кн. Трубецкой. «Ея отецъ, знаменитый герой 1812 г., отговаривалъ дочь отъ путешествія; онъ зналъ, что бракъ ея съ Сергѣемъ Волконскимъ былъ ре-

зультатомъ не столько наклонности, сколько повиновенія его волѣ: С. Волконскій, произведенный въ генералы еще въ 1813 г., годился ей по возрасту въ отцы.... Она сказала отцу, что ѣдетъ только повидаться съ мужемъ, оставила младенца-сына на попеченіи бабки, статсъ-дамы, и отправилась въ Сибирь». За первыми двумя женами прибыли въ Читу и другія; наконецъ, въ 1830 году пріѣхала и жена автора.

«Сначала всѣ дамы претерпѣвали во всемъ величайшую нужду, и цѣлыми мѣсяцами страдали отъ холода и голода. Само собою разумѣется, что онѣ должны были сами стирать бѣлье и довольствоваться пищею поденщика, имѣя до того времени привычку ѣсть на серебрѣ.... Дамы измѣнили нашъ бытъ къ лучшему; письма доставлялись намъ чрезъ губернатора Цейдлера и нашего безкорыстнаго коменданта Лепарскаго; денежныя суммы не ограничивались, и хотя не отдавались въ руки, но по требованію и надобности выдавались чрезъ канцелярію коменданта. Почтовый день—разъ въ недѣлю—составлялъ для насъ эпоху; впослѣдствіи, намъ дозволяли получать русскіе и иностранные журналы».

Наконецъ, въ сентябрѣ 1827 г., вышеупомянутая тюрьма, болѣе обширная и удобная, была отстроена, и осужденныхъ перевели въ новое помѣщеніе, гдѣ и началась ихъ новая жизнь.

«Комендантъ раздѣлилъ насъ на пять отдѣленій. Въ одной камерѣ помѣстилось пятеро новоприбывшихъ изъ Нерчинска; другія четыре отдѣленія были размѣщены не по категоріямъ, а по волѣ коменданта. Одну камеру мы называли Москвой, такъ какъ бо̀льшая часть ея обитателей была родомъ изъ Москвы; другая называлась Новгородомъ, потому что тутъ всего болѣе толковали о политикѣ, какъ въ древней новгородской республикѣ; камера, гдѣ жилъ я съ 17-ю товарищами, носила имя Пскова. Вмѣсто ларей намъ позволили завести на свой счетъ кровати, что̀ было чище, такъ какъ подъ кроватями можно мести. У насъ былъ общій столъ, мы сами его накрывали, и поочереди одинъ былъ дежурнымъ. По русскому тюремному порядку, намъ было дозволено выбрать изъ своей среды старшаго, который отъ нашего имени сносился съ дежурнымъ адъютантомъ или съ комендантомъ. Этотъ старшій распоряжался нашими средствами, покупалъ нужное, но на рукахъ не имѣлъ ни копѣйки. Въ пятидесяти шагахъ отъ нашей казармы стояли кухня и анбаръ. Старшій имѣлъ позволеніе, въ теченіе дня и подъ карауломъ, ходить туда, сколько хотѣлъ; его выбирали на три мѣсяца. Первымъ старшимъ былъ бывшій полковникъ Ив. С. Повало-Швейковскій,—его избирали въ эту должность два раза сряду. Пища наша была простая и здоровая; часто изумлялся я довольству нѣкоторыхъ

изъ моихъ товарищей, которые всю жизнь держали поваровъ-французовъ и не садились за столъ безъ шампанскаго; теперь же они оставались довольны щами и кашей и пили квасъ или воду. Между нами много было гастрономовъ; они всѣ сознавались, что въ Читѣ никогда не были голодны, хотя конечно не чувствовали себя и чрезмѣрно сытыми. Половина моихъ товарищей не имѣли средствъ, и многіе были забыты родными; но другіе были весьма богаты. Никита и Александръ Муравьевы одни получали 60,000 рублей въ годъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ, когда избирался новый старшій, между нами ходилъ листъ, на которомъ каждый по своимъ средствамъ вписывалъ сумму на общіе расходы; эта сумма употреблялась старшимъ на закупку пищи, чаю, сахару и т. п. Бѣлье и одежду заготовлялъ каждый самъ себѣ; богатые покупали матеріалъ и дѣлили его съ бѣдными. Чтобы не тратить лишнихъ денегъ, нѣкоторые изъ насъ сами кроили и шили. Лучшими портными были П. Пушкинъ, кн. Евг. Оболенскій и Антонъ Арбузовъ. Лучшія шапки и башмаки изготовляли Н. и М. Бестужевы и П. Фалленбергъ; ихъ трудомъ мы экономили деньги, которыми поддерживали бѣдныхъ товарищей....

«Между тѣмъ наши работы продолжались попрежнему; къ своимъ цѣпямъ мы совершенно привыкли. Отъ мая до сентября мы засыпали ровъ, поправляли большую дорогу, сажали и поливали огородъ, доставлявшій намъ овощи и картофель. Когда, по удаленіи Швейковскаго, меня выбрали старшимъ, я посолилъ въ большой винной бочкѣ 60,000 огурцовъ изъ нашего огорода. Отъ сентября до мая, насъ водили два раза въ день въ особо отстроенное зданіе, гдѣ стояла мельница; каждый изъ насъ долженъ былъ ежедневно смолоть 80 фунтовъ ржи. Сначала это дѣло было тяжело, пока не привыкли руки; сильные и здоровые помогали въ урокѣ слабымъ. Часто наша работа верченія мельничнаго жернова сопровождалась мелодическимъ пѣніемъ; одинъ изъ моихъ товарищей, какъ самый сильный въ музыкѣ, занималъ должность капельмейстера; особенно хорошо шла церковная музыка Бортнянскаго. Въ церковь водили насъ разъ въ годъ, къ причастію; наканунѣ же большихъ праздниковъ являлся священникъ и служилъ въ тюрьмѣ. Никогда не забуду, какъ была торжественна служба наканунѣ пасхи 1828 года, когда въ девять часовъ со всѣхъ сторонъ раздалось: «Христосъ воскресе»! и цѣпи зазвучали при взаимныхъ объятіяхъ осужденныхъ. Мысленно обнимали мы нашихъ далекихъ родныхъ и друзей, съ которыми мы сливались въ молитвѣ.

«Послѣ первыхъ тяжелыхъ годовъ, мы наполняли наши свободные часы пріятнымъ и поучительнымъ чтеніемъ: кромѣ рус-

скихъ, французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ, которыя намъ были разрѣшены, мы имѣли въ своемъ распоряженіи хорошія библіотеки, выписанныя себѣ Н. Муравьевымъ, Волконскимъ и Трубецкимъ. Газеты были раздѣлены между нѣсколькими, и имъ вмѣнялось въ обязанность отдавать отчетъ о новѣйшихъ событіяхъ и происшествіяхъ. Такъ какъ многіе изъ насъ получили научное образованіе, то мы опредѣлили, чтобы они коротали наши длинные зимніе вечера своими лекціями. Н. Муравьевъ, имѣвшій отличныя военныя карты и планы, читалъ намъ стратегію и тактику; Ф. Вольфъ — химію и анатомію; Пушкинъ 2-й — высшую математику; А. Корниловичъ и П. Мухановъ — русскую исторію; кн. А. Одоевскій — русскую литературу. Съ особенною любовью и признательностью долженъ я при этомъ упомянуть, что послѣдній имѣлъ терпѣніе четыре года обучать русскому языку меня, эстляндскаго уроженца.—Въ 9 часовъ вечера запирались наши ворота и тушились свѣчки. Не имѣя охоты такъ рано спать, мы разговаривали часами или слушали разсказы М. Кюхельбекера, сдѣлавшаго кругосвѣтное плаваніе. Иногда Корниловичъ сообщалъ намъ извѣстія изъ отечественной исторіи, съ которою онъ былъ хорошо знакомъ. Нѣсколько лѣтъ сряду, онъ и проф. Куницынъ имѣли доступъ въ государственный архивъ и особенно изучили время правленія Анны и Елисаветы....

«Продолжительное обращеніе съ образованными товарищами имѣло хорошее вліяніе на тѣхъ, которые прежде не имѣли ни средствъ, ни времени обогатить себя познаніями. Нѣкоторые изъ нихъ начали изучать иностранные языки; особенно успѣлъ въ этомъ Завалишинъ 1-й: онъ не только изучилъ греческій и латинскій языки, но еще сверхъ того восемь европейскихъ языковъ. Къ изученію ихъ онъ находилъ учителей между товарищами, а ключемъ и общимъ лексикономъ ему служила Библія. Изученіе языковъ вело часто къ комическимъ сценамъ. Особенно смѣялись надъ усиліями иныхъ произносить англійскія слова, и М. Лунинъ, отлично владѣвшій этимъ языкомъ, часто умолялъ: «Читайте про себя, господа, и пишите по-англійски сколько угодно, только не говорите». Наши пять палатъ были очень узки, ибо по четыремъ стѣнамъ стояли кровати. Нѣкоторые изъ насъ обнаруживали желаніе играть на скрыпкѣ или флейтѣ, но были довольно добросовѣстны и не рѣшались терзать нашего слуха. Спустя годъ намъ позволили построить на дворѣ домикъ въ три комнаты. Въ одной стояли токарный станокъ и переплетный прессъ; лучшими художниками по этой части были Бестужевы, Пушкинъ, Фроловъ и Борисовъ 1-й. Въ остальныхъ комнатахъ помѣ-

щались рояль и фортепіано; тамъ поочереди занимались музыкой. 30-го августа 1828 года, въ первый разъ составился въ тюрьмѣ оркестръ, по случаю 16 имянинниковъ»....

Въ августѣ же получено было высочайшее повелѣніе о снятіи цѣпей съ осужденныхъ, и кромѣ того ихъ общество оживилось прибытіемъ новыхъ дамъ, фонъ-Визиной и Давыдовой, и одной дѣвицы, которая была невѣстой П. А. Анненкова; бракъ ихъ совершенъ былъ безъ всякаго торжества, а позволеніе отправиться къ жениху она получила торжественно отъ самого императора, къ которому обратиться она нашла случай во время маневровъ. Императоръ выслушалъ ее съ большимъ участіемъ и приказалъ выдать деньги на путешествіе.

Въ Читѣ были проведены авторомъ три съ половиною года; но Чита была только временнымъ пребываніемъ осужденныхъ: они были назначены собственно въ Петровскъ, гдѣ все это время строилась обширная тюрьма, куда ихъ и перевели въ половинѣ 1830 года. Путь изъ Читы въ Петровскъ, около 700 верстъ, былъ сдѣланъ въ 48 дней; на дорогѣ авторъ имѣлъ счастіе встрѣтиться съ своей женой, которая прибыла къ нему на жительство прямо изъ Петербурга. Описаніе жизни въ Петровскѣ, до окончанія срока каторжной роботы для автора, а именно до 11-го іюля 1832 г., представляетъ почти повтореніе того, что мы видѣли въ Читѣ. Въ Петровскѣ у автора родился сынъ, а при выѣздѣ изъ Петровска онъ ожидалъ снова приращенія семейства. Переѣздъ изъ Петровска въ Курганъ, слишкомъ въ 4,000 верстъ, послужилъ автору поводомъ къ интересному описанію быта и нравовъ мѣстныхъ жителей въ 30-хъ годахъ.

Въ сентябрѣ 1830 года, авторъ прибылъ въ Курганъ, куда вскорѣ явились и другіе изъ его товарищей по Петровску, которымъ срокъ каторги былъ сокращенъ по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича, а именно, Нарышкинъ и Лихаревъ. Всѣ они обзавелись домами, и получивъ отъ казны по 15 десятинъ земли, посвятили себя земледѣлію.

«Мое поле, говоритъ авторъ, граничило съ владѣніями Назимова, Лорера и Фохта (также ссыльные). Поля Нарышкина и Лихарева лежали въ отдаленіи отъ города и состояли изъ луговъ, что для нихъ было кстати, такъ какъ Нарышкинъ занялся скотоводствомъ. Сосѣднія поля были отданы мнѣ товарищами для пользованія. Съ весны 1835 года я началъ сельскія работы: 60 десятинъ земли открывали широкое поприще для моей дѣятельности. Песчаныя мѣста я удобрилъ остатками изъ сосѣдней мыловарни, и чрезъ два года земля сдѣлалась плодоносною. Остальное пространство было, какъ въ Украинѣ, чернозем-

ное; во всемъ Курганскомъ уѣздѣ нѣтъ камня, и земля весьма хороша для хозяйства, даже не нуждается въ удобреніи. Для обработки земли я завелъ пароконный сибирскій плугъ, на маneръ бельгійскихъ. Введя въ употребленіе экстирпаторъ противъ сорныхъ травъ и кореньевъ, я преобразовалъ трехпольное хозяйство въ плодоперемѣнное. Жатва и молотьба справлялась или наемными людьми, или такъ-называемою «помочью», для чего обѣщалось участвующимъ пиршество по окончаніи работы. Такіе охотники и охотницы работали ревностно съ ранняго утра до вечера. Тѣмъ временемъ моя жена пекла пироги, варила щи и кашу, и посереди двора изготовлялся столъ. Въ 7 часовъ вечера оканчивались работы и всѣ собирались подъ звуки двухъ скрипокъ и флейты; сначала умывались и одѣвались по праздничному. Потомъ рабочіе привѣтствовали хозяйку, садились за столъ и ѣли съ аппетитомъ, соотвѣтствующимъ 14-ти-часовой работѣ. Послѣ стола начинались пляски, продолжавшіяся до заката. Непонятно, откуда у нихъ хватало силъ: когда уставали музыканты, танцоры принимались пѣть.... Наемные люди, естественно, преступники, сосланные изъ Европы, служили хорошо, усердно и честно. Мой кучеръ, отлично честный малый, былъ клейменый. Плата была имъ не высокая: лакей получалъ $1^1/_2$ рубля серебромъ, горничная—80 коп. въ мѣсяцъ; но этого было достаточно, чтобы они могли хорошо одѣваться... Прохожу молчаніемъ другія подробности нашего маленькаго существованія. Эпохами въ нашей тихой жизни были ежегодныя посѣщенія лютеранскаго пастора, генералъ-губернатора и жандармскаго полковника. Сообразно предписаніямъ, они спрашивали насъ, не претерпѣваемъ ли мы притѣсненій, но намъ никогда не приходилось жаловаться, такъ какъ мы жили въ мирѣ съ мѣстными властями и пользовались съ ихъ стороны самымъ гуманнымъ обращеніемъ».

Несчастье постигло автора совершенно случайно, когда онъ, на Рождествѣ 1836 года, возвращаясь отъ обѣдни, упалъ и разбилъ себѣ правую ногу—что довело его до тяжкой болѣзни, такъ-какъ хирурга въ уѣздѣ не оказалось. Во время страданій автора въ началѣ 1837 года, пронесся слухъ о посѣщеніи Кургана Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ (нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ), который дѣйствительно пріѣхалъ 5-го іюня. Авторъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы просить о своихъ дѣтяхъ, и обратился съ этою цѣлью къ подполковнику Гофману.

«Пока я ожидалъ — говоритъ авторъ — подполковника Гофмана, ко мнѣ подошелъ высокаго роста господинъ въ военной

шинели и сказалъ: «Безъ сомнѣнія вы баронъ Р. Одинъ изъ моихъ друзей заклиналъ меня посѣтить васъ, если мнѣ придется проѣзжать чрезъ Курганъ, и помочь вамъ; пожалуйста, войдите ко мнѣ». Это былъ И. В. Енохинъ, лейбъ-докторъ Наслѣдника. Нѣсколько минутъ спустя, меня раздѣли два опытные фельдшера; я легъ на диванъ, и Енохинъ, осмотрѣвъ меня увидѣлъ, что моя правая нога нѣсколько вывихнута впередъ, что и причиняло мнѣ такую боль. Неопытность курганскаго уѣзднаго врача изъ ничтожнаго само по себѣ обстоятельства сдѣлало серьезное зло, отъ котораго избавиться можно только мало-помалу. Пока я одѣвался, явился Гофманъ и позвалъ меня въ домъ Наслѣдника, гдѣ меня принялъ г.-ад. Кавелинъ. Когда я сообщилъ ему мое желаніе просить Наслѣдника, онъ объяснилъ мнѣ, что этого нельзя мнѣ исполнить лично, такъ какъ это было бы противно данной ему инструкціи; а я долженъ ему (Кавелину) сообщить письменную просьбу, для передачи Наслѣднику. Замѣтивъ, что у меня нѣтъ съ собой никакого прошенія, генералъ спросилъ: «о чемъ вы желаете просить?»—«Для себя я не могу ничего просить, потому что въ моемъ безпомощномъ и болѣзненномъ состояніи нельзя воспользоваться никакою милостью; я хотѣлъ просить Наслѣдника, чтобы въ случаѣ моей смерти позаботились о моей женѣ и дѣтяхъ». Генералъ посовѣтовалъ мнѣ немедленно написать просьбу и подать за полчаса до обѣдни, такъ какъ тотчасъ послѣ обѣдни назначенъ отъѣздъ. На лѣстницѣ попался мнѣ флигель-адъютантъ С. А. Юрьевичъ и просилъ меня передать женѣ Нарышкина поклонъ ея братьевъ, гр. Григорія и Алексѣя Коновницыныхъ. Уходя, я увидѣлъ въ окошкѣ Наслѣдника: выраженіе его лица говорило мнѣ, что онъ будетъ моимъ защитникомъ.

«Предъ моими воротами стоялъ экипажъ. На мой вопросъ, кто ко мнѣ пріѣхалъ, кучеръ отвѣчалъ: генералъ! Къ невыразимой моей радости, это былъ незабвенный Василій Андреевичъ Жуковскій, извѣстный поэтъ и наставникъ Наслѣдника; онъ утѣшалъ мою жену, обласкалъ моихъ едва проснувшихся дѣтей и расцѣловалъ ихъ, хотя они капризничали и плакали. Когда я ему разсказалъ о невозможности говорить лично съ Наслѣдникомъ, и прибавилъ, что ген. Кавелинъ совѣтуетъ написать прошеніе, Жуковскій сказалъ: «У васъ теперь не будетъ больше времени, мы сію минуту уѣзжаемъ; но будьте спокойны, я передамъ все его императорскому высочеству. Вотъ уже 13 лѣтъ я постоянно съ нимъ и давно уже увѣрился въ томъ, что у него доброе сердце; гдѣ онъ можетъ сдѣлать добро—дѣлаетъ то охотно». Жуковскій выражалъ ихъ общее удивленіе относительно

этой части Сибири, которую они видѣли; вмѣсто развалившихся хижинъ, величайшей бѣдности и упадка, они видѣли вездѣ довольство, благосостояніе и прелестныя деревни. Этотъ народъ ссыльныхъ, въ Тюменѣ и Тобольскѣ, встрѣчалъ великаго князя такъ, что лучше не могли его принимать въ Рыбинскѣ или Ярославлѣ.

«Пока Жуковскій сидѣлъ у меня, заблаговѣстили въ церкви; цесаревичъ приказалъ жандармскому полковнику, чтобы они (разумѣлись государственные преступники) пришли въ церковь: «только тамъ я могу ихъ видѣть». Инструкціи изъ Петербурга не предвидѣли именно этого случая. Полиціймейстеръ тотчасъ послалъ за ними. Наслѣдникъ со всею свитою стоялъ предъ главнымъ олтаремъ; справа у стѣны расположились мои товарищи; слѣва — Нарышкина; чиновники и народъ помѣстились сзади. Во-время литургіи Наслѣдникъ нѣсколько разъ взглядывалъ на товарищей моего несчастія, и въ его глазахъ видѣли слезы. Я не поспѣлъ во-время въ церковь, и когда мы съ женой и дѣтьми выходили изъ дому, громкое ура возвѣстило намъ объ отъѣздѣ цесаревича, единственнаго высокаго гостя, посѣщеніе котораго въ мѣстѣ ссылки внушило намъ и радость и надежду. Полковникъ Назимовъ, сопровождавшій Наслѣдника, просилъ у великаго князя позволенія навѣстить одного изъ моихъ товарищей, а великій князь отвѣчалъ: «Я очень радъ, что тебѣ представился случай навѣстить своего родственника въ его несчастіи». На обратномъ пути, Наслѣдникъ проѣзжалъ Саратовъ, тамъ генералъ Арнольди представилъ ему всѣхъ артиллерійскихъ офицеровъ, и при имени моего брата цесаревичъ спросилъ, не имѣетъ-ли онъ родственника въ Сибири. На его утвердительный отвѣтъ, Наслѣдникъ въ присутствіи всѣхъ выразилъ, что онъ видѣлъ меня, и что хотя я на костыляхъ, но мое здоровье можетъ поправиться, и что онъ просилъ Государя о смягченіи моей участи».

Въ сентябрѣ того же 1837 года, авторъ «Мемуаровъ» былъ переведенъ на Кавказъ солдатомъ. Но болѣзнь ноги сдѣлала для него военную службу невозможною, и 10-го января 1839 года онъ былъ уволенъ отъ службы, съ правомъ возвратиться на родину, въ Эстляндію.

М. М.

НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ четвертый. Спб. 1869.

Когда появлялись первыя изданія Русскаго Историческаго Общества, мы выражали желаніе, чтобы труды Общества были наиболѣе производительны,—чтобы Общество въ богатомъ выборѣ матеріала, который вполнѣ находится въ его распоряженіи, останавливалось на томъ, что имѣетъ наибольшій историческій интересъ; чтобы въ его изданіяхъ наша историческая литература нашла болѣе обильные и прочные источники, чѣмъ обыкновенно даютъ наши изданія. Въ самомъ дѣлѣ, историческій матеріалъ, который еще предстоитъ изучать русскому историку, громаденъ, между тѣмъ (въ томъ отдѣлѣ, которымъ занимается Русское Историческое Общество, въ исторіи послѣ-петровской) онъ изданъ еще чрезвычайно мало; при всей ревности изслѣдователей, которой нельзя не замѣтить въ послѣднее время, изученіе все еще соединено съ большими затрудненіями и матеріалы, дѣйствительно любопытные, вводятся въ литературу только изрѣдка, и издано ихъ вообще такъ мало, что въ литературномъ обиходѣ пріобрѣтаютъ важность даже вещи, собственно говоря очень второстепенныя. Стоитъ заглянуть въ «Р. Архивъ», чтобы видѣть, какую важность нерѣдко придаютъ у насъ вещамъ очень мелкимъ и даже вовсе пустымъ; матеріалы, дѣйствительно любопытные, которые есть также въ «Архивѣ», бываютъ въ немъ скорѣе исключе-

ніемъ, а затѣмъ въ это историческое собраніе идутъ всякія мелочи, будь только они стары или привязаны къ какому-нибудь извѣстному имени. Мы думаемъ, что размножать *такого* стиля изданія не должно бы быть цѣлью учрежденія со средствами и съ положеніемъ Русскаго Историческаго Общества. Такія изданія очень понятны въ рукахъ частнаго собирателя, болѣе или менѣе ограниченнаго въ выборѣ матеріала; но отъ Общества мы ожидали бы иного.

Составъ Русскаго Историческаго Общества таковъ, что ему больше, чѣмъ какому-либо другому обществу, не говоря уже о частныхъ изслѣдователяхъ, могутъ быть открыты обширные историческіе матеріалы казенныхъ и частныхъ архивовъ и библіотекъ; оно владѣетъ совершенно исключительными средствами и возможностями, и при началѣ его трудовъ намъ естественно представился вопросъ: какъ употребитъ оно эти особенныя средства и что внесетъ въ литературу въ тотъ моментъ, когда особенно оживился историческій интересъ къ тому періоду, которому и Общество посвящаетъ свои труды.

Чтобы видѣть, какъ много нужно еще сдѣлать для того, чтобы поставить должнымъ образомъ это изученіе, достаточно взглянуть на положеніе дѣла въ настоящую минуту.

Это положеніе можно сравнить съ тѣмъ, въ какомъ было изученіе русской старины до появленія описаній старыхъ рукописей и до изданій Археографической Коммиссіи. Новѣйшая исторія извѣстна намъ только клочками и отрывками; двѣ-три «исторіи царствованій», вышедшія въ прежнія времена, давно устарѣли и никогда не удовлетворяли требованіямъ настоящей исторической критики; до сихъ поръ нѣтъ ни одного цѣльнаго труда по исторіи XVIII вѣка, впереди предвидится (кромѣ окончанія «исторіи Петра В.», г. Устрялова) только книга г. Соловьева; всего всего больше процвѣтала военная исторія, описанія походовъ, сраженій, осадъ и т. п. Только въ самое послѣднее время вышло нѣсколько отдѣльныхъ монографій, начинающихъ болѣе серьезную разработку предмета; но и они всѣ на перечетъ, и могутъ служить только хорошимъ началомъ. Средства изученія крайне скудны и добываются только съ великимъ трудомъ. Цѣлые разряды историческаго матеріала остаются не описанными; содержаніе цѣлыхъ громадныхъ архивовъ неизвѣстно въ публикѣ, и самые архивы, вообще говоря, недоступны для изслѣдователей или доступны только иногда, въ видѣ исключенія и какъ особенное счастье. Историческіе документы продолжаютъ считаться по старому обычаю какимъ-то секретомъ, для открытія котораго неизвѣстно когда должно наступить наконецъ время. Исторія вообще воз-

буждаетъ какую-то боязнь и эта боязнь владѣетъ не только оффиціальными вѣдомствами, въ распоряженіи которыхъ находятся историческіе документы, но отражается и въ самомъ обществѣ: частные люди вообще весьма неохотно отдаютъ въ печать документы, находящіеся въ ихъ рукахъ, почему-то прячутъ ихъ, а потомъ часто и затериваютъ. Въ оффиціальныхъ вѣдомствахъ второстепенные чиновники, которые вообще такъ часто заводятъ усердіе дальше, чѣмъ даже требуется, еще болѣе стѣсняютъ приведеніе въ извѣстность матеріаловъ, какими имъ случается распоряжаться. Далѣе, извѣстныя историческія событія остаются до сихъ поръ исключены отъ свѣдѣнія русскихъ историковъ, другія — отъ ихъ критики. Ясная вещь, что подобныя условія очень мало благопріятны для сколько-нибудь серьезнаго успѣха историческихъ знаній.

Это положеніе дѣла вовсе не новое, и главнѣйшимъ образомъ наслѣдовано нами отъ стараго обычая. Этотъ обычай, начавшійся давно и закрѣпленный особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, былъ строго вѣренъ своей системѣ. Накрѣпко запирая архивы и библіотеки, онъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ и въ литературѣ какой-либо критики новѣйшей исторіи. Старый обычай признавалъ исторію дѣломъ государственнымъ; критика допускалась только для древнихъ событій, но въ новѣйшей исторіи она считалась вмѣшательствомъ не въ свое дѣло, и осужденіе дѣйствій правительственныхъ лицъ, хоть бы лѣтъ за пятьдесятъ, считалось непозволительнымъ и неприличнымъ. Цѣлые историческіе періоды (времена междуцарствія, Пугачевщина и т. п.) были тогда совсѣмъ отняты изъ вѣдѣнія нашихъ историковъ. Особенно памятны остались литературѣ 1848—55 годы. Этотъ обычай соотвѣтствовалъ всему тогдашнему порядку вещей.

Мы считаемъ теперь, что этотъ порядокъ есть уже прошедшій; иной разъ даже саркастически подсмѣиваемся надъ этимъ порядкомъ; нѣкоторые даже увѣряли, что мы пользуемся полной свободой мысли (такъ утверждали не такъ еще давно славянофилы), и что свобода слова у насъ не меньше чѣмъ въ Нью-Іоркѣ (изреченіе г. Погодина при славянскихъ гостяхъ), но, какъ видно изъ указаннаго выше, нашъ успѣхъ въ этомъ отношеніи не столь великъ, и вліянія стараго порядка слишкомъ замѣтны и въ правительственныхъ взглядахъ, и въ привычныхъ мнѣніяхъ значительной части общества. Это ясно высказывается въ продолжающейся боязни исторіи, о которой мы упоминали.

Очевидно между тѣмъ, что расширеніе свободы историческаго изученія составляетъ неизбѣжную необходимость для общества, если только для него предполагается нужнымъ какое-нибудь ум-

ственное развитіе. Всѣ толки о нашей особенной національности, о необходимости самопознанія, объ обращеніи къ народнымъ началамъ, не говоря уже о превосходствѣ нашемъ надъ Европой, эти толки, на которые особенно падки охранительные публицисты, — не имѣютъ никакого смысла, какъ скоро литература еще столь безсильна, что отъ нея остаются закрытыми многіе важные вопросы даже прошедшаго. Если когда нужно и своевременно было расширеніе исторической свободы, то кажется именно теперь, потому что въ обществѣ положительно высказывается историческая потребность, и удовлетвореніе ея безъ сомнѣнія повело бы только къ пользѣ. Къ сожалѣнію, эту пользу многіе кажется подвергаютъ сомнѣнію, и если справедливо, что въ предполагаемомъ измѣненіи закона о печати между прочимъ имѣется въ виду стѣсненіе изслѣдованій о новѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, то нашему историческому изученію придется вынести тяжелый кризисъ.

Предметъ, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ ко множеству другихъ подобныхъ предметовъ, споръ о которыхъ невозможенъ въ зрѣлыхъ обществахъ и литературахъ, говорить о которыхъ показалось бы тамъ странностью и невыносимымъ общимъ мѣстомъ. Говорить о свободѣ историческаго изслѣдованія тоже, что говорить о пользѣ науки, о необходимости распространенія образованія въ народѣ, о пользѣ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но у насъ обо всемъ этомъ еще приходится говорить, потому что эти вещи всѣ были, или еще и остаются подвергнуты сомнѣнію. Польза желѣзныхъ дорогъ теперь уже совершенно понята, польза грамотности понята еще не совсѣмъ, но польза свободнаго — по крайней мѣрѣ болѣе свободнаго чѣмъ теперь — историческаго изслѣдованія остается подъ большимъ сомнѣніемъ.

Понятно, что это свободное изслѣдованіе въ сущности нужно не для одной исторіи, а вообще для всей науки и литературы, и боязнь исторіи, которая обнаруживается упомянутыми многоразличными ея стѣсненіями, приводится вообще къ цензурному вопросу, къ опасеніямъ противъ литературы вообще. Эти опасенія едва ли однако оправдываются всѣмъ характеромъ русской литературы, издавна чрезвычайно мягкимъ, скромнымъ и безобиднымъ. Дѣйствительно, обращаясь къ прошедшему, нельзя не видѣть, что основаніе такого взгляда на литературу, представляющаго ее впередъ за дѣло опасное, противъ котораго должны быть приняты всякія предосторожности, это основаніе теоретически не было вовсе взято изъ условій *русской* жизни. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе русской литературы не представляло данныхъ для этого; съ давнихъ временъ она была такъ запу-

гана, что какое-нибудь сильное слово, которое способно было бы пробудить сколько-нибудь серьезное движеніе мысли было велико рѣдкостью; обыкновенно эта литература была всегда такъ смирна, такъ наклонна въ большинствѣ къ одѣ и панегирику, что война противъ нея съ тяжелымъ оружіемъ господствовавшей цензуры часто бывала очень странной. Первыя дѣйствія цензуры въ этомъ родѣ начинаются (не говоря объ очень исключительныхъ временахъ императора Павла) въ царствованіе Александра I, какъ отголосокъ консервативныхъ преслѣдованій либерализма въ западной Европѣ. Главнѣйшимъ образомъ, наша цензурная практика стала устанавливаться со временъ Священнаго Союза, по тѣмъ образцамъ, какіе дала въ то время безумная реакція Меттерниха и компаніи. У насъ въ то время наивно думали, что опасность либерализма, которымъ хотѣли запугать европейское общество реакціонеры австрійской школы, что эта опасность въ той же мѣрѣ грозитъ и русскому обществу. Россіи въ то время пришлось играть такую первостепенную роль въ Европѣ, она такъ тѣсно вошла въ кругъ европейскихъ державъ и съ такимъ вліяніемъ вмѣшивалась въ ихъ судьбы и рѣшала ихъ, что нашимъ политикамъ казалось иногда, что Россія въ самомъ дѣлѣ представляетъ государство однородное съ европейскими, и что русское общество представляетъ тѣже элементы, изъ какихъ состояли европейскія общества. Трудно было заблуждаться болѣе грубымъ образомъ; но Священный Союзъ былъ заключенъ и налагалъ на русское правительство солидарность съ тѣми политическими мѣрами, которыя были первымъ его слѣдствіемъ. Мысль Союза была мысль Александра, но практическое выполненіе ея, изобрѣтеніе разныхъ мѣръ внутренней политики, долженствовавшихъ служить къ подавленію опаснаго вольнодумства, были дѣломъ Меттерниха; императоръ Александръ кажется не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что эти изобрѣтенія даже противорѣчили его собственнымъ первоначальнымъ желаніямъ, онъ принялъ ту программу, выдѣланную изъ акта Священнаго Союза, и счелъ долгомъ дать ей практическую силу. Что изъ этого вышло у насъ, это извѣстно. Магницкій при каждомъ удобномъ случаѣ ссылался на актъ Священнаго Союза и на дѣйствія иностранныхъ правительствъ противъ вольнодумства университетовъ и литературы, и читая теперь его доносы, мудрено себѣ вообразить, какимъ образомъ правительство могло принимать ихъ серьезно. Цензура, вмѣсто полицейской мѣры, стала считаться мѣрой политической, оберегающей государственную безопасность. Въ то время еще вѣрили, что виной французской революціи были безбожные философы и разрушительные

писатели; у насъ также стали находить разрушительныхъ писателей—въ этой литературѣ, столько скромной, послушной или просто низкопоклонной. Теперь извѣстно довольно анекдотовъ о томъ, что̀ считала цензура двадцатыхъ годовъ опаснымъ и разрушительнымъ. Времена эти прошли, положеніе литературы какъ будто улучшилось, т. е., другими словами, преслѣдовать ее было и не за что, но при малѣйшемъ появленіи въ ней живого движенія, подозрительность начиналась снова и при малѣйшемъ поводѣ уничтожала эти живые органы, и при этомъ не одинъ разъ окончательно подавляла и всю энергію лучшихъ людей. Такъ закрытъ былъ журналъ Кирѣевскаго, потомъ «Телеграфъ» Полеваго, потомъ «Телескопъ» Надеждина,—Полевой, Надеждинъ, Чаадаевъ никогда уже не возвращались къ продолженію той дѣятельности, которая прерывалась для нихъ такимъ пугающимъ образомъ. Всматриваясь въ способъ дѣйствій, принятый тогда противъ этихъ писателей, въ эту преувеличенную инкриминацію вещей, далеко ея не заслуживавшихъ, нельзя не видѣть, что этотъ способъ былъ опять только примѣненіемъ тѣхъ пріемовъ, какія употребляла и рекомендовала реакціонная система временъ Священнаго Союза. Каждому слову, въ которомъ просвѣчивала критическая мысль, придавалась важность политическаго покушенія. До какой степени иностранные образцы и иностранныя пугала имѣли вліяніе на судьбы скромной русской литературы, можно было видѣть еще разъ въ 1848 году: смѣшно было думать о какомъ-нибудь серьезномъ отраженіи европейскихъ волненій у насъ,—между тѣмъ съ этого года литература подвергнута была усиленному присмотру, цензура устроена была въ цѣлый рядъ инстанцій, образовалось множество спеціальныхъ цензуръ, и надо всѣми стоялъ особый негласный комитетъ...

Такова была, безъ сомнѣнія, исторія этого подозрѣвающаго взгляда на литературу. Но хотя теорія была чужая, практически это подавленное состояніе литературы вполнѣ отвѣчало всему характеру жизни: въ ней не допускалось ни малѣйшаго признака сколько-нибудь самостоятельной общественной мысли; система безусловной опеки, господствовавшая въ жизни, дѣлала то, что и въ литературѣ каждая попытка независимаго слова прямо считалась дерзостью, если не преступленіемъ.

Это понятіе, что литература есть занятіе сомнительное, всегда граничащее близко съ продерзостью, до такой степени укрѣпилось въ извѣстныхъ сферахъ, что только въ самое послѣднее время судебному разбирательству удавалось разъяснять, что представленіе авторомъ книги въ цензуру, отъ которой онъ ожидаетъ

рѣшенія—быть или не быть книгѣ, еще не составляетъ съ его стороны никакого преступленія, и что его лично не слѣдуетъ непремѣнно карать, если бы книга не получила цензурнаго одобренія.

Чтобы увидѣть, насколько фальшивъ былъ такой взглядъ на литературу, извлеченный изъ реакціонныхъ временъ и законодательствъ, и насколько безполезны въ сущности были усиленные труды комитетовъ, довольно взглянуть безпристрастно на то, какую роль играетъ литература въ нашемъ обществѣ.

Литература составляетъ безъ сомнѣнія одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ въ умственной жизни народа, и тамъ, гдѣ она пользуется всей свободой — въ особенности; но, вообще говоря, она вовсе не составляетъ какого-либо особаго элемента, независимаго отъ другихъ элементовъ народной и общественной жизни. Литература есть только одно изъ явленій умственной жизни (ея дѣйствующихъ причинъ и вмѣстѣ слѣдствій), но далеко не главное и не единственное. Думать, что дѣйствуя на литературу, стѣсняя и ограничивая ее, можно подавить въ народѣ или обществѣ извѣстныя растущія въ немъ идеи, — есть заблужденіе, чрезвычайно печальное и вредное, потому что это стѣсненіе всегда бываетъ, болѣе или менѣе, насиліемъ надъ духовной, умственной и нравственной дѣятельностью общества; это насиліе не можетъ не быть тяжелымъ и болѣзненно-чувствуемымъ, при немъ всегда безплодно подавляются и пропадаютъ отдѣльныя силы, которыя иначе внесли бы свою долю въ трудъ національнаго развитія, а наконецъ всѣ старанія останавливать начавшійся процессъ извѣстнаго развитія бываютъ обыкновенно напрасны. Этотъ процессъ будетъ затрудненъ, многое будетъ испорчено, но въ концѣ концовъ умственный результатъ будетъ все-таки достигнутъ. Чему надо быть въ результатѣ развитія, то и будетъ, и это опредѣляется не желаніями цензурныхъ комитетовъ, а среднимъ выводомъ изъ всѣхъ дѣйствующихъ умственныхъ силъ и цѣлаго общественнаго состоянія.

Общество получаетъ свои представленія о вещахъ конечно не изъ одной литературы. Не мудрено кажется убѣдиться, что русская книга и журналъ, обставленные извѣстными карантинными мѣрами, далеко не высказывали и не высказываютъ всего, что однако находится въ обращеніи въ умахъ общества. Литература имѣла и имѣетъ свою благотворную роль въ образованіи общественныхъ понятій, но эта роль нисколько не исключительная. Литература можетъ имѣть обширное дѣйствіе какъ распространеніе свѣдѣній, но какъ публицистика она не производитъ общественныхъ направленій, взглядовъ и партій — она

только отражаетъ ихъ. Самыя направленія даются жизнью и общественными условіями. Въ прежнее время литература не смѣла заикнуться о крѣпостномъ вопросѣ, или въ самомъ дѣлѣ говорила о немъ только заикаясь; цензура не позволяла сказать прежде слова объ этомъ предметѣ, но въ умахъ образованныхъ людей вопросъ былъ рѣшенъ, и къ тому времени, когда нынѣшнее правительство въ первый разъ высказалось о своихъ планахъ освобожденія, въ обществѣ было уже множество пламенныхъ приверженцевъ освобожденія. Точно также, движеніе, отличавшее первые годы нынѣшняго царствованія, не могло быть дѣломъ одной литературы: сама она только въ эту пору получила первую возможность говорить, а слѣдовательно и не могла бы имѣть такого дѣйствія,—какъ передъ этимъ при всѣхъ усиліяхъ не могла бы стряхнуть гнета, лежавшаго на всей общественной жизни. Новое движеніе произошло отъ обширныхъ общихъ причинъ: новое царствованіе, съ первыхъ шаговъ своихъ, отвѣтило стремленіямъ, которыя долго копились въ умахъ общества, хотя и далеко не высказывались въ литературѣ; кромѣ того общество все вообще почувствовало тотъ политическій опытъ и урокъ, который данъ былъ Крымской войной, и правительству достаточно было тогда выразить свои болѣе либеральные противъ прежняго взгляды нѣсколькими практическими мѣрами, облегчить нѣсколько старыхъ стѣсненій, сдѣлать нѣсколько улучшеній, чтобы общественныя силы стали высказываться смѣлѣе и свободнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, стоило отмѣнить запрещеніе заграничныхъ путешествій, уничтожить странный «комплектъ» въ университетахъ («комплектъ» людей, желавшихъ имѣть высшее образованіе!), выразить намѣреніе судебной реформы и потомъ выполнить ее, дать нѣкоторый просторъ общественному самоуправленію, снять запрещеніе частнымъ лицамъ строить желѣзныя дороги,—достаточно было сдѣлать это, чтобы въ обществѣ стали совершаться явленія, до тѣхъ поръ неслыханныя. Умственные интересы усилились, общественные вопросы, адвокатура, судъ присяжныхъ, народное образованіе, вопросы о представительствѣ стали предметомъ общаго любопытства; когда явились новые суды, практика показала, что у насъ не оказалось недостатка въ талантливыхъ, даже блестящихъ адвокатахъ и разумныхъ присяжныхъ; въ земскомъ самоуправленіи, при всей ограниченности данныхъ ему размѣровъ, явилось однако много случаевъ истиннаго интереса къ общественному благу; снятіе промышленныхъ стѣсненій произвело обширное промышленное движеніе, и Россія буквально въ нѣсколько лѣтъ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ — явленіе истинно удивительное при

тѣхъ громадныхъ пространствахъ, какія должны проходить наши желѣзныя дороги.—Что же дѣлала во всемъ этомъ движеніи литература? Она конечно посвятила всѣмъ этимъ предметамъ много интереса, высказала много свѣтлыхъ мыслей, внушала много благородныхъ стремленій;—она могла сильно поддержать это движеніе, но смѣшно было бы сказать, что она *произвела* его. Въ широкихъ практическихъ движеніяхъ страны, рядомъ съ которыми идутъ и умственные успѣхи, она только принимаетъ участіе. Какъ выраженіе самыхъ разнородныхъ элементовъ, она говоритъ за и противъ, стремится впередъ и тянетъ назадъ; подкладка ея—всегда само общество и его исторія, и потому на нее не могутъ ложиться ни безусловныя похвалы, ни безусловныя порицанія.

Замѣтимъ здѣсь одно важное обстоятельство. Для многихъ изъ упомянутыхъ результатовъ достаточно было только чисто отрицательныхъ мѣръ правительства—довольно было только устранять прежнія стѣсненія, и общество оживлялось само собою, потому что начинали дѣйствовать силы, которыя до тѣхъ поръ были связаны, оставались въ скрытомъ состояніи. Здѣсь, въ этихъ внутреннихъ силахъ, и заключался источникъ движенія.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ слѣдуетъ принимать и обвиненія, падающія на литературу и которыя такъ часто повторялись въ послѣднее время, что стали общимъ мѣстомъ и порядочно прискучили. Замѣтимъ прежде всего, что эти обвиненія противъ «вредныхъ» направленій прилагаются всего чаще къ чисто *отвлеченнымъ*, научнымъ или общественно-политическимъ и литературнымъ, мнѣніямъ и изслѣдованіямъ, которыя по здравому смыслу едва ли могутъ подлежать полицейскому обвиненію, и если могутъ вызывать противорѣчіе, то здравый смыслъ допускаетъ его только въ той же научной, публицистической и литературной формѣ. (Вспомнимъ напр. фактъ обвиненія книги г. Сѣченова «о рефлексахъ головнаго мозга»). Какъ бы то ни было, у насъ не однажды падали самыя тяжкія обвиненія на вредныя книги и журналы; ихъ авторы или издатели подвергались преслѣдованію, какъ виновники предполагаемаго вреда. Не говоря о томъ, до какой степени странны выходили—какъ это особенно ярко выдается въ приведенномъ примѣрѣ—подобныя обвиненія, выставляемыя противъ понятій, выработанныхъ или выработываемыхъ современной наукой, или противъ книгъ, представляющихъ только образчики предметовъ, надъ которыми работаетъ современная общественная наука, и которые должны бы быть любопытны для общества совершен-

нолѣтняго (какимъ мы однако имѣемъ слабость себя считать),—не говоря объ этомъ, странно думать, чтобы литература, т. е. одинъ очень немногочисленный классъ литературныхъ дѣятелей, виноватъ былъ въ этомъ предполагаемомъ «вредѣ». Нечего говорить о томъ, что опредѣленіе этого «вреда» нерѣдко наводитъ на очень проблематическіе вопросы. Но затѣмъ и здѣсь литература, какъ въ первомъ случаѣ, есть только одинъ изъ послѣднихъ фактовъ процесса, происходящаго въ умственной жизни общества. Если обвиняемая литература упрекается или преслѣдуется за то, что скептически и—если можно—даже враждебно относится къ извѣстнымъ учрежденіямъ или явленіямъ національной жизни, если она вноситъ новыя понятія (почитаемыя обыкновенно вредными за то, что онѣ противорѣчатъ старымъ)—то для наблюдателя вполнѣ искренняго это значитъ только, что въ самомъ обществѣ извѣстная часть образованныхъ людей имѣетъ этотъ скептицизмъ и эти новыя понятія. Понятно, что если существуетъ уже этотъ процентъ людей такихъ мнѣній, то безполезно преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей или книгъ за это мнѣніе; преслѣдованіе произведетъ конечно свое устрашающее дѣйствіе, но этимъ едва ли оно достигаетъ цѣли, т. е. искоренитъ «вредныя мнѣнія». Уничтожить ихъ можно только однимъ средствомъ—прекративъ вообще умственную дѣятельность націи. Но очевидно, что умственные успѣхи націи необходимы ей даже для простого сохраненія своего политическаго значенія и силы, и устранять ее отъ умственной работы значило бы подкапывать самую матеріальную, политическую силу націи. Потому такъ вредна вообще система репрессивныхъ мѣръ. Въ смыслѣ національнаго развитія полезнѣе было бы—предоставить самому обществу собственнымъ умомъ переработать представляющіяся ему идеи: общество отвергнетъ ихъ, если онѣ противорѣчатъ его дѣйствительнымъ интересамъ; а если не отвергнетъ, значитъ, въ нихъ была своя доля того, что нужно обществу:—вопросъ былъ бы только въ томъ, чтобы понять требованія времени и дать имъ удовлетвореніе, не истощая общественныхъ силъ лишеніемъ умственной пищи и не дожидаясь болѣзненныхъ кризисовъ,—напр. въ родѣ Крымской войны, которые показали бы необходимость другого порядка общественной внутренней жизни. Наконецъ, если бы уже признано было необходимымъ направить преслѣдованіе на тѣ новые элементы понятій, какіе вноситъ литература, то какой-нибудь успѣшности такихъ репрессивныхъ мѣръ логически можно было бы ждать только тогда, когда бы, кромѣ литературы, эти репрессивныя мѣры были употреблены и противъ всякихъ другихъ источниковъ, изъ кото-

рыхъ питается общественная мысль; надо было бы напр. запретить множество иностранныхъ книгъ, возстановить «комплектъ» въ университетахъ, запретить путешествія за границу, уничтожить судебную реформу, стѣснить по прежнему промышленное развитіе и т. д., и т. д. Все это вмѣстѣ имѣетъ на состояніе умовъ въ обществѣ гораздо больше вліянія, чѣмъ литература. Но едва ли кто считаетъ возможнымъ эти репрессивныя мѣры въ такомъ универсальномъ размѣрѣ. Въ обвиненіяхъ противъ литературы указываютъ обыкновенно на рѣзкости, непривычныя нашему уху, на неумѣнье обращаться съ печатнымъ словомъ, или совсѣмъ непозволительныя крайности. Но въ этой раздражительности, встрѣчающейся въ отдѣльныхъ случаяхъ, виновата опять не сама литература собственно, а общественныя противорѣчія; излечить литературу отъ этой неумѣренности можно было бы только примиряя эти противорѣчія общественной жизни, и литература могла бы только помочь въ этомъ случаѣ, указывая пункты противорѣчій, разъясняя истинное положеніе дѣла и настоящій интересъ, въ удовлетвореніи котораго состоитъ благо общества. Не ея вина, если сами общественныя противорѣчія становятся вопіющими. Ее упрекаютъ въ недостаткѣ умѣренности и достоинства,—но эти качества едва ли пріобрѣтаются въ цензурной школѣ. Совсѣмъ напротивъ, можно ли было литературѣ пріобрѣсть эти качества, когда писатель, въ прежнія времена, чувствовалъ себя стѣсненнымъ даже въ самомъ умѣренномъ выраженіи стремленій къ общественному благу: система опеки не давала исхода настоящей мысли, настоящимъ желаніямъ общества и его лучшихъ людей, и понятно, что это нарушеніе и стѣсненіе самыхъ неизбѣжныхъ потребностей общества, начинающаго думать, производили эту раздражающую рѣзкость и нетерпимость и влекли за собой свои извѣстныя послѣдствія.

На такихъ опасеніяхъ построенъ тотъ взглядъ на литературу, изъ котораго, между прочимъ, исходитъ и стѣсненіе историческаго изученія. Но если въ общихъ литературныхъ сюжетахъ давленіе на литературу кончается положительнымъ вредомъ для умственнаго развитія націи или для «національнаго ума», и ограниченіе научной свободы равняется желанію поддерживать въ обществѣ невѣжество, ограниченность понятій и познаній, то вредъ ограниченія историческихъ изслѣдованій бываетъ изъ особенно ощутительныхъ. Исторія (новѣйшая, о которой мы собственно говоримъ) слишкомъ близко касается современной жизни и даетъ первую критическую точку опоры и одно изъ наиболѣе доступныхъ образовательныхъ средствъ для тѣхъ, кто хочетъ сознательно понимать настоящее. Нѣтъ сомнѣнія, что цензура,

такъ сильно тяготѣвшая въ особенности надъ исторіей, надолго заставила наше историческое изученіе остаться назади противъ того, чѣмъ оно могло бы быть въ другихъ условіяхъ.

Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, достаточное основаніе дѣлать изъ прошлаго секретъ для литературы, и слѣдовательно для цѣлой націи? По сущности своей, этотъ вопросъ сливается съ другимъ: возможно ли и полезно стѣснять вообще науку? На такой вопросъ, собственно, нечего отвѣчать, потому что отвѣтъ есть слишкомъ избитая истина. Если только хотятъ для націи какой-нибудь науки, то стѣснять науки невозможно: какъ дѣло логики и изслѣдованія, она будетъ доходить до своихъ послѣднихъ выводовъ, надъ которыми безсильна всякая власть и всякій личный произволъ. Можно сдѣлать одно — не дать ей высказываться, чтобы ея выводы не бросались въ глаза своимъ противорѣчіемъ съ ходячими и господствующими предразсудками,—но въ такомъ случаѣ надо будетъ отказываться и отъ лучшихъ плодовъ науки— какъ отъ нихъ долго должно было отказываться наше общество, которому оттого долго приходилось и еще приходится принимать рѣшенія, сдѣланныя мимо нашего участія. Между тѣмъ цензура не можетъ вѣчно быть на сторожѣ, рано или поздно она поднимаетъ свои шлагбаумы, вынуждаемая общими требованіями времени; практика нашей собственной цензуры показываетъ, что наконецъ она должна была уступать передъ требованіями образованія и допускать въ печать то, что прежде считала для нея рѣшительно невозможнымъ. Чѣмъ же были ея прежнія усилія, прежнее гоненіе на литературные и научные интересы? Они были напраснымъ, пропащимъ трудомъ, оставившимъ по себѣ только лишнее раздраженіе, и безплоднымъ насиліемъ, внесшимъ только лишнюю неправильность въ умственную жизнь общества, лишнее замедленіе ея успѣховъ, отзывающееся прямымъ вредомъ на послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Стѣсненіе историческаго изслѣдованія, какъ мы замѣчали, бываетъ особенно чувствительно для національной литературы. Стѣснять историческія знанія значитъ оставлять общество въ невѣдѣніи или заблужденіи относительно его собственныхъ высшихъ интересовъ, ставить его въ положеніе несовершеннолѣтняго — положеніе очень опасное, потому что слишкомъ продолжительное малолѣтство общества вредитъ наконецъ и силамъ самого государства. А если на самомъ дѣлѣ общество уже выходитъ изъ малолѣтства, то такія стѣсненія способны только возбуждать недовольство, и нисколько не уничтожая являющихся критическихъ запросовъ, еще болѣе дискредитируютъ систему опеки.

Мы не будемъ впрочемъ долго останавливаться на общемъ цензурномъ вопросѣ, достаточно разъясненномъ въ статьяхъ г. Арсеньева о русскомъ законодательствѣ по этому предмету. Ограничивая исторію, цензура (въ томъ или другомъ видѣ) имѣетъ въ виду, во-первыхъ, понятія самого общества, до которыхъ она не хочетъ допустить знанія о нѣкоторыхъ фактахъ, или которыя желаетъ предохранить отъ мнѣній, считаемыхъ ею за ошибочныя. Она стремится такъ сказать охранять общественное простодушіе, и сберегать традиціонныя представленія о вещахъ; но она беретъ на себя Сизифову задачу, если хочетъ остановить разъ зародившуюся критику. А критика несомнѣнно зародилась, и относительно традиціонныхъ представленій литература уже не одинъ разъ высказывала возраженія, слишкомъ вѣскія, чтобы они могли затеряться. Они и не затеряются. Несомнѣнная наклонность къ изученію въ исторіи внутреннихъ общественныхъ процессовъ, наклонность, которой нельзя не видѣть въ новѣйшихъ историческихъ трудахъ, показываетъ, что критическая пытливость не довольствуется уже одной оффиціальной, показной исторіей, какая до недавняго времени господствовала почти исключительно. Горизонтъ изслѣдованій расширился до замѣчательной степени въ сравненіи съ прежнимъ, и этотъ горизонтъ едва ли уже возможно съузить и закрыть. Правда, привычныя рамки языка еще не высказываютъ всей мысли, внушаемой болѣе широкими новыми точками зрѣнія, но самая мысль уже существуетъ. Природа, выгоняемая въ дверь, влетаетъ въ окно. Стѣсненіе историческихъ свѣдѣній не достигаетъ цѣли: то, что хотятъ скрывать,—въ существѣ дѣла или извѣстно, или предполагается, живетъ въ устныхъ разсказахъ, а прежде бывало въ рукописныхъ тетрадкахъ. Чтобы уничтожать такое распространеніе идей понадобилась бы цѣлая инквизиція. Наконецъ то, что не находитъ мѣста въ русской книгѣ, находитъ его нерѣдко въ книгѣ иностранной, и обыкновенно въ худшемъ видѣ. Наконецъ, много русскаго историческаго матеріала, и между прочимъ очень любопытнаго, стало появляться въ заграничныхъ изданіяхъ, на русскомъ и на другихъ языкахъ.

Съ другой стороны цензурныя стѣсненія основываются на соображеніяхъ такъ сказать дипломатическихъ. Во время господства канцелярской тайны и полной бюрократической опеки, исторія, какъ мы замѣчали, также была въ непосредственномъ вѣдѣніи этой опеки (мы опять разумѣемъ новѣйшую исторію). Архивы почти не открывались; чтобы работать въ нихъ, ученому надо было запастись спеціальными разрѣшеніями, добываніе которыхъ было не легко. Дѣла считались государственнымъ

секретомъ, и понятно, что онъ открывался только съ величайшими предосторожностями и съ большими урѣзками. Въ нынѣшнемъ управленіи архивовъ, сколько надобно полагать, еще въ сильной степени господствуетъ такое же понятіе, — и въ этомъ отношеніи (какъ во множествѣ другихъ) наша литература составляетъ къ сожалѣнію очень невыгодную противоположность съ европейскими, — въ которыхъ высокая степень общественнаго образованія, давно сдѣлала исторію общимъ достояніемъ, и которыя поражаютъ необозримымъ множествомъ историческаго матеріала, стараго и новаго, появляющагося каждогодно. Мы, какъ извѣстно, не въ состояніи похвалиться чѣмъ-нибудь подобнымъ. На нашихъ собраніяхъ все еще лежитъ очень часто печать канцелярской тайны. Между тѣмъ вѣдомства, завѣдующія важнѣйшими въ историческомъ смыслѣ архивами, могли бы стать на другую точку зрѣнія и сложить съ себя цензурно-дипломатическое попеченіе по крайней мѣрѣ относительно большинства тѣхъ матеріаловъ, которые еще остаются закрытыми для историческаго употребленія: требуемая осторожность обращенія съ ними достаточно внушается писателю закономъ о печати. Что касается дипломатическаго соображенія времени и лицъ, то намъ мудрено себѣ представить, чтобы можно было простирать эти соображенія дальше двухъ послѣднихъ царствованій или чтобы они могли напр. касаться до временъ имп. Александра I. Наконецъ опасенія слишкомъ откровенной исторіи имѣютъ между прочимъ въ виду — не давать повода къ неблагопріятнымъ сужденіямъ о Россіи: «что̀ скажутъ иностранцы» — до сихъ поръ заботитъ многихъ. Намъ случилось разъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ ученомъ обществѣ, слѣдовательно обществѣ, которое должно бы серьезно понимать науку,— слышать подобный вопросъ по поводу читавшагося тамъ изслѣдованія, гдѣ было высказано одно совершенно справедливое, но не вполнѣ благопріятное сужденіе о временахъ имп. Екатерины: предсѣдатель предложилъ автору—передѣлать это мѣсто, т. е. сказать намѣренную ложь... Такія опасенія конечно совершенно напрасны. Иностранцы, не дожидаясь насъ, составляютъ себѣ мнѣніе о нашей исторіи и историческихъ личностяхъ; и если намъ вообще заботиться объ ихъ отзывахъ и о томъ дѣйствіи, какое они могутъ имѣть на русскихъ читателей, то въ ихъ книгахъ уже сказаны всѣ худшія вещи, какія можно сказать, и онѣ уже имѣли свое дѣйствіе. Ясно, кажется, что просторъ для русскихъ изслѣдователей всего лучше можетъ поддержать въ этомъ смыслѣ наше національное достоинство,—онъ уничтожилъ бы преувеличенія, которыхъ было не мало сказано

относительно новѣйшей нашей исторіи, и доставилъ бы точную оцѣнку фактовъ, которая — какъ бы строгой, быть можетъ, ни пришлось ей иногда быть — сдѣлала бы намъ больше чести, еслибъ исходила отъ самихъ насъ.

Такимъ образомъ, историческое изученіе, по нашему мнѣнію, нуждается теперь для своего успѣха въ расширеніи свободы изслѣдованій, которое можетъ быть достигнуто предоставленіемъ бо́льшаго простора историческому разсказу и критикѣ, и открытіемъ архивовъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ взгляды правительства и оффиціальныхъ вѣдомствъ могли бы имѣть большое вліяніе, однимъ устраненіемъ стѣснительныхъ правилъ и обычаевъ; такъ одно открытіе архивовъ могло бы имѣть большое дѣйствіе на нашу исторіографію, и практическое — доставленіемъ матеріала, и моральное — внушеніемъ болѣе серьезнаго отношенія къ предмету, чѣмъ было прежде. Въ самомъ дѣлѣ, въ архивахъ должно храниться множество вещей, обнародованіе которыхъ бросило бы большой свѣтъ на послѣ-петровскую исторію. Отсутствіе этихъ вещей чрезвычайно вредитъ разработкѣ предмета. Многимъ изъ нашихъ историковъ приходилось встрѣчаться съ очень непріятными, иногда неодолимыми затрудненіями въ этомъ, самомъ первоначальномъ вопросѣ историческаго труда; многимъ случалось обходиться безъ источниковъ, существованіе которыхъ было однако извѣстно, или отказываться отъ опредѣленія извѣстныхъ сторонъ предмета, закрываемыхъ цензурными правилами и преданіями. Отсюда, въ литературѣ накопилась съ теченіемъ времени цѣлая масса лицемѣрныхъ или невольныхъ умолчаній или неправильныхъ изложеній дѣла; отсюда происходило также и то, что одинъ и тотъ же предметъ долженъ былъ переработываться по нѣскольку разъ, по мѣрѣ того, какъ неожиданно начинали появляться въ свѣтъ скрывавшіеся матеріалы; наконецъ, отъ одного этого еще болѣе усиливался историческій скептицизмъ.

Въ литературѣ и обществѣ теперь безъ сомнѣнія гораздо сильнѣе прежняго желаніе найти правдивую исторію, которая не была бы похожа на голый панегирикъ и не страдала умолчаніями. Избавиться отъ старыхъ недостатковъ, вступить на путь искренняго и безпристрастнаго изслѣдованія, которое раскрыло бы передъ нами вѣрную картину общественнаго развитія, безъ самохвальныхъ преувеличеній и не скрывая мрачныхъ сторонъ прошедшаго, живущихъ часто и въ настоящемъ, — и для этого познакомиться со всѣмъ существеннымъ историческимъ матеріаломъ, до сихъ поръ далеко не вполнѣ извѣстнымъ, вотъ къ чему должны стремиться тѣ, кому дороги успѣхи и достоинство исто-

рическаго изученія. На этомъ поприщѣ мы желали бы видѣть и дѣятельность Русскаго Историческаго Общества. Понявши во всей полнотѣ обширную задачу, которая еще предстоитъ русской исторіографіи, и употребивъ свои усилія на упомянутую необходимость извлечь изъ неизвѣстности матеріалы, которыхъ недостаетъ для объясненія многихъ существенныхъ явленій нашей внутренней исторіи XVIII — XIX столѣтій, — Общество при своихъ исключительныхъ средствахъ могло бы сдѣлать очень многое, могло бы оказать неоцѣненную услугу не только исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлой русской литературѣ.

Какіе же предметы заслуживали бы особеннаго вниманія при такой разработкѣ историческаго матеріала? Этотъ матеріалъ громаденъ, издать его весь нѣтъ возможности, да и надобности; но при выборѣ должна однако присутствовать извѣстная обдуманная мысль и система. Выборъ долженъ опредѣляться потребностями науки, т. е. тѣми предметами, которые преимущественно привлекаютъ вниманіе изслѣдователей и любознательность общества. А эти предметы отличить довольно легко, по тому, что̀ всего больше занимало литературу. Это была главнымъ образомъ внутренняя исторія народа и общества, исторія управленія, экономическихъ условій, образованности, сословій, быта, нравовъ, и т. д., съ той точки зрѣнія, гдѣ они являются въ связи съ цѣлымъ общественнымъ развитіемъ, послѣднее звѣно котораго составляетъ наше собственное настоящее съ его заботами, трудами и стремленіями. Это — исторія общественно-политическая и культурная. Личная исторія правителей, наполнявшая прежнія книги, теперь возбуждаетъ интересъ лишь въ той мѣрѣ и въ томъ направленіи, насколько она оказывала прямое вліяніе на ходъ исторіи; исторія войнъ и полководцевъ — точно также заняла въ общей исторіи только относительное мѣсто, и исключительныя описанія военныхъ подвиговъ отошли въ спеціальныя книги для спеціальныхъ читателей. Однимъ словомъ, руководящій интересъ современной исторической литературы тѣсно связывается съ тѣми вопросами, которые тревожатъ общество въ современной жизни: въ исторіи мы хотимъ видѣть начало и судьбу тѣхъ жизненныхъ стремленій, которыя наполняютъ настоящее противорѣчіями и столкновеніями и которыя представляютъ собой зерно будущаго. Чѣмъ больше историческіе труды будутъ доставлять разъясненій по этимъ предметамъ, тѣмъ будутъ они плодотворнѣе: сюда направляется всего больше вниманія и пытливости, и отсюда всего больше будетъ исходить возбужденій къ новымъ историческимъ розысканіямъ, вопросамъ и комбинаціямъ.

Могутъ сказать на это, что стѣснять такимъ образомъ историческій интересъ значитъ вносить въ науку современныя преходящія точки зрѣнія, что это значитъ унижать науку, которая стоитъ выше эфемерныхъ вкусовъ публики, что въ наукѣ нѣтъ интереснаго и неинтереснаго, если только оно входитъ въ область ея фактовъ, что высокое достоинство исторической науки и т. д.... Это довольно обыкновенный языкъ ученыхъ для учености, которые (у насъ особенно) любятъ казаться жрецами научныхъ таинствъ, хранителями священнаго огня, скрытаго отъ профановъ. Не говоря о томъ, что нашей учености, которая въ большинствѣ случаевъ только побирается до сихъ поръ крохами европейской науки или, въ русскихъ предметахъ, ограничивается пока очень умѣренными подвигами,—что этой учености не совсѣмъ пристало облекаться въ хламиду олимпійскаго величія, эти возраженія сводятся къ совершенному безразличію историческихъ предметовъ и къ полной безжизненности науки. Наша наука, и исторія въ томъ числѣ, до послѣдняго времени именно страдала отсутствіемъ всякой связи съ жизнью, что и отражалось на сухости и непригодности ея плодовъ. Эта наука, существовавшая для извѣстнаго (не очень большого) круга спеціалистовъ и любителей, дѣлала извѣстные успѣхи только въ изслѣдованіи частностей, но несмотря на всю свою притязательность, была очень слаба во всемъ, гдѣ шло дѣло объ установленіи самыхъ принциповъ и основаній науки: она далеко не привыкла обнимать цѣльно предметъ изученія, изслѣдовать господствующія начала исторической жизни и всѣ основныя стороны національнаго существованія. Приблизиться къ этой жизни, пріучиться смотрѣть на весь объемъ исторической задачи, не увязая въ однихъ подробностяхъ одного періода, и пріобрѣсти наконецъ общее разумѣніе предмета, изъ котораго намъ извѣстны только нѣсколько разныхъ угловъ, въ этомъ состоитъ теперь одна изъ первыхъ, едва ли не первая потребность нашей исторической науки. Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованіе можетъ выбирать себѣ любые предметы и любымъ образомъ опредѣлять ихъ, — но странно было бы не видѣть различія относительной важности тѣхъ или другихъ историческихъ вопросовъ. Старинные толки о любви мудрыхъ народовъ къ порядку и о «банномъ строеніи», или позднѣйшія изысканія о родовомъ началѣ и началѣ личности, или еще позднѣйшіе вопросы о народной исторіи имѣютъ весьма различную цѣну въ этомъ смыслѣ. Точно также и теперь бываютъ изслѣдованія, которыя дѣйствительно «бросаютъ свѣтъ» на прошедшее, и составляютъ важное звѣно въ ряду историческихъ изысканій, завершая собою старыя и открывая исход-

ный пунктъ для новыхъ; такія изслѣдованія бываютъ истиннымъ пріобрѣтеніемъ литературы, именно какъ раскрытіе новой стороны дѣла, незамѣченной прежде, какъ руководство и указаніе дальнѣйшихъ изысканій;—и съ другой стороны, бываютъ труды, которые приносятъ также свою долю пользы, но могли бы спокойно явиться десять лѣтъ раньше или позже, все равно. Понятно, что для развитія самой науки важны именно труды прокладывающіе путь, а не идущіе по избитой дорогѣ.

И если новому историческому предпріятію искать себѣ правильнаго опредѣленія своей задачи, то его вѣрнѣе искать не въ этихъ гелертерскихъ вкусахъ, а въ живыхъ интересахъ, какіе сказываются въ обществѣ и литературѣ. Истинная наука вовсе не такъ далека отъ жизни, какъ дѣлаютъ ее обыкновенно цѣховые и чиновные ученые; напротивъ, она стоитъ всегда въ тѣснѣйшей связи съ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ общества. Достаточно было бы для примѣра указать въ наше время на замѣчательное развитіе съ одной стороны экономической науки, съ другой — народнаго изученія, языкознанія, этнографіи и т. д., — и то и другое было такъ успѣшно и плодотворно именно потому, что шло рядомъ съ пробудившимися общественно-политическими стремленіями народовъ, когда «народное» стало въ одно время и вопросомъ науки, и общественнымъ идеаломъ, предметомъ политической борьбы. Это совпаденіе несомнѣнно, и трудно иначе объяснить быстрый успѣхъ новыхъ отраслей знанія, созданныхъ въ нѣсколько десятилѣтій, и до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстныхъ въ столь широкомъ смыслѣ. Въ исторіи точно также, характеръ вопросовъ, которые въ ней господствуютъ, отвѣчаетъ характеру общественныхъ интересовъ, и наиболѣе плодотворными трудами бываютъ именно тѣ, которые совпадаютъ съ потребностями общественной мысли, стремятся къ разрѣшенію задачъ, уже поставленныхъ состояніемъ образованія, или даютъ матеріалъ для ихъ разрѣшенія.

Не знаемъ, случай или преднамѣренный выборъ далъ мѣсто въ Сборникѣ Историческаго Общества матеріаламъ знаменитой Коммиссіи о составленіи проекта Новаго Уложенія, которые являются теперь въ 4-мъ его томѣ. Если случай, онъ былъ очень счастливый; если выборъ, онъ дѣлаетъ большую честь историческому такту редакціи Сборника, вспомнившей объ этомъ любопытномъ учрежденіи, исторія котораго такъ долго—ровно сто лѣтъ — принадлежала къ многочисленному количеству фактовъ, лежавшихъ подъ спудомъ.

«Наказъ», который данъ былъ этой Коммиссіи какъ программа и наставленіе, все это время одинъ оставался всѣмъ извѣстенъ и до послѣдняго времени служилъ предметомъ похвалъ и изумленія историковъ передъ его мудростью и гуманными началами. Но Коммиссія, созванная Екатериной и долженствовавшая примѣнить къ дѣлу эти начала, была какимъ-то образомъ забыта, до такой степени, что о ней нельзя было даже получить правильныхъ свѣдѣній. Историки, толковавшіе о «Наказѣ» и его значеніи, очень часто и не думали задавать себѣ вопроса о самой Коммиссіи.

«Свѣдѣній объ этой Коммиссіи, — говорится въ предисловіи настоящаго изданія — кромѣ неполныхъ, отрывочныхъ, а еще большею частію ошибочныхъ, мы до сего времени не имѣемъ. И не мудрено. Все, что доселѣ было объ ней сказано, основывалось, за нѣкоторыми исключеніями, на *невѣрно переданныхъ* фактахъ или на столь же невѣрныхъ *преданіяхъ*».

Судьба—которая лежитъ и на очень многихъ другихъ явленіяхъ нашей исторіи, которыя однако должны бы заслуживать полнаго вниманія и изученія. Въ самомъ дѣлѣ, Коммиссія, созванная Екатериной, такъ или иначе, была фактомъ, затрогивавшимъ интересы всего населенія имперіи—сотни депутатовъ, составившихъ ее, собрались со всѣхъ концовъ Россіи, отъ всѣхъ сословій и слоевъ народа, отъ высшей аристократіи и первыхъ правительственныхъ вѣдомствъ до крестьянства (кромѣ крѣпостного); Коммиссія была призывомъ націи къ участію въ законодательствѣ, попыткой представительства, внушенной идеями европейской общественной философіи и происходившей въ такую пору, когда трудно было и ожидать ея, — однимъ словомъ Коммиссія была во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ явленіемъ, опредѣленіе котораго было бы очень важно въ интересѣ исторіи нашего общественнаго развитія; каковы бы ни было ея начало и исходъ, удачны или неудачны, они были характеристическимъ фактомъ своего времени.

Русское Историческое Общество, издавая подлинные акты Коммиссіи, оказываетъ истинную услугу русской исторической наукѣ: оно выбрало матеріалы такого рода, отсутствіе которыхъ особенно чувствовалось.

Обратимся къ изданію.

«Коммиссія для составленія проекта *Новаго Уложенія*», о созваніи которой объявлено было манифестомъ 14-го декабря 1766 года, и засѣданія которой продолжались съ 31-го іюля 1767 по 12-е января 1769 г., оставила по себѣ трояваго рода документы: 1) дневныя записки, или протоколы засѣданій боль-

наго, т. е. полнаго собранія Коммиссіи; 2) мнѣнія депутатовъ, читанныя въ этомъ большомъ собраніи, и 3) наказы, данные депутатамъ отъ тѣхъ сословій, которыми эти депутаты были выбраны, и заключавшіе въ себѣ изложеніе нуждъ и желаній, которыя депутаты должны были заявить въ Коммиссіи. Эти документы хранятся въ архивѣ II-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Трудъ изученія и изданія ихъ принадлежитъ г. Полѣнову. Въ небольшомъ предисловіи г. Полѣновъ объяснилъ свойство документовъ и указалъ въ общихъ чертахъ ходъ занятій Коммиссіи; затѣмъ, на основаніи подлинныхъ матеріаловъ онъ излагаетъ мѣры, предшествовавшія собранію, способъ избранія депутатовъ и т. д., и наконецъ въ подробности описываетъ ея дѣйствія. Сохраняя при этомъ во всей точности содержаніе матеріаловъ, т. е. депутатскихъ мнѣній и разсужденій, г. Полѣновъ не счелъ нужнымъ излагать ихъ старымъ, подлиннымъ ихъ языкомъ. «Понимая — говорилъ онъ — то непріятное ощущеніе, которое испытываютъ читающіе старинное наше писаніе, мы имѣли въ виду устранить это чувство и сдѣлать чтеніе, а притомъ и пониманіе, доступными не для однихъ спеціалистовъ. Депутаты, какъ нельзя въ этомъ сомнѣваться, были люди дѣльные, но въ большинствѣ плохіе грамотѣи. Даже извѣстный писатель, историкъ князь Щербатовъ, одинъ изъ многорѣчивыхъ депутатовъ, писалъ такимъ языкомъ, который читается теперь только по необходимости» и т. д. Мы совершенно согласны съ г. Полѣновымъ, что дѣйствительно въ сохраненіи подлиннаго нескладнаго писанія не было никакой надобности; интересъ матеріаловъ заключается въ ихъ содержаніи, а не въ слогѣ, а для любителей архаическаго стиля совершенно достаточно нѣсколькихъ образчиковъ приведенныхъ г. Полѣновымъ, и, наконецъ, еще множества другихъ документовъ и книгъ того времени.

Кромѣ этого изложенія дѣйствій Коммиссіи и мнѣній, высказанныхъ депутатами, г. Полѣновъ во второй половинѣ тома помѣстилъ (въ подлинномъ видѣ) нѣсколько наказовъ депутатамъ отъ дворянства разныхъ мѣстностей.

Таково содержаніе изданія, которое, впрочемъ, есть только начало или одна доля цѣлаго труда; именно, изъ всѣхъ 203 или 204 засѣданій Коммиссіи, здѣсь описано еще только 31 засѣданіе (до октября 1767); и изъ депутатскихъ наказовъ изданы только 30 наказовъ дворянскимъ депутатамъ.

Общій ходъ занятій Коммиссіи, какъ сообщаетъ о нихъ г. Полѣновъ въ своемъ предисловіи, былъ слѣдующій. Когда Коммиссія собралась и открыла свои дѣйствія, первыя семь засѣданій

ея посвящены были избранію маршала или предводителя Коммиссіи, чтенію «Наказа», даннаго ей императрицей и другихъ актовъ, выбору членовъ въ три частныя коммиссіи (дирекціонную, экспедиціонную и для разбора депутатскихъ наказовъ), устроенныя для веденія дѣлъ и т. п. Затѣмъ, съ восьмого засѣданія началось чтеніе депутатскихъ наказовъ, именно наказовъ отъ черносошныхъ (государственныхъ) крестьянъ. Это заняло пятнадцать засѣданій, — впрочемъ, была прочитана и обсуждаема только очень небольшая часть всего числа наказовъ, и не кончивъ этого, Коммиссія уже не возвращалась вовсе къ чтенію наказовъ и занялась чтеніемъ законовъ о правахъ дворянства, на что было употреблено одиннадцать засѣданій. Потомъ Коммиссія перешла къ чтенію законовъ о купечествѣ, что продолжалось 46 засѣданій; далѣе нѣсколько засѣданій посвящено было чтенію лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій.

Въ декабрѣ 1767 г. засѣданія Коммиссіи въ Москвѣ прекратились; она перенесена была въ Петербургъ, гдѣ и возобновила свои работы въ февралѣ слѣдующаго года чтеніемъ законовъ, относящихся до юстиціи. Въ іюлѣ 1768 г. маршалъ Коммиссіи, Бибиковъ, внесъ въ собраніе проектъ «правамъ благородныхъ», составленный въ частныхъ коммиссіяхъ. Этотъ проектъ, послужившій основаніемъ изданной впослѣдствіи грамоты дворянству (1785), разсматривался въ большомъ собраніи Коммиссіи съ особеннымъ вниманіемъ; разсужденія объ этомъ предметѣ продолжались до октября, когда разсмотрѣнный проектъ положено было съ мнѣніями депутатовъ отослать въ дирекціонную коммиссію. Затѣмъ коммиссія перешла снова къ чтенію законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, съ ихъ различными юридическими отношеніями.

Наконецъ 18 декабря 1768 г. Коммиссія была распущена. Въ именномъ указѣ императрица объявляла, что по случаю открывавшейся войны многіе депутаты, изъ военныхъ, должны отправиться къ мѣстамъ своей службы, и повелѣвала распустить остальныхъ депутатовъ полнаго собранія Коммиссіи впредь до новаго созванія (котораго потомъ не послѣдовало): остаться должно было только членамъ частныхъ коммиссій и продолжать свои занятія.

Такъ завершилось существованіе коммиссіи. Документы ея, когда они будутъ изданы вполнѣ, представятъ весьма любопытныя данныя относительно внутренняго положенія тогдашней Россіи. Въ настоящую минуту, когда передъ нами только одна, сравнительно небольшая часть этого изданія, нѣтъ возможности, конечно, дѣлать какіе-нибудь общія заключенія. Мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Наказы государственныхъ крестьянъ, съ чтенія которыхъ начались работы Коммиссіи, ограничивались ходатайствами о предметахъ первой необходимости крестьянскаго быта. Они желали уменьшенія повинностей, увеличенія земельныхъ угодій, предоставленія имъ бо̀льшаго простора для разныхъ домашнихъ промысловъ, лучшаго управленія и въ особенности, почти всѣ безъ исключенія желали измѣненія судебныхъ порядковъ, и введенія мѣстнаго словеснаго суда съ выборными судьями.

Наказы отъ дворянства, и затѣмъ разсужденія дворянскихъ депутатовъ при чтеніи законовъ о дворянствѣ, естественно заняты чисто сословными интересами, въ ряду которыхъ выставлялся, между прочимъ, въ особенности вопросъ о томъ, признавать ли дворянами тѣхъ, которые дослужились изъ простого званія до офицерскихъ чиновъ, или считать дворянами только тѣхъ, кто происходитъ изъ древняго рода. Многіе наказы особенно настойчиво рекомендуютъ дворянскимъ представителямъ защиту *стараго* дворянства и оберегательство его интересовъ. Потомъ, когда въ Коммиссіи обсуждались законы о дворянствѣ, то изъ числа двухъ-сотъ мнѣній, поданныхъ депутатами по этому предмету, одно коснулось вопроса о крѣпостныхъ отношеніяхъ. Этотъ предметъ,—говоритъ г. Полѣновъ,—возбудилъ въ Коммиссіи сильные споры. Рѣчь шла о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, и многіе изъ депутатовъ, объясняя причины этого безпорядка, предлагали и мѣры къ его уничтоженію. «Депутатъ отъ козловскаго дворянства, Григорій Коробьинъ (артиллеріи подпоручикъ), въ засѣданіи 5-го мая 1768 года, въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что много есть такихъ помѣщиковъ, которые берутъ съ крестьянъ бо̀льшія подати, чѣмъ бы слѣдовало; есть и такіе, которые, войдя въ значительные долги, отдаютъ людей своихъ для заработыванія денегъ на уплату однихъ процентовъ и чрезъ то отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія; наконецъ, находятся и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина какое-либо небольшое, своимъ трудомъ добытое имущество, его отнимаютъ. Всѣ эти случаи, говорилъ депутатъ Коробьинъ, и бываютъ причиною, что крестьяне, желая избавиться отъ отягощенія, оставляютъ и свои домы, и помѣщика. Сославшись на статьи Большого Наказа (261, 269 и др.), онъ признавалъ за нужное ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ и силою закона оградить собственность сихъ послѣднихъ. Личное же управленіе помѣщиковъ надъ крестьянами депутатъ Коробьинъ полагалъ оставить въ прежнемъ положеніи. На это мнѣніе подано было болѣе 20 голосовъ, изъ которыхъ 18 были противъ мысли депутата Коробьина и только 3 за него. Большинство депутатовъ, въ опро-

верженіяхъ своихъ, признавало эту мѣру вообще вредною для государства, подкрѣпляло возраженія свои тѣмъ, что считало совершенно невозможнымъ разъединить два права, тѣсно между собою связанныя, т.-е. оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ и отнять её надъ имуществомъ этого самаго лица. Одинъ изъ членовъ Коммиссіи, возражавшихъ на мнѣніе Коробьина, депутатъ отъ дворянства Гороховецкаго уѣзда, Александръ Протасовъ, между прочимъ сказалъ, что если принять мнѣніе Коробьина, «то не останется другого способа, какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибъ на то монаршее было соизволеніе»; но и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, это нужно сдѣлать исподволь».

Такимъ образомъ только очень незначительное меньшинство имѣло мысль объ освобожденіи крестьянъ или допускало его возможность; но фактъ любопытенъ, однако, между прочимъ потому, что мысль объ освобожденіи высказывалась по собственной инипіативѣ въ помѣщичьемъ кругу, и что основаніемъ ея было злоупотребленіе многими помѣщиками своей власти.

Любопытно также то обстоятельство, что при чтеніи законовъ о дворянствѣ, лифляндскіе, эстляндскіе и финляндскіе депутаты настаивали на сохраненіи ихъ особенныхъ привилегій и не хотѣли замѣшаться въ средѣ русскаго дворянства; такое желаніе высказывали также дворяне малороссійскіе и смоленскіе, которымъ также хотѣлось сохранить свои особенныя права и привилегіи. Императрица Екатерина смотрѣла неблагопріятно на подобныя заявленія и маршалъ Бибиковъ, по ея приказанію, объявилъ собранію, что Коммиссія не можетъ заниматься предметами, относящимися до правленія, и затѣмъ возвратилъ упомянутымъ депутатамъ поданныя ими заявленія.

Въ концѣ своего предисловія, г. Полѣновъ, упомянувъ о неточности свѣдѣній, какія сообщались объ этой Коммиссіи прежними историками, отвергаетъ въ особенности отзывъ «Записокъ о жизни А. И. Бибикова» (маршала Коммиссіи), составленныхъ его сыномъ, сенаторомъ Бибиковымъ, который, повидимому, долженъ былъ бы имѣть самыя достовѣрныя извѣстія. «Должно признаться чистосердечно, — говорится въ этихъ Запискахъ, — предпріятіе сіе было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ тому приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу». Г. Полѣновъ думаетъ, что эти слова, вѣроятно, перешли къ составителю Записокъ по преданію отъ какого-нибудь лица, не сочувствовавшаго предпріятіямъ Екатерины, и что здѣсь не совсѣмъ вѣрно понята цѣль, съ которой императрица созывала депутатовъ. Эта цѣль, по словамъ г. Полѣнова,

была не столько сочиненіе Новаго Уложенія, сколько желаніе узнать «нужды и чувствительные недостатки» страны, какъ сказано въ манифестѣ и какъ она говорила и въ другихъ случаяхъ. «Коммиссія Уложенія—говоритъ Екатерина въ одной запискѣ—бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны».

Отзывъ сенатора Бибикова былъ и вѣренъ и невѣренъ. Коммиссія конечно не была настоящимъ представительствомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но какъ попытка призвать представителей общества къ участію въ законодательствѣ и къ сообщенію свѣдѣній, необходимыхъ правительству, Коммиссія не была также и рановременна. Дѣйствительно, по изданнымъ теперь матеріаламъ, можно видѣть, что одну сторону своей задачи, заявленіе нуждъ и потребностей различныхъ слоевъ и сословій населенія, Коммиссія исполняла весьма удовлетворительно. Требованія были, правда, не велики, вопросы ограничивались всего чаще второстепенными интересами бытовой жизни, но въ этихъ границахъ депутаты говорили съ знаніемъ дѣла и иногда очень разсудительно. Если иной разъ и замѣтенъ недостатокъ «просвѣщенія» или неумѣнье понять вещи болѣе широкимъ образомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что подобные недостатки и неровности сгладились бы впослѣдствіи: на первый разъ депутатамъ выпала совершенно новая задача, и конечно нужно было нѣсколько времени, чтобы это учрежденіе могло установиться совершенно правильно. Этого времени оно имѣло слишкомъ мало. Если правительство хотѣло знать, «съ кѣмъ дѣло имѣетъ и о комъ пещись должно», то, относясь къ дѣлу искренно, оно могло извлечь изъ Коммиссіи самую дѣйствительную пользу, — какъ вообще всякое правительство, если бы искренно желало знать, что ему слѣдуетъ дѣлать, могло бы знать это изъ народнаго представительства. Это послѣднее возможно всегда: мудрено вообразить общество, которое не умѣло бы высказать своихъ потребностей, еслибы для этого дали ему возможность; нужно только, чтобы представительство имѣло свободу высказываться. Насколько успѣшны были законодательныя работы Коммиссіи, мы не рѣшаемся судить, не имѣя пока цѣлаго обзора ея трудовъ, но можно полагать, что и здѣсь Коммиссія приходила къ результатамъ довольно удовлетворительнымъ: такъ правительство воспользовалось ея проектомъ въ грамотѣ дворянству. Въ числѣ депутатовъ мы встрѣчаемъ много лицъ, составившихъ себѣ потомъ бо̀льшую или меньшую извѣстность въ разныхъ отрасляхъ управленія: можно было ожидать, что ихъ способности и знанія и здѣсь принесутъ ту же пользу, какую могли приносить потомъ на службѣ.

Г. Полѣновъ, съ другой стороны, также слишкомъ съуживаетъ значеніе Коммиссіи, когда ставитъ на задній планъ собственно законодательную задачу Коммиссіи. «Депутаты, — говоритъ онъ,—призваны были *не столько* для того, чтобы сочинить Новое Уложеніе, сколько для узнанія отъ нихъ нуждъ и недостатковъ страны». Но это едва ли такъ. Само оффиціальное названіе Коммиссіи — «о сочиненіи проекта Новаго Уложенія», и данный ей «Наказъ» предполагаютъ именно законодательную дѣятельность Коммиссіи. Правда, она должна была составить только проектъ, но тѣмъ не менѣе проектированіе закона ей принадлежало, и притомъ въ очень широкомъ смыслѣ, потому что «Наказъ» ставилъ вопросъ съ самой широкой точки зрѣнія, какъ увидимъ. Работы Коммиссіи состояли и должны были состоять, по данному Коммиссіи «Обряду», во-первыхъ, въ разборѣ депутатскихъ наказовъ, т.-е. въ ознакомленіи съ заявляемыми желаніями населенія, и во-вторыхъ, въ критическомъ чтеніи существующихъ законовъ, за которымъ слѣдовало составленіе новыхъ, что исполнялось частными коммиссіями. Эти частныя коммиссіи представляли только исполнительные органы Большой Коммиссіи, ихъ члены выбирались большимъ собраніемъ, составленные ими проекты должны были вноситься въ это собраніе. Если приведеннымъ у г. Полѣнова словамъ Екатерины давать тотъ смыслъ, что она хотѣла отъ Коммиссіи *только* «спознать каждой округи состояніе», то эти слова относились только къ одной сторонѣ ея дѣятельности или же подставляли для Коммиссіи болѣе ограниченную цѣль, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ.

Екатерина, повидимому, именно перемѣнила свои взгляды на Коммиссію въ теченіе ея существованія, т.-е. въ началѣ относилась къ ней совсѣмъ не такъ, какъ при закрытіи. Для полнаго разъясненія дѣятельности и значенія Коммиссіи важно было бы собрать данныя относительно этихъ мнѣній императрицы; эти данныя всего больше кстати были бы именно при изданіи настоящихъ матеріаловъ.

Переходя къ самымъ документамъ, мы скажемъ опять, что какой-нибудь положительный выводъ возможенъ будетъ только, когда они явятся вполнѣ. Теперь мы ограничимся нѣсколькими частностями, характеризующими время.

Въ царствованіе Екатерины совершался въ русской жизни второй сильный наплывъ европейскихъ вліяній. Первый, происшедшій при Петрѣ, имѣлъ по преимуществу элементарно-практическое направленіе, и способъ, которымъ эти вліянія приводились въ дѣйствіе, еще слишкомъ напоминалъ XVII-й вѣкъ; нерѣдко это было чистое насиліе и принужденіе. Другой потокъ

европейской образованности вошелъ въ русскую жизнь при Екатеринѣ; и на этотъ разъ дѣло шло гораздо мягче, нравы успѣли нѣсколько цивилизоваться и въ правительствѣ, и въ обществѣ, европейскимъ идеямъ придавали авторитетъ, на который при случаѣ любили ссылаться. Конечно, рядомъ съ этимъ шла и старая грубость нравовъ и понятій, которая только медленно уступала свои привычныя права. Крайнія проявленія той и другой стороны жизни, нерѣдко соединявшіяся въ одномъ и томъ же лицѣ, представляютъ странный контрастъ, который можно наблюдать и въ исторіи «Наказа» и Коммиссіи.

Мысль объ этомъ учрежденіи принадлежитъ самымъ первымъ годамъ царствованія Екатерины. Она была внушена, по словамъ императрицы, всеобщимъ требованіемъ, указывавшимъ на необходимость исправленія законовъ. Екатерина начала заниматься этимъ предметомъ, и задумала Наказъ. «Два года — говоритъ она — я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до *высшей степени благополучія* всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно». Задача, какъ видимъ, самая широкая. Изъ того, что Екатерина писала, видно, что чтеніемъ ея была тогдашняя передовая общественная философія, которая и внушала, или по крайней мѣрѣ поддерживала въ ней эти широкіе планы. Эта до-революціонная общественная философія уже подготовляла тѣ радикальныя воззрѣнія, которыя развились впослѣдствіи; она ставила вопросы государства и общества на философскую почву, говорила о естественномъ правѣ, считала возможнымъ стремленія къ «высшей степени благополучія».

Были ли у Екатерины еще какія-нибудь временныя и мѣстныя соображенія, побуждавшія ее къ этимъ грандіознымъ планамъ, не рѣшаемся судить за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ. Есть мнѣніе, что такія соображенія были, что ей хотѣлось заставить забыть событія начала ея правленія. Это возможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что независимо отъ того польза и честь имперіи были для нея вопросомъ самолюбія и идеальные планы соотвѣтствовали ея общему тогдашнему настроенію.

Когда она показала изготовленныя части «Наказа» Г. Г. Орлову и Н. И. Панину, они отозвались объ ея трудѣ съ величайшими похвалами, но идеалистическая смѣлость «Наказа» была такова, что Панинъ замѣтилъ: ce sont des axiomes à renverser les murailles. Впослѣдствіи отъ этого перваго проекта уцѣлѣло меньше половины. Живя въ Москвѣ, Екатерина — по

ея собственному разсказу, сообщаемому г. Полѣновымъ,—«призвала къ себѣ нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ ей по своему разномыслію и приказала имъ читать свой Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ раждались пренія. Екатерина дала имъ волю измѣнять и вымарывать все, что́ они хотѣли. Они *болѣе половины* изъ того, что было ею написано, вымарали и Наказъ уложенія остался въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ» (стр. 40). Эта первоначальная полная форма Наказа остается до сихъ поръ неизвѣстна. Едва ли можетъ быть споръ о томъ, въ какую сторону клонились измѣненія и вымарыванія: читавшіе конечно меньше автора были расположены къ сокрушенію стѣнъ.

Императрица лично пріѣхала въ сенатъ, чтобы объявить манифестъ объ учрежденіи Коммиссіи. Сенатъ, испросивъ дозволеніе представиться ей, принесъ ей отъ лица всѣхъ подданныхъ «рабское благодареніе» за ея попеченіе о народномъ благѣ. Слово «рабъ», которое еще употреблялось въ это время, является странной подкладкой дѣла, которое выражалось Коммиссіей. Слово это было уничтожено Екатериной, но не былъ еще уничтоженъ изъ жизни смыслъ этого слова, категорически обозначавшаго безотвѣтное подданство. «Рабскія благодаренія» послѣ сената высказаны были и въ сотняхъ депутатскихъ наказовъ, и тонъ, которымъ выражались вообще эти наказы о новомъ учрежденіи, самъ собою рисуетъ положеніе общества, которое получало, въ Коммиссіи, учрежденіе, какого совсѣмъ не ожидало, характеръ котораго не всегда понимало и пользоваться которымъ иногда не умѣло, иногда боялось. Въ нѣкоторыхъ депутатскихъ наказахъ,—составлялись они за долго до начала дѣятельности Коммиссіи, когда еще ничего не было и сдѣлано—уже изъявляется намѣреніе воздвигнуть Екатеринѣ великолѣпный памятникъ за ея благодѣянія. Читая эти документы, чувствуешь желаніе, чтобы стиль ихъ былъ попроще, чтобы въ немъ не было такъ много уничиженія, высказываемаго съ изысканнымъ краснорѣчіемъ.

Эта сторона въ характерѣ Екатерининской Коммиссіи особенно бросается въ глаза. Если наши старинные соборы и не отличались особенной самостоятельностью въ представительномъ смыслѣ, они все-таки сохраняли, кажется, до извѣстной степени смыслъ выборовъ. Но съ тѣхъ поръ правительственная опека развилась до такихъ размѣровъ, что люди какъ будто забыли даже, какъ дѣлать депутатскіе выборы: даже въ Петербургѣ, когда пришло время выборовъ, то «генералъ - полиціймейстеръ разослалъ назначеннымъ для выбора лицамъ особое объявленіе, въ которомъ признавалъ за нужное *не въ указъ совѣтовать* имъ, чтобы они *предварительно сносились между со-*

бою и имѣли совѣщанія о томъ, какія нужды слѣдуетъ внести въ наказы» и пр., т. е. совѣтовать такія элементарныя вещи, безъ которыхъ физически невозможно было ни сдѣлать выбора, ни составить наказа. Когда петербургскіе граждане приступили къ выборамъ повѣренныхъ (вторыхъ избирателей), то избранными оказались все только важные сановники: тутъ было двое графовъ Орловыхъ, двое Нарышкиныхъ, трое князей Голицыныхъ, князь Вяземскій, Елагинъ и пр. Этотъ излишекъ чинопочитанія опять обратилъ вниманіе генералъ-полицiймейстера, который вновь «не въ указъ совѣтовалъ», чтобы граждане выбирали въ повѣренные «изъ всякаго званія жителей, способныхъ и знающихъ городскія нужды». Тогда выбрано было много обыкновенныхъ чиновниковъ и купцовъ.

Правительство знало очень хорошо эту черту нравовъ, и любопытно, что въ «Обрядѣ», составленномъ для всѣхъ подобныхъ собраній, выборовъ и засѣданій самой Коммиссіи, правительство старается сколько возможно противодѣйствовать этому и внушить нѣкоторое чувство гражданской равноправности. Всѣ депутаты Коммиссіи были равноправны, и имъ даны были потомъ равныя преимущества. Предварительные выборы происходили посословно, но въ средѣ сословной не давалось никакого особеннаго предпочтенія рангу или общественному положенію. Въ съѣздахъ дворянства, дворяне занимали мѣста въ томъ порядкѣ, въ какомъ пріѣзжали въ городъ и являлись губернатору; въ собраніяхъ горожанъ, представлявшихъ самыя различныя ступени чиновности и богатства, избиратели располагались въ такомъ порядкѣ, что впереди сидѣли женатые и имѣющіе дѣтей, потомъ женатые бездѣтные, потомъ вдовые и наконецъ холостые. Въ собраніи самой Коммиссіи депутаты сидѣли по порядку губерній, какъ онѣ перечислялись въ императорскомъ титулѣ, а въ губерніяхъ въ томъ порядкѣ, какъ депутаты пріѣзжали въ Москву и предъявляли свои полномочія. Когда въ первый разъ собрались петербургскіе городскіе избиратели, то важные сановники, бывшіе въ ихъ числѣ, «дабы болѣе примѣнить себя къ прочимъ гражданамъ, пріѣхали въ собраніе не имѣя на себѣ никакихъ орденскихъ знаковъ, или другихъ отличій». — Вотъ гдѣ, стало быть, начинаются первыя хлопоты о «сближеніи сословій», о которомъ столько говорилось между прочимъ въ наше время. Петербургъ въ этихъ вещахъ служилъ вообще образцомъ и для Москвы; въ тамошнихъ избирательныхъ собраніяхъ точно также «знатныя лица безпрекословно садились между лицами всякаго званія и не имѣли на себѣ орденовъ»...

30-го іюля 1767 депутаты, собравшіеся въ Москву, торже-

ственно представлялись Екатеринѣ. Митрополитъ новгородскій Димитрій Сѣченовъ произнесъ приличную случаю рѣчь, гдѣ восхвалялъ «неоцѣненные для блаженства нашего подвиги» и «матернее промышленіе» Екатерины и ставилъ ее выше всѣхъ законодателей Греціи, Рима и христіанской греческой имперіи. Отъ имени императрицы отвѣчалъ депутатамъ рѣчью вице-канцлеръ князь Голицынъ.

Понятно, что эта рѣчь выражала взгляды самой императрицы. Ея программа была, какъ мы уже замѣчали, очень широкая. Достаточно привести нѣсколько фразъ этой оффиціальной рѣчи, чтобы видѣть, что Екатерина питала весьма обширные законодательные планы,—о начатомъ дѣлѣ говорилось въ самыхъ эмфатическихъ выраженіяхъ,—и созванная Коммиссія должна была играть вовсе не ту пассивную роль, какую Екатерина приписывала ей потомъ (и какую приписываетъ ей, какъ мы видѣли, и настоящій историкъ Коммиссіи), а напротивъ дѣятельную роль, прямое участіе въ законодательствѣ. Князь Голицынъ призывалъ депутатовъ приступить къ «великому дѣлу», къ которому они были призваны, — «и для котораго въ правило вамъ вручается отъ рукъ ея императорскаго величества Наказъ и Обрядъ управленія Коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія для поднесенія ея императорскому величеству на высочайшую ея конфирмацію». Совершенно ясно, что Коммиссія должна была работать надъ проектомъ Уложенія, и потомъ поднести его на утвержденіе императрицы.

«Начинайте сіе великое дѣло,—говорилъ Голицынъ,—и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о *блаженствѣ рода человѣческаго*, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго, и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

«Вы имѣете случай *прославить себя* и *вашъ вѣкъ*, и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность *будущихъ вѣковъ*.

«Отъ васъ *ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы*; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ» и т. д.

Таковы были ожиданія. Мы увидимъ и дальше повтореніе тѣхъ же чрезвычайныхъ надеждъ на значеніе трудовъ, поручавшихся Коммиссіи правительствомъ.

Далѣе, для дѣлопроизводства Коммиссіи и порядка ея совѣщаній установленъ былъ извѣстный «Обрядъ». Во главѣ Коммиссіи стояли два лица: одно — маршалъ, выбиралось Коммиссіей,

совмѣстно съ представителемъ правительства; другимъ былъ этотъ представитель, генералъ-прокуроръ. Выборъ маршала произведенъ былъ такимъ образомъ, что императрицѣ представлялось три кандидата, изъ которыхъ двое были выбираемы Коммиссіей, а третій выбираемъ былъ генералъ-прокуроромъ; императрица назначала изъ этихъ трехъ кандидатовъ маршала, или депутатскаго предводителя.

Коммиссія выбрала графа Ивана Орлова (сначала и Григорія Орлова, который отказался) и графа Захара Чернышева; генералъ-прокуроръ выбралъ Александра Бибикова, который по числу полученныхъ избирательныхъ голосовъ слѣдовалъ непосредственно за ними. Екатерина, принявъ во вниманіе, что оба первые обременены другими занятіями, утвердила Бибикова.

Частныя коммиссіи, для веденія дѣлъ собранія, составленныя сначала въ числѣ трехъ и потомъ размноженныя до девятнадцати, находились подъ совмѣстнымъ завѣдываніемъ маршала и генералъ-прокурора, къ которымъ присоединено было еще третье лицо—директоръ для веденія журналовъ (дневныхъ записокъ) засѣданій Коммиссіи, имѣвшій въ своемъ распоряженіи особыхъ чиновниковъ.

Для письменнаго производства должны были назначаться лица изъ способныхъ и добраго поведенія дворянъ. Въ первоначальной редакціи этой статьи «Обряда», указанной г. Полѣновымъ, было сказано, чтобы къ письменнымъ дѣламъ въ Коммиссію отнюдь не брать *приказныхъ людей*.

Дневныя записки должны были вестись самымъ точнымъ и подробнымъ образомъ, т. е. онѣ должны были сколько возможно полнѣе передавать все, что говорилось въ Коммиссіи. Этимъ запискамъ Екатерина придавала большую важность, въ той мысли, «чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства (т. е. дѣятельности Коммиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣка... а могли найти тѣ *правила*, кои имъ *въ наставленіе служить* будутъ и отъ коихъ много зависитъ твердость нашего нынѣшняго зданія, которое менѣе бы насъ обременяло, если бы (мы) не были лишены подобныхъ прошедшихъ вѣковъ записокъ или извѣстій» и пр. Въ собраніи, «Обрядъ» требовалъ, чтобы всякій говорилъ коротко, ясно и съ той *смѣлостью*, какая необходима для пользы самаго дѣла.

Впослѣдствіи, когда императрица, кажется, значительно измѣнила свое мнѣніе о полезности и государственномъ удобствѣ Коммиссіи, она дала особый секретный наказъ директору, завѣдывавшему веденіемъ журналовъ. По этому наказу, директоръ подчинялся непосредственно императрицѣ, и роль его опредѣля-

лась тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ долженъ былъ служить маршалу, какъ «приличной родъ помоги» въ затруднительныхъ случаяхъ. Это былъ слѣдовательно лишній представитель оффиціальнаго интереса и надзиратель за ходомъ вещей.

Первыя два засѣданія Коммиссіи заняты были выборами маршала и чтеніемъ «Наказа Коммиссіи». Въ третьемъ засѣданіи Бибиковъ обратился къ собранію съ рѣчью, которая была его вступленіемъ въ исправленіе своихъ обязанностей. Эта рѣчь опять любопытнымъ образомъ рисуетъ настроеніе Коммиссіи, ожиданіе чего-то грандіознаго.

«Неизреченная объемлетъ меня радость, — говорилъ Бибиковъ, — когда представляю въ умѣ моемъ, что собраніе сіе премудрая наша обладательница созываетъ для устроенія любезному отечеству таковаго *благополучія, каковое только смертнымъ вмѣстимо быть можетъ*; восхищаюсь, усматривая общее всѣхъ усердіе видѣть утверждаемое въ Россіи благоденствіе установленіемъ ясныхъ, полезныхъ, *давно намъ нужныхъ* и *всѣми желаемыхъ законовъ*» и проч. Манифестъ 14-го декабря 1766, учреждавшій Коммиссію и упомянутый здѣсь Бибиковымъ, именно заявлялъ желаніе императрицы — «видѣть Богомъ врученной ей народъ толико счастливымъ и довольнымъ, колико человѣческое счастье на сей земли простираться можетъ».

Въ этомъ третьемъ засѣданіи продолжалось опять чтеніе «Наказа Коммиссіи». Дневная записка этого засѣданія съ великими похвалами говоритъ о «Наказѣ», въ которомъ «нѣтъ ни единой статьи, не клонящейся къ общему блаженству». Чтеніе его въ собраніи возбуждало восторгъ въ слушателяхъ. «Надлежитъ отдать справедливость, — замѣчаетъ дневная записка, — всему почтенному господъ депутатовъ собранію, что оное оказало себя достойнымъ получить данный ему наказъ: прилежаніе, *восхищеніе* и если смѣю сказать, *жадность*, съ которыми слушано было сіе сочиненіе, довольно сіе доказываетъ. Сердечное движеніе, *чувствіе, до высшей степени доведенное*, на лицахъ всѣхъ были начертаны. Многіе плакали, но сіи слезы умножались, когда прочли статью, въ которой сказано: «Боже сохрани, чтобъ *послѣ окончанія сего законодательства*, былъ какой-нибудь народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: нещастіе, до котораго я дожить не желаю».

Собраніе было въ такомъ восхищеніи отъ чтенія «Наказа», что въ немъ тогда же явилось желаніе принести императрицѣ благодарность за подъемлемые ею труды и попеченіе о пользѣ Россійской имперіи. Митрополитъ Димитрій съ тремя другими депутатами ис-

просилъ у Екатерины позволеніе депутатамъ явиться къ ней для принесенія этой благодарности, и собраніе занялось вопросами: «что сдѣлать для государыни, благодѣющей своимъ подданнымъ и служащей примѣромъ всѣмъ монархамъ? чѣмъ изъявить, сколь много ей обязаны всѣ счастливые народы ею управляемые?» Рѣшено было поднести ей титулъ Екатерины Великой, премудрой матери отечества. Всѣ депутаты были въ этомъ согласны, но самая форма титула придумана и принята была не вдругъ: объ этомъ были различныя мнѣнія и значительное число депутатовъ заявило держателямъ дневныхъ записокъ о своемъ желаніи говорить съ маршаломъ объ этомъ предметѣ. Одни говорили, что надо просить императрицу о принятіи титула Великой Екатерины и матери отечества; другіе предлагали титулъ—премудрой и Великой Матери отечества; третьи прибавляли—чадолюбивой матери отечества; четвертые—Премудрой и Великой, неусыпно попечительной матери отечества,—на что другіе возражали, что въ имени премудрой уже заключаются всѣ добродѣтели; одинъ депутатъ предлагалъ титулъ—возстановительницы блаженства россійскаго народа; всѣ согласились наконецъ съ тѣмъ, что предложилъ копорскій депутатъ отъ дворянства, графъ Григорій Орловъ.

Въ назначенный день Коммиссія явилась во дворецъ, для поднесенія титула. Рѣчь маршала, изъяснявшая чувствованія Коммиссіи, еще превосходитъ прежнія рѣчи панегирическимъ тономъ. По словамъ оратора, «Наказъ» есть не только «залогъ и основаніе блаженства» обитателей русской имперіи, но и «самое величайшее роду человѣческому благодѣяніе»; ораторъ говоритъ о «божественныхъ дарованіяхъ и премудрости» Екатерины, перечисляетъ ея многообразные подвиги для благополучія подданныхъ. «Ласкательно было бы толикихъ благъ и мечтаніе, но здѣсь ощущаемъ *самое дѣло*. Все велико, все удивляется, и все *превосходитъ далеко простое смертныхъ понятіе*... Ставъ дѣлами твоими удивленіемъ свѣта, будешь Наказомъ твоимъ наставленіе обладателей и *благодѣтельница рода человѣческаго*». По словамъ оратора, весь родъ человѣческій долженъ бы здѣсь предстать для изъявленія ей своей благодарности, — «но какъ во всеобщемъ благополучіи мы первенствуемъ и первые симъ долгомъ обязуемся, то первая Россія, въ лицѣ избранныхъ депутатовъ предстоя предъ престоломъ твоимъ, приносяще (такъ!) сердца любовію, вѣрностію и благодарностію исполненныя», и проч.

На это отвѣчалъ, отъ имени императрицы, вице-канцлеръ Голицынъ: императрицѣ пріятно было видѣть «изображенную (въ рѣчи) чувствительность» депутатовъ, въ которой она предугадывала ихъ усердіе къ самому дѣлу, и изъявляла желаніе,

чтобы Богъ укрѣпилъ ихъ въ этихъ «непорочныхъ мысляхъ». Сама Екатерина прибавила нѣсколько словъ, въ которыхъ уклончиво выражалась о предлагаемыхъ ей титулахъ, или вовсе отъ нихъ отказывалась.

Г. Полѣновъ предполагаетъ, что къ этому обстоятельству, къ толкамъ собранія о томъ, какой титулъ наиболѣе для нея приличенъ, относятся слова ея въ одной запискѣ къ Бибикову: «я имъ велѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ». Въ самомъ дѣлѣ, ей очень легко могло не нравиться это преувеличенное восхваленіе; отсутствіе мѣры было слишкомъ замѣтно.

По какому же чувству говорились эти панегирики? Они весьма характерно отражаютъ собой духъ своего времени. Общество до того времени было совершенно безпомощно во всѣхъ вопросахъ внутренней политики; оно издавна отвыкло отъ какого-нибудь самостоятельнаго мнѣнія, и еще больше отвыкло отъ какой-нибудь инціативы; правительственная опека была до такой степени неограниченна, что подобныя мысли даже и не приходили въ голову. Безъ сомнѣнія, только весьма небольшое меньшинство сознательно смотрѣло на вещи и имѣло ясныя представленія объ упомянутой опекѣ. Когда Екатерина возъимѣла свой планъ и учредила Коммиссію, это была конечно новость, не ожиданная обществомъ и — едва ли вызванная его тогдашними внутренними требованіями: тѣмъ не менѣе, Коммиссія и «Наказъ» не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Они обращались къ такому общественному чувству, что даже гражданинъ, весьма мало развитый, въ состояніи былъ понять это обращеніе; образованное меньшинство конечно понимало его смыслъ совершенно ясно, и черезъ него это пониманіе могло быстро распространиться и въ цѣломъ обществѣ. Въ немъ вдругъ проснулось неясное стремленіе къ общественной дѣятельности и интересъ къ общему благу. Сомнѣваться и не довѣрять тогда еще не было основаній. Напротивъ, царствованіе Екатерины вначалѣ отличалось, не по примѣру прежнихъ, такимъ мягкимъ характеромъ управленія, который, кажется, произвелъ въ обществѣ выгодное впечатлѣніе; это отразилось и на общественныхъ нравахъ, они начинали смягчаться, и въ образованныхъ кружкахъ стала показываться та особенная сантиментальность, которая развивалась въ понятіяхъ и въ литературѣ подъ французскими вліяніями, говорила о человѣчествѣ и справедливости. У насъ эта сантиментальность нашла тогда свое высшее выраженіе въ «Наказѣ».—До сихъ поръ намъ кажется трудно сказать, какимъ образомъ Екатерина пришла къ мысли о составленіи «Наказа»,

въ той его редакціи, которая по словамъ Панина была—à renverser des murailles. Но каковы бы ни были политическіе разсчеты, которые можно предполагать у нея въ этомъ случаѣ, въ «Наказѣ» несомнѣнно было ея личное увлеченіе освободительными идеями французской философіи, было желаніе внести въ общество задатки новаго просвѣщенія и болѣе свободной гражданской жизни. Это не могло не почувствоваться въ обществѣ при всей ограниченности его развитія. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ нѣскольких преувеличеній, становившихся чистой фразой, въ «Наказѣ» было много вещей, которыя совершенно могли находить себѣ практическое примѣненіе, если бы только понимались вполнѣ искренно; «Наказъ» направлялся къ уничтоженію многоразличныхъ общественныхъ золъ, которыхъ въ русской жизни было весьма достаточно; онъ указывалъ замѣну старыхъ грубыхъ нравовъ и понятій — новыми, превосходство которыхъ было очень ясно, и вообще вносилъ стремленіе къ совершенствованію гражданскихъ отношеній. Все это легко могло подѣйствовать на свѣжихъ людей, и «Наказъ» могъ вовсе не быть дѣломъ «рановременнымъ», какъ думалъ жизнеописатель Бибикова. Въ обществѣ, сколько-нибудь тронутомъ образованностью, не могутъ быть рановременны учрежденія, которыя обѣщаютъ ему больше просвѣщенія и свободной дѣятельности, и мы полагаемъ, что въ обществѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія «Наказъ» уже встрѣтилъ такихъ людей, которые могли понять его и искренно имъ увлечься. Такихъ людей не мало попало и въ Коммиссію. Имъ должно было казаться, что если съ престола говорятся такія вещи, какія они читали въ «Наказѣ»,—обществу должна была предстоять эпоха новой жизни, эпоха энергическихъ улучшеній и преобразованій, исправленія законовъ, смягченія нравовъ и т. д. Призванные сами къ этому дѣлу, въ которомъ доселѣ ихъ вовсе не спрашивали и о которомъ даже не позволяли помыслить что либо не указанное,—они должны были возъимѣть нѣкоторое сознаніе своего человѣческаго и гражданскаго достоинства, и въ радости отъ этого, имъ не казались чрезмѣрными никакія восхваленія Екатерины. Здѣсь была конечно одна причина неумѣренныхъ панегириковъ.

Но мы видѣли, что эти восхваленія сдѣланы были очень скоро; еще не начавши дѣла, Коммиссія подноситъ Екатеринѣ титулы; даже когда еще не собралась Коммиссія, многіе депутатскіе наказы внушаютъ уже депутатамъ, что императрицѣ слѣдуетъ воздвигнуть какой-либо необыкновенный памятникъ за ея подвиги... Сама Екатерина замѣтила неловкость. Въ самомъ дѣлѣ, если въ этой поспѣшности обнаруживалось съ одной стороны искреннее

увлеченіе возвышенными планами «Наказа», съ другой она очевидно указывала на большое еще ребячество и чрезмѣрно подавленное состояніе общества. До сихъ поръ оно было совершенно безправно передъ властью; и эта безправность и безпомощность также обнаружилась въ тонѣ панегирика, заставлявшаго весь человѣческій родъ преклоняться предъ Екатериной и приписывавшаго ей «божественную» мудрость. Въ этомъ панегирикѣ сказывается свойство цѣлаго историческаго періода.

Въ настоящемъ случаѣ мы коснулись только самаго начала Коммиссіи, ея первыхъ приготовительныхъ работъ, и не говорили о тѣхъ дѣловыхъ дебатахъ, которые открылись наконецъ въ Коммиссіи чтеніемъ депутатскихъ наказовъ и чтеніемъ законовъ, на которые она должна была представить свои замѣчанія. Мы надѣемся продолжить нашъ обзоръ впослѣдствіи, когда на страницахъ «Сборника Истор. Общества» явится дальнѣйшее изложеніе этихъ документовъ. Акты Коммиссіи должны вообще доставить много любопытныхъ данныхъ для исторіи того времени. Уже въ той части ихъ, которая теперь издана, мы находимъ не мало указаній о внутреннемъ бытѣ, нравахъ, управленіи. Не менѣе любопытный вопросъ представляетъ судьба самой Коммиссіи. Это учрежденіе, столь необычное при тогдашнемъ порядкѣ русской жизни, выражаетъ собой цѣлый особенный фазисъ въ мнѣніяхъ и правленіи императрицы Екатерины, до сихъ поръ еще малой объясненный. Это былъ одинъ изъ тѣхъ порывовъ либерализма, какіе періодически повторялись въ исторіи послѣднихъ царствованій и обыкновенно переходили въ столь же періодическую реакцію. Исторія Коммиссіи должна нѣсколько разъяснить этотъ неясный пунктъ Екатерининскихъ временъ: гдѣ были причины этого либерализма; каковы были первыя попытки участія самого общества въ законодательствѣ; чья была вина въ неудачномъ исходѣ предпріятія, начатаго такъ шумно и съ такими великодушными планами? Желательно, чтобы въ предлагаемой теперь исторіи Коммиссіи были, насколько возможно, собраны факты, относящіеся къ этому предмету и изложены sine ira и особенно sine studio къ извѣстной сторонѣ, безъ прикрасъ и безъ умолчаній, которыя не соотвѣтствовали бы достоинству изданій Общества. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать окончанія труда г. Полѣнова, изданіемъ котораго Общество окажетъ нашему историческому изученію капитальную услугу.

А. Н — въ.

ШЕКСПИРОВСКАЯ КРИТИКА
ВЪ ГЕРМАНІИ.

(посв. Н. А. Н—ой).

I.

Нѣмецкой исторической критикѣ принадлежитъ вообще огромная заслуга въ объясненіи литературныхъ явленій. Въ исторіи литературы стараго и новаго міра, въ опредѣленіи сущности и свойствъ поэтическаго развитія многое сдѣлано было единственно и исключительно нѣмецкой критикой. Громадная эрудиція и глубина изслѣдованія доставили ей заслуженное господство въ наукѣ, и авторитетъ нѣмецкихъ ученыхъ все больше и больше возрастаетъ теперь даже въ литературѣ англійской и французской, вообще столь ревнивыхъ къ своей независимости. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ заслугъ нѣмецкой критики принадлежитъ также изученіе Шекспира: внѣ Англіи, она впервые опредѣлила великое значеніе его созданій, ввела его произведенія на континентъ и сдѣлала ихъ достояніемъ цѣлой европейской литературы. Шекспиръ въ Англіи имѣетъ нескончаемое количество толкователей и комментаторовъ, какъ Данте въ Италіи,—но при всемъ томъ нѣмецкія изслѣдованія Шекспира, какъ и Данта, занимаютъ мѣсто въ числѣ лучшихъ трудовъ по объясненію этихъ писателей. Понятно изъ этого, что останавливаясь на нѣмецкой критикѣ Шекспира, мы касаемся интереса, принадлежащаго не одной нѣмецкой литературѣ. Исторія этой критики можетъ быть, кромѣ того, любопытна для насъ,

и по ея ближайшему отношенію къ нашей литературѣ. Главнѣйшіе писатели изъ тѣхъ, о которыхъ мы будемъ говорить, имѣли непосредственный отголосокъ въ развитіи нашей собственной критики и литературныхъ понятій. Таково было вліяніе Лессинга въ карамзинскую эпоху, Шлегеля и Тика—у нашихъ романтиковъ, Гегеля и Рётшера—во времена Бѣлинскаго, и наконецъ Гервинуса — въ наше время.

Шекспировская критика въ Германіи вступила уже во второе столѣтіе своего существованія. Въ прошедшемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ *Драматургіи* Лессинга, разрушившей господство ложнаго классицизма въ Германіи и положившей основы истинной оцѣнки произведеній Шекспира. Прослѣдить дальнѣйшія судьбы дѣла, начатаго Лессингомъ, подвести итоги сдѣланному, указать на вытекающія отсюда новыя задачи—составитъ предметъ настоящаго очерка.

Еще въ началѣ XVII в. драмы Шекспира были занесены въ Германію странствующими англійскими актерами, которые играли ихъ на ярмаркахъ или при дворахъ владѣтельныхъ князей, предварительно передѣлавъ ихъ сообразно нѣмецкому народному вкусу. Но имя Шекспира встрѣчается въ нѣмецкой литературѣ не ранѣе 1682 года[1]; оно упоминается потомъ не разъ многими учеными, между прочимъ, Фейндомъ, Іохеромъ, Моргофомъ и Бодмеромъ, изъ которыхъ послѣдній, слывшій знатокомъ англійской литературы, не умѣлъ даже правильно написать его. Въ 1740 г. Германія познакомилась съ Шекспировымъ «Юліемъ Цеземъ» въ передѣлкѣ Борка, бывшаго прусскимъ посломъ въ Лондонѣ; по поводу появленія этой пьесы на сценѣ берлинскаго театра, нѣкто Эліасъ Шлегель доказывалъ, вѣроятно со словъ Вольтера, что Шекспиръ говорилъ подъ вліяніемъ дикаго, порывистаго вдохновенія, и если ему иногда удавалось выбрасывать со дна своей души настоящіе перлы, то это было не болѣе какъ случайность, потому что онъ былъ безъ всякаго образованія и вкуса. Но противъ этой, черезъ-чуръ скромной, оцѣнки Шекспирова генія возсталъ извѣстный Готтшедъ и старался уничтожить впечатлѣніе статьи Шлегеля. «Англичане — говоритъ онъ—носятся всюду съ драматическими произведеніями своего Шекспира; впрочемъ, въ послѣднее время нашлась одна женщина, м-ссъ Леноксъ, которая открыла много промаховъ въ его лучшихъ трагедіяхъ.» Приведенный

[1]) См. статью Коберштейна: Shakspeare in Deütschland въ Jahrbüch. der deutschen Schausp. Gesellschaft. Erster Jahrgang, стр. 8 и слѣд.

нами отзывъ Готтшеда перестанетъ казаться столь страннымъ, если мы припомнимъ себѣ, какими принципами руководилась тогдашняя нѣмецкая критика, воспитанная на безусловномъ благоговѣніи къ свѣтиламъ французской ложно-классической поэзіи.

Готтшедъ былъ представителемъ французскаго вкуса въ литературѣ. Онъ засталъ нѣмецкую сцену переполненною грубыми народными фарсами съ неизбѣжнымъ Гансвурстомъ (народный шутъ, комическое лицо въ родѣ англійскаго клоуна и итальянскаго арлекина) и его вѣчными сальностями, которыя чередовались съ нелѣпыми кровавыми драмами, основанными на народныхъ преданіяхъ и лишенными всякаго художественнаго достоинства. Конечно, подобныя сцены не могли содѣйствовать развитію эстетическаго вкуса въ народѣ. Готтшедъ видѣлъ печальное состояніе германской сцены, но вмѣсто того, чтобъ помочь ей выбраться на самобытную дорогу, онъ задумалъ начать ея возобновленіе введеніемъ на ея подмостки трагедій Корнеля и Расина. Корнель и Расинъ не были народными въ самой Франціи; Готтшедъ хотѣлъ ихъ сдѣлать народными въ Германіи. Въ этомъ заключалась коренная ошибка его реформъ. Конечно, въ художественномъ отношеніи ложно-классическая трагедія стояла выше народныхъ фарсовъ и кровавыхъ историческихъ сценъ (Staatsactionen), но монотонная правильность ея постройки, отсутствіе жизни и естественности были совсѣмъ чужды нѣмецкому характеру. Правда, пьесами Корнеля и Расина восхищалось воспитанное на французскій ладъ высшее общество, но онѣ не могли привлечь къ себѣ симпатіи народныхъ массъ. Несмотря на то, Готтшедъ образовалъ цѣлую литературную школу, работавшую въ одномъ съ нимъ духѣ, и еслибъ его усилія увѣнчались успѣхомъ, то нѣмецкая драма была бы надолго задержана въ своемъ развитіи. По счастью для Германіи изъ среды его же учениковъ вышелъ человѣкъ, критическій геній котораго, сокрушивъ теоріи Готтшеда и его школы, возстановилъ права природы и самобытности въ литературѣ и своими собственными произведеніями положилъ начало народной сценѣ въ Германіи. Лессингъ былъ натура страстная, живая, энергическая. Принципомъ его дѣятельности была борьба на жизнь и на смерть противъ фанатизма, невѣжества, господства буквы, словомъ, противъ всего, что стѣсняло свободное развитіе человѣческой личности. Французская драма съ ея богами и героями, съ господствомъ придворнаго этикета на сценѣ была не по сердцу демократической натурѣ Лессинга. Онъ носилъ въ своей душѣ идеалъ театра самобытнаго, который могъ бы служить великой нравственной школой для народа, между тѣмъ какъ французская трагедія имѣла въ виду только высшее общество и

стремилась воскресить идеалы, чуждые народу и давно изжитыя человѣчествомъ. Ту естественность и свободу, которой не было да и не могло быть во французской придворной трагедіи, ту бьющую ключемъ самобытную народную жизнь, Лессингъ нашелъ въ англійской драмѣ, преимущественно въ произведеніяхъ Шекспира, и ими-то онъ вооружился, когда началъ борьбу съ Готтшедомъ и его школой. Борьба эта начинается съ появленіемъ въ печати его *Литературныхъ писемъ* (1759). Онъ осыпаетъ самыми язвительными насмѣшками теоріи Готтшеда и возстаетъ противъ его намѣренія водворить французскій классицизмъ на нѣмецкой сценѣ, не справившись заранѣе, могъ-ли онъ удовлетворить ея потребностямъ. «Онъ долженъ былъ понять (продолжаетъ Лессингъ), что въ нашихъ драмахъ мы смотримъ на вещи шире, нежели дозволяетъ намъ смотрѣть французская трагедія, что величавое, ужасное и меланхолическое сильнѣе волнуетъ нашу душу, чѣмъ нѣжное, утонченное и галантерейное» [1]). Затѣмъ, обращаясь къ нѣмецкимъ драматургамъ, Лессингъ совѣтуетъ имъ не подражать французскимъ образцамъ, если они хотятъ создать что-нибудь въ народномъ духѣ: «Обратитесь къ Шекспиру и его современникамъ, и они укажутъ вамъ настоящую дорогу».

Французскіе классики наиболѣе гордились тѣмъ, что ихъ произведенія проникнуты чисто-античнымъ духомъ. Лессингъ старался показать, что Шекспиръ, не знавшій древнихъ, стоитъ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ Корнель, ибо послѣдній ограничивался чисто-внѣшнымъ, механическимъ подражаніемъ, между тѣмъ какъ Шекспиръ, подобно Эсхилу и Софоклу, воспроизводилъ жизнь во всей полнотѣ и разнообразіи ея явленій. «Литературныя письма» были только началомъ борьбы Лессинга съ готтшедіанцами. Черезъ восемь лѣтъ онъ снова возвратился къ этому вопросу, чтобы исчерпать его до дна въ своей «Драматургіи» (Hamburgische Dramaturgie, 1767 — 1769 г.). Въ этомъ произведеніи, составленномъ изъ ряда статей, писанныхъ Лессингомъ по поводу разныхъ пьесъ, представлявшихся на гамбургской сценѣ, проявились во всей полнотѣ всѣ существенныя качества Лессинговой натуры: геніально-ясный и твердый умъ, въ высшей степени чуткое эстетическое чувство и наконецъ античная мужественность взгляда, исключающая все восторженное, туманное и болѣзненно-чувствительное. Огромная ученость соединяется здѣсь съ такимъ отсутствіемъ самомнѣнія, что пораженный читатель не знаетъ, чему болѣе удивляться—величію, или трогательной скромности не сознающаго своей силы духа? Главной задачей Лессин-

---

[1]) Literatur-Briefen, письмо 17.

товой Драматургіи было разрушить господство французскаго вкуса въ Германіи, разоблачивъ мнимое величіе французскихъ трагиковъ. Здѣсь, наконецъ, разразилась надъ французской ложно-классической трагедіей долго сбиравшаяся надъ нею гроза. Писатель, на котораго обрушились самые тяжелые удары Лессинга, былъ Вольтеръ, другъ Фридриха Великаго и первая литературная знаменитость того времени. Съ уничтожающимъ остроуміемъ издѣвается Лессингъ надъ произведеніями Вольтера и простодушіемъ его нѣмецкихъ поклонниковъ. Сравнивая «Семирамиду» Вольтера съ «Гамлетомъ» Шекспира, Лессингъ ясно показываетъ неизмѣримое превосходство послѣдняго. Въ «Семирамидѣ» есть нѣсколько сценъ, очевидно написанныхъ подъ вліяніемъ Шекспира. Это даетъ случай Лессингу замѣтить, что Вольтеръ могъ усвоить себѣ нѣкоторые эффектные мотивы Гамлета (напр. явленіе тѣни), но не понимая духа Шекспировской поэзіи, онъ не могъ идти дальше внѣшняго механическаго подражанія. «Правда—говоритъ онъ— въ той и другой драмѣ является призракъ, чтобъ возвѣстить о своей насильственной смерти и требовать мщенія, но какая глубокая разница? У Шекспира тѣнь стараго короля является только любящимъ взорамъ сына и его друзей, и то въ таинственномъ безмолвіи ночи; тѣнь же Нина является днемъ на пиру, при многочисленномъ собраніи гостей. Каждая старуха могла бы шепнуть Вольтеру, что привидѣнія боятся дневного свѣта и не весьма охотно посѣщаютъ большія собранія. Тѣнь у Вольтера не болѣе какъ поэтическая машина, нужная для завязки драмы, но нисколько не интересующая насъ сама по себѣ. Тѣнь же Шекспира живая и дѣйствующая личность, въ судьбѣ которой мы невольно принимаемъ участіе; она возбуждаетъ въ насъ дрожь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и состраданіе» [1]). Еще съ большей строгостью подвергаетъ онъ анализу другое прославленное произведеніе Вольтера — «Заиру». Какой-то услужливый критикъ сказалъ, что сама любовь диктовала Вольтеру это произведеніе. «Правильнѣе было бы сказать, замѣчаетъ по этому поводу Лессингъ, не любовь, а развѣ французская galanterie. Я знаю только одну трагедію, въ созданіи которой принимала участіе сама любовь—это «Ромео и Юлія» Шекспира. Правда, Вольтеръ заставляетъ влюбленную Заиру скромно и нѣжно выражать свои чувства, но что значатъ эти изліянія въ сравненіи съ живой картиной того тонкаго коварства, съ помощью котораго любовь закрадывается въ наше сердце, всѣхъ тѣхъ незамѣтныхъ побѣдъ, которыя она одерживаетъ надъ другими привязанностями, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается един-

---

[1]) Lessing's Schriften, herausg. von Lachmann. VII, 49.

ственнымъ властелиномъ всѣхъ нашихъ помысловъ и желаній» [1]. Второй ударъ ложно-классической трагедіи Лессингъ нанесъ своимъ разборомъ нѣсколькихъ произведеній Корнеля. По поводу трагедій Корнеля, Лессингъ входитъ въ подробное изложеніе теоріи французской классической трагедіи и съ поразительною ясностью показываетъ ложность и условность ея принциповъ, очевидно основанныхъ на неправильномъ пониманіи Аристотелевой піитики. Единство дѣйствія было основнымъ закономъ греческой драмы, уже подмѣченнымъ Аристотелемъ. Изъ этого закона уже вытекали единства мѣста и времени, которымъ самъ Аристотель не придавалъ большого значенія; это видно изъ того, что объ единствѣ времени онъ даже вовсе не упоминаетъ, а объ единствѣ мѣста говоритъ, какъ о господствовавшемъ въ его время обычаѣ. Драматическая практика древности съ своей стороны не слишкомъ строго соблюдала эти условныя правила. Не только Еврипидъ, но даже Эсхилъ (въ «Агамемнонѣ» и «Эвменидахъ») и Софоклъ (въ «Аяксѣ») неоднократно нарушаютъ единство мѣста и времени. Французскіе же трагики, по словамъ Лессинга, смотрѣли на единство мѣста и времени, какъ на нѣчто самостоятельное само по себѣ; оттого единство мѣста и времени, понимаемое чисто-внѣшнимъ образомъ, измѣряемое аршиномъ и боемъ часовъ, являлось у нихъ помѣхой единству дѣйствія, нерѣдко требующему перемѣны мѣста и условій времени. Точно такимъ же образомъ французскіе трагики поняли другое требованіе Аристотеля, что трагическое должно возбуждать въ насъ страхъ и состраданіе; не вникнувъ въ глубокій смыслъ этихъ словъ, французскіе трагики схватились за слово страхъ и старались запугать воображеніе зрителя разными ужасами, считая ихъ необходимой приправой трагедіи. Отсюда произошли такія вещи какъ «Родогюна» Корнеля и трагедіи Кребильона. Изъ драматургіи Лессинга каждому становилась ясна полнѣйшая несостоятельность и теоріи, и практики французской трагедіи. Но разрушая ея теоріи, разоблачая неестественность и ходульность ея героевъ, Лессингъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, указываетъ нѣмецкимъ драматургамъ на произведенія Шекспира, какъ на образцы для подражанія. Можно сказать безъ преувеличенія, что онъ первый постигъ высоко-художественное значеніе произведеній Шекспира, въ то время какъ въ самой Англіи критика продолжала измѣрять ихъ ложно-классической мѣркой. Зная, какое обаяніе производила на его современниковъ классическая древность, Лессингъ

---

[1] Lessing's sämmtliche Schriften, herausgegeben von Lachmann. Neue Ausgabe VII, стр. 65.

вездѣ старался выставить на видъ родство англійскаго драматурга съ величайшими трагиками Греціи. Родство это онъ находилъ не въ частностяхъ, легко объясняемыхъ изъ мѣстныхъ условій, но въ общемъ духѣ творчества, въ яркой характеристикѣ лицъ, въ единствѣ драматическаго интереса. Лессингъ доказалъ, что Шекспиръ всегда былъ вѣренъ этому коренному закону драматическаго творчества, такъ настоятельно требуемому Аристотелемъ. По словамъ Лессинга, единство дѣйствія можетъ происходить оттого, что поэтъ сосредоточиваетъ весь интересъ драмы или на одномъ какомъ-нибудь событіи, или на изображеніи одного выдающагося характера. Шекспиръ выбралъ послѣднее, и несмотря на все разнообразіе выводимыхъ имъ лицъ, на быстрое чередованіе эпизодовъ, произведеніе его всегда имѣетъ единство, потому что въ центрѣ его всегда есть одинъ характеръ, возлѣ котораго сосредоточивается весь интересъ дѣйствія. «Ричардъ III» кажется съ перваго раза собраніемъ отдѣльныхъ сценъ, но при болѣе внимательномъ изученіи этой драмы окажется, что она имѣетъ единство въ характерѣ героя, его дѣлахъ и замыслахъ.

Лессингъ не оставилъ намъ цѣлой характеристики Шекспирова генія. Преслѣдуя болѣе полемическія цѣли, онъ касается Шекспира только мимоходомъ, чтобы обронить какое-нибудь мѣткое замѣчаніе или подмѣтить характеристическую черту его таланта. Но изъ этихъ отрывочныхъ замѣчаній можно заключить, какая масса свѣта пролилась бы на произведенія Шекспира, если бы Лессингъ имѣлъ случай подвергнуть ихъ болѣе подробному анализу. Лессингу выпала на долю тяжелая и скучная работа очищенія понятій отъ накопившагося на нихъ въ продолженіе вѣковъ сора; на мѣсто устарѣлыхъ условныхъ правилъ ложно-классической теоріи онъ далъ твердые законы, выведенные изъ самой природы драматическаго творчества, и Гервинусъ былъ вправѣ назвать «Драматургію» путеводной звѣздой для нѣмецкой литературы. Хотя критика Лессинга выросла на глубокомъ изученіи піитики Аристотеля, однако она вездѣ умѣла сохранить свою самостоятельность. Принимая въ главныхъ чертахъ принципы Аристотеля, Лессингъ съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ съумѣлъ отдѣлить въ нихъ существенное и вѣчное отъ условнаго и преходящаго. Благоговѣніе къ великому учителю древности не помѣшало Лессингу во многомъ отступить отъ его взглядовъ, напр. допустить въ трагедіи присутствіе комическаго элемента. Въ этомъ отношеніи онъ болѣе довѣрялся своему непосредственному чувству, чѣмъ какимъ-либо авторитетамъ. Когда французскій критикъ д'Обиньякъ однажды упрекнулъ Эврипида въ томъ, что онъ введеніемъ описательнаго элемента въ свои трагедіи раз-

рушаетъ цѣльность драматическаго впечатлѣнія, Лессингъ замѣчаетъ: «Пусть въ школьныхъ книжкахъ сколько угодно раздѣляютъ различные роды поэзіи, но когда является геній, который ради болѣе возвышенныхъ цѣлей соединяетъ ихъ въ одномъ и томъ же произведеніи, то нужно выкинуть изъ головы школьныя правила и смотрѣть, достигъ-ли онъ или нѣтъ своей высокой цѣли» [1]). Заслуги, оказанныя Лессингомъ дѣлу водворенія и изученія Шекспира въ Германіи, неисчислимы; его критическіе пріемы должны служить краеугольнымъ камнемъ Шекспировской критики, и если иногда нѣмецкая критика уклонялась отъ началъ, высказанныхъ Лессингомъ, то это уклоненіе не служило ей въ пользу, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи.

Сѣмена, брошенныя Лессингомъ, не замедлили принести свои плоды. Уже черезъ три года послѣ изданія его «Литературныхъ писемъ» появляются попытки познакомить Германію съ произведеніями англійскаго драматурга. Первый, кто откликнулся на призывъ Лессинга былъ *Виландъ*, издавшій переводъ шекспировыхъ драмъ въ Цюрихѣ въ 1762 г. Когда вышли въ свѣтъ первые выпуски этого перевода, Лессингъ съ торжествомъ привѣтствовалъ ихъ въ своей «Драматургіи». Переводъ Виланда былъ большимъ подспорьемъ для литературныхъ реформъ Лессинга. Теперь публика сама могла удостовѣриться въ истинѣ словъ Лессинга и испытать на себѣ тѣ могучія впечатлѣнія, о которыхъ она читала въ «Драматургіи». На самого Виланда сближеніе съ здоровымъ міросозерцаніемъ Шекспира имѣло громадное вліяніе. Онъ понемногу началъ отрѣшаться отъ сантиментальнаго идеализма и выработывать себѣ болѣе здоровый взглядъ на жизнь, отражающійся уже въ его «Оберонѣ», гдѣ ясно слышны отголоски «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира. Знакомство съ Шекспиромъ произвело не менѣе сильное вліяніе и на другихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Шиллеръ, въ дѣятельности котораго воплощаются всѣ лучшія стремленія этой знаменательной эпохи, признается, что переводъ Виланда охватилъ его какъ стремительный потокъ и сообщилъ его таланту драматическое направленіе, вскорѣ выразившееся созданіемъ его «Разбойниковъ» [2]). Кстати припомнимъ, что переводъ Виланда вызвалъ первый замѣчательный этюдъ о Шекспирѣ, именно статью *Герстенберга*: «Нѣчто о Шекспирѣ» написанную въ 1766 г., за годъ до появленія Лессинговой «Драматургіи». Воспользовавшись указа-

---

[1]) Hamburgische Dramaturgie, 48 Stück.

[2]) Stahr, Shakspeare in Deutschland, въ Literar-histor. Taschenbuch, herausgeg. von R. Prutz. Leipzig 1843, стр. 52, примѣчаніе.

ніями «Литературныхъ писемъ» Лессинга, Герстенбергъ весьма основательно доказываетъ несостоятельность ложно-классической теоріи, лишившей французскую трагедію способности къ развитію [1]), и въ противоположность ей широкими чертами рисуетъ характеръ шекспировской драмы, не искаженной теоріями и пышно расцвѣтшей на почвѣ народныхъ преданій. Во всемъ сочиненіи ясно вліяніе Лессинга, но ученикъ превзошелъ учителя рѣзкостью своихъ выводовъ. Видя, что изъ піитики Аристотеля нельзя объяснить всѣхъ особенностей шекспировой драмы, Герстенбергъ безъ всякаго колебанія назвалъ ее поверхностнымъ и настроеннымъ на весьма условныхъ посылкахъ сочиненіемъ: «Если мѣрить его масштабомъ—говоритъ Герстенбергъ [2])—то драмы Шекспира нельзя назвать ни комедіями, ни трагедіями, а между тѣмъ онѣ вѣчно останутся живыми изображеніями нравственной природы человѣка, начерченными неподражаемой кистью новаго Рафаэля». По мнѣнію Герстенберга, Аристотелева теорія драмы была бы совершенно другая, если бы онъ вывелъ ея законы изъ природы человѣческаго духа, а не изъ современной ему, освященной обычаями, театральной практики. Онъ выбралъ послѣднее и потому ему ничего не оставалось болѣе, какъ только по возможности примирить требованія ума съ установленными сценическими преданіями древности. Затѣмъ на разборѣ «Отелло» Герстенбергъ показываетъ, что драма Шекспира преслѣдовала другія цѣли, чѣмъ возбужденіе страха и состраданія въ сердцѣ зрителей. Каждый народъ по-своему понимаетъ трагическое: «если испанская и нѣмецкая драма уклонились отъ цѣлей классической трагедіи, то на какомъ основаніи мы должны ожидать ихъ встрѣтить у англичанъ? Самъ Бенъ-Джонсонъ, который такъ

---

[1]) По этому поводу нѣкоторые критики оспариваютъ у Лессинга пальму первенства въ дѣлѣ разрушенія теоріи ложно-классической драмы и отдаютъ ее Герстенбергу, что несправедливо, ибо Герстенбергъ только развилъ сказанное Лессингомъ въ одномъ изъ его писемъ о литературѣ. Впрочемъ и самъ Лессингъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ предшественниковъ даже между французами. Еще въ 1721 г. французскій писатель Ламотъ-Гударъ въ предисловіи къ своей трагедіи *Маккавеи* (Les Machabées) смѣло возсталъ противъ теоріи трехъ единствъ. Вмѣсто единства мѣста и времени, только стѣсняющихъ фантазію поэта, Ламотъ, подобно Лессингу, ставитъ непремѣннымъ условіемъ драмы единство драматическаго интереса. Современники не оцѣнили идей Ламота; Вольтеръ отозвался объ его воззрѣніяхъ, какъ о литературной ереси, которой онъ не предвѣщалъ успѣха. Но это не остановило Ламота, и въ своихъ трагедіяхъ онъ пытался осуществить свои идеи на практикѣ. Замѣчательно, что эти идеи возникли въ его умѣ безъ чуждыхъ возбужденій, ибо изъ его сочиненій не видно, чтобы онъ зналъ англійскую сцену больше какъ по слухамъ. См. *Lacroix*, Histoire de l'influence de Schakspeare sur le théâtre français. Bruxelles. 1856.

[2]) Gerstenberg's, Vermischte Schriften. Altona, 1866. III, 263 стр.

превозносится передъ Шекспиромъ своимъ знаніемъ древнихъ, тѣмъ не менѣе въ своихъ произведеніяхъ слѣдовалъ своему собственному идеалу. Задачей шекспировой драмы было изобразить дѣйствіе страстей на душу человѣка, и въ этомъ отношеніи никто до сихъ поръ не могъ превзойти Шекспира» [1]). Главное, чему удивляется Герстенбергъ въ Шекспирѣ — это необъятнымъ размѣрамъ и гармоніи его духа. «Геніальнымъ поэтомъ можно назвать того, кто обладаетъ хоть одной изъ поэтическихъ способностей въ такой степени, въ какой Шекспиръ обладаетъ всѣми и притомъ такъ, что онѣ образуютъ у него великое гармоническое цѣлое».

Въ статьѣ Герстенберга пробивается на свѣтъ новое направленіе шекспировской критики, которое можно назвать *историческимъ*. Критика Лессинга была чисто-эстетическая; она стремилась постичь общіе законы драматическаго творчества, одинаково проявляющіеся какъ въ древней, такъ и въ новой драмѣ; кромѣ того, Лессингъ никогда не упускалъ изъ виду своей спеціальной цѣли — утвердить въ сознаніи нѣмецкой публики высоко-художественное значеніе произведеній Шекспира; оттого онъ вездѣ указывалъ на универсальныя черты его генія, роднящія его со всѣми великими драматургами. Точка отправленія Герстенберга совершенно другая. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ общихъ законахъ драмы, Герстенбергъ особенно настаиваетъ на томъ, что каждый народъ имѣетъ свое особое міросозерцаніе, иначе понимаетъ трагическое, и что поэтому неразумно прилагать къ произведеніямъ Шекспира масштабъ Аристотелевой теоріи, составленной по другимъ образцамъ, выросшей на другой почвѣ, подъ другимъ небомъ. Герстенбергъ не отрицаетъ, что въ шекспировой драмѣ есть общія черты, сближающія ее съ греческой драмой, но эти общія черты свойственны цѣлому роду поэзіи, и сущность шекспировой драмы состоитъ не въ томъ, что у ней есть общаго съ другими, а скорѣе въ томъ, что принадлежитъ только ей, какъ выраженію міросозерцанія англійскаго народа. Несмотря на то, что Герстенбергъ не могъ подтвердить своихъ положеній достаточнымъ количествомъ фактовъ, трудъ его имѣетъ важное значеніе, какъ первая попытка освободиться отъ оковъ классической эстетики и поставить шекспировскую критику на прочныя основы историческаго созерцанія. Дѣйствительно, только глубокое, всестороннее изученіе Шекспира въ связи съ современнымъ ему литературнымъ движеніемъ въ Англіи можетъ доставить намъ по возможности объективную

---

[1]) Ibid. стр. 303.

точку зрѣнія на его произведенія; только тогда мы не будемъ ошибочно приписывать Шекспиру того, что̀ носилось въ воздухѣ его эпохи, а вслѣдствіе этого особенности шекспировой драмы выступятъ передъ нами рельефнѣе, чѣмъ прежде. Но этимъ далеко не исчерпываются всѣ задачи шекспировской критики. За особенностями шекспировой драмы сіяютъ ея вѣчныя, неувядающія красоты: глубокое знаніе человѣческаго сердца, величіе созданныхъ ею характеровъ, эстетическая прелесть положеній — всѣ эти достоинства произведеній Шекспира лежатъ внѣ предѣловъ наблюденія исторической критики и никогда не могутъ быть исчерпаны ею.

Движеніе, сообщенное нѣмецкой литературѣ переводомъ Виланда, особенно сильно отозвалось въ южной Германіи, въ Страсбургѣ, гдѣ въ числѣ учащейся молодежи находился также и Гете. «Если кто хочетъ, писалъ впослѣдствіи старикъ Гёте[1]), непосредственно испытать, что̀ говорилось и думалось о Шекспирѣ въ оживленныхъ кружкахъ тогдашней молодежи, тотъ пусть прочтетъ статью Гердера». Дѣйствительно, никто, за исключеніемъ развѣ самого Гёте, не умѣлъ выразить съ такой силой пламенный энтузіазмъ къ Шекспиру, охватившій въ то время нѣмецкую молодежь. Точно будто новый чудный міръ открылся передъ ея изумленными глазами, и она могла только преклоняться передъ великимъ поэтомъ. Самый языкъ статьи Гердера[2]) носитъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ того литературнаго періода, который такъ характеристично названъ періодомъ *бурныхъ стремленій* (Sturm und Drang). Весьма оригинально начало статьи: «При мысли о Шекспирѣ въ умѣ моемъ возстаетъ величавая картина: на вершинѣ скалы сидитъ онъ, одинокій и недоступный; у ногъ его реветъ гроза и бушуетъ бурное море, но чело его спокойно и горитъ небесными лучами! У подножья его гранитнаго трона копошатся и шумятъ цѣлыя толпы людей, которые его объясняютъ, порицаютъ, оправдываютъ, поклоняются ему, переводятъ его — и онъ даже не слышитъ ихъ!» Вся статья написана въ такомъ же восторженномъ диѳирамбическомъ тонѣ; мы постараемся воспроизвести ея главныя мысли.

Каждый народъ, кромѣ особаго языка, отличается отъ другихъ народовъ особымъ складомъ ума и фантазіи. Наиболѣе вѣрное и яркое выраженіе міросозерцанія народа — его поэзія; въ ней отражается душа народа, его задушевныя мечты, его любимые идеалы. Греческая драма была роскошнымъ цвѣт-

---

[1]) Aus meinem Leben. III Theil, XI Buch.

[2]) Von deutscher Art und Kunst, Hamburg, 1773.

комъ въ развитіи миѳологическихъ и общественныхъ идей Греціи; подобно самой жизни, она была несложна и проста, и легко укладывалась въ извѣстныя типическія формы. Отсюда ея стройность, правильность, поразительно вѣрно указанная Аристотелемъ. Сѣверная драма отражала жизнь болѣе сложную и разнообразную, и потому въ ней нечего искать той правильной постройки, которая условливалась въ Греціи самимъ характеромъ драматическаго матеріала. Требовать отъ Англіи драмы въ греческомъ вкусѣ также нелѣпо, какъ требовать отъ овцы, чтобы она произвела волка. Драма Софокла и драма Шекспира, это — двѣ до того различныя вещи, что онѣ едва-ли могутъ называться однимъ и тѣмъ же именемъ, а между тѣмъ онѣ обѣ прекрасны. Въ драмѣ Софокла царствуетъ единство типа и характера; разнообразіе характеровъ, положеній, сословій составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ драмы Шекспира. У перваго слышится вездѣ одинъ и тотъ же пѣвучій и изящный языкъ образованнаго аѳинянина. Шекспиръ же одинаково владѣетъ какъ языкомъ образованнаго нобльмена, такъ и наивно-распущенной рѣчью народнаго шута, и подобно тому, какъ Софоклъ поучалъ и трогалъ населеніе древней Греціи, Шекспиръ наставляетъ и трогаетъ сѣверные народы.

Живое и цѣльное пониманіе искусства проявляется на каждомъ шагу въ статьѣ Гердера, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ. Цѣня искусство, по скольку оно отражаетъ въ себѣ народную жизнь, Гердеръ произноситъ строгое осужденіе французской драмы, пробавлявшейся чужими идеалами, не имѣвшими почвы въ народной жизни. Впрочемъ, это осужденіе было уже нѣсколько позднимъ послѣ «Драматургіи» Лессинга. Кромѣ того у Гердера разбросано не мало замѣчаній объ Отелло, Макбетѣ, Гамлетѣ и др., которыя до сихъ поръ не утратили своей свѣжести. Вообще говоря, статья Гердера есть только болѣе стройное развитіе идей Герстенберга. Онъ видитъ въ драмѣ прежде всего великое историческое явленіе, которое можетъ быть объяснено только изъ совокупности жизненныхъ условій, его произведшихъ; подобно своему предшественнику, онъ считаетъ древнюю теорію драмы слишкомъ узкой для драмы Шекспира, и говоритъ что, еслибъ Аристотель жилъ во время Елисаветы, то онъ не преминулъ бы написать для шекспировыхъ драмъ новую теорію. Въ одномъ только онъ совершенно расходится съ Герстенбергомъ — именно въ вопросѣ о нравственномъ значеніи произведеній Шекспира. Подобно позднѣйшимъ толкователямъ Шекспира, Гердеръ видѣлъ въ его драмахъ осуществленіе извѣстныхъ нравственныхъ законовъ; по его мнѣнію, Шекспиръ

въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ новыхъ драматурговъ приближается къ Эсхилу и Софоклу, карающимъ всякое, хотя бы и непроизвольное уклоненіе отъ нравственныхъ законовъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ этотъ взглядъ, систематически развитый послѣдователями Гегеля, сдѣлался знаменемъ цѣлой критической школы въ Германіи, не мало затемнившей своими умствованіями истинный смыслъ произведеній Шекспира.

Гердеръ заключаетъ свою статью пророчествомъ, что скоро другъ его Гёте воздвигнетъ Шекспиру поэтическій памятникъ на почвѣ нѣмецкихъ преданій. Дѣйствительно, вскорѣ появилась въ свѣтъ трагедія молодого Гёте «Гецъ-фонъ-Берлихингенъ» насквозь проникнутая могучимъ духомъ драматическихъ хроникъ Шекспира. Гёте познакомился съ Шекспиромъ еще въ Лейпцигѣ, но это знакомство было отрывочное и только въ Страсбургѣ переводъ Виланда побудилъ его вновь перечесть Шекспира. На этотъ разъ имъ овладѣлъ тотъ энтузіазмъ, то восторженное отношеніе къ Шекспиру, которое онъ впослѣдствіи съумѣлъ съ такимъ художественнымъ совершенствомъ воспроизвести въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ». «Я не помню, говоритъ онъ, чтобы какая-нибудь книга или какое-нибудь событіе моей жизни произвело на меня такое неотразимое впечатлѣніе, какъ драмы Шекспира. Онѣ мнѣ казались созданіями какого-то божественнаго генія, сошедшаго на землю, чтобъ научить людей познавать самихъ себя. Это не поэтическія произведенія. Читая ихъ, съ ужасомъ видишь передъ собой раскрытую книгу человѣческихъ судебъ и слышишь, какъ бурный вихрь жизни съ шумомъ перевертываетъ ея листы. Все, что мнѣ думалось и гадалось о человѣческой жизни и о нашемъ назначеніи — все это я нашелъ у Шекспира. Произведенія его похожи на часы изъ чистаго кристалла, такъ что въ одно время видишь и ходъ времени и весь механизмъ ихъ движущій. Это прозрѣніе во внутренній міръ человѣка побудило и меня подойти поближе къ міру дѣйствительности, чтобы и самому черпать изъ этого неисчерпаемаго источника». «Гецъ» Гёте и «Разбойники» Шиллера были первыми роскошными плодами, выросшими на плодотворной почвѣ шекспировой драмы; но вліяніе Шекспира этимъ не окончилось; не говоря о другихъ писателяхъ, мы можемъ прослѣдить его въ «Эгмонтѣ» и «Вертерѣ» Гёте и «Вильгельмѣ Теллѣ» Шиллера.

Прошло около тридцати лѣтъ и Виландовъ переводъ Шекспира, оконченный Эшенбургомъ, не могъ уже удовлетворить эстетическому чувству нѣмецкой публики, воспитанной на произведеніяхъ Гёте и Шиллера. Языкъ Виланда казался тяжелымъ, напыщеннымъ послѣ высоко-художественнаго языка «Разбойниковъ»

и «Геца». Чувствовалась потребность въ другомъ переводѣ. Пробѣлъ этотъ рѣшился пополнить А. В. Шлегель и сдѣлалъ это съ такимъ художественнымъ тактомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла, что переводъ его произвелъ эпоху въ пониманіи Шекспира. Переводъ Виланда былъ прозаическій; Шлегель отправился отъ той мысли, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ. Блистательный успѣхъ его перевода, до сихъ поръ еще никѣмъ не превзойденнаго, служитъ лучшимъ оправданіемъ его мысли, казавшейся въ то время такой неслыханной ересью, что Шлегель долженъ былъ выдержать изъ-за нея упорную борьбу. Читая Виланда, нельзя было составить себѣ никакого понятія о художественныхъ достоинствахъ шекспирова слога; вся его гармонія и музыкальность была заглушена рубленой нѣмецкой прозой, и читателю оставалось только догадываться о прелести подлинника. Въ переводѣ Шлегеля шекспировскія идеи облеклись въ стройную и гибкую форму стихотворнаго размѣра, передававшаго самые тонкіе оттѣнки мысли, и нѣмецкая публика пріобрѣла возможность оцѣнить не только глубину мысли, но и гармонію рѣчи англійскаго драматурга. Вліяніе шлегелева перевода на литературу и искуство въ Германіи было громадно, и Штаръ справедливо замѣчаетъ, что Шлегель сдѣлалъ для Шекспира тоже, что для Библіи Лютеръ, а для Гомера Фоссъ. Можно сказать, что только съ этихъ поръ Шекспиръ сдѣлался народнымъ достояніемъ Германіи.

Дѣятельность Шлегеля, какъ переводчика и критика, примыкаетъ по своему направленію къ той школѣ, которая въ литературѣ носитъ названіе *романтической*. Заслуги этой школы въ дѣлѣ разъясненія произведеній Шекспира несомнѣнны; изъ ея рядовъ вышли Шлегель, Тикъ и Горнъ, которые своими переводами и изслѣдованіями бросили много свѣта на творенія Шекспира и на исторію англійской драмы въ эпоху Елисаветы. Лекціи Шлегеля о драматической поэзіи, читанныя имъ въ 1808 г. въ Вѣнѣ, передъ многочисленной публикой, были для своего времени явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Связное историческое изложеніе развитія драмы въ древнемъ и новомъ мірѣ было въ то время невозможно по недостатку матеріаловъ, и Шлегелю не оставалось ничего болѣе, какъ только остановиться на важнѣйшихъ представителяхъ драматическаго творчества отъ Софокла до Кальдерона и Шекспира. Блестящій успѣхъ лекцій Шлегеля объясняется не столько новизной и смѣлостью его взглядовъ, сколько замѣчательной способностью синтеза и художественнымъ совершенствомъ изложенія — качествомъ, всего рѣже встрѣчающимся у нѣмецкихъ профессоровъ. Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ, чтенія

Шлегеля были переведены почти на всѣ европейскіе языки. Впрочемъ, поверхностность ихъ и тогда уже была обнаружена Сольгеромъ [1]). Мы остановимся на томъ отдѣлѣ лекцій Шлегеля, который посвященъ Шекспиру. Авторъ начинаетъ свое изложеніе параллелью испанскаго и англійскаго театровъ; несмотря на безконечную разницу, лежащую между ними, онъ находитъ въ нихъ одну общую черту — народность. Затѣмъ онъ обращается къ вопросу, уже затронутому Гердеромъ, о формѣ шекспировыхъ драмъ и доказываетъ, что тѣ, кто ищетъ въ нихъ античной формы, понимаютъ форму чисто-внѣшнимъ образомъ и смѣшиваютъ механическую форму съ органической. Механическая форма не имѣетъ ничего общаго съ сущностью предмета и налагается на него совершенно случайно. Такъ, напр., кусочку воска мы можемъ придать любую форму, но эта форма будетъ чисто-внѣшняя, механическая, потому что въ природѣ воска лежитъ способность принимать всякую форму. Органическая же форма не отдѣлима отъ предмета; она развивается извнутри по мѣрѣ развитія самого предмета; она, такъ сказать, прирождена ему. Такія формы мы встрѣчаемъ вездѣ, отъ кристалловъ и солей до растеній, животныхъ и самого человѣка. Формы истинно-художественныхъ произведеній всѣ органическія; онѣ опредѣляются содержаніемъ самихъ произведеній, а слѣдовательно съ измѣненіемъ содержанія должна измѣняться и самая форма художественныхъ произведеній, и потому неразумно требовать, чтобы драма новаго времени укладывалась въ несоотвѣтствующую ея содержанію античную форму [2]). Подобно Герстенбергу, Шлегель думаетъ, что большая часть произведеній испанскаго и англійскаго театра не могутъ назваться въ античномъ смыслѣ ни комедіями, ни трагедіями, потому что онѣ служатъ представителями романтическаго искусства, отличительная черта котораго состоитъ въ стремленіи къ контрастамъ, въ смѣшеніи трагическаго съ комическимъ, въ противоположность античной трагедіи, исключавшей все, что могло нарушить единство драматическаго впечатлѣнія. Переходя затѣмъ къ личности Шекспира, Шлегель старается понять ее въ связи съ духомъ той великой эпохи, которая произвела величайшаго мыслителя Англіи — Бэкона. Онъ доказываетъ, что Шекспиръ не былъ необразованнымъ человѣкомъ, какимъ его обыкновенно представляютъ; недостатокъ школьной учености съ избыткомъ замѣнялся въ немъ богатымъ запасомъ практическихъ наблюденій надъ жизнью и людьми. Произведенія Шекспира показываютъ, что онъ былъ

---

1) Wiener Jahrbücher der Literatur, 1819. Іюль.

2) Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur. II Theil, II Abth. стр. 8—10.

коротко знакомъ съ тогдашней печатной литературой, и зналъ все, что сколько-нибудь могло послужить для его цѣлей. Изъ римскихъ трагедій видно, какъ глубоко понималъ онъ духъ римской исторіи. Шекспиръ не былъ безсознательнымъ поэтомъ, творившимъ подъ вліяніемъ охватившаго его чувства, но не знавшимъ законовъ своего творчества; напротивъ того, въ произведеніяхъ его вездѣ проглядываетъ великій художникъ, хорошо знающій свои средства и силы и глубоко изучившій сцену. Оцѣнка Шекспира, какъ художника, безспорно принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ, когда-либо написаннымъ о Шекспирѣ. Идя по пути, указанному Лессингомъ, развивая его указанія въ цѣлый рядъ идей, Шлегель первый сдѣлалъ довольно-удачную попытку опредѣлить существенныя черты творческаго генія Шекспира. По мнѣнію Шлегеля, отличительное свойство драматурга есть способность переноситься въ каждое изображаемое имъ положеніе и до того усвоить его своей душѣ, что оно становится какъ бы его личнымъ душевнымъ состояніемъ. Шекспиръ обладалъ этой способностью въ высшей степени; онъ радовался и страдалъ за своихъ героевъ, словно за самого себя. Способность проникновенія въ душу человѣка соединялась у Шекспира съ величайшимъ даромъ характеристики; герои шекспировыхъ драмъ не просто олицетворенія страстей, какъ это мы видимъ у другихъ поэтовъ, но живыя лица, носящія на себѣ неизгладимый отпечатокъ своей индивидуальности. Величіе Шекспирова генія особенно проявляется въ изображеніи страсти. Онъ даетъ намъ полную исторію потрясеннаго страстью духа; иногда въ одномъ словѣ, сказанномъ героемъ, открывается цѣлый рядъ пережитыхъ имъ душевныхъ состояній. Страсть у Шекспира не есть нѣчто данное, не подлежащее развитію; напротивъ того, все его вниманіе направлено на то, чтобы представить намъ живую картину ея развитія, ея естественнаго, хотя и ускоряемаго обстоятельствами, роста. При этомъ не нужно упускать изъ виду одной особенности драматическаго генія Шекспира: каждое изъ выводимыхъ имъ лицъ, живя своей собственной жизнью, тѣмъ не менѣе служитъ для болѣе полной характеристики другихъ лицъ. Это высшее откровеніе драматическаго творчества,—и здѣсь Шекспиръ не имѣетъ соперниковъ [1]).

Все это въ высшей степени справедливо, хотя и было отчасти высказано Лессингомъ, Гердеромъ, Ричардсономъ и др. Вообще говоря, Шлегель не былъ мыслителемъ оригинальнымъ, но онъ обладалъ замѣчательной способностью усвоивать идеи другихъ и какъ умъ послѣдовательный, доводилъ ихъ до послѣднихъ

---

[1]) Ibid. стр. 54—70 и слѣд.

результатовъ, часто не предвидѣнныхъ самими ихъ творцами. Съ своей стороны Шлегель внесъ въ свои лекціи всѣ лучшія качества своего таланта—тонкое пониманіе искусства и глубокое поэтическое чувство. Его лекціи были одной изъ самыхъ поэтическихъ импровизацій, когда-либо внушенныхъ произведеніями Шекспира! Лекціи Шлегеля напоминаютъ того средневѣкового монаха-художника, который не иначе писалъ своихъ мадоннъ, какъ стоя на колѣняхъ и въ благоговѣйномъ молчаніи. Къ сожалѣнію, слишкомъ восторженное отношеніе къ своему предмету ослѣпило взглядъ Шлегеля и притупило его критическую способность. Отправившись отъ той мысли, что Шекспиръ есть не только творецъ, но и законодатель романтической драмы, Шлегель естественно долженъ былъ придти къ заключенію, что у него нѣтъ, да и не можетъ быть никакихъ уклоненій отъ законовъ изящнаго. Теперь всѣми признано, что у Шекспира есть не мало примѣровъ искаженія вкуса и напыщенности, историческихъ и географическихъ промаховъ, но всѣ эти ошибки относятся только къ внѣшней сторонѣ стиля и очень мало вредятъ цѣлому. Важно не то, что мы можемъ найти у Шекспира эти ошибки, но что онъ умѣлъ во̀ время отъ нихъ отдѣлаться и выработать себѣ тотъ высокохудожественный стиль, которымъ мы восхищаемся въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Но подобный взглядъ казался Шлегелю чуть не святотатствомъ. По мнѣнію Шлегеля, у Шекспира нѣтъ ничего случайнаго, ничего несообразнаго; каждую частность, каждую подробность онъ силится объяснить изъ общаго смысла всего произведенія. Даже ошибки Шекспира, его погрѣшности противъ исторіи, хронологіи, географіи сдѣланы имъ не случайно, но вслѣдствіе глубокихъ художническихъ соображеній. На этомъ основаніи Шлегель утверждалъ, что Шекспиръ не даромъ послалъ Гамлета учиться въ несуществовавшій тогда Виттенбергскій университетъ, такъ какъ со временъ реформаціи Виттенбергъ сдѣлался главнѣйшимъ разсадникомъ протестантизма и философіи, и пребываніе здѣсь скорѣе чѣмъ въ другомъ какомъ-нибудь городѣ могло сформировать ту болѣзненную страсть къ рефлексіи, которая составляетъ отличительную черту гамлетова характера Также не случайны, по мнѣнію Шлегеля, и другія несообразности, встрѣчающіяся у Шекспира. «Онъ очень хорошо зналъ, что въ нашихъ лѣсахъ не водятся львы и змѣи, свойственные жаркому климату, что тамъ нельзя встрѣтить аркадскихъ пастушковъ; однако въ одной пьесѣ (As You like it) онъ не позадумался населить ими Арденскій лѣсъ, когда это оказалось нужнымъ для его цѣлей [1])».

---

[1]) Ibid. стр. 42—43.

Лекціи Шлегеля имѣютъ для насъ историческое значеніе; критическая часть ихъ въ виду новѣйшихъ изслѣдованій значительно устарѣла, но до сихъ поръ онѣ производятъ отрадное впечатлѣніе своими яркими характеристиками, блестящимъ изложеніемъ, но въ особенности тонкимъ поэтическимъ чутьемъ, которое, въ соединеніи съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, составляетъ одно изъ существенныхъ качествъ литературнаго критика.

Главнѣйшимъ дѣятелемъ романтической школы по отношенію къ Шекспиру является Людвигъ Тикъ, посвятившій значительную часть своей долголѣтней литературной дѣятельности изученію и разъясненію его произведеній. «Духъ Шекспира (говоритъ онъ) былъ постоянной цѣлью моей любви и стремленій; все, что я изучалъ, стояло съ нимъ въ близкой связи». Біографъ Тика, Кёпке, сообщаетъ, что мысль написать цѣльное сочиненіе о Шекспирѣ была завѣтной мечтой Тика, что онъ до послѣдней минуты вѣрилъ въ возможность ея осуществленія [1]). Изъ простого перечня его сочиненій видно, съ какими громадными приготовленіями приступалъ онъ къ своему труду. Еще въ 1793 г., онъ издалъ свое изслѣдованіе «о Чудесномъ у Шекспира» послужившее впослѣдствіи предисловіемъ къ его переводу «Бури»; за нимъ слѣдовали «Письма о Шекспирѣ» (1800), «Собраніе пьесъ стараго англійскаго театра» и наконецъ его знаменитая «Приготовительная школа къ Шекспиру». По мѣрѣ углубленія въ предметъ границы труда Тика начинаются расширяться, а между тѣмъ силы его слабѣютъ, здоровье разстроивается и задача, которую онъ считалъ цѣлью своей жизни, остается невыполненной. Во всякомъ случаѣ это неустанное стремленіе къ завѣтной цѣли представляетъ весьма трогательное зрѣлище, и нѣмецкая критика поступаетъ крайне несправедливо, если ради нѣкоторыхъ филологическихъ промаховъ, происшедшихъ отъ непонятнаго пристрастія Тика къ первому изданію произведеній Шекспира (editio princeps 1632), она не хочетъ признать услугъ, оказанныхъ Тикомъ, въ теченіе его полувѣковой дѣятельности, дѣлу эстетическаго и реальнаго объясненія Шекспира [2]).

Ни у кого изъ предшествовавшихъ критиковъ, за исключеніемъ развѣ одного Лессинга, мы не встрѣтимъ такой живой восприимчивости къ красотамъ поэтическихъ произведеній и та-

---

[1]) Отрывки изъ этого сочиненія помѣщены въ Tiek's Nachgelassene Schriften, herausg. von Köpke. II, стр. 95—154.

[2]) Говоря эти слова, мы имѣемъ въ виду рѣзкую книгу Деліуса: Die Tiek'sche Shakspeare-Kritik. 1846.

жихъ вѣрныхъ взглядовъ на задачи критической дѣятельности. По мнѣнію Тика, ничто такъ не вредитъ правильному пониманію художественныхъ произведеній, какъ привычка оцѣнивать ихъ по заранѣе составленнымъ принципамъ; духъ нашъ при этомъ теряетъ способность переживать художественное созданіе, какъ переживалъ его самъ авторъ путемъ потрясеннаго ощущенія. Полная независимость духа, одинаково раскрытаго для самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, составляетъ, по словамъ Тика, необходимое условіе для критика. Поэтому, всякій простой воспріимчивый человѣкъ вѣрнѣе можетъ оцѣнить истиннаго поэта, нежели ученый критикъ, ищущій въ поэтическихъ созданіяхъ оправданія напередъ составленной имъ системы [1]). Съ другой стороны само художественное произведеніе утрачиваетъ значительную часть своей внутренней силы, если оно подчинено какой-либо внѣшней цѣли. Для поэта нѣтъ другого закона, кромѣ его собственнаго вдохновенія; поэтическое произведеніе можетъ быть пропитано самыми разнообразными идеями, но онѣ должны вытекать извнутри, а не быть навязанными извнѣ въ видѣ какой-нибудь тенденціи [2]). Но высказывая эти прекрасныя правила, Тикъ писалъ злую сатиру не только на современную ему шекспировскую критику, но и на самого себя. Онъ самъ не разъ отступалъ отъ провозглашенныхъ имъ началъ. Извѣстно его курьёзное объясненіе характера лэди Макбетъ, въ которой онъ видѣлъ чуть-ли не идеалъ вѣрной жены, страстно любящей мужа и горячо преданной его интересамъ. Какъ натура слабая, она была охвачена, какъ вихремъ, овладѣвшей ею честолюбивой мыслью. Любовь къ мужу и желаніе видѣть его на тронѣ вдохновила ея преступную рѣшимость. Но потомъ, когда она достигла своей цѣли, когда совѣсть приготовила ей цѣлый адъ душевныхъ мукъ, — въ эти трудныя минуты она думаетъ только о мужѣ, утѣшаетъ его и ободряетъ его падающій духъ [3]). Подобныхъ парадоксовъ можно найти у Тика не мало, но они съ избыткомъ искупаются множествомъ драгоцѣнныхъ психологическихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ трудахъ его. Не можемъ отказать

---

[1]) L. Tiek's Nachgelassene Schriften II. 99.

[2]) Köpke's, Tiek's Leben. II. 238.

[3]) L. Tiek's Nachgellassene Schriften. II. стр. 154. По этому поводу біографъ Тика разсказываетъ слѣдующій случай. Однажды въ дружескомъ кружкѣ Тикъ съ своимъ обычнымъ мастерствомъ прочелъ Макбета, и по окончаніи чтенія началъ развивать свои взгляды на лэди Макбетъ и ея мужа. Знаменитый Нибуръ, находившійся также въ числѣ слушателей, неожиданно прервалъ его словами: «любезный докторъ, не говорите такихъ вещей; повѣрьте мнѣ, что лэди Макбетъ и ея муженекъ были самые гнусные люди на свѣтѣ».

себѣ въ удовольствіи привести мастерскую характеристику Ричарда III-го, высказанную Тикомъ въ частномъ разговорѣ и записанную его біографомъ. По мнѣнію Тика, Ричардъ III есть полнѣйшее воплощеніе эгоизма. Для него не существуетъ различія между добромъ и зломъ; отношенія его къ людямъ основаны на глубокомъ презрѣніи къ нимъ, и нужно сознаться, что окружающая его жалкая обстановка, надъ которой онъ возвышается въ своемъ зловѣщемъ величіи, можетъ способствовать только къ утвержденію въ немъ этого взгляда. Всѣ ему льстятъ, пресмыкаются передъ нимъ, желая извлечь изъ него пользу; онъ это видитъ, пользуется людьми для своихъ цѣлей и потомъ безжалостно уничтожаетъ ихъ. Эта демоническая сила геніальнаго эгоизма роднитъ характеръ Ричарда съ характеромъ Наполеона. И Ричардъ, подобно Наполеону, обладалъ многими привлекательными сторонами характера, которые оказывали на людей чарующее дѣйствіе, — онъ обладалъ въ высокой степени даромъ могучей и вкрадчивой рѣчи, опутывавшей сердце слушателя; иначе, чѣмъ бы онъ могъ привлечь къ себѣ слабую и суетную Анну? Самъ онъ недоумѣваетъ и смѣется отъ души надъ такой легкой побѣдой. Только одинъ разъ мы видимъ въ его душѣ проблескъ совѣсти, и Шекспиръ съ умысломъ остановился на этомъ моментѣ въ жизни Ричарда, иначе мы не признали бы въ его героѣ человѣка [1]).

Недостатки критики Тика главнымъ образомъ въ направленіи той школы, которой онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей. Романтизмъ былъ вначалѣ реакціей чувства и фантазіи противъ односторонняго философскаго раціонализма эпохи просвѣщенія. Онъ видѣлъ свой идеалъ въ среднихъ вѣкахъ, гдѣ поэзія и наука были всецѣло проникнуты энтузіазмомъ вѣры. Обративъ свое сочувствіе ко всему идеальному и фантастическому, романтизмъ явился одностороннѣе и нетерпимѣе своего противника, былъ глухъ къ законнымъ требованіямъ жизни и вскорѣ сдѣлался знаменемъ католицизма и политической реакціи. Поэтому нечего увивляться, что истые романтики, какъ напр. Новалисъ, предпочитали Шекспиру Данте и Кальдерона. Яркій солнечный свѣтъ шекспировскаго реализма непріятно рѣзалъ глаза, привыкшіе къ таинственному полусвѣту готическаго собора. Новалисъ откровенно сознавался, что не можетъ понять Шекспира, потому что у него низкое, обыденное и прозаическое вездѣ идетъ рядомъ съ возвышеннымъ и романтическимъ. Въ его отзывѣ о «Вильгельмѣ Мейстерѣ» Гёте весьма ярко отра-

---

[1]) Köpke, L. Tiek's Leben. II. 214—223.

жается взглядъ романтиковъ на искусство и поэзію. «Въ романѣ Гёте—пишетъ Новалисъ—описываются самые обыденные вещи, природа и мистицизмъ совершенно упущены изъ виду; это обыкновенная мѣщанская семейная исторія, гдѣ все чудное, возвышенное, таинственное считается поэтическимъ бредомъ и мечтой. Вся книга проникнута духомъ художественнаго атеизма; это Кандидъ, направленный противъ поэзіи» [1]). Мысль, что обыденная жизнь можетъ быть матеріаломъ для поэтическаго возсозданія, была до того чужда романтизма, что онъ не задумался признать историческія драмы Шекспира неудавшимися произведеніями. Вѣнецъ поэтическаго творчества Шекспира романтики видѣли въ его фантастическихъ драмахъ, и между прочимъ Тикъ считалъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ Шекспира его умѣнье до того напрягать струны фантазіи, что зритель забываетъ всѣ идеи нашего просвѣщеннаго вѣка и всецѣло отдается прекрасному безумію поэта [2]).

Въ свое время много было говорено о такъ-называемой романтической ироніи, которую романтики считали характеристической чертой шекспирова генія. Въ бесѣдахъ Тика мы находимъ довольно полное изложеніе этой теоріи со всѣми вытекающими изъ нея странными выводами. Теорія ироніи имѣетъ свой корень въ одномъ изъ самыхъ темныхъ произведеній нѣмецкаго глубокомыслія, а именно въ «Wissenschaftslehre» Фихте. По ученію Фихте, внѣшній міръ есть не болѣе какъ призракъ или иначе, отраженіе нашей личности, нашего *я*, но съ другой стороны онъ не могъ отрицать того, что самое наше *я* не могло проявиться, если бы не было внѣшняго міра, а если такъ-то наше *я* въ своихъ проявленіяхъ должно подчиняться общимъ законамъ дѣйствующимъ въ объективномъ мірѣ. Выходило странное противорѣчіе — *я* должно подчиняться законамъ того, что само по себѣ не реально, а существуетъ лишь чрезъ него. Послѣдователи Фихте пробовали разными способами снять это противорѣчіе. Фридрихъ Шлегель разрѣшилъ его слѣдующимъ образомъ: «Правда, говоритъ онъ, что *я* въ своемъ отношеніи къ внѣшнему должно подчиняться его законамъ, но внутри своего сознанія оно чувствуетъ себя свободнымъ; подчиняясь давленію объективнаго міра, *я* сознаетъ, что это подчиненіе только внѣшнее, несущественное, но относится къ нему *иронически*». Таковъ былъ первый

---

[1]) См. Gottschall, Die deutsche Nationalliteratur in der ersten Hälfte des XIX Jahrhund. I. стр. 242.

[2]) См. Ueber Shakspeare's Behandlung des Wunderbaren (1793 г.); вновь издано въ его Kritische Schriften. Leipzig. 1848. 2 Bde.

очеркъ романтической теоріи ироніи, изложенный впервые въ шлегелевскомъ романѣ «Люцинда» и развитой впослѣдствіи Сольгеромъ, Тикомъ и др. По смыслу этой теоріи поэтъ также относится къ изображаемой имъ жизни, какъ *я* къ внѣшнему міру; повидимому онъ подчиненъ ея законамъ, охваченъ ея страстями, но среди вихря своихъ созерцаній духъ его остается свободнымъ и съ грустной ироніей созерцаетъ все ничтожество нашей жизни, лишенной свободы, исполненной вѣчныхъ противорѣчій между идеаломъ и дѣйствительностію. Тикъ видѣлъ въ ироніи величайшій результатъ, до котораго достигаетъ поэзія, ея высшее требованіе, которому никто въ такой степени не удовлетворяетъ какъ Шекспиръ. Увлеченный этой идеей, въ которой онъ видѣлъ ключъ къ тайнамъ шекспировскаго творчества, Тикъ употребляетъ всевозможныя натяжки, чтобъ отыскать ее во всѣхъ произведеніяхъ Шекспира. По его мнѣнію, Шекспиръ, сопоставляя страсть Ромео къ Розалиндѣ съ его позднѣйшей любовью къ Юліи, тѣмъ самымъ показалъ, что смотритъ на своего героя нѣсколько иронически. Когда въ «Генрихѣ IV» энергическій заговорщикъ Гарри Перси, не будучи въ состояніи сдержать своего буйнаго нрава, оскорбляетъ своихъ сообщниковъ и тѣмъ самымъ разрушаетъ общее дѣло, Шекспиръ не можетъ смотрѣть на него иначе какъ иронически. Отъ ироніи Шекспира не могли избѣжать даже такіе люди, какъ Брутъ. Онъ человѣкъ вполнѣ чистый и благородный, проникнутъ самыми лучшими стремленіями, но онъ представленъ не имѣющимъ никакого политическаго смысла; думая спасти Римъ, онъ убиваетъ Цезаря, не сообразивъ того, что Римъ могъ быть спасенъ только Цезаремъ. Въ «Гамлетѣ» шекспировская иронія знаменуется неподражаемымъ искусствомъ, съ которымъ очерчена поэтомъ нерѣшительность героя драмы, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ его собственную гибель. Проблески этой ироніи можно усмотрѣть во всѣхъ произведеніяхъ Шекспира; она-то и придаетъ изображаемымъ имъ лицамъ нѣчто такое, что роднитъ ихъ съ дѣйствительными людьми [1]).

II.

Мы вступаемъ теперь въ новую фазу шекспировской критики, которую съ полнымъ правомъ можно назвать философской. Уже въ критикѣ Тика мы отмѣтили присутствіе философскаго элемента, исказившее его въ высшей степени тонкое по-

---

[1]) Unterhaltungen mit Tiek, см. Köpke, L. Tiek's Leben II. 218—227.

ниманіе искусства. Въ тридцатыхъ годахъ философское направленіе дѣлается господствующимъ въ критикѣ; не эстетическое чувство, а философская мысль признается органомъ, наиболѣе способнымъ воспринимать впечатлѣнія искусства и поэзіи. Многочисленные ученики и послѣдователи Гегеля разнесли его систему по всѣмъ концамъ Германіи и приложили начала его эстетики къ критикѣ художественныхъ произведеній — Генрихсъ и Розенкранцъ къ древнему міру; Ульрици и Рётшеръ къ Шекспиру. Эстетика Гегеля не есть самостоятельное произведеніе, возникшее на почвѣ реальнаго изученія искусства; по меткому выраженію Гайма [1]), она есть не болѣе какъ одна изъ провинцій монархіи абсолютнаго идеализма. Гегель не признавалъ искусства самостоятельной отраслью дѣятельности человѣческаго духа, но одной изъ формъ проявленія абсолютнаго. По его взгляду, религія, искусство и наука суть только моменты сознанія самопознающаго духа; разница между ними состоитъ въ степени развитія, т. е. она скорѣе историческая, нежели существенная. Въ прежнее время искусство было единственной формой выраженія абсолюта, но наше время переросло эту форму, и абсолютное теперь находитъ свое воплощеніе въ наукѣ. Такой взглядъ на искусство легъ въ основу Гегелевой теоріи драмы, съ которой мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей хоть въ общихъ чертахъ, такъ какъ она оказала рѣшительное вліяніе на направленіе шекспировской критики въ Германіи.

По Гегелю, въ драмѣ соединяются принципы эпической и лирической поэзіи; событіе и чувство, поступокъ и воля такъ тѣсно связаны въ ней, что кажется, будто поступки вытекаютъ единственно изъ чувства и воли дѣйствующихъ лицъ; вслѣдствіе этого послѣдніе отвѣчаютъ за свои поступки и, такъ сказать, пожинаютъ сами плоды дѣлъ своихъ. Сущность драматическаго предполагаетъ борьбу великихъ нравственныхъ началъ религіи, семейства, любви, отечества и пр. Задача драматурга состоитъ, съ одной стороны, въ умѣньи живо изобразить природу человѣческаго паѳоса, одушевленнаго одной изъ этихъ идей; съ другой стороны, въ умѣньи усмотрѣть въ драмѣ присутствіе великихъ началъ разума и справедливости, управляющихъ міромъ. Затѣмъ, переходя къ трагедіи, Гегель такъ опредѣляетъ трагическое въ собственномъ смыслѣ: хотя герои трагедіи являются носителями великихъ нравственныхъ началъ, но все, живущее въ мірѣ, имѣетъ частный, индивидуальный характеръ. Каждая изъ личностей, ведя борьбу во имя ихъ, въ тоже время преслѣдуетъ свои

[1]) Hegel und seine Zeit, von Haym. Berlin. 1857. стр. 441.

собственныя цѣли, которыя могутъ стоять въ противорѣчіи съ интересами другихъ. Отсюда неизбѣжность трагической коллизіи. Трагическое состоитъ въ томъ, что обѣ стороны, будучи совершенно правыми, не могутъ осуществить своихъ цѣлей, не нарушая правъ другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ сила охватившаго ихъ паѳоса такъ велика, что они теряютъ самообладаніе и совершаютъ уклоненіе отъ нравственныхъ законовъ. Развязка есть разрѣшеніе этихъ противорѣчій; она имѣетъ цѣлью утвердить гармонію нравственныхъ началъ, потрясенныхъ борьбою исключительныхъ притязаній. Обнаруженіе этой гармоніи есть самая существенная задача трагедіи, сообщающая ей внутреннее единство [1]). Коренная ошибка Гегеля состоитъ въ томъ, что онъ мѣритъ искусство чуждымъ ему масштабомъ. Смотря на драму исключительно съ философской, нравственной точки зрѣнія, онъ видитъ въ ней не живую картину дѣйствительности, не зеркало души человѣческой, но борьбу отвлеченныхъ идей, управляющихъ міромъ; оттого его можетъ удовлетворить только такая развязка трагедіи, гдѣ эти начала торжествуютъ надъ стремленіями отдѣльныхъ личностей, хотя бы въ дѣйствительности было наоборотъ. Кто знакомъ хоть въ общихъ чертахъ съ системой Гегеля, того, конечно, не можетъ удивить это постоянное принесеніе частнаго въ жертву общему, индивидуальнаго абсолютному, потому что подобный взглядъ проходитъ по всѣмъ его сочиненіямъ. Подобно тому какъ въ своей философіи права, онъ настолько цѣнитъ человѣческую личность, насколько она служитъ общей идеѣ государства, въ теоріи драмы онъ настолько интересуется драматическимъ характеромъ, насколько этотъ послѣдній является носителемъ великой нравственной идеи. Изъ сказаннаго ясно, почему критика Гегеля и его школы занимается исключительно содержаніемъ художественныхъ произведеній, качествомъ идей въ нихъ развиваемыхъ, оставляя въ сторонѣ ихъ чисто-художественныя достоинства.

Выше было замѣчено, что философія Гегеля сообщила новое направленіе шекспировской критикѣ. Главнѣйшими представителями этого направленія служатъ Ульрици и Ретшеръ, къ которымъ мы и обращаемся.

Сочиненіе Ульрици о Шекспирѣ [2]) имѣетъ безспорно много положительныхъ достоинствъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ въ пер-

---

[1]) Vorlesungen über die Aesthetik, herausg. von Hotho, Berlin 1838. т. III. стр. 479 и слѣд.

[2]) Shakspeare's Dramatische Kunst, von Hermann Ulrici. Второе изданіе этой книги, значительно распространенное, вышло въ 1847 г.

вый разъ стройное изложеніе развитія англійской драмы, какого не было тогда въ самой англійской литературѣ. Ульрици привелъ въ порядокъ громадную массу сырого матеріала, собраннаго въ сочиненіяхъ Гавкинса, Мэлона, Дрека, Колльера и др., и въ этомъ отношеніи заслуга, оказанная имъ наукѣ, неоспорима. Но чѣмъ болѣе внушаетъ къ себѣ довѣрія солидная ученость автора, тѣмъ сильнѣе разочарованіе читателя, когда онъ замѣчаетъ въ трудѣ Ульрици присутствіе чуждой наукѣ тенденціи, подрывающей довѣріе къ результатамъ его изслѣдованій. Благодаря искренности автора, мы можемъ прослѣдить до самыхъ корней исторію развитія его оригинальнаго взгляда на англійскую драму вообще и на произведенія Шекспира въ особенности и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ характеромъ тѣхъ противонаучныхъ пріемовъ, которые употребляются зачастую приверженцами философской критики. Кажется, что мы будемъ не далеки отъ истины, если представимъ себѣ въ слѣдующей постепенности ходъ идей Ульрици: Англія есть страна христіанская, слѣдовательно ея драма должна быть проникнута духомъ христіанскимъ. Въ чемъ же состоитъ особенный характеръ христіанскаго міровоззрѣнія? На этотъ вопросъ Ульрици отвѣчаетъ съ особенной обстоятельностію. По его мнѣнію, отличительная черта христіанскаго міросозерцанія состоитъ въ томъ, что оно не признаетъ судьбы, какъ въ міросозерцаніи античномъ. Богъ, его любовь и справедливость, управляютъ міромъ, но при томъ такъ, что свобода человѣческая нисколько не нарушается; она только ограничивается съ одной стороны внѣшними обстоятельствами, съ другой—абсолютными началами правды и нравственности, написанными неизгладимыми чертами въ сердцѣ человѣка. Такимъ образомъ въ устроеніи судьбы каждаго человѣка можно усмотрѣть участіе трехъ дѣятелей — промысла Божія, великихъ нравственныхъ началъ и человѣческой свободы [1]). Между тѣмъ, англійская драма до Шекспира представляетъ три момента развитія: мистеріи, «моралите» и интерлюдіи. Стоитъ ихъ только обозначить названными тремя идеями и систематическая исторія англійской драмы — готова. Ульрици не могъ устоять противъ такого искушенія. Три начала, говоритъ онъ, обусловливаютъ собою развитіе англійской драмы. Мистеріи смотрятъ на все происходящее въ мірѣ слишкомъ односторонне, видятъ въ немъ только актъ божественной воли; съ точки зрѣнія «моралите», оно есть результатъ дѣятельности великихъ нравственныхъ началъ, управляющихъ міромъ; наконецъ въ интерлюдіяхъ Гейвуда гос-

---

[1]) Shakspeare's Dramatische Kunst. Zweite Auflage. 314—315 стр.

подствуетъ воззрѣніе, что дѣйствіе имѣетъ свой источникъ въ человѣческомъ произволѣ [1]. Изумленный читатель можетъ въ недоумѣніи спросить: что же останется Шекспиру, очевидно опоздавшему на раздѣлъ зиждительныхъ идей англійской драмы? Отвѣтъ представляется самъ собою. Такъ какъ Шекспиръ считается творцомъ новой драмы, то въ его міросозерцаніи должно произойти соединеніе воззрѣній, проявившихся по одиночкѣ въ мистеріяхъ, моралитѐ и интерлюдіяхъ. Ульрици завѣряетъ, что такъ и было на самомъ дѣлѣ. «Позднѣйшая драма до Грина и Марлова включительно тщетно стремится органически слить эти воззрѣнія; художественное соединеніе ихъ мы встрѣчаемъ только у Шекспира». Отсюда слѣдуетъ выводъ, что характеристическая особенность Шекспира, какъ поэта, состоитъ въ томъ, что онъ въ своихъ драмахъ яснѣе и чище, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, съумѣлъ выразить христіанское міросозерцаніе. Повидимому, взглядъ Ульрици значительно отступаетъ отъ Гегелева пантеизма, но если всмотрѣться глубже, нельзя не замѣтить, что новая христіанская окраска его мало измѣняетъ сущность дѣла, и Ульрици продолжаетъ развивать свои положенія на началахъ гегелевой философіи искусства. Подобно своему учителю, онъ сводитъ весь интересъ драмы на борьбу идей, изъ которыхъ каждая желаетъ своего исключительнаго господства во внѣшнемъ мірѣ; но подобное исключительное стремленіе могло бы нарушить гармонію нравственнаго міра, и на этомъ основаніи онъ вездѣ приписываетъ Шекспиру желаніе окончить драму такъ, чтобы зритель вышелъ изъ театра, окончательно успокоенный на счетъ незыблемости гармоніи нравственнаго міра.

Прилагая свой взглядъ къ отдѣльнымъ произведеніямъ Шекспира, Ульрици пришелъ къ заключеніямъ, одинаково ложнымъ, какъ съ эстетической, такъ и съ нравственной точки зрѣнія. Онъ начинаетъ свою критику разборомъ одного изъ лучшихъ плодовъ шекспировскаго творчества—«Ромео и Юліи». «Въ этой трагедіи, говоритъ онъ, изображено трагическое столкновеніе правъ и обязанностей: съ одной стороны взаимная любовь Ромео и Юліи съ своими законными правами, бракъ любовниковъ, какъ необходимое условіе ихъ взаимной любви, какъ не только субъективная, но и объективная необходимость, потому что истинная любовь должна кончиться соединеніемъ; съ другой стороны столько же законное право родителей, священная грань семейныхъ началъ, переступить черезъ которую никто не можетъ безнаказанно. Правое и неправое такъ переплетено здѣсь, что священное право

[1]) Ibid. стр. 316.

любящихъ принадлежать другъ другу есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и несправедливость относительно родителей, а ихъ тайный бракъ есть въ тоже время и нравственный и безнравственный поступокъ» [1]). Не говоря уже о томъ, что подобное воззрѣніе лишаетъ искусство его самостоятельнаго значенія, переводя его изъ сферы живого и индивидуальнаго въ сферу логическихъ отвлеченій, самый нравственный вопросъ, поставленный сюжетомъ драмы, понятъ авторомъ слишкомъ абстрактно, и потому не вѣрно. Ульрици заблуждается, думая, что Ромео и Юлія непремѣнно должны были оказаться виновными или передъ родителями или передъ своимъ собственнымъ чувствомъ. Если въ данномъ случаѣ нѐ было возможности поступить справедливо, тогда бы не было и нравственности [2]). Нужно только отличать истинную нравственность отъ условной морали, которая принимаетъ различныя формы у различныхъ народовъ и постоянно мѣняется подъ вліяніемъ духа времени. Истинная же нравственность должна удовлетворять въ одно и тоже время требованіямъ разума и совѣсти, которыя въ одинъ голосъ повторяютъ, что всякій человѣкъ не только имѣетъ право, но и обязанность дѣйствовать согласно своему внутреннему убѣжденію. Конечно, доводы Ульрици имѣли бы свое значеніе, если бы Ромео и Юлія хоть одну минуту думали принести свою любовь на жертву формальному долгу. Но всякій, кто читалъ драму Шекспира, очень хорошо знаетъ, что трагизмъ здѣсь основанъ вовсе не на внутренней борьбѣ, не на колебаніи между сциллой и харибдой двухъ различныхъ видовъ нравственнаго долга, а на господствѣ предразсудковъ, семейной вражды и деспотизма родительской власти. Сами герои нисколько не сомнѣваются въ своемъ священномъ правѣ принадлежать другъ другу и думаютъ только о томъ, чтобъ побѣдить внѣшнія препятствія къ своему союзу; въ этомъ правѣ не сомнѣвается также и Лоренцо, оффиціальный представитель христіанской нравственности, самъ скрѣпившій благословеніемъ церкви тайный союзъ Ромео и Юліи; наконецъ есть основаніе думать, что въ немъ не отказываетъ любовникамъ и самъ поэтъ, иначе онъ не освѣтилъ бы ихъ любовь такимъ поэтическимъ свѣтомъ и не оплакалъ бы ихъ судьбу такими симпатическими, теплыми слезами. А потому намъ кажется въ высшей степени невѣрнымъ взглядъ Ульрици на развязку драмы, въ которой онъ видитъ, какъ и можно было ожидать, не болѣе какъ разрѣшеніе противорѣчій

---

[1]) Shakspeare's Dramatische Kunst, стр. 349.

[2]) См. объ этомъ рецензію Данцеля на сочиненіе Ульрици въ его Gesammelte Aufsätze. Leipzig. 1855.

въ сферѣ нравственныхъ началъ. По словамъ Ульрици, развязка драмы Шекспира есть примиреніе трагическихъ коллизій, разрѣшеніе противорѣчій въ сферѣ нравственности. Любовь Ромео и Юліи находитъ признаніе своихъ правъ въ смерти обоихъ любовниковъ и даже, можно сказать, посредствомъ ихъ смерти, ибо только смерть снимаетъ съ нея страстный, исключительный характеръ. Она не нарушаетъ болѣе ничьихъ правъ, и любовники соединяются на вѣки въ могилѣ съ согласія своихъ родителей. Съ другой стороны, таже сила любви, столько же связывающая, сколько и разрѣшающая, расплавляетъ ледяную стѣну, отдѣлявшую сердца въ Монтекки и Капулетти; на могилѣ Ромео и Юліи засыпаетъ ихъ старинная вражда и даже переходитъ въ любовь [1].

Итакъ, Ромео и Юлія могутъ утѣшиться въ своей безвременной могилѣ тѣмъ, что ихъ родители сжалились надъ ними и дали наконецъ свое согласіе на ихъ загробный союзъ и что самая смерть принесла пользу человѣчеству, примиривъ между собою веронскихъИвановъ Иванычей съ веронскими Иванами Никифоровичами! Вотъ какого рода размышленія внушаетъ нашему автору трогательная повѣсть о любви Ромео и Юліи, пробуждающая въ каждой живой душѣ тотъ сочувственный отголосокъ, который, по прекрасному выраженію Шлегеля, можно сравнить съ однимъ долгимъ, безконечнымъ вздохомъ. Высокая поэзія этой любви остается закрытой книгой для философа, который видитъ въ мірѣ не людей, а ходячія олицетворенія нравственныхъ понятій и смотритъ на ихъ борьбу и страданія съ такимъ же безучастіемъ, съ какимъ астрономъ изучаетъ движеніе свѣтилъ небесныхъ. Ульрици даже не въ состояніи понять, откуда это у такой молоденькой дѣвушки, какъ Юлія, могла явиться такая страсть, такое нетерпѣнье, такая энергія, что она ни мало не задумывается разорвать всѣ связи съ семьей, лишь бы только соединиться съ своимъ Ромео; онъ даже не прочь видѣть въ этомъ вліяніе старой грѣшницы няни, по всей вѣроятности разжигавшей воображеніе Юліи своими сладострастными разсказами.

Въ своемъ разборѣ «Ромео и Юліи» Ульрици является ревностнымъ защитникомъ идеи семейнаго союза; справедливость требуетъ замѣтить, что и идея любви пользуется въ значительной степени его сочувствіемъ. Горе тѣмъ, кто осмѣлится идти противъ нея! Отчего, напримѣръ, погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ блестящій графъ Парисъ, котораго старый Капулетти прочилъ въ мужья своей дочери? Извѣстно, что онъ не совсѣмъ ловко наткнулся на шпагу

---

[1]) Shakspeare's Dramatische Kunst, стр. 358.

Ромео, но это объясненіе не имѣетъ философскаго характера, оказывается случайностью, а по мнѣнію Ульрици, въ драмахъ Шекспира нѣтъ ничего случайнаго; всякая сцена, всякая ничтожная подробность стоитъ въ связи съ идеей произведенія и въ свою очередь объясняетъ его. Гибель Париса не была случайностью. По словамъ Ульрици, его смерть имѣетъ свое основаніе въ его пошломъ и безсердечномъ взглядѣ на любовь, и за это божественное начало любви отмщаетъ ему. Меркуціо тоже презрительно отзывался о любви, считалъ ее пустяками — и «дорого поплатился за свои остроты! ибо этимъ онъ оскорбилъ божественную силу любви, которая здѣсь, какъ нравственная необходимость, играетъ роль судьбы», и мщеніе ея не замедлило надъ нимъ разразиться. Эта расправа идеи съ своими противниками нѣсколько жестока, но Ульрици видитъ въ ней блестящее проявленіе поэтической справедливости Шекспира. Философская критика особенно гордится тѣмъ, что она впервые открыла эту идею, будто бы освѣщающую произведеніе Шекспира новымъ неожиданнымъ свѣтомъ. Еслибъ эта идея была выведена путемъ непосредственнаго изученія Шекспировой драмы, то она имѣла бы свой raison d'être, но дѣло въ томъ, что она перенесена цѣликомъ изъ другой области, не имѣющей ничего общаго съ искусствомъ и потому разбивается въ прахъ при первой повѣркѣ ея фактами. Какъ истый гегельянецъ, Ульрици видитъ въ драмахъ Шекспира полное выраженіе божественнаго правосудія, царствующаго въ мірѣ. Поэтическое правосудіе требуетъ, чтобы каждой личности, выводимой въ драмѣ, поэтъ воздалъ должное и тѣмъ укрѣпилъ бы нравственное чувство зрителя. Сообразно этому, Ульрици утверждаетъ, что у Шекспира нѣтъ ничего случайнаго, ничего неожиданнаго; трагическая судьба, постигающая его героевъ, есть прямое слѣдствіе ихъ поступковъ, нелицепріятное воздаяніе за совершенныя ими преступленія. Такъ какъ у Шекспира есть не мало примѣровъ, прямо противорѣчащихъ этой теоріи, то Ульрици прибѣгаетъ ко всевозможнымъ натяжкамъ и софизмамъ, изобрѣтаетъ даже особенные законы трагическаго паѳоса, чтобы только убѣдить своихъ читателей въ неумытной справедливости Шекспира. Послѣднее впрочемъ не всегда ему удается, какъ это можно видѣть напр. изъ его объясненія смерти Корделіи. Извѣстно, что эта прямая, правдивая до рѣзкости, но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко-любящая натура терпитъ участь болѣе злую, чѣмъ ея коварныя сестры. Послушаемъ, какъ Ульрици объясняетъ ея безвременную и позорную смерть: «Корделія платится за проступокъ, совершенный ею въ началѣ драмы, когда вмѣсто того, чтобъ кротко уступить капризу престарѣлаго отца,

она отвѣтила ему съ недѣтской строптивостью и его отчасти неразумный образъ дѣйствій встрѣтила жестко и сурово. За это проклятіе отца тяготѣетъ надъ ней и влечетъ ее къ гибели». Допустимъ, что проклятіе полупомѣшаннаго старика можетъ имѣть такія страшныя послѣдствія; все же это предположеніе нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, выходитъ, что Корделія, искупившая свой проступокъ самой преданной, благоговѣйной любовью къ отцу, сдѣлавшаяся подъ конецъ ангеломъ-хранителемъ его старости, подвергается участи худшей, чѣмъ Регана и Гонерилья, заплатившія за благодѣяніе Лира самой черной неблагодарностью. Самъ Ульрици видно чувствовалъ неловкость подобнаго объясненія, потому что вслѣдъ за нимъ онъ дѣлаетъ новую и, конечно, еще болѣе неудачную попытку вывести необходимость гибели Корделіи изъ придуманныхъ имъ ad hoc законовъ трагическаго паѳоса. Онъ сознается, что проступокъ Корделіи не былъ особенно важенъ, но чѣмъ меньше проступокъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе трагическаго паѳоса. Ибо сила трагическаго паѳоса состоитъ въ томъ, что онъ обрекаетъ на гибель и добро, если оно хоть немного уклонилось отъ своей природы, и самое отъявленное зло [1]). Къ такимъ парадоксамъ каждый разъ приходится прибѣгать философской критикѣ, если она во что бы то ни стало хочетъ отстоять идею поэтической справедливости у Шекспира. Отказаться же отъ этой идеи она не имѣетъ силъ, потому что тогда падутъ сами собою такъ бережно лелѣемыя ею ученія о нравственномъ міроустройствѣ, гармоніи нравственныхъ началъ, которымъ она обязана своимъ существованіемъ. Ульрици упорно вѣритъ въ существованіе неразрушимой гармоніи между зломъ и наказаніемъ, добродѣтелью и наградой, и не можетъ допустить, чтобъ въ драмѣ, которая считается отраженіемъ жизни, могло быть допущено даже временное торжество зла и неправды. Если добро гибнетъ, значитъ оно не вполнѣ добро, значитъ на немъ есть пятна, которыя должны быть смыты тяжелыми испытаніями и даже смертью. Нельзя спорить, что въ концѣ концовъ торжество добра и истины несомнѣнно, ибо имъ условливается прогрессъ человѣчества, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждое событіе могло быть истолковано въ смыслѣ этого торжества; извѣстно, что идея прогресса часто избираетъ извилистыя дороги, требуетъ себѣ мучениковъ и жертвъ. Чье сердце не обливалось кровью при видѣ торжества зла, деспотизма и невѣжества, надъ попраннымъ правомъ, надъ униженною личностью человѣка? Даже увѣрен-

[1]) Ibid. 402—403.

ность, что это торжество временное, не всегда можетъ насъ утѣшить. На этомъ-то постоянномъ отсутствіи соотвѣтствія между добромъ и наградой, зломъ и наказаніемъ, Кантъ основалъ свою философскую вѣру въ будущую жизнь, гдѣ должно наконецъ наступить царство этой гармоніи, такъ долго и тщетно искомой нами на землѣ. Что Шекспиръ далеко не раздѣлялъ всѣхъ убѣжденій, которыя ему навязываетъ философская критика, видно между прочимъ изъ того, что на него находили минуты, когда, утомленный созерцаніемъ зла и несправедливости на землѣ, онъ жадно призывалъ покой смерти [1]). Но философская критика пренебрегаетъ такими фактами; она выводитъ свои заключенія только изъ собственнаго сознанія и заботится только о томъ, чтобъ какъ-нибудь не закралось противорѣчіе въ ея логическихъ построеніяхъ. Для всякаго внимательно изучающаго произведенія Шекспира видно, что въ каждой изъ его драмъ замѣтно одно преобладающее настроеніе. Уже изъ одного такого настроенія было бы естественнѣе объяснить смерть Корделіи, чѣмъ прибѣгать къ такимъ парадоксамъ, какъ напр. статья Эльмана [2]), гдѣ необходимость гибели Корделіи выводится изъ того, что она была не настолько умна и энергична, чтобъ самой овладѣть событіями; «хотя она (наивно замѣчаетъ авторъ), и была чиста какъ голубка, но къ сожалѣнію не имѣла мудрости змѣи». Но нѣтъ сомнѣнія, что Шекспиръ руководился въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, всего болѣе эстетическими и даже чисто сценическими соображеніями. Не умри Корделія отъ руки палача, и мы не имѣли бы той потрясающей сцены, когда Лиръ выходитъ на сцену съ мертвой дочерью на рукахъ. Правда, послѣ этой сцены, заключающей драму, зритель выходитъ изъ театра непримиреннымъ; у него даже можетъ родиться сомнѣніе, дѣйствительно-ли существуетъ на землѣ та пресловутая гармонія нравственнаго міра, о которой такъ много говорятъ философы. Мы глубоко убѣждены, что Шекспиръ, первородный сынъ второй половины XVI вѣка, произведшаго реальную философію Бэкона и «Фауста» Марло, не могъ имѣть въ виду подобныхъ требованій отъ искусства. Устами Гамлета (актъ III, сцена I) онъ настоятельно требовалъ отъ драмы, чтобъ она была зеркаломъ дѣйствительности, вѣрно отражала въ себѣ ея хорошія и дурныя стороны—и мы не имѣемъ никакого права навязывать ему наши собственныя художественныя теоріи.

---

[1]) См. 66 сонетъ. Tir'd with all these, for restful death I cry, и пр.

[2]) Cordelia als tragischer Character, въ Jahrbuch der deutchen Shakspeare-Gesellschaft, II Band.

Да и къ чему было Шекспиру насиловать себя, представляя жизнь въ розовомъ свѣтѣ, когда современная ему дѣйствительность, можетъ быть, ежедневно наводила его на мрачныя мысли? Онъ съ полнымъ правомъ могъ допустить въ свои трагедіи принципъ случайнаго, неожиданнаго, временное торжество порока, гибель добродѣтели, потому что подобныя возмущающія душу явленія встрѣчались весьма часто въ его время. Кромѣ того, намъ кажется, что Шекспиръ, допустивши Корделію погибнуть наперекоръ легенды, откуда онъ заимствовалъ содержаніе своей драмы, поступилъ какъ истинный художникъ и тѣмъ оказалъ услугу и намъ и самой Корделіи. Дѣйствительно, есть какая-то тайная и грустная прелесть въ скорби по такой чистой и честной натурѣ. (Гегель называетъ это чувство eine unglück-selige Seligkeit in Unglück). Мысль о погибшей, но не униженной добродѣтели больше очищаетъ нашу душу, больше наводитъ ее на возвышенныя думы, чѣмъ развязка, основанная на такъ-называемомъ «примиреніи». Личности, *отмѣченныя трагической красотою страданія* (выраженіе Грановскаго), становятся намъ вдвойнѣ дороги; память о нихъ мы бережно носимъ въ нашемъ сердцѣ; мы любимъ ихъ еще болѣе оттого, что въ жизни имъ выпало такъ мало любви и такъ много горя. Это особый родъ вознагражденія за страданіе, и злополучная дочь короля Лира, перенесенная творческимъ геніемъ Шекспира въ воскрешающую область искусства, навсегда стала священнымъ лицомъ и любимицей всего міра.

Мы не будемъ вдаваться въ подробный обзоръ сочиненія Ульрици; приведенными примѣрами достаточно уясняются тѣ противоположные пріемы, которыми руководствуется философская критика при объясненіи Шекспира. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ разборѣ его историческихъ драмъ Ульрици во многомъ отступаетъ отъ своихъ предвзятыхъ идей. Соотвѣтственно этому и самое изложеніе его становится живѣе, сбрасываетъ съ себя тяжелую педагогическую оправу философской рѣчи и мѣстами возвышается до истинной поэзіи. По нашему мнѣнію, эти главы— лучшія во всей книгѣ.

При обзорѣ сочиненія Ульрици мы старались выставить на видъ ту тѣсную связь между философіей и критикой, которая обусловила собою подчиненное положеніе послѣдней. Связанная догматизмомъ теоріи, не дозволявшимъ ей свободно отдаться могучимъ впечатлѣніямъ шекспировской поэзіи, критика подвергала драмы Шекспира всевозможнымъ искаженіямъ, смыслъ ихъ то расширялся, то съуживался, смотря по надобности. Это направ-

леніе господствуетъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Рётшера [1]). Задача его критики состоитъ не въ томъ, чтобы выяснить художественныя достоинства произведеній Шекспира и тѣмъ осмыслить производимыя ими на насъ впечатлѣнія, сколько въ томъ, чтобъ извлечь сумму заключающихся въ нихъ идей. Въ этомъ отношеніи критика Рётшера представляетъ поразительное сходство съ критикой его предшественника. Разница только въ томъ, что Ульрици извлекаетъ изъ Шекспира преимущественно назидательные элементы; одинъ англійскій критикъ вѣрно замѣтилъ, что идеи шекспировыхъ драмъ служатъ ему точно текстомъ для проповѣдей; у Рётшера нравственные вопросы отступаютъ на второй планъ, а на первый планъ выдвигаются философскіе. Философская критика видитъ единство драмы не въ единствѣ дѣйствія, подобно Аристотелю, не въ единствѣ характера, подобно Лессингу, но въ единствѣ идеи, будто бы положенной Шекспиромъ въ основу каждой драмы. Ульрици особенно распространяется объ этомъ предметѣ. По его словамъ, идея есть всепроникающая душа драмы, освѣщающая своимъ свѣтомъ всѣ ея составныя части, опредѣляющая выборъ характеровъ, завязку и ходъ дѣйствія. Дѣйствующія лица суть только носители, сосуды этой идеи; ихъ поступки и судьба тѣсно связаны съ ея осуществленіемъ. Рётшеръ идетъ той же дорогой. Подобно Ульрици, онъ прежде всего старается опредѣлить идею драмы и изъ нея уже выводитъ ходъ дѣйствія, развитіе характеровъ и даже техническую сторону произведенія [2]). Мы ничего не имѣемъ возразить противъ правильности логическихъ построеній философской критики; заключенія у нея всегда строго вытекаютъ изъ посылокъ, но дѣло въ томъ, что самыя посылки страдаютъ философскимъ формализмомъ и не могутъ быть прилагаемы къ художественнымъ произведеніямъ, не насилуя ихъ природы. Гёте зло посмѣялся надъ философскимъ направленіемъ нѣмецкой критики, которое стало входить въ моду въ послѣдніе годы его жизни. Разговаривая съ Эккерманомъ о новыхъ явленіяхъ въ этой области, великій поэтъ выразился такъ: «въ серебряныя вазы своихъ произведеній Шекспиръ положилъ золотыя яблоки своихъ идей. Изучая его произведенія, мы скоро овладѣваемъ серебряными вазами, но только для того, чтобъ на мѣсто золотыхъ

---

[1]) Для нашей цѣли важны его «Abhandlungen zur Philosophie der Kunst», 4 выпуска 1837—1842. Здѣсь помѣщены между прочимъ разборы «Ромео и Юліи», «Венеціанскаго Купца», «Короля Лира» и пр.

[2]) См. Разборъ Рётшеровыхъ «Abhandlungen» въ Neue Jenaische Literatur-Zeitung 1843, № 274 — 276.

яблокъ положить туда нашъ нѣмецкій картофель» [1]). Вся послѣдняя часть его бесѣдъ съ Эккерманомъ полна признаніями въ подобномъ родѣ. Онъ негодуетъ на тѣхъ критиковъ, которые во что бы то ни стало добивались, какая идея воплощена въ его Фаустѣ. «Хорошъ бы я былъ, нечего сказать (сказалъ по этому поводу Гёте), если бы всю ту пеструю и разнообразную жизнь, которая выведена въ моемъ Фаустѣ, я вздумалъ нанизать на тощій шнурокъ одной всепроникающей идеи. Да вообще говоря, развѣ дѣло поэта воплощать въ своихъ произведеніяхъ абстрактныя понятія? Я воспринялъ извѣстное впечатлѣніе и какъ поэтъ, я забочусь только о томъ, чтобъ дать ему вызрѣть въ моей душѣ до степени художественнаго представленія и потомъ выразить его такъ, чтобъ и другіе почувствовали тоже, что я чувствовалъ». Вотъ какъ понималъ задачи поэта величайшій художникъ нынѣшняго столѣтія! Повидимому, эти драгоцѣнныя признанія, открывающія намъ тайны творческой дѣятельности поэта и произнесенныя такимъ литературнымъ авторитетомъ, какъ Гёте, должны были оказать не малое вліяніе на направленіе нѣмецкой критики. Вмѣсто этого, позднѣйшая шекспировская критика представляетъ только рядъ безсильныхъ попытокъ заковать кипучую, безконечно-разнообразную жизнь произведеній Шекспира въ формулы гегелевой философіи, или, говоря словами Гёте, нанизать ее на тощіе шнурки различныхъ идей? Несмотря на многократныя увѣренія Рётшера, что онъ не сторонникъ этой теоріи, взглядъ его на трагическую коллизію, катастрофу и т. д. въ сущности представляетъ только болѣе систематическое развитіе идей Ульрици. Въ своемъ разборѣ «Короля Лира» онъ не разъ возвращается къ той мысли, что всякое художественное произведеніе есть нѣкотораго рода аллегорія съ тѣмъ только различіемъ, что въ ней частное и индивидуальное представляетъ интересъ само по себѣ [2]). О «Венеціанскомъ купцѣ» онъ выражается такъ: сущность этой драмы состоитъ въ раскрытіи діалектики абстрактнаго права [3]). Вездѣ мы встрѣчаемся у него съ знакомыми намъ идеями нравственнаго міропорядка, трагической вины и поэтической справедливости; нигдѣ сила непосредственнаго впечатлѣнія не выноситъ его изъ этого лабиринта. Для примѣра позволяемъ себѣ привести въ сокращеніи его взглядъ на «Ромео и Юлію», въ ко-

---

[1]) Eckermann, Gespräche mit Goethe, I, стр. 232.

[2]) Abhandlungen zur Philosophie der Kunst, von Theodor Rötscher. I Abtheilung, стр 32. Ср. эти слова съ словами Ульрици Shakspeare's Dramatische Kunst, стр. 300.

[3]) Abhandlungen, Vierte Abtheilung, стр. 102.

торомъ читатели безъ трда узнаютъ нѣсколько видоизмѣненный взглядъ Ульрици. «Ромео и Юлія» есть трагедія любви; трагедія любви должна имѣть своимъ абсолютнымъ паѳосомъ одну любовь; все остальное въ драмѣ получаетъ свое значеніе только по отношенію къ ней. Подъ паѳосомъ любви мы разумѣемъ ту стремительную силу этого чувства, когда оно охватываетъ всего человѣка, покоряетъ себѣ всѣ его ощущенія. Такая любовь стала возможной лишь въ новыя времена, и потому она можетъ быть названа романтической. Это внутреннее неодолимое чувство, не признающее ничего другого, кромѣ требованій сердца, непремѣнно приходитъ въ столкновеніе съ дѣйствительностью, и такое столкновеніе не случайно; источникъ его лежитъ въ самомъ паѳосѣ этого чувства [1]). Но сколько извѣстно, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ мірѣ нѣтъ такого закона, по которому любовь непремѣнно вызывала бы силу ей противоположную. Если любовь зачастую сталкивается съ враждебной ей дѣйствительностію, то въ природѣ любви не лежитъ необходимости подобнаго столкновенія. Не даромъ говорятъ, что любовь все сглаживаетъ, все примиряетъ. Очевидно, столкновеніе здѣсь дѣло условное, которое могло быть и не быть. Шекспиръ выбралъ для своей драмы одну обстановку, но могъ выбрать другую, и въ этомъ выборѣ онъ руководствовался не метафизическими соображеніями, но слѣдовалъ своему художественному инстинкту, ясно указывавшему ему, сколько драматическихъ мотивовъ заключаетъ въ себѣ трогательная повѣсть о несчастной любви Ромео и Юліи. Фаталистическая основа Рётшерова взгляда на трагическую коллизію Шекспировой драмы ничѣмъ не лучше столкновенія правъ и обязанностей, на которомъ Ульрици основалъ свою критику. Исходя одинаково отъ абстрактныхъ идей, оба критика естественно должны были придти къ одинаковымъ выводамъ. Ульрици видитъ трагическое примиреніе въ томъ, что со смертью Ромео и Юліи любовь ихъ очистилась отъ своего исключительнаго характера и даже стала источникомъ примиренія между враждующими домами Монтекки и Капулетти. Рётшеръ тоже думаетъ, что смерть героевъ трагедіи освобождаетъ ихъ чувства отъ исключительности и односторонности, неразлучной съ истинно-трагическимъ паѳосомъ, и утѣшаетъ себя въ смерти Ромео и Юліи тѣмъ, что она сдѣлалась почвой примиренія между ихъ родными, и тѣмъ пріобрѣла возвышенное значеніе жертвы для цѣлости нравственнаго міра (für ein sittliches Ganze) [2]).

---

1) Abhandlungen, Vierte Abtheilung, стр. 7.

2) Ibid., стр. 9, 13.

Изученіе драмы, современной Шекспиру, могло бы показать Рётшеру, насколько драматурги XVI в. были далеки отъ отвлеченныхъ соображеній подобнаго рода. Но историческое изученіе является камнемъ преткновенія для философовъ, и они по возможности стараются обойти его. Самъ Ульрици, много работавшій надъ исторіей англійской драмы, очевидно не придаетъ значенія своимъ трудамъ и въ одномъ мѣстѣ даже выражаетъ мысль, что кто видитъ въ художественныхъ произведеніяхъ непосредственное откровеніе вѣчнаго въ человѣческомъ духѣ, тому не представляютъ никакого интереса временныя условія ихъ происхожденія. Вся критика Рётшера есть только дальнѣйшее развитіе и объясненіе этой мысли. Художественное произведеніе представляется ему чѣмъ-то отвлеченнымъ, висящимъ въ воздухѣ, не имѣющимъ корней въ прошедшемъ, не бросающимъ плодотворныхъ сѣменъ въ будущее. Онъ ничего не хочетъ знать о состояніи драматическаго искусства въ Англіи въ концѣ XVI в., о потребностяхъ тогдашней публики, о той жизни, которую отразилъ Шекспиръ въ своихъ типахъ. Шекспиръ ему кажется міровымъ поэтомъ, имѣвшимъ въ виду не вкусы современнаго ему общества, не сцену театра Globe, а человѣчество вообще, пѣвцомъ гармоніи нравственнаго міра, посвящавшимъ свою художническую дѣятельность на разъясненіе въ драматической формѣ нравственныхъ и философскихъ вопросовъ. Оттого онъ придаетъ многимъ вещамъ такое значеніе, какого онѣ не могли имѣть у Шекспира. Подобно Ульрици, онъ думаетъ, что никакое художественное произведеніе не можетъ кончиться диссонансомъ; смерть Ромео и Юліи кажется ему, какъ мы сейчасъ видѣли, чѣмъ-то въ родѣ искупительной жертвы, принесенной Шекспиромъ идеѣ нравственнаго міропорядка, нарушеннаго исключительными притязаніями несчастныхъ любовниковъ; между тѣмъ какъ самый поверхностный взглядъ на новеллу, послужившую источникомъ Шекспиру, могъ бы навести его на другое рѣшеніе. Даже самъ Гегель, у котораго эти философы заимствовали свой взглядъ на значеніе трагической развязки, не затрудняется объяснить гибель Ромео и Юліи изъ обстоятельствъ окружающей ихъ враждебной обстановки и съ грустью замѣчаетъ, что почва, на которой распустились эти нѣжныя души, была слишкомъ неблагопріятна для ихъ развитія, и намъ ничего не остается болѣе, какъ оплакивать непрочность ихъ чудной любви, расцвѣтшей, подобно розѣ, въ печальной долинѣ нашего міра и сокрушенной бурнымъ дыханіемъ грозы, несмотря на всѣ усилія великодушной и предусмотрительной мудрости [1].

[1] Vorlesungen uber die Aesthetik. III. 574.

Столько же, если не больше, далеко отъ истины Рётшерово объясненіе смерти Корделіи. Онъ упрекаетъ Шлегеля въ томъ, что послѣдній считалъ смерть Корделіи только средствомъ, необходимымъ для развязки трагедіи, ибо Лиръ, вынесшій такъ много въ жизни, только вслѣдствіе смерти Корделіи могъ умереть трагически и думаетъ, что въ ней самой, въ ея отношеніяхъ къ этому міру должно заключаться оправданіе ея гибели. По его словамъ, Корделія, появленіе которой смягчило ея отца, подобно видѣнію кроткаго ангела, въ присутствіи которой душа великаго страдальца не только обрѣла забвеніе прошлаго, но и ощутила несказанное блаженство,—тѣмъ самымъ исполнила задачу своего существованія, и должна умереть. Очевидно, что и здѣсь Корделія является только средствомъ. По этому поводу А. Руге остроумно замѣчаетъ, что Шлегель объясняетъ смерть Корделіи, по крайней мѣрѣ, изъ художественныхъ цѣлей, а Рётшеръ видитъ въ Корделіи нѣчто въ родѣ мускуса, необходимаго, чтобы смягчить страданія ея отца [1]). На самомъ же дѣлѣ драма Шекспира не даетъ никакого повода къ подобнымъ предположеніямъ, потому что, если Шекспиръ имѣлъ въ виду присутствіемъ Корделіи вознаградить Лира за перенесенныя имъ страданія, то онъ заставилъ бы царственнаго страдальца умереть на рукахъ возлюбленной дочери, умереть, видя ее спокойной и счастливой. Вмѣсто этого передъ нами возстаетъ разрывающая душу картина: старый король выбѣгаетъ на сцену, неся на рукахъ бездыханную дочь, и въ нашихъ ушахъ еще раздаются эти пронзающія слова: зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса, а ты не можешь жить? Впрочемъ, самъ Рётшеръ не особенно горячо стоялъ за это объясненіе, оно его не удовлетворяло тѣмъ, что идея гармоніи нравственнаго міра не была настолько ясна, какъ бы ему хотѣлось, и вотъ онъ черезъ двадцать пять лѣтъ придумалъ другое, гдѣ идеямъ нравственнаго міропорядка, поэтической справедливости и т. д. воздано должное. Этимъ объясненіемъ, представляющимъ блестящій образецъ философской казуистики, мы и заключимъ обзоръ критической дѣятельности Рётшера. «Когда во главѣ французскаго войска Корделія идетъ войною на Англію, съ цѣлью защитить отца, она тѣмъ самымъ нарушаетъ любовь къ отечеству и вызываетъ народъ противодѣйствовать ея предпріятію. Какъ бы многіе ни оправдывали побужденіе, опредѣлившее поступокъ Корделіи, достоинство націи и любовь къ родинѣ повелѣваютъ имъ сражаться съ ней, ибо передъ самостоятельностью государства должны исчезнуть всякій разсчетъ и вся-

---

[1]) Herr Professor Rötscher, als Dramaturg. Von Arnold Ruge. Bromberg. 1846.

кое личное чувство. Ставши во главѣ войска, Корделія сама поставила себя въ эту коллизію и тѣмъ самымъ заслужила смерть. Тѣмъ не менѣе, когда мы вспомнимъ, что она является для отца ангеломъ-утѣшителемъ, разлука съ которымъ подкашиваетъ его послѣднія силы — гибель этого благороднаго и прекраснаго созданія трогаетъ насъ до глубины души. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ видѣть въ ея смерти торжество нравственнаго порядка.... Такимъ образомъ Шекспиръ торжествуетъ двойную побѣду: какъ поэтъ, возстановляя потрясенную гармонію нравственнаго міра и, какъ гражданинъ, удовлетворяя національному чувству британскаго народа»[1]).

Философское направленіе шекспировской критики нашло себѣ въ Германіи воспріимчивую и дѣятельную почву. Можно сказать, что каждый изъ послѣдующихъ критиковъ принесъ ему обильную дань; даже такіе серьезные и положительные умы, какъ напр. Гервинусъ, не вполнѣ свободны отъ этого направленія. Трудъ Гервинуса есть безспорно лучшее сочиненіе, когда-либо написанное о Шекспирѣ. Ни у кого изъ предшествующихъ критиковъ мы не встрѣтимъ такого честнаго отношенія къ своему дѣлу, какъ у Гервинуса. Видно, что авторъ долго и съ любовью трудился надъ своимъ предметомъ. Онъ внимательно изучилъ эпоху Елисаветы, характеръ драмы, современной Шекспиру, источники его произведеній; онъ коротко знакомъ со всѣми сколько-нибудь значительными сужденіями о Шекспирѣ, отъ Мильтона и Драйдена вплоть до новѣйшихъ американскихъ критиковъ Годсона, Рида и Уайта. У него можно иногда найти невѣрное освѣщеніе фактовъ, происходящее отъ увлеченія любимой мыслью, но никогда неточности показаній. Ученая совѣсть его неподкупна. Противники Гервинуса по большей части изъ его же книги почерпаютъ матеріалъ для своихъ возраженій, и Гервинусъ былъ правъ, поставивши эпиграфомъ своего труда слова Кольриджа, «что собиратели оброненныхъ мною колосьевъ можетъ быть обогатятся больше меня отъ моей жатвы». О Гервинусѣ было много говорено въ послѣднее время въ нашей литературѣ по поводу появленія его труда въ прекрасномъ переводѣ г. Тимоѳеева. Это избавляетъ насъ отъ обязанности подробно передавать содержаніе его сочиненія. Согласно плану нашей статьи, мы остановимъ вниманіе на заключительныхъ главахъ сочиненія Гервинуса, гдѣ изложены результаты его изслѣдованій. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что послѣдніе томы его труда, сколько намъ извѣстно, не появились еще въ русскомъ переводѣ.

---

[1]) Shakspeare in seinen höchsten Charactergebilden. Dresden. 1864. стр. 160.

Гервинусъ разсматриваетъ Шекспира съ двухъ сторонъ: 1) какъ художника и 2) какъ моралиста. Первая часть задачи выполнена имъ вполнѣ удовлетворительно. Принявъ исходной точкой мысль Лессинга о существенномъ, коренномъ отличіи древней драмы отъ новой, Гервинусъ развилъ ее до послѣднихъ результатовъ, подкрѣпилъ множествомъ фактовъ, и, такимъ образомъ окончательно выяснилъ вопросъ о принципахъ драматическаго творчества въ древнее и новое время. Въ нашемъ изложеніи мы постараемся представить ходъ идей Гервинуса, выражаясь, по возможности, его же словами.

Главное различіе древней драмы отъ новой состоитъ прежде всего въ ея несложности, въ ея сравнительно маломъ объемѣ. Она драматизируетъ одинъ миѳъ, одно сказаніе; оттого дѣйствіе ея не разбѣгается въ разныя стороны, а сосредоточивается возлѣ одного центральнаго пункта — трагической катастрофы. Матеріалъ древней драмы былъ однообразенъ и извѣстенъ всѣмъ; очевидно, новостью сюжета нельзя было заинтересовать зрителя, и задача драматурга состояла въ томъ, чтобъ обработать какъ можно изящнѣе форму драмы и извлечь какъ можно больше эффектовъ изъ этого одного драматическаго момента. Оттого древняя трагедія отлилась въ такую однообразную и стереотипную форму. Самые характеры древней трагедіи были несложны и не требовали такой тонкой характеристики, такого глубокаго психологическаго анализа, какъ личности новой драмы. Но съ развитіемъ общественной жизни, явилась трагедія Эврипида, комедія Аристофана, гдѣ мы встрѣчаемъ болѣе сложные характеры и больше разнообразія въ дѣйствіи. Въ новое время мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Между Шекспиромъ и высшимъ процвѣтаніемъ древней трагедіи лежитъ періодъ времени въ 2000 лѣтъ. Въ это время христіанство открыло новыя, невѣдомыя до тѣхъ поръ, глубины человѣческаго духа; тевтонское племя распространилось по Европѣ; крестовые походы познакомили человѣчество съ Востокомъ, Колумбъ и Васко де-Гама открыли новые міры на Западѣ; зацвѣла въ Европѣ новая религіозная и политическая жизнь; расширился горизонтъ человѣческаго знанія; жизнь стала полна тревогъ внутренней борьбы, сомнѣній, энтузіазма.... Это разнообразіе внѣшнихъ и внутреннихъ открытій и наблюденій должно было отразиться и въ литературѣ, и драма стала самой удобной формой, чтобы отразить въ себѣ разнообразіе жизни новаго человѣка. Законы развитія греческой драмы были постигнуты геніальнымъ умомъ Аристотеля. Главное, что онъ требовалъ отъ драмы, было единство дѣйствія. Драма должна быть такимъ цѣлымъ, изъ котораго ничего нельзя

было выбросить не повредивъ его природѣ; эпизоды допускаются только такіе, которые находятся въ тѣсной связи съ главнымъ дѣйствіемъ. У Шекспира и его современниковъ этотъ законъ единства дѣйствія не строго соблюдался; нерѣдко у него развиваются параллельно два самостоятельныя дѣйствія. Чѣмъ же замѣнялъ Шекспиръ единство дѣйствія? Мы уже сказали, что слабая сторона древней драмы была ея монотонность и однообразіе; этотъ недостатокъ лежитъ въ ея природѣ, потому что у нея на первомъ планѣ стояло не развитіе характеровъ, но дѣйствіе. Обрисовку драматическихъ характеровъ Аристотель считаетъ дѣломъ второстепеннымъ, ибо, по его словамъ, «трагедія изображаетъ не людей, а ихъ дѣла, ихъ счастливую или несчастливую судьбу; люди дѣйствуютъ не для того, чтобы выказывать свои характеры, но самые ихъ характеры могутъ проявляться только въ дѣйствіяхъ». Но характеръ и дѣйствіе такъ тѣсно связаны между собою, такъ условливаютъ другъ друга, что раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности, и мы даже пе можемъ сказать, что главнѣе: характеръ или дѣйствіе человѣка. Такое отношеніе между характеромъ и поступкомъ мы находимъ у Шекспира. Шекспиръ очень хорошо зналъ, что драматическій характеръ можетъ быть узнанъ только изъ поступковъ, можетъ проявить себя вполнѣ только въ дѣйствіи. Но еслибы предложить имъ на выборъ кипящій дѣйствіемъ и интригами французскій водевиль или трагедію съ малымъ дѣйствіемъ, какъ «Натанъ» Лессинга, то мы не сомнѣваемся, что Аристотель выбралъ бы первое, между тѣмъ какъ Шекспиръ и мы склонились бы на сторону Лессинга, потому что считаемъ характеръ источникомъ дѣйствія. Если принять въ разсчетъ время, то нельзя не отказать въ справедливости обѣимъ сторонамъ. Дѣйствительно, въ древней трагедіи обрисовка характеровъ стояла всегда на второмъ планѣ. Герои древней трагедіи дѣйствуютъ не изъ сильныхъ внутреннихъ побужденій, а влекомые неодолимой силой рока; поступки ихъ наполовину безсознательны и неожиданны для нихъ самихъ. Для насъ же, людей новаго времени, наибольшій интересъ составляетъ спуститься въ самую глубь человѣческаго духа, къ источникамъ страстей, помысловъ и дѣйствій, и потому наша драма, хотя уступаетъ древней въ пластичности, но за то далеко превосходитъ ее въ знаніи человѣческаго сердца. Такимъ образомъ, въ то время, когда Аристотель видѣлъ въ дѣйствіи главный предметъ драмы и соотвѣтственно этому утверждалъ, что единство дѣйствія есть основный законъ драматической экономіи, Шекспиръ отдавалъ должное и дѣйствію, и характеру, но явно склонялся на сторону послѣдняго. Единство же характера есть не

что иное, какъ сущность характера, его идея.... Эта-то идея, проникающая собою характеръ героя пьесы, сообщающая ему единство, управляетъ дѣйствіемъ и даетъ единство и всей пьесѣ. Принявъ принципомъ своего творчества единство характера, Шекспиръ могъ уклоняться отъ единства дѣйствія, усложнять его многочисленными эпизодами и т. д. Но онъ никогда не связывалъ во-едино два разнородныя дѣйствія, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ школы Бенъ-Джонсона; напротивъ того, всѣ эпизоды его драмъ, хотя, повидимому, далеко расходятся другъ съ другомъ, въ сущности тѣсно связаны своимъ отношеніемъ къ главнымъ лицамъ пьесы, и только такой умъ, какъ Гёте, могъ открыть въ этомъ, на первый взглядъ, нестройномъ развитіи и дробности дѣйствія, высочайшее, хотя и скрытое, искусство великаго художника [1]).

Таковы результаты, выведенные Гервинусомъ изъ сравнительнаго изученія древней и новой драмы. Казалось бы, обладаніе такимъ вѣрнымъ критеріумомъ, принятымъ непосредственно изъ рукъ Лессинга, могло застраховать Гервинуса отъ заманчивыхъ, но безплодныхъ уклоненій въ область философской критики. Но, къ сожалѣнію, онъ не вездѣ держится началъ, высказанныхъ имъ съ такой опредѣленностью; нерѣдко онъ впадаетъ въ ошибки своихъ предшественниковъ; идея характера, вслѣдствіе какого-то таинственнаго процесса, превращается у него въ общую философскую формулу, и изъ нея-то онъ пытается объяснить характеры дѣйствующихъ лицъ и тайну драматической постройки пьесы. Для примѣра позволяемъ себѣ напомнить читателямъ его разборъ «Венеціанскаго купца». Еще задолго до Гервинуса, Ульрици утверждалъ, что этой комедіей Шекспиръ хотѣлъ разъяснить очень полезную для жизни истину, что summum jus—summa injuria. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ опредѣляетъ идею этой пьесы и Рётшеръ. Разбирая мнѣніе своихъ предшественниковъ, Гервинусъ нападаетъ не на методъ ихъ критики, а ограничивается тѣмъ, что, устраняя придуманныя ими идеи, какъ невѣрныя, онъ придумываетъ свою, еще болѣе общую, но столь же непримѣнимую къ данному случаю, какъ и предыдущія. По словамъ Гервинуса, задачей Шекспира въ этой комедіи было изобразить отношеніе человѣка къ богатству [2]). Дѣйствительно, золото играетъ важную роль въ комедіи Шекспира; но нельзя сказать, чтобъ отношеніями къ нему исчерпывалось все содержаніе выведенныхъ здѣсь характеровъ. Мы уже не

---

[1]) Shakspeare von Gervinus. Dritte Auflage. II, стр. 460 — 481.

[2]) Shakspeare von Gervinus. I, стр. 296.

разъ имѣли случай замѣтить, что богатое и разнообразное содержаніе шекспировыхъ драмъ видимо перерастаетъ тощія рамки, въ которыя хочетъ его заключить философская критика. Тоже можно сказать и о настоящемъ случаѣ. Дѣйствующія лица этой пьесы не бездушныя аллегоріи, но живые люди, въ характерахъ которыхъ могутъ встрѣчаться и дѣйствовать съ одинаковой силой самыя разнообразныя и даже противоположныя другъ другу стремленія. Трудно рѣшить, какая преобладающая черта въ характерѣ Шейлока, алчность или ненависть къ христіанамъ? У другихъ лицъ отношеніе къ богатству стоитъ на заднемъ планѣ и далеко не составляетъ движущаго начала ихъ существованія. Порція напр. жертвуетъ всѣмъ для любви; у Бассаніо и Антоніо чувство дружбы стоитъ выше корыстныхъ побужденій. Вообще, сочиненіе Гервинуса, несмотря на свои несомнѣнныя достоинства, не можетъ служить вполнѣ надежнымъ руководителемъ при изученіи Шекспировой драмы. Оно не только не свободно отъ предвзятыхъ идей философской критики, но съ своей стороны вноситъ новыя тенденціи нравственныя, политическія и соціальныя. Не нужно забывать, что сочиненіе Гервинуса вышло вскорѣ послѣ событій 1848 г., когда Германія была ринута въ колею великаго общественнаго движенія и вышла оттуда съ разбитымъ сердцемъ, съ пошатнувшейся вѣрой въ торжество великихъ идей свободы и единства Германіи. Мечты идеалистовъ были разсѣяны въ прахъ; всеобщее напряженіе умовъ кончилось, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, усталью и недовѣріемъ ко всякаго рода энтузіазму. Лучшіе умы погрузились въ прошедшее, чтобы вызвать оттуда энергическіе образы и представить ихъ въ укоръ молодому поколѣнію, умѣющему только создавать планы, утопіи, но не имѣющему практическаго смысла для дѣла. Въ шекспировской критикѣ того времени ярко отражается современное направленіе мысли; политическіе намеки вплетаются зачастую въ ткань историческаго изложенія и окрашиваютъ ее краснымъ цвѣтомъ-пропаганды. Главнымъ представителемъ этого направленія былъ Фезе, сочиненіе котораго о Шекспирѣ вышло въ 1851 [1]). Изъ самаго заглавія этого сочиненія видно его направленіе; Шекспиръ, какъ поэтъ, упоминается въ концѣ, очевидно для очищенія совѣсти. Авторъ преимущественно останавливается на политическомъ и общественномъ значеніи произведеній Шекспира и утверждаетъ, что Англія обязана Шекспиру своими свободными учрежденіями и сво-

---

[1]) Shakspeare als Protestant, Politiker, Psycholog und Dichter, von Ed. Vehse. 2 Bände.

имъ великимъ общественнымъ духомъ. «Шекспиръ, говоритъ онъ въ предисловіи, вывелъ своихъ соотечественниковъ изъ мрачной и затхлой атмосферы средневѣкового романтизма и теологіи на широкое поле политики, и оттого въ Англіи все идетъ иначе и лучше, чѣмъ у насъ. Что до насъ, то мы до сихъ поръ пребываемъ погруженные въ туманную атмосферу философіи и сантиментальнаго идеализма, созданную для насъ нашими философами и поэтами. Никто не поможетъ намъ, если мы не захотимъ помочь себѣ сами». Ставши разъ на эту точку зрѣнія, критика естественно должна была останавливаться подробнѣе на такихъ произведеніяхъ, откуда можно было извлечь болѣе здравыхъ политическихъ принциповъ или наконецъ такихъ, по поводу которыхъ можно было наговорить много хорошихъ вещей о необходимости практической дѣятельности, о безплодности мечтаній для жизни. Предметомъ ея изученія стали историческія драмы Шекспира, гдѣ вѣетъ мощный духъ средневѣкового рыцарства и въ особенности трагедіи изъ римской жизни, которыя Фезе называетъ «настоящими кладовыми политической мудрости» [1]), и наконецъ «Гамлетъ», въ которомъ видѣли ужасающее по своей вѣрности зеркало, поднесенное Шекспиромъ, въ минуту пророческаго прозрѣнія, нѣмецкому народу.

Таже политическая тенденція, таже глубокая гражданская скорбь слышится чуть не изъ каждой строки сочиненія Гервинуса. Конечно, внимательное историческое изученіе предмета въ связи съ серьезнымъ строго-научнымъ направленіемъ ума спасло Гервинуса отъ тѣхъ крайностей, въ которыя впалъ Фезе, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что не разъ политическія соображенія наклоняли вѣсы его критики не туда, куда слѣдовало, мѣшали ему стать на объективную точку зрѣнія, единственно удовлетворяющую требованіямъ науки. Говоря о «Гамлетѣ», онъ будто видитъ предъ собой Германію слабую, униженную, не доросшую до дѣла, и читаетъ ей грозные уроки. «Образъ, отраженіе котораго мы видимъ въ трагедіи Шекспира, представляетъ ужасающее сходство съ нами. Не я одинъ это говорю; кромѣ меня, это замѣтила тысяча людей. Одинъ изъ нашихъ политическихъ поэтовъ [2]) даже начинаетъ одно изъ своихъ стихотвореній словами: Гамлетъ—это Германія (Hamlet ist Deutschland). Это выраженіе не есть только остроумная игра словъ, потому что дѣйствительно до послѣдняго времени мы находились въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ датскаго принца; намъ вы-

---

[1]) Ibid. I, стр. 171.

[2]) Здѣсь Гервинусъ разумѣетъ Фрейлиграта.

пала на долю задача чисто-практическаго свойства, и въ рѣшеніи ея мы выказали совершенную отвычку отъ дѣятельности. Подобно Гамлету мы занимались культурой своего ума и сердца до забвенія внѣшняго міра; какъ у Гамлета, и у насъ завѣты Виттенберга лежали ближе къ сердцу, чѣмъ битвы за честь и могущество отечества. Словесные турниры нравились намъ болѣе, чѣмъ спокойное приготовленіе къ серьезнымъ задачамъ вѣка» [1]) На нѣсколькихъ страницахъ онъ продолжаетъ развивать туже мысль, изъ чего можно заключить, что разборъ «Гамлета» есть вмѣстѣ желанный поводъ излить патріотическую скорбь, накопившуюся у него на сердцѣ. Восторгъ, который ему внушаютъ энергическія личности въ родѣ Генриха V, находится въ прямомъ отношеніи съ тѣмъ безотраднымъ положеніемъ, на которое осуждена Германія за то, что заглушила въ себѣ этотъ первый принципъ человѣческой дѣятельности.

Переходимъ теперь къ вопросу о нравственномъ значеніи произведеній Шекспира, занимающемъ у Гервинуса самый видный пунктъ въ общей характеристикѣ Шекспировой драмы, потому что на немъ основывается взглядъ на Шекспира, какъ на нравственную личность. Вопросъ этотъ стоитъ того, чтобъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Разъясненію его авторъ предпосылаетъ характеристику времени Елисаветы, гдѣ онъ умѣлъ развернуть во всемъ блескѣ богатство своихъ историческихъ свѣдѣній и глубокое пониманіе духа эпохи. По нашему мнѣнію, эта глава Гервинусова труда заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія. Въ одномъ только можно упрекнуть почтеннаго автора— въ его, впрочемъ весьма понятномъ у историка, пристрастіи къ историческимъ параллелямъ. Два геніальнѣйшихъ человѣка Елисаветинской эпохи, Шекспиръ и Бэконъ, представители и творцы новыхъ направленій въ искусствѣ и наукѣ, сами напрашиваются на сравненіе ихъ между собою; но изъ того, что они жили въ одно и тоже время, еще не слѣдуетъ, что они должны были имѣть одинаковые взгляды на задачи своей дѣятельности. Сколько извѣстно, Бэконъ смотрѣлъ на науку преимущественно съ утилитарной точки зрѣнія; интересъ знанія, составляющій душу всякаго научнаго успѣха, стоялъ у него на второмъ планѣ; только знаніе, могущее увеличить сумму человѣческаго благосостоянія, имѣло въ его глазахъ какую-нибудь цѣну. Можетъ быть оттого онъ и не могъ подтвердить собственными опытами справедливость своего метода, какъ то нѣсколько лѣтъ тому назадъ было доказано Либихомъ. Таже точка зрѣнія господствуетъ и

[1]) Shakspeare von Gervinus. II, стр. 130 и слѣд.

въ его взглядѣ на поэзію; онъ не могъ объяснить себѣ происхожденіе лирической поэзіи и относилъ ее къ области краснорѣчія; самый холодный, прозаическій родъ поэзіи—поэзію аллегорическую онъ считалъ высшимъ проявленіемъ поэтическаго творчества (at poesis parabolica inter reliquas eminet). «Ея дидактическое достоинство, говоритъ по этому поводу историкъ Бэконовой философіи Куно Фишеръ, въ глазахъ Бэкона есть вмѣстѣ и поэтическое. Значеніе аллегорической поэзіи здѣсь возвышается не интересомъ къ искусству, а интересомъ къ наукѣ; эта поэзія кажется Бэкону тѣмъ поэтичнѣе, чѣмъ она *полезнѣе* и пригоднѣе другихъ поэтическихъ родовъ для науки» [1]. Если бы Шекспиръ смотрѣлъ такимъ же образомъ на свое искусство, если бы мы могли отыскать въ его драмахъ слѣды преднамѣреннаго дидактизма, то онъ могъ бы быть великимъ психологомъ, великимъ изслѣдователемъ въ области нравственности, всѣмъ чѣмъ угодно—только не поэтомъ и драматургомъ. Но за то Бэконъ навѣрное упомянулъ бы о немъ, говоря о драматической поэзіи. Между тѣмъ изъ самой книги Гервинуса мы узнаемъ, что Бэконъ отзывался о современномъ ему драматическомъ искусствѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ и называлъ самое ремесло актера безчестнымъ (infamous). Одно изъ двухъ, либо нравственно-дидактическій элементъ играетъ сравнительно неважную роль въ произведеніяхъ Шекспира, либо остается предположить, что геніальная проницательность измѣнила на этотъ разъ Бэкону, и тотъ, кто съумѣлъ раскрыть сокровенный смыслъ миѳовъ о Прометеѣ, Нарциссѣ и т. д., оказался слѣпъ передъ полными высокаго нравственнаго значенія драмами Шекспира. Мы думаемъ, что въ своихъ отзывахъ о современной ему драмѣ, Бэконъ былъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ. Не находя въ ней того, что̀ онъ считалъ необходимымъ условіемъ поэзіи, а именно нравственно-дидактическаго элемента, онъ прошелъ мимо нея съ улыбкой презрѣнія. А потому намъ кажется слишкомъ смѣлой попытка нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ, въ томъ числѣ Ульрици, Гервинуса и др., извлечь изъ произведеній Шекспира цѣлую нравственную систему, нѣчто въ родѣ руководства для жизни. Обыкновенно все зданіе подобныхъ доказательствъ строится на зыбкой почвѣ личныхъ впечатлѣній. По большей части критики основываютъ свои заключенія на отдѣльныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ, вложенныхъ Шекспиромъ въ уста дѣйствующихъ лицъ его драмъ. Такихъ мѣстъ, гдѣ видимо пробивается личный взглядъ Шекспира (какъ напр. въ бесѣдѣ Гамлета съ стран-

---

[1]) Ф. Бэконъ Веруламскій, соч. Куно-Фишера, пер. Страхова, стр. 131.

ствующими актерами) сравнительно очень не много; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ шекспировскіе герои говорятъ сообразно своему характеру и положенію. Даже тотъ многоиспытанный (и во многихъ случаяхъ примѣнимый къ комедіямъ) пріемъ, заставляющій насъ искать убѣжденія автора въ сужденіяхъ *добродѣтельныхъ* и *лучшихъ* лицъ пьесы оказывается совершенно не примѣнимымъ къ произведеніямъ Шекспира, ибо у него зачастую лица, подобныя Эдмунду въ «Королѣ Лирѣ», высказываютъ такія мысли, въ которыхъ такъ и хочется найти отголосокъ личныхъ убѣжденій поэта. Если мы читаемъ напр. въ «Макбетѣ» слѣдующія слова: «не лицемѣрное правосудіе подноситъ къ нашимъ губамъ нами же отравленный кубокъ», или: «мы сѣяли злое—и должны пожать злое», то, повидимому, отсюда мы имѣемъ полное право заключить, что, по мнѣнію Шекспира, никакое зло не остается ненаказаннымъ, что надъ нами бодрствуетъ недремлющее око божественнаго правосудія. Но тотъ, кто успокоится на этомъ утѣшительномъ убѣжденіи, можетъ придти въ отчаяніе, узнавши, что тотъ же поэтъ въ другой драмѣ проводитъ взглядъ, прямо противоположный высказанному имъ прежде. «Одинъ возвышается преступленіемъ, другой гибнетъ вслѣдствіе своей правоты» («Мѣра за мѣру»); «судьба виситъ надъ головою всѣхъ и поражаетъ безъ разбора праваго и виновнаго» («Ромео и Юлія»). «Мы для боговъ тоже, что мухи для дѣтей; они убиваютъ насъ для забавы» («Король Лиръ») [1]. Кажется, что болѣе пессимистическаго взгляда на жизнь не высказалъ еще ни одинъ поэтъ въ цѣлой вселенной. Но, повторяемъ, заключать изъ приведенныхъ нами мѣстъ о нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ Шекспира, значило бы не понимать сущности драматическаго творчества. Нѣсколько сотъ лицъ выведено Шекспиромъ въ его драмахъ; каждое изъ нихъ носитъ на себѣ неизгладимыя черты своей индивидуальности, говоритъ и дѣйствуетъ соотвѣтственно своему характеру и убѣжденіямъ. Притомъ же свѣдѣнія наши о внутренней жизни Шекспира такъ скудны, что мы не можемъ утвердительно сказать, въ какомъ отношеніи находятся его собственныя убѣжденія къ идеямъ, высказываемымъ имъ посредствомъ различныхъ личностей. Вѣрнѣе думать, что у Шекспира, какъ и у всякаго другого истиннаго художника, интересы поэзіи стояли на первомъ планѣ. Онъ не создавалъ лицъ, чтобы вложить въ нихъ свои личныя убѣжденія, но изображалъ человѣческую жизнь, какъ она отражалась въ магическомъ стеклѣ

---

[1]) Въ недавно вышедшей книгѣ Рюмелина приведено не мало примѣровъ въ подобномъ родѣ. См. Shakspeare; Studien von Rümelin. Stuttgart. 1866, стр. 162 и слѣд.

его творческой фантазіи. Жанъ-Поль въ одномъ изъ своихъ писемъ высказываетъ поразительно-вѣрную мысль, что истинный поэтъ, задумавши создать извѣстный характеръ, становится самъ какъ бы невольникомъ своего созданія. Задуманный характеръ развивается по своимъ собственнымъ законамъ, диктуетъ поэту свои мысли и поступки. Извѣстно, насколько пострадали драмы Шиллера оттого, что поэтъ внесъ въ свои изображенія весь лиризмъ и всю поэзію своего собственнаго сердца. Онѣ наполнились многими прекрасными монологами, но это обогащеніе произошло во вредъ ихъ драматическому достоинству, ибо дѣйствующія лица утратили свою непосредственность, индивидуальность, свою жизненную правду. Можно даже сказать, что сила драматическаго таланта прямо пропорціональна его объективности; онъ тѣмъ выше, чѣмъ вѣрнѣе отражаетъ въ себѣ жизнь и природу человѣческаго духа. Такими глубоко-объективными произведеніями могутъ по справедливости считаться произведенія Шекспира. О Шекспирѣ можно сказать, что онъ не нашептывалъ своимъ героямъ своихъ собственныхъ убѣжденій, а внимательно слѣдилъ за таинственнымъ процессомъ образованія ихъ характеровъ и наклонностей. Тѣмъ не менѣе родство ихъ съ поэтомъ несомнѣнно. Великая душа Шекспира смотрится сквозь ихъ души, окружаетъ ихъ рѣчи ореоломъ ослѣпительной поэзіи; присутствіе ея чувствуется всюду, но уловить черты ея нравственнаго облика невозможно. По крайней мѣрѣ всѣ попытки опредѣлить личныя убѣжденія Шекспира оказывались до сихъ поръ крайне несостоятельными. Даже попытка Гервинуса—плодъ его многолѣтняго изученія Шекспира—кажется намъ не вполнѣ удачной. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ болѣе подробнаго обзора, который мы отлагаемъ до слѣдующей статьи.

Н. Стороженко.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября, 1869.

Почтовое дѣло и почтовыя ревизіи. — Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 года. — Наши экономическія дѣла. — Спекуляція. — Биржа. — Банки. — Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ. — Выпускъ ассигнацій. — Кризисъ. — Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати. — Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. — Прекращеніе безпорядковъ въ Киргизскихъ степяхъ. — Виды въ будущемъ.

Наше общественное хозяйство ни въ какомъ случаѣ не ухудшилось въ послѣднее время, сравнительно съ прежнимъ, во многихъ отношеніяхъ оно можетъ быть названо даже улучшеннымъ, а между тѣмъ жалобы на то или другое неустройство въ хозяйствѣ въ наше время возросли. Причина такого явленія весьма проста: общественная жизнь получила теперь новое развитіе, а средства хозяйственныя возростали далеко не въ той степени, въ какой шло развитіе потребностей. Справедливость этого всего болѣе видна на нашемъ почтовомъ дѣлѣ; мы оставили позади себя, если позволено такъ выразиться, почтовую эпоху «тройки удалой», когда почта не играла такой важной роли въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ, какъ въ настоящее время. Еще не такъ давно мы не цѣнили и самое время такъ, какъ оно сдѣлалось цѣннымъ теперь, когда мы, отправляя письмо, разсчитываемъ не только день, но и часъ его полученія. Соотвѣтствуютъ ли такой потребности общества наши главные почтовые органы, т. е. Почтовыя Конторы? Для ближайшаго ознакомленія съ ихъ состояніемъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, директоръ почтоваго департамента, баронъ Вельо, обозрѣлъ 34 мѣста, расположенныхъ въ 18-ти губерніяхъ. Мы знаемъ только одно, что результатомъ такой ревизіи былъ циркуляръ всѣмъ управляющимъ почтовою частью въ губерніяхъ, содержаніе котораго легко угадать каждому, кто имѣлъ случай видѣть и внѣшнюю неопрятность самыхъ помѣщеній Почтовыхъ Конторъ въ губерніяхъ и благодушный, патріархальный способъ

ихъ дѣйствій при отправкѣ и полученіи почты. Изъ газетъ намъ случилось узнать, что даже въ такомъ городѣ, какъ Одесса—третій городъ имперіи—еще *недавно* выставлены на улицахъ почтовые ящики для опущенія въ нихъ писемъ; послѣ этого, другіе недостатки, въ какомъ-нибудь отдаленномъ уѣздномъ городѣ, являются уже чѣмъ-то нормальнымъ. Однимъ словомъ, мы должны предполагать, и не безъ основанія, что высшее почтовое начальство едва-ли осталось довольно своимъ непосредственнымъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, что́ у насъ въ городахъ называютъ Почтовою Конторою, и что́ очень мало, а иногда и вовсе не соотвѣтствуетъ своему почтенному наименованію, куда ежедневно стекаются всѣ наши интересы и вопросы жизни. Мы увѣрены также въ томъ, что, въ случаѣ справедливости нашего предположенія, почтовое начальство внушило тѣмъ циркуляромъ точное и непремѣнное исполненіе всѣми Почтовыми Конторами своихъ обязанностей, подъ страхомъ самаго настоятельнаго преслѣдованія,—но вотъ въ чемъ мы не увѣрены и чего совершенно не знаемъ. Карательныя мѣры неизбѣжны тамъ, гдѣ зло составляетъ исключеніе, но тамъ, гдѣ оно сдѣлалось почти общимъ правиломъ, тамъ страхъ взысканія и штрафовъ не истребляетъ зла, а загоняетъ его глубже: въ настоящемъ случаѣ, страхъ заставитъ Конторы дѣйствовать болѣе осмотрительно, но не въ своемъ дѣлѣ, а въ своихъ же отношеніяхъ къ начальству. Для насъ въ настоящую минуту не важно то, благоустроенны или неблагоустроенны наши Почтовыя Конторы, а то, почему онѣ не въ порядкѣ, да и могутъ ли онѣ быть исправны, при тѣхъ средствахъ, финансовыхъ и личныхъ, какія имъ предоставлены? Можно ли, при содержаніи, которое получается почтмейстерами и низшими органами, думать, что они страдали до сихъ поръ недостаткомъ доброй воли и незнанія технической стороны своего дѣла? Сколько намъ извѣстно, финансовыя средства нашихъ Почтовыхъ Конторъ вовсе не такъ велики, чтобы общество имѣло право отнестись къ нимъ слишкомъ строго.

Говоря такимъ образомъ, мы должны возвратиться къ тому же, что́ не разъ повторяли въ нашей хроникѣ. Мы задавали вопросъ, можетъ ли у насъ почтовая операція разсматриваться исключительно съ точки зрѣнія регаліи, и не будетъ ли для государственнаго хозяйства убыточно получать съ почтоваго дѣла большой доходъ? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать утвердительно: при современномъ состояніи у насъ почты и при тѣсной связи ея со всѣми матеріальными и нравственными интересами общества, было бы уже выгодно, еслибъ почта могла содержать себя своими доходами, и не требовала отъ государства субсидій. У насъ почта составляетъ предметъ дохода и весьма значительнаго; но если доходъ съ какой-нибудь статьи хозяйства получается подъ условіемъ вреда хозяйству, то та-

кой доходъ хуже самаго непроизводительнаго расхода, такъ какъ онъ тяготѣетъ не только надъ настоящимъ, но и надъ будущимъ. Потому при обсужденіи доходности такого дѣла, какъ почтовое, необходимо смотрѣть не на количество цифры дохода, а на ея качество. Какое же качество представляютъ намъ тѣ 3 милліона слишкомъ, которые составляютъ доходъ съ почты? Отвѣтомъ на это служитъ современное состояніе Почтовыхъ Конторъ у насъ: приходъ съ почты достигнутъ при дурномъ ихъ состояніи, что̀ равносильно дурному состоянію всей почтовой операціи, а слѣдовательно, это убыточный приходъ.

Впрочемъ мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что однѣми деньгами можно исправить все. Деньги очень важное условіе всякой дѣятельности, но не больше. Знаніе дѣла, добросовѣстное отношеніе къ нему представляютъ не менѣе важное условіе. Тутъ мы собственно выходимъ изъ предѣловъ почтоваго вѣдомства, которое осуждено, наравнѣ со всѣми другими хозяйственными отправленіями, почерпать свои силы изъ общей народной массы и довольствоваться наличнымъ состояніемъ ея интеллектуальнаго и нравственнаго уровня. Но при всемъ томъ, почтовое вѣдомство могло бы прибѣгнуть къ нѣкоторымъ самоусовершенствованіямъ, и въ этомъ отношеніи ему принадлежалъ бы важный починъ въ порядкѣ государственной службы. Почтовый чиновникъ прежде всего техникъ, и потому кромѣ общаго образованія нуждается въ техническихъ познаніяхъ своего спеціальнаго дѣла. Потому въ почтовомъ вѣдомствѣ необходимо требовать, кромѣ той или другой степени общаго образованія, спеціальнаго экзамена по почтовой службѣ, какъ въ Пруссіи, напримѣръ, требуютъ отъ каждаго, поступающаго на службу, выдержать предварительно Staats-examen, служебный экзаменъ. Но для того необходимо почтамту имѣть полное руководство для всѣхъ почтовыхъ операцій, сборникъ правилъ, постановленій, между тѣмъ какъ нынѣ каждая Почтовая Контора должна слѣдить сама за всѣми распоряженіями, которыя печатаются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Слѣдуя началу служебнаго экзамена, Почтовое Вѣдомство образуетъ въ своей средѣ практическую школу, которая всегда будетъ наполнена аспирантами, и не будетъ затруднена въ пріисканіи персонала.

Мы увѣрены, что почтовый департаментъ не ограничится одною ревизіею нынѣшняго лѣта, и прибѣгнетъ не разъ къ внезапнымъ ревизіямъ, для провѣрки, какое дѣйствіе оказалъ нынѣшній циркуляръ. Но, во-1-хъ, едва ли существуютъ на свѣтѣ «внезапныя» ревизіи въ полномъ смыслѣ этого слова; во-2-хъ, есть другія средства для ревизіи, которыя болѣе дѣйствительны, и менѣе стоютъ почтовому вѣдомству. Въ почтовой операціи болѣе всего заинтересовано само об-

щество, а потому всего проще предоставить ему контроль, а въ центрахъ почтоваго вѣдомства остается устроить то, что за-границею называютъ «Bureau des réclamations», гдѣ спеціалисты могли бы немедленно разбирать каждую жалобу, и уже по жалобамъ судить о дѣятельности конторъ. Контроль, въ подобномъ дѣлѣ предоставленный обществу, ничего не стоитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ обширенъ, что никакія усилія почтоваго вѣдомства не могли бы сравниться съ нимъ.

Въ связи съ послѣднею ревизіею почтовыхъ конторъ, мы должны упомянуть о высочайшемъ повелѣніи, 7-го августа 1869 года, съ будущаго 1870 года устроить газетную почтовую операцію, въ видѣ опыта, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Пріемъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ подписки на періодическія изданія, какъ русскія, такъ и иностранныя, не дѣлать обязательнымъ, предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ назначать почтовыя учрежденія въ Имперіи, въ которыхъ бы принималась подписка на періодическія изданія, выходящія въ Россіи или за границею.

2) Пересылку по почтѣ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи (за исключеніемъ Финляндіи) принимать на сроки: а) мѣсячный съ 1-го числа каждаго мѣсяца; б) трехъ-мѣсячный съ 1-го января, съ 1-го апрѣля, съ 1-го іюля и съ 1-го октября; в) полугодичный съ 1-го января и съ 1-го іюля, и г) годичный съ 1-го января.

3) Пріемъ на почту періодическихъ изданій, для отсылки къ иногороднымъ подписчикамъ, допускать не иначе, какъ подъ бандеролями и съ адресами.

4) Предоставить редакціи (или издателю) каждаго періодическаго изданія назначать, по своему усмотрѣнію, только цѣну за самое изданіе на допускаемые ею сроки подписки. За пересылку или доставку на домъ, по почтѣ, періодическаго изданія, редакція (или издатель) не должна назначать платы болѣе той, какая ниже установлена.

5) За пересылку по почтѣ внутри Имперіи періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, взимать съ объявленной редакціею (или издателемъ) цѣны за самое изданіе: а) 10% за изданія, выходящія не болѣе одного раза въ мѣсяцъ; б) 15% за изданія, выходящія, не болѣе одного раза въ недѣлю или пяти разъ въ теченіи мѣсяца; в) 20% за изданія, выходящія болѣе пяти разъ въ теченіе мѣсяца, а также ежедневныя.

6) За пересылку внутри Имперіи по почтѣ иностранныхъ газетъ и журналовъ (выписываемыхъ чрезъ посредство русскихъ почтовыхъ учрежденій) изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ они получаются изъ за-границы, взимать по 2 руб. въ годъ за каждый экземпляръ.

7) За доставку по почтѣ на домъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ мѣстныхъ періодическихъ изданій, а также иностранныхъ газетъ и журналовъ, взимать: а) 50 коп. за изданія, выходящія не болѣе одного раза въ мѣсяцъ; б) 1 руб. за изданія, выходящія не болѣе одного раза въ недѣлю или пяти разъ въ теченіе мѣсяца; в) 1 руб. 50 коп. за изданія, выходящія болѣе пяти разъ въ теченіе мѣсяца, а также ежедневныя.

8) За пересылку къ иногороднымъ подписчикамъ, при періодическихъ изданіяхъ, постороннихъ объявленій, взимать за каждые 500 отдѣльныхъ листовъ объявленія по 1 руб. За пересылку подобныхъ же объявленій по городской почтѣ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ взимать за каждые 500 отдѣльныхъ листовъ объявленія по 50 коп.

Вмѣстѣ съ симъ Его Императорскому Величеству благоугодно было высочайше

повелѣть: съ 1-го января будущаго 1870 года принимать на почту, для пересылки внутри Имперіи открыто подъ бандеролями: а) отдѣльные нумера періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи и за границею, и б) каталоги, объявленія и тому подобные печатные, литографированные, металлографированные или другимъ механическимъ способомъ воспроизведенные предметы, удобные къ пересылкѣ по письменной почтѣ, но за исключеніемъ такихъ, которые оттиснены обыкновеннымъ копировальнымъ прессомъ. За подобнаго рода отправленія, вѣсомъ до $3^1/_4$ лотъ, взимать двѣ копѣйки; вѣсомъ свыше $3^1/_4$ лотъ до $6^1/_2$ лотъ—4 коп. и т. д., прогрессивно увеличивая плату на двѣ копѣйки за каждый излишній вѣсъ до $3^1/_4$ лотъ. При этомъ: а) вѣсъ всего отправленія не долженъ превышать 20 лотъ; б) отправленіе должно быть задѣлано въ бандероли такъ, чтобы можно было удобно видѣть находящееся подъ бандеролемъ, и в) на отправленіи ничего рукописнаго не допускается, кромѣ адреса получателя, подписки подавателя и означенія мѣста и времени подачи.

Уничтоженіе обязательной подписки на газеты въ почтовыхъ конторахъ и возвращеніе къ адрессамъ и бандеролямъ мало соотвѣтствуетъ идеалу газетной операціи, давно уже осуществленному за-границею, но въ виду современнаго, дѣйствительнаго состоянія почтовыхъ конторъ, мы должны сознаться, что лучше слѣдовать разуму той пословицы, которая совѣтуетъ прежде обзаводиться клѣткой, а потомъ птицей. Примѣръ нынѣшняго года былъ слишкомъ печаленъ, чтобы настаивать на немедленномъ введеніи у насъ лучшаго порядка газетной операціи, и необходимо продолжать попрежнему писать адрессъ каждаго лица 365 разъ, вмѣсто одного раза, и посылать каждый нумеръ газеты, какъ личное письмо. Теперь весь трудъ обрушится на Газетную Экспедицію, но легче усилить ее одну, чѣмъ думать о немедленномъ исправленіи тысячи слишкомъ конторъ. Новымъ высочайшимъ повелѣніемъ уменьшена вдвое плата за пересылку журналовъ, вполнѣ соотвѣтственно тому, что годовой экземпляръ журнала представляетъ вдвое меньшее число листовъ, сравнительно съ годовымъ экземпляромъ газеты, и даетъ работу Экспедиціи 12 разъ въ годъ, вмѣсто 365 разъ, какъ сдаются газеты. Не менѣе будетъ оцѣнено обществомъ и другое распоряженіе о разсылкѣ подъ бандеролью всего печатнаго по уменьшенной цѣнѣ. Мы увѣрены, что такое удешевленіе принесетъ въ концѣ-концовъ выгоду и самому почтовому вѣдомству, увеличивъ число сношеній въ публикѣ.

Если 1868 годъ получилъ у насъ прозваніе «желѣзно-дорожнаго», то 1869 году по справедливости должно принадлежать названіе биржевого, то-есть по преимуществу спекуляціоннаго. Дѣйствительно, онъ внесъ къ намъ элементъ если и не совсѣмъ новый, то во всякомъ случаѣ неимѣвшій до сихъ поръ замѣтнаго вліянія на всю нашу экономическую и даже общественную жизнь: элементъ дѣятельной спекуляціи на «движимыя цѣнности (valeur mobilières)», однимъ словомъ — биржевую игру. Сводя финансовые счеты за нынѣшній годъ, мы всетаки будемъ имѣть возможность утѣшить себя, что пріобрѣли что-ни-

будь. А поводовъ искать экономическаго утѣшенія, особенно въ настоящую минуту, есть нѣсколько; они имѣютъ отношеніе между прочимъ и къ тому самому пріобрѣтенію, о которомъ мы только что упомянули. Поводы эти—паденіе вексельнаго курса, идущее все далѣе и далѣе, такъ-называемая паника на биржѣ, новый выпускъ кредитныхъ рублей, наконецъ уменьшеніе вывоза.

Но прежде, чѣмъ говорить о посѣтившемъ насъ небольшомъ кризисѣ, укажемъ на утѣшеніе болѣе существенное, чѣмъ тотъ фактъ, что биржевой олимпъ воплощается и у насъ. При видѣ эфемерности нѣкоторыхъ блестящихъ явленій нашего денежнаго рынка, не будемъ упускать изъ виду такое прочное явленіе, какъ возрастаніе производительности нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ рѣчи управлявшаго министерствомъ финансовъ, произнесенной въ кредитныхъ установленіяхъ, содержатся между прочимъ такія цифры: къ 1868 г. правительственная гарантія чистаго дохода и погашенія по акціямъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ составляла 14 милл. 624 т. р. въ годъ; въ 1868 году, эта сумма увеличилась на 5 м. 42 т. р., такъ что къ настоящему году она простиралась до 20 милл. рублей. Между тѣмъ въ дѣйствительности потребовалось уплатить изъ нея въ теченіи 1868 года менѣе 3 м. 219 т. р.; двѣ дороги (моск.-ряз. и ряз.-козл.) вовсе не потребовали приплатъ по гарантіи; даже Главному Обществу пришлось приплатить только 27% гарантированной суммы; затѣмъ, наименѣе—рижско-моршанской (34%) и варшавско-бромбергской (36%). Такой благопріятный фактъ, ограничивая размѣръ ежегодной жертвы приносимой государствомъ постройкѣ дорогъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о возрастающей производительности этихъ дорогъ.

Итакъ, мысль о радикальномъ поправленіи финансовъ посредствомъ усиленія производительности страны оправдывается уже и практическимъ результатомъ: мы убѣждаемся въ возможности непосредственно и въ короткое время поднять производительныя силы страны, хотя къ сожалѣнію не можемъ имѣть увѣренности, что само финансовое хозяйство, въ теченіе времени еще болѣе короткаго, не поглотитъ впередъ тѣ ресурсы, какіе представило бы ему въ близкомъ будущемъ экономическое развитіе Россіи.

Наибольшая опасность здѣсь угрожаетъ со стороны той легкости, съ какою у насъ могутъ быть дѣлаемы новые выпуски бумажныхъ денегъ, выпуски неопредѣленные, то-есть не ограниченные срокомъ выкупа. Мы возвращаемся на минуту къ этому предмету, о которомъ говорили въ прошлой хроникѣ, потому что къ тому принуждаютъ насъ факты. Въ прошлый разъ упоминая о займѣ, сдѣланномъ съ цѣлью изъять изъ обращенія 12 милл. кредитныхъ рублей, мы указали на аксіому, что если это не есть начало цѣлой системы, которой намѣрены твердо держаться, если за займомъ послѣдуютъ новые выпуски

кредитныхъ билетовъ, то весь результатъ займа ограничится обогащеніемъ на 15 милл. р. государственной долговой книги.

Такъ и случилось; вслѣдъ за займомъ, банкъ нашелся вынужденнымъ выпустить на 9 милл. рублей кредитныхъ билетовъ. Сдѣлано это было просто по недостатку наличныхъ средствъ у банка, и ничто не ручается, что вскорѣ такіе выпуски не повторятся. Правда, выпускъ этотъ сдѣланъ не для покрытія какого-нибудь государственнаго расхода, а для удовлетворенія кассовой потребности банка, и намъ могутъ сказать, что заемъ все-таки достигнетъ своей цѣли, что на него втеченіи года все-таки будетъ изъято изъ обращенія 12 милл. кредитныхъ рублей, независимо отъ новыхъ выпусковъ съ кассовою цѣлью, которые можно почитать временными. Но размѣръ-то этихъ выпусковъ можетъ быть слишкомъ великъ. Сумма кредитныхъ билетовъ въ обращеніи теперь составляетъ 721 м. 400 т. р., а такой суммы обращеніе кредитныхъ билетовъ не достигало за весь годъ, съ сентября 1868 до сентября 1869 г.; сумма эта превышаетъ на 19 милл. р. maximum кредитнаго обращенія, соотвѣтствовавшій январю нынѣшняго года.

Если банкъ въ теченіи одного года для кассовыхъ своихъ потребностей можетъ выпускать бумажныя деньги въ такомъ размѣрѣ, что сумма ихъ обращенія за этотъ годъ колеблется между 641 милл. р. (май) и 721 милл. р. (сентябрь), то-есть на 70 милліоновъ, то согласитесь — странно какъ-то думать, чтобы посреди такихъ бурь уцѣлѣла, достигла своего назначенія и произвела предположенный результатъ скромная цифра 12 милл., предназначенныхъ къ окончательному изъятію изъ обращенія.

При такомъ положеніи дѣлъ, ассигнаціи представляются въ двоякомъ смыслѣ: 1) правительственнаго займа, сдѣланнаго въ чрезвычайныхъ для государства обстоятельствахъ, и 2) билетовъ казначейства (bons), выпускаемыхъ банкомъ временно, по кассовымъ соображеніямъ. Эта двойственность ассигнацій представляетъ серьезное затрудненіе для приведенія когда-либо ассигнаціоннаго дѣла въ порядокъ. Мы видимъ, что ассигнаціи въ первомъ смыслѣ хотятъ сократить, постепенными выкупами, переводомъ на процентный долгъ, что́ необходимо для поднятія валюты; а ассигнаціи во-второмъ смыслѣ могутъ быть между тѣмъ безпрестанно выпускаемы вновь. Не лучше ли было бы, для ясности дѣла, предоставить банку выпускать для временныхъ его потребностей, особые кассовые билеты (bons sur la caisse), съ обязательнымъ выкупомъ, напр. въ теченіи 6 мѣсяцевъ? Вѣдь и теперь банкъ, выпуская 9 милл. кредитныхъ рублей, обезпечилъ же ихъ равною суммою металла, перечисленнаго изъ его кассы въ металлическій резервъ, нынѣ составляющій болѣе 143 милл. р. (безъ фондовъ). Итакъ, этотъ новый выкупъ кредитныхъ рублей, обезпеченный рубль за рубль зо-

лотомъ, составляетъ нѣчто какъ бы отдѣльное отъ общей массы кредитнаго обращенія, обезпеченной металломъ всего въ одну пятую, т. е. въ 20 к. на рубль.

Обратимся теперь къ биржевой спекуляціи и къ постигшему ее кризису или, какъ у насъ уже выражаются, «паникѣ» — на денежномъ рынкѣ. Биржевая игра, въ короткое время своего акклиматизированія у насъ, успѣла уже вызвать громкій протестъ. Справедливость требуетъ однако признать въ ней явленіе до нѣкоторой степени полезное и даже необходимое. Нашъ денежный рынокъ издавна былъ необыкновенно slow; биржа наша, какъ рынокъ движимыхъ цѣнностей, не имѣла никакого самостоятельнаго значенія. Конечно, и теперь петербургская биржа не идетъ ни въ какое сравненіе со столицами денежнаго міра. Однако, нѣкоторое самостоятельное значеніе она отчасти уже успѣла пріобрѣсть, въ чемъ легко убѣдиться сравнивъ ея бюллетени съ бюллетенями биржи берлинской. Торговля движимыми цѣнностями не только оживилась, но можно сказать впервые установилась теперь на нашей биржѣ, въ смыслѣ торговли правильной, предполагающей постоянный сбытъ. Установленіе постояннаго спроса на бумаги промышленныхъ и желѣзно-дорожныхъ компаній — фактъ во всякомъ случаѣ полезный, такъ какъ благодаря ему эти бумаги получаютъ значеніе дѣйствительныхъ оборотныхъ цѣнностей и держатся въ цѣнѣ не только по отношенію къ выгодамъ, какія представляютъ самыя предпріятія, но и по отношенію къ спросу, какъ ходячій товаръ. Что такой товаръ — движимыя цѣнности — сдѣлался у насъ ходячимъ, это, повторяемъ, серьезная заслуга спекуляціи, если такъ называть вообще оживленную торговлю цѣнностями и подъ именемъ спекулятивнаго духа разумѣть чуткость денежнаго рынка. Оживленіе нашего денежнаго рынка свидѣтельствуется уже тѣмъ фактомъ, что въ Петербургѣ теперь — пять банковъ (государственный, общество взаимнаго кредита, частный коммерческій, учетный и ссудный, и международный) и двѣ биржи.

Душа биржевой спекуляціи, это — сдѣлки на срокъ. Что срочныя сдѣлки на процентныя бумаги у насъ были запрещены закономъ, это свидѣтельствовало только о продолжавшемся до недавняго времени застоѣ денежнаго рынка. Безъ сомнѣнія, сдѣлки на срокъ — главная форма чистой игры, въ которой не имѣется въ виду ни дѣйствительная покупка, ни продажа бумагъ, а только платежъ разностей, то-есть просто пари. Но возможность злоупотребленій и въ этомъ случаѣ никакъ не оправдываетъ запрещеніе одной изъ необходимѣйшихъ биржевыхъ операцій. И въ самомъ дѣлѣ, запрещеніе закона оказалось совершенно недѣйствительнымъ, какъ только торговля промышленными цѣнностями у насъ оживилась, и въ прошломъ мѣсяцѣ биржевое собраніе избрало коммиссію для составленія правилъ относительно срочныхъ

сдѣлокъ, съ тою цѣлью, чтобы легализировать ихъ и тѣмъ отклонить заключеніе сдѣлокъ съ преднамѣреніемъ обмана. Такъ какъ посредниками такихъ сдѣлокъ должны быть маклера, то возникъ при этомъ и вопросъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ положеніи оффиціальныхъ биржевыхъ маклеровъ, объ обязаніи ихъ представленіемъ залога и о предоставленіи имъ затѣмъ исключительнаго права быть посредниками сдѣлокъ, заключаемыхъ на биржѣ, то-есть объ устраненіи съ биржи вольныхъ маклеровъ.

Странно, что вмѣстѣ съ тѣмъ слышатся также и желанія уничтожить такъ или иначе ту вторую, предварительную биржу, которая образовалась въ Демутовомъ отелѣ. Между тѣмъ, очевидно, что если число маклеровъ, дѣйствующихъ на оффиціальной биржѣ, будетъ ограничено, и если биржевымъ маклерамъ будетъ предоставлена монополія, то въ такомъ-то именно случаѣ побочная биржа (la coulisse) и пріобрѣтетъ всѣ данныя для прочнаго существованія. Демутова биржа до сихъ поръ не была въ точномъ смыслѣ то, что называется во Франціи la coulisse, то-есть дополненіе биржи, привлекающее сравнительною дешевизною маклерскихъ премій и служащее биржею во время интерваловъ между биржевыми днями и часами. Это было скорѣе просто подготовительное биржевое собраніе, имѣвшее отчасти и характеръ кружка́. Но именно тогда, когда маклера оффиціальной биржи получали бы монополію сдѣлокъ на ней, Демутовъ отель разросся бы въ настоящую «кулиссу» и сталъ бы отбивать у присяжныхъ маклеровъ дѣла̀.

Присяжные маклера могутъ быть; можно пожалуй требовать отъ нихъ и залоговъ—но далѣе идти не слѣдуетъ. Какъ только вы предоставите имъ монополію, какъ только вы обяжете каждаго дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ привилегированнаго маклера, вы тотчасъ же должны запретить маклеру дѣлать сдѣлки на свой счетъ, потому что онъ сталъ уже чиновникомъ, присяжнымъ посредникомъ. Результатами такой монополіи—предполагая, что кулисса была бы уничтожена полицейскимъ распоряженіемъ—явились бы: возвышеніе маклерскихъ премій, обманъ со стороны маклеровъ, которые все-таки дѣйствовали бы и на свой счетъ подъ вымышленными именами и—главное—пониженіе фондовъ вообще, вслѣдствіе ослабленія живости оборотовъ рынка.

Итакъ, усиленіе торговли процентными бумагами имѣло первымъ результатомъ возвышеніе ихъ цѣнъ. Общество вообще склонно приписывать это явленіе искусственнымъ усиліямъ спекуляціи, смотритъ не безъ страха на преувеличенную цѣнность бумагъ, и винитъ въ томъ ту же Демутову биржу, а отчасти и банки наши, видя въ нѣкоторыхъ ихъ дѣйствіяхъ возбужденіе къ биржевой игрѣ, доставленіемъ ей средствъ, чрезъ облегченіе ссудъ.

Во всемъ этомъ есть правда, но все это, вмѣстѣ взятое, еще не вполнѣ объясняетъ возвышеніе курса процентныхъ бумагъ. Главная причина его или, лучше сказать, главное его условіе это—обиліе ассигнаціоннаго обращенія. Въ томъ коренномъ фактѣ, что бумага процентная и обращающаяся въ опредѣленномъ количествѣ стóитъ въ полтора раза дороже бумажекъ безпроцентныхъ, и выпускаемыхъ безъ ограниченія—нѣтъ ничего удивительнаго. Процентная бумага, гарантированная правительствомъ, представляетъ всѣ выгоды правительственныхъ кредитныхъ билетовъ, но имѣетъ еще передъ ними преимущество доходности и шанса выигрыша на варьяціяхъ курса. Чѣмъ больше будетъ выпущено кредитныхъ билетовъ, тѣмъ болѣе должны дорожать процентныя бумаги и тѣмъ больше долженъ падать вексельный курсъ рубля.

Правда, излишекъ бумажныхъ денегъ — фактъ не новый. Но если онъ до послѣднихъ лѣтъ не проявлялся въ видѣ высокихъ премій на промышленныя цѣнности, то это происходило просто отъ недостатка предпріимчивости, отъ вялости нашего денежнаго рынка. Приливъ иностранныхъ капиталовъ къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ далъ первый толчекъ нашей спекуляціи на процентныя бумаги. У насъ пробудилось довѣріе къ собственной нашей предпріимчивости и на рынкѣ явилось много новыхъ цѣнностей, ставшихъ предметомъ оживленнаго торга. Главнымъ óрганомъ, бившимъ на чрезвычайное повышеніе, была Демутова биржа, а средства къ этому повышенію давали банки, посредствомъ ссудъ подъ залогъ бумагъ. Частный коммерческій банкъ въ этомъ отношеніи стѣсненъ своимъ уставомъ, а въ государственномъ банкѣ и залогъ и перезалогъ нѣсколько затруднены формальностями. За то общество взаимнаго кредита и играло тутъ главную роль. Ссуды общества взаимнаго кредита подъ процентныя бумаги доходили почти до 37 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ, въ необыкновенномъ повышеніи процентныхъ бумагъ участвовалъ дѣйствительно и элементъ искусственный. Но даже настолько, насколько явленіе это было естественнымъ результатомъ обилія ассигнацій, оно все-таки не могло продолжаться долгое время и до неопредѣленнаго размѣра. Понятно, что когда процентныя бумаги дошли въ цѣнѣ до высокой степени, на нашъ рынокъ должна была нахлынуть часть того количества ихъ, которое было взято за границей. Этотъ приливъ нашихъ процентныхъ бумагъ изъ-за границы, увеличивая предложеніе ихъ, неизбѣжно долженъ былъ произвесть реакцію—наклонность къ пониженію. Съ другой стороны банки, истощивъ свои средства на ссуды, должны были вдругъ принять мѣры къ ограниченію ихъ: стѣснить перезалогъ, возвысить дисконтъ, даже прекратить вовсе ссуды, какъ и сдѣлало общество взаимнаго кредита. Такимъ образомъ, съ ихъ стороны явился, вдобавокъ къ естественной

наклонности бумагъ къ пониженію, еще искусственный поводъ къ тому же, поводъ, который и произвелъ кризисъ или панику.

Бумаги упали въ цѣнѣ, а за затрудненіемъ ссудъ, въ значительной мѣрѣ прекратились на биржѣ и дѣла на бумаги. Демутова биржа, какъ органъ игры, должна была продолжать игру уже не на повышеніе, а на пониженіе. Такъ она и сдѣлала, и оффиціальная биржа пошла за нею. Такъ, въ среднихъ числахъ прошлаго мѣсяца, цѣны, назначаемыя на Демутовой биржѣ, представляли пониженіе по всѣмъ цѣнностямъ и на оффиціальной биржѣ бумаги упали именно до этого предѣла, между тѣмъ, какъ въ самомъ Демутовомъ отелѣ сдѣлки дѣлались все-таки нѣсколько выше. Пониженіе теперь входитъ въ разсчетъ и Демутовой биржи, и всѣхъ спекулянтовъ, въ томъ числѣ и общества взаимнаго кредита. Дѣло въ томъ, что при существованіи прежнихъ цѣнъ на бумаги, уже нельзя было играть на нихъ съ шансами большихъ прибылей, въ виду прилива ихъ изъ-за границы. Необходимо отойти назадъ, чтобы было «гдѣ разбѣжаться» передъ новымъ скачкомъ—il faut prendre de l'espace.

Истинной, полной паники все-таки не было; при истинной паникѣ бываетъ не только застой дѣлъ, а огромное, поголовное предложеніе бумагъ ниже пари; ничего подобнаго у насъ еще не случилось. Паденіе, нѣтъ сомнѣнія, прекратится, когда съ одной стороны часть бумагъ уйдетъ назадъ за границу (это, впрочемъ, сдѣлается не скоро), когда банки возстановятъ свои средства и, въ особенности, когда выпущено будетъ еще побольше ассигнацій (это — самое вѣрное средство, которое, однако, не мы будемъ рекомендовать).

Въ спекуляціи, какъ она происходила въ половинѣ сентября, въ игрѣ на пониженіе, вопросъ для игроковъ въ томъ, когда наступитъ предѣлъ пониженія. Кто покупалъ теперь на срокъ, разсчитывалъ на то, что цѣну не удастся черезъ мѣсяцъ или нѣсколько мѣсяцевъ понизить противъ той, какая будетъ для него выгодна при наступленіи срока. Тотъ же, кто теперь обязывался поставить на срокъ, разсчитывалъ на усилія своихъ одномышленниковъ понизить цѣну еще болѣе и надѣется поставить по дешевѣйшей цѣнѣ, чѣмъ онъ себѣ выговорилъ, т.-е. получить при ликвидаціи отступное. Во всякомъ случаѣ, сама игра на пониженіе, въ крайнемъ результатѣ своемъ, приготовляетъ новую реакцію, въ смыслѣ повышенія. Но еслибы намъ предстоялъ новый значительный правительственный заемъ, то само собою разумѣется, повышенія бумагъ ожидать было бы напрасно.

Нельзя умолчать о слухахъ, будто нашему законодательству о печати предстоятъ нѣкоторыя дополненія въ смыслѣ скорѣе ограниченія, чѣмъ расширенія той свободы, какую предоставляетъ печати законъ 6-го апрѣля 1866 года. Мы надѣемся, что слухи эти въ концѣ концовъ

не осуществятся, даже еслибы проектъ новой редакціи закона о печати и былъ составленъ. Не было бы ничего страннаго въ попыткѣ изложить точнѣе законъ 6-го апрѣля, заключающій въ себѣ не мало неопредѣленностей (напр. хотя бы о срокѣ дѣйствія предостереженій). Но если при этомъ нынѣшнее положеніе о печати было бы подвергнуто нѣкоторымъ измѣненіямъ, то не хочется вѣрить, чтобы измѣненія эти окончательно состоялись въ смыслѣ ограничительномъ. Расширеніе закона 6-го апрѣля, или исключеніе изъ него параллельныхъ, не вполнѣ совмѣстныхъ, по логикѣ, системъ контроля было бы естественно. Но ослабленіе принципа закона введеніемъ въ текстъ его новыхъ исключеній, и особенно усиленіе въ немъ элемента предварительной цензуры — было бы совершенно необъяснимо, и какъ всякій необъяснимый поворотъ назадъ, произвело бы во всей образованной массѣ русскаго общества самое болѣзненное ощущеніе.

И никакое объясненіе частныхъ ограниченій или изъятій тѣмъ, что общій смыслъ закона останется безъ перемѣны, не предупредило бы такого тяжкаго впечатлѣнія, потому что всего важнѣе былъ бы самый фактъ возможности отступленія назадъ, какъ бы ни былъ малъ размѣръ самого этого отступленія. Не идемъ ли мы назадъ? — вотъ тотъ мучительный вопросъ, который неизбѣжно представился бы образованному человѣку, принимающему близко къ сердцу развитіе своей страны. А самая мысль о возможности поворота назадъ способна произвесть въ обществѣ нѣчто въ родѣ нравственной паники. Что бы ни говорили о политической незрѣлости нашего общества, одно въ немъ весьма зрѣло и не подлежитъ никакому сомнѣнію: реакціонныхъ наклонностей въ немъ положительно нѣтъ, и мысль, что Россія идетъ впередъ, гордость въ сознаніи произведенныхъ реформъ—вотъ нравственное его сокровище, вотъ что поддерживаетъ въ немъ довѣріе, а порою и утѣшаетъ его, когда факты раскрываютъ какую-либо темную сторону нашей жизни. Мы любимъ относить такіе факты къ винѣ прошлаго, и эта наклонность заслуживаетъ уваженія, потому что она истекаетъ изъ вѣры въ настоящее и будущее.

Теперь спрашивается, стóитъ ли, хотя бы даже для предупрежденія какихъ-либо мнимыхъ крайностей (мнимыхъ, ибо кто же можетъ сказать, что наша печать неумѣстно пользовалась тѣмъ просторомъ, какой былъ данъ ей?), подвергать колебанію это настроеніе образованнаго большинства? И когда же—въ то время, когда законы о печати сдѣлали огромный шагъ впередъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ они были наиболѣе стѣснительны. Допустивъ какое-либо разширеніе дѣятельности предварительной цензуры, не было бы возможности предупредить въ обществѣ болѣзненнаго сознанія, что мы остаемъ отъ такихъ странъ какъ Австрія и Испанія и намѣрены отстать отъ нихъ

еще болѣе. Да если бы мы сами, дѣлая усиліе сохранить наше довѣріе къ безостановочному умственному развитію Россіи, стали утѣшать себя, что произведенныя отступленія сами по себѣ не важны, то европейская пресса взяла бы на себя убѣдить насъ, что важно не разстояніе, на какое мы отступили, *а направленіе, въ которомъ мы идемъ.* Европейская пресса сказала бы о насъ: они идутъ назадъ, и кончится тѣмъ, что ихъ въ свободѣ печати перегонитъ Турція.

Гдѣ же была бы тогда наша увѣренность въ себѣ, наше нравственное сокровище надежды, наше относительное довольство, наша добрая воля относить черныя точки настоящаго къ винѣ прошлаго? Очевидно, если бы внесть въ положеніе о печати малѣйшее новое ограниченіе, то хотя бы этимъ достигалось даже административное удобство или какая-либо второстепенная цѣль благочинія, это административное удобство, эта цѣль благочинія были бы куплены слишкомъ дорого цѣною политической ошибки.

Теперь не время указывать на несовершенства закона 6-го апрѣля. Но сущность этихъ несовершенствъ во всякомъ случаѣ состоитъ не въ избыткѣ простора, предоставленнаго печати, а скорѣе въ излишкѣ системы воздѣйствія на печать. Совмѣщеніе въ одномъ положеніи параллельныхъ системъ: административныхъ взысканій, предварительной цензуры и судебнаго преслѣдованія не всегда можетъ оказываться строго-логичнымъ въ примѣненіи. Но изъ этого можно скорѣе сдѣлать какой угодно выводъ, чѣмъ вывесть заключеніе о необходимости еще усилить независимое дѣйствіе каждой или какой-либо изъ этихъ трехъ системъ, оставляя въ силѣ всѣ три.

И что же можно было бы привесть въ объясненіе необходимости новыхъ изъятій или ограниченій? У насъ нѣтъ противогосударственныхъ партій, какія есть въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ. У насъ нѣтъ даже партіи оппозиціонной, разумѣя оппозицію такой или иной системы управленія. Оппозиціи въ смыслѣ несогласія съ извѣстной системой управленія у насъ не можетъ быть уже потому, что высшее управленіе у насъ не имѣетъ характера сплошного, солидарнаго состава. Сужденіе печати о томъ или другомъ дѣйствіи управленія касается собственно только этого отдѣльнаго дѣйствія. Самая печать у насъ не есть сила практическая, съ которой можно было бы бороться (хотя цензура, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ — плохое оружіе обороны).

Даже періодическая печать у насъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, характеръ книжный: изданія добросовѣстныя смотрятъ на каждый фактъ съ точки зрѣнія не какой-либо тактики, внушаемой партіею, а просто съ точки зрѣнія того или другого принципа (недобросовѣстные же дѣйствуютъ просто по личному интересу издате-

лей). При такомъ положеніи печати, что же можетъ наводить на мысль о необходимости усилить мѣры предупрежденія или взысканія? Понятно еще было бы желаніе болѣе или менѣе безошибочными мѣрами обуздать партіи; но принциповъ обуздывать нельзя; съ ними нельзя бороться мѣрами. Изъ нихъ каждый имѣетъ силу единственно настолько, насколько онъ вѣренъ и примѣнимъ къ данному положенію. Но за то этой-то силы у него нельзя отнять никакими мѣрами предупрежденія или взысканія. И напрасныя усилія въ этомъ смыслѣ означали бы только тщетную борьбу противъ умственнаго развитія общества.

Государственное управленіе не можетъ поставлять себѣ подобной задачи. Напротивъ, въ составъ его обязанностей входитъ и попеченіе о томъ, чтобы естественному умственному развитію не предстояло препятствій, и собираніе средствъ на пользу такого развитія. И дѣйствительно, наше правительство никогда не объявляло, что оно намѣрено ограничиться только экономическими реформами. Самое введеніе нынѣшняго положенія о печати свидѣтельствуетъ о противоположномъ.

Малѣйшее сомнѣніе, что мы хотя и медленно, но безвозвратно твердыми шагами пойдемъ по этому пути впередъ — нанесло бы въ высшей степени вредный ударъ нравственной бодрости нашего образованнаго общества. Повторяемъ наше убѣжденіе, что не будетъ сдѣлано этой ошибки. Будемъ надѣяться, что напротивъ, въ томъ проектѣ точнѣйшаго изложенія закона 6-го апрѣля, который получитъ законодательную силу, будутъ приняты въ основаніе начала умственнаго освобожденія; что свобода добросовѣстнаго слова будетъ обезпечена, и что даже то изъятіе, которое допущено для сочиненій, входящихъ въ область духовнаго, будетъ устранено. Умственное развитіе, умственное возмужаніе государства не могутъ быть обезпечены безъ свободы слова и свободы исповѣданія: во всемъ мірѣ эти два вида свободы признаются главными залогами нравственнаго благосостоянія общества.

Но не считая вѣроятнымъ окончательное осуществленіе слуховъ, о которыхъ мы повели рѣчь, мы должны, къ сожалѣнію, сказать, что въ самой печати есть органы, которые дѣлаютъ все возможное для того, чтобы увѣрить правительство и общество, что не настала еще пора для разумной свободы, что не наступило еще то время, когда достаточно держаться во внутренней политикѣ просто здраваго смысла, безъ всякихъ инквизиціонныхъ хитросплетеній. Это тѣ органы, которые однажды, въ совсѣмъ иное время, избравъ себѣ спеціальностью обнаруженіе разныхъ противогосударственныхъ кововъ и интригъ, продолжаютъ эксплуатировать мотивы, на которыхъ набили себѣ руку, Какъ ни очевидно нелѣпо предполагать въ нашей печати противогосударственные ковы и интриги, но эти органы, находящіеся въ однѣхъ

рукахъ, въ каждомъ несогласіи съ ихъ катихизисомъ обличаютъ измѣну. И между тѣмъ, они же рѣшаются защищать принципъ свободы печати. Дѣлая все, что могутъ, чтобы доказать присутствіе въ нашей печати тенденцій противогосударственныхъ и противонародныхъ и съ безсильной злобою стараясь компрометировать такимъ образомъ изданія, которыхъ вся вина заключается или въ частномъ несогласіи съ этими оракулами полицейскаго міровоззрѣнія, или наконецъ—просто въ успѣхѣ, они тѣмъ не менѣе высказываются за свободу печати вообще! Въ виду тѣхъ слуховъ, о которыхъ мы говорили—слуховъ, которые во всякомъ случаѣ доказываютъ, что само общество еще не увѣрено окончательно въ прочности положенія прессы, какъ назвать пріемы этихъ публицистовъ?

Казалось бы, что результаты обревизованія александро-невскаго духовнаго училища должны были устранить самую возможность какихъ-либо дисциплинарныхъ внушеній съѣзду депутатовъ отъ духовенства со стороны епархіальнаго начальства. Въ самомъ дѣлѣ, законы, имѣющіеся на лицо, слишкомъ ясно говорятъ за выборное начало: у самаго центра епархіальнаго управленія существовали неопредѣленно долгое время злоупотребленія самаго вопіющаго свойства, злоупотребленія, которыхъ жертвами были малолѣтные, беззащитные ученики. Злоупотребленія эти были обнаружены коммиссіею, назначенною съѣздомъ. Пока съѣздъ не взялся за это дѣло, злоупотребленія существовали безпрепятственно. Кажется, могло ли представиться болѣе своевременное и болѣе убѣдительное доказательство въ пользу примѣненія выборнаго начала въ духовной администраціи? Удобно ли было въ виду такого краснорѣчиваго примѣра настаивать на томъ, что съѣзду не предоставлено формальнаго права заявлять желанія духовенства, хотя бы и внѣ собственно-училищнаго дѣла? Возможно ли было, въ особенности, предполагать, что на сдѣланныя на съѣздѣ заявленія о другихъ злоупотребленіяхъ, ему будетъ сдѣлано внушеніе, что для обнаруженія злоупотребленій члены духовенства должны избирать путь личнаго донесенія, конечно чрезъ благочинныхъ и консисторію? Да вѣдь существовало же на виду у всѣхъ возмутительное положеніе дѣлъ въ александро-невскомъ училищѣ и никто не явился лично обнаруживать ихъ, существуютъ злоупотребленія и въ приходскихъ хозяйствахъ, и никто же не является лично доносить о нихъ чрезъ то вѣрное и безпристрастное предстательство, какого можно ожидать въ подобныхъ случаяхъ отъ оо. благочинныхъ и отъ консисторіи?

Между тѣмъ, вотъ что произошло: созвали новый епархіальный съѣздъ и въ числѣ сообщенныхъ ему резолюцій на ходатайства прежняго съѣзда, заключалось внушеніе, что съѣзду слѣдовало ограничи-

ваться собственно училищными дѣлами и что обнаруженіе злоупотребленій можетъ происходить только тѣмъ единичнымъ путемъ, который указанъ выше. Путь этотъ рекомендуется какъ наиболѣе вѣрный. Этого мало: на одно изъ указаній о. Никольскаго, относившееся уже прямо къ упущеніямъ въ училищахъ, послѣдовало замѣчаніе, что предсѣдателю слѣдовало остановить «неприличную выходку» депутата.

Все, это необходимо объяснить недоразумѣніями. Недоразумѣніе всего возможнѣе въ духовной администраціи, гдѣ гласности не существуетъ, а высшіе начальники, по самому своему положенію, не могутъ пользоваться указаніями той, такъ сказать не-публичной гласности, которая для начальниковъ живущихъ среди общества представляется въ разговорахъ съ людьми разныхъ положеній, даже разныхъ сословій. Въ средѣ духовенства все замкнуто въ корпораціи; въ духовномъ управленіи самыя инстанціи разобщены такъ, что немудрено если высшая инстанція смотритъ иногда на низшую исключительно глазами инстанціи средней.

Иначе какъ недоразумѣніемъ трудно было бы объяснить то, что теперь происходитъ. Такъ, можно ли предполагать, что приведенное выше указаніе на наиболѣе вѣрный путь обнаруженія злоупотребленій было бы сдѣлано епархіальнымъ начальникомъ, если бы онъ могъ слѣдить за печатью, если бы онъ зналъ, что̀ говорилось въ обществѣ? Едва ли; потому что тогда не однимъ только свѣтскимъ читателямъ газетъ попалось бы на глаза въ высшей степени любопытное описаніе о. Никольскаго о томъ, какъ онъ, съ другими священниками, ревизовалъ хозяйство здѣшняго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, какъ онъ представлялъ о найденномъ имъ «законнымъ путемъ» и что̀ изъ этого произошло. А если бы это описаніе было прочитано гдѣ слѣдуетъ, то едва ли было бы признано удобнымъ, особенно въ настоящую именно минуту, указывать на этотъ путь, какъ на наиболѣе вѣрный для исправленія злоупотребленій, если они есть.

Теперь было бы, конечно, преждевременно выводить заключеніе изъ такихъ фактовъ. Но одно поученіе ихъ несомнѣнно: самые эти факты еще разъ, и съ особенною убѣдительностью, доказываютъ, что только въ скорѣйшемъ и обширнѣйшемъ примѣненіи выборнаго начала въ церковномъ управленіи и всѣхъ отрасляхъ духовной администраціи можетъ заключаться спасеніе отъ злоупотребленій и произвола, подъ которымъ они произрастаютъ. И напрасно было бы думать, что если говорятъ епархіальному съѣзду: вы созваны только для обсужденія училищныхъ дѣлъ,—то это можетъ сколько-нибудь ослабить единогласное постановленіе съѣзда въ пользу ходатайства о выборномъ началѣ. Пусть съѣздъ есть представительство духовенства епархіи,

созванное *только* для устройства училищной части; но онъ все-таки *есть* представительство духовенства епархіи, представительство не только несомнѣнное, но и законное. Положимъ, рѣшеніе его въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть юридически-обязательной силы. Но вѣдь съѣздъ и не думалъ присвоивать себѣ законодательную силу: онъ только ходатайствовалъ. Но единогласный приговоръ его въ пользу выборнаго начала есть все-таки приговоръ духовенства епархіи и приговоръ этотъ, не обязательный въ смыслѣ юридическомъ, весьма вѣсокъ въ смыслѣ нравственномъ. А вѣдь нравственною силою и стоитъ церковь.

Безпорядки въ киргизской степи, наконецъ, прекращаются: такъ свидѣтельствуетъ сообщеніе оффиціальнаго органа. Но въ этомъ сообщеніи мы находимъ еще нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыхъ не можемъ пройти молчаніемъ. Волненія, а частью и возстанія между киргизами, какъ теперь несомнѣнно, происходили именно вслѣдствіе введенія новаго положенія, такъ что вездѣ согласіе киргизскихъ родовъ принять новое положеніе признается за фактъ прекращенія безпокойствъ въ той мѣстности, къ которой принадлежатъ киргизы, выславшіе депутатовъ съ этой покорностью.

Когда шесть мѣсяцевъ тому назадъ до насъ дошли первыя извѣстія о волненіяхъ въ степи, волненіяхъ серьёзныхъ, потому что для прекращенія ихъ потребовалось съ величайшею поспѣшностью выслать въ степи нѣсколько отрядовъ, намъ объясняли эти волненія интригами «аристократическаго элемента» въ степи, оппозиціею «бѣлой кости» демократическому духу, какимъ пропитано новое положеніе. Теперь къ этому объясненію прибавилось еще другое: «сдѣлалось положительно извѣстнымъ — сказано въ сообщеніи — что киргизовъ подстрекали къ неповиновенію и продолжаютъ подстрекать какъ *извнѣ края, преимущественно изъ Хивы*, такъ и внутри края». О подстрекательствахъ внутри края намъ уже было извѣстно, что они исходили отъ султановъ; но теперь обнаруживается и здѣсь еще какой-то загадочный, анонимный мятежный элементъ: «подстрекательства были *не только* со стороны лицъ султанскаго происхожденія и муллъ, но и со стороны *разныхъ интригановъ*, внушавшихъ киргизамъ, изъ личныхъ, своекорыстныхъ видовъ» и т. д. Къ какому разряду людей относятся эти интриганы и принадлежатъ ли они къ мѣстному постоянному населенію или нѣтъ—не объясняется. Если бы эти интриганы и дѣйствія ихъ были достовѣрно извѣстны мѣстному начальству, то такое умолчаніе было бы странно. Но въ томъ-то и дѣло, что — какъ сказано въ сообщеніи — «дѣла этихъ интригановъ пока темны и *никогда* не будутъ юридически доказаны». Въ такомъ случаѣ, не совсѣмъ по-

нятно слѣдующее за тѣмъ обѣщаніе раскрыть степень виновности такихъ подстрекателей и принять самыя энергическія мѣры къ устраненію вреда.

Такимъ образомъ, причины волненія среди киргизовъ объяснены теперь достаточно и едва ли даже не *слишкомъ* достаточно: и сопротивленіе султановъ уменьшенію ихъ власти, и оппозиція муллъ, и происки какихъ-то таинственныхъ интригановъ и, наконецъ — подстрекательства изъ Хивы. Не слишкомъ ли ужъ старательно такое сложное, разностороннее объясненіе? Не объясняются ли волненія среди народа искони не признающаго иной власти, кромѣ власти своихъ родоправителей, совершенно удовлетворительно уже одною попыткою отмѣнить власть этихъ родоправителей, ввѣривъ ее иноплеменнымъ чиновникамъ, не знающимъ, быть можетъ, мѣстнаго языка, и ужъ навѣрное не признающимъ мѣстныхъ обычаевъ?

Мы ставимъ этотъ вопросъ вовсе не съ цѣлью придираться къ словамъ оффиціальнаго сообщенія. Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе практическое. Дѣло въ томъ, что въ сообщеніи, которое напечатано въ оффиціальной газетѣ, выражается, конечно, взглядъ на положеніе дѣлъ, выражаемый мѣстнымъ начальствомъ въ его донесеніяхъ. Но вѣдь этотъ взглядъ не можетъ въ тоже время не лечь въ основу будущихъ дѣйствій въ Оренбургскомъ краѣ — вотъ это и важно. Послѣдствіемъ темнаго указанія на интригановъ могутъ быть стѣснительныя мѣры по надзору за торговцами, пріѣзжающими въ степь, а пожалуй и предоставленіе низшимъ начальникамъ высылать безъ разбору всѣхъ, кто имъ покажется подозрительнымъ. Мы не говоримъ, что таковы непремѣнно будутъ послѣдствія выраженнаго нами взгляда; напротивъ, мы надѣемся, что такихъ послѣдствій не будетъ, но въ этомъ случаѣ надежда наша основана просто на одномъ желаніи лучшаго, но ни на какой увѣренности.

Точно такъ, что̀ означаетъ указаніе на подстрекательства изъ Хивы? Въ Хивѣ нѣтъ политическихъ обществъ, которыя могли бы заниматься иностранными дѣлами безъ вѣдома мѣстнаго правительства. Если же приведенное указаніе есть не что̀ иное, какъ облеченное въ дипломатически-осторожную форму объясненіе, что нашихъ киргизовъ бунтовало хивинское правительство, то при такомъ убѣжденіи мѣстнаго начальства, основанномъ конечно на фактахъ, непосредственнымъ послѣдствіемъ могло бы быть принятіе мѣръ противъ Хивы.

Мы не принадлежимъ къ числу пессимистовъ по отношенію къ завоеваніямъ въ Средней Азіи. Намъ не разъ уже случалось говорить объ этомъ предметѣ и всегда мы высказывали убѣжденіе въ невозможности достигнуть прочнаго замиренія до окончательнаго уничтоженія ханствъ. Это неизбѣжный результатъ, и достиженіе его есть только

вопросъ времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы всегда выражались противъ политики ощупи, противъ начинаній, истекающихъ не изъ опредѣленной рѣшимости присоединить ту или другую мѣстность, съ сознаніемъ, что время для этого уже настало, всѣ средства приготовлены и результатъ обдуманъ впередъ, — а изъ внѣшнихъ случайностей, которымъ мы какъ будто подчиняемся независимо отъ своей воли и которыя ведутъ насъ дальше, чѣмъ мы сами желаемъ. Такъ, покореніе Хивы есть результатъ желательный и съ теченіемъ времени неизбѣжный. Покореніе Хивы обезпечило бы прочное прямое соединеніе Туркестанской области съ Кавказомъ устройствомъ сообщенія чрезъ Каспійское море и Усть-Уртъ, и огромною выгодою такого соединенія, на которое уже кажется указывалъ генералъ Романовскій, была бы возможность доставить подкрѣпленіе въ Туркестанскую область съ Кавказа, гдѣ всегда будутъ сосредоточены значительныя военныя силы.

Сверхъ того, покореніе Хивы было бы результатомъ важнымъ для гуманности: одно оно можетъ прекратить въ Средней Азіи торгъ невольниками, такъ какъ охотою на невольниковъ занимаются именно хивинцы и производятъ ее на иранцевъ. Но для того, чтобы покореніе Хивы не было для насъ неожиданнымъ и затруднительнымъ результатомъ, какъ покореніе Самарканда, не слѣдовало бы начинать какихъ-либо дѣйствій противъ Хивы, на томъ только основаніи, что интриги ея были приведены въ числѣ причинъ киргизскихъ волненій. Правда, о какихъ-либо намѣреніяхъ противъ Хивы доселѣ ничего не слышно; но мы говоримъ объ этомъ въ виду бывшихъ примѣровъ: развѣ и взятіе Самарканда не было крайнимъ послѣдствіемъ подстрекательствъ бухарскаго эмира? А между тѣмъ, мы были такъ не приготовлены ко владѣнію Самаркандомъ, что до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ: не отдать ли его назадъ.

Устранивъ отдаленныя толкованія волненій, бывшихъ въ киргизской степи, укажемъ на тѣ причины ихъ, которыя выразились изъ самыхъ требованій и ходатайствъ мѣстныхъ населеній, какъ эти ходатайства исчислены самимъ оффиціальнымъ сообщеніемъ. Недовольные киргизы домогались: учрежденія особаго для степи муфтія, назначенія уѣздныхъ начальниковъ не изъ русскихъ, а изъ мусульманъ, и уменьшенія подати до прежняго размѣра. Остальныя требованія объяснялись просто совершеннымъ незнаніемъ киргизовъ о постановленіяхъ того положенія, которое у нихъ вводится, такъ какъ требованія эти положеніемъ удовлетворяются.

Въ числѣ требованій, заявленныхъ оренбургскому генералъ-губернатору депутаціею отъ киргизовъ Эмбенскаго уѣзда, было одно, которое показываетъ, какъ цѣнятъ киргизы либеральныя стороны новаго положенія: эмбенскіе киргизы просили избавить ихъ отъ выбора де-

путатовъ отъ 10 и 50 кибитокъ. Киргизы, въ видѣ милости, просятъ отмѣнить одно изъ примѣненій выборнаго начала! На это заявленіе имъ было объявлено: «что если они сами не желаютъ или не понимаютъ милости, дарованной имъ выборнымъ началомъ [1]), то они недостойны имѣть его; а потому волостные и аульные на первый разъ будутъ назначены начальствомъ, а депутатовъ отъ 10 и 50 кибитокъ могутъ они и не выбирать». Итакъ, киргизы оказываются положительно консервативнѣе, чѣмъ отъ нихъ требуется; эмбенцы, по крайней мѣрѣ, не желаютъ ни выборнаго начала, ни возвышенія податей. Въ первомъ они на время получили удовлетвореніе, но во второмъ имъ отказано, на томъ основаніи, что подать увеличена вполнѣ справедливо и назначена на устройство лучшаго у нихъ управленія. Сомнительно, чтобы киргизы убѣдились этимъ, тѣмъ болѣе, что противъ самаго устройства этого управленія они возражаютъ столько же, сколько и противъ увеличенія подати.

Можно опасаться, что и остальныя опроверженія требованій киргизовъ не вполнѣ убѣдятъ ихъ. Такъ, противъ требованія киргизами особаго муфтія для степи было возражено, что подчиненіе ихъ муфтію «лишь стѣснило бы свободу ихъ въ выборѣ муллъ, безъ всякой для нихъ пользы». На просьбу о назначеніи уѣздныхъ начальниковъ не изъ русскихъ, а изъ мусульманъ — что «отъ такого назначенія (т. е. русскихъ), киргизы могутъ только выиграть», что русскіе чиновники, несвязанные съ ними личными поземельными интересами, скорѣе и вѣрнѣе будутъ удовлетворять ихъ нужды, чѣмъ начальники изъ киргизовъ. Между тѣмъ, главное основаніе киргизовъ противъ назначенія начальниковъ изъ русскихъ состоитъ въ томъ, что эти русскіе—уральскіе казаки, которыхъ киргизы искони привыкли считать своими племенными врагами. Въ виду такого обстоятельства, можно ли убѣдить киргизовъ, что эти начальники для нихъ лучше? И какой же народъ предстояло бы убѣдить въ этомъ: народъ, который, по оффиціальному удостовѣренію, «до сихъ поръ ничего не зналъ о русскомъ народѣ, ни о русскомъ правительствѣ, и въ понятіяхъ котораго только одна султанская власть имѣла значеніе». Теперь, со вступленіемъ въ отдаленныя степи нашихъ отрядовъ, тамошніе киргизы конечно узнали русскую силу, хотя только силу. Но на одной силѣ ничего нельзя основывать, особенно въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ отряды войскъ все-таки придется вывести въ скоромъ времени.

---

[1]) Епархіальный съѣздъ въ Петербургѣ понимаетъ выгоду выборнаго начала и проситъ этой милости; но совершенно наоборотъ чѣмъ у киргизовъ, здѣсь недовольны просьбою, какъ тамъ недовольны отказомъ, а казалось бы петербургское духовенство во всякомъ случаѣ болѣе дозрѣло до этого начала.

Владѣя такими отдаленными мѣстностями, въ которыхъ невозможно содержать постоянно силу, достаточную для предупрежденія самой мысли о неповиновеніи, едва ли не слѣдовало основывать тамъ порядокъ на тѣхъ элементахъ власти, которые имѣлись тамъ на лицо, вмѣсто того, чтобъ начинать ломку тамъ, гдѣ нельзя имѣть прочныхъ своихъ матеріаловъ. Мы говоримъ это не въ укоръ сдѣланной попыткѣ; предпринимать улучшенія—дѣло слишкомъ заманчивое и противъ котораго не всегда можно устоять. Мы вполнѣ согласны съ мѣстною администраціею, что новые порядки были бы лучше для киргизовъ; но дѣло въ томъ, что если по убѣжденію киргизовъ они хуже, то они и будутъ хуже, въ дѣйствительности.

Едва ли не практичнѣе было бы воспользоваться нынѣшними неустройствами въ степяхъ просто какъ урокомъ, доказывающимъ несвоевременность введенія новаго положенія и отказаться отъ него безъ всякаго предразсудка, что мы уронимъ тѣмъ нашъ авторитетъ. Авторитетъ нашъ въ степяхъ долженъ установиться прежде всего на поддержаніи полнаго спокойствія, на доставленіи жителямъ полной безопасности. Начинать же съ улучшенія всего быта, когда нѣтъ для того ни лишнихъ денегъ, ни людей, такъ что приходится возвышать подати и назначать начальниковъ изъ людей, которыхъ киргизы считаютъ своими врагами—далеко не такъ практично. Попытка къ улучшенію была естественна, но если она не удалась, то столь же естественно было бы отказаться отъ нея. Отъ впечатлѣнія, какое эта уступка произвела бы на киргизовъ, можно ожидать во всякомъ случаѣ менѣе вреда, чѣмъ отъ повторенія нынѣшнихъ безпорядковъ и обращенія ихъ — чего добраго — въ хроническое состояніе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 октября 1869.

Русскіе публицисты и братья-славяне.—Фальшивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ.—Янъ Гусъ и Богемія.—Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ.—Чехи и Русскіе.—Палацкій.—Москва и рѣчь М. П. Погодина.—Выборы въ богемскій сеймъ и политика Австріи.—Пруссія.—Петиція Шлезвига.—Рѣчи и военные маневры Вильгельма I-го.—Франція.—Принцъ Наполеонъ и воззваніе Кератри.—Годовщина испанской революціи.—Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты.—Италія.

Ничто не можетъ быть болѣе забавно и вмѣстѣ болѣе поучительно, какъ чтеніе русскихъ газетъ и главнымъ образомъ, ихъ такъ-называемыхъ политическихъ отдѣловъ. Невѣжественное самодовольство съ одной стороны, надменное обращеніе къ Западу съ другой, и рядомъ съ этимъ, чтобы употребить выраженіе Бѣлинскаго, какая-то «глупость до святости» во всемъ, что касается до пониманія и усвоенія политическихъ принциповъ, выработанныхъ европейскою цивилизаціею — вотъ отличительныя черты большей части русскихъ газетъ. Если забавность подобнаго рода никогда вообще не покидаетъ нашу отечественную печать, то бываютъ моменты, когда она достигаетъ своей высшей точки, своего апогея. Такой любопытный моментъ представляетъ собою настоящая минута, вызванная, какъ это и легко было предполагать, празднованіемъ въ Богеміи пятисотлѣтняго юбилея Яна Гуса.

Не трудно догадаться, въ чемъ именно заключается эта забавность, проявившаяся съ такою силою въ русской печати по поводу празднованія памяти чешскаго, или даже можетъ быть вѣрнѣе, общечеловѣческаго героя. Кто читалъ русскія газеты за послѣднее время, тотъ безъ сомнѣнія помнитъ, какой взрывъ негодованія вырывался изъ благородныхъ сердецъ нашихъ доморощенныхъ публицистовъ, когда рѣчь шла о притѣсненіи чеховъ, о лишеніи ихъ самой широкой автономіи, о преслѣдованіи ихъ со стороны деспотическаго австрійскаго правительства, о возмутительномъ положеніи, въ которомъ находится

ихъ пресса, о дикомъ произволѣ власти, стѣсняющей чешскій народъ въ его неотъемлемомъ правѣ собираться на митинги, обсуждать свои дѣла и тому подобномъ; однимъ словомъ, всѣ еще помнятъ тѣ вопли негодованія, которыми оглушили наши свободолюбивые публицисты наше общество при видѣ тѣхъ позорныхъ преступленій, которыя совершила и продолжаетъ совершать недостойная Австрія надъ несчастными и угнетенными чехами. Забавность, скрывающая самую глубокую иронію, заключается въ той роли, которую принимаетъ на себя русская печать по отношенію къ нашимъ «братьямъ-славянамъ», какъ принято ихъ называть. Роль эта очень смѣшна, но еще смѣшнѣе то, что наши свободолюбивые публицисты вовсе не догадываются объ этомъ и совершенно серьезно разыгрываютъ роль защитниковъ угнетенной свободы.

Мы можетъ быть рискуемъ прослыть за самыхъ отъявленныхъ консерваторовъ, но тѣмъ не менѣе выскажемъ нашу мысль. Намъ кажется, что русской печати не слѣдовало бы такъ много кричать о попранныхъ политическихъ правахъ того или другого народа, не слѣдуетъ драпироваться въ плащи какихъ-то рыцарей оскорбленныхъ національностей, не слѣдовало бы потому, что всякій здравомыслящій человѣкъ въ правѣ заподозрить насъ или въ крайней непослѣдовательности или, что еще хуже, въ крайней недобросовѣстности. Не будемъ слишкомъ дальновидны и будемъ думать, что русскую печать заподозрятъ только въ непослѣдовательности. Въ самомъ дѣлѣ, дѣлая все тоже рискованное предположеніе, что русскіе публицисты искренни въ своихъ крикахъ, какъ не обвинить ихъ въ самой крайней непослѣдовательности? Въ сужденіяхъ людей объ извѣстныхъ правахъ и принципахъ должны быть употребляемы одни и тѣже вѣсы. Если мы находимъ, что свобода необходима въ одной странѣ, то должны находить, что она необходима и въ другой; если мы утверждаемъ, что извѣстная національность въ одномъ государствѣ должна пользоваться автономіею, то нѣтъ причинъ дѣлать исключенія и для другого государства; наконецъ, если мы требуемъ самыхъ широкихъ политическихъ правъ и возможности самаго полнаго развитія всѣхъ національныхъ особенностей, то должны согласно здравому смыслу требовать этого вездѣ, въ каждой странѣ, въ каждомъ государствѣ. Таково разсужденіе, основанное на здравомъ смыслѣ и справедливости, но не таково разсужденіе нашихъ отечественныхъ публицистовъ.

Извѣстно, что наши пресловутые политики никогда еще такъ много не разсуждали объ обрусѣніи всевозможныхъ окраинъ, какъ въ настоящую минуту; никогда еще эти глубокомысленные политики такъ торжественно не оповѣщали міру, что идея государства шире, величественнѣе идеи національности, что она поглощаетъ собою всѣ второстепенные вопросы, къ которымъ, разумѣется, относятся и личная

свобода, и свобода совѣсти, и свобода религіозная, и политическая свобода, этой идеѣ, однимъ словомъ, приносятся въ жертву всѣ политическія права націи. Мы разумѣется далеки отъ того, чтобы говорить что-нибудь противъ такихъ естественныхъ понятій, какъ обрусѣніе окраинъ или возставать противъ идеи государства. Избави насъ Богъ отъ подобныхъ кощунствъ; но мы все-таки думаемъ, что обрусѣніе окраинъ совершится гораздо прочнѣе успѣшнымъ развитіемъ русскаго народа, прогрессомъ въ его образованіи, въ его политическомъ воспитаніи, чѣмъ задорными криками нашихъ псевдо-патріотическихъ публицистовъ. Когда русскій народъ окрылится, когда русское общество станетъ въ своемъ политическомъ развитіи въ уровень съ цивилизованнымъ обществомъ Западной Европы, когда наука и другія отрасли общественной жизни получатъ въ Россіи полныя права гражданства, тогда намъ не придется толковать о проискахъ ничтожной кучки нѣмецкихъ и всякихъ другихъ бароновъ, они уничтожатся сами собою, они потонутъ въ русской жизни, въ цивилизованной средѣ русскаго народа. До тѣхъ же поръ всѣ усилія останутся безплодны, и русскіе публицисты и политики поступили бы несравненно разумнѣе, еслибы стали криками надрывать свою грудь на пользу хоть народнаго образованія, а не проповѣдуя грозныхъ походовъ противъ всего, что не говоритъ русскимъ языкомъ и не думаетъ русскою думою.

Точно также, и еще менѣе, желали бы мы что-нибудь сказать противъ идеи государства вообще и русскаго государства въ особенности. Но и тутъ не можемъ не высказать, что государство государству рознь, и что только то государство хорошо, которое выработало себѣ прочныя формы цивилизованнаго міра, которое въ силу этихъ формъ, а слѣдовательно и въ силу цивилизаціи, не принимаетъ никакихъ жертвъ, никакихъ урѣзокъ въ политической и личной свободѣ націи, а напротивъ, обезпечиваетъ ихъ существованіе. Не такъ понимаютъ наши доморощенные публицисты всѣ эти вопросы; но самое забавное тутъ, это то, что они тотчасъ забываютъ что́ было говорено ими о необходимости единства языка, вѣры, учрежденій и т. п. для одной страны, какъ только они заговариваютъ хоть напр. объ Австріи и ея національностяхъ. Тутъ напротивъ ничего подобнаго они не признаютъ, уничтожаютъ Австрію, и не за то, что она не предоставляетъ достаточной автономіи Богеміи, но зачѣмъ она просто-на-просто не отказывается отъ своихъ правъ на нее. Какимъ образомъ происходитъ такой быстрый поворотъ въ умахъ нашихъ публицистовъ—мы не станемъ доискиваться; это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ настоящаго предмета. Въ этомъ-то противорѣчіи, въ этомъ либерализмѣ, когда дѣло идетъ объ Австріи и объ отношеніяхъ австрійскаго правительства къ различнымъ національностямъ, составляющимъ это государство, и заключается истинная забавность рус-

ской печати. Конечно, это не единственный источникъ ея забавности, но мы стали говорить именно о ней, потому что въ послѣднее время празднованіе памяти Гуса выдвинуло ее особенно впередъ. Если бы мы захотѣли говорить обо всемъ, что есть комичнаго и забавнаго въ нашей прессѣ, то мы пожалуй никогда бы не кончили.

Нужно ли удивляться, что иностранное общество, иностранные журналы и газеты, и въ данномъ случаѣ, именно австрійскіе органы печати относятся съ крайнимъ презрѣніемъ и упрекаютъ прямо въ недобросовѣстности нашихъ отечественныхъ публицистовъ? Развѣ не совершенно понятно и естественно, когда, обращаясь къ русской печати, они говорятъ: господа, будьте послѣдовательны, будьте добросовѣстны, вникните въ то, что вы говорите о своемъ краѣ, и потомъ уже судите о нашемъ; если у васъ первое слово обрусѣніе, если вы боретесь съ какими-то вѣтряными мельницами и кричите: отечество въ опасности, оттого только, что на одномъ концѣ вы услышали звуки нѣмецкаго языка, на другомъ польскаго, на третьемъ еще какого-нибудь другого,—то имѣйте настолько честности, чтобы не кричать противъ насилія австрійскаго правительства, когда оно медлитъ расширить уже довольно широкую автономію Богеміи или Галиціи, когда оно медлитъ дополнить и безъ этого уже достаточно полныя политическія права той и другой національности. Говоря подобнымъ образомъ, иностранные органы печати, нужно сознаться, болѣе или менѣе правы; мы желали бы только, чтобы упреки въ недобросовѣстности были неосновательны, такъ какъ мы болѣе согласны видѣть забавную недальновидность тамъ, гдѣ они видятъ недостатокъ политической честности. Если бы русскіе органы печати захотѣли быть послѣдовательны, то они должны были бы нападать не на притѣсненія австрійскаго правительства, а на его либерализмъ; не за то, что оно не расширяетъ автономіи чешской національности, а за то, что оно предоставляетъ ей слишкомъ широкія политическія права. Тогда, по крайней мѣрѣ, роль ихъ была бы выдержана, и они имѣли бы право сказать: мы тверды въ нашихъ принципахъ, потому что въ истинѣ ихъ мы убѣждены, между тѣмъ какъ теперь они похожи на паяцовъ, у которыхъ одна сторона платья черная, другая ярко красная!

Изъ нашихъ словъ читатель не долженъ однако заключать, чтобы мы не относились сочувственно къ чешской національности и не желали ей полнаго успѣха въ борьбѣ за возвращеніе самой полной автономіи; но мы вмѣстѣ съ тѣмъ хотимъ по отношенію Австріи и ея настоящаго правительства соблюсти ту умѣренность, которая налагается на насъ подобающею намъ скромностью. Мы очень хорошо понимаемъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія съ какимъ-то тупымъ самодовольствомъ относиться къ дѣйствіямъ австрійскаго правительства и обвинять его во всяческихъ насиліяхъ и деспотизмѣ, въ то самое время,

когда оно вступило на тотъ путь политическихъ преобразованій, до которыхъ другимъ націямъ еще очень далеко. Если мы понимаемъ, какъ смѣшно звучатъ всевозможные крики объ обрусѣніи, когда они идутъ рука объ руку съ другимъ крикомъ, направленнымъ противъ дѣйствій австрійскаго правительства, то только потому, что въ насъ живо сознаніе, какъ мало мы имѣемъ права обвинять вообще кого бы то ни было въ политикѣ, не отвѣчающей самымъ либеральнымъ требованіямъ времени. Политика австрійскаго правительства по отношенію къ различнымъ національностямъ, входящимъ въ составъ имперіи, въ послѣднее время, въ послѣдніе два-три года болѣе либеральна, чѣмъ она была когда-нибудь, и потому мы не можемъ относиться къ ней иначе, какъ сочувственно. Тѣ громадные шаги впередъ на пути политическаго развитія, которые сдѣланы уже правительствомъ Австріи, отвѣчаютъ за то, что оно не остановится на немъ, и нѣтъ сомнѣнія, что какъ Галиція, такъ и Богемія, пользующіяся уже весьма значительными политическими правами и довольно широкою автономіею, будутъ окончательно удовлетворены въ своихъ требованіяхъ. Мы думаемъ даже, что по отношенію къ чехамъ будетъ справедливо сдѣлать упрекъ, что послѣ слишкомъ большой терпѣливости, послѣ того, что такъ долго они сносили безропотно дѣйствительное деспотическое правительство, теперь, когда правительство вступило на новый путь, они высказываютъ наоборотъ слишкомъ большое нетерпѣніе. При тѣхъ орудіяхъ борьбы, которыя они держатъ въ своихъ рукахъ, и при томъ либеральномъ направленіи австрійскаго правительства, принесшемъ уже столько важныхъ реформъ, торжество чеховъ неизбѣжно. Тѣмъ, кто сомнѣвается или даже вовсе отвергаетъ либерализмъ австрійскаго правительства, мы укажемъ на то самое празднованіе памяти Гуса, по поводу котораго такъ много толковали въ послѣднее время русскіе публицисты, старавшіеся другъ передъ другомъ выказать свой либерализмъ на чужой счетъ. Отвѣтьте, либеральные московскіе и петербургскіе публицисты, былъ ли бы допущенъ праздникъ Гуса, праздникъ національный чешскій, деспотическимъ правительствомъ, да или нѣтъ? Если вы скажете да, то вы подтвердите этимъ самымъ вашу недобросовѣстность; если вы скажете нѣтъ.... тогда несите скорѣе ваши повинныя головы здравому смыслу.

Обратимся же теперь къ самому празднеству, взглянемъ какъ чествовали память этого могучаго реформатора на мѣстѣ его дѣятельности, какъ понимаютъ ея значеніе чехи, и рядомъ съ этимъ какъ глубокомысленно понимаютъ Гуса нѣкоторые изъ русскихъ публицистовъ. Празднество пятисотлѣтняго юбилея Гуса служитъ лучшимъ доказательствомъ не только пробужденія чеховъ, но также и того, что они получили возможность громко заявлять свою политическую жизнь. Больше чѣмъ два вѣка, съ несчастнаго дня сраженія при Бѣлой-Горѣ,

чехи, политически говоря, не жили; не жила, казалось, и память Гуса; Богемія представляла изъ себя кладбище, заселенное живыми мертвецами. Исторія ихъ прекратилась, литература погибла, казалось даже, что они потеряли свое прошедшее. Два столѣтія почти тянулась эта исторія, и только въ XVIII-мъ вѣкѣ послѣ того, какъ упадокъ дошелъ до послѣднихъ границъ, послѣ того, какъ высшее общество, забывая свою національность, превращалось въ нѣмецкую аристократію, послѣ того, какъ народъ дошелъ до страшнаго невѣжества, послѣ того, какъ существованіе чешской книги считалось чуть не преступленіемъ, въ литературѣ, и главнымъ образомъ исторической, стали проявляться какъ будто проблески жизни. Жизнь дѣйствительно возвращалась, благодаря либеральнымъ и въ высшей степени гуманнымъ идеямъ, которыя вмѣстѣ съ Іосифомъ II, этимъ идеальнымъ, лучшимъ изъ государей, поднялись на императорскій престолъ. Гуманныя и либеральныя идеи, въ какую бы сторону они ни были обращены, никогда не давятъ жизнь тамъ, разумѣется, гдѣ она есть. Іосифъ II желалъ германизировать чеховъ, какъ и остальныхъ своихъ подданныхъ; но такъ какъ средства, которыми онъ преслѣдовалъ свою цѣль, были не насильственныя, а напротивъ, самыя гуманныя, отвѣчавшія его вкусамъ цивилизованнаго человѣка, то они обратились не въ ущербъ чешской національности, а къ ея выгодѣ, возбудивъ въ ея средѣ жажду къ просвѣщенію, которая выразилась въ новомъ движеніи чешской литературы, въ ея возрожденіи, которое прямо вело къ пробужденію національнаго чувства, благодаря пробужденію историческихъ воспоминаній. Съ этой минуты въ чешской литературѣ открывается фаланга писателей, которые въ тоже время были и политическими дѣятелями, потому что своими произведеніями они будили чешскую національность. Во главѣ этой фаланги стоялъ Іосифъ Добровскій, за нимъ слѣдовали Ганка, Шафарикъ, Юнгманъ, поэтъ Янъ Колларъ, Челяковскій, которые всѣ уже покончили свое жизненное поприще. Изъ ихъ среды остался только одинъ человѣкъ, который до сихъ поръ продолжаетъ стоять во главѣ не только литературнаго движенія, но также и политическаго, именно Францъ Палацкій, который, нужно отдать ему справедливость, неутомимо дѣйствуетъ для возстановленія чешской короны. Зарница новой жизни для чеховъ блеснула въ 1848 году, но блескъ ея былъ минутный, въ странѣ не было достаточно силъ, чтобы оказать дѣйствительную помощь либеральному движенію и скоро сами чехи сдѣлались орудіемъ реакціи, и оставаясь равнодушными къ подавленію Венгріи, они тѣмъ самымъ содѣйствовали и подавленію свободы въ своей землѣ. Австрійское правительство, которое вообразило тогда, что гидра новаго времени, гидра революціи подавлена навсегда, торжествовало побѣду реакціи и вовсе не думало быть благодарнымъ чехамъ за ту помощь, которая была ими оказана.

Но реакція не была вѣчна. Прежнія идеи не были уничтожены и не прошло нѣсколько лѣтъ, какъ народы снова зашевелились. 1859 годъ, годъ итальянской войны, былъ благодѣтеленъ не только для народностей, входящихъ въ составъ австрійской имперіи, но и для самого правительства. Несчастныя для австрійцевъ битвы при Сольферино и Мадкентѣ, ихъ полное пораженіе были болѣе выгодны, чѣмъ самыя блестящія побѣды. Съ этого времени начинается быстрое обращеніе къ либеральной политикѣ, которая должна была быть еще болѣе подкрѣплена несчастною для Австріи войною 1866 г., несчастною битвою при Садовой. Правительство убѣдилось, что всѣ старыя средства, всѣ лекарства, которыя способенъ былъ дать деспотизмъ, были испробованы, и всѣ оказались негодными для поправленія разстроеннаго организма Австріи, и что нужно было неизбѣжно отказаться отъ нихъ, чтобы вовсе не умертвить имперіи. Нужда, говорятъ, лучшій совѣтникъ. Нужда заставила австрійское правительство прибѣгнуть къ системѣ, прямо противоположной той, которая до сихъ поръ господствовала; нужда принудила обратиться къ системѣ строгаго конституціонализма, которая привела правительство къ тѣмъ важнымъ реформамъ, которыя совершены въ послѣднія нѣсколько лѣтъ. Либеральный порядокъ вещей, восторжествовавшій въ Вѣнѣ, долженъ былъ снова пробудить сильное движеніе въ Богеміи, которое съ тѣхъ поръ не перестаетъ усиливаться. Движеніе это направлено къ той же цѣли, какой послѣ столькихъ усилій, послѣ такой упорной борьбы добилась Венгрія, т.-е. къ образованію чешскаго королевства, связаннаго съ Австріею такими же точно отношеніями, въ какія стало венгерское королевство къ австрійской имперіи послѣ того, какъ система дуализма одержала побѣду. Чехи, видя передъ глазами Венгрію, пользуясь ихъ примѣромъ, не довольствуются болѣе никакими либеральными уступками со стороны австрійскаго правительства; имъ мало общихъ реформъ, которыя произведены въ государствѣ, они требуютъ одного — чешскаго королевства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколькими годами раньше или позже, но они добьются своего, они получатъ ту автономію, которой добиваются, такъ точно, какъ получитъ ее и Галиція, потому что австрійское правительство, принявъ систему дуализма, вступило на путь федеративнаго устройства, и движеніе въ австрійскихъ земляхъ, безъ сомнѣнія, не остановится прежде, чѣмъ австрійская имперія не превратится въ одно изъ самыхъ большихъ федеративныхъ государствъ въ Европѣ.

Но если въ стремленіи добиться широкой автономіи нельзя не сочувствовать чешскимъ патріотамъ, если мы всегда будемъ на ихъ сторонѣ, когда они требуютъ себѣ расширенія правъ, большей свободы, когда они протестуютъ противъ нарушенія свободы слова, сво-

боды собранія, личной безопасности, то съ другой стороны мы смѣло становимся на сторону австрійскаго правительства, ему, а не чешскимъ патріотамъ принадлежитъ наше полное сочувствіе, когда эти послѣдніе, прикрываясь національными интересами, становятся врагами общечеловѣческихъ интересовъ. Никакое прикрытіе національными интересами, никакія политическія соображенія не могутъ служить оправданіемъ чехамъ, когда они поддерживаютъ католичество въ борьбѣ его съ австрійскимъ правительствомъ, когда они являются противниками уничтоженія конкордата, который отдавалъ въ XIX-мъ столѣтіи общество въ полное распоряженіе церкви. Подобное поведеніе не заслуживаетъ ничего, кромѣ самаго строгаго осужденія, такъ какъ честное дѣло должно употреблять для своего торжества только честныя орудія. Поддержка конкордата, изъ какихъ бы источниковъ она ни происходила, не принадлежитъ къ послѣднимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гусъ, память котораго праздновали чехи, первый возсталъ бы противъ подобныхъ орудій національной борьбы, потому что для него общечеловѣческіе интересы всегда стояли на первомъ планѣ, и онъ отрекся бы отъ національныхъ стремленій, еслибы увидѣлъ, что они должны противорѣчить народному движенію впередъ по пути прогресса и по пути освобожденія его отъ однихъ изъ самыхъ тяжкихъ нравственныхъ оковъ. Онъ отрекся бы отъ этихъ стремленій, потому что истина вездѣ и во всемъ была его исходною точкою.

Неестественно было бы, еслибы чехи, которые въ послѣднее время пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы устраивать національныя манифестаціи, не воспользовались пятисотлѣтнимъ юбилеемъ ихъ великаго реформатора, чтобы не сдѣлать празднованіе его памяти народнымъ торжествомъ, и вмѣстѣ громкою демонстраціею противъ австрійскаго правительства. Въ послѣднее время особенно имя Гуса стало предметомъ обожанія въ средѣ чешскаго народа, и это весьма понятно, если мы вспомнимъ, что Гусъ, будучи великимъ реформаторомъ въ области религіи и принадлежа съ этой стороны всему человѣчеству, болѣе тѣсно связанъ съ чешскимъ народомъ, такъ какъ онъ былъ въ тоже время великимъ дѣятелемъ въ національной борьбѣ его съ нѣмцами. Эти два направленія Гуса—съ одной стороны прямой послѣдователь Виклефа и предшественникъ Лютера, реформаторъ въ дѣлѣ религіи, въ дѣлѣ обновленія человѣчества посредствомъ громкаго провозглашенія правъ разсудка, свободнаго изслѣдованія; съ другой, главный дѣятель въ борьбѣ за національность, — сливались не только въ Гусѣ, но и въ цѣломъ направленіи бурнаго движенія XV-го вѣка, которое имѣло настолько же религіозный, насколько и національный характеръ. Что религія заняла первое мѣсто, что она какъ бы затмила собою національный смыслъ движенія, это весьма есте-

ственно при томъ характерѣ всеобщности, который имѣетъ религія, и при томъ значеніи, какое имѣла церковь въ средніе вѣка. Но провести черту между этими двумя направленіями въ движеніи въ XV-мъ ст. въ Богеміи, почти нѣтъ возможности, такъ тѣсно онѣ переплетены между собою.

Мы не станемъ передавать здѣсь, даже въ самыхъ общихъ чертахъ, первыхъ шаговъ движенія, не будемъ говорить ни объ Конрадѣ Вальдгаузерѣ, ни объ Янѣ Миличѣ, ни объ Матвѣѣ изъ Янова, этихъ предшественникахъ Гуса, не будемъ упоминать о положеніяхъ Виклефа, которыя сталъ проповѣдовать великій реформаторъ, ни о спорѣ, который поднялся изъ-за нихъ въ пражскомъ университетѣ, ни даже о послѣдствіяхъ этого спора, все это было уже разсказано на страницахъ нашего журнала [1]). Защитникомъ національности онъ является не только тогда, когда требуетъ, чтобы въ пражскомъ университетѣ большинство принадлежало чехамъ, а не нѣмцамъ, но также во всѣхъ своихъ рѣчахъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, которыя онъ писалъ по-чешски; во всей его дѣятельности лежитъ мысль, которую онъ высказалъ, говоря: «въ чешскомъ государствѣ чехи, и по Божьему закону, и по естественному праву, должны быть первыми, точно также какъ французы — во Франціи, нѣмцы — въ Германіи. Положимъ, что чехъ былъ бы поставленъ во главѣ нѣмецкой общины, какая была бы отъ этого польза для общины, еслибы онъ не зналъ нѣмецкаго языка? Не все-ли это равно, что сдѣлать нѣмую собаку сторожемъ стада? Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нѣмцахъ въ Богеміи». Но начало національности, которое защищалъ этотъ могучій человѣкъ, запечатлѣвшій мученическою смертью свое ученіе и свою реформаторскую дѣятельность, было не то узкое начало, которое не можетъ ужиться и сталкивается тотчасъ съ истинными интересами человѣчества, напротивъ, оно было широко, въ основаніи его лежала не выгода одного только народа, а правда и справедливость, слѣдовательно выгода всѣхъ. Впереди всего у него стоитъ заклятая вражда противъ всяческихъ злоупотребленій, противъ всякаго рабства, откуда бы оно ни происходило, и отсюда уже право народа на самостоятельное существованіе. Мы не можемъ лучше опредѣлить характера Гуса, какъ національнаго дѣятеля, какъ приведя слова г. Арсеньева: «Стремленіе къ національной самобытности законно только тогда, когда оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе впередъ во всѣхъ областяхъ политической, общественной и умственной жизни — и въ соединеніи этихъ стремленій и въ преобладаніи послѣдняго надъ первымъ заключается истинное величіе Гуса».

---

[1]) См. Янъ Гусъ и чешская національность — «Вѣст. Европы», 1868, т. V.

Понятно, что чехи захотѣли съ честью отпраздновать память человѣка, составляющаго ихъ гордость, ихъ лучшее національное достояніе, и можно только жалѣть, что празднество, о которомъ было повѣщено съ такою торжественностью, судя по отзывамъ всѣхъ безпристрастныхъ людей, не имѣло такого блеска, какого можно было желать.

Комитетъ, составившійся для празднованія пятисотлѣтняго юбилея Гуса, нѣсколько мѣсяцевъ уже какъ позаботился разослать приглашенія не только ко всѣмъ европейскимъ знаменитостямъ, но ко всѣмъ сколько-нибудь извѣстнымъ въ литературѣ лицамъ. Безъ сомнѣнія, съѣздъ всѣхъ первостепенныхъ звѣздъ Европы придалъ бы празднеству необыкновенную торжественность, но къ несчастію организаторовъ его никто изъ знаменитостей не явился на ихъ зовъ. Если отсутствіе европейскихъ знаменитостей могло быть объяснено далекимъ разстояніемъ, то болѣе странно и непонятно казалось отсутствіе на этомъ чешскомъ праздникѣ старыхъ предводителей народнаго движенія, людей, стоящихъ во главѣ старой чешской партіи, какъ Палацкій и Ригеръ, которые появились только на послѣднемъ прощальномъ обѣдѣ. Дѣло въ томъ, что празднество это было устроено исключительно молодою чешскою партіею, гдѣ главными дѣятелями представляются Сладковскій, два брата Грегры, люди же старо-чешской партіи сочли подобную манифестацію неудобною и лишнею при томъ натянутомъ положеніи, которое существуетъ въ Богеміи. Безъ сомнѣнія, если они явились въ послѣднія минуты праздника, то только потому, что совершенное ихъ отсутствіе произвело бы крайне неблагопріятное впечатлѣніе, показывая какъ великъ раздоръ между двумя чешскими партіями. Это отсутствіе старыхъ вожаковъ чешскаго народа во всѣ первые дни праздника и безъ того уже должно было дѣйствовать на присутствующихъ охлаждающимъ образомъ.

Банкеты, тосты, рѣчи, представленія gala все это шло своимъ чередомъ на чешскомъ празднествѣ, какъ и на всѣхъ остальныхъ, и если что-нибудь придавало ему оригинальность, то это довольно длинное путешествіе всѣхъ пріѣхавшихъ гостей и всевозможныхъ чешскихъ депутацій изъ Праги въ мѣстечко Гусинецъ, гдѣ родился великій реформаторъ 6-го іюля 1369 года. Празднество продолжалось нѣсколько дней подъ-рядъ, начавшись и кончившись въ Прагѣ, гдѣ прошла вся жизнь Гуса. Во всѣхъ рѣчахъ, которыя были произнесены на этомъ празднествѣ, указаніе на роль Гуса въ исторіи чешскаго народа, роль бойца за его самобытное существованіе, составляло главное, чтобы не сказать исключительное содержаніе. Народный дѣятель какъ бы стушевалъ религіознаго реформатора; оно, впрочемъ, и естественно въ данномъ положеніи, когда тотъ же на-

ціональный вопросъ, который волновалъ Богемію XV вѣка, волнуетъ ее и теперь во второй половинѣ XIX столѣтія, принимая все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Чехи должны въ самомъ дѣлѣ съ любовью обращаться къ своей старой исторіи, къ своему золотому XV-му вѣку, который одинъ только и можетъ носить это имя; они должны съ восторгомъ вспоминать этотъ славный періодъ ихъ жизни, великихъ дѣятелей этой эпохи, во главѣ которыхъ стоитъ Янъ Гусъ, потому что этотъ вѣкъ и эти люди главнымъ образомъ даютъ право Богеміи XIX-го вѣка требовать себѣ самостоятельнаго существованія. Чехи сознаютъ это и сознаніе это чувствовалось почти во всѣхъ ихъ рѣчахъ, которыя, нужно ли это прибавлять, носили на себѣ печать искренняго жара, неподдѣльнаго увлеченія. Безчисленные крики: слава, слава, которыми перерывались эти рѣчи, были отвѣтомъ народа, выраженіемъ его сочувствія къ памяти великаго чешскаго патріота и еще болѣе великаго религіознаго реформатора, принадлежащаго исторіи всего цивилизованнаго міра. Ни въ одной изъ произнесенныхъ рѣчей не было лучше резюмировано значеніе праздника Гуса, какъ въ рѣчи Ригера, которая была какъ бы заключительнымъ словомъ національнаго празднества. Припомнивъ въ общихъ чертахъ двѣ великія эпохи чешской національности, гуситскія войны и тридцатилѣтнюю войну, припомнивъ ту могучую силу, которую высказалъ народъ, защищая свободу совѣсти и личнаго убѣжденія, припомнивъ мужество, съ которымъ онъ боролся противъ цѣлой Европы, Ригеръ дѣлаетъ вопросъ, который имѣетъ какъ нельзя болѣе современное значеніе: въ силу чего народъ вышелъ побѣдителемъ изъ гуситскихъ войнъ и вслѣдствіе какихъ несчастныхъ причинъ онъ былъ разбитъ во время тридцатилѣтней войны, чуть не изошедши кровью въ сраженіи при Бѣлой Горѣ? Въ гуситскихъ войнахъ, отвѣчаетъ Ригеръ, онъ побѣдилъ «прежде всего національнымъ согласіемъ, тѣмъ, что всѣ сословія, всѣ классы народа боролись за одно общее дѣло.» Причиной пораженія во время тридцатилѣтней войны было то, что «борьба велась лишь отдѣльными кружками, а народъ не принималъ въ ней участія». Другими словами, Ригеръ говорилъ: если въ настоящей борьбѣ вы хотите быть побѣдителями, то пусть среди насъ водворится согласіе и миръ, если же нѣтъ, если весь народъ не будетъ воодушевленъ одною и тою же идеею національной самобытности, тогда мы снова потерпимъ пораженіе. «Величіе Гуса,—продолжалъ Ригеръ, — въ томъ и заключается, это онъ стоялъ за свободу изслѣдованія, провелъ ее для чешскаго народа и за нее принялъ смерть. Народъ, порождающій такихъ людей, не можетъ погибнуть. Воспользуемся же урокомъ того времени! Мнѣ уже слышится громъ на политическомъ горизонтѣ, уже чувствуется въ душѣ приближеніе бури. Быть можетъ, въ скоромъ времени снова будетъ брошенъ жребій на

чешской землѣ о нашемъ народѣ. Мы должны показать тогда, что мы созрѣли для нашей задачи. Въ рѣшительный часъ мы должны быть готовы бороться и умереть за наши убѣжденія... Если мы будемъ похожи на нашего Гуса, умѣвшаго отдать жизнь за свои убѣжденія, то мы не будемъ побѣждены и теперь.» Послѣ теплыхъ словъ чешскаго оратора и выраженнаго имъ желанія, чтобы народъ готовъ былъ въ настоящую минуту также бороться и также умереть за свои убѣжденія, можно сдѣлать одинъ вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ чешскій народъ и его предводители также искренни въ своей борьбѣ, какъ былъ Гусъ и его послѣдователи XV-го вѣка, не братаются ли и не цѣлуются ли они съ людьми, подобными напр. московско-петербургскимъ публицистамъ, которые не могутъ быть ихъ друзьями, потому что эти люди прежде всего враги истинной народной свободы и враги свободнаго изслѣдованія. Можно пожелать, чтобы чешскіе патріоты искали силы, опоры въ своей борьбѣ за свободу въ самихъ себѣ, въ своемъ народѣ, какъ искалъ и нашелъ ее Гусъ, а не въ той средѣ, не въ томъ жалкомъ лагерѣ русскаго общества, не въ тѣхъ людяхъ, которые сегодня являются намъ въ образѣ англомановъ, конституціоналистовъ, сторонниковъ свободныхъ учрежденій, самоуправленія, а завтра, если только имъ это выгодно, дѣлаются защитниками прямо противоположныхъ началъ, и свой западно-европейскій костюмъ быстро мѣняютъ на азіатскій, или впадаютъ въ славянофильство. (Понятно, что мы вовсе не думаемъ приравнивать этихъ людей, у которыхъ фальшъ сдѣлалась закономъ, къ тѣмъ немногимъ искреннимъ славянофиламъ, которые всегда оставались вѣрны себѣ, и въ честности которыхъ никто не сомнѣвается. Если бы въ литературѣ, журналистикѣ, кто-нибудь захотѣлъ искать представителей этихъ двухъ направленій, одного фальшиваго, другаго искренняго, то кто не узнаетъ въ публицистахъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Голоса» и комп. представителей перваго, а представителей второго въ людяхъ подобныхъ бывшему редактору «Москвы»). Пусть же не лукавятъ чешскіе предводители, пусть не говорятъ: вы наши братья, людямъ, которыхъ внутри своей души они не считаютъ за братьевъ; пусть ради устрашенія своего врага—австрійскаго правительства, они не ѣздятъ на всевозможные съѣзды и не осушаютъ бокаловъ за неразрывный союзъ съ народомъ, когда они вовсе не хотятъ этого союза и боятся его. Мы сомнѣваемся въ полной искренности чешской дружбы, потому что помнимъ отрывокъ изъ письма г. Палацкаго, адресованнаго имъ въ 1848 году въ комитетъ франкфуртскаго парламента. Нельзя не сознаться, что мнѣніе, высказываемое имъ тутъ о Россіи, какъ-то дурно согласуется съ пріѣздомъ, напр., братьевъ-чеховъ въ Москву и съ ихъ громкими увѣреніями въ неразрывномъ союзѣ съ обществомъ, которое, нужно сказать правду, такъ мало имѣетъ общихъ идеаловъ съ идеалами ихъ героя—Гуса. «Независимость и сила

Австріи (писалъ Палацкій) не только необходимы для моего народа, но одинаково и для цѣлой Европы и для самой цивилизаціи. Прошу васъ, выслушайте меня. Вы знаете ту колоссальную державу, которая занимаетъ весь востокъ Европы; почти непобѣдимая на своей собственной землѣ, она угрожаетъ уже свободѣ міра и стремится превратиться въ всемірную монархію. Хотя эта всемірная монархія и направлена какъ будто бы ко благу славянскихъ народовъ, но я, славянинъ въ душѣ и сердцѣ, я бы смотрѣлъ на нее какъ на страшное зло, какъ на безконечное и чрезмѣрное бѣдствіе. Въ Германіи меня считаютъ врагомъ нѣмецкихъ народовъ; въ Россіи скажутъ, что я врагъ русскихъ. Пускай. Я всегда ставилъ интересы человѣчества и цивилизаціи выше интересовъ расы...» Мы далеки отъ того, чтобы слова эти обращать въ укоръ чешскому патріоту, хотя мы и не допускаемъ мнѣнія г. Палацкаго, чтобы «колоссальная держава» угрожала свободѣ міра; напротивъ, мы видимъ въ его словахъ гораздо больше потомка и послѣдователя Гуса, чѣмъ въ тѣхъ объятіяхъ, которыми онъ удостоивалъ хоть бы своихъ московскихъ друзей. Мы приводимъ эти слова только для того, чтобы наши доморощенные публицисты не воображали себѣ, что они могутъ проводить умныхъ людей; умные люди ихъ хорошо понимаютъ, и если они водятся съ ними, то только потому, что этимъ думаютъ служить, — правда, плохой разсчетъ, — своему національному дѣлу. Конечно, въ настоящую минуту взглядъ Палацкаго на Россію представляется преувеличеннымъ, колоссальная сила оказалась вовсе не грозной міру. Но тѣмъ не менѣе сущность словъ Палацкаго остается, съ точки зрѣнія чешской, во всей своей неприкосновенности и до настоящей минуты, и намъ кажется, что лучшее, что могутъ сдѣлать наши проповѣдники свободы народовъ, это вдуматься поглубже въ слова Палацкаго и за тѣмъ побросать такъ мало приставшія къ нимъ фригійскія шапки, и перестать кричать: да здравствуютъ братья-славяне, да здравствуетъ Гусъ, да погибнетъ Австрія! Идеалы вашихъ, братьевъ-славянъ московскіе и петербургскіе публицисты, вовсе не ваши идеалы; отъ идеаловъ Гуса, если бы вы захотѣли остаться вѣрны себѣ, вы бы должны были открещиваться какъ отъ вражеской силы, какъ отъ дьявольскаго навожденія. А что касается до вашего крика: да погибнетъ Австрія! то вы очень заблуждаетесь, если думаете, что онъ раздѣляется вашими братьями-славянами. Если въ 1848 году, т. е. тогда, когда Австрія была во всемъ разгарѣ Меттерниховской реакціи, Палацкій писалъ: «если бы Австрія не существовала, то ее нужно было бы создать въ интересѣ Европы»; если тогда онъ съ ужасомъ говорилъ о распаденіи Австріи, какъ о страшномъ злѣ; если тогда онъ съ энергіею восклицалъ: единство разрушено, связи народовъ порваны, части государства, независимыя другъ отъ друга, безъ силы, безъ покровительства... ахъ! господа, какую бы услугу вы оказали врагу, кото-

рый намъ угрожаетъ! какой соблазнъ для Россіи!», то что же бы онъ сказалъ — если бы захотѣлъ быть искрененъ — теперь, когда Австрія вступила твердою ногою на путь самыхъ коренныхъ преобразованій, замѣнивъ систему неограниченнаго правленія системою народнаго представительства, и когда вопросъ объ автономіи, которая требуется Богеміею, можно считать почти порѣшеннымъ вопросомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Палацкій не отказался бы теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, отъ тѣхъ словъ, которыя онъ произносилъ въ 1848 году. Если бы наши доморощенные публицисты, славянскіе комитеты, однимъ словомъ, весь нашъ славянствующій людъ пересталъ ломаться и наивно хитрить, прикрывая свою щетину парикомъ изъ шелковистаго волоса, а проникся бы откровенно высказанными словами Палацкаго, тогда безъ сомнѣнія этотъ людъ не игралъ бы такой въ высшей степени комической роли въ празднованіи пятисотлѣтняго юбилея Гуса. Мы не станемъ говорить о рѣчахъ русскихъ представителей на самомъ празднествѣ въ Прагѣ, ссылаясь на корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», который, упоминая объ этихъ рѣчахъ, одинъ разъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Мы радовались только тому, что тутъ не было, кажется, стенографа, и что такимъ образомъ есть надежда на то, что импровизація г. Губина не попадетъ въ здѣшнія газеты», въ другой разъ, говоря, что онъ немного потерялъ, не слыхавъ рѣчей того же г. Губина и компаніи. Но какъ не сказать хотя нѣсколько словъ о празднованіи памяти Гуса у насъ въ Россіи, и главнымъ образомъ въ центрѣ славянщины—въ Москвѣ? Все, что мы говорили, было бы не полно безъ этого заключительнаго букета, безъ этого перла въ томъ фарсѣ, который наши либеральные публицисты разыграли на глазахъ цѣлой Европы.

Мы бы зашли слишкомъ далеко, если бы захотѣли прослѣдить всѣ выраженія теплыхъ чувствъ, которыя изливались изъ медоточивыхъ устъ всевозможныхъ «братьевъ» по случаю чешскаго торжества, поэтому остановимся, только немного, на чрезвычайномъ засѣданіи московскаго славянскаго благотворительнаго комитета, которое происходило 24-го августа, т. е. въ день празднованія памяти Гуса. Мы выбираемъ его потому, что оно представляетъ особенно юмористическій характеръ, какъ по самой торжественности обстановки, такъ и по тому, что говорилось на этомъ почтенномъ собраніи. Изліянія братскихъ чувствъ принялъ на себя М. П. Погодинъ, и мы сердечно радуемся, что рѣчь его напечатана и такимъ образомъ не пропадетъ для потомства. Говоря о причинахъ, которыя принуждаютъ русскаго человѣка особенно чествовать память Гуса (хотя мы и признаемся, что особенныхъ причинъ вовсе не видимъ), онъ говоритъ, между прочимъ: «въ 1867 году, русскій Богъ свелъ въ Москвѣ представителей всѣхъ славянскихъ племенъ, которые во очію увидѣли и почувствовали свое

родство, сознали себя единымъ народомъ». По истинѣ неоцѣненная фраза: до сихъ поръ мы предполагали, что у всѣхъ христіанскихъ народовъ есть только одинъ Богъ, теперь благодаря г. Погодину мы узнаемъ, что есть русскій богъ, вскорѣ мы можетъ быть познакомимся и съ какимъ-нибудь московскимъ богомъ. Увы! гдѣ православіе г. Погодина, неужели онъ измѣняетъ ему и бросается въ объятія язычества! Правда, мы слышали когда-то о какомъ-то стихотвореніи подъ названіемъ «Русскій богъ» и можетъ быть г. Погодинъ правъ, можетъ быть именно «богъ» этого стихотворенія привелъ въ Москву представителей всѣхъ славянскихъ племенъ, которые «во очію увидѣли и почувствовали свое родство». Когда г. Погодинъ говоритъ о знаменитомъ московскомъ съѣздѣ, то мы еще готовы слушать, хотя бы веселья ради; но неужели можно толковать серьезно объ этомъ съѣздѣ, какъ толкуютъ наши достохвальные публицисты, неужели до сихъ поръ люди еще не убѣдились, что весь этотъ съѣздъ былъ не что иное какъ жалкая и вовсе не умная комедія, гдѣ съ обѣихъ сторонъ не было ровно ничего, кромѣ лукавства и фальши или недальновидности и слабоумія. Мы еще кое-какъ понимаемъ явившихся сюда чеховъ, которымъ нужно было пугнуть австрійское правительство, хотя мы вовсе не одобряемъ подобныхъ средствъ для борьбы; но, что касается до остальной компаніи, до остальныхъ «представителей», то можно только спросить, какъ въ какой-то комедіи «и кого они только надуть хотѣли». Да, дѣйствительно, какъ замѣчаетъ г. Погодинъ, «знаменательное происшествіе» и особенно знаменательное, когда сравните всѣ произносившіяся тогда рѣчи, всѣ увѣренія, всѣ лобызанія съ вышеприведенными строками г. Палацкаго. Мы бы желали только, чтобы г. Палацкій всегда былъ такъ искрененъ, какъ онъ былъ въ 1848 году; авось тогда наши московскіе и иные петербургскіе публицисты позаимствовались бы у него искренности, и откинувъ свой фиглярскій костюмъ, перестали бы либеральничать на чужой счетъ и требовать для той или другой національности свободы, которая имъ никогда не была дорога.

Затѣмъ, потолковавъ о томъ, какъ хорошо было, что Гусъ былъ славяниномъ, и какъ мы можемъ гордиться этимъ, г. Погодинъ обратился къ главному содержанію своей рѣчи, именно къ православію Гуса. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «онъ какъ будто воспоминалъ смутно или темно предчувствовалъ православіе»; въ другомъ: «а что онъ дѣйствительно стоялъ на почвѣ православія...» Пора, кажется, было бы отбросить и позабыть эту историческую фантазію, которую нѣкогда создали славянофилы, искренно въ нее вѣрившіе, и которую теперь эксплуатируютъ шарлатаны или наивные люди — эту историческую неправду, которою можно морочить только людей, незнакомыхъ съ ученіемъ Гуса. Сходство между ученіемъ Гуса и правосла-

віемъ заключается исключительно во внѣшнихъ формахъ, сущность же, внутреннее содержаніе, главныя основы діаметрально противоположны. Основаніемъ ученія Гуса служитъ свободное изслѣдованіе, разумъ стоитъ у него на первомъ планѣ, въ дѣлѣ религіи онъ не знаетъ никакихъ авторитетовъ, для человѣка онъ требуетъ полной независимости, самобытности, и во всемъ, что касается совѣсти, не допускаетъ другого судьи, какъ самого человѣка. Не таковы, конечно, основанія православія, и съ этимъ едва ли кто станетъ спорить. Въ чемъ же заключается сходство? въ причащеніи подъ обоими видами; но за то сколько въ этой же самой области несходнаго, противоположнаго. Гусъ отвергаетъ исповѣдь, говоря, что власть вязать и рѣшить принадлежитъ одному Богу, отвергаетъ поклоненіе святымъ, мощамъ и т. п. Но все это разумѣется частности, главное же, радикальное различіе, дѣлающее всякое уподобленіе ученія Гуса православію какимъ-то бредомъ извращенныхъ умовъ, это — въ основахъ того и другого. Въ основаніи одного лежитъ вѣра; въ основаніи другого свободный анализъ, свободное изслѣдованіе. Фантазіи на эту тему близкой связи православія съ Гусомъ безконечны, и въ нихъ наша ультра-православная партія доходитъ до самыхъ смѣлыхъ предположеній. Что стоитъ напр. г. Погодину утверждать, что не будь остановлена дѣятельность Гуса и его послѣдователей, они бы непремѣнно закончили самымъ тѣснымъ сближеніемъ съ православіемъ? Ровно ничего. Русскій человѣкъ особенно смѣлъ на предположенія, и конечно его не остановятъ какіе-нибудь историческіе факты, доказывающіе вовсе противное. Какое дѣло г. Погодину, что дальнѣйшіе и самые прямые послѣдователи Гуса, Табориты напр., не только не приближались къ православію, но уходили отъ него все дальше и дальше, — станетъ ли онъ стѣсняться такими пустяками, когда ему нужно обратить Гуса въ православіе? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Всѣ остальныя разсужденія г. Погодина въ такомъ же родѣ, и безъ сомнѣнія мы не стали бы останавливаться на подобныхъ измышленіяхъ, если бы не желаніе предостеречь черезчуръ легковѣрныхъ читателей. Нужно впрочемъ отдать честь г. Погодину, что его разсужденія, особенно подобныя тѣмъ, когда онъ утверждаетъ, что Гусъ былъ ревнителемъ православія, ему положительно неизвѣстнаго, безвреднѣе всего, что говорится и пишется славянствующею братіею, потому что свою безцѣнную наивность онъ не прикрываетъ никакимъ лицемѣріемъ, никакимъ лукавствомъ и фальшью, какъ дѣлаютъ это прочіе публицисты.

Довольно, впрочемъ, толковать о нашихъ друзьяхъ свободы, обо всѣхъ этихъ московско-петербургскихъ публицистахъ, прикидываю-
ралами, защитниками угнетенныхъ народовъ и врагами, мы
всякихъ насилій и всякаго произвола! пусть посылаютъ

они всевозможныя чаши, пусть произносятъ всевозможныя рѣчи и пишутъ громоносныя статьи противъ угнетателей, подобныхъ австрійскому правительству, будемъ только надѣяться, что они никого не обманутъ, и что искренность ихъ либерализма будетъ оцѣнена всѣми по достоинству. Возвратимся лучше къ чехамъ, въ Богемію, гдѣ въ эту минуту происходятъ выборы въ богемскій сеймъ. По поводу этихъ выборовъ вожаки чешскаго народа выпустили воззваніе къ націи, подписанное именами Палацкаго, Ригера, Сладковскаго, Грегровъ и многихъ другихъ, въ которомъ они обращаются къ народу съ вопросомъ: одобряетъ онъ или нѣтъ избранную ими политическую миссію, которая опредѣлилась протестомъ 13-го апрѣля 1867 года и знаменитою деклараціею 22-го августа 1868 года, послѣ которой они покинули сеймъ, предпочитая вовсе отказаться отъ народнаго представительства, чѣмъ имѣть его не такимъ, какимъ они желаютъ и какого домогаются, т. е. такого, которое обезпечивало бы «государственныя права чешской короны, автономію славяно-чешскаго королевства и равноправность его національности». Они приводятъ, какъ долго старались они держаться примирительной политики, достигнуть соглашенія путемъ взаимныхъ уступокъ, и рѣшились встать на почву болѣе радикальной оппозиціи только тогда, когда, какъ они говорятъ, «обнаружилось стремленіе подчинить чешскую національность въ ея отечествѣ и повсемѣстно въ имперіи ни на чемъ не основанному преобладанію нѣмецкаго элемента». Они вышли тогда изъ богемскаго сейма, который посылаетъ депутатовъ въ центральное государственное собраніе, въ рейхсратъ, и объявили, что не войдутъ въ него обратно, пока требованія ихъ автономіи и возвращенія самостоятельности коронѣ Богеміи, «конечно не менѣе славной и важной чѣмъ корона Венгріи», не будутъ уважены. Новые выборы, которые происходили 22-го и 24-го сентября, дали значительное большинство федеративной партіи, и почти всѣ прежніе депутаты снова выбраны. Трудно предполагать, чтобы австрійское правительство, которое ничего такъ не желаетъ какъ мира и согласія для страны, чтобы свободно идти впередъ по пути предпринятыхъ преобразованій, не рѣшилось сдѣлать новыхъ уступокъ и, по крайней мѣрѣ, въ значительной доли удовлетворить требованіямъ чешской націи.

Возможно быстрое соглашеніе съ національностями, входящими въ составъ имперіи, важно для австрійскаго правительства не только въ виду успѣшнаго хода внутренняго преобразованія страны, но также и въ виду внѣшней политики Австріи, которая, благодаря графу Бейсту, постоянно привлекаетъ къ себѣ вниманіе Европы. Не успѣло успокоиться раздраженіе и дипломатическое волненіе, вызванное перепискою прошлаго мѣсяца между графомъ Бейстомъ и прусскимъ министромъ Тиле, раздраженіе, дошедшее до послѣднихъ предѣловъ съ

обѣихъ сторонъ и заставившее ихъ высказать другъ другу самыя нелюбезныя вещи, въ видѣ крупныхъ упрековъ, съ одной стороны въ нарушеніи пражскаго трактата 1866 года, въ видѣ рѣзкихъ обвиненій, съ другой, во вмѣшательствѣ не въ свои дѣла, какъ снова графу Бейсту приписываютъ въ прусской печати самые злостные замыслы для составленія союза съ Франціею, съ цѣлію недопустить Пруссію, поглотить южную Германію, о чемъ въ эти послѣдніе дни опять возникли сильные толки.

Конечно не мы стали бы удивляться, если бы эти толки не лишены были даже основанія, и если бы прусскому королю и его министру, покоющемуся въ Варцинѣ, захотѣлось воспользоваться настоящею минутою, минутою какого-то общаго европейскаго смущенія, чтобы докончить дѣло пруссификаціи Германіи и тѣмъ снова подогрѣть уже начавшійся охлаждаться военный жаръ и милитарный патріотизмъ пруссаковъ. Трудно рѣшить, чѣмъ кончится эта прожорливость прусскаго правительства, удастся ли ему переварить проглоченные, но не пережеванные куски, которые оно захватило въ 1866 году. Есть нѣкоторые симптомы, которые должны были бы служить предостереженіемъ прусскому правительству, что гораздо легче проглотить чѣмъ переварить что-нибудь, и эти симптомы выражаются въ неуспокоивающемся недовольствѣ Ганновера, въ незатихающей злобѣ стараго свободнаго города Франкфурта и въ энергіи, которую обнаруживаетъ населеніе Шлезвига, чтобы не воспользоваться всѣми благами, предоставляемыми прусскимъ правительствомъ, и снова быть присоединеннымъ къ Даніи. «Мы съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, говорится въ адресѣ,—который долженъ быть поднесенъ отъ имени всего населенія прусскому королю,—ожидаемъ дня, который долженъ снова соединить насъ съ братьями, отъ которыхъ мы были оторваны, что наша страна страдаетъ отъ подобнаго нерѣшительнаго положенія. Ничто, продолжаютъ они, не способно нарушить нашу вѣру въ исполненіе пражскаго трактата», по которому, какъ извѣстно, согласно его 5-му параграфу, въ Шлезвигѣ должна была быть произведена всеобщая подача голосовъ, чтобы узнать, желаетъ ли Шлезвигъ остаться подъ властію Пруссіи или опять отойти къ Даніи. Если что-нибудь есть лишнее въ этомъ адресѣ, то это разумѣется выраженіе увѣренности, что условія пражскаго трактата будутъ выполнены. Прусское правительство слишкомъ хорошо знаетъ, чѣмъ кончилась бы въ Шлезвигѣ подобная подача голосовъ, чтобы уберечься отъ нея. Если бы оно и рѣшилось когда-нибудь на выполненіе 5-го параграфа пражскаго договора, то уже конечно не прежде, чѣмъ оно получитъ увѣренность, что вліяніе прусской цивилизаціи, при помощи различныхъ внушительныхъ мѣръ, таково уже, что нѣтъ причины опасаться враждебнаго для себя результата всеобщей подачи голосовъ. Нужно впро-

чемъ сказать и то, что прусскому королю вовсе нѣтъ и времени прислушиваться къ требованіямъ и къ недовольству силою присоединенныхъ провинцій, онъ слишкомъ занятъ постояннымъ осмотромъ своихъ вѣрныхъ войскъ, и еще болѣе можетъ быть произнесеніемъ безчисленныхъ рѣчей, въ которыхъ онъ, какъ обыкновенно, толкуетъ о своемъ божественномъ правѣ, какъ будто бы кто-нибудь имѣлъ на столько дерзости, чтобы сомнѣваться въ немъ. Божественное право и Садова—вотъ два пункта, которые украшаютъ собою двѣ курьёзныя рѣчи прусскаго короля Вильгельма I, изъ которыхъ одна произнесена была въ Помераніи, другая въ Кёнигсбергѣ. Послѣдняя въ отношеніи современности проповѣдуемыхъ въ ней идей особенно замѣчательна.

Мы понимаемъ, что прусскому королю, увѣнчанному лаврами Садовы, не сидится болѣе на мѣстѣ, ему хочется новыхъ лавровъ, новыхъ побѣдъ, и какъ въ самомъ дѣлѣ не смотрѣть ему съ нѣкоторымъ умиленіемъ на южную Германію, особенно въ эту минуту, когда глаза Европы отвлечены съ этого пункта, когда все вниманіе направлено на ту страну, которая до сихъ поръ являлась для Пруссіи главнымъ камнемъ претковенія для осуществленія своихъ великихъ плановъ. Теперь не то, Франція, думаетъ прусское правительство, не страшна болѣе, потому, что она занята своими внутренними вопросами, она занята установленіемъ новаго политическаго порядка, все вниманіе ея поглощено двумя грозными словами: что́ будетъ? «Что́ будетъ», вотъ вопросъ, который въ послѣднее время занималъ и занимаетъ не одну Францію, но цѣлую Европу. Вопросъ, какое правительство, какой порядокъ долженъ явиться на смѣну второй имперіи, стоявшій на очереди уже довольно давно, вдругъ приблизился, сдѣлался вопросомъ дня, минуты. Положеніе натянутое до чрезвычайности со времени послѣднихъ выборовъ, сдѣлалось еще болѣе натянутымъ, болѣе нерѣшительнымъ вслѣдствіе болѣзни Наполеона III, которая, къ стыду XIX-го вѣка, впродолженіе нѣсколькихъ недѣль держала Европу въ какомъ-то оцѣпенѣніи, въ какомъ-то необычайномъ страхѣ. Безъ сомнѣнія, смерть Наполеона III можетъ ускорить событія, но не измѣнитъ ихъ естественнаго теченія. Франція стремится къ перевороту, который совершится помимо всякаго посторонняго обстоятельства, помимо смерти или выздоровленія ея дряхлаго императора. Положеніе сдѣлалось натянутое, кризисъ наступилъ прежде болѣзни императора, и потому этой болѣзни не слѣдуетъ приписывать бо́льшаго значенія, чѣмъ она имѣетъ. Возвращеніе къ нему здоровья и силъ не предотвратитъ вторую имперію отъ паденія, смерть же его ускоритъ это паденіе на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Такъ мало въ настоящую минуту, въ данномъ положеніи Франція можетъ играть роль жизнь или смерть одного человѣка. Событія диктуются самымъ положеніемъ страны, возбужденіе которой достигло до послѣдней степени. Въ по-

ложеніи этомъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца не произошло никакой перемѣны, такъ какъ принятіе сенатомъ проекта сенатскаго постановленія никогда не было подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, и самое вотированіе этого дополненія къ французской конституціи прошло совершенно незамѣченнымъ. Въ то время, когда сенатъ обсуждалъ этотъ «дополнительный актъ» второй имперіи, общество ушло уже значительно впередъ въ своихъ требованіяхъ, такъ что сенатское постановленіе явилось запоздалымъ и отсталымъ. Самымъ выдающимся эпизодомъ во время обсужденія сенатскаго постановленія была рѣчь принца Наполеона, которая заслужила названіе «прискорбнаго и скандалезнаго поступка», во время самаго засѣданія сената. Такъ названа она была сенаторомъ Сегюръ д'Агессо, который въ увлеченіи своемъ и въ преданности второй имперіи дошелъ до того, что забылъ, что́ такое парламентское приличіе. Рѣчь принца Наполеона въ самомъ дѣлѣ либеральна по отношенію къ правительству, въ сенатѣ даже она могла показаться красною, ею значительно опережалось все то, что сдѣлано правительствомъ, либерализмъ принца Наполеона однимъ словомъ оставилъ позади либерализмъ императора Наполеона. Вотъ въ чемъ заключается скандалъ, о которомъ говорилъ Сегюръ д'Агессо. Либеральная, скажемъ даже радикальная рѣчь принца Наполеона интересна только въ томъ отношеніи, что она указываетъ, какъ далеко ушло общественное мнѣніе, если принцъ Наполеонъ, чтобы заслужить его одобреніе, долженъ былъ произнести рѣчь, названную «скандальною и прискорбною». Что же касается до самого принца Наполеона, то либерализмъ его никого не долженъ обманывать; это тотъ же самый либерализмъ, разумѣется въ несравненно болѣе цивилизованной формѣ, какъ и тотъ, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи, т. е. фальшивый, неискренній, либерализмъ ради популярности, какимъ обыкновенно отличаются всѣ претенденты и многіе наслѣдники престоловъ, что конечно имъ не мѣшаетъ, какъ только они взобрались на тронъ, дѣлаться самыми деспотическими правителями и считать свой прежній либерализмъ утопіею молодости. Либерализмъ принца Наполеона именно этого сорта; кто знаетъ, какія мечты, какіе властолюбивые замыслы наполняютъ его бонапартовскую голову! Несравненно важнѣе по нашему то воззваніе, которое сдѣлалъ депутатъ законодательнаго корпуса графъ Кератри, въ которомъ онъ приглашаетъ всѣхъ депутатовъ собраться въ зданіи законодательнаго корпуса, будетъ или не будетъ онъ созванъ правительствомъ. 26-го октября истекаетъ шестимѣсячный срокъ со времени распущенія палаты, а по конституціи 1852 г. новый законодательный корпусъ долженъ быть собранъ впродолженіе этого времени. Слѣдовательно, говоритъ Кератри, если законодательный корпусъ не будетъ созванъ до истеченія срока, какъ объ этомъ ходятъ слухи,

тогда мы, депутаты, въ силу закона обязаны собраться безъ всякаго созванія палаты со стороны правительства. Требованіе свое Кератри подтверждаетъ тѣмъ, что если законодательный корпусъ не будетъ созванъ, такъ какъ ту коротенькую сессію, которая продолжалась отъ конца іюня до 12 іюля, созванную исключительно для провѣрки выборовъ, нельзя считать за настоящую сессію, то произойдетъ «даже существенное и преднамѣренное нарушеніе конституціи, которую отъ мала до велика всѣ должны уважать», и тогда, продолжалъ онъ, депутаты освобождаются отъ данной ими присяги. Смѣлое, но вполнѣ законное требованіе Кератри обсуждается уже всею прессою, и весьма легко можетъ быть, что къ этому требованію присоединятся другіе другіе депутаты. Начало уже сдѣлано, какъ угадать, гдѣ остановится это движеніе, вызванное иниціативою Кератри. Нужно въ самомъ дѣлѣ сказать одно, правительство Наполеона III, какими бы соображеніями оно ни руководилось, откладывая созваніе законодательнаго корпуса, только еще болѣе сдѣлаетъ натянутымъ и безъ того натянутое положеніе. Если оно станетъ продолжать эту опасную игру, то это можно только объяснить тѣмъ головокруженіемъ правительства, которое всегда предшествуетъ окончательному паденію, такъ точно, какъ агонія предшествуетъ смерти.

Страна, какъ Францiя, которая собирается войти въ революцію и страна, какъ Испанія, которая собирается изъ нея выйти, находятся въ довольно сходномъ положеніи, и потому переходъ отъ одной къ другой какъ нельзя болѣе естественъ. На дняхъ исполнится годовщина испанской революціи, и однако ни одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя предсказывались въ такомъ изобиліи, не осуществились на самомъ дѣлѣ. Говорили, что результаты испанской революціи будутъ уничтожены черезъ нѣсколько мѣсяцевъ какимъ-нибудь абсолютнымъ монархомъ или диктаторомъ-воиномъ, который немедленно задушитъ вырванную у Бурбоновъ свободу, и однако, испанцы не выбрали не только никакого абсолютнаго монарха, но даже и конституціоннаго монарха, а продолжаютъ жить и трудиться для очищенія страны отъ остатковъ вѣкового деспотизма, ограничиваясь регентствомъ маршала Серрано, одного изъ главныхъ вождей сентябрьской революціи 1868 года. Предвѣщали, что Испанія объята будетъ тотчасъ же страшною междоусобною войною, и однако никакой страшной междоусобной войны не приключилось и тѣ ничтожныя карлистскія шайки, которыя проникли въ страну безъ всякихъ усилій, были разсѣяны, какъ мухи. Предвѣщали.... впрочемъ, чего не предвѣщали, да всего не перечтешь! Результатъ революціи пока одинъ: это принесенное ею нравственное и политическое возрожденіе страны, которая, благодаря ей, воскресла для новой жизни. Мы не разъ уже говорили въ нашихъ политическихъ обозрѣ-

ніяхъ, что именно сдѣлано Испаніею въ этотъ короткій промежутокъ времени, и потому не станемъ болѣе повторять одного и того же.

Насъ могли бы упрекнуть въ слѣпомъ пристрастіи къ Испаніи, еслибы мы стали утверждать, что на пути къ своему полному возрожденію она не встрѣчаетъ ничего, кромѣ розъ; нѣтъ, шипы попадаются также, ихъ даже много, но нужно было бы быть слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобы предполагать, что такой колоссальный переворотъ, который совершился въ Испаніи, можетъ быть избавленъ отъ всякихъ затрудненій и кризисовъ. Борьба партій: монархической и республиканской съ одной стороны, и возстаніе острова Кубы съ другой—вотъ главный источникъ натянутаго положенія. Уже годъ, какъ длится возстаніе Кубы и всѣ усилія испанскихъ войскъ остаются тщетны въ ихъ борьбѣ съ островитянами, которые желаютъ полной независимости отъ метрополіи. Если понятны стремленія Кубы, то не менѣе понятно желаніе Испаніи удержать за собою этотъ перлъ своихъ колоній, потому что островъ Куба служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства и доходовъ Испаніи. Положеніе въ Кубѣ, и безъ того тяжелое для Испаніи, усложняется еще пока косвеннымъ вмѣшательствомъ въ это дѣло Сѣверо - Американскихъ Штатовъ, которое грозитъ перейти въ прямое. Американскій посланникъ въ Мадридѣ заявилъ уже испанскому правительству, что правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ намѣрено признать Кубу воюющею стороною; правда, это намѣреніе на время было отклонено совокупными усиліями Испаніи, Франціи и Англіи, но кто знаетъ, долго ли само правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ состояніи будетъ противиться желанію націи, не скрывающей свое сочувствіе возставшей Кубѣ всякаго рода матеріальною помощью.

Если трудно предсказывать чѣмъ кончится дѣло съ Кубою, то не менѣе трудно рѣшить—чѣмъ кончится борьба между республиканскою и монархическою которая продолжаетъ свои поиски за подходящимъ кандидатомъ въ испанскіе короли. Много есть основаній чтобы полагать, что поиски эти останутся поисками, и что монархическая партія не достигнетъ своей цѣли — дать Испаніи короля, положеніе котораго во всякомъ случаѣ было бы не только печально, но и крайне шатко, такъ какъ республиканская партія все увеличивается, а все, что выигрываетъ она, то теряетъ партія монархіи. Послѣдній кандидатъ, который выставленъ этою партіею — это маленькій герцогъ генуэзскій, племянникъ Виктора-Эмануила, который, какъ утверждаютъ, далъ уже свое согласіе на отъѣздъ его въ Испанію. Если этотъ планъ осуществится, въ чемъ позволительно сомнѣваться, то Савойской династіи выпадетъ странная доля у двухъ народовъ, возвращенныхъ къ жизни послѣ вѣкового сна, служить звеномъ между порядкомъ, основаннымъ на безграничномъ произволѣ и порядкомъ, который чуждъ

всего, что̀ не вытекаетъ изъ народной воли. Савойской династіи, однимъ словомъ, выпадетъ жребій царствовать въ переходное время, такъ какъ нельзя иначе назвать ту эпоху, которую переживаетъ теперь не только Испанія, но и Италія. Эта послѣдняя, несмотря на всѣ потраченныя усилія, не можетъ еще войти въ нормальное положеніе, и никогда это не было такъ ясно, какъ въ послѣднее время, когда палата представляла самое странное зрѣлище. Министерство постоянно на волоскѣ, внутри его вѣчный кризисъ, партіи въ самой лютой борьбѣ между собою, подозрительность другъ къ другу невѣроятная и рядомъ съ этимъ, это только и есть отраднаго, — свобода націи остается неприкосновенна, ею только и держится, кажется, все зданіе. Тѣмъ не менѣе, положеніе страны трудное, Богъ знаетъ, сколько времени продлится это ненормальное состояніе, которое доказываетъ только одно, что здоровая политическая жизнь развивается туго, медленно, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ дольше какая-нибудь страна находилась подъ гнетомъ произвола.

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(Письма въ редакцію).

I.

Отнимите у новыхъ судовъ, созданныхъ судебными уставами 20-го ноября 1864 года, *гласность* судопроизводства и вы этимъ самымъ нанесете смертельный ударъ тому учрежденію, которое призвано перевоспитать Россію. Но что̀ разумѣть подъ именемъ *гласности?* Ужъ не то ли, что двери судебной камеры отперты для всѣхъ и что каждому дозволено обсуживать въ печати все, происходившее на судѣ? И да, и нѣтъ! Понятно, что контроль публики надъ судомъ невозможенъ, если въ самомъ законѣ не будутъ начертаны вышеуказанныя права; но, съ другой стороны, контроль публики получитъ дѣйствительное значеніе отнюдь не отъ того, что̀ будетъ написано въ уставѣ, но только отъ того, въ какой мѣрѣ публика будетъ пользоваться своимъ правомъ, въ какой мѣрѣ публика окажется подготовленною къ роли, предоставленной ей въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Съ этой точки зрѣнія *гласность* судопроизводства мирового суда въ провинціи поставлена въ совершенно особыя условія, на которыя, къ сожалѣнію, еще мало обра-

щено вниманія печатью. Не трудно представить себѣ камеру мирового судьи въ селѣ: благодаря отсутствію путей сообщенія и недостатку въ досугѣ, для большинства представителей сельской интеллигенціи, люди, знающіе законы и обязанности судьи, посѣщаютъ камеру весьма рѣдко; камера почти всегда наполнена крестьянами, не имѣющими никакой возможности контролировать дѣйствія судьи. Если относиться къ дѣлу безъ предвзятыхъ идей и совершенно искренно, то трудно не придти къ тому заключенію, что судья, провѣряемый только такою публикою, которая не въ состояніи подмѣтить отступленій отъ закона, дѣйствуетъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, дѣйствуетъ въ присутствіи публики, но не *публично*, не *гласно*, въ истинномъ значеніи этого слова. Что же будетъ изъ мирового суда, если *гласность* разбора дѣлъ обратится для того въ пустую форму безъ содержанія? Что́ будетъ изъ мирового суда, если мыслящее меньшинство не сочтетъ своимъ святымъ долгомъ стать на сторожѣ въ огражденіе дѣйствительнаго, а не формальнаго, контроля публики надъ судьею? Результатъ такого положенія вещей едва ли окажется отраднымъ; мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи падаютъ особенныя обязанности на нашу печать, которая не должна дать заглохнуть и заплеснѣвѣть провинціальному мировому суду, не находящему достаточнаго возбужденія и провѣрки въ той сферѣ, среди которой онъ дѣйствуетъ. Между тѣмъ обратитесь къ періодической печати и вы почти не встрѣтите извѣстій о провинціальныхъ мировыхъ судьяхъ, критической оцѣнки дѣятельности ихъ, за исключеніемъ указаній на такіе скандалы, которые нарушаютъ своею своеобразностію тишь и гладь провинціальной жизни. Близко поставленные къ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ въ провинціи, мы рѣшаемся отъ времени до времени вести о нихъ бесѣду съ читателемъ, для того, чтобы оказать свою долю содѣйствія *гласности* этого дѣла. Но задача печати, по отношенію къ провинціальной мировой юстиціи, не исчерпывается сообщеніемъ извѣстій о ходѣ дѣла; она имѣетъ и другое поприще, не менѣе плодотворное: печати предстоитъ разрѣшеніе вопроса, въ какой мѣрѣ примѣнимы судебные уставы, давшіе прекрасные результаты для столицъ и городовъ вообще, къ провинціи, къ сельской жизни, представляющей бездну особенностей? Мы постараемся въ своихъ письмахъ касаться и этого вопроса.

Не приступивъ еще къ лѣтописи, мы, быть можетъ, уже успѣли вызвать возраженія; намъ скажутъ: дѣйствія мирового судьи въ провинціи провѣряются не только публикою, которая многаго не замѣтитъ, но и съѣздомъ мировыхъ судей, въ который вносятся дѣла, по аппелляціи и кассаціи. Въ отвѣтъ на это необходимо сказать то же, что мы сказали о гласности: дѣло не только въ *правѣ* аппеллировать, но и въ томъ, какъ этимъ правомъ *пользуются*. Имѣя дѣло съ новымъ

учрежденіемъ, никогда не слѣдуетъ терять изъ виду ту *старую* почву, на которую оно пересаживается. Скажите, читатель, чистосердечно, чтó могло воспитать въ крестьянинѣ такія понятія, которыя допускали бы въ немъ увѣренность въ томъ, что ему не достанется за то, если онъ *пожалуется на начальство?* Или вы не помните того, какъ всячески старались внушать, что указаніе, въ предѣлахъ закона, на ошибки начальствующихъ лицъ, равносильно сопротивленію власти, роняетъ авторитетъ послѣдней и ведетъ къ безпорядкамъ.... Мировой судья является новымъ «начальствомъ» въ глазахъ крестьянина и не мало пройдетъ времени до тѣхъ поръ, пока большинство крестьянъ, воспитанное крѣпостнымъ правомъ, или окружными начальниками, будетъ аппеллировать въ съѣздъ: не оглядываясь и безъ всякихъ опасеній. За первые три мѣсяца дѣятельности мирового суда въ Екатеринославской губерніи, намъ уже не разъ приходилось слышать отъ тяжущихся, сѣтовавшихъ на рѣшеніе судьи, въ отвѣтъ на вопросъ нашъ, подадутъ ли они жалобу въ съѣздъ: «Боже сохрани; это я такъ только говорю, стану ли я жаловаться на судью!» Наша публика часто опасается оскорбить судью подачею жалобы, задѣть его самолюбіе, совершенно не понимая того, что добросовѣстный судья заинтересованъ въ томъ, чтобы жалоба на него состоялась и чтобы коллегія судей, т.-е. съѣздъ провѣрилъ дѣйствія единоличнаго суда, т.-е. судьи. При такихъ условіяхъ право аппелляціи и кассаціи, въ особенности если принять во вниманіе неграмотность народа и совершенное отсутствіе адвокатовъ, является такимъ правомъ, которое въ настоящую минуту еще не имѣетъ существеннаго практическаго значенія и пользованіе которымъ должно быть воспитано въ публикѣ самимъ судомъ. Такъ, напримѣръ, многимъ ли изъ обвиняемыхъ извѣстно, что лицу, обвиненному мировымъ судьею, если только обвинитель доволенъ приговоромъ, *во всякомъ случаѣ* прямой разсчетъ перенести дѣло въ съѣздъ, который, согласно 168 ст. угол. суд., въ правѣ уменьшить положенное наказаніе, но не въ правѣ увеличить его. Не падаетъ ли святой долгъ на судью выяснять это своей неграмотной публикѣ? Не падаетъ ли на него долгъ всячески развивать въ лицахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, сознаніе правъ и обязанностей сторонъ въ дѣлѣ, пониманіе того, что жалоба на приговоръ, или рѣшеніе судьи, никакъ не можетъ задѣвать его самолюбія, такъ какъ составляетъ лишь одно изъ средствъ къ раскрытію той истины, къ выясненію которой судья стремился добросовѣстно, но быть можетъ ошибочно. Съ другой стороны значительная доля отвѣтственности за то, охотно ли тяжущіеся переносятъ дѣла изъ первой во вторую инстанцію, падаетъ на самый съѣзъ мировыхъ судей, который можетъ привлечь къ себѣ публику безпристрастнымъ разборомъ дѣлъ, или оттолкнуть ее, если бы съѣздъ судей превра-

тился въ съѣздъ товарищей судьи, призванныхъ прикрыть ошибки своего товарища, хотя бы въ ущербъ истинѣ.

Законъ старался предусмотрѣть и предупредить возможность такого отношенія мирового съѣзда къ дѣлу. Допущеніе на съѣздъ почетныхъ мировыхъ судей, избираемыхъ обыкновенно не изъ тѣхъ слоевъ, изъ среды которыхъ выходятъ участковые судьи, служитъ нѣкоторою гарантіею того, что въ съѣздѣ не водворится духъ ложно-понимаемаго товарищества; присутствіе на съѣздѣ прокурорскаго надзора служитъ ручательствомъ за возможность вознагражденія правды путемъ кассаціи приговора съѣзда, если бы правда была имъ нарушена. Лучшею же гарантіею честности стремленій съѣзда можетъ служить добросовѣстное отношеніе судей къ дѣлу, подъ контролемъ публики, составъ которой на съѣздѣ значительно отличается отъ личнаго состава ея въ камерѣ села и настолько, что присутствіе публики на съѣздѣ, въ большинствѣ случаевъ, не по имени только, но на дѣлѣ, образуетъ *гласное* судопроизводство. Въ виду указанныхъ гарантій правъ тяжущихся представляется совершенно излишнимъ всякое иное стѣсненіе суда, выражающее недовѣріе къ нему, уменьшающее его нравственное значеніе и его отвѣтственность, что всегда дурно отзывается на дѣятеляхъ и на дѣлѣ. Такимъ стѣсненіемъ представляется намъ примѣненіе къ мировымъ съѣздамъ 148 ст. устава судебн. установленій, которое обязательно, согласно рѣшенію кассац. деп. сената 1866 года, № 116. Согласно этой статьѣ закона, не могутъ присутствовать въ одномъ и томъ же засѣданіи судьи, состоящіе между собою въ родствѣ, по прямой линіи, безъ ограниченія степеней, а въ боковыхъ до четвертой и въ свойствѣ до второй степени включительно. Такое требованіе закона, по отношенію къ обширнымъ судебнымъ мѣстамъ, вполнѣ понятно, въ виду многочисленности судебнаго персонала и назначенія чиновъ судебнаго вѣдомства отъ правительства, которое, при замѣщеніи вакансій, располагаетъ лучшими людьми цѣлой Россіи. Но удобно ли относиться съ такимъ требованіемъ къ земскому собранію, которое, избирая судей, почти всегда вынуждено искать ихъ исключительно въ средѣ жителей той именно мѣстности, для которой устраивается судъ, и при этомъ крайне затруднено тѣмъ, что въ провинціи вообще, а въ малонаселенныхъ губерніяхъ въ особенности чувствуется недостатокъ въ людяхъ съ юридическою подготовкою и готовыхъ бросить свое хозяйство, для того, чтобы посвятить все время обязанностямъ участковаго мирового судьи. На званіе же почетнаго мирового судьи у насъ до сихъ поръ смотрятъ какъ на такое званіе, которое, предоставляя извѣстныя права, не возлагаетъ никакихъ обязанностей и люди, этимъ званіемъ облеченные, готовы разстаться съ нимъ при первомъ случаѣ, который доказывалъ бы, что они ошибались въ своихъ предположеніяхъ касательно отношеній почетнаго мирового судьи къ

дѣлу, по закону. Въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ землевладѣльцамъ, къ числу которыхъ принадлежитъ значительное большинство мировыхъ судей, ничего не оставалось болѣе, какъ породниться между собою, если они не желали оставаться холостыми. Какъ поступитъ здѣсь земское собраніе, какъ поступятъ судьи, избирая предсѣдателя съѣзда? Въ состояніи ли избиратели вынести рядомъ со всѣми условіями, затрудняющими выборы въ провинціи, еще и то условіе, чтобы такимъ образомъ избрать судей и предсѣдателя, чтобы съѣздъ могъ состояться при примѣненіи къ нему 148 ст. суд. установленій? Едва ли указанное нами разъясненіе сената не поведетъ къ значительнымъ затрудненіямъ на практикѣ; за примѣрами ходить не далеко: 7-го августа не состоялся съѣздъ мировыхъ судей александровскаго мирового округа въ селеніи Гуляй-Полѣ только вслѣдствіе примѣненія къ нему 148 ст. судебн. установл.; тамъ же одинъ изъ участковыхъ судей навсегда лишенъ возможности бывать на съѣздѣ изъ-за того, что онъ женатъ на единокровной сестрѣ предсѣдателя съѣзда. Если только допустить, что родство можетъ вліять на отношеніе судьи къ дѣлу, то казалось бы всего болѣе можно было опасаться того, чтобы родственникъ судьи, рѣшившаго дѣло, участвовалъ въ разборѣ дѣла во второй инстанціи; между тѣмъ мы не встрѣчаемъ подобнаго запрещенія въ законѣ, что положительно разъяснено рѣшеніемъ угол. кассац. деп. 1867 г. № 509. Всѣ эти соображенія даютъ намъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы примѣненіе сенатомъ статьи 148 суд. установленій,—при томъ условіи, что согласно 118 ст. угол. суд. и 80 гражд. суд., для мировой юстиціи *обязательно* примѣненіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, только законовъ о судопроизводствѣ, для общихъ судебныхъ мѣстъ установленныхъ, а отнюдь не законовъ о *судоустройствѣ*, — чтобы примѣненіе сенатомъ означенной статьи закона къ мировымъ съѣздамъ было цѣлесообразно и непосредственно вытекало изъ духа судебныхъ уставовъ, оказавшихъ большое довѣріе мировому суду, какъ суду выборному и призванному дѣйствовать только въ той мѣстности, по сознанію которой извѣстныя лица признаны достойными своего назначенія. Вопросъ о непримѣнимости ст. 148 судебныхъ установленій къ мировымъ съѣздамъ возбужденъ, чрезъ посредство прокуратуры, на основаніи 136 ст. суд. установл., съѣздомъ Александровскаго уѣзда; весьма желательно, для дѣла, чтобы прокурорскій надзоръ нашелъ возможнымъ дать дальнѣйшее движеніе вопросу, поднятому съѣздомъ.

Для того, чтобы устранить всякую возможность заподозрить александровскій съѣздъ въ желаніи вести дѣло «по домашнему», вслѣдствіе отмѣны запрещенія засѣдать родственникамъ въ одномъ засѣданіи, я спѣшу указать теперь же на другое постановленіе съѣзда, вполнѣ выясняющее его стремленія и имѣющее тѣсную связь съ вопросомъ о *гласности* разбора въ участковой камерѣ, съ обсужденія

котораго мы начали письмо. Александровскій съѣздъ и александровскіе судьи уже успѣли почувствовать то, что въ сельскихъ камерахъ присутствіе публики не всегда имѣетъ значеніе гласнаго разбирательства и контроля надъ судьею, а потому на съѣздѣ возникъ вопросъ о томъ, въ чемъ состоятъ обязанности предсѣдателя съѣзда, по отношенію къ участковымъ судьямъ. За отсутствіемъ точныхъ указаній въ законѣ, могло бы показаться съ перваго взгляда, что власть предсѣдателя съѣзда прекращается вмѣстѣ съ закрытіемъ засѣданія съѣзда. Но въ виду того, что по ст. 253 чины прокурорскаго надзора обращаются къ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, сообщая имъ о замѣченныхъ ими отступленіяхъ отъ законовъ; что по ст. 250 судебное мѣсто, замѣтивъ неправильное дѣйствіе подвѣдомственнаго ему установленія, или должностного лица, принимаетъ мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка; что по ст. 64 непосредственный надзоръ за мировыми судьями принадлежитъ съѣзду, и наконецъ, что по ст. 251 судебн. установл. въ каждомъ судебномъ мѣстѣ ближайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы всѣ исполняли свои обязанности, принадлежитъ *предсѣдателю*—александровскій съѣздъ, въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный предсѣдателемъ его, въ отсутствіи предсѣдателя, въ бытность на лицо всѣхъ участковыхъ судей и лишь одного почетнаго, по избраніи предсѣдательствующаго изъ своей среды, постановилъ, что по мнѣнію съѣзда предсѣдатель съѣзда обязанъ доложить съѣзду о всякомъ нарушеніи закона, имъ лично усмотрѣнномъ въ камерѣ суда, или сдѣлавшемся ему извѣстнымъ инымъ путемъ. Появленіе предсѣдателя, въ числѣ публики, въ участковой камерѣ, послужитъ, послѣ вышеизложеннаго постановленія съѣзда, нѣкоторою гарантіею *гласности* разбора дѣлъ, въ истинномъ значеніи этого слова. Такое постановленіе съѣзда доказываетъ, кажется намъ, самое искреннее желаніе, со стороны участковыхъ судей, добросовѣстно служить дѣлу и наноситъ послѣдній ударъ отжившему чувству такъ-называемаго товарищества между слугами общества, которому нерѣдко приносилось у насъ въ жертву самое дѣло; послѣ такого постановленія заявленіе предсѣдателя съѣзду никому не можетъ показаться фискальствомъ, нарушеніемъ, со стороны предсѣдателя, предѣловъ вѣдомства, но лишь исполненіемъ тяжелаго долга, возлагаемаго на него закономъ и совѣстью. Такого постановленія съѣзда нельзя не считать признакомъ нравственнаго роста нашего общества, которое, какъ мы уже сказали, должно быть перевоспитано судомъ.

Кратковременное существованіе мирового суда въ Екатеринославской губерніи уже успѣло доказать, насколько намъ нужно благотворное вліяніе суда; хотя, къ сожалѣнію, есть уже доказательства и того, что сами судьи не всегда умѣютъ отрѣшиться отъ того, что воспитано въ нихъ прошлымъ. Такъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, мировые судьи 1-й и 2-й инстанціи, въ городѣ Екатеринославѣ, были заняты, между

прочимъ, весьма любопытнымъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какіе дѣйствія считать «обидою дѣйствіемъ», предусмотрѣнною уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. На этомъ вопросѣ стòитъ остановиться, такъ какъ понятіе общества и суда о томъ, чтò обидно и чтó необидно лучше всего обрисовываетъ самое общество. Приведемъ примѣры: генералъ-маіоръ Герсевановъ, предсѣдатель екатеринославской губернской земской управы и предсѣдатель новомосковскаго съѣзда мировыхъ судей, подалъ жалобу мировому судьѣ 1-го участка города Екатеринослава на екатеринославскаго губернатора, обвиняя 1) Василія Дмитріевича Дунина-Барковскаго, какъ частное лицо, въ нанесеніи ему обиды *на письмѣ* и обвиняя 2) въ тоже время его, какъ губернатора, въ различныхъ обидныхъ дѣйствіяхъ. Первое обвиненіе г. Герсеванова основано на томъ, что г. Барковскій, присутствуя на обѣдѣ, данномъ сенатору Шахматову 8-го апрѣля, по случаю празднованія открытія новаго суда въ Екатеринославѣ, не предложилъ г. Герсеванову къ подписи благодарственную телеграмму, именемъ всѣхъ сословій отправленную съ обѣда генералъ-губернатору. Почему это составляетъ *обиду*—это дѣло г. Герсеванова и никто не въ правѣ требовать отъ него отчета въ его чувствахъ; но публика въ правѣ была бы желать того, чтобы г. Герсевановъ разъяснилъ, почему содѣянное г. Барковскимъ, какъ частнымъ лицомъ, за обѣдомъ, составляетъ обиду *на письмѣ?* Правда, что обвинитель далѣе доказываетъ, что въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана телеграмма безъ подписи г. Герсеванова. Но, если виновенъ въ этомъ г. Барковскій, то не какъ частное лицо, а какъ оффиціальный цензоръ губернскихъ вѣдомостей. Вообще говоря, вопросъ не лишенъ интереса: обвинитель признаетъ обидою на письмѣ *опущеніе* имени его въ печати, т. е. *отсутствіе* письма на его счетъ. Переходимъ ко второму обвиненію г. Герсеванова; и это обвиненіе въ началѣ опять связано съ обѣдомъ. Дѣло въ томъ, что г. Герсевановъ, какъ предсѣдатель управы, въ числѣ другихъ, просилъ генералъ-губернатора принять обѣдъ отъ общества и обѣдъ состоялся 10-го мая; но въ описаніи обѣда, помѣщенномъ въ № 41 «Екатер. Губернскихъ Вѣдомостей», объ участіи г. Герсеванова въ этомъ дѣлѣ не упомянуто. Это опущеніе своего имени г. Герсевановъ вновь считаетъ обидою на письмѣ. Затѣмъ г. Герсевановъ переходитъ къ обозрѣнію своихъ служебныхъ отношеній къ начальнику губерніи, при чемъ обвиняетъ послѣдняго въ томъ, что въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ екатерин. губернск. земскаго собранія, напечатанныхъ въ «Екатерин. Губ. Вѣд.», выпущено все то, чтó для г. Герсеванова могло быть «лестно».

Предоставляя читателю обсудить, насколько подобныя заявленія въ судъ могутъ быть лестны и даже прелестны, перейдемъ къ дѣлу объ обидѣ, рѣшенному екатеринославскимъ мировымъ съѣздомъ; въ

этомъ дѣлѣ, кажется намъ, взглядъ самихъ судей на обиду отличается нѣкоторою оригинальностію. Вотъ въ чемъ дѣло: идетъ по улицѣ чиновникъ и зоветъ извощика, который къ нему подъѣзжаетъ, но, ударивъ по лошадямъ, тотчасъ же отъѣзжаетъ, вмѣсто того чтобы предложить ему свои услуги. Чиновникъ жалуется судьѣ на извощика, обвиняя послѣдняго въ нанесеніи ему обиды дѣйствіемъ, состоящей въ томъ, что извощикъ отъ него отъѣхалъ, не касаясь его тѣла, но совершивъ тѣмъ дѣйствіе, коснувшееся его души: онъ оскорбилъ его тѣмъ, что не подалъ экипажа. Мировой судья приговариваетъ извощика, если не ошибаемся, къ четыремъ днямъ ареста и съѣздъ утверждаетъ приговоръ мирового судьи. Итакъ, на екатеринославской песчаной почвѣ укореняется понятіе о томъ, что всякое дѣйствіе обидное составляетъ обиду дѣйствіемъ и наказуемо по закону! Ничего не остается болѣе предположить, такъ какъ въ Екатеринославѣ не существуетъ никакихъ правилъ объ извощичьей ѣздѣ, за нарушеніе которыхъ извощикъ могъ бы быть наказанъ. Надобно полагать, что екатеринославскіе жители будутъ весьма тщательно отдавать другъ другу визиты, такъ какъ не отдать визита, а остаться дома, значитъ совершить *дѣйствіе*, которое многимъ можетъ показаться *обиднымъ* и потому, съ извѣстной точки зрѣнія, будетъ наказуемо, какъ обида дѣйствіемъ. Такой приговоръ суда можетъ вызвать критику юристовъ, но въ народѣ едва ли вызоветъ неудовольствіе: масса разсудитъ, что извощикъ не былъ учтивъ, и что поэтому за дѣло и наказанъ; изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ того, чтобы судъ долженъ былъ карать за дѣянія, ненаказуемыя по закону, и подводить подъ обиду дѣйствіемъ поступки, ничего съ нею не имѣющіе общаго.

Говоря вообще, оцѣнка извѣстныхъ дѣйствій юристами и массою народа далеко не всегда сходятся. Представляемъ себѣ слѣдующіе случаи, весьма обыденные въ практикѣ мирового суда въ провинціи: стоятъ въ деревнѣ двѣ хаты, рядомъ другъ возлѣ друга; въ одной изъ нихъ живетъ крестьянинъ, а въ другой мѣщанинъ, котораго крестьянинъ, пріученный уже къ тому, чтобы лица высшихъ сословій пользовались преимуществами, отнюдь не считаетъ выше себя. Въ обѣихъ хатахъ произошло воровство; въ обоихъ случаяхъ похитителями оказались крестьяне; у мѣщанина украдена индѣйка, стоющая 60 коп. сер., а у крестьянина похищена послѣдняя корова, стоющая 29 р. сер. Уличенные въ воровствѣ крестьяне наказываются слѣдующимъ образомъ: крестьянинъ, укравшій индѣйку, отправляется въ острогъ на три мѣсяца; крестьянинъ же, уворовавшій корову, приговаривается мѣстнымъ волостнымъ судомъ къ семи днямъ ареста при волостномъ правленіи. Для юристовъ такой исходъ дѣла весьма понятенъ: воровство индѣйки было подсудно мировому судьѣ и такъ какъ цѣнность похищеннаго оказалось выше 50 к. сер., то согласно статьямъ 169, 12

и 171 устава о наказ. *низшею* мѣрою наказанія за воровство оказалось заключеніе въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца. Воровство коровы не было подсудно мировому суду (угол. суд. ст. 34 п. 3-й), потому что за воровство до 30 р. сер., крестьяниномъ у крестьянина, виновный подсуденъ волостному суду, который, по статьѣ 102 Положенія объ освобожденіи крестьянъ, не имѣетъ права лишить его свободы болѣе, чѣмъ на семь дней. Все это, повторяемъ, понятно судьямъ и юристамъ, но на практикѣ даетъ самые печальные результаты и вовсе не понятно народу. «За что такая напасть», думаетъ крестьянинъ, «что за пустякъ, который стянешь не у крестьянина, идешь въ острогъ, а у нашего брата послѣднюю коровенку отними, то на недѣлю въ холодную посадятъ; у нашего брата, значитъ, воровать ничего—а пановъ не тронь». Того онъ не разсудитъ, что точно также будетъ осужденъ мировымъ судьею и мѣщанинъ, который укралъ бы пару куръ у крестьянина; онъ не разсудитъ этого, потому что тамъ, гдѣ 98 процентовъ населенія составляютъ крестьяне, естественно и большинство воровъ относятся къ крестьянскому сословію, а случаи воровства лицами другихъ сословій составляютъ большую рѣдкость. Народъ слышалъ о томъ, что устраивается судъ, *равный* для всѣхъ, и никакъ не разрѣшитъ вопроса, почему крестьянское добро, т. е. добро огромнаго большинства населенія не охраняется закономъ? Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы было желательно усилить мѣру наказанія за воровство крестьяниномъ у крестьянина; мы желаемъ обратить вниманіе читателя на то, что со введеніемъ мирового суда крестьяне бѣгутъ отъ суда волостного, и какъ мы видѣли и слышали это сотни разъ, крайне удивлены тѣмъ, что мировой судья не принимаетъ къ разбору дѣлъ, подсудныхъ волостному суду и въ томъ числѣ вышеуказанныхъ случаевъ воровства до 30 р. сер. Мы позволяемъ себѣ настаивать на томъ, что народъ стремится къ мировому судьѣ и знать не хочетъ суда волостнаго; въ народѣ слишкомъ много здраваго смысла, для того чтобы не предпочесть мирового судьи волостнымъ судьямъ; оба суда выборные, но велика разница въ способности къ дѣлу и независимости того и другого. Мы ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что въ непродолжительномъ будущемъ волостные суды будутъ преобразованы и согласованы съ мировою юстиціею; мы не сомнѣваемся въ этомъ, потому что ежедневно слышимъ о неудовлетворительности волостного суда и о развращающемъ вліяніи, которое производитъ на народъ снисходительность приговора волостного суда, сравнительно съ низшею мѣрою наказанія, возможною при разборѣ дѣла о воровствѣ мировымъ судьею. Но полагаемъ, что съ передачею всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, не могущихъ оканчиваться примиреніемъ, изъ вѣдомства волостного суда въ вѣдѣніе мировой юстиціи, было бы крайне необходимо не связывать послѣдней опредѣленіемъ наименьшаго срока тюремнаго заключенія

за воровство, ограничиваясь лишь назначеніемъ одного высшаго предѣла, подобно тому, напримѣръ, какъ въ наказаніяхъ за проступки противъ порядка управленія, указаны лишь высшіе размѣры наказаній, а пониженіе ихъ предоставлено, подъ извѣстными условіями, совѣсти судьи.

Недавно осужденъ въ александровскомъ округѣ крестьянинъ, за воровство куска стекла, къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца (стекло оцѣнено въ 55 к. сер.), въ самую рабочую пору, что̀ лишаетъ его средствъ жизни на цѣлый годъ. Неужели народъ когда-нибудь признаетъ справедливымъ такой приговоръ, хотя и подчинится ему?... Совершенно иначе относится народная молва къ тому, что маріупольскій мировой судья, вслѣдствіе жалобы чумака на то, что богатый негоціантъ, при разсчетѣ за пшеницу, настоялъ на томъ, что въ мѣшкѣ, вѣсящемъ 1 ф. есть 5 ф. вѣса и поэтому разсчету недоплатилъ за пшеницу деньги — приговорилъ негоціанта къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ, согласно 173 статьѣ устава о наказаніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ богатство и образованіе, при желаніи эксплуатировать мошеннически голыша, являются обстоятельствами значительно увеличивающими вину подсудимаго въ глазахъ массы; а съ бѣдняка что̀ взять, думаетъ народъ! Что̀ съ нимъ подѣлаешь, когда онъ голоденъ, не одѣтъ, не обутъ и *никто его добру не училъ!...*

Много, много вопросовъ возникаетъ отъ практики мирового суда въ провинціи, если только всматриваться въ окружающее и вслушиваться въ говоръ народа. Но время не позволяетъ намъ длить бесѣду съ читателемъ сегодня, а потому и прерываемъ ее до слѣдующаго раза.

БАРОНЪ Н. КОРФЪ.

Александровскій уѣздъ
Екатеринославской губ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Парижъ, (9) 21 сентября 1869.

Переходное время, которое теперь переживаетъ Францiя, ни на чемъ, можетъ быть, не отражается такъ ярко, какъ на французской журналистикѣ. Еще недавно забитая, задавленная, она достигла, въ какiе-нибудь два года, почти той же степени влiянiя и силы, съ которой ее низвергъ декабрьскiй переворотъ 1851 года. Число газетъ увеличивается постоянно, и нѣкоторыя изъ вновь основанныхъ изданiй успѣли уже стать наряду съ ветеранами журнальнаго мiра. Каждая партiя, каждый оттѣнокъ партiи старается имѣть свой органъ; прежнее однообразiе уступаетъ мѣсто самой разноцвѣтной картинѣ. Разногласiе проникаетъ даже въ среду оффицiозныхъ журналовъ, подобно тому, какъ оно проникло въ правительственныя сферы. Представителемъ стараго бонапартизма остается только одинъ «Pays»; падающiй порядокъ вещей—и это чуть ли не самое краснорѣчивое его осужденiе — не имѣетъ другихъ защитниковъ, кромѣ презрѣннаго Гранье де-Кассаньяка и журнальныхъ бреттеровъ, имъ руководимыхъ. «Public», органъ Руэра, присоединяется сначала къ «Pays», но поспѣшно переходитъ на другую сторону и вдается въ либерализмъ, которому никто не вѣритъ. «Peuple français», это любимое чадо самого императора, играетъ роль столь же неопредѣленную, какъ и императорская политика послѣдняго времени, колеблющаяся между письмомъ къ Маккó и посланiемъ 12-го iюля, между посланiемъ 12-го iюля и отсрочкой засѣданiй законодательнаго корпуса. «Patrie», «France», «Constitutionnel» пишутъ и не находятъ твердой точки опоры между партiей Руэра, которую они покидаютъ, какъ мыши погибающiй корабль, — и средней партiей, къ которой они не рѣшаются пристать, потому что еще не увѣрены въ ея успѣхѣ. Средняя партiя или такъ-называемая династическая оппозицiя, три-четыре года тому назадъ не существовавшая вовсе, усиливается въ журналистикѣ, какъ и въ парламентѣ, и располагаетъ цѣлымъ рядомъ газетъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ «Liberté», «Presse» и «Moniteur Universel». «Journal des Débats» и «Journal de Paris» стоятъ на рубежѣ между династическою оппозицiей и орлеанизмомъ, который можетъ быть еще не такъ близокъ къ кончинѣ, какъ это часто утверждаютъ.

Группа клерикальныхъ журналовъ обнимаетъ собою всѣ оттѣнки католической политики или политическаго католицизма, начиная съ велико-ретрограднаго «Univers» до полу-либеральной «Union» и почти совсѣмъ либеральной (повидимому) «Gazette de France». Но первенство числа, какъ и первенство вліянія, безспорно принадлежитъ демократической оппозиціи, десять лѣтъ тому назадъ сосредоточивавшейся въ одномъ «Siècle», а теперь насчитывающей въ Парижѣ по крайней мѣрѣ десять распространенныхъ ежедневныхъ изданій. «Opinion Nationale», руководимая друзьями принца Наполеона, принадлежитъ къ этой оппозиціи больше по имени, нежели на самомъ дѣлѣ, но въ вопросахъ церковныхъ, въ вопросахъ народнаго образованія демократія можетъ разсчитывать на ея поддержку. «Temps» и «Siècle», эти геркулесовы столбы оппозиціи 1863—67 г., считаются теперь, вмѣстѣ съ «Nationale», органами умѣренно-демократической партіи. «Avenir National» «Tribune», «Electeur Libre» составляютъ переходъ къ представителямъ крайней демократіи, «Réveil» и «Rappel», немыслимымъ при дѣйствіи прежняго закона о печати. Прибавимъ къ этому «Universel», газету безъ ясно опредѣлившагося направленія, но служащую демократіи извѣстными «парижскими письмами» Альсеста, неразгаданный псевдонимъ котораго уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду занимаетъ парижскую публику; «Cloche» Ульбаха, идущаго по стопамъ Рошфора; «Charivari», по необходимости робкій въ своихъ карикатурахъ (подчиненныхъ цензурѣ), но тѣмъ сильнѣе бьющій въ цѣль своими юмористическими статьями.

Въ провинціальной прессѣ произошла перемѣна менѣе замѣтная, но можетъ быть еще болѣе существенная. Оппозиціонный журналъ еще недавно былъ рѣдкостью въ провинціи; теперь онъ становится потребностью для каждаго департамента. Вліяніе вновь основанныхъ изданій выразилось уже весьма ясно во время послѣднихъ выборовъ. Оффиціальный департаментскій журналъ, печатаемый во время выборовъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, раздаваемый безплатно во всѣхъ общинахъ, не имѣлъ прежде соперниковъ и могъ безпрепятственно распространять клевету, выдумки всякаго рода противъ оппозиціонныхъ кандидатовъ. Какъ только оппозиція получила возможность отвѣчать журналистамъ префектуры, исходъ борьбы пересталъ быть безусловно благопріятнымъ для правительства. Сельское населеніе, до сихъ поръ вездѣ и всегда слѣпо повиновавшееся указаніямъ администраціи, начинаетъ открывать глаза, сравнивать предлагаемыхъ ему кандидатовъ и сознавать, что ему принадлежитъ свобода выбора между ними. Департаментъ Верхней Луары, во время второй республики считался однимъ изъ самыхъ враждебныхъ президенту; въ населеніи его, бѣдномъ, озлобленномъ нуждою, были рас-

пространены довольно сильно не только республиканскія, но и коммунистическія идеи. Въ послѣднія двадцать лѣтъ положеніе дѣлъ перемѣнилось; благодаря желѣзнымъ дорогамъ цѣнность поземельной собственности—по крайней мѣрѣ въ сѣверной части департамента—возрасла втрое, вчетверо и даже болѣе; крестьяне, большею частью мелкіе собственники, разбогатѣли и стали относиться къ коммунизму не съ сочувствіемъ, а съ ненавистью и страхомъ. Эксплуатируя этотъ страхъ, правительство располагало въ департаментѣ Верхней Луары значительнымъ большинствомъ голосовъ. Когда во время послѣднихъ выборовъ Гюйо-Монперу выступилъ оппозиціоннымъ кандидатомъ въ сѣверномъ округѣ департамента (arrondissement de Brioude), администрація пустила въ ходъ противъ него старыя средства: она огласила его коммунистомъ, стремящимся къ раздѣлу поземельной собственности (partageux), хотя въ сущности онъ едва ли даже можетъ быть названъ демократомъ [1]). Если бы этотъ маневръ остался неотраженнымъ, онъ весьма легко могъ бы доставить побѣду администраціи. Но Гюйо-Монперу, человѣкъ дѣятельный, честолюбивый и богатый, выставилъ батарею противъ батареи; онъ основалъ въ Бріудѣ независимый журналъ, наводнилъ имъ всѣ углы и закоулки избирательнаго округа, посѣтилъ самъ всѣ главныя общины и доказалъ избирателямъ, на словахъ и въ печати, что коммунизмъ его существуетъ только въ воображеніи префекта и подпрефекта. Результатомъ этой дѣятельности было избраніе Гюйо-Монперу въ депутаты весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ — избраніе, которому администрація не хотѣла вѣрить до самой послѣдней минуты. Столь же важную роль играла оппозиціонная провинціальная пресса на выборахъ въ Брестѣ, въ департаментѣ Сены-и-Уазы и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Возвращаюсь къ парижской прессѣ. Перечисляя парижскіе журналы, я не назвалъ двухъ газетъ, занимающихъ весьма видное мѣсто въ французской журналистикѣ: «Figaro» и «Gaulois» [2]). Дѣло въ томъ, что эти газеты—явленіе совершенно своеобразное, свойственное только современной Франціи. «Figaro» пріобрѣлъ извѣстность въ то время, когда во Франціи не было настоящей политической прессы, когда французское общество не имѣло ни права, ни охоты заниматься серьезными вопросами, когда легкая литература захватила почти всю об-

---

[1]) Во время короткой сессіи законодательнаго корпуса Гюйо-Монперу отличился, правда, крайне-рѣзкой выходкой противъ Руэра, но принялъ приглашеніе къ обѣду въ Сенъ-Клу, отвергнутое всѣми членами демократической оппозиціи.

[2]) Къ этой же категоріи журналовъ принадлежитъ «Paris» и нѣкоторые другіе, менѣе распространенные.

ласть журналистики, когда умѣнье забавлять публику сдѣлалось для газеты лучшимъ источникомъ успѣха — и лучшею гарантіей безопасности. За отсутствіемъ другихъ интересовъ, вниманіе общества сосредоточилось на сплетняхъ и скандалахъ, на финансовыхъ операціяхъ болѣе или менѣе сомнительнаго свойства, на мірѣ камелій или кокотокъ. «Figaro» задалъ себѣ задачей поставлять публикѣ самую обильную, разнообразную и свѣжую (въ смыслѣ новизны) пищу этого рода, въ формѣ по возможности пикантной и остроумной. Задача была исполнена удачно. Наступилъ 1862 годъ, годъ пробужденія политической жизни во Франціи—пробужденія медленнаго, постепеннаго, продолжающагося и до настоящаго времени. «Figaro» съумѣлъ примѣниться къ новымъ требованіямъ общества; онъ пришилъ новый кусокъ къ своему старому платью, и оставаясь разносчикомъ сплетень, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ слегка фрондёромъ. Хроники Рошфора упрочили славу «Figaro»; ему не доставало только ореола административныхъ гоненій—неуклюжее усердіе Лавалетта и Пинара доставило ему и этотъ ореолъ. Вооруженный такимъ образомъ, онъ выдержалъ кризисъ 1868—69 г. и сохранилъ или можетъ быть даже расширилъ свой кругъ читателей, несмотря на выходъ Рошфора, несмотря на возрастающее вліяніе чисто-политическихъ журналовъ, несмотря на появленіе подражателей, во главѣ которыхъ стоитъ «Gaulois». Главная отличительная черта «Figaro» и «Gaulois»—это отсутствіе опредѣленнаго направленія, отсутствіе единогласія даже между постоянными сотрудниками журнала. Редакторъ «Figaro» Вилльмессанъ — типъ беззастѣнчиваго, ловкаго литературнаго афериста—считается клерикаломъ и легитимистомъ; это не мѣшаетъ ему соединять вокругъ себя бонапартистовъ въ родѣ Витю, орлеанистовъ и вольтеріанцевъ въ родѣ Вилльмо, полу-республиканцевъ въ родѣ Ришара. Редакторъ «Gaulois» Тарбе также называетъ себя вѣрующимъ католикомъ; но большинство сотрудниковъ его при каждомъ удобномъ случаѣ смѣется надъ католицизмомъ. По вторникамъ передовую статью въ «Gaulois» пишетъ Фр. Сарсе, ученикъ и поклонникъ философовъ XVIII вѣка, по средамъ—Барбе д'Орвильи, талантливый литературный критикъ, но отчаянный реакціонеръ и клерикалъ. Какой-то извѣстный католическій проповѣдникъ, кажется отецъ Гіацинтъ—сказалъ недавно въ собраніи общества друзей мира, что религія католическая, протестантская и еврейская равноправны передъ цивилизаціей. «Gaulois» поспѣшилъ похвалить этотъ просвѣщенный образъ мыслей — но на другой же день напечаталъ статью Барбе д'Орвильи, въ которой либеральный проповѣдникъ былъ смѣшанъ съ грязью. Пускай только статья будетъ написана живо, забавно, *забористо*—«Figaro» и «Gaulois» не затруднятся напечатать ее, какова бы ни была ея основная мысль. Постоянно гоняясь

за успѣхомъ, за оглаской, «Figaro» и «Gaulois» соперничаютъ между собою въ изобрѣтеніи чрезвычайныхъ примановъ для привлеченія публики. «Figaro» объявляетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, что выпуститъ un numéro à surprise — и печатаетъ подробный разсказъ объ іюньскихъ дняхъ 1848 года. «Gaulois» слѣдуетъ его примѣру и помѣщаетъ, 27-го, 28-го и 29-го іюня, описаніе событій, совершившихся, въ тѣже самые дни, въ 1830 году. Затѣмъ «Gaulois» объявляетъ конкурсъ для молодыхъ начинающихъ писателей, обѣщая печатать двѣнадцать недѣль сряду, по воскресеньямъ, лучшую изъ присланныхъ ему статей, и затѣмъ выдать тысячу франковъ автору той статьи, которая будетъ признана лучшею изъ двѣнадцати [1]). «Figaro» слишкомъ гордъ, чтобы сдѣлать тоже самое; но чтобы отпарировать ударъ, нанесенный ему «Gaulois», онъ начинаетъ выпрашивать по нѣскольку строкъ у знаменитостей всякаго рода—политическихъ, литературныхъ, артистическихъ, и собравъ достаточное количество автографовъ, печатаетъ ихъ въ нѣсколько пріемовъ подъ названіемъ «альбома Фигаро». Соперничество между «Figaro» и Gaulois» этимъ не ограничивается: каждый изъ нихъ старается перегнать другого въ сообщеніи новостей, начиная съ самыхъ важныхъ до самыхъ пустыхъ и не интересныхъ. «Histoire de tenir la corde», говоритъ съ скромно-торжествующимъ видомъ то одинъ, то другой изъ нихъ, повѣствуя міру, что такіе-то petits crevés только-что обмѣнялись пулями изъ-за такой-то petite dame, или что такая-то актриса (извѣстная только посѣтителямъ кафе монмартрскаго бульвара) заключила контрактъ съ директоромъ такого-то крошечнаго театра. Само собою разумѣется, что при этой погонѣ за новостями нѣтъ времени повѣрять ихъ достовѣрность; сколько разъ «Figaro» и «Gaulois» праздновали свадьбу между людьми, никогда не видавшими другъ друга, убивали людей совершенно здоровыхъ [2]), создавали пьесы или книги, о которыхъ ничего не зналъ самъ авторъ! «Gaulois» сообщаетъ сегодня, неодобрительно качая головой, что позолота купола на церкви Инвалиднаго дома стоила милліонъ франковъ. Ему сообщаютъ завтра, съ доказательствами въ рукахъ, что позолота купола, вмѣстѣ съ его починкой, стóила только восемьдесятъ тысячъ франковъ; онъ спокойно печатаетъ сообщеніе, не считая даже нужнымъ оправдать или объяснить чѣмъ-нибудь свою колоссальную ошибку. Но настоящая дѣятельность вѣстовщиковъ начинается только тогда, когда что-нибудь сильно интересуетъ парижскую публику. Сколько хлопотъ причинила имъ,

---

[1]) Довольно забавно то, что «Gaulois» съумѣлъ сдѣлать изъ этого конкурса выгодную для себя аферу. За хорошую передовую статью платится обыкновенно сто франковъ— а «Gaulois» заплатитъ за двѣнадцать статей только тысячу!

[2]) Это случилось не дальше какъ на дняхъ съ отцомъ Э. Олливье.

напримѣръ, недавняя болѣзнь императора. Они находили возможность узнать и повѣдать своимъ читателямъ, въ которомъ часу всталъ императоръ, изъ чего состоялъ его завтракъ, на чью руку онъ опирался, гуляя по саду въ Сенъ-Клу. Одинъ изъ сотрудниковъ «Gaulois» поселился въ Сенъ-Клу (вѣроятно у привратника дворца) и посылалъ оттуда ежедневно списокъ лицъ, въѣхавшихъ во дворецъ и выѣхавшихъ изъ него, свѣдѣнія о томъ, сколько минутъ каждый посѣтитель пробылъ въ кабинетѣ императора, сколько разъ дано было приказаніе запрягать и распрягать карету императора, и т. п. Читая эти свѣдѣнія, можно было, по справедливому замѣчанію одного изъ оппозиціонныхъ журналовъ, вообразить себя перенесеннымъ въ то время, когда Данжо велъ записки о числѣ слабительныхъ и другихъ лекарствъ, принятыхъ Людовикомъ XIV. Сравненіе между двумя эпохами оказывается, впрочемъ, не въ пользу XIX вѣка, потому что записки Данжо, если я не ошибаюсь, не предназначались для печати [1]).

Почетное мѣсто между новостями, сообщаемыми «Figaro» и «Gaulois», занимаютъ, конечно, новости скандальныя. Нигдѣ вы не найдете такъ скоро извѣстія о дракѣ, происшедшей въ Bal Mabille, или о процессѣ между мужемъ и женой, который предполагается начать въ парижскомъ судѣ. Игорные столы въ Баденъ-Баденѣ и Гомбургѣ, загородное гулянье въ окрестностяхъ Парижа, фешонабельныя французскія villes d'eaux въ родѣ Виши, состоятъ подъ особеннымъ наблюденіемъ фельетонистовъ «Figaro» и «Gaulois» и служатъ для нихъ неистощимымъ источникомъ такъ-называемыхъ *racontars*—новое слово, изобрѣтенное для новой формы переливанія изъ пустого въ порожнее. Монополію этого занятія раздѣляетъ съ ними, впрочемъ, *маленькая пресса*, т. е. журналы по одному су, также созданные имперіей и также перешедшіе безъ существенной перемѣны въ новый періодъ жизни французской прессы.

Особенность «Figaro», отличающая его отъ «Gaulois» и другихъ газетъ той же категоріи — это нерасположеніе къ таланту, ко всему, что́ возвышается надъ общимъ уровнемъ литературы. Нерасположеніе это высказывается очень осторожно и только противъ тѣхъ писателей, которыхъ въ данную минуту не поддерживаетъ мода, за которыхъ не вступится масса публики. Я не принадлежу къ числу поклонниковъ Флобера, но нельзя не признать, что онъ одинъ изъ немногихъ современныхъ французскихъ беллетристовъ, произведенія которыхъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Онъ пишетъ мало и на

---

[1]) Погоня за новостями встрѣчается, конечно, и въ другихъ парижскихъ журналахъ; но ни одинъ изъ нихъ не доводитъ ее до такихъ размѣровъ, какъ «Figaro» и «Gaulois».

половину забыть публикою, передъ которой онъ намѣренъ выступить черезъ нѣсколько недѣль съ новымъ романомъ. «Figaro» выбираетъ эту минуту, чтобы осмѣять его—а кто же не знаетъ, какъ велико во Франціи значеніе насмѣшки, въ особенности остроумной? Основываясь на слухѣ, что новый романъ Флобера переписанъ съ особенною роскошью и хранится въ драгоцѣнномъ ящикѣ, «Figaro» рисуетъ цѣлый рядъ забавныхъ сценъ, происходящихъ между Флоберомъ и издателями его сочиненій, и наполняетъ ихъ самыми ѣдкими нападеніями на дарованіе Флобера. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что Флоберъ постоянно носитъ съ собою записную книжку, въ которую записываетъ все видѣнное и слышанное имъ, и что его романы—не что иное какъ мозаика, составленная изъ этихъ кусочковъ и отрывковъ. Другая выходка такого же свойства направлена противъ Ренана. Въ одной провинціальной труппѣ, говоритъ «Figaro» былъ «jeune premier», хорошо пѣвшій романсъ: «Heureux habitants des doux vallons de l'Helvétie». За отсутствіемъ другихъ шансовъ успѣха, онъ вставлялъ этотъ романсъ во всѣ свои роли, и благодаря ему былъ принимаемъ публикой довольно благосклонно. Тогда товарищи его составили противъ него маленькій заговоръ. Труппа пріѣзжаетъ въ городъ, въ которомъ она еще не давала представленій. Въ третьей сценѣ пьесы, которою она дебютируетъ, долженъ появиться—jeune premier и спѣть свой знаменитый романсъ. Занавѣсъ поднимается; выходитъ актриса и поетъ: «Heureux habitants» и т. д. Публика апплодируетъ. Во второй сценѣ выходитъ père noble и опять поетъ: «Heureux habitants» и т. д. Публика удивлена, но молчитъ. Наступаетъ третья сцена; jeune premier, не зная, что́ до него происходило, выходитъ, раскланивается и начинаетъ пѣть, «Heureux habitants» и т. д. Публика убѣждена, что это мистификація, и шикаетъ несчастному пѣвцу и его наскучившей пѣснѣ. Г. Ренанъ—продолжаетъ «Figaro»—разъигралъ туже самую роль, съ тою только разницей, что онъ самъ пропѣлъ три раза одну и туже пѣсню. Въ первый разъ — въ «Vie de Jésus» — она понравилась публикѣ; во второй разъ—въ «Apôtres»—она не произвела никакого впечатлѣнія; въ третій разъ — въ «Saint Paul» — она возбудила всеобщую тоску и скуку. Въ этой злой сатирѣ на Ренана есть небольшая доля справедливости; въ его историческихъ сочиненіяхъ звучитъ однообразная сантиментальная нота, часто переходящая въ тонъ совершенно фальшивый. Справедливо и то, что «Apôtres» и «St. Paul» далеко не имѣли громаднаго успѣха первой части «Origines du christianisme». Но развѣ это даетъ добросовѣстной критикѣ право относиться къ Ренану такъ, какъ отнесся къ нему «Figaro»? Развѣ въ сочиненіяхъ Ренана нѣтъ ничего, кромѣ сантиментальности и сладенькихъ фразъ? Послѣдніе два тома «Origines du christianisme» гораздо серьезнѣе, чѣмъ первый —

и этимъ объясняется, можетъ быть, меньшая популярность ихъ во Франціи. Для «Figaro» подобныя соображенія не существуютъ; онъ знаетъ только, что публика отвернулась отъ Ренана — и пользуется случаемъ, чтобъ лягнуть его, къ великому удовольствію многочисленныхъ его враговъ и недоброжелателей.

Какую роль играютъ «Figaro» и «Gaulois» въ политической борьбѣ, которая теперь происходитъ во Франціи? Искренняго убѣжденія, самостоятельнаго взгляда они конечно въ нее не вносятъ; но общій колоритъ ихъ—оппозиціонный, и удары, наносимые ими правительству, попадаютъ иногда въ цѣль довольно мѣтко. Редакторы политической хроники въ «Figaro» и «Gaulois» (Жюль Ришаръ и Гекторъ Пессаръ) принадлежатъ къ числу лучшихъ сотрудниковъ этихъ журналовъ — лучшихъ не только по таланту, но и по добросовѣстности (конечно относительной). Ни тотъ, ни другой, однако, не отличается особенною послѣдовательностью. Ришаръ, теперь смѣющійся надъ Э. Олливье, поддерживалъ его во время выборовъ противъ Банселя; Пессаръ, говорящій иногда тономъ республиканца, сдѣлался внезапно поклонникомъ принца Наполеона. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: «Figaro» и «Gaulois» нападаютъ на правительство, потому что оппозиція теперь въ модѣ, потому что оппозиціонные журналы продаются лучше консервативныхъ. Оппозиція «Figaro» и «Gaulois» можетъ даже служить, до извѣстной степени, политическимъ барометромъ для правительства; усиленіе ея соотвѣтствуетъ пониженію правительственныхъ фондовъ, и наоборотъ. Иностранною политикою «Figaro» и «Gaulois» или не занимаются вовсе, или занимаются такъ странно, что читателю невольно приходятъ на мысль обвиненія въ продажности, которымъ часто подвергались разные óрганы парижской прессы. Такъ, напримѣръ, «Gaulois», нѣсколько недѣль тому назадъ, внезапно, безъ всякой видимой причины, началъ поносить Пруссію и восхвалять Австрію—и этотъ маневръ повторяется имъ, въ той или другой формѣ, почти ежедневно.

Таковы, въ главныхъ чертахъ два журнала, расходящіеся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ («Figaro» имѣетъ до двѣнадцати тысячъ подписчиковъ или покупателей въ одномъ Парижѣ), читаемые всѣми классами общества, служащіе ежедневно матеріаломъ и предметомъ разговоровъ какъ па парижскихъ бульварахъ, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ городкахъ Франціи. Чтó они имѣютъ большое вліяніе на общественное мнѣніе—это несомнѣнно; но ошибочно было бы выводить отсюда заключеніе, безусловно неблагопріятное для французскаго общества. Успѣхъ «Figaro» и «Gaulois» объясняется съ одной стороны остроуміемъ, въ которомъ у нихъ, безспорно, нѣтъ недостатка, съ другой стороны долговременной привычкой къ поверхностной жур-

нальной болтовнѣ—привычкой, пережившей тотъ порядокъ вещей, при которомъ она сложилась. Несмотря на блескъ, которымъ она еще окружена, *легкая пресса* отживаетъ свой вѣкъ и должна, въ непродолжительномъ времени, или довершить преобразованіе, которое уже началось въ ея средѣ, или сойти со сцены, которую она занимала слишкомъ долго.

Съ какимъ запасомъ идей, съ какими чувствами принялась французская пресса за работу, прерванную шестнадцатилѣтнимъ гнетомъ? Воспользовалась ли она горькими уроками сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, или про нее можно сказать, какъ про Бурбоновъ, что она ни чему не научилась и ничего не забыла? Похожи ли журналы 1869 г. на журналы 1847 г.? Сходство между ними во многихъ отношеніяхъ слишкомъ большое, но есть и различіе, позволяющее ожидать лучшей будущности для Франціи. Главная черта сходства заключается въ томъ раздорѣ, который господствуетъ въ средѣ оппозиціонныхъ журналовъ. Какъ ни далека династическая оппозиція отъ республиканской партіи, у нихъ еще слишкомъ много общихъ стремленій и цѣлей, чтобы можно было одобрить явную вражду между ними. Еще менѣе понятно ожесточеніе, съ которымъ такъ-называемые «непримиримые» республиканцы нападаютъ на умѣренныхъ демократовъ. Новобранцы демократіи, «Rappel» и «Réveil», относятся къ своимъ собратьямъ съ высокомѣріемъ, ни на чемъ не основаннымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ. Сотрудники «Siècle» и «Temps» вынесли на своихъ плечахъ самое тяжелое время административнаго полновластія надъ печатью, подобно тому какъ Ж. Фавръ, Пикаръ, Гарнье-Паже, Ж. Симонъ выдержали неравную борьбу съ оффиціальнымъ большинствомъ законодательнаго корпуса. Въ глазахъ «Réveil» и «Rappel» это прошедшее какъ бы не существуетъ; исторія демократической партіи въ императорской Франціи начинается для нихъ только съ тѣхъ поръ, какъ они выступили на журнальную сцену, а Бансель, Гамбетта, Распаль—на сцену законодательнаго корпуса. Въ пользу редактора «Réveil», Делеклюза, говоритъ, до извѣстной степени, то обстоятельство, что онъ пострадалъ за свои убѣжденія, былъ сосланъ въ Гвіану и нѣсколько разъ присужденъ къ тюремному заключенію; но редакторы «Rappel» не имѣютъ даже и этого оправданія—а между тѣмъ самообольщеніе ихъ простирается еще гораздо дальше, чѣмъ самообольщеніе «Réveil». Редакція «Rappel» страдаетъ, прежде всего, тою формою идолопоклонства, которую кто-то очень удачно назвалъ «hugolatrie»; ея оракулъ В. Гюго, помѣщающій иногда въ «Rappel» свои невыносимо-высокопарныя прорицанія и невозможныя фразы. Отголоски этихъ фразъ слышатся въ статьяхъ поклонниковъ и подражателей В. Гюго—сыновей его Франсуа и Шарля, Вакри, Мёриса, Ф. Піа и др. Рошфоръ

печатаетъ два раза въ недѣлю политическія хроники — блѣдную (по таланту, но не по энергіи выраженій) копію съ первыхъ нумеровъ «Lanterne» — и поклоняется въ нихъ какъ В. Гюго, такъ и самому себѣ. Внѣ тумана, напущеннаго такимъ образомъ на страницы «Rappel», стоятъ только Эд. Лакруа и Жюль Клареси, живые, остроумные, смѣлые писатели, но конечно не первоклассные публицисты. Я не думаю, чтобы «Rappel» внесъ въ журнальную полемику хотя одну новую идею — а между тѣмъ онъ держитъ себя такъ, какъ будто бы въ его рукахъ — и только въ его рукахъ — участь французскаго народа. «Réveil» стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше «Rappel» (и пользуется несравненно меньшимъ успѣхомъ); но и въ немъ встрѣчаются такія выходки, какъ слѣдующее восклицаніе Делеклюза: «дайте намъ (т. е. крайнимъ демократамъ) *листъ бумаги и часъ времени*—и мы составимъ счастіе Франціи!» [1]) Интересъ французской демократіи очевидно заключается въ томъ, чтобы сохранять, поддерживать всѣ наличныя силы, которыми она располагаетъ; «Réveil» пользуется самымъ ничтожнымъ поводомъ, чтобы бросить грязью въ одного изъ лучшихъ представителей провинціальной демократіи, Лавертюжона. Почему? потому что онъ намѣренъ выступить кандидатомъ въ восьмомъ парижскомъ избирательномъ округѣ (вакантномъ вслѣдствіе избранія Ж. Симона въ Бордо), въ которомъ «Réveil» хочетъ доставить побѣду одному изъ «irréconciliables». Нужно отдать справедливость умѣренно-демократическимъ журналамъ; они не отвѣчаютъ «Rappel» и «Réveil» въ томъ тонѣ, какимъ говорятъ послѣдніе и только этимъ предупреждаютъ открытую борьбу, результаты которой были бы гибельны для демократіи. Какъ бы то ни было, образъ дѣйствій крайнихъ демократическихъ журналовъ—если онъ соотвѣтствуетъ настроенію крайней демократіи — заставляетъ предполагать, что въ случаѣ торжества враговъ имперіи во Франціи легко могутъ повториться событія 1848 года.

Другая, утѣшительная сторона медали, это—распространеніе болѣе здравыхъ взглядовъ на причины политическихъ невзгодъ, которымъ такъ часто подвергалась Франція, и на средство къ предупрежденію ихъ. Прежде все вниманіе политическихъ реформаторовъ сосредоточивалось на формѣ правленія, т. е. на устройствѣ центральнаго правительства; о коренномъ преобразованіи мѣстнаго управленія никто не думалъ. Легитимисты и орлеанисты, бонапартисты и республиканцы были равно усердными поклонниками административной централизаціи, видѣли въ ней послѣднее слово политической мудрости и лучшее основаніе для національной гордости французовъ. Уваженіе къ административной

[1]) Я цитую не буквально, но смыслъ фразы переданъ мною вѣрно.

системѣ, созданной или лучше сказать вновь организованной Наполеономъ I-мъ, простиралось такъ далеко, что ни одна изъ политическихъ бурь, слѣдовавшихъ за паденіемъ первой имперіи, не коснулась знаменитой 75-й статьи конституціи VIII-го (1799 года)—статьи, запрещающей судамъ принимать жалобы частныхъ лицъ на чиновниковъ безъ предварительнаго разрѣшенія государственнаго совѣта. Засѣданія генеральныхъ (департаментскихъ) и окружныхъ совѣтовъ до сихъ поръ не публичныя; вліяніе ихъ гораздо меньше, чѣмъ вліяніе нашихъ только-что созданныхъ земскихъ учрежденій. Вторая имперія нанесла послѣдній ударъ мѣстной общественной жизни, присвоивъ правительству назначеніе меровъ, уничтоживъ всякое выборное управленіе въ Парижѣ и Ліонѣ и предоставивъ префектамъ право замѣнять, на время, выборный муниципальный совѣтъ административнею коммиссіею. Избытокъ зла привелъ, какъ это часто бываетъ, къ хорошему результату. Французы поняли наконецъ, что прочная свобода въ центрѣ государства невозможна безъ самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ составныхъ частей его. Газеты всѣхъ партій и направленій требуютъ отмѣны 75-й статьи конституціи VIII-го года, избранія меровъ муниципальными совѣтами или непосредственно общинами, расширенія круга дѣйствій генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ, однимъ словомъ — административной децентрализаціи. Само собою разумѣется, что съ этимъ словомъ соединяются еще самыя различныя понятія, чаще узкія, нежели широкія; но движеніе, однажды начавшееся и поддерживаемое такъ единодушно, приведетъ, раньше или позже, къ желанной цѣли. Уже теперь высказывается мысль, что искусственное, произвольное дѣленіе на департаменты должно быть замѣнено образованіемъ болѣе крупныхъ административныхъ единицъ, соотвѣтствующихъ той естественной связи, которая установляется между отдѣльными мѣстностями географическимъ положеніемъ ихъ и тожествомъ или сходствомъ интересовъ. Если этой мысли суждено перейти въ дѣло, то осуществленію ея поможетъ, безъ сомнѣнія, сила преданій, завѣщанныхъ прежнимъ провинціальнымъ устройствомъ Франціи, преданій, до сихъ поръ еще не угасшихъ, несмотря на нивеллирующую дѣятельность конвента, первой имперіи и всѣхъ послѣдующихъ правительствъ. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ, заимствуемый мною изъ вѣрнаго источника. Сѣверная часть департамента Верхней Луары, отдѣленная отъ южной хребтомъ горъ (черезъ который только теперь проводится желѣзная дорога), принадлежала прежде къ Оверни, южная—къ Лангедоку. Со времени соединенія ихъ въ одно цѣлое прошло восемьдесятъ лѣтъ — но онѣ все еще тяготѣютъ больше къ прежнимъ своимъ историческимъ центрамъ, чѣмъ другъ къ другу. Жители Бріуда по прежнему посылаютъ своихъ дѣтей, для

воспитанія, не въ Ле-Пюи (главный городъ департамента Верхней Луары, лежащій въ южной его части), а въ Клермонъ, бывшую столицу Оверни, съ которою они соединены множествомъ общихъ интересовъ; для жителей Ле-Пюи туже самую роль, хотя и въ меньшей степени (такъ какъ у Ле-Пюи больше собственныхъ ресурсовъ), играетъ Нимъ, бывшая столица Лангедока. Говорятъ даже, что жители обоихъ городовъ враждебно расположены другъ къ другу. Этотъ примѣръ конечно не единственный въ своемъ родѣ; Бретань, Провансъ, Гасконь сохранили, несмотря на раздробленіе свое, множество особенностей, благодаря которымъ онѣ легко могли бы быть пробуждены къ самостоятельной провинціальной жизни.

Между вновь основанными ежедневными газетами, какъ и между прежними, нѣтъ, если я не ошибаюсь, ни одной, которая отличалась бы чисто-соціалистическимъ направленіемъ. «Courrier Français» Вермореля, «Réforme» Малеспина издавались, кажется, въ этомъ духѣ; но они больше не существуютъ [1]) и мѣсто ихъ никѣмъ не занято. Какъ объяснить это явленіе, въ виду усиливающагося броженія соціалистическихъ идей, такъ ясно выразившагося на базельскомъ конгрессѣ?— Укажу, въ заключеніе, еще на одну характеристическую черту французской журналистики: преобладаніе газетъ надъ такъ-называемыми толстыми журналами. Число послѣднихъ, со времени изданія новаго закона о печати, почти не увеличилось. Конечно, бо́льшая свобода политической жизни всегда отражается преимущественно на ежедневной прессѣ; но съ развитіемъ послѣдней идетъ обыкновенно рука объ руку и распространеніе еженедѣльныхъ, ежемѣсячныхъ, трехмѣсячныхъ періодическихъ изданій, какъ это ясно доказываетъ примѣръ Англіи. Если Франція составляетъ исключеніе изъ общаго правила, то не объясняется ли это тѣмъ, что она отвыкла отъ усиленной умственной работы, которой требуетъ (сравнительно съ чтеніемъ газетъ) чтеніе толстыхъ журналовъ? Не слѣдуетъ ли ожидать, что значеніе этого отдѣла періодической литературы будетъ возрастать во Франціи по мѣрѣ того, какъ будетъ падать подорванное уже господство *легкой* прессы?

P. S. Убійство въ Обервиллье — это страшное побоище, на которомъ уже нѣсколько дней сосредоточено все вниманіе парижанъ и

---

[1]) «Réforme», говорятъ, скоро появится вновь, подъ редакціей П. Леру, который намѣренъ возвратиться во Францію. Консидерана, извѣстнаго послѣдователя Фурье, также ожидаютъ въ Парижѣ.

подробности котораго безъ сомнѣнія извѣстны читателямъ — даетъ мнѣ поводъ довершить характеристику «Figaro» и «Gaulois». Эти газеты, какъ и слѣдовало ожидать, стали во главѣ всеобщей погони за новостями, которую возбудила первая вѣсть объ убійствѣ. Сотрудники «Figaro» поспѣшили въ Рубе — мѣсто жительства убитыхъ, въ Гербиллеръ (въ Эльзасѣ) — родину ихъ, затѣмъ въ Гавръ, гдѣ былъ арестованъ Тропманнъ. «Gaulois» обнаружилъ дѣятельность нѣсколько меньшую, но за то помѣстилъ портреты сначала трехъ жертвъ убійства, потомъ всѣхъ шести, въ томъ видѣ, въ какомъ они лежали на доскахъ Морги [1]). «Figaro» напечаталъ планъ квартиры, которую семейство Кинкъ занимало въ Рубе; «Gaulois» напечаталъ видъ забора и крестовъ, поставленныхъ на мѣстѣ убійства. Не ограничиваясь этимъ безмолвнымъ соперничествомъ, они вступили въ полемику между собою, обвиняя другъ друга въ сообщеніи неточныхъ, невѣрныхъ свѣдѣній и восхваляя достовѣрность собственныхъ своихъ сообщеній. «Пожалуйте ко мнѣ, мой товаръ самый отличный, товаръ сосѣда никуда не годится», кричатъ они во все горло, зазывая публику въ свою лавочку. Это было бы только смѣшно; но вотъ что гораздо хуже. Съ самаго перваго дня «Figaro» и «Gaulois» стали обвинять въ совершеніи убійства Кинка и старшаго его сына. Не довольствуясь оглашеніемъ данныхъ болѣе или менѣе шаткихъ, они дѣлали изъ этихъ данныхъ самые рѣшительные выводы. Арестъ Тропманна остановилъ ихъ на этой дорогѣ; они поняли, что обвиненіе Кинковъ было по меньшей мѣрѣ преждевременно, и съ такою же легкостью, съ какою пустили его въ ходъ, стали доказывать всю его невѣроятность. Имъ кажется и не приходитъ на мысль, что съ обвиненіемъ въ матереубійствѣ и дѣтоубійствѣ слѣдуетъ обращаться осторожно; что уголовное дѣло — не предметъ для игры въ загадки и разгадки; что еслибы Кинкъ отецъ или сынъ былъ найденъ до опроверженія первоначальныхъ извѣстій о дѣлѣ, то онъ могъ бы быть разорванъ въ куски разъяренною толпою. Они предполагаютъ совершенно спокойно, что если Тропманнъ называетъ Кинковъ сообщниками своими, то дѣлаетъ это вѣроятно подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ журнальныхъ статей; они не замѣчаютъ, что въ этомъ предположеніи заключается самое горькое осужденіе ихъ безумной суеты и лихорадочно-поспѣшныхъ заключеній. Они знаютъ только, что благодаря убійству въ Обервиллье, журналы расходятся въ двойномъ количествѣ экземпляровъ [2]), и ста-

[1]) Morgue — это мѣсто, въ которомъ выставляются тѣла убитыхъ, самоубійцъ, скоропостижно умершихъ или погибшихъ отъ несчастнаго случая, до опознанія ихъ родственниками или знакомыми.

[2]) По собственнымъ словамъ «Figaro», число продаваемыхъ имъ экземпляровъ внезапно возросло на 30,000!

раются только поддержать какъ можно дольше, возбудить какъ можно сильнѣе любопытство публики. Безспорно, въ этомъ страстномъ любопытствѣ заключается главный источникъ зла—но это не оправдываетъ журналовъ, такъ безстыдно эксплуатирующихъ слабость общества. Нужно отдать справедливость демократической прессѣ, въ особенности «Réveil» и «Rappel»; она плыветъ противъ теченія и порицаетъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ какъ публику, такъ и слишкомъ усердныхъ ея прислужниковъ. Наравнѣ съ «Figarò» и «Gaulois» отличается маленькая пресса—«Petit Journal» и т. п., доказывая еще разъ, какъ необходима коренная реформа въ нравахъ этой отрасли періодической литературы. Если припомнить, въ какой тѣсной связи состоитъ паденіе журналистики съ политическимъ режимомъ двухъ послѣднихъ десятилѣтій, что нельзя не примѣнить къ послѣднему восклицаніе поэта:

«An seinen Früchten»
Sollt Ihr ihn erkennen!

К. АРСЕНЬЕВЪ.

26-го (14-го) сентября.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

СЕНТЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ообода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Спб. 1869.

Въ то время, когда наша ежедневная журлистика заговорила объ измѣненіяхъ, въ духѣ акціи, законовъ о печати, является популярю сочиненіе, задавшееся мыслью убѣдить тающій русскій міръ въ громадной пользѣ, иносимой свободой рѣчи, и въ громадномъ едѣ, приносимомъ ея стѣсненіями. «Сочиніе это, говоритъ неизвѣстный авторъ, насано не для какой-нибудь партіи или части щества, оно написано для всѣхъ. Свобода ѣчи одинаково выгодна для всѣхъ.» Спокойй тонъ сочиненія, патріотизмъ, одушевляцій автора, прекрасная цѣль его и удовлеорительное исполненіе, по всей вѣроятности детъ надлежащимъ образомъ оцѣнено читаіями, какъ уже оцѣнено оно главнымъ правніемъ по дѣламъ печати, которое не оставило эту книгу, хотя въ ней много истинъ, ямо противоположныхъ тѣмъ, которыхъ дертся наше законодательство о печати. Этотъ екрасный актъ заслуживаетъ полнаго уваія и мы исполняемъ только свой долгъ, давая означенному учрежденію должную раведливость и желая «Свободѣ рѣчи» какъ жно бо́льшаго распространенія.

Сообразно цѣли своей, авторъ не вдается въ философскія разсужденія, не поражаетъ глубиною анализа въ области теоріи, а аргументируетъ очень просто: исходя изъ того положенія, что для преуспѣянія всякой страны, какова бы ни была ея политическая форма, необходима *безусловная* свобода печати, онъ старается доказать эту истину историческими примѣрами. Шагъ за шагомъ онъ ведетъ читателя изъ одной страны въ другую и говоритъ: вотъ здѣсь свобода слова была стѣснена, мысль преслѣдовалась самымъ нестерпимымъ образомъ, вѣрованія подвергались остракизму, огню и мечу — и вотъ результаты: обѣднѣніе страны, уменьшеніе населенія, упадокъ производительности во всѣхъ сферахъ дѣятельности, плохая администрація, безнаказанно и нагло злоупотребляющая своею властью, общее отупѣніе и апатія или развитіе въ народѣ самыхъ враждебныхъ чувствъ къ существующему порядку, который онъ разрушаетъ при первой возможности взрывами, извѣстными подъ именемъ революцій, разрушаетъ безъ сожалѣнія, въ увѣренности, что хуже ему не будетъ ни въ какомъ случаѣ, что бы тамъ ни произошло, а на лучшее есть по крайней мѣрѣ надежда.

Напротивъ, вотъ другая страна, которая завоевала себѣ свободу рѣчи: тутъ развитіе промышленности и торговли, высокій уровень

просвѣщенія, любовь къ порядку, здоровый консерватизмъ, хорошая администрація, боящаяся не только произвола, но даже ошибокъ, и отсутствіе революціонныхъ взрывовъ, которые предупреждаются своевременнымъ удовлетвореніемъ народныхъ нуждъ и требованій, находящихъ свой голосъ въ періодической печати. И это понятно и естественно: «Свобода рѣчи менѣе всего располагаетъ къ политической или соціальной мечтательности, и подобныя утопіи могутъ распространяться въ народѣ и служить средствомъ для его возбужденія только тамъ, гдѣ умъ народный не можетъ пріобрѣсть солиднаго закала по причинѣ цензурныхъ стѣсненій и литературной мартирологіи. При свободѣ рѣчи политическія и соціальныя формы всегда гармонируютъ съ нравственнымъ настроеніемъ и умственнымъ развитіемъ народа,—имъ гораздо труднѣе выходить изъ этой рамки, гдѣ народъ чувствуетъ себя спокойно и хорошо, и принимать угловатыя и болѣзненно раздражающія формы, которыя почти всегда встрѣчаются при отсутствіи вольнаго слова».

Подтвердивъ все это примѣрами, съ которыми авторъ отправляется не только въ европейскія страны и Америку, но даже въ глубь Азіи, онъ слѣдитъ за развитіемъ свободы слова въ разныхъ государствахъ, отмѣчаетъ ошибки правителей, по временамъ бросая въ нихъ негодованіемъ, указываетъ, какимъ образомъ извѣстная страна подвергалась разложенію и и какъ она оживлялась, смотря по тому, въ какомъ положеніи находилась въ ней свобода рѣчи. Такая аргументація, при всей своей простотѣ, безспорно имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства особенно для той публики, которой не подъ силу сочиненія болѣе глубокія. Большую часть книги авторъ посвящаетъ изложенію судебъ свободы слова въ странахъ болѣе или менѣе отъ насъ далекихъ; остальная часть достается на долю нашихъ законовъ о печати, причемъ авторъ остается на той же исторической почвѣ.

Прежде всего его занимаетъ вопросъ: возможна ли свобода слова въ неограниченной монархіи? Европейскіе писатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно; нашъ авторъ отвѣчаетъ на него положительно. «Неограниченная монархія, замѣчаетъ онъ, не есть какое-нибудь уродливое произведеніе природы. При извѣстномъ состояніи общества, она есть плодъ естественнаго процесса... Если она способна естественно вырости, то способна также и къ дальнѣйшему правильному развитію съ помощію свободнаго слова.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Ученые западной Европы до сихъ поръ увѣрены, что неограниченная монархія—это форма насилія, которая можетъ удерживаться только стѣсненіями. Еслибъ неограниченные монархи покинули эти стѣсненія, то народы увидѣли бы съ удивленіемъ, что формы, въ которыхъ они живутъ, зависятъ отъ ихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, а вовсе не отъ штыковъ, которыя находятся надъ ними. Такъ какъ государи управляли бы неизбѣжно въ духѣ народовъ, потому что вліяніе прессы было бы на нихъ слишкомъ сильно, чтобы не дать ихъ мыслямъ направленіе сообразное съ теченіемъ общественнаго мнѣнія, то, во-первыхъ, ихъ положеніе было бы гораздо обезпеченнѣе, а во-вторыхъ, неограниченное правленіе сохранилось бы гораздо долѣе, точно такъ же, какъ англійская аристократія сохранила свое вліяніе долѣе французской.» N'insistons pas. Читателю важнѣе узнать причины, по которымъ свобода слова необходима въ Россіи. Причины эти общеизвѣстны и авторъ не упустилъ ни одной изъ нихъ изъ виду; они могутъ показаться общими мѣстами, но въ популярномъ сочиненіи совершенно у мѣста. Историческая основа идетъ, какъ вездѣ, на первомъ мѣстѣ, но чтобъ быть вразумительнымъ для наибольшаго числа читателей, авторъ преимущественно останавливается на военномъ дѣлѣ, показывая совершенства его или недостатки въ зависимости отъ свободы слова. Двѣнадцатый годъ показалъ, что мы уже отстали отъ европейцевъ въ интеллектуальномъ и механическомъ развитіи и если имѣли перевѣсъ надъ ними, то единственно благодаря силѣ патріотизма и стеченію случайныхъ обстоятельствъ; севастопольская кампанія еще болѣе наглядно показала нашу отсталость: «Въ послѣднее время царствованія Николая, говоритъ авторъ, сдѣлалось ясно для всѣхъ глазъ, до какой степени стѣсненіе свободнаго развитія мысли можетъ ослабить государство.... Еслибъ у насъ въ сороковыхъ годахъ существовала свобода рѣчи, неужели возможна была бы севастопольская катастрофа, неужели могло случиться, чтобы наша армія столкнулась лицомъ къ лицу съ

огущественнымъ непріятелемъ безъ надлежащаго оружія и безъ достаточнаго числа способныхъ офицеровъ? Еслибъ возможно было энергически нападать на дѣйствія бывшаго тогда военнаго министра, то развѣ могла бы у насъ такъ долго держаться мысль, что хорошее вооруженіе не годно для нашего войска и что ему суждено одерживать побѣды и при плохомъ ружіи... Если вооруженіе нашей арміи и въ настоящее время не такъ хорошо, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, то что же этому причиною, если не недостатокъ свободы слова?» Отъ севастопольской кампаніи авторъ переходитъ къ польскому мятежу, который усмиряли мы такъ долго, хотя «нигдѣ мятежники не могли составить арміи и очень рѣдко могли сосредоточить нѣсколько тысячъ регулярнаго войска... При началѣ возстанія въ западномъ краѣ находилось, по крайней мѣрѣ, около двухъ сотъ тысячъ войска; а у мятежниковъ, въ различныхъ шайкахъ, можетъ быть, за исключеніемъ самаго короткаго періода, бывало одновременно ни какъ не болѣе трехъ или пяти тысячъ удовлетворительно вооруженныхъ людей...» Сожалѣя о томъ безсиліи, какое выказали мы въ этомъ случаѣ, и осуждая генерала Муравьева, «который напиралъ на гражданскую власть тамъ, гдѣ нужно было напирать на войско, и сдѣлалъ страшный шумъ тамъ, гдѣ нужно было его сдѣлать какъ можно менѣе», авторъ ставитъ намъ въ примѣръ американцевъ: «американцы потушили мятежъ, который выставлялъ противъ нихъ до полумилліона регулярнаго войска, почти въ теченіи такого же времени, какое намъ нужно было, чтобы разогнать шайки въ двѣсти или восемсотъ человѣкъ. Въ это время они дѣлали военныя открытія и придумывали механическія средства защиты и нападенія, поражавшія міръ и тотчасъ заслужившія громкую славу,— а что мы сдѣлали во время польскаго мятежа? Обо всемъ этомъ говорить такъ грустно, что я бы никогда не раскрылъ рта, еслибы во мнѣ опасеніе за будущность моей родины не дѣйствовало неодолимымъ стимуломъ.»

Все это справедливо, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ относительно причинъ, которымъ онъ приписываетъ такое положеніе вещей. Причины эти, по его мнѣнію, зависятъ отъ того, что реформы настоящаго царствованія «не вызвали въ достаточномъ числѣ къ дѣятельности энергическихъ и умственно-сильныхъ людей»; но, во-первыхъ, до 1863 г., то-есть до польскаго мятежа мы знали только одну великую реформу, которая только-что совершилась: во-вторыхъ, были еще причины, вслѣдствіе которыхъ умственно-сильные люди не могли принять участія въ подавленіи мятежа. Объ этихъ послѣднихъ причинахъ мы не считаемъ удобнымъ распространяться въ библіографической статьѣ; скажемъ только, что основы ихъ лежали въ томъ же упадкѣ нравственныхъ силъ русскаго общества, на который намекнулъ авторъ, говоря о севастопольской кампаніи. Ошибки прошлаго, гнетомъ ложащіяся на общество, отзываются въ отдаленномъ будущемъ: самый корень польскаго мятежа кроется въ этомъ же. Впрочемъ, есть основаніе думать, что авторъ самъ понимаетъ эти причины и намекаетъ на нихъ, когда говоритъ о томъ, почему важна свобода печати для государства, у котораго вдоль всей западной границы живетъ населеніе, отличающееся отъ главнаго племени и языкомъ, и религіею, и развитіемъ. «Мы должны производить на эти народы значительное впечатлѣніе и привлекать ихъ славою нашего ума и оригинальнаго развитія». Къ сожалѣнію, это понимаютъ еще не очень многіе, если уже является проектъ объ ограниченіи ограниченной свободы печати.

Не совсѣмъ согласны мы съ слѣдующею мыслью автора: «Государственный человѣкъ XVIII вѣка совершенно не годился бы теперь для западной Европы—все бы его раздражало, все казалось бы ему въ высшей степени дикимъ; но еслибъ воскресъ государственный человѣкъ временъ Екатерины II и вступилъ въ современное наше министерство, то онъ вѣроятно былъ бы однимъ изъ самыхъ либеральныхъ его членовъ». Мы не смѣемъ брать на себя защиту чиновниковъ современныхъ намъ министерствъ, боясь упрека въ пристрастіи, но и либерализмъ государственныхъ людей временъ Екатерины II подлежитъ сомнѣнію. Правда, нѣкоторые изъ нихъ были хорошо знакомы съ литературою и философіей XVIII вѣка, вели даже переписку съ учеными мужами, но ихъ либерализмъ не часто переходилъ за двери кабинета и въ ихъ дѣятельности замѣчались несомнѣнные признаки интриганства. Впрочемъ, возможное дѣло, что лучшіе изъ

нихъ скоро бы осмотрѣлись и были бы не лишними въ «современныхъ намъ министерствахъ», но изъ этого, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ, что Россія конца XVIII вѣка была прогрессивнѣе Россіи настоящей, какъ утверждаетъ далѣе авторъ. Прогрессъ нельзя мѣрить тѣмъ, что въ такое-то время были такіе-то великіе или просвѣщенные государственные люди, а въ такое-то ихъ нѣтъ: прогрессъ мѣряется суммами просвѣщенныхъ гражданъ, распространеніемъ здоровыхъ идей въ большей или меньшей средѣ. Утверждать, что настоящая Россія въ этомъ отношеніи не подвинулась впередъ, значитъ произносить самый кричащій софизмъ. Вообще надо замѣтить, что въ приговорахъ своихъ авторъ не особенно остороженъ и осмотрителенъ, хотя, казалось бы, въ книгѣ, назначенной «не для какой-нибудь партіи или части общества, а для всѣхъ», такія качества были бы далеко не лишними. Неизвѣстному автору потому еще не слѣдовало бы этого забывать, что онъ не отличается ни блестящимъ изложеніемъ и привлекательнымъ языкомъ, ни особеннымъ умѣньемъ распоряжаться имѣющимся у него матеріаломъ. Что онъ обнаруживаетъ большую начитанность— этого отрицать невозможно, но эта же начитанность иногда мѣшаетъ ему ясно и отчетливо изобразить передъ читателемъ свою идею: онъ часто увлекается соблазнительнымъ примѣромъ, входитъ въ ненужныя подробности, подолгу останавливается на предметахъ третьестепенныхъ, безполезно развлекающихъ вниманіе читателя, любитъ не въ мѣру разсказывать о судьбахъ Индіи, Китая и Турціи, не исчерпываетъ одного и того же предмета въ одномъ мѣстѣ, а разбрасываетъ его по всей книгѣ, порождая повторенія и возбуждая въ читателѣ нѣкоторое утомленіе. Чувства мѣры и гармоніи не достаетъ ему въ значительной степени, какъ недостаетъ иногда и чувства исторической правды. Приговоры его о цѣлыхъ націяхъ порой отличаются забавной наивностью, чтобъ не сказать легкомысліемъ. Вотъ примѣръ не единственный: «Во Франціи, если человѣка безъ всякой вины и по одному подозрѣнію не бросаютъ въ тюрьму, не швыряютъ въ ссылку, то уже кажется, что съ нимъ поступаютъ очень милостиво».

Но эти недостатки выкупаются общимъ содержаніемъ книги, благородною откровенностью, за которою нельзя не видѣть человѣка глубоко убѣжденнаго, и многими счастливыми мыслями, особенно въ той части сочиненія, которая трактуетъ о русскихъ законахъ о печати и необходимости дать жизнь провинціальной журналистикѣ, которая теперь далеко не пользуется и тѣнью тѣхъ правъ, которыя есть у журналистики столичной. Авторъ останавливается только на томъ отдѣлѣ нашего законодательства, которымъ воспрещается оспариваніе и порицаніе началъ собственности, изложеніе вредныхъ ученій соціализма и коммунизма, возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой или въ одномъ сословіи противъ другого. Онъ удачно анализируетъ нѣкоторыя противорѣчія, которыя порождаются статьями этого отдѣла на практикѣ, хотя иногда и прибѣгаетъ къ натяжкамъ довольно наивнымъ.

«Соціальныя и коммунистическія идеи, говоритъ онъ, были только страшилищемъ, которымъ пугали народъ шарлатаны, чтобъ захватить въ свои руки власть и распорядиться народомъ по-своему, пользуясь его робостью и безхарактерностью». Кто близко знакомъ съ исторіей нашей литературы за послѣдніе годы, тому хорошо извѣстны тѣ фокусы, которые производила нѣкоторая часть нашей журналистики съ этими пугалами. Завертываясь въ дырявый плащъ консерватизма, наши крѣпостники довольно смѣло и безнаказанно печатали о коммунистическихъ и соціалистическихъ основахъ Положеній 19 февраля, между тѣмъ какъ какая-нибудь статейка о коммунахъ въ Новой Америкѣ вызывала предостереженіе, потому что она будто бы подрываетъ начала собственности и семьи. Автору, къ сожалѣнію, вѣроятно неизвѣстна исторія нашихъ предостереженій, въ которой онъ нашелъ бы обильный матеріалъ для характеристики «противорѣчій»; онъ, впрочемъ, и мало касается этихъ карательныхъ мѣръ, хотя бы они очень шли для поясненія, напр., закона, воспрещающаго подрывать права собственности....

Убѣжденный въ томъ, что «свобода рѣчи можетъ быть только плодомъ народнаго убѣжденія», которое есть «не только лучшая, но единственная ея гарантія», онъ старается не столько заниматься разборомъ законовъ о печати, сколько «укоренить въ обществѣ, какъ

можно глубже, убѣжденіе въ необходимости свободнаго слова». Мы уже сказали, что онъ понимаетъ эту свободу безусловно, а полусвободу считаетъ даже вредною: «въ государствѣ нужно или окончательно подавить развитіе интеллектуальныхъ силъ, и тогда народъ достигнетъ крайней нищеты, слабости и невѣжества... или дать полную свободу... Въ противномъ случаѣ народы будутъ постоянно переходить отъ однихъ чувствъ относительно своихъ правителей къ совершенно противоположнымъ и развитіе будетъ сопровождаться лихорадочными напряженіями, несмотря ни на какія цензурныя и репрессивныя мѣры противъ прессы». Не отвергая относительной справедливости этой мысли, мы, однакожъ, готовы въ настоящее время мириться на полусвободѣ, признавать, что печать можетъ совершать преступленія и проступки, за что должна подлежать карѣ, но при этомъ кару эту мы желали бы вручить самому обществу, то-есть присяжнымъ, которые въ состояніи будутъ неудовлетворительное законодательство превратить въ удовлетворительное. Только этимъ путемъ возможна у насъ осѣдлость свободы рѣчи, а книги, подобныя разбираемой нами, могутъ служить прекраснымъ подспорьемъ ей, распространяя въ массѣ здоровыя идеи. Относительно «чувствъ къ правителямъ», которыя мѣняются смотря по тому, много или мало они даютъ, можно замѣтить, что весьма не рѣдко стѣсненія печати зависятъ отъ взглядовъ не самихъ правителей, а лицъ, ихъ окружающихъ, которыя имѣютъ полную возможность внушить правителямъ тотъ или другой взглядъ, обратить вниманіе на ту или другую статью, воспользоваться частнымъ случаемъ и объяснить его какъ проявленіе господствующаго настроенія въ обществѣ *). При этомъ они имѣютъ въ виду не славу правителей, а свои мелкія цѣли и себялюбивыя стремленія. «Личность» всегда играла въ судьбахъ нашей печати большую роль. Вспомнимъ для примѣра слѣдующій фактъ: въ пятидесятыхъ годахъ одно время всякій пользовался правомъ издавать журналъ, не спрашивая на то разрѣшенія; журналовъ, преимущественно уличныхъ журналовъ, развелось множество; но нѣкоторымъ лицамъ не нравилось, что разнощики слишкомъ назойливо предлагали имъ покупать этотъ сомнительно-литературный товаръ, и драгоцѣннѣйшее право, безъ котораго немыслимо нормальное развитіе журналистики, было немедленно ограничено. Вспомнимъ еще то, что у насъ существуетъ множество неоффиціальныхъ, непризванныхъ цензоровъ, которые неустанно пишутъ доносы.... изъ патріотизма и, толкуя вкривь и вкось, заваливаютъ оффиціальное вѣдомство этими нелитературными произведеніями. Это своего рода добровольная полиція оберегаетъ только себя да своихъ кумировъ, стоитъ тоже за «личности» своихъ друзей и покровителей и вопросъ о нихъ сводитъ на вопросъ государственный.

Въ нашей печати не такъ опасно рѣзкое отношеніе къ основнымъ законамъ, чему доказательства мы видѣли на Положеніяхъ 19-го февраля, какъ критическое обсужденіе дѣятельности какой-нибудь высоко поставленной личности въ администраціи. Между тѣмъ свободное отношеніе печати ко всѣмъ чиновникамъ необходимо для преуспѣянія страны. Не говоримъ объ Америкѣ, но Англія и даже современная Франція отлично сознаютъ необходимость и благотворные результаты оцѣнки дѣйствій правительственныхъ чиновниковъ. Въ Бельгіи свобода рѣчи такъ повліяла на поведеніе чиновниковъ, что высшее правительство нерѣдко въ теченіе цѣлаго года не дѣлало чиновникамъ ни одного выговора или замѣчанія. Нашъ авторъ для параллели говоритъ о нашихъ чиновникахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ: «Тутъ иногда одно полицейское управленіе, въ теченіи года, получало нѣсколько десятковъ замѣчаній, выговоровъ и строгихъ выговоровъ... За неисполненіе того же самаго предписанія дѣлались тому же самому мѣсту сначала подтвержденія, потомъ замѣчанія, потомъ выговоръ, потомъ строгій выговоръ, потомъ опять подтвержденія, замѣчанія и т. д. Когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ обличи-

*) Въ № 9 «Русскаго Архива», по поводу одного письма Булгарина, въ которомъ онъ объясняетъ, что «Сѣв. Пчела» получала субсидію изъ III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, сказано: «Умѣли устроить такъ, что покойный государь изъ русскихъ современныхъ изданій читалъ только одну «Сѣверную Пчелу». Можно судить, какое презрѣніе къ русской словесности должно было утвердиться въ честной груди его. Въ Германіи, «Сѣверную Пчелу» даже называли придворною газетою: Hof-Zeitung.»

тельная литература сдѣлалась возможною, хотя отчасти — положеніе быстро измѣнилось къ лучшему.... Особенность бюрократическаго управленія состоитъ не только въ томъ, что чиновники очень легко дѣлаются орудіемъ всякой политической партіи, достигшей господства, но также и въ томъ, что они очень легко деморализируются, и исправляются... Въ неограниченной монархіи или вообще тамъ, гдѣ монархъ имѣетъ большое вліяніе на дѣла, отсутствіе обличительной литературы составляетъ политическую опасность». Наша недавняя исторія, конечно, очень легко могла бы доказать тѣмъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, какую пользу приноситъ печать, если мало-мальски позволятъ ей говорить свободно. Не вспоминая того колоссальнаго грабежа, который производился на счетъ полуголодныхъ и истерзанныхъ защитниковъ Севастополя и который былъ бы невозможенъ, безъ цензуры, укажемъ на недавнее нижегородское дѣло о покражѣ соли. И наша администрація очень хорошо сознаетъ пользу гласности, но по-своему. По крайней мѣрѣ прошлая журнальная практика убѣдила насъ въ томъ самымъ очевиднымъ образомъ. Администрація, сознавая, что редакторы повременныхъ изданій знаютъ иногда о злоупотребленіяхъ провинціальныхъ чиновниковъ, посредствомъ корреспондентовъ, больше, чѣмъ она, обращалась къ нимъ, чтобъ подобныя корреспонденціи доставлялись ей для свѣдѣнія, но обнародовать ихъ не дозволяла: обнародованіе будто бы роняло администрацію; но передача корреспонденцій, назначенныхъ для печати, въ канцеляріи хотя бы и высшихъ правительственныхъ мѣстъ, роняла бы редакторовъ: по крайней мѣрѣ они такъ думали и многое не отсылали даже къ цензору, оставляя въ своемъ портфелѣ.

«Петръ Великій, говоритъ нашъ иногда наивный, но благородный авторъ, не былъ защитникомъ свободы слова, но онъ боялся не передовыхъ, а обскурантныхъ мнѣній; можетъ быть апатія, въ которой въ настоящее время находится русская мысль, внушила бы ему другой взглядъ на это дѣло, ему, не отступавшему ни передъ какими мѣрами для возбужденія народнаго ума и народной энергіи. Еслибъ онъ убѣдился въ необходимости свободнаго слова для оживленія умственной жизни Россіи, онъ провелъ бы этотъ принципъ съ тѣмъ же безстрашіемъ, съ какимъ онъ проводилъ всѣ свои мѣры...»

Можетъ быть.

О подчиненіи женщины. Соч. *Дж. Ст. Милля.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ *Г. Е. Благосвѣтлова.* Спб. 1869.

Подчиненность женщины. Сочиненіе *Джона-Стюарта Милля.* Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ *Ник. Михайловскаго* и съ присоединеніемъ писемъ *О. Конта* къ *Дж. С. Миллю* по женскому вопросу. Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева. Спб. 1869.

Какъ видятъ читатели, сочиненіе Милля явилось въ двухъ переводахъ почти одновременно. Перечитывая его, мы не разъ пожалѣли не о томъ, что Миллю неизвѣстна ни наша исторія, ни юридическое положеніе русской женщины—это въ порядкѣ вещей—но о томъ, что ни г. Благосвѣтловъ, ни г. Михайловскій, въ своихъ предисловіяхъ къ переводамъ, не обратили на этотъ предметъ ни малѣйшаго вниманія. Г. Благосвѣтловъ, сказавъ нѣсколько словъ о прогрессѣ вообще и о русскомъ въ особенности, замѣтилъ весьма основательно, что намъ слѣдуетъ догнать Европу, догнать же ее мы можемъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ ранѣе поставимъ женщину въ независимое положеніе; эта простая мысль выражена по обыкновенію весьма громкими фразами, составляющими рѣзкую противоположность съ изложеніемъ Милля. Предисловіе г. Михайловскаго объясняетъ, почему «благонамѣренные», любящіе пристегивать болѣе или менѣе всѣ великія европейскія имена къ нигилизму, относятся къ Миллю если не съ сочувствіемъ, то съ уваженіемъ; кромѣ этой темы, разработанной удачно, г. Михайловскій говоритъ о положительной философіи и опровергаетъ странные взгляды Конта на женщинъ. Вотъ и все, что говорятъ предисловія.

Между тѣмъ, еслибъ Миллю извѣстна была наша исторія, еслибъ зналъ онъ о тѣхъ правахъ, которыми пользуется русская женщина, онъ не упустилъ бы этого явленія изъ виду. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему русская женщина въ юридическомъ отношеніи стоитъ гораздо выше французской и англійской, тогда какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы несомнѣнно отстали отъ

этихъ странъ; но дѣло объясняется отчасти строемъ нашей жизни, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ XVIII вѣкѣ на русскомъ престолѣ сидѣли четыре императрицы и одна регентша. Въ царствованіе Елисаветы русскія женщины пріобрѣли право распоряжаться своимъ имуществомъ и въ бракѣ, т. е. получили возможность имѣть отдѣльную собственность отъ мужа болѣе ста лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ, какъ о такомъ правѣ до сихъ поръ напрасно вопіютъ француженки и англичанки, а Милль доказываетъ его необходимость, ставя въ примѣръ своей родинѣ «многіе новые и нѣкоторые старые штаты» Сѣверо-Американскаго Союза, въ конституціи которыхъ внесена подобная статья, несомнѣнно улучшающая положеніе по крайней мѣрѣ тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ собственность. Это право не могло не положить своего особеннаго отпечатка на супружескія отношенія русскихъ женщинъ въ смыслѣ равноправности и не могло не развить въ русской женщинѣ большей самостоятельности сравнительно съ европейскими. Этой самостоятельности способствовали также историческія условія нашей жизни. «Въ феодальную эпоху, говоритъ Милль, война и политика вовсе не считались не женскимъ дѣломъ, по самой природѣ, потому что обычай не исключалъ женщинъ отъ того и другого; тогда казалось совершенно естественнымъ, что женщины привилегированныхъ классовъ могутъ обладать мужественнымъ характеромъ, уступая своимъ отцамъ и мужьямъ развѣ только въ мускульной силѣ». У насъ роль феодальнаго права розыграло право крѣпостное, которое поставило помѣщицу въ такое же положеніе, какъ и помѣщика. Наши дворянки до сихъ поръ пользуются правомъ выбора на общественныя должности, правда не непосредственно, а съ передачею своего шара мужчинѣ, но при развитіи политическихъ учрежденій переходъ къ непосредственному голосованію не можетъ представить большихъ затрудненій; земское положеніе также не исключило женщинъ отъ права выбирать на земскія должности. Становясь полной хозяйкой имѣнія, русская женщина закаляла даже «мускульную силу» подобно мужчинѣ: есть свидѣтельства, что нѣкоторыя помѣщицы XVIII вѣка, одинъ на одинъ выходили на медвѣдя. Царствовавшія императрицы, такъ сказать, инстинктивно вносили въ общество понятія о равноправности женщинъ и ихъ способностяхъ ни въ чемъ не уступать мужчинамъ. Извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ отличались совершенно мужскими наклонностями, напр. страстно любили охоту и хорошо стрѣляли изъ ружей, къ которымъ современная образованная женщина прикоснуться боится. Елисавета устроивала маскарады, на которые мужчины принуждены были являться въ женскихъ платьяхъ, а женщины въ мужскихъ; это переодѣванье очень не нравилось первымъ, но они ему подчинялись; такимъ образомъ полы мѣнялись ролями и представляли настоящую картину царства женщинъ. Все это мелочи, скажутъ намъ. Правда, но подобныхъ мелочей можно бы набрать весьма много и они, въ концѣ концовъ, показываютъ, что русская женщина фактически доказывала свою способность вести «мужскія» дѣла нисколько не хуже самихъ мужчинъ. Женщины становились во главѣ коммерческихъ предпріятій; женщины управляли имѣніями; женщины являлись руководительницами и организаторами раскольничьихъ сектъ; женщины являлись во главѣ разбойничьихъ шаекъ и мужчины повиновались имъ; женщины исполняли обязанность своихъ мужей-офицеровъ и водили солдатъ — не только въ караулы, какъ разсказываетъ одинъ иностранецъ, близко знакомый съ русскимъ обществомъ временъ Екатерины II, но облачались въ мундиръ и въ отсутствіе своихъ мужей вели войска на непріятеля при нечаянныхъ вылазкахъ его. Онъ же замѣчаетъ, что въ царствованіе этой государыни фактическое преобладаніе женщинъ надъ мужчинами рѣзко бросалось въ глаза человѣку свѣжему: какъ императрица управляла государствомъ, такъ жены управляли за своихъ мужей. Иностранца, француза, это явленіе скандализировало и онъ назвалъ его стремленіемъ къ masculaniser. На нашъ взглядъ всѣ эти факты доказываютъ, что «тотъ беретъ на себя слишкомъ много, какъ говоритъ Милль, кто принимается самонадѣянно рѣшать, каковы женщины по своей природѣ, чѣмъ онѣ могутъ и чѣмъ онѣ не могутъ быть» и что «всѣ наши понятія о женской природѣ носятъ на себѣ характеръ эмпирическихъ обобщеній, построенныхъ безъ всякой философіи или анализа, и это порождаетъ въ высшей степени забавную нескладицу народныхъ представленій о женской природѣ въ различныхъ странахъ

смотря по тому специальному развитію или забитости, которыми надѣляютъ женщинъ извѣстной страны, благодаря мѣстнымъ условіямъ и общимъ мнѣніямъ».

Равенство половъ сказывалось при Екатеринѣ еще въ томъ обстоятельствѣ, что женщины также мало стѣснялись въ своихъ привязанностяхъ, какъ и мужчины, и это непостоянство не вызывало со стороны послѣднихъ такихъ протестовъ, какъ во времена позднѣйшія. Конечно, это явленіе съ точки зрѣнія морали весьма прискорбно и свидѣтельствуетъ о распущенности нравовъ, которая дѣйствительно имѣла тогда мѣсто, но мы говоримъ не о требованіяхъ морали, а только констатируемъ факты. «Женскаго вопроса» тогда еще не существовало; сознанныхъ стремленій со стороны женщинъ пріобрѣсть одинаковыя права съ мужчинами тоже не было; но внѣшнія обстоятельства ставили вопросъ чрезвычайно благопріятно для женщинъ и ихъ самостоятельности. Эта прошлая практика не осталась безслѣдною и на послѣдующее время и когда дошли до насъ нѣкоторыя европейскія идеи и мысль проснулась послѣ продолжительнаго гнета, мы вдругъ увидѣли женщинъ въ воскресныхъ школахъ, на скамьяхъ университетскихъ аудиторій и въ медико-хирургической академіи. Сдѣлалось это само собой, безъ всякихъ предварительныхъ разсужденій и регламентацій, какъ дѣло самое естественное. Лица, отъ которыхъ непосредственно зависѣло разрѣшеніе женщинамъ посѣщать аудиторію, по всей вѣроятности взглянули на это дѣло такъ: «запрещенія посѣщать женщинамъ высшія школы нѣтъ, стало быть можно. Да и отчего нельзя: онѣ такіе же люди, какъ мы, также какъ мы желаемъ учиться и стать въ уровень съ вѣкомъ. Если входъ въ университетъ разрѣшенъ неограниченному числу слушателей, то почему же мы станемъ исключать женщинъ?» И дѣло пошло-было на ладъ, несмотря на нѣкоторое скрежетанье, которое у насъ никогда особенно не страшно, благодаря нашей уживчивости при обстоятельствахъ и условіяхъ самыхъ противоположныхъ и отсутствію твердыхъ убѣжденій, каковы бы они ни были—дурны или хороши. Можно быть почти увѣреннымъ, еслибъ не извѣстныя университетскія исторіи, теперь, быть можетъ, мы имѣли бы удовольствіе видѣть въ нашемъ кругу кандидатокъ и пожалуй магистровъ университетовъ; но эти исторіи дали смѣлость упомянутому скрежетанію раздаться громче и такъ какъ женщины, посѣщавшія аудиторію, не имѣли притязаній на ангельскій чинъ серафимскую чистоту и голубиную кротость, то нѣсколько случаевъ, не совсѣмъ согласовавшихся съ требованіями морали, дали возможность широко раскрыть свою пасть сплетнѣ—и женщины были изгнаны. Въ настоящемъ году снова поднятъ былъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ академіи и дѣло — устроивалось самымъ благополучнымъ образомъ, какъ вдругъ новая исторія и повтореніе старой съ женщинами. Чѣмъ все это кончится — отгадать трудно, но внѣшнія благопріятныя обстоятельства могутъ возвратиться и женщины получатъ, наконецъ, то, на что онѣ имѣютъ полнѣйшее право.

Все это мы говоримъ для того, чтобы показать, что въ нашемъ обществѣ вовсе нѣтъ организованной и заклятой оппозиціи противъ женщинъ; у насъ есть только несмѣлость, боязнь того, что будетъ, при привычкѣ къ тому, что есть, привычкѣ, вовсе не исключающей сознанія, что то, что есть, нехорошо. Повторяемъ, такой благодушный и близкій къ справедливости взглядъ на женщинъ выработался у насъ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, преимущественно въ XVIII вѣкѣ, когда почти непрерывно въ теченіе семидесяти лѣтъ на русскомъ престолѣ являлись женщины, такъ пріучившія русское общество къ «женскому царству», что оно едва ли бы удивилось, еслибъ на административныхъ мѣстахъ увидало также женщинъ. Доказательствомъ можетъ служить назначеніе Дашковой на должность президента академіи наукъ. Это назначеніе смутило ее болѣе, чѣмъ чиновниковъ и академиковъ, которые представлялись ей, какъ своему начальнику. Екатерина не сдѣлала на этомъ пути дальнѣйшаго шага, но русская наука и просвѣщеніе выиграли отъ того, что нѣкоторое время развивались подъ непосредственнымъ вліяніемъ женщины. Княгиня Дашкова не была фактомъ исключительнымъ, но произведеніемъ русской почвы и тѣхъ историческихъ условій, которыя позволяли даровитой женщинѣ выступить на широкое поле дѣятельности. Переворотъ 1762 года, надѣвшій на Екатерину корону, въ значительной степени, если не исключительно, обязанъ своимъ успѣхомъ необыкновенной энер-

гіи, уму и смѣлости княгини. Всѣ нити его она держала въ своихъ рукахъ, распоряжалась заговорщиками, не теряла присутствія духа въ самыя критическія минуты и умѣла предупредить такія случайности, отъ невниманія къ которымъ весь замыселъ могъ бы рухнуть. Екатерина плохо вознаградила ее за эту услугу, но потомство безпристрастнѣе современниковъ и должно признать, что Дашкова въ качествѣ перваго министра была бы превосходной помощницей Екатерины. Серьезно такое предположеніе опровергать невозможно: по уму она уступала развѣ только Потемкину, да въ этомъ отношеніи имѣла передъ нимъ большое преимущество, потому что «великолѣпный князь Тавриды» былъ большимъ фантазеромъ и лѣнтяемъ, тогда какъ умъ Дашковой былъ послѣдовательнѣе и серьезнѣе, а дѣятельность неустанна; по образованію съ нею могла соперничать только Екатерина, и по энергіи только она; относительно сознанія необходимости реформъ, съ нею никто изъ государственныхъ людей того времени сравниться не могъ; сужденія о людяхъ были у ней вѣрны и мѣтки, въ выборѣ друзей она была чрезвычайно счастлива. О дѣятельности ея одна современница говоритъ слѣдующее: «Она помогаетъ каменьщикамъ лѣпить стѣны, сама проводитъ дороги, кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя пьесы и пишетъ для печати; она поправляетъ попа, если онъ ошибается, въ театрѣ перерываетъ актеровъ и учитъ ихъ, какъ надо играть роль; она докторъ, аптекарь, кузнецъ, плотникъ, чиновникъ, адвокатъ; словомъ, въ ней соединяются всѣ крайности; она переписывается съ братомъ, съ философами, съ поэтами, съ евреями, съ сыномъ и съ другими родственниками, и за всѣмъ тѣмъ, кажется, у нея очень много лишняго времени». Всѣ эти качества неужели не составили бы изъ Дашковой такого министра, память о которомъ сохранилась бы также долго, какъ память о самой Екатеринѣ? Изъ школы этого царствованія вышла другая женщина, обнаружившая замѣчательныя административныя способности—мы разумѣемъ императрицу Марію Ѳеодоровну, супругу Павла I.

Говоря это, мы нисколько не выходимъ изъ рамокъ, которыя ставитъ Милль въ своемъ сочиненіи: знаменитый англійскій мыслитель является передъ нами безусловнымъ защитникомъ допущенія женщинъ рѣшительно ко всѣмъ профессіямъ, а относительно управленія государствомъ, прямо отдаетъ преимущество имъ передъ мужчинами. «Королевы болѣе способны дѣлать хорошій выборъ людей и женщины вообще лучше годятся, чѣмъ мужчины, для высокаго положенія монарха и перваго министра, потому что главная задача первенствующаго министра заключается не въ томъ, чтобы управлять лично, но чтобы находить наиболѣе способныхъ лицъ для завѣдыванія отдѣльными отраслями государственныхъ интересовъ... Мы знаемъ, какъ мало исторія представляетъ намъ царствовавшихъ королевъ сравнительно съ королями. Но изъ этого незначительнаго числа гораздо бо́льшій процентъ выказалъ способность къ правленію, хотя многія изъ королевъ занимали престолъ въ очень трудныя времена, когда нужна была не только твердая рука правителя, но и глубокій государственный умъ. Замѣчательно также, что въ очень многихъ случаяхъ онѣ обнаружили качества, діаметрально противоположныя воображаемому и условному характеру женщинъ: эти монархини ознаменовали себя не только умнымъ, но въ тоже время твердымъ и энергическимъ правленіемъ». Милль останавливается не только на серьезныхъ аргументахъ противниковъ женской эманципаціи, разбивая ихъ силою своей логики, но не пропускаетъ остротъ и шутокъ, стараясь показать всю ихъ несостоятельность. Говорятъ, напр., будто королевы царствуютъ лучше королей именно потому, что при короляхъ управляютъ женщины, а при королевахъ — мужчины. И то и другое Милль считаетъ жалкой натяжкой, хотя не отрицаетъ исключеній, при чемъ справедливо говоритъ, что слабые короли также часто характеризовали себя дурнымъ управленіемъ по милости фаворитовъ, какъ и вслѣдствіе вліянія фаворитокъ. Что касается королевъ и царицъ, то избраніе ими угодниковъ своихъ личныхъ удовольствій, какъ орудій правленія, принадлежитъ къ случаямъ чрезвычайно рѣдкимъ. Мы имѣемъ на это полновѣсное доказательство въ нашей исторіи. Одинъ Аракчеевъ надѣлалъ Россіи гораздо больше вреда, чѣмъ всѣ фавориты Екатерины II, которые или совсѣмъ не пользовались вліяніемъ на дѣла, или пользовались вліяніемъ самымъ ничтожнымъ, да и то въ кругу придворныхъ интересовъ, исключая впрочемъ Потемкина, который вы-

казалъ государственный умъ и сохранилъ свое первенствующее значенiе несмотря на измѣнчивость личныхъ привязанностей императрицы, которая въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ предпочитала людей дѣйствительно способныхъ, хотя принадлежавшихъ иногда къ оппозицiи. Не говоря о царствованiи Петра, ни одно другое царствованiе такъ не богато способными государственными людьми, какъ царствованiе Екатѣрины, между тѣмъ фавориты ея были люди по большей части самые ничтожные.

Въ связи съ способностью удачно выбирать людей, Милль ставитъ практическiй характеръ, которымъ отмѣчено общее направленiе женскихъ способностей. При одинаковости опыта и общихъ умственныхъ отправленiй, женщина лучше мужчины умѣетъ видѣть то, что совершается предъ ея глазами. Открывать общiе законы — дѣло спекулятивной способности; толково различать отдѣльные случаи, къ которымъ законы эти приложимы—составляетъ практическiй талантъ, свойство особенно характеризующее женщинъ, какими мы теперь ихъ знаемъ. Послѣдняя оговорка необходима потому, что внѣшнiя обстоятельства и воспитанiе несомнѣнно повлiяли на организмъ женщинъ, но все-таки не измѣнили его въ такой степени, чтобъ онъ могъ оказаться ниже мужского, за исключенiемъ мускульной силы. Чрезвычайная нервная раздражительность, на которую обыкновенно указываютъ, какъ на обстоятельство неблагопрiятствующее практической дѣятельности женщинъ внѣ предѣловъ домашняго очага, зависитъ отъ тепличнаго воспитанiя; женщины, получившiя здоровое физическое воспитанiе, не выказываютъ этой болѣзненной дряблости; если же допустить, что женщины съ нервнымъ темпераментомъ многочисленнѣе сравнительно съ подобными мужчинами, но отчего же слѣдуетъ исключить изъ практической дѣятельности нервныхъ женщинъ, когда къ ней допускаются нервные мужчины. Кромѣ того, большая нервная впечатлительность для нѣкоторыхъ спецiальностей положительно полезна: сильное чувство, надлежащимъ образомъ воспитанное, весьма часто служитъ орудiемъ и элементомъ къ сильному самообузданiю; опытъ и исторiя показываютъ, что самые страстные характеры относились съ наибольшей фанатической суровостью къ чувству долга, если натура ихъ прiучена къ этому самоподавленiю. Если допустить, что женскiе умы измѣнчивѣе, подвижнѣе мужскихъ отъ природы, менѣе способны выдержать одно и тоже продолжительное усилiе, склонны болѣе разбивать способности между многими частными предметами, чѣмъ стремиться по одному пути до высочайшей степени, на которую можетъ привести этотъ путь, но этотъ упрекъ женщинамъ обращается въ ихъ достоинство при осуществленiи практическихъ цѣлей, когда всего полезнѣе способность быстро переходить отъ одного изучаемаго предмета къ другому, не выпуская ни одного изъ нихъ изъ вида. Множество мелкихъ заботъ, изъ которыхъ слагается жизнь женщинъ, способствуютъ развитiю этого, быть можетъ, и врожденнаго дара. Свидѣтельства анатомiи объ умственномъ будто бы превосходствѣ мужчинъ, весьма сомнительны; говорятъ, что мужчина надѣленъ большимъ количествомъ мозга, но новѣйшiя изслѣдованiя опровергаютъ это, да кромѣ того точное отношенiе между массою мозга и интеллектуальной силой составляетъ еще вопросъ спорный. Дѣлать же такое заключенiе изъ того, что тѣлесныя формы женщины, по сравненiю съ мужчиною, представляютъ вообще меньшiй масштабъ, значитъ допустить, что рослый человѣкъ умнѣе приземистаго, а слоны умнѣе людей. Но и допуская, что мужскiе мозги больше женскихъ, все-таки надо принять въ соображенiе, что важность этого органа зависитъ не только отъ величины его, но и отъ дѣятельности: быть можетъ женскiй мозгъ превосходитъ мужской большею энергiей головного кровообращенiя, что въ самомъ дѣлѣ гармонируетъ съ замѣчаемыми различiями въ умственныхъ отправленiяхъ обоихъ половъ: мужчины берутъ верхъ надъ женщинами именно въ тѣхъ спецiальностяхъ, которыя требуютъ хлопотливаго изысканiя, продолжительной обработки, тогда какъ женщинамъ сподручнѣе дѣлать то, что должно кипѣть и спориться въ рукахъ. Впрочемъ, Милль допускаетъ это какъ гипотезу: въ настоящее время невозможно знать, какiя изъ замѣчаемыхъ различiй между мужчинами и женщинами естественны, какiя искусственны, существуютъ ли вообще какiя бы то ни было естественныя различiя и въ какомъ видѣ представился бы природный характеръ,

если удалить всѣ искусственныя причины несходства.

Говоря о превосходствѣ мужчинъ надъ женщинами, указываютъ на то, что никакое первоклассное произведеніе въ области философіи, науки или искусства не было результатомъ женскаго труда. Но женщины, за весьма рѣдкими исключеніями, стали пробовать свои силы въ этихъ областяхъ какія-нибудь три поколѣнія, и имѣли полнѣйшій успѣхъ во всѣхъ предметахъ, для упражненія въ которыхъ у нихъ было время; если женскимъ произведеніямъ чего не достаетъ, то это — высшей умственной оригинальности; но этотъ недостатокъ весьма удовлетворительно объясняется тѣмъ, что женщинъ постоянно оставляли въ пренебреженіи относительно самобытной обработки мыслей; если женщины не создали оригинальной литературы, а явились, по общему тону и въ главныхъ чертахъ, подражательницами мужчинъ, то это просто зависитъ отъ того же, отъ чего римская литература не была оригинальна, а подражала греческой: греки работали ранѣе, какъ мужчины работали ранѣе женщинъ. Женская неоригинальность и неумѣлость наиболѣе бросается въ глаза въ такъ-называемыхъ изящныхъ искусствахъ, которыя не только не запрещаются женщинамъ, но даже поощряются ихъ воспитаніемъ. Однако, и эта отсталость объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что настоящіе знатоки дѣла всегда неизмѣримо выше любителей; женщины же артистки—всѣ любительницы. Только одному сценическому искусству женщины, до нѣкоторой степени, посвящаютъ себя, какъ избранной профессіи, какъ спеціальному занятію всей жизни, и въ этомъ отношеніи онѣ, какъ признано всѣми, стоятъ совершенно наравнѣ съ мужчинами, если только не выше ихъ.

Вообще, прежде, чѣмъ отрицать, что женщины неспособны къ той или другой профессіи, надо испробовать на дѣлѣ; что имъ дѣлать и чего не дѣлать для собственнаго ихъ счастія — въ этомъ лучшіе судьи онѣ сами. «Запрещать же имъ быть докторами, адвокатами, или членами парламента — значитъ наносить вредъ не только женскому полу, но и всѣмъ, кто пользуется трудами этихъ дѣятелей; это значитъ лишать себя благотворнаго стимула болѣе широкой конкурренціи для соискателей общественныхъ профессій и ограничиваться болѣе тѣснымъ кругомъ индивидуальнаго выбора... Если предоставить женской натурѣ полную волю, то онѣ уже вслѣдствіе этого не станутъ дѣлать сами того, что не согласно съ ихъ природою. Тутъ рѣшительно безполезно всякое желаніе мужчинъ заступаться за природу ихъ опасенія того, что она не съумѣетъ отстоять своихъ правъ. Запрещать женщинамъ дѣлать то, чего онѣ не могутъ дѣлать по самой природѣ—вѣдь это совершенно безсмысленно. То, что они могутъ дѣлать, но не такъ хорошо, какъ мужчины, ихъ конкурренты, будетъ какъ нельзя лучше закрыто для нихъ самой конкурренціей. Вѣдь никто же не требуетъ огражденія женщинъ разнаго рода покровительственными предписаніями и привилегіями; мы требуемъ только того, чтобы были измѣнены нынѣ существующія исключительныя права и привилегіи мужчинъ... Свободное поле конкурренціи всегда будетъ служить имъ самымъ сильнымъ стимуломъ для той дѣятельности, гдѣ женщины наиболѣе нужны. А такъ какъ онѣ нужны къ такому дѣлу, къ которому наиболѣе способны, то, вслѣдствіе правильнаго распредѣленія труда, коллективныя способности того и другого пола могутъ быть, въ общемъ итогѣ, примѣнены съ наибольшею пользою.»

Бракъ, при настоящей его легальной обстановкѣ, Милль прямо считаетъ единственнымъ видомъ рабства, не истребленнымъ еще цивилизаціей, которая достигла только того, что законы стали хуже своихъ исполнителей, то-есть, что многіе мужчины совершенно исключаютъ и почти всѣ значительно смягчаютъ стимулы и наклонности, ведущія къ тиранніи; но это не можетъ оправдать легальнаго деспотизма, потому что законы должны приноравливаться не къ хорошимъ людямъ, а къ дурнымъ. «Бракъ не есть институтъ, предназначенный для немногихъ избранныхъ. Предъ совершеніемъ брачнаго обряда, отъ мужчинъ не требуется, чтобы они посредствомъ свидѣтелей доказали свою годность къ отправленію абсолютной власти»; напротивъ, всякій дрянной человѣкъ признается годнымъ для того, чтобъ властвовать даже надъ такою женщиной, которая неизмѣримо выше его во всѣхъ отношеніяхъ. «Намъ толкуютъ, продолжаетъ Милль, что апостолъ Павелъ сказалъ: «жены да повинуются мужьямъ», но онъ же также ска-

залъ: «рабы да повинуются господамъ своимъ». Возбуждать кого бы то ни было противъ существующихъ законовъ не входило въ планъ св. Павла и не согласовалось съ его цѣлію—распространеніемъ христіанства. Принимая всѣ соціальныя учрежденія въ томъ видѣ, какими онъ засталъ ихъ, апостолъ нисколько не хотѣлъ порицать этимъ всѣ попытки къ ихъ улучшенію въ свое время, точно также, какъ его мнѣніе о томъ, что «всякая власть отъ Бога» вовсе не освящаетъ военнаго деспотизма, не дѣлаетъ его исключительно-христіанскою формою политическаго правленія и не налагаетъ пассивнаго повиновенія ему. Думать, что христіанство хотѣло на вѣковѣчныя времена отчеканить данныя формы правленія и общества—значило бы низводить его до уровня мусульманства и браманизма. Но именно потому, что христіанство этого не хотѣло — оно и сдѣлалось религіей прогрессивной части человѣчества и проч.»

Мы не можемъ слѣдить за всей аргументаціей Милля, потому что намъ пришлось бы ограничиваться безпрестанными выписками. Достаточно сказать, что авторъ обнимаетъ женскій вопросъ со всѣхъ сторонъ, повсюду внося яркій и спокойный свѣтъ, логику и разумъ. Основанная на методѣ, выработанномъ положительною философіей, аргументація его, если не открываетъ новыхъ истинъ, за то безвозвратно уничтожаетъ предразсудки и ложь въ самыхъ надежныхъ, такъ сказать, въ самыхъ священныхъ ихъ убѣжищахъ. Г. Михайловскій въ названномъ выше предисловіи удачно выразился, сказавъ, что «подобныя книги имѣютъ важное, чисто педагогическое значеніе, потому что они учатъ правильно мыслить».

Мы увѣрены, что сочиненію Милля предстоитъ у насъ большой успѣхъ: ему предназначено возвести въ сознательную истину то, что въ нашемъ обществѣ было на степени инстинкта или полусознанія и это совершитъ оно тѣмъ легче, что у насъ, какъ мы уже сказали, вовсе нѣтъ непримиримой оппозиціи противъ женщинъ ни въ обществѣ, ни въ правительствѣ. Какъ скоро женщины допущены будутъ къ высшему образованію—а кто этого не желаетъ?—для нихъ откроется хорошая перспектива. Правительству остается быть только послѣдовательнымъ: если оно болѣе и болѣе открываетъ имъ спеціальныя профессіи, оно должно открыть имъ и путь къ всестороннему образованію.

Придавая сочиненію Милля большое значеніе, мы тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ должны заявить, что если переводъ г. Благосвѣтлова удовлетворителенъ, за исключеніемъ нѣкотораго повышенія тона, которое онъ позволилъ себѣ противъ оригинала, то переводъ, изданный г. Звонаревымъ крайне плохъ, особенно въ первой половинѣ, плохъ до того, что во многихъ мѣстахъ пониженіе его можетъ составить трудность не послѣднюю. Произошло это отъ того, что переводчикъ дѣлалъ переводъ подстрочный, ни мало не заботясь о русской конструкціи и смыслѣ. Для образчика приведемъ слѣдующія строки: «Даже предварительныя знанія: въ чемъ различіе между полами заключается теперь, помимо всякаго вопроса о томъ, *какимъ образомъ женщины сдѣланы тѣмъ, что онѣ есть*, находятся въ самомъ неразработанномъ и неполномъ видѣ (стр. 57)». Желающіе такія фразы найдутъ во множествѣ.

Исторія русской литературы (для учащихся) составилъ *А. Кирпичниковъ*, преподаватель 5-й московской гимназіи. Москва. 1869.

Мы прошли бы молчаніемъ эту плохую книгу, еслибъ она была написана лицомъ, непринадлежащимъ къ учебному вѣдомству; послѣднее обстоятельство придаетъ ей то значеніе, что она не погибнетъ въ массѣ негодныхъ книгъ на полкахъ и въ подвалахъ книжныхъ магазиновъ, а попадетъ въ руки молодого поколѣнія, по крайней мѣрѣ той его части, которою руководитъ въ 5-й московской гимназіи г. Кирпичниковъ. Кромѣ того, книжка эта даетъ прекрасный матеріалъ для характеристики нашего учебнаго сословія и, слѣдовательно, для исторіи нашего развитія. Мелкіе факты не слѣдуетъ упускать изъ виду, такъ какъ они очень часто порождаютъ весьма плохія послѣдствія.

«Назначеніе этой книги, указанное въ заглавіи,» говоритъ г. Кирпичниковъ, «свидѣтельствуетъ, что она не имѣетъ никакого притязанія на самостоятельность, и есть не научный трудъ, а учебникъ». Итакъ, учебникъ не требуетъ ни «самостоятельности», ни «научности». Человѣкъ, за него берущійся, не обязанъ глубоко и всесторонне изучить свой предметъ,

выработать себѣ на него твердый, и значитъ, самостоятельный взглядъ, строго обсудить общій планъ и подробности, взвѣсить каждый фактъ въ его одиночномъ значеніи и въ связи съ другими фактами, т. е. внести въ него то «научное» достоинство, безъ котораго немыслимо добросовѣстное преподаваніе, устное или письменное изложеніе всякаго предмета. Учитель 5-й московской гимназіи открыто и беззастѣнчиво заявляетъ, что на все это онъ не имѣетъ претензіи, потому что написанная имъ «Исторія русской литературы» назначается для «учащихся», которые, очевидно, не имѣютъ нужды въ томъ, чтобъ имъ преподавали этотъ предметъ «научно» и «самостоятельно»: шатаніе и безсвязность — лучшія гарантіи для воспитанія нашихъ дѣтей; чѣмъ менѣе самостоятельности и научности, тѣмъ лучше. Естественно, что учебникъ, авторъ котораго смѣло высказываетъ такія идеи, отличается безтолковой сшивкой на скорую руку разныхъ фактовъ и мнѣній, мало относящихся къ исторіи русской литературы, и пропускомъ тѣхъ фактовъ и мнѣній, которыя наиболѣе характеризуютъ ходъ и развитіе идей, господствующихъ въ настоящее время. Г. Кирпичниковъ и этого не скрываетъ: съ полной откровенностью — качествомъ почтеннымъ за недостаткомъ другихъ — онъ повѣствуетъ, что премущественное вниманіе обратилъ на исторію древней литературы, а исторію новѣйшей литературы изложилъ весьма кратко и притомъ «только до Грибоѣдова (а за тѣмъ слѣдуютъ краткія свѣдѣнія о четырехъ писателяхъ)». Стало быть, г. Кирпичниковъ древнюю литературу считаетъ важнѣе новѣйшей. «Напротивъ», спѣшитъ онъ замѣтить: «произведенія Пушкина, Гоголя и др. учащійся долженъ знать лучше, чѣмъ все остальное, но въ настоящее время взглядъ на этихъ писателей еще не установился, или лучше сказать существуетъ нѣсколько самыхъ разнорѣчивыхъ взглядовъ (?). Кромѣ того, ходъ идей новаго времени, по самой его близости къ намъ, неясенъ, и вмѣсто исторіи литературы здѣсь можетъ существовать только критика. Имѣя въ виду составить *учебникъ*, мы исключили изъ нашей книги все сомнительное, неясное, всѣ предположенія и мнѣнія (даже мнѣнія!!), и оставили только факты». Если г. Кирпичникову неясенъ ходъ идей новаго времени, то мы смѣемъ сказать ему, что ему неясенъ также ходъ собственныхъ его идей, хотя и не имѣющихъ съ новымъ временемъ ничего общаго. По его словамъ, учащимся нужно знать сочиненія Пушкина и Гоголя лучше всего остальнoго; откуда же они это узнаютъ, если г. Кирпичниковъ не сообщаетъ имъ ничего изъ новѣйшей литературы? Г. Кирпичниковъ, конечно, не предвидѣлъ этого вопроса, но отвѣтъ на него давно уже выработанъ практикой. Гимназисты обращаются за отвѣтомъ къ журналистикѣ и впиваютъ въ себя изъ нея то, чего не даютъ имъ ихъ преподаватели, къ которымъ и не могутъ питать они уваженія, потому что эти преподаватели, навязывая имъ свои произведенія, беззастѣнчиво говорятъ: не ищите тутъ ни самостоятельности, ни научности, — заплатите только 1 р. сер. А, прекрасно, думаютъ ученики: значитъ преподаваніе въ гимназіяхъ — только формальность, такъ и запишемъ, и пойдемъ искать умственной пищи и самостоятельности гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, отдѣлавшись отъ этой формальности за цѣлковый. Но такъ какъ журналистика существуетъ не для гимназистовъ, для которыхъ въ ней многое еще не можетъ быть доступно, то происходитъ то шатаніе и та поверхностность, за которую такъ любятъ иные педагоги упрекать молодое поколѣніе. Но что жъ ему дѣлать, когда молодой умъ ищетъ пищи, живого знанія, живой идеи, а ему предлагаютъ оффиціальные представители просвѣщенія какую-то непереваренную смѣсь изъ того, чѣмъ питались грамотные люди XIII и XIV столѣтій и заставляютъ изучать это и питаться этимъ, въ видахъ, вѣроятно, укрощенія строптивости...

Далѣе: составляя учебникъ, г. Кирпичниковъ выкинулъ «все неясное, всѣ предположенія и мнѣнія, и оставилъ одни факты». Такъ какъ г. Кирпичниковъ заявилъ, что онъ не обладаетъ ни самостоятельностью, ни научностью, то надо предположить, что при выборѣ фактовъ онъ руководился наитіемъ. Откуда оно ему послано — мы не знаемъ, но можно съ достовѣрностью утверждать, что не съ неба, хотя это наитіе и позволяетъ ему исключить изъ исторіи русской литературы даже «мнѣнія», какъ будто какая-нибудь исторія возможна безъ мнѣній, т. е. безъ критики. Впрочемъ, это сорвалось у нашего автора съ языка безсознательно: на самомъ дѣлѣ у него мнѣній много, въ особенности мнѣній, не имѣющихъ ни ка-

кого научнаго значенія, въ родѣ, напр., такихъ, что «авторы духовныхъ стиховъ есть калики перехожіе», что Пушкинъ и Гоголь не могутъ быть включены въ исторію русской литературы, когда собственно серьезная исторія русской литературы только съ нихъ и начинается? Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ для исторіи нашего развитія такіе писатели, какъ Вассіанъ Рыло и множество другихъ, на которыхъ съ такою любовью г. Кирпичниковъ останавливается? Онъ скажетъ, что все это факты: Вассіанъ Рыло существовалъ и написалъ посланіе къ Ивану III, существовали и другіе писатели, изъ которыхъ одинъ написалъ сказаніе о перенесеніи мощей св. Параскевы и стихъ на праздникъ успенія Богородицы, другой доказывалъ существованіе земного рая, третій существованіе такой жабы, которая глотаетъ людей, и проч. и проч. Не видя никакой надобности обременять память ученика именами невѣжественныхъ представителей полудикаго времени, мы, однако, попробуемъ стать на точку зрѣнія г. Кирпичникова: пусть онъ намъ объяснитъ, почему онъ предпочитаетъ фактъ существованія Вассіана Рыла другому факту—существованію Пушкина и Гоголя, или другими словами: почему Вассіанъ Косой, написавшій обличительное «слово», больше значитъ, чѣмъ Островскій и Салтыковъ, которые тоже писали «обличительныя слова», одинъ въ формѣ комедій, другой въ формѣ повѣстей и разсказовъ и которые не удостоились даже простого упоминанія въ «исторіи русской литературы для учащихся». Объ этихъ писателяхъ существуютъ разныя мнѣнія, говоритъ г. Кирпичниковъ. Прекрасно. Дѣйствительно, съ этой стороны Вассіанъ Рыло имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ Тургеневымъ, Гончаровымъ и другими наиболѣе талантливыми современными писателями, о которыхъ также умолчалъ г. Кирпичниковъ: объ Островскомъ, Тургеневѣ и Гончаровѣ могутъ быть разныя мнѣнія, между тѣмъ какъ о Вассіанѣ Рылѣ можетъ быть только одно—по самой ничтожности этого писателя. Но въ такомъ случаѣ, становится совершенно непонятно, зачѣмъ же г. Кирпичниковъ пропустилъ всѣхъ тѣхъ писателей, о которыхъ также, какъ и о Вассіанѣ Рылѣ и Вассіанѣ Косомъ, существуетъ тоже одно мнѣніе, именно, что они ничтожны? Такихъ писателей очень много и ими не безполезно было бы наполнить учебникъ, предназначенный для учениковъ гимназіи. Правда, г. Кирпичниковъ говоритъ еще намъ, что ему «неясенъ ходъ идей новаго времени»; но кому неясенъ ходъ идей новаго времени, тотъ не можетъ ясно видѣть и въ старомъ времени. Написанная имъ «исторія русской литературы» блистательно это доказываетъ. Мы не станемъ останавливаться на ея ошибкахъ и неточностяхъ: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы хотѣли только указать на одно изъ знаменій времени въ педагогическомъ сословіи: человѣкъ открыто хвалится отсутствіемъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для добросовѣстнаго учителя, и открыто сознается, что ему «неясенъ ходъ идей новаго времени», другими словами, хвалится шатаніемъ......

Роландъ. (Le chanson de Roland). Древняя французская поэма. Вольный переводъ *Бориса Алмазова.* Москва. 1869

Пѣсня о Роландѣ принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ древней французской поэзіи. Долго неизвѣстное новой Франціи, оно обратило на себя вниманіе и сдѣлалось предметомъ похвалъ, изысканій и переводовъ на новый французскій языкъ, только въ тридцатыхъ годахъ. Большой отрывокъ изъ этой поэмы, написанной Терульдомъ, помѣщенъ въ русскомъ прозаическомъ переводѣ во второмъ томѣ «Исторіи среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ». Г. Алмазовъ рѣшился перевести поэму «вольно», то-есть, «оставить, по его словамъ, непереведенными все то, что теряетъ всякое значеніе въ переводѣ, сократить, напримѣръ, безконечныя описанія сраженій» и то, что казалось ему вставками старинныхъ переписчиковъ поэмы. Далѣе переводчикъ сознается, что «осталось не переведеннымъ нѣсколько мѣстъ, исполненныхъ истинными, глубокими поэтическими достоинствами: «мы не перевели ихъ просто вслѣдствіе нашего безсилія воспроизвести тонкія и нѣжныя красоты подлинника». Эти слова достаточно рекомендуютъ добросовѣстность переводчика, который не берется за то, чего сдѣлать не въ силахъ. Въ наше время, когда искажаютъ Байрона и, не зная англійскаго языка, переводятъ его съ французскаго, такое сознаніе можетъ считаться величайшей рѣдкостью. Поэма Терульда переведена г. Алмазовымъ хорошимъ

стихомъ; но кто свѣритъ оригиналъ съ переводомъ, тотъ не можетъ не замѣтить, что переводчикъ значительно сгладилъ первоначальную свѣжесть оригинала и отнялъ у него его выразительность и простоту. Во всякомъ случаѣ, этотъ трудъ далеко не лишній въ нашей литературѣ.

Стихотворенія, басни и пѣсни. Сочиненіе *А. А. Звонарева*. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1869.

Вотъ еще книга, изданная весьма изящно, о которой можно было бы не говорить, еслибъ она не выходила изъ ряду вонъ. Г. Звонаревъ не только не поэтъ, но даже не стихотворецъ, т. е. не знаетъ правилъ стихосложенія. Въ предисловіи онъ рекомендуетъ себя такъ:

Благосклонный читатель,
Не будь ты строгъ ко мнѣ!
Я не поэтъ, но я мечтатель...
Любовь моя горитъ къ тебѣ.
. . . .
Пишу стихи безъ увлеченія;
Не жду я громкихъ одобреній;
Въ нихъ нѣтъ большой красы,—
Читатель, удѣли на нихъ не многіе часы.

Этихъ строкъ достаточно, чтобъ видѣть, съ кѣмъ имѣемъ дѣло: у стихотворцевъ временъ Петра Великаго, писавшихъ силлабическимъ размѣромъ, стихъ несравненно лучше. Но нѣтъ худа безъ добра: г. Звонаревъ можетъ служить прекраснымъ первообразомъ тѣхъ поэтовъ, которые получили у насъ въ послѣднее время названіе «натуръ непосредственныхъ», т. е. такихъ, которыя обрѣтаются въ невинномъ невѣдѣніи общечеловѣческихъ стремленій и разумныхъ задачъ искусства и поютъ все, что придетъ имъ въ голову. Единственная разница между ними и г. Звонаревымъ въ извѣстной долѣ грамотности и знанія хореевъ, ямбовъ и амфибрахіевъ. И еслибъ г. Звонаревъ позналъ эту нехитрую премудрость, то могъ бы съ успѣхомъ соперничать съ ними. Судите сами вотъ по этимъ стихамъ г. Звонарева, которымъ недостаетъ только звучности, чтобъ попасть въ «поэтическіе»:

Паровозъ мчитъ:
Луга мелькаютъ,
Птичька прочь летитъ;
Вдали лошадушки гуляютъ.
Какое раздолье
И какой просторъ!
Коровушкамъ приволье....
Нѣту горъ.
Живая Творца картина:
Луга, поля, лѣса,
Величественная равнина;
Своды надъ землей — небеса.

Въ этихъ стихахъ есть: непосредственность простота, искренность и не достаетъ только размѣра. Въ своей непосредственности г. Звонаревъ достигаетъ даже паѳоса. Напр.

Злой воронъ кровожадный
Въ глазахъ моихъ похитилъ птенца.
На сей подвигъ его ужасный
Невольно брызнула слеза.
Горе и тоска разлилась
По сердцу моему,
Душа мечтамъ предалась,
Прискорбно быть зрителемъ сему.

Именно: «прискорбно быть зрителемъ сему», т. е. появленію подобныхъ поэтовъ, какъ безграмотныхъ, такъ и грамотныхъ.

Духовныя стихотворенія Ѳедора Николаевича Глинки. Москва, 1869.

Ѳ. Н. Глинка—поэтъ слишкомъ извѣстный, начавшій писать еще въ первой четверти настоящаго столѣтія. Этимъ томомъ начинается изданіе полнаго собранія его сочиненій. Во второмъ томѣ будетъ помѣщено его переложеніе «Книги Іова» и поэма «Таинственная капля»; въ третьемъ — аллегорія и смѣсь, и въ четвертомъ — «Письма русскаго офицера» о войнѣ 1812 года. Въ прежнее время г. Глинка находилъ себѣ многочисленныхъ читателей и надъ поэмою «Таинственная капля» наши дѣды проливали обильныя слезы. Теперь весь этотъ мистицизмъ, всѣ эти желанія «покатиться солнцемъ», «жить въ затишной тиши, скупо питаясь въ выси нажитымъ», всѣ совѣты въ родѣ:

Если хочешь жить легко
И быть къ небу близко —
Держи сердце высоко,
А голову низко —

производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Еще тамъ, гдѣ г. Глинка перекладывалъ въ рус-

скіе стихи пророковъ—онъ удобочитаемъ, тутъ встрѣчаются даже сильные стихи, но собственные его варіаціи на духовныя темы, собственные громы его противъ разврата, лжи, «торговъ», «исканья», отъ котораго будто бы получается «нуль», его собственныя восклицанія:

Пожаръ!.. пожаръ!... у человѣка —
Сего мятущагося вѣка —
Горитъ рубаха отъ грѣховъ!

кромѣ мистическаго элемента и риѳмованной, весьма надутой прозы, ничего другого нѣтъ. По нашему мнѣнію, чѣмъ выше предметы пѣснопѣній, тѣмъ сильнѣе долженъ быть талантъ, берущійся за нихъ, и въ этомъ случаѣ одно искреннее чувство еще не много значитъ: быть можетъ, ему удобнѣе было бы скрываться въ толпѣ, какъ мытарю въ извѣстной притчѣ Христа. Тогда, по крайней мѣрѣ, личное спасеніе стихотворца было бы обезпечено; что же касается спасенія публики, къ которой онъ обращается съ риѳмованными строчками, то она обыкновенно не пронимается такими средствами, особенно если ей не указываютъ опредѣленнымъ образомъ язвъ ея. А на что же указываетъ г. Глинка? Онъ перепѣваетъ іудейскихъ пророковъ и, не обладая силою ихъ дарованія, строитъ общія мѣста, отъ которыхъ отвернулось бы и древнее іудейское общество, не столь требовательное, какъ современное, которое — нельзя же этого не сознавать—все-таки далеко ушло по развитію и по сознанію своихъ обязанностей отъ общества временъ царя Ахава и нечестивой Іезавели. А. С.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ, 1869.

Книга девятая. — Сентябрь.

Стр.

Пѣсня о походѣ Владиміра.—ГР. А. К. ТОЛСТАГО 5

Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой. — 1787-1795 гг. — Глава третья —I. Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою по польскимъ дѣламъ. — II. Веселье въ Польшѣ; сеймики; самоувѣренность поляковъ; поведеніе Люккезини; зародышъ конфедераціи въ Петербургѣ; воинственныя постановленія сейма. — III. Празднество годовщины 3-го мая; поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ; виды поляковъ: приготовленіе къ оборонѣ — IV. Объявленіе декларапіи Екатерины; впечатлѣніе на поляковъ; послѣднія распоряженія и закрытіе сейма; воззваніе къ народу; отвѣтъ на декларацію. — V. Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ; посольство Потоцкаго; собственныя средства обороны у поляковъ. — VI. Вступленіе русскаго войска; Тарговицкая Конфедерація. — Н. И. КОСТОМАРОВА 17

Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть четвертая. — Книга десятая. — IX-XVI. — Книга одиннадцатая. — I-VI. (Переводъ съ рукописи). 105

Г-жа Крюднеръ. — Статья вторая. — V Сношенія съ императоромъ Александромъ въ Парижѣ; Священный Союзъ, 1815 (іюль-сентябрь).—VI. Странничество и проповѣдь въ Швейцаріи и Германіи. 1815—1818.—VII. Въ Россіи. 1818 — 1824. — А. Н. ПЫПИНА 207

Очерки Средней Азіи.—Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и пр.; Пашино: Туркестанскій край въ 1866 г.; Вамбери: Очерки Средней Азіи. — Л. А. 258

Корнеллевскій университетъ въ Америкѣ.—Р-ЛЯ 275

Воспоминанія Е. А. Хвостовой.—1812—1835 298

Внутреннее Обозрѣніе. — Внутренній заемъ въ 15 милл. р. — Обращеніе безпроцентнаго долга. — Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса. — Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ.— Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ — Расторженіе контракта съ Уайненсомъ.—Желѣзно-дорожные торги.—Воронежско-Грушевская и Бессарабская дороги. — Съѣздъ петербургскаго духовенства 347

Иностранное Обозрѣніе.—Конституціонная реформа во Франціи.—Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа. — Диктатура Наполеона I.—Божественное право Карла X. — Паденіе Іюльской монархіи.—Вторая республика и возобновленіе диктатуры.—Наполеонъ III.—Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію.—Посланіе 12-го іюля.—Кризисъ второй имперіи. 365

Положеніе народнаго образованія съ 12-го іюня. — Н. В-ГО 390

Стр.

По поводу колонизаціи въ Россіи.—(Письмо въ редакцію) Г. К. ВЛАСТОВА . . 408

Литературныя Извѣстія.—Августъ.—I. Русская Литература. — Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Стоянова.—Б. У.—Картины прошедшаго, А. Сухово-Кобылина. — Осьмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ.—Недоразумѣніе. Повѣсть. Данкевича.—Популярная гигіена. Соч. Карла Реклама. —А. С.—II. Иностранная Литература.—Livländische Antwort an H. Juri Samarin. Von C. Schirren. Die Baltischen Provinzen am Rubicon.— Л. А.— History of European Morals etc., by W. E. H. Lecky.—Ю. Р. 411

Книга десятая—Октябрь, 1869.

Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть четвертая.—Книга одиннадцатая.—VII-XVII.—Книга двѣнадцатая.—I-VII. (Переводъ съ рукописи). 471

Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой.—1787-1795 гг.—Глава третья.—VI. Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году. — VII. Финансовыя затрудненія. — Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго.—Переговоры съ Булгаковымъ.— Письмо къ Екатеринѣ.— Отвѣтъ ея.— Король приступаетъ къ конфедераціи.—Бѣгство патріотовъ.— Впечатлѣніе событій.—VIII. Господство Конфедераціи.—Униженіе короля.—Злоупотребленіе Конфедераціи.—Тайныя сношенія державъ о раздѣлѣ Польши.—Прусская Нота.—Тревога Конфедераціи. — IX. Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши.— Делегація въ Петербургѣ. — Тревога Конфедераціи. — Н. И. КОСТОМАРОВА. 562

Мавританскій Король. (Изъ Гейне). Стихотвореніе.—А. Я-ВА. 623

Сестра Роза.—Повѣсть.—(Переводъ съ рукописи).—АНДРЕ ЛЕО. 626

Флоренція и ея старые мастера.—Статья вторая.—Д. И. КАЧЕНОВСКАГО. . 678

Императоръ Александръ I и квакеры.—А. П. 751

Мемуары изъ прошедшихъ временъ.—М. М. 770

Русская литература.—Новые историческіе вопросы.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.—А. Н-ВЪ. 788

Иностранная Литература. — Шекспировская критика въ Германіи.—Н. СТОРОЖЕНКО 823

Внутреннее Обозрѣніе.—Почтовое дѣло и почтовыя ревизіи.—Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 г.—Наши экономическія дѣла.—Спекуляція.—Биржа.—Банки.—Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ.— Выпускъ ассигнацій.— Кризисъ.—Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати.— Новый съѣздъ петербургскаго духовенства.— Прекращеніе безпорядковъ въ киргизскихъ степяхъ.—Виды въ будущемъ. 870

Иностранное Обозрѣніе. —Русскіе публицисты и братья славяне. — Фальшивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ.—Янъ Гусъ и Богемія.—Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ.—Палацкій.—Москва и рѣчь М. П. Погодина. — Выборы въ богемскій сеймъ. — Политика Австріи. — Пруссія.—Петиція Шлезвига.—Рѣчи и военные маневры Вильгельма I.— Франція, принцъ Наполеонъ и Кератри.—Годовщина испанской революціи.—Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты.—Италія. 891

Мировой судъ въ провинціи—БАР. И. КОРФА. 913

Письмо изъ Парижа.—К. К. АРСЕНЬЕВА. 923

Литературныя Извѣстія.—Сентябрь.—Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. — О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго.—Исторія русской литературы (для учащихъ), составилъ А. Кирпичниковъ.—Роландъ. Древняя французская поэма. Вольный переводъ Б. Алмазова.— Стихотворенія, басни и пѣсни. Соч. А. А. Звонарева.—Духовныя стихотворенія Ѳедора Николаевича Глинки. А. С. . 937

...ссія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ. *Нила Попова*, 2 части (521 и 657 стр.). Москва. 1869.

Мы только что получили обширный трудъ г. ...пова, который будетъ важнымъ вкладомъ въ ...шу литературу о славянскихъ предметахъ. За ...ключеніемъ переведенной у насъ книги Ранке, ...о будетъ первое обстоятельное сочиненіе, въ ...торомъ русскій читатель найдетъ современную ...торію сербскаго княжества. Пора бы! иностран...я литература, писатели которой не имѣютъ ...ивилегіи называться славянскими братьями, въ ...омъ отношеніи гораздо богаче насъ.

Г. Поповъ обработалъ свой предметъ, сколько ...ы могли видѣть, весьма внимательнымъ образомъ, ...нъ воспользовался обширнымъ количествомъ ис...чниковъ въ сербскихъ книгахъ и статьяхъ, въ ...ностранной литературѣ, и наконецъ въ личныхъ ...ассказахъ и рукописныхъ сообщеніяхъ людей, ...вшихъ свидѣтелями и участниками сербскихъ ...бытій. ;Это послѣднее конечно еще болѣе воз...шаетъ цѣнность труда г. Попова.

...вліянія общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, Соч. *Н. Хлѣбникова.* Спб. 1869.

Авторъ такимъ образомъ объясняетъ свою за...ачу: «Царскій періодъ Русской исторіи (гово...итъ онъ) есть одна изъ самыхъ интересныхъ ...охъ нашей жизни, къ которой еще многіе и ...ногіе будутъ обращаться, чтобы уяснить наше ...астоящее. Но изученіе этого періода не могло ...ыть столь плодотворно до тѣхъ поръ, пока осво...божденіе крестьянъ и всѣ другія непосредственно ...вязанныя съ нимъ реформы, не облили яркимъ ...вѣтомъ наше прошлое и не поставили историка ...астоящаго времени на такую высоту, съ кото...ой онъ спокойно можетъ взирать на это прош...ое. Въ самомъ дѣлѣ, 19 февраля 1861 года было ...вершеніемъ дѣла эпохи Русской исторіи, эпохи, ...ь которую русское общество сознало себя несо...тоятельнымъ для образованія свободнаго госу...арства и одно за другимъ закрѣпляло всѣ обще...твенные классы, начиная отъ служилаго сосло...ія и кончая городскимъ классомъ. Въ настоя...ее время, когда одни за другими всѣ обществен...ые классы освободились, пришла пора взглянуть ...езпристрастно на Старую Русь и осмыслить при...ины, приведшія ея къ крѣпостнымъ формамъ го...ударственнаго устройства», и т. д.

Въ настоящей книгѣ изложеніе обнимаетъ ...ремя съ 1547 по 1676 годъ, которое авторъ дѣ...итъ на три періода: до 1584 г.—время полити...ескаго и умственно-религіознаго движенія; до ...613 — время борьбы за крѣпостное право; до ...76—время политической и религіозной реакціи. ...матривая эти періоды, авторъ желаетъ указать вліяніе экономическихъ условій и умственно-религіознаго направленія общества на государственную организацію, и обратное вліяніе послѣдней на экономическое благосостояніе и умственное развитіе общества.

Такія объяснительныя, теоретическія изслѣдованія, какъ начатое г. Хлѣбниковымъ, въ послѣднее время довольно рѣдки въ нашей литературѣ, а между тѣмъ они неизбѣжно необходимы для того, чтобы старая жизнь получила для насъ настоящій историческій смыслъ. Поэтому книга г. Хлѣбникова составляетъ очень пріятное явленіе, и мы съ любопытствомъ будемъ ожидать второй половины его труда, которая должна будетъ обнимать періодъ времени съ 1676 до 1721 года.

Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи. Барона Августа *Гакстгаузена*. Перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ Л. Н. Рагозинъ. Москва. 1870. Томъ первый.

Знаменитое сочиненіе Гакстгаузена, появившееся въ подлинникѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, давно бы заслуживало русскаго перевода. Надо согласиться (какъ бы ни ужасались этого факта мнимо-народные мыслители, ненавидящіе гнилой западъ), что сочиненіе вестфальскаго барона много содѣйствовало нашему собственному изученію экономической, да отчасти и другихъ сторонъ народной жизни. Мы, кажется, не ошибаемся, сказавъ, что въ то время появленіе полнаго русскаго перевода было невозможно по цензурному усмотрѣнію. — хотя впрочемъ книга и обращалась въ публикѣ.

Не смотря на это давнее появленіе оригинала, мы считаемъ предпріятіе г. Рагозина весьма полезнымъ. Книга Гакстгаузена есть во всякомъ случаѣ капитальный трудъ о Россіи, съ которымъ русской публикѣ (не читающей иностранныхъ книгъ) нужно познакомиться. Въ своемъ предисловіи переводчикъ, объявляя основанія своего выбора, старается между прочимъ доказать, что книга Гакстгаузена не устарѣла. Во многихъ случаяхъ это совершенно справедливо, хотя въ другихъ—книга эта остается старой по самому отсутствію позднѣйшихъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что г. Рагозинъ сильно могъ бы не смущаться этимъ; и въ своихъ устарѣлыхъ частяхъ сочиненіе Гакстгаузена сохраняетъ весь свой историческій интересъ, въ качествѣ картины русской жизни за извѣстное время. Такой интересъ она сохранитъ всегда.

Въ своемъ изданіи г. Рагозинъ выпустилъ только нѣкоторыя части подлинника, напр., трактатъ о военномъ устройствѣ, какъ положительно устарѣлый, и нѣк. др., и черезъ это онъ получилъ возможность совмѣстить сочиненіе Гакстгаузена въ двухъ томахъ (въ подлинникѣ—три тома).

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ

НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — 15 руб.; — 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — 15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 16 р. 50 к.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получать журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что̀ бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Перемѣна адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поступить до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адреса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

Годовые экземпляры „Вѣстника Европы" всѣ разошлись по подпискѣ.